ВОСТОЧНЫЯ и ЗАПАДНЫЯ

ШКОЛЫ

ВО ВРЕМЕНА КАРЛА ВЕЛИКАГО,

ИХЪ ОТНОШЕНІЕ МЕЖДУ СОБОЮ, КЪ КЛАССИЧЕСКИМЪ И ДРЕВНЕ-ХРИСТІАНСКИМЪ

И

ПОСТАНОВКА ВЪ НИХЪ БОГОСЛОВІЯ.

Василія Преображенскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Г. Елеонскаго и К°. Невскій просп., д. № 140.
1881.

„Пров 38“

Печатать дозволяется, по опредѣленію Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, 31 Октября 1880 г.

Ректоръ Академіи, Протоіерей *Іоаннъ Янышевъ*.

Содержаніе.

Стран.

Введеніе . . . . . .

Обзоръ источниковъ и пособій . . . . . 1—57

Указаніе источниковъ, имѣющихъ отношеніе къ западнымъ школамъ времени Карла Великаго (—9) и пособій (—11); источники для знакомства съ организаціей греческихъ школъ этой эпохи—греческіе историки (—13), труды св. Іоанна Дамаскина (—18), препод. Ѳеодора Студита и патр. Фотія (—19), біографы Ѳеодора Студита, патріарха Никифора и Іоанна Дамаскина (—21); обзоръ пособій (—23); источники и пособія, относящіяся къ вопросу о классическихъ школахъ (—27), о школахъ позднѣйшихъ (—32); теоретическія разсужденія св. отцовъ и учителей церкви первыхъ пяти вѣковъ христіанства по вопросу о классическихъ наукахъ и ихъ отношеніи къ христіанству (—35); указаніе источниковъ для знакомства съ организаціей христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ (—38) и пособій (—39); обзоръ источниковъ, имѣющихъ свое значеніе при изученіи вопроса о постановкѣ богословія въ Александрійской школѣ—труды Климента Александрійскаго (—42), περὶ ἀρχῶν Оригена (—45), въ Антіохійской (—47) и западныхъ школахъ (—48); источники для знакомства съ постановкою богословія въ восточныхъ и западныхъ школахъ времени Карла Великаго: «Точное изложеніе православной вѣры» св. Іоанна Дамаскина (—52), «De fide Sanctæ et individuæ Trinitatis libri tres» Алкуина (—54), «Confessio fidei» псевдо-Алкуина (—57) и труды Рабана Мавра (57).

ГЛАВА I. Западныя школы времени Карла Великаго . . . . . 59—122

Состояніе школьнаго образованія въ эпоху до Карла (—60); взглядъ Карла на значеніе наукъ и образованія (—62); дѣятели и сотрудники его при организаціи школъ (—63); требованія отъ духовенства научнаго образованія и соборныя постановленія относительно этого предмета (—66); народное образованіе по мыслямъ Карла и отцовъ трехъ франкскихъ соборовъ (—68); Алкуинъ, какъ организаторъ франкскихъ школъ и его идеалы (—73);

группа наукъ школьнаго преподаванія и ихъ взаимное соотношеніе (—77); разборъ учебниковъ: по грамматикѣ (—83), реторикѣ (—91) и діалектикѣ (—95); постановка предметовъ квадривіума: ариѳметики (—98), геометріи, астрономіи и музыки (—102); преподаваніе греческаго языка и др. наукъ (—106); внутренняя организація средне-учебныхъ заведеній (—119); епархіальныя и женскія школы (—122).

ГЛАВА II. Восточныя школы времени Карла Великаго . . . . . 123—176

Внѣшнее положеніе школъ при первыхъ иконоборческихъ императорахъ (—128), при Иринѣ и ея дальнѣйшихъ преемникахъ до Михаила III (—131); общая характеристика взглядовъ представителей учености того времени на принципы образованія, его задачи и цѣли (—148); число предметовъ школьнаго преподаванія (—150); разборъ учебниковъ, программъ и методовъ преподаванія школьныхъ предметовъ: грамматики (—154), риторики (—157); математики (—160) и діалектики (—172); организація средняго, низшаго курса и женскихъ школъ (—176).

ГЛАВА III. Указаніе пунктовъ сходства и различія въ организаціи восточныхъ и западныхъ школъ времени Карла Великаго . . . . . 177—189

Сходство и различіе въ общей группировкѣ предметовъ школьнаго преподаванія (—182); частнѣйшее указаніе этихъ пунктовъ въ постановкѣ каждой отдѣльно взятой изъ школьной программы науки (—186); краткія замѣчанія о сходствѣ программъ средняго и низшаго курсовъ (—189).

ГЛАВА IV. Классическія школы . . . . . 190—265

Возникновеніе греческихъ школъ (—193); широкое распространеніе грамотности въ Греціи (—194); внѣшнее благосостояніе школъ (—197); низшія школы (—204), курсъ средняго образованія (—214) и высшаго (—220); замѣчанія о причинахъ упадка греческой науки послѣ классическаго періода (—222); школы конца римской республики (—233); внѣшнее благосостояніе учебныхъ заведеній при римскихъ императорахъ до ближайшихъ преемниковъ Юстиніана (—245), предметы преподаванія высшаго курса (—248); постановка риторики (—258), философіи (—263), права и медицины (—265).

ГЛАВА V. Отношеніе восточныхъ и западныхъ школъ времени Карла къ классическимъ . . . . . 266—286

Сходство и различіе въ организаціи свѣтскаго курса классическихъ школъ съ одной стороны и христіанскихъ VII и IX вв. съ другой (—274); сходство и различіе между тѣми и другими школами въ постановкѣ грамматики (—275), реторики (—278),

предметовъ квадривіума (—279) и философіи (—283); сходство и различіе въ организаціи низшихъ школъ (—286).

ГЛАВА VI. Христіанскія школы первыхъ вѣковъ 287—354

Практическое рѣшеніе вопроса объ отношеніи языческой науки къ христіанству въ обществѣ христіанъ первыхъ вѣковъ (—288); теоретическое обоснованіе его въ устахъ апологетовъ и писателей христіанскихъ первыхъ трехъ вѣковъ (—301), отцевъ и учителей церкви послѣдующаго времени (—307). Александрійская школа: ея происхожденіе и первоначальный характеръ (—311); внѣшняя организація названной школы (—313); теоретическія разсужденія о значеніи пропедевтическаго курса въ христіанской школѣ въ устахъ Климента и Оригена (—319); постановка предметовъ этого курса (—322); внутренняя организація школы (—323); краткое замѣчаніе о характерѣ ея (—324); появленіе другихъ христіанскихъ школъ на востокѣ (—326); неблагопріятныя условія для процвѣтанія школъ (—327); способы, которыми достигалось свѣтское образованіе (—328); низшія христіанскія школы на востокѣ (—329); западныя христіанскія школы: семинарія блаж. Августина (—331); школы Галліи (—337); монастырскія школы въ обителяхъ св. Бенедикта (—338) и Кассіодора (—348); монастырскія школы Галліи (—350); отношеніе христіанскихъ школъ востока и запада между собою (—351); отношеніе ихъ къ классическимъ и христіанскимъ VIII и IX вв. (—354).

ГЛАВА VII. Постановка богословія въ христіанскихъ школахъ первыхъ вѣковъ и въ восточныхъ и западныхъ школахъ времени Карла Великаго . . . 355—468

Условія для возникновенія богословія, какъ науки въ первые вѣка христіанства (—361) и въ частности—въ Александріи (—363); развѣтвленіе богословія на отдѣльныя отрасли богословскаго знанія и постановка апологетики (—367); преподаваніе христіанской морали (—370); постановка догматическаго богословія въ устахъ Климента (—378) и Оригена (—382); экзегесисъ Александрійской школы (—390); Антіохійская школа и ея характеръ (—394): Низибійская школа и разборъ учебника Павла перса (—404); исагогика монаха Адріана (—405); высшій курсъ Антіохійской школы: экзегесисъ (—409) и постановка другихъ богословскихъ предметовъ (—412); замѣчаніе о постановкѣ богословія въ епископскихъ и монастырскихъ школахъ востока (—413); богословіе въ семинаріи блаженнаго Августина (—416) и учебныхъ заведеніяхъ Кассіодора (—418); программа богословскаго образованія христіанскихъ школъ VIII и IX вв. (—425); общая характеристика богословской мысли VIII и IX вв. (—472); постановка экзегесиса (—428), догматическаго богословія (—437) и другихъ предметовъ (—438); постановка богословія въ западныхъ школахъ времени Карла Великаго: преподаваніе экзегесиса (—442), догматическаго

богословія (—447) и другихъ предметовъ (—452); вліяніе языческихъ древнихъ школъ на постановку богословія въ христіанскихъ школахъ (—458); сходство и различіе въ постановкѣ богословія между восточными западными школами времени Карла Великаго съ одной стороны и древне-христіанскими съ другой (—464); сравнительная оцѣнка богословскаго образованія на востокѣ и западѣ во времена Карла Великаго (—468).

ВВЕДЕНІЕ.

Исторію называютъ учительницею народовъ. Кто станетъ отрицать эту общеизвѣстную истину? Исторія учитъ и положительно и отрицательно. Труды предковъ въ области наукъ и искусствъ переходятъ къ потомкамъ. Эти послѣдніе пользуются ими съ одной стороны какъ завѣщаннымъ капиталомъ, который можно во всякое время съ пользою обращать для удовлетворенія своихъ потребностей и нуждъ, а съ другой недостатки прошлаго, которые въ свое время быть можетъ были естественною и неизбѣжною необходимостію условій жизни, научаютъ потомковъ отрицательно, предостерегаютъ отъ подобныхъ же неудобствъ и погрѣшностей.—По школьному вопросу въ настоящее время, когда журналы и газеты поднимаютъ толки о лучшей постановкѣ предметовъ школьнаго преподаванія, объ усовершенствованіи программъ и методовъ, небезъинтересно поднять завѣсу прошлаго и посмотрѣть, какъ учились люди временъ давнопрошедшихъ. Мы избрали эпоху сравнительно не блестящую по состоянію школъ. Время Карла Великаго на западѣ, замѣчательное въ гражданской и церковной исторіи, не можетъ далеко претендовать на положеніе выдающагося по своимъ учебнымъ заведеніямъ. Это эпоха реставраціи школъ, возведенія ихъ изъ небытія. Можно-ли было создать что-либо образцовое для послѣдующихъ временъ, когда при устройствѣ школъ имѣлось въ виду болѣе всего удовлетворить насущнымъ потребностямъ своего только времени, когда при достиженіи цѣлей на каждомъ шагу встрѣчались трудности и непреодоли-

мыя препятствія? Не лучше было положеніе школъ въ современной Карлу Греціи. Время внутренней борьбы партій, крайняго деспотизма императоровъ, жестокихъ преслѣдованій и гоненій, воздвигаемыхъ съ стороны сильныхъ на болѣе слабыхъ— все это доводитъ школы до крайняго упадка. Время разцвѣта греческихъ школъ падаетъ почти на эпоху, вышедшую за предѣлы нашей программы. Въ виду этого нашъ выборъ можетъ показаться лишеннымъ интереса со стороны практически утилитарной, съ точки зрѣнія положительной пользы для нашего времени. Чему можно поучиться у людей той эпохи, которая сама такъ нуждалась въ учителяхъ, которая сама жила наслѣдіемъ старины? Кто пожелаетъ извлечь пользу изъ знакомства съ школами столь отдаленной отъ насъ эпохи, тотъ безъ сомнѣнія и въ ней найдетъ для себя много поучительнаго, если не со стороны положительной, то по крайней мѣрѣ отрицательной. Считаемъ нужнымъ заявить, что мы не имѣли въ виду дѣлать какіе-либо практическіе выводы по отношенію къ нашему времени, предоставивъ это тѣмъ, которые спеціально заняты вопросомъ объ организаціи современныхъ школъ. Нашею задачею было отнестись къ дѣлу объективно, изучить, насколько было возможно, духъ тогдашняго образованія, выставить его идеалы, цѣли и планы, указать средства къ выполненію идеаловъ и сдѣлать сравнительную ихъ оцѣнку. На сколько хорошо мы выполнили свою задачу, судить не намъ. Но считаемъ нужнымъ напередъ познакомить съ тѣми источниками и пособіями, которыми намъ приходилось пользоваться, а также съ планомъ нашего изслѣдованія.

Первую главу его мы посвятили знакомству съ западными школами времени Карла Великаго. Это послѣднее мы начали съ вопроса объ ихъ происхожденіи и внѣшнемъ благосостояніи. Западныя школы возникли по иниціативѣ Карла Великаго, который посвятилъ имъ не мало стараній и заботъ. Для нашихъ цѣлей широкое изученіе этого вопроса казалось излишнимъ, а потому мы ограничились короткимъ очеркомъ, насколько это позволяли сдѣлать слѣдующіе главнѣйшіе памятники, имѣвшіеся у насъ подъ руками. Первое мѣсто долженъ занять Со-

dex diplomaticus Beati Caroli Magni. Это обширный сборникъ въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ въ первой содержатся capitularia, во второй—privillegia. Capitularia представляютъ цѣлыхъ семь книгъ, изъ которыхъ первыя четыре обязаны своимъ собраніемъ въ цѣлое извѣстному аббату Ансегизу (въ 827 г.), а послѣднія три—Бенедикту Левиту (въ 845 г.). Privillegia, вторая часть кодекса, заключаютъ въ себѣ de rebus ecclesiasticis diplomata, fundationes, privillegia et piae donationes въ трехъ частяхъ: a) privillegia, quae ad partes Galliae spectant; b) quae ad partes Italiae и c) ad partes Germaniae superioris et inferioris. Первое печатное изданіе кодекса сдѣлано въ Парижѣ въ 1545 году трудами Аммерпахія (codex constitutionum Caroli Magni). Неполнота и нетщательность этого изданія заставили извѣстнаго Стефана Балюзія предпринять новое изданіе, вышедшее также въ Парижѣ въ 1677 году. Это сравнительно полное изданіе, не отличающееся впрочемъ тщательностію по исправленію и возстановленію текста. Лучшее безъ сомнѣнія изданіе мы имѣемъ въ Monumentis Germaniae historicis Генриха Пертца, сдѣланномъ въ Ганноверѣ въ 1833 году, съ обширными филологическими примѣчаніями относительно разночтеній и послѣ тщательнаго сличенія текста съ рукописными кодексами различныхъ библіотекъ. У Миня въ патрологіи лат. серіи т. 97 представлена перепечатка съ изданія Пертца. Второе мѣсто мы отводимъ извѣстному сочиненію Эйнгарда, — Beati Caroli Magni imperatoris vita. Біографъ Карла Великаго не можетъ не заслуживать съ нашей стороны полнѣйшаго къ себѣ довѣрія. Родившись въ 770 году, послѣ первоначальнаго образованія въ Фульдскомъ монастырѣ, Эйнгардъ былъ посланъ Баугульфомъ, извѣстнымъ аббатомъ этой обители, ко двору Карла Великаго для дальнѣйшаго образованія въ палатинской школѣ. Закончивъ здѣсь послѣднее, онъ остался при дворѣ Карла, отправляя различныя должности. Какъ придворный и высокопоставленный человѣкъ, Эйнгардъ, конечно, могъ быть очевидцемъ многихъ событій. Отсюда на свидѣтельства его мы можемъ вполнѣ полагаться. Написана біографія не позднѣе 820 года. До нашихъ дней она имѣла множество изданій

и перепечатокъ. Мы укажемъ на два главнѣйшія изданія: Пертца и Яффе. Первый сохранилъ и по отношенію къ этому памятнику ту же тщательность, какою вообще отличаются его monumenta. Изданіе снабжено множествомъ примѣчаній относительно текста и содержанія. У Миня въ вышеназванномъ 97 томѣ перепечатана и біографія Карла Великаго. Позднѣйшую редакцію ея мы имѣемъ у Iaffe въ Bibliotheca rerum germanicarum t. IV. Berolini 1867 г. Издатель считаетъ излишнимъ сличеніе текста многихъ кодексовъ, что сдѣлано уже Пертцемъ, а избираетъ только два: Парижскій, почему-то игнорированный Пертцемъ, и Вѣнскій. Первый положенъ имъ въ основу текста послѣ повѣрки его съ вторымъ, какъ самымъ вѣрнымъ по сознанію самаго Пертца. Оба эти изданія мы имѣли подъ руками и кромѣ того русскій переводъ біографіи, сдѣланный Стасюлевичемъ въ его Исторіи среднихъ вѣковъ во второмъ томѣ. Гораздо ниже по достоинству являются предъ нами Annales Eingardi, какъ компиляція съ древнихъ трудовъ въ этомъ родѣ безъ всякой критики. Перепечатаны они съ изданія Пертца у Миня въ 104 томѣ патрологіи.

Дѣятельнымъ помощникомъ Карла Великаго по реставраціи школъ явился Алкуинъ, англосаксъ, воспитанникъ Іоркской школы, которая по тому времени была одною изъ лучшихъ. Какъ организаторъ франкскихъ школъ, Алкуинъ пересаживаетъ только порядки и устройство англійскихъ школъ. Это обстоятельство дало намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о внутренней организаціи Іоркской школы. Не задаваясь мыслію о знакомствѣ съ этимъ пунктомъ по широкой программѣ, мы ограничились тѣмъ, что даютъ: Poema de pontificibus et sanctis ecclesiae Eboracensis, письма Алкуина и Vita Alcuini auctore anonymo. Первый изъ указанныхъ памятниковъ есть плодъ глубоко благодарной къ родинѣ и учителямъ души Алкуина. Руководствовавшійся больше чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ, Алкуинъ является предъ нами, какъ поэтъ, а не историкъ. Но въ той части, гдѣ онъ описываетъ дѣятельность своего учителя, факты почерпнуты изъ собственнаго опыта и потому заслуживаютъ полнаго къ себѣ довѣрія. Долго между учеными былъ споръ

объ авторѣ поэмы. Мабильонъ впервые издалъ этотъ памятникъ въ Actis ss. O. S. B. saec. III, pars 2, безъ обозначенія автора— Historia anglica carmine heroico a quodam sapiente facta. Но уже Ѳома Галэ (Gale) въ 1691 году, на основаніи манускриптовъ Оксфордской библіотеки, призналъ авторомъ поэмы Алкуина. Фробеній, издатель всѣхъ литературныхъ трудовъ Алкуина, доказалъ это на основаніи внутреннихъ признаковъ памятника (см. monitum praevium у Миня въ патрологіи томъ 101, 812—815 col.). Для Ваттенбаха, издававшаго въ свѣтъ посмертный сборникъ Jaffe въ IV томѣ Biblioth. rerum germanicarum, вопросъ объ авторѣ уже является излишнимъ. Въ послѣдней изъ названныхъ редакцій сдѣланы незначительныя сравнительно съ изданіемъ Фробенія поправки текста съ обозначеніемъ на поляхъ хронологіи событій, а также мѣстъ „церковной исторіи Англіи“ Бэды, изъ которой Алкуинъ многое заимствовалъ.

Явившись во Францію, Алкуинъ посвящаетъ организаціи школъ много времени и труда. Свѣденія о его преподавательской дѣятельности мы почерпали изъ выше названной біографіи неизвѣстнаго автора и главнымъ образомъ изъ сочиненій самаго Алкуина. Такъ какъ направленіе и устройство школъ, сообщенное имъ Алкуиномъ, надолго пережило ихъ организатора, то это давало намъ право обращаться къ трудамъ его учениковъ, и особенно Рабана Мавра, который всю свою жизнь посвятилъ школьной дѣятельности, не переставая трудиться для школъ и въ санѣ архіепископа, уже въ лѣтахъ преклонныхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его ранній біографъ. Что касается біографіи Алкуина, вышедшей изъ-подъ пера неизвѣстнаго автора, то она въ нашихъ глазахъ не могла пріобрѣсть важнаго значенія. Авторъ почерпаетъ свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, записавъ то, что сохранилось у него въ памяти отъ Сигульфа, аббата Ферьерскаго монастыря, ученика Алкуина. Хотя эта біографія одна изъ древнѣйшихъ (появилась она не позднѣе 829 года, такъ какъ авторъ ея указываетъ мотивъ къ написанію въ просьбѣ названнаго аббата, бывшаго въ санѣ игумена только до этого года), однако это столь важное обстоятельство мало рекомендуетъ книгу. Авторъ ея, монашески настроенный

человѣкъ, придаетъ особенное значеніе только религіозно-нравственной сторонѣ характера Алкуина, восхваляетъ его благочестіе, причемъ вводитъ много чудеснаго, запечатлѣннаго явнымъ знакомъ легенды. Если и есть указаніе на преподавательскую дѣятельность Алкуина, то послѣдняя выставляется съ строго монашескими тенденціями. Алкуинъ, напр., является по автору гонителемъ классическихъ наукъ, какъ недостойныхъ имени христіанина. Первое изданіе біографіи сдѣлано Кверцетаномъ въ Парижѣ 1617 года. Повторенное Мабильономъ, оно перепечатано у Фробенія и Миня въ 100 томѣ. Новое изданіе приготовилъ Яффе, которое и было сдѣлано Ваттенбахомъ и Дюмлеромъ въ VI томѣ Biblioth. rer. germanicarum.—Изъ литературныхъ произведеній Алкуина для насъ самое важное значеніе имѣли его письма и учебники. Первыя, писанныя подъ вліяніемъ прямыхъ запросовъ и нуждъ времени, представляютъ богатый матеріалъ для знакомства съ преподавательскою дѣятельностью Алкуина. Въ нихъ ясно изображены взгляды Алкуина на образованіе, на предметы его, на задачи и цѣль. Во многихъ представлены рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ, непосредственно относящихся къ школѣ. Не имѣя подъ руками болѣе достовѣрныхъ памятниковъ, ни учебниковъ по предметамъ квадривіума, мы преимущественное значеніе придавали письмамъ Алкуина. Послѣдній не являлся и не могъ являться въ школѣ инымъ, чѣмъ въ своихъ письмахъ. Первое изданіе, далеко неполное, писемъ Алкуина было сдѣлано Канизіемъ. Затѣмъ оно повторялось и дополнялось нѣсколько разъ трудами Кверцетана, Мабильона и Фробенія. Минь перепечаталъ изданіе Фробенія, нѣсколько дополненное, но безъ критики текста и точнаго установленія хронологическихъ данныхъ относительно многихъ писемъ. Этотъ недостатокъ восполнилъ Дюмлеръ въ VI томѣ Biblioth. rer. germanicarum. У насъ подъ руками были оба послѣднія изданія, но мы предпочтеніе оказывали перепечатанному у Миня изданію Фробенія, какъ болѣе распространенному, а главное потому, что и другими трудами Алкуина приходилось пользоваться по изданію его же. Впрочемъ тамъ, гдѣ было нужно установить хронологію событія, или возстановить бо-

лѣе правильное чтеніе текста, мы обращались къ изданію Дюмлера. По весьма понятной причинѣ учебники Алкуина должны были имѣть въ нашихъ глазахъ особенно важное значеніе. Они знакомятъ насъ съ внутренней организаціей школъ, программою и методомъ преподаванія наукъ общеобразовательнаго курса. По нимъ обучались воспитанники высшихъ школъ времени Карла. Что учебники составлены Алкуиномъ еще въ то время, когда онъ былъ преподавателемъ дворцовой школы, въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. На это указываетъ во-первыхъ, діалогическая форма ихъ, по которой въ реторикѣ и діалектикѣ дѣйствующими лицами являются Алкуинъ-учитель и Карлъ-ученикъ палатинской школы. Во-вторыхъ, въ предисловіи къ реторикѣ Алкуинъ мотивъ къ составленію учебника по этому предмету выставляетъ въ просьбѣ Карла Великаго. Что касается изданій ихъ, то Кверцетанъ съ титломъ учебниковъ Алкуина издалъ школьные труды Кассіодора. Ошибка впрочемъ скоро выяснилась, благодаря изданію трудовъ Кассіодора ученымъ монахомъ конгрегаціи св. Мавра Гарре въ 1729 году, тѣмъ болѣе, что порознь учебники Алкуина издавались нѣсколько разъ еще ранѣе изданія Кверцетана. Такъ грамматика, реторика и діалектика его выдержали нѣсколько изданій еще въ XVI столѣтіи. Изъ позднѣйшихъ безъ сомнѣнія самое лучшее мы имѣемъ въ изданіи Фробенія 1777 года, которое цѣликомъ перепечатано у Миня. Издатель сначала помѣстилъ учебникъ по грамматикѣ, орѳографіи, реторикѣ и діалектикѣ. Всѣ они по возможности провѣрены съ древними кодексами, по мѣстамъ исправлены и снабжены короткими замѣчаніями относительно разночтеній, а также матеріала, изъ котораго заимствовано то или другое мѣсто. Что касается произведеній Рабана Мавра, то для первой главы нашего сочиненія имѣла особенное значеніе третья книга „de clericorum institutione“, гдѣ авторъ развиваетъ свой взглядъ на образованіе, его задачи и цѣли, на объемъ и методъ преподаванія свѣтскихъ наукъ. Объ изданіи книги будетъ рѣчь нѣсколько ниже. Нельзя не указать на двѣ біографіи Рабана, изъ которыхъ одна составлена его непосредственнымъ ученикомъ пресвитеромъ Рудоль-

фомъ, а другая аббатомъ Тритеміемъ. Первый изъ авторовъ, какъ очевидецъ и непосредственный свидѣтель дѣяній Рабана, конечно, заслуживалъ бы къ себѣ полнаго довѣрія. Но къ сожалѣнію, задавшись цѣлью „описать дѣянія и чудеса, которыя Богъ удостоилъ совершить чрезъ своихъ святыхъ“, авторъ упускаетъ изъ виду подробности о преподавательской дѣятельности Рабана, упоминая о ней только мимоходомъ. Полнѣе въ этомъ отношеніи Тритемій, писатель позднѣйшій, приступившій къ своему труду спустя почти 650 лѣтъ послѣ смерти Рабана, когда, по собственнымъ словамъ писателя, „многое, благодаря столь долгому промежутку времени, предано забвенію“. Свою біографію Рабана Тритемій составлялъ на основаніи письменныхъ обработанныхъ документовъ, но, кажется, не имѣлъ подъ руками біографіи, вышедшей изъ подъ пера Рудольфа (см. epistol. dedicatoriam къ сочиненію у Migne t. 107 67 col.). Такъ какъ авторъ пользовался документами, до насъ не дошедшими, имѣлъ въ виду только привести въ систему написанное по частямъ у древнихъ авторовъ, то, понятно, біографія его имѣла для насъ свою долю значенія, хотя мы далеки были отъ мысли придавать ей характеръ безусловной достовѣрности относительно свидѣтельства о дѣятельности Рабана. Обѣ біографіи напечатаны у Миня въ 107 томѣ патрологіи, первая извлечена изъ Annalibus ss. O. S. B. s. IV, pars 2, Мабильона, а вторая изъ изданія твореній Рабана Георгіемъ Кольвенеріемъ 1617 года.

Изъ источниковъ для внутренней организаціи средне-учебныхъ заведеній мы укажемъ только на одинъ—это дневникъ Валафрида Страбона, найденный въ началѣ второй половины текущаго столѣтія. Съ содержаніемъ его мы познакомимся ниже. О достоинствѣ его, какъ историческаго памятника, не можетъ быть долгихъ разсужденій. Очевидецъ описываемыхъ событій, многое испытавшій на себѣ самомъ, авторъ заслуживаетъ съ нашей стороны полнаго довѣрія. Къ величайшему сожалѣнію, мы никакъ не могли найти подлиннаго текста этого документа, а потому по необходимости пользовались имъ въ переводѣ,

представленномъ въ послѣднемъ изданіи исторіи педагогики Карла Шмидта, которая переведена на русскій языкъ.

Вотъ всѣ важнѣйшіе памятники, служившіе для насъ главнѣйшими источниками для знакомства съ западными школами времени Карла Великаго. О менѣе важныхъ читатель узнаетъ изъ подстрочныхъ примѣчаній. Въ общемъ, со стороны памятниковъ, западныя школы не ставятъ изслѣдователя въ большія затрудненія. Нельзя пожаловаться на скудость и недостатокъ ихъ; но съ другой стороны не подавляютъ они изслѣдователя и своею массою. Если въ нѣкоторыхъ пунктахъ чувствуются пробѣлы вслѣдствіе отсутствія непосредственно относящихся къ дѣлу памятниковъ, то они восполняются косвенными, но достовѣрными и вполнѣ надежными данными, которыя даютъ возможность начертать приблизительно вѣрный образъ и дать опредѣленное рѣшеніе возбужденнаго вопроса.

Таже опредѣленность и полнота чувствуется въ этомъ пунктѣ со стороны пособій. Излишне было бы долго останавливаться на нихъ; но нельзя не указать на главнѣйшія. Мы не имѣемъ подъ руками ни одного пособія, которое бы непосредственно было занято вопросомъ о школахъ времени Карла Великаго; но есть у насъ описанія жизни и дѣятельности Алкуина, главнаго организатора западныхъ школъ времени Карла. Хронологическіе обработки біографій Алкуина появлялись въ слѣдующемъ порядкѣ: Commentatio Frobenii de vita beati Albini seu Alcuini, предпосланное изданію сочиненій Алкуина, Ratisbonae 1777 г. Затѣмъ слѣдуютъ: Lorentz. Das Leben Alcuins. Halle 1829 г. Monnier. Alcuin et son influence literaire, religieuse et politique chez les Francs. Paris. 1853 г. Werner. Alcuin und sein Jarhundert. Paderborn 1876 г. — Первый изъ названныхъ авторовъ, Фробеній, занятъ болѣе всего подборомъ частныхъ фактовъ изъ преподавательской дѣятельности Алкуина. Для него дорого только намѣтить, что дѣлалъ Алкуинъ, безъ подробнаго развитія того, какъ дѣлалъ и безъ всякой оцѣнки его дѣятельности. Фробенія много занимаетъ вопросъ о томъ, кто были ученики Алкуина, сколько ихъ, но онъ вскользь упоминаетъ о томъ, что преподавалъ имъ Ал-

куинъ и ничего почти не говоритъ относительно того, какъ преподавалъ. Три послѣдніе изъ указанныхъ авторовъ пишутъ свои біографіи по одному шаблону. Для всѣхъ ихъ задачею было описать всю многостороннюю дѣятельность Алкуина. Понятно, что нашему вопросу отводится довольно скромное мѣсто. У всѣхъ трехъ авторовъ мы найдемъ характеристику Алкуина, какъ преподавателя палатинской и турской школъ, описаніе его сочиненій, относящихся къ школѣ, но, въ виду прямой задачи все излагается кратко. Авторы часто довольствуются небольшими выдержками изъ грамматики, или реторики Алкуина, чтобы покончить весь вопросъ о постановкѣ предмета. При общемъ сходствѣ біографій есть между ними и различіе по выполненію. На нашъ взглядъ лучшею по своимъ внутреннимъ достоинствамъ является французскаяя монографія. Авторъ ея нѣсколько шире по сравненію съ другими ставитъ вопросу о школьной преподавательской дѣятельности Алкуина. Для него, напримѣръ, очень важный вопросъ о литературной зависимости Алкуина отъ трудовъ предшественниковъ. Сравненіе учебниковъ Алкуина съ учебниками, употреблявшимися въ школахъ прежняго времени какъ-то въ школахъ Кассіодора, а также съ трудами блаж. Августина и Исидора Севильскаго, имѣющими отношеніе къ школѣ, занимаетъ Монньэ долгое время. Авторъ отмѣчаетъ то, что Алкуиномъ заимствовано изъ трудовъ предшественниковъ. У Вернера, не говоря уже о нѣкоторой невыработанности въ цѣломъ плана, нельзя найти чего либо новаго по сравненію съ его предшественниками по вопросу о школьной дѣятельности Алкуина.— Изъ другихъ иностранныхъ пособій можно указать еще на старое сочиненіе Launoii de scholis celebrioribus, — это указатель школъ, существовавшихъ со временъ Карла безъ всякаго почти описанія ихъ внутренней организаціи,—и на брошюру Heppe.—Das Schulwesen des Mittelarters und dessen Reform im 16 Jarhundert. Marburg. 1860 г. Небольшая книжка, задуманная по столь широкой программѣ, не могла вмѣстить въ себѣ научныхъ изысканій о школахъ нашей эпохи. Автора болѣе занимало внѣшнее благосостояніе школъ.—Въ русской ли-

тературѣ извѣстны двѣ статьи о школахъ времени Карла Великаго: Гюльмана и Данпловича. Обѣ помѣщены въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1839 и 1836 гг., но не представляютъ никакихъ научныхъ достоинствъ. Что касается другихъ пособій, бывшихъ у насъ подъ руками, то указанія на нихъ дѣлаются въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Далеко иное положеніе наше со стороны источниковъ по отношенію къ восточнымъ школамъ. Ни внѣшнее благосостояніе школъ, ни внутренняя ихъ организація не составляютъ предмета какого-либо спеціальнаго изслѣдованія ученыхъ людей ни того времени, ни позднѣйшаго. Правда, у насъ подъ руками не малое число хронографій и исторій, вышедшихъ изъ подъ пера отчасти писателей нашей эпохи, а отчасти позднѣйшихъ. Но по нашему вопросу мы можемъ относительно ихъ отмѣнить слѣдующія общія всѣмъ имъ черты: прежде всего, скудость сообщаемыхъ ими свѣдѣній относительно школъ. Для нашихъ историковъ вопросъ о школахъ вопросъ посторонній. Если и встрѣчаемъ кое-гдѣ упоминаніе о школахъ, то оно сдѣлано вскользь, мимоходомъ и ограничивается только указаніемъ на упадокъ, напр., школъ, пожалуй, съ объясненіемъ причинъ, часто не главныхъ, но безъ характеристики ихъ направленія, организаціи и проч. Другая характерная черта историковъ, занимавшихся нашею эпохою та, что они большею частію копируютъ одинъ другаго, позднѣйшій выписываетъ, часто буквально, у болѣе ранняго и, если что либо прибавляетъ отъ себя, то это прибавленіе во многихъ случаяхъ является преданіемъ давно минувшихъ дней, неподтвержденнымъ документальными данными, а иногда плодомъ собственнаго воображенія историка. Отсюда, тѣ свѣдѣнія, которыя почерпаются изъ раннихъ писателей, нисколько не расширяются отъ привнесенія сюда свѣдѣній, заимствованныхъ изъ позднѣйшихъ. Напротивъ, часто сказаніе позднѣйшаго историка запутываетъ, сбиваетъ съ толку изслѣдователя. Приходится часто недовѣрять его сообщенію, по поводу многаго строить предположенія и догадки, поднимать цѣлую литературу вопроса, отъ чего, конечно, интересующій пунктъ не получаетъ уясненія. Наконецъ, третьею особенностію историковъ можно

отмѣтить то, что всѣ они люди одной партіи, настроенной враждебно по отношенію къ другой. Иконопочитатели непримиримые враги иконоборцевъ и наоборотъ. Мы увидимъ ниже, что вся партія иконопочитателей была клерикальною, съ своеобразными воззрѣніями на жизнь и частнѣе на задачи и цѣли образованія, воззрѣніями, далеко не солидарными съ взглядами на эти пункты людей противнаго лагеря. Поэтому всѣ историки оцѣниваютъ факты съ своей точки зрѣнія. Дѣянія людей противной партіи, каковы бы они ни были по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, подъ перомъ историковъ подвергаются безпощадной критикѣ, на нихъ налагается печать какихъ-то постороннихъ, неискреннихъ мотивовъ, часто рекомендующихъ дѣятеля противнаго лагеря съ дурной стороны. Мы увидимъ ниже, какъ объясняютъ люди противной партіи заботы Михаила Косноязычнаго о распространеніи образованія. Это обстоятельство заставляетъ позднѣйшаго изслѣдователя быть слишкомъ осторожнымъ по отношенію къ оцѣнкѣ фактовъ и сужденіямъ о нихъ историковъ.

Первое мѣсто въ ряду этихъ историковъ должны занять Ѳеофанъ и патріархъ Никифоръ, какъ современники и очевидцы многихъ описываемыхъ ими событій. Отъ перваго мы имѣемъ хронографію отъ временъ Діоклетіана до Михаила Бальбы. Дороги для насъ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ о времени первыхъ иконоборцевъ. Гоненія, воздвигнутыя Константиномъ Копронимомъ на иконопочитателей, были фактомъ, совершившимся почти на глазахъ Ѳеофана. Таже печать достовѣрности фактовъ лежитъ и на Breviario historico de rebus gestis post Mauricii imperium патріарха Никифора. Но къ величайшему сожалѣнію, если у перваго, по нашему вопросу, мы почерпаемъ скудныя свѣдѣнія, то у втораго буквально почти нечего заимствовать. Первый вскользь иногда упоминаетъ о благосостояніи школъ, второй рѣшительно обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ. Оба памятника перепечатаны у Миня въ патрологіи греч. серіи, первый—въ 108 томѣ съ извѣстнаго изданія Комбефиза отъ 1655 года, снабженнаго обширными историческими примѣчаніями Гоара, а второй вмѣстѣ съ другими сочиненіями Ники-

фора—въ 100 томѣ съ парижскаго изданія 1616 г., сдѣланнаго трудами іезуита Петавія. Второе мѣсто въ ряду историковъ мы должны уступить неизвѣстному продолжателю хронографіи Ѳеофана. Этотъ послѣдній пишетъ свой литературный трудъ по порученію Константина Порфирогенета. Началомъ произведенія служитъ то, на чемъ остановился Ѳеофанъ, т. е., царствованіе Льва Армянина и Михаила Бальбы. Конецъ шестой и послѣдней книги составляетъ описаніе царствованія Романа, сына Константина Парфирогенета. Какъ писатель конца X вѣка, анонимный продолжатель Ѳеофана о событіяхъ всего IX в., пишетъ на основаніи преданія, частію письменнаго, частію устнаго. Отсюда въ его хронографію вошло уже много легендарнаго. По полнотѣ содержащагося въ ней матеріала для нашего вопроса, продолжатель Ѳеофана долженъ бы имѣть большее сравнительно съ другими значеніе; но, къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ менѣе цѣненъ, чѣмъ историческія данныя, заключающіяся въ хронографіи Ѳеофана. Для нашей эпохи, мы не можемъ уже положиться на его сообщенія безъ всякихъ оговорокъ и объясненій. Хронографія продолжателя перепечатана съ парижскаго изданія ея 1685 года у Миня въ 109 томѣ патрологіи. Гораздо меньшее значеніе должны были имѣть для насъ: Historiarum compendium Georgii Cedreni и Annales Ioannis Zonarae. Первый памятникъ представляетъ однѣ только извлеченія изъ историковъ ранней эпохи. Конечно, съ той стороны, что въ его компендіумъ вошли сочиненія для нашего времени потерянныя, Кедринъ имѣетъ значеніе для позднѣйшихъ изслѣдователей, но по школьному вопросу нашей эпохи, онъ большею частію довольствуется свѣдѣніями, почерпаемыми у Никифора, Ѳеофана и его продолжателя, изрѣдка прибавляя къ нимъ устныя преданія безъ всякой критики ихъ, или расширяя ихъ на основаніи своихъ соображеній. Того же метода держится и Зонара и, какъ писатель тоже поздній, также не можетъ имѣть для насъ большаго значенія. Оба названныя произведенія напечатаны у Миня въ патрологіи, первое въ 121 и 122 томахъ, а второе въ 134 и 135.

Всѣ названные историки даютъ матеріалъ, хотя скудный,

только для знакомства съ внѣшнимъ состояніемъ школъ, но ничего не доставляютъ для разъясненія вопроса о внутренней ихъ организаціи. Въ послѣднемъ случаѣ имѣютъ для насъ значеніе литературные труды отцовъ и учителей церкви того времени и ихъ жизнеописанія, составленныя ихъ учениками. Въ хронологическомъ порядкѣ мы можемъ расположить ихъ такъ. На первомъ планѣ мы поставимъ труды Іоанна Дамаскина. Между многочисленными и разнообразными по содержанію произведеніями его, для насъ имѣютъ значеніе только три: грамматика, діалектика и точное изложеніе православной вѣры. О послѣднемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь познакомимся съ двумя первыми. Какъ грамматика Дамаскина, такъ равно и діалектика его, едва ли не на первыхъ порахъ послѣ своего появленія въ свѣтъ, сдѣлались учебниками школъ. Правда, мы не находимъ относительно этого свидѣтельствъ ни у самаго Дамаскина, ихъ автора, ни у его біографа, ни у другихъ современныхъ и нѣсколько позднѣйшихъ писателей. Не знаемъ мы также ничего о томъ, былъ-ли самъ Дамаскинъ когда либо преподавателемъ школы, и названные учебники въ его рукахъ служили-ли въ качествѣ школьныхъ пособій, руководствъ для учениковъ. Но принимая во вниманіе съ одной стороны долговременное пребываніе Дамаскина въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ монастырей, св. Саввы, а съ другой существованіе школъ въ стѣнахъ обителей, можно думать, что появленіе на свѣтъ грамматики и діалектики вызвано было желаніемъ удовлетворить непосредственнымъ нуждамъ и потребностямъ школы. Помимо этого предположенія, внутренніе признаки названныхъ руководствъ, заставляютъ принять мысль, что они предназначались для школы. Въ самомъ дѣлѣ, грамматика Дамаскина отнюдь не можетъ претендовать на ученое изслѣдованіе о языкѣ. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что это сжатое, сухое изложеніе элементарныхъ правилъ этимологіи. Трудно предположить другую какую либо цѣль, оправдывавшую такой неширокій планъ и ненаучное выполненіе его, кромѣ желанія удовлетворить запросамъ школы. Обращаясь къ діалектикѣ, мы встрѣчаемъ въ ней сокращеніе и передѣлку діалектики Аристотеля и его коммен-

таторовъ. Первое было вызвано обстоятельствами времени, для котораго литература предковъ en masse казалась и дѣйствительно была непосильною, слишкомъ трудною для изученія въ количественномъ отношеніи. Качественная сторона подвергается измѣненію въ виду того, что внутреннее содержаніе логики стараго времени было неприложимо къ новому положенію ея, занятому въ христіанской догматикѣ. Конечно, подобное отношеніе къ труду древности, съ точки зрѣнія нуждъ и потребностей своего времени, могло быть въ лицѣ Іоанна Дамаскина вызвано мыслію переработать діалектику для удовлетворенія потребностей и запросовъ догматики. Дамаскинъ могъ въ этомъ случаѣ слѣдовать и примѣру своихъ предшественниковъ. Но если бы случилось это послѣднее, его діалектика въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ее теперь, навѣрное никогда не появилась бы на свѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, для изложенія системы догматическаго богословія по правиламъ діалектики не было нужды въ столь подробномъ и обстоятельномъ изложеніи послѣдней. Мы увидимъ ниже, что предшественникъ Дамаскина, неизвѣстный авторъ догматической панопліи удачно примѣнилъ принципы діалектики къ изложенію основныхъ вопросовъ о лицѣ Богочеловѣка. Для выясненія діалектическихъ тонкостей потребовалось не болѣе двухъ короткихъ вопросовъ. Правда, авторъ панопліи не имѣлъ въ виду писать цѣлой системы богословія. Но ктоже станетъ утверждать, что и для цѣлой системы была и могла быть нужда въ мельчайшихъ подробностяхъ, съ какими излагается діалектика Дамаскина? Мы увидимъ послѣ, что авторъ „Точнаго изложенія православной вѣры“ въ нѣкоторыхъ пунктахъ охотнѣе слѣдуетъ Платону, чѣмъ Аристотелю. Только христологическіе вопросы изложены по выясненнымъ въ діалектикѣ логическимъ формуламъ. Конечно, для подобной цѣли изъ всей діалектики пригодилась только та часть, которая излагаетъ ученіе о субстанціи, природѣ, ипостаси и пр. Однако Дамаскинъ не короче, если не подробнѣе, излагаетъ отдѣлы, трактующіе о предметахъ, не относящихся прямо къ богословію. Что же могло быть мотивомъ такого отношенія автора къ своему труду? Для предполагаемой цѣли построенія догматической системы по

принципамъ діалектики, это являлось не совсѣмъ умѣстнымъ, всѣ подробности излишними, непосредственно къ дѣлу не относящимися. Ученыхъ цѣлей въ разработкѣ такого предмета, къ которому, въ силу своихъ основныхъ убѣжденій, святой отецъ не могъ чувствовать ни симпатій, ни желанія потратить на это трудъ и время, едва-ли можно предполагать въ виду того, что произведеніе совсѣмъ не запечатлѣно характеромъ кабинетной работы. Остается предположить, что діалектика готовилась для школы. Конечно, внѣшнимъ мотивомъ могла быть и просьба Космы Майюмскаго, которому Дамаскинъ посвящаетъ свой трудъ, но внутреннимъ, побудившимъ перваго высказать желаніе, а втораго—выполнить его, было стремленіе удовлетворить непосредственнымъ запросамъ молодыхъ людей, ищущихъ научнаго образованія. Разъ удовлетворивъ элементарнымъ потребностямъ школы своею грамматикой, Дамаскинъ могъ имѣть въ виду сдѣлать это и относительно высшаго предмета изъ круга свѣтскихъ наукъ христіанской школы. Если гдѣ, то именно въ Палестинѣ христіанство было предметомъ особенно сильныхъ нападокъ со стороны еретиковъ и иновѣрцевъ. Религіозныя столкновенія съ ними и споры могли имѣть для православныхъ христіанъ успѣхи только въ томъ случаѣ, если они выставятъ научно подготовленныхъ борцовъ и защитниковъ своей доктрины и вѣрованія. Здѣсь, словомъ, нужда въ наукѣ и образованіи, давала себя чувствовать болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Могъ-ли оставаться равнодушнымъ къ этому явленію горячій защитникъ православія противъ всякихъ нападокъ на него? Какъ прекрасно образованный, Дамаскинъ скорѣе другихъ съумѣлъ оцѣнить значеніе науки, а потому не желалъ оставить безпомощными, или по крайней мѣрѣ стремился облегчить трудъ людей, занятыхъ подготовкою молодыхъ защитниковъ православія и готовившихся къ этому. Думается, что столь цѣлесообразно и обстоятельно обработанная діалектика въ школахъ дальняго востока могла быстро войти во всеобщее употребленіе въ качествѣ руководства. Но принимая во вниманіе то обстоятельство, что сочиненія, выходившія изъ подъ пера знаменитаго въ свое время автора, быстро распространялись и по европейской Греціи, можно

предположить, что и руководство по столь высокоцѣнимому предмету, которому отводилось первое мѣсто въ группѣ наукъ общеобразовательнаго свѣтскаго курса, нашло себѣ также широкое распространеніе въ школахъ столицы и другихъ городовъ. По крайней мѣрѣ Фотій хорошо знаетъ о существованіи діалектики Дамаскина и пользуется ею въ своемъ преподаваніи. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что названныя сочиненія Іоанна Дамаскина, какъ школьныя руководства своего времени, должны познакомить насъ и съ объемомъ программы этихъ наукъ и съ методомъ преподаванія ихъ. Въ своемъ мѣстѣ мы предложимъ разборъ этихъ руководствъ, обративъ особенное вниманіе на діалектику въ виду того, что этотъ предметъ пользовался особеннымъ уваженіемъ грека, а теперь скажемъ о судьбѣ этихъ памятниковъ. Время не сохранило намъ греческаго текста грамматики Дамаскина. Ни въ одномъ изъ печатныхъ изданій твореній Дамаскина нельзя найти даже указанія на то, что Дамаскинъ писалъ грамматику; а между тѣмъ въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Славянская древность, стоявшая въ непосредственной связи съ Византіей, конечно, хорошо знала труды знаменитаго отца восточной церкви. Лишь только зародилась славянская письменность, какъ вниманіе любителей просвѣщенія останавливается на трудахъ этого отца. Современникъ Кирилла и Меѳодія, Іоаннъ, экзархъ болгарскій, переводитъ съ греческаго языка на славянскій „Точное изложеніе православной вѣры“ Дамаскина. Въ предисловіи къ своему переводу, экзархъ заявляетъ о трудностяхъ перевода съ греческаго языка на славянскій, обусловливающихся отсутствіемъ опредѣленныхъ правилъ грамматики славянскаго языка. Желая устранить эти неудобства, Іоаннъ предпринимаетъ и переводъ грамматики Дамаскина съ малыми измѣненіями примѣнительно къ требованіямъ славянскаго нарѣчія. Но эти измѣненія не столь значительны, чтобы изъ-за нихъ неузнаваемъ былъ трудъ Дамаскина. Большая часть грамматики передана съ буквальною точностію. Къ сожалѣнію, и славянскій переводъ не сохранился въ цѣломъ видѣ. Мы имѣемъ только отрывокъ, излагающій ученіе о первыхъ четырехъ частяхъ рѣчи

т. е., имени, глаголѣ, нарѣчіи и членѣ. Изданъ этотъ отрывокъ у Калайдовича въ его сочиненіи „Іоаннъ, экзархъ болгарскій“, Москва, 1824 года, по списку митрополита Даніила, съ указаніемъ разночтеній по другимъ спискамъ, въ приложеніи № VIII, 167—173 стр. Что касается діалектики, то она перепечатана съ парижскаго изданія трудовъ Дамаскина Михаиломъ Лекеномъ (Lequien) въ 1712 г. въ патрологіи Миня гр. сер. т. 94. Какъ у Лекена, такъ и у Миня, діалектика напечатана по двумъ редакціямъ, краткой и обширной. Это различіе въ редакціяхъ замѣчается только въ немногихъ главахъ. Появленіемъ своимъ различныя редакціи обязаны перу самого Дамаскина, если вѣрить свидѣтельству его біографа, Іоанна, патріарха Іерусалимскаго [1]). Хотя самъ по себѣ вопросъ о редакціяхъ не важенъ, такъ какъ онѣ простираются только на незначительныя части и различіе представляютъ небольшое, однако онъ обращалъ на себя вниманіе ученыхъ. Многимъ желалось знать, какая изъ двухъ редакцій болѣе древняя? Но до сихъ поръ не удалось придти къ какимъ либо положительнымъ результатамъ. Для этого требуется обзоръ всѣхъ рукописей и ихъ сличеніе, что во всякомъ случаѣ еще долго не будетъ приведено въ исполненіе.

За Іоанномъ Дамаскинымъ слѣдуетъ преподобный Ѳеодоръ Студитъ. Изъ всѣхъ его сочиненій для насъ имѣютъ значеніе только почти одни письма. Писанныя въ разное время, по поводу различныхъ запросовъ и событій жизни и при томъ къ разнымъ лицамъ, письма его, если не даютъ и не могутъ дать полной картины внутренней организаціи школъ, то по крайней мѣрѣ проливаютъ свѣтъ на нѣкоторыя стороны ея. Мы находимъ въ нихъ отрывочныя, но достовѣрныя свѣдѣнія, высказанныя часто вскользь, но взятыя прямо изъ жизни. Это обстоятельство дѣлаетъ ихъ незамѣнимыми, особенно если принять во вниманіе отсутствіе болѣе полныхъ данныхъ по нашему вопросу. Вмѣстѣ съ другими сочиненіями Ѳеодора Студита письма

---

[1]) Vita s. Ioannis Damasceni n. 36 по Migne. t. 94, 484 col.

его перепечатаны у Миня въ 99 томѣ патрологіи, отчасти съ парижскаго изданія Сирмонда отъ 1696 г., а отчасти съ изданія прежде неизвѣстныхъ писемъ кардинала Маи.

Изъ сочиненій патріарха Фотія для насъ имѣютъ значеніе его извѣстныя „Quaestiones ad Amphilochium“ и письма. Первыя представляютъ изъ себя не болѣе, какъ сборникъ писемъ и разсужденій по разнымъ вопросамъ и случаямъ жизни. Писаны онѣ въ разное время и къ разнымъ лицамъ. Понятно, что такой характеръ книги заставляетъ насъ не искать основной идеи сочиненія, которая концентрировала бы части. Ея нѣтъ и не могло быть. Quaestiones Фотія представляютъ самое разнообразное содержаніе. Въ нихъ найдемъ мы рѣшеніе вопросовъ относительно правилъ герменевтики, вопросовъ догматическихъ, литургическихъ, полемическихъ и пр. На ряду съ ними часто стоятъ вопросы, касающіеся философіи и частнѣе— діалектики, реторики, грамматики, исторіи и даже миѳологіи Такой же точно характеръ и писемъ Фотія. Не смотря на такое разнообразіе содержанія, названныя произведенія Фотія въ нѣкоторомъ отношеніи должны быть поставлены выше писемъ Ѳеодора Студита. Фотій болѣе интересовался научными вопросами и посвящалъ имъ болѣе времени въ своей перепискѣ. У него мы не встрѣтимъ той отрывочности, упоминанія только мимоходомъ, какъ это у Ѳеодора Студита. Спеціально поставленный вопросъ Фотій, конечно, долженъ былъ рѣшить безъ уклоненій и отступленій, что такъ часто характеризуетъ письма Студита, какъ писанныя по другимъ запросамъ и имѣвшія цѣлью удовлетворить другимъ потребностямъ. Изданы указанныя нами сочиненія Фотія у Миня въ 101 и 102 томѣ патрологіи гр. сер., на основаніи многочисленныхъ изданій трудовъ Фотія по частямъ.

Кромѣ собственныхъ и непосредственныхъ произведеній названныхъ лицъ для насъ имѣютъ значеніе записки о нихъ ихъ біографовъ. Конечно, въ этомъ отношеніи достоинство біографій опредѣляется писателемъ и временемъ его жизни. Чѣмъ ближе жилъ біографъ ко времени лица, жизнь котораго онъ описываетъ, чѣмъ ближе стоялъ онъ въ своихъ отношеніяхъ къ своему ге-

рою, тѣмъ біографія его достовѣрнѣе. Поэтому безусловнымъ довѣріемъ съ нашей стороны должны пользоваться только: Vita et conversatio Sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii a Michaele monacho conscripta. Біографія написана вскорѣ послѣ смерти преподобнаго, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ біографъ. Матеріаломъ при составленіи служили отчасти самоличныя наблюденія, факты, видѣнные или слышанные, а отчасти письменные документы, появившіеся въ свѣтъ послѣ смерти Ѳеодора Студита. Благодаря этому обстоятельству фактическая сторона сказанія не можетъ подвергаться сомнѣніямъ. Біографія дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ. Одна извѣстна по изданію сочиненій Сирмонда, Paris, 1696 г., а другая—по изданію кардинала Маи—Biblioth. nov. Patrum t. VI. Та и другая перепечатаны у Миня въ 99 томѣ патрологіи. Ученые, кажется, съ большимъ правомъ признаютъ произведеніемъ ученика преподобнаго, монаха Михаила, болѣе краткую редакцію. Что касается другой, то въ нѣкоторыхъ спискахъ она приписывается также Михаилу монаху, въ другихъ—Ѳеодору Дафнопату [1]), а кардиналъ Маи считаетъ ея авторомъ неизвѣстнаго, или какого-то Іоанна [2]). Первая редакція біографіи Ѳеодора Студита извѣстна въ русскомъ переводѣ и издана вмѣстѣ съ переводомъ писемъ преподобнаго, Спбургъ. 1867 г.

По своему значенію для нашего вопроса должна быть выше поставлена „S. P. N. Nicephori CP. archiepiscopi vita scripta ab Ignatio diacono... ejus discipulo“. Біографъ, лично обращавшійся съ патріархомъ, бывшій его ученикомъ, какъ онъ называетъ себя, со стороны достовѣрности сообщаемыхъ имъ фактовъ, не можетъ подвергаться подозрѣніямъ. Какъ ученѣйшій человѣкъ своего времени, патріархъ Никифоръ оставилъ по себѣ память въ потомствѣ и съ этой стороны. Его біографъ, столь высоко чтившій своего учителя, не могъ игнорировать эту сторону въ

---

[1]) См. 1-е примѣчаніе къ біографіи болѣе подробной редакціи у Migne t. 99, 113 col.

[2]) Ibid. 231 col. monitum.

лицѣ своего учителя. Поэтому мы встрѣчаемъ у него драгоцѣнныя свѣдѣнія о предметахъ, входившихъ въ кругъ наукъ, которыми опредѣлялся законченный курсъ свѣтскаго образованія. Эти свѣдѣнія тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, что сообщающій ихъ вмѣстѣ указываетъ и задачи свѣтскаго образованія, цѣли, какія оно преслѣдуетъ, а также и порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ предметы преподаванія школы. Біографія перепечатана у Миня въ 100 томѣ патрологіи изъ Actis sanctorum Henschenii Mart. t. II, d. 13, lat. 294 p. et graec. 704 p.

Гораздо ниже названныхъ біографій должна быть поставлена „Vita S. P. N. Ioannis Damasceni a Ioanne patriarcha Hierosolymitano conscripta". Авторъ ея былъ отдѣленъ отъ времени жизни Дамаскина цѣлыми двумя столѣтіями [1]). Правда, онъ имѣлъ подъ руками арабскую біографію св. отца, но не указалъ ея достоинствъ, какъ историческаго памятника. Отъ себя ли, или на основаніи преданія біографъ занесъ въ свое произведеніе многое, явно запечатлѣнное характеромъ легенды. Отсюда, по нашему вопросу его біографія отнюдь не должна претендовать на несомнѣнную достовѣрность фактовъ. Это, конечно, не значитъ, что мы имѣемъ право совсѣмъ игнорировать жизнеописаніе. Пусть авторъ ея излагаетъ многое, относящееся къ нашему вопросу, какъ плодъ своихъ соображеній, по мѣркѣ своихъ понятій, и въ такомъ случаѣ мы можемъ иногда принимать его взгляды, какъ разъясняющіе и дополняющіе данныя ранней эпохи. Біографія перепечатана у Миня въ 94 томѣ патрологіи.

Мы указали главнѣйшіе памятники, служившіе источниками, изъ которыхъ можно было почерпать свѣдѣнія о восточныхъ школахъ времени Карла Великаго. Нельзя сказать, чтобы количественная сторона ихъ заставляла желать гораздо большаго. Но не такова качественная. Во всѣхъ ихъ, за исключеніемъ

---

[1]) Болѣе установившееся воззрѣніе на время жизни біографа Дамаскина то, что онъ былъ современникъ императора Никифора II Фоки (963—69 г.). См. примѣч. къ біографіи у Migne t. 94 на 429 col. ср. Langen. Ioan. von Damasc. 15 S.

названныхъ произведеній Дамаскина, одинъ общій недостатокъ—неполнота и отрывочность свѣдѣній. Указаніе, часто одинъ намекъ, конечно, не въ состояніи дать полной картины внутренней организаціи школы. Поэтому приходится чуть не на каждомъ шагу дѣлать предположенія и догадки и, это самое лучшее, если предположеніе можно было подтвердить двумя-тремя данными, взятыми изъ памятниковъ.

Та же печать неполноты и несовершенства лежитъ и на пособіяхъ. Мы не можемъ указать ни одного, которое бы спеціально было занято вопросомъ о школахъ. Онъ возбуждается всякій разъ, какъ только приходится кому либо имѣть дѣло съ выдающеюся личностію изъ этой эпохи, или съ вѣкомъ, или трактовать о состояніи образованія и т. под. Но возбужденный, онъ въ рѣдкихъ случаяхъ останавливаетъ на себѣ серьезное вниманіе изслѣдователей. Гергенротеръ, посвятившій изслѣдованію о Фотіѣ цѣлыхъ три большихъ тома, вопросу о школьномъ образованіи его отводитъ двѣ-три страницы первой главы второй книги перваго тома. Рамбо, написавшій изслѣдованіе о Константинѣ Порфирогенетѣ [1]), относительно школъ ограничился краткимъ указаніемъ предметовъ преподаванія, съ ссылкою на два-три мѣста изъ памятниковъ. Бернарди [2]) для нашей эпохи измѣняетъ своему плану,—вмѣстѣ съ литературою характеризовать и состояніе школъ. На этотъ разъ онъ ограничивается короткимъ замѣчаніемъ о предметахъ школьнаго преподаванія на основаніи Игнатія, біографа патр. Никифора, и отсылаетъ читателей къ одной брошюрѣ русскаго автора,—vermuthlich, говоритъ онъ, behandelt diesen Stoff auch A. Mentschikow,—De eruditione et re litteralia Graecorum aetatis Bysantinae, Mosq. 1849 г. [3]). Почтенный византологъ ошибается въ своемъ предположеніи. Въ названной брошюрѣ русскаго автора мало что, или лучше, совсѣмъ ничего нельзя найти по вопросу

---

[1]) L'empire grec au dixiéme siecle. Constantin Porphyrogénéte. Paris. 1870 г.

[2]) Авторъ «Grundriss der Griechischen Litteratur. Vierte Bearbeitung. Halle 1876 г.

[3]) §. 88, 694 s.

о внутренней организаціи школъ. Готовленная въ качествѣ рѣчи къ годичному акту, брошюра не посвящена широкому изслѣдованію поставленнаго вопроса. Авторъ ея довольствуется краткимъ очеркомъ состоянія образованія въ періодъ времени отъ Константина Великаго до времени преемниковъ Константина Порфирогенета. Еще менѣе можно найти данныхъ по вопросу о внутренней организаціи школъ нашей эпохи въ другихъ русскихъ ученыхъ статьяхъ и очеркахъ. Для о. Герасима Яреда [1]) этотъ вопросъ представлялся не относящимся къ дѣлу. Г. Лебедевъ [2]), для котораго вопросъ о внутренней организаціи школъ былъ бы весьма важнымъ, ограничивается только относящеюся сюда выдержкою изъ біографіи Ѳеодора Студита и заявляетъ, что кромѣ этого ничего неизвѣстно о состояніи греческихъ школъ нашей эпохи. О другихъ пособіяхъ считаемъ лишнимъ даже дѣлать упоминаніе.

Познакомившись съ орагнизаціей восточныхъ школъ времени Карла Великаго, мы ясно увидѣли замѣчательное сходство въ этомъ отношеніи между востокомъ и западомъ. Это явленіе, необъяснимое установившимися отношеніями франкской монархіи времени Карла къ современной ему Византіи, заставляетъ насъ искать его объясненія въ отношеніяхъ восточныхъ и западныхъ школъ времени Карла Великаго къ школамъ классическимъ. Отсюда является дѣломъ рѣшительной необходимости знакомство съ этими послѣдними. Понятно, что введенныя въ нашу программу, такъ сказать, стороною, косвенно, классическія школы не могли претендовать на спеціальное изслѣдованіе съ нашей стороны. Мы занимались ими настолько, насколько нужна была ясная картина ихъ внутренней организаціи безъ деталей. Вопросъ о классическихъ школахъ былъ предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій очень многихъ авторовъ, занимавшихся вообще классическими древностями. Отсюда излишнимъ

---

[1]) Отзывы о св. Фотіѣ, патр. Константинопольскомъ, его современниковъ въ связи съ исторіей политическихъ партій Византійской имперіи. Хр. Чтен. 1872 г.

[2]) Очерки внутренней исторіи Виз. вост. церкви IX—XI вв. Москва. 1878 г.

являлось въ нашихъ глазахъ широкое изученіе памятниковъ по вопросу, введенному въ изслѣдованіе стороною и при томъ такому вопросу, который имѣетъ за собою богатую литературу. Далѣе, если принять во вниманіе то обстоятельство, что для насъ имѣла особенный интересъ историческая судьба классическихъ школъ, ихъ зарожденіе и широкое развитіе въ Греціи, распространеніе на западѣ Европы и окончательный ихъ упадокъ на востокѣ и западѣ, то такое отношеніе къ дѣлу являлось вынужденнымъ. Мы указываемъ судьбу классическихъ школъ на разстояніи многихъ вѣковъ. Возможно-ли было широкое изученіе памятниковъ при такой постановкѣ вопроса? Это, конечно, не значитъ того, что мы совсѣмъ игнорировали относящіеся къ нашему вопросу памятники. Мы заявляемъ только о томъ, что не задавались мыслію о болѣе близкомъ, болѣе глубокомъ и широкомъ ихъ изученіи, не претендовали на возможно большій подборъ памятниковъ, ограничивая кругъ ихъ болѣе важными. Начавъ описаніе судьбы классическихъ школъ указаніемъ идеала образованія съ точки зрѣнія древняго грека, мы скоро переходимъ ко времени широкаго развитія школъ до начала александрійскаго періода, когда замѣтно обнаруживается ихъ упадокъ. Главнѣйшими источниками изъ этой эпохи служили для насъ сочиненія Платона и Аристотеля. Труды перваго болѣе всего знакомятъ насъ съ внутреннею организаціей классическихъ школъ. Правда, мы не имѣемъ въ діалогахъ Платона ни учебниковъ школъ, ни программъ, но за то находимъ въ нихъ ясныя указанія на число предметовъ школьнаго преподаванія, на методы, планъ и пр., и главнѣе всего въ нихъ прекрасно начертаны воззрѣнія самаго Платона на значеніе и цѣль наукъ всего школьнаго курса. Тоже значеніе имѣютъ и сочиненія Аристотеля, имѣющія отношеніе къ нашему вопросу. Труды знаменитѣйшихъ дидактологовъ классическихъ временъ издавались не разъ по частямъ и въ группѣ. Позднѣйшее и самое лучшее изданіе мы имѣемъ благодаря старанію Дидо (Didot), который въ половинѣ текущаго столѣтія предпринялъ на себя трудъ изданія произведеній Платона и Аристотеля. Сочиненія перваго появились въ двухъ томахъ: Platonis opera,

graece et latine. Ed. Didot. Parisiis. 1846—56 гг., а втораго—въ четырехъ: Aristotelis opera omnia, graece et latine. Parisiis. 1854—62 гг. Произведенія Платона мы имѣли подъ руками и въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ профессоромъ В. Н. Карповымъ, а изъ Аристотелевыхъ только одно—политику въ переводѣ Скворцева.—Для знакомства съ внѣшнимъ благосостояніемъ школъ, школьными порядками и пр. имѣютъ нѣкоторое значеніе комедіи Аристофана. Изображая картины нравовъ своего времени, Аристофанъ касается всѣхъ сторонъ жизни современныхъ ему грековъ и на ряду съ другими явленіями обращаетъ иногда вниманіе и на школу. Произведенія Аристофана были у насъ подъ руками въ двухъ изданіяхъ: Амстердамскомъ—Кустера отъ 1710 г., полномъ, съ обширными примѣчаніями и Берлинскомъ, приспособленномъ для школьнаго употребленія трудами Кока (Kock), отъ 1853—68 гг. Особенности этого изданія по сравненію съ вышеназваннымъ состоятъ въ томъ, что оно, во-первыхъ, неполное, во-вторыхъ, снабжено примѣчаніями, имѣвшими своею задачею облегченіе для учащейся молодежи перевода греческаго подлинника на нѣмецкій языкъ.

Переходя къ пособіямъ, мы укажемъ главнѣйшіе. Первое мѣсто должно занять спеціальное изслѣдованіе по исторіи воспитанія и образованія въ древности Фридриха Крамера [1]). Это сочиненіе состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ первомъ излагается исторія воспитанія и образованія у различныхъ древнихъ народовъ. Болѣе сравнительно мѣста отводится исторіи воспитанія и образованія у грековъ. Такъ какъ авторъ долѣе останавливается на вопросѣ о воспитаніи, чѣмъ объ образованіи, то послѣднее является какъ бы въ тѣни. При такой постановкѣ вопросъ объ образованіи не можетъ претендовать на строго научное изложеніе. Отрывочность свѣдѣній, заимствованныхъ впрочемъ изъ первоисточниковъ, сравнительная скудость ихъ, отсутствіе строгой системы—видные недостатки перваго

---

[1]) Geschichte der Erziehung und des Unterrichts im Alterthume. Erbelfeld. 1832—38 гг.

тома. Второй томъ авторъ посвящаетъ исторіи теоріи воспитанія и образованія. Вышедшій въ свѣтъ спустя 6 лѣтъ послѣ перваго, видѣвшаго не малое число рецензій съ указаніемъ различныхъ недостатковъ и пробѣловъ, этотъ послѣдній восполняетъ упущенное изъ вниманія въ первомъ, и на ряду съ теоріей образованія представляетъ добавочныя замѣчанія къ практикѣ. Въ общей сложности сочиненіе представляетъ лучшее пособіе для знакомства съ классическими школами. Ниже въ научномъ отношеніи мы должны поставить два произведенія Карла Шмидта—его Исторію воспитанія и образованія и Исторію педагогики [1]). Задавшись мыслію популярно изложить исторію педагогики и дидактики, авторъ прекрасно, кажется, выполняетъ свою задачу. Но ради ея игнорировано не менѣе желательное требованіе—научность. Авторъ по вопросу объ образованіи грековъ не можетъ претендовать на самостоятельность. Въ основу всюду положено вышеназванное сочиненіе Крамера. По мѣстамъ дѣлаются буквальныя выписки, безъ указанія источника, а чаще въ сокращеніяхъ. Въ заслугу автору можетъ быть поставлено то, что онъ приводитъ въ порядокъ разбросанныя по двумъ томамъ Крамера свѣдѣнія о классическихъ школахъ. Научнѣе, хотя кратко, вопросъ разсматривается у Беккера въ его „Хариклѣ“ [2]). Только одна глава посвящена школамъ. Изложеніе дѣлается словами первоисточниковъ. Нѣмецкій текстъ ступевывается въ цѣломъ рядѣ выписокъ изъ памятниковъ того времени. Систематичность, строгая логика—отличительныя стороны очерка классическихъ школъ подъ перомъ Беккера. Излишняя сжатость и краткость—недостатки, устраненіе которыхъ желательно въ такомъ научномъ произведеніи. По научному методу изложенія съ Беккеромъ можетъ быть поставленъ въ параллель Бернарди, авторъ вышеназваннаго „Grundriss d. Griechischen Litteratur“. Прямою задачею

---

[1]) Geschichte d. Erziehung und d. Unterrichts. Gothen 1863 г. и Die Gesch. d. Pädagogik. 2-e Aufl. 1868 г. B. 1.

[2]) Charicles. Bilder altgriech. Sitte. Zweit. Auflag. Leipzig. 1854 г. B. Excurs zur ersten Scene.

Бернарди былъ обзоръ греческой литературы. Но авторъ всюду ставитъ этотъ вопросъ въ нѣкоторую зависимость отъ школъ и всегда предпосылаетъ ему очеркъ послѣднихъ. Хотя это ведется съ вполнѣ законною краткостію, но постоянно остается на почвѣ строгой научности. Кромѣ указаній на первоисточники, авторъ представляетъ всякій разъ перечень пособій.

Изъ русскихъ изслѣдованій вопроса о классическихъ школахъ можно указать только на статью Ордынскаго — „Занятія молодаго аѳинянина“, помѣщенную въ первомъ томѣ „Пропилей“. Составлена статья по Беккеру съ значительными выпусками. У Страшкевича, въ его „Краткихъ очеркахъ греческихъ древностей, Кіевъ, 1874 г.“, отводится слишкомъ невидное мѣсто греческимъ школамъ, такъ какъ этотъ вопросъ интересовалъ автора только съ внѣшней своей стороны.

Очеркомъ классическихъ школъ до александрійскаго періода далеко еще не достигается намѣченная нами цѣль. Мы имѣли въ виду указать еще распространеніе греческаго образованія на западѣ Европы. Въ этомъ отношеніи является предъ нами достойная всякаго вниманія картина, какъ стойкій и твердый римлянинъ, гордый своею національностію, очень быстро подчиняется умственному вліянію Греціи. Греческая наука съ святилищами ея цѣликомъ пересаживается на римскую почву. Это становится наглядным уже изъ краткаго обзора состоянія римскихъ школъ во времена конца римской республики. Но и на этомъ мы не могли остановиться. Нужно было прослѣдить судьбу греческихъ школъ до окончательнаго ихъ упадка. Отсюда, школы времени римскихъ императоровъ должны были занять по нашему плану видное мѣсто. Очеркъ римскихъ школъ конца республики сдѣланъ нами на основаніи большею частію пособій. Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій Крамера и Шмидта, здѣсь имѣли мѣсто: изслѣдованіе Eckstein'a,—Lateinischer Unterricht, помѣщенное въ XI томѣ энциклопедическаго словаря Шмида, очень научное, составленное на основаніи первоисточниковъ. Авторъ слѣдитъ вопросъ о латинскомъ образованіи до позднѣйшихъ временъ. Школамъ конца республики и времени императоровъ отводится мѣсто въ самомъ началѣ, сравнительно

невидное, что вполнѣ понятно въ виду предположенной авторомъ цѣли. Но при всей краткости очеркъ латинскихъ школъ является удовлетворительнымъ. Целлярій, въ своей Dissertatio de studiis romanarum litterarum in urbe et provinciis [1]), слѣдитъ не столько за внутренней организаціей школъ, сколько за состояніемъ образованія вообще. Фридлендера [2]) интересуетъ болѣе всего внѣшнее благосостояніе школъ, положеніе учителей, матеріальное ихъ обезпеченіе и т. п.

Переходя ко временамъ имперіи, мы должны были отмѣтить вмѣшательство государственной власти въ судьбу учебныхъ заведеній, такъ какъ это обстоятельство тѣсными узами связано съ внутренней организаціей школъ и многое проясняетъ въ ней. Само собою разумѣется, что широкая постановка намѣченнаго пункта, не могла мириться съ нашею задачею. Въ силу этого, мы ограничились только краткими замѣчаніями.

Главнымъ источникомъ для знакомства съ внѣшнимъ благосостояніемъ школъ и внутреннею организаціей ихъ служило для насъ извѣстное сочиненіе Филострата, — Flavii Philostrati vitae Sophistarum. Все сочиненіе дѣлится на двѣ части. Въ первой излагается жизнь древнихъ софистовъ и риторовъ, кончая Эсхиномъ. Сюда же присоединяются и жизнеописанія восьми позднѣйшихъ софистовъ, какъ Скопеліана, Діонисія и др. Вторую книгу начинаетъ собою Иродъ Аттикъ. Эта часть сочиненія заключаетъ въ себѣ жизнеописанія 32 софистовъ, кончая Аспазіемъ. Филостратъ жилъ въ лучшія времена софистики. Какъ человѣкъ образованный, онъ самъ чрезвычайно интересовался ея процвѣтаніемъ. Безпристрастно, тономъ спокойнымъ, изображаетъ онъ заслуги софистовъ. По мѣркѣ понятій своего времени оцѣниваетъ онъ достоинства и недостатки современной ему и нѣсколько ранней софистики. Еще болѣе для него интересно внѣшнее положеніе софистовъ, ихъ привиллегіи,

---

[1]) Издано въ сборникѣ—Novus thesaurus antiquitatum romanarum. t. III, 1724 г.

[2]) Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ отъ Августа до послѣдняго изъ Антониновъ въ русск. пер. Бѣлоозерской.

права, общественная дѣятельность и пр. Со всѣхъ этихъ сторонъ мы имѣемъ неоцѣненный памятникъ въ названномъ сочиненіи Филострата. Намъ доступно было позднѣйшее изданіе трудовъ его, сдѣланное Олеаріемъ въ Лейпцигѣ въ 1709 году. Гораздо ниже по сравненію съ Филостратомъ долженъ быть поставленъ Евнапій съ своимъ „De vitis philosophorum et sophistarum“. Воспитанникъ аѳинскаго университета той эпохи, когда въ немъ пріютился отживавшій свой вѣкъ языческій культъ, Эвнапій вышелъ горячимъ защитникомъ старой вѣры. Его интересуетъ не наука сама въ себѣ, но насколько она является покровомъ и опорою языческаго культа. Подъ его перомъ философы и риторы представлены не профессорами-преподавателями наукъ, а жрецами старой вѣры. Къ этой сторонѣ въ ихъ дѣятельности тяготѣютъ всѣ симпатіи Эвнапія. Торжество христіанства, объявленнаго уже давно господствующей религіей государства, тяжелымъ камнемъ ложится на душѣ горячаго защитника стараго культа. Эвнапій не можетъ примириться съ мыслію, что послѣдній долженъ уступить мѣсто новой вѣрѣ. Онъ хочетъ провести мысль о превосходствѣ язычества надъ христіанствомъ. Поэтому въ своихъ біографіяхъ онъ записываетъ чудеса тѣхъ или другихъ философовъ, выставляетъ на видъ ихъ нравственныя качества, и все это окрашивается явною тенденціей въ указанномъ смыслѣ. Въ силу этого названное сочиненіе Эвнапія, въ которомъ мы надѣялись найти характеристику современной ему софистики, не оправдало нашихъ ожиданій. Если что и есть у Эвнапія, такъ это все окрашено колоритомъ языческой религіозности, дышетъ мистицизмомъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято за чистую монету. Мы имѣли подъ руками изданіе труда Эвнапія отъ 1616 года Coloniae Allobrogum.—По вопросу объ образованіи и школахъ своего времени для насъ имѣютъ значеніе письма извѣстнаго Клермонтскаго епископа, Аполлинарія Сидонія. Аристократъ по происхожденію, получившій по тому времени прекрасное образованіе, Сидоній и въ санѣ епископа не перестаетъ интересоваться наукою. Онъ переписывается съ различными представителями учености своего времени. Горячій, увле-

кательный Сидоній чрезвычайно живо и съ воодушевленіемъ рисуетъ картины образованія своего времени, характеризуетъ его духъ, задачи и идеалы. Письма Сидонія изданы въ цѣломъ составѣ у Якова Сирмонда въ первомъ томѣ operum variorum. Parisiis 1696 года.

Изъ новыхъ пособій для этой эпохи мы должны указать на слѣдующія. Судьба Аѳинъ подъ властію римскихъ императоровъ интересовала очень многихъ. Много писано о положеніи въ государствѣ этого знаменитаго города, не мало говорили о литературномъ и образовательномъ вліяніи его. Мы имѣемъ подъ руками небольшую, но чрезвычайно серьезную брошюру Вебера,—„Commentatio de academia litter. Atheniensium. Marb. 1858 г. Задачею автора было прослѣдить судьбу аѳинскаго университета въ эпоху римскихъ императоровъ. Это сдѣлано на основаніи широкаго знакомства съ памятниками того времени. Внѣшняя сторона университетской жизни занимаетъ сравнительно долѣе нашего автора. Положеніе профессоровъ, ихъ обезпеченіе, отношенія ихъ между собою и къ студентамъ и т. п.—все это изложено сравнительно полно, въ виду небольшаго объема брошюры. Но внутренняя организація университетскихъ каѳедръ выступаетъ блѣдно, въ тѣни и почти совсѣмъ заслоняется описаніемъ внѣшней.—Шире и полнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, но въ существѣ дѣла по тому же плану, излагается судьба аѳинскаго университета у Герцберга въ его „Geschichte des Griechenlands. B. III. Der Untergang des Hellenismus und die Universität Athen. Halle“. 1875 года. Авторъ заинтересованъ вообще положеніемъ Греціи подъ римскимъ владычествомъ въ эпоху императоровъ. Кажется, перу его же обязаны своимъ появленіемъ два тома „Исторіи Греціи“ отъ временъ Августа, въ которыхъ довольно сжато изложена гражданская исторія Греціи подъ римскимъ владычествомъ. Указанный нами третій томъ задуманъ по иной программѣ. Авторъ задался мыслію прослѣдить постепенный упадокъ эллинизма. Такъ какъ послѣдній нашелъ для себя пріютъ и убѣжище въ стѣнахъ университета, то вопросъ о немъ для автора явился на первомъ планѣ. Указавъ на время процвѣтанія аѳинскаго

университета, онъ слѣдитъ за судьбою его до временъ Юстиніана. Въ этомъ сочиненіи мы найдемъ біографіи болѣе видныхъ представителей и дѣятелей университета, очеркъ ихъ дѣятельности, подробное описаніе внѣшняго положенія профессоровъ, ихъ отношеній между собою и т. п. Подобно Веберу, Гертцбергъ отводитъ совсѣмъ невидное мѣсто вопросу о внутренней организаціи университета.—Кеммель, авторъ статьи „Sophisten der römischen Kaiserzeit“, помѣщенной въ энциклопедическомъ словарѣ Шмида въ VIII томѣ, изображаетъ вообще жизнь и дѣятельность софистовъ. Но и для этого автора вопросъ объ ихъ преподавательской дѣятельности, характерѣ ея является на второмъ планѣ. Внѣшнее положеніе профессоровъ представляется какъ-то болѣе благодарной со стороны источниковъ работой и менѣе трудною.—Для Уссинга, автора „Воспитаніе и обученіе у грековъ и римлянъ“ [1]), напротивъ, внутренняя организація школъ имѣетъ первостепенное значеніе. Жаль, что авторъ слишкомъ кратокъ, не желаетъ отмѣтить и указать различія въ организаціи школъ между эпохою древнеклассическою и временемъ императоровъ. Школы того и другаго времени являются какъ бы существующими на ряду и подлѣ другъ друга. Памятники классической эпохи указываются на ряду съ позднѣйшими, какъ бы равно характеризующіе организацію школъ. Замѣчается спутанность въ хронологіи. Сверхъ всего этого, авторъ почему-то остановился своимъ вниманіемъ только на реторикѣ, игнорируя другіе факультеты. Да и преподаваніе первой развито не столь подробно по сравненію съ характеристикою низшаго и средняго образованія.—Нельзя не упомянуть объ одномъ прекрасномъ и вполнѣ научномъ сочиненіи одного изъ русскихъ авторовъ, г. Ешевскаго, написавшаго монографію о Сидоніѣ Аполлинаріѣ [2]). Первая глава монографіи, въ которой авторъ занимается вопросомъ объ образованіи Сидонія, посвящена очерку западныхъ гальскихъ школъ

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ Новопашеннаго. Спб. 1878 г.

[2]) К. С. Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка. Изд. Солдатенкова. Москва. 1870 г. ч. 3.

V вѣка. Главнымъ матеріаломъ для автора служили сочиненія его героя. Кромѣ ихъ онъ привноситъ сюда еще многія другія свѣдѣнія, почерпаемыя изъ современныхъ Сидонію памятниковъ. Очеркъ школъ является довольно блестящимъ, какого только можно желать отъ неспеціальнаго изслѣдованія.

Закончивъ очеркъ классическихъ школъ и показавъ судьбу ихъ въ потомствѣ до временъ императора Юстиніана, когда онѣ заканчиваютъ свое существованіе, мы должны были указать отношеніе христіанскихъ школъ нашей эпохи къ классическимъ. Нашею задачею въ этомъ случаѣ было намѣтить только пункты сходства въ школьной организаціи тѣхъ и другихъ и указать черты различія. Самою собою разумѣется, что все это не могло насъ занимать на долгое время. Послѣ обзора организаціи тѣхъ и другихъ школъ это становилось очевиднымъ. Вдаваться въ подробности значило повторять то, что уже извѣстно.

Отмѣтивъ черты сходства и различія въ организаціи классическихъ и христіанскихъ школъ времени Карла Великаго, мы приходимъ къ тому заключенію, что свѣтскій курсъ школъ нашей эпохи всецѣло покоился на литературномъ наслѣдіи отъ временъ классическихъ. При этомъ самъ собою возникалъ вопросъ, какъ возможно было такое отношеніе школъ нашей эпохи къ школамъ языческимъ, когда повидимому уже давно порвана была всякая связь съ древнимъ міромъ? Какъ возможно было оно для эпохи, которая занята была, при организаціи своихъ школъ, единственно мыслію о приготовленіи достойныхъ членовъ царства Божія, которая съ отвращеніемъ смотрѣла на все языческое, нехристіанское, какъ удаляющее отъ Бога и слѣдовательно ведущее не къ вѣчному блаженству, а къ вѣчной погибели? Гдѣ искали и въ чемъ находили оправданіе и освященіе программы своихъ школъ? Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только знакомство съ христіанскими школами первыхъ вѣковъ. Наша эпоха мало мыслила самостоятельно. Всюду и вездѣ люди VIII и IX вѣковъ ищутъ авторитетовъ, предъ ними преклоняются, ихъ примѣромъ санкціонируютъ свою дѣятельность. Трудно сказать, явились-ли бы христіанскія школы

времени Карла Великаго съ тою организаціей, съ какою мы застаемъ ихъ, если бы въ первые вѣка христіанства не организованы были высшія христіанскія учебныя заведенія, служившія образцовыми для школъ нашей эпохи. Кажется, скорѣе можно дать отвѣтъ отрицательный, чѣмъ положительный.

Эти обстоятельства заставили насъ ввести въ нашу программу обзоръ организаціи христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ. Приступая къ послѣднему, мы сочли нужнымъ указать, какъ въ теоріи былъ рѣшенъ вопросъ объ отношеніи классическихъ наукъ къ христіанству. То или другое теоретическое рѣшеніе этого вопроса неотразимо вліяло на организацію школъ. Тертулліанъ не могъ устроить александрійской школы, равно какъ Климентъ и Оригенъ не имѣли возможности отказать своей школѣ въ постановкѣ классическихъ наукъ по широкой программѣ. Но само собою разумѣется, что рѣшеніе вопроса, введеннаго въ нашу программу въ силу только того, что онъ косвенно вліялъ на школьную организацію, не могло занимать насъ долго. Это, конечно, не исключало необходимости или скорѣе возможности воспользоваться данными, извлеченными непосредственно изъ памятниковъ. Литературныя произведенія христіанскихъ восточныхъ апологетовъ большею частію не представляли труда при знакомствѣ съ ними. Не скажемъ мы этого относительно сочиненій Тертулліана. Изученіе ихъ являлось для насъ непосильнымъ и не относящимся прямо къ нашей задачѣ. Мы воспользовались изъ многочисленныхъ его произведеній только тремя: апологетикомъ, de cultu foeminarum и прещеніемъ противъ еретиковъ. На основаніи только ихъ мы воспроизвели взглядъ Тертулліана на языческое образованіе. Труды восточныхъ апологетовъ доступны были намъ въ изданіи Миня, патролог. греч. серіи т. VI, каковое изданіе составляетъ перепечатку съ парижскаго, сдѣланнаго тщаніемъ монаха конгрегаціи св. Мавра, Пруденція Марана въ 1742 году in folio. Былъ подъ руками у насъ и русскій переводъ ихъ. Что касается упомянутыхъ твореній Тертулліана, то они также перепечатаны у Миня въ первомъ томѣ патрологіи латинской серіи. Взгляды Климента и Оригена на языческую науку и ея

приложимость въ христіанствѣ развиты у перваго исключительно въ его „Строматахъ“, съ которыми мы познакомимся ниже. Что касается сочиненій Оригена, то по отношенію къ нимъ нашею задачею было только возможно полно ознакомиться съ его „περὶ ἀρχῶν“, по причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ. Взглядъ же его на языческую науку ясно и опредѣленно высказанъ въ немногихъ мѣстахъ сочиненія противъ Цельса и въ XIV гомиліи на книгу Бытія. Что касается перваго, то свидѣтельства изъ него извлечены нами по указанію пособій. Послѣднее произведеніе не представляло труда къ близкому ознакомленію съ нимъ, хотя намъ пришлось обратить на него вниманіе по другому поводу. Труды Оригена доступны были намъ по изданію ихъ Минемъ, который въ свою очередь перепечаталъ ихъ съ изданія де-Ларю (de-Larue). Переходя къ теоретическому рѣшенію вопроса въ устахъ отцовъ и учителей IV и V вѣка, мы считали нужнымъ обратить вниманіе только на великіе авторитеты христіанской мысли: изъ восточныхъ—на Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и изъ западныхъ—на Іеронима, Августина и Григорія Великаго. Для нашей цѣли совершенно казалось достаточнымъ изъ всѣхъ сочиненій Василія Великаго знакомство только съ однимъ—„Бесѣдою къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями“, изданнымъ среди другихъ трудовъ святителя у Миня въ патрологіи 31 томъ и въ русскомъ переводѣ т. 8, ч. 4-я. Точно также со взглядомъ Григорія Богослова мы познакомились только изъ его панегирика предъ гробомъ Василія Великаго [1]). Мысли Іоанна Златоустаго о христіанскомъ воспитаніи и образованіи сгруппированы въ статьѣ—„Избранныя мѣста о воспитаніи Іоанна Златоустаго“, напечатанной въ Христ. Чтеніи за 1838 годъ. Что касается западныхъ отцовъ, то взгляды Іеронима значительно выяснены въ его письмахъ. Эти послѣднія изданы у Миня на ряду съ другими сочиненіями Іеронима въ 22 томѣ патрологіи лат. серіи, на основаніи изданія ихъ трудами и тщаніемъ Веррон-

[1]) Migne. Patrolog. t. 34. Oratio 43, 493—606 col. Твореній ч. 4, съ 63 стр.

скихъ пресвитеровъ Валларсія и Маффея (Vallarsii et Maffeaii) Письма Іеронима извѣстны и въ русскомъ переводѣ, помѣщенномъ въ приложеніи къ Трудамъ Кіевской Духовной Академіи и вышедшемъ отдѣльной книжкой въ двухъ частяхъ. Блаженный Августинъ развилъ свой взглядъ въ извѣстномъ сочиненіи „De doctrina christiana libri IV", помѣщенномъ въ третьемъ томѣ изданія трудами монаховъ Бенедиктинскаго ордена и перепечатанномъ у Миня въ 34 томѣ патрологіи латинск. серіи. Взглядъ Григорія Великаго извѣстенъ намъ по одному письму его къ гальскому епископу, помѣщенному въ русскомъ переводѣ у Стасюлевича въ его Исторіи среднихъ вѣковъ.

Познакомившись съ теоретическимъ рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи греческаго образованія и науки къ христіанству, мы перешли къ обзору внутренней организаціи школъ. Понятно, что Александрійская школа, какъ образцовая для всѣхъ другихъ христіанскихъ школъ, должна была сдѣлаться предметомъ особеннаго вниманія съ нашей стороны. Сказавъ о возникновеніи ея, мы сочли нужнымъ указать разнорѣчивыя мнѣнія ученыхъ о характерѣ школы, ея задачахъ и цѣляхъ. Въ видахъ лучшаго выясненія намѣченныхъ пунктовъ болѣе подробное знакомство съ воззрѣніями знаменитыхъ представителей школы на каждую изъ свѣтскихъ наукъ и съ практическимъ примѣненіемъ этихъ воззрѣній было далеко дѣломъ неизлишнимъ. Кромѣ отрывочныхъ свѣдѣній въ церковной исторіи Евсевія, главныя данныя извлекали мы изъ „Строматъ" Климента. Кромѣ того для насъ незамѣнимъ былъ тотъ образъ Оригена, какъ преподавателя школы, который начертанъ однимъ изъ ближайшихъ къ нему учениковъ, Григоріемъ Чудотворцемъ. Цѣлыхъ пять лѣтъ этотъ святитель слушалъ лекціи Оригена, будучи еще юношею, жаждавшимъ наукъ и образованія. Прощаясь съ своимъ любимымъ учителемъ, Григорій держалъ предъ нимъ похвальную рѣчь, въ которой выставилъ его, какъ преподавателя школы [1]). Перомъ Григорія начертана картина

[1]) S. Gregorii Oratio panegyrica in Origenem. Migne. Patrolog. t. 10, 1050—1103 col.

преподавательской дѣятельности Оригена въ Кесарійской школѣ; но мы имѣли право отнести это и на счетъ его дѣятельности въ Александрійской. Сдѣлавъ обзоръ внутренней организаціи свѣтскаго курса въ Александрійской школѣ, мы остановились нѣсколько на практиковавшемся въ школѣ дѣленіи студентовъ на исотериковъ и экзотериковъ. Эта частность имѣетъ значеніе при выясненіи характера школы. Тѣ данныя, которыя мы могли выставить при знакомствѣ съ организаціей свѣтскаго курса, проясняютъ намъ только отчасти характеръ школы. Предположеніемъ относительно того, что христіанская Александрійская школа была школою философскою, мы покончили вопросъ о ней, оставивъ дальнѣйшее разъясненіе ея характера до того времени, когда будемъ имѣть дѣло съ постановкою въ ней богословія.

Подробный разборъ организаціи Александрійской школы дѣлалъ излишнимъ подобное же отношеніе къ другимъ восточнымъ христіанскимъ школамъ, ей современнымъ, въ виду того, что всѣ онѣ относились къ Александрійской, какъ къ своей матери, въ ней видѣли идеалъ совершенства и законченной организаціи. Къ тому же это являлось невыполнимымъ по отношенію къ другимъ школамъ въ виду отсутствія памятниковъ. Очерки другихъ христіанскихъ школъ, возникшихъ послѣ Александрійской, сдѣланы нами большею частію на основаніи извѣстнаго сочиненія Ассемана—„Bibliotheca Orientalis“. Для нашей цѣли исключительно имѣла значеніе вторая часть третьяго тома, гдѣ авторомъ отводится спеціальное мѣсто вопросу о сирскихъ школахъ.

Изъ западныхъ школъ первѣе всего обратила на себя наше вниманіе семинарія блаж. Августина. Но и самое поверхностное знакомство съ нею на основаніи громадныхъ выписокъ изъ памятниковъ у Theiner-а въ его „Geschichte d. geistlichen Bildungsanstalten. Mainz. 1835 г.“ привело насъ къ предположенію, что семинарія Августина не была въ строгомъ смыслѣ высше-учебнымъ христіанскимъ институтомъ. Въ этой мысли убѣдило насъ знакомство съ исторіей тѣхъ учебниковъ по наукамъ свѣтскаго курса, которые носятъ имя Августина, какъ

ихъ автора, и изъ числа которыхъ одни дѣйствительно написаны Августиномъ, но еще до крещенія его, какъ грамматика, а другіе, какъ трактатъ о десяти категоріяхъ, большинствомъ ученыхъ не приписываются ему. Кромѣ того ригористически настроенный ко всему языческому, Августинъ не могъ отвести виднаго мѣста въ своей семинаріи свѣтскимъ наукамъ. Повидимому, въ Галліи скорѣе всего нужно было-бы ожидать устройства христіанскихъ учебныхъ заведеній. Эта страна издавна была страною наукъ и искусствъ, здѣсь мы встрѣчаемъ ученыхъ епископовъ, интересовавшихся наукою. Но политическое состояніе страны было причиною не только того, что въ Галліи не появились высшія христіанскія школы, но и существовавшія постепенно падали, и такимъ образомъ подготовился тотъ упадокъ наукъ, который мы застаемъ въ эпоху предъ Карломъ Великимъ. Все, что можно было узнать о христіанскихъ школахъ Галліи, существовавшихъ при каѳедрахъ епископовъ, большею частію заимствовано нами изъ сочиненій Григорія Турскаго [1]). Сравнительно большее значеніе имѣла его „Исторія франковъ“, въ которой изрѣдка упоминается о школахъ и вмѣстѣ можно найти указаніе причинъ, обусловливавшихъ собою упадокъ образованія вообще и въ частности школъ.

Обращаясь къ монастырскимъ школамъ, мы прежде всего останавливаемъ свое вниманіе на уставѣ св. Бенедикта, по которому отъ иноковъ обязательно требовалась грамотность, умѣніе читать. Но если это требованіе и вело за собою появленіе въ монастырскихъ обителяхъ школъ, то совсѣмъ не высшихъ богословскихъ училищъ. Послѣднія мы встрѣчаемъ только въ монастырѣ Кассіодора. Здѣсь впервые появляются въ Италіи и вообще на всемъ западѣ христіанскія школы съ широкою съ внѣшней стороны программою свѣтскаго курса. Самъ Кассіодоръ составилъ учебники для школъ по пропедевтическому и спеціальному, высшему курсу наукъ. Съ его именемъ дошло до насъ «De artibus ac disciplinis liberalium litterarum»,

[1]) Изданы у Migne. Patrolog. t. 71.

представляющее собою руководства по семи свободнымъ наукамъ. Кратко съ содержаніемъ ихъ мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ. Изданы они на ряду съ другими сочиненіями Кассіодора у Migne въ патрологіи 70 томѣ, который въ свою очередь перепечаталъ ихъ съ изданія, сдѣланнаго тщаніемъ Garetii, монаха конгрегаціи св. Мавра, въ 1679 году. Взгляды Кассіодора на значеніе свѣтской науки, ея приложимость въ христіанствѣ, на права ея существованія въ христіанской школѣ развиты въ другомъ руководствѣ—по высшему предмету школы—«De institutione divinarum litterarum», о которомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Короткими замѣчаніями объ отношеніи между собою восточныхъ и западныхъ школъ первыхъ вѣковъ, объ отношеніи ихъ къ классическимъ и христіанскимъ школамъ времени Карла Великаго мы заканчиваемъ очеркъ христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ.

Что касается пособій, то считаемъ излишнимъ много говорить о нихъ. Мы не имѣемъ подъ руками ни одного, которое бы спеціально было занято обзоромъ школъ, за исключеніемъ Historiae originis ac progressus scholarum inter christianos Кеффеля (Keuffel), Helmst. 1743 г. Громкое заглавіе не оправдывается содержаніемъ книги. На первомъ планѣ у автора стоятъ языческія, а не христіанскія школы. Первыя относятся къ разряду высшихъ. За ними слѣдуютъ уже христіанскія, которымъ авторъ приписываетъ спеціальное назначеніе—приготовлять достойныхъ служителей алтаря. Замѣчательно у автора его отношеніе къ вопросу о школахъ. Внѣшняя сторона ихъ у него всюду на первомъ планѣ. Для него совершенно достаточно, если онъ найдетъ два-три свидѣтельства о существованіи школы, объяснитъ ихъ, и вопросъ о школѣ покончень. Внутренняя организація школы для него является вопросомъ посторонним.—Изъ изслѣдованій, относящихся къ Александрійской школѣ, мы также не можемъ указать ни одного, которое бы занималось школою въ строгомъ смыслѣ слова, какъ учебнымъ заведеніемъ. Пособія, которыя указываются нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, занимаются школою въ широкомъ смыслѣ слѣдованія извѣстному установившемуся научному направле-

нію. Изъ монографій о Климентѣ и Оригенѣ не можемъ указать ни одной, которая бы по вопросу объ ихъ школьной дѣятельности достойна была особеннаго вниманія. Для западныхъ школъ можно упомянуть о монографіи Франца „Aurelius Cassiodorius Senator. Breslau 1872 г.“, который, описывая дѣятельность Кассіодора, долго останавливается и на его произведеніяхъ, относящихся непосредственно къ школѣ, разсматриваетъ ея организацію, порядки и пр. Заслуживаетъ вниманія также краткая статья Кеммеля „Mittelartische Schulwesen“, помѣщенная въ педагогическомъ энциклопедическомъ словарѣ Шмида В. 4. Авторъ на ряду съ языческими школами кратко намѣчаетъ и христіанскія, указываетъ организацію епископскихъ и монастырскихъ школъ. Особенно выдающихся достоинствъ не находимъ въ названной статьѣ.

Послѣдняя, заключительная глава нашего изслѣдованія посвящена обзору организаціи группы богословскихъ предметовъ школьнаго преподаванія. Прямою нашею задачею было ознакомиться съ постановкою богословія въ христіанскихъ восточныхъ и западныхъ школахъ времени Карла Великаго. Но то, что заставило насъ ввести въ программу обзоръ классическихъ школъ, вынудило и на этотъ разъ ближе присмотрѣться къ постановкѣ богословія въ христіанскихъ школахъ первыхъ вѣковъ. Школа времени Карла Великаго и въ свѣтскомъ и въ богословскомъ образованіи пробавлялась наслѣдіемъ отъ предковъ: въ первомъ случаѣ завѣщаннымъ древними классическими писателями, во второмъ—авторитетами христіанской богословской науки. Христіанскія школы первыхъ вѣковъ предносились предъ глазами дидактологовъ времени Карла Великаго и со стороны организаціи преподаванія богословія, какъ образцовыя. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ это тяготѣніе школъ времени Карла Великаго къ школамъ первыхъ вѣковъ, укажемъ сходство и различіе между ними, а теперь перейдемъ къ обзору памятниковъ, на основаніи которыхъ мы знакомились съ постановкою богословія въ христіанскихъ школахъ первыхъ вѣковъ и времени Карла Великаго. Указавъ мотивы къ зарожденію богословія, какъ науки, мы приступили къ обзору организаціи бо-

гословскаго преподаванія въ школѣ Александрійской. Всѣ данныя для разъясненія этого пункта заимствованы нами изъ трехъ сочиненій Климента и произведеній Оригена. Мы дѣлаемъ предположеніе, что „Cohortatio ad gentes (Λόγος Προτρεπτικός), Paedagogus (Παιδαγωγός) и Stromata (Στρωματεῖς)“ Климента имѣли самое непосредственное отношеніе къ школѣ. Подтвержденіе нашего предположенія мы находимъ съ одной стороны въ содержаніи этихъ сочиненій. Можно провести строгую аналогію между этими послѣдними и общепринятымъ и вполнѣ достовѣрнымъ фактомъ относительно раздѣленія студентовъ школы на классы. Первый составляли собою призываемые къ вѣрѣ. Для таковыхъ Климентъ предлагалъ свое Cohortatio. Это воодушевленная рѣчь человѣка, который собственнымъ опытомъ узналъ пустоту и безнравственность языческихъ вѣрованій и, съ сердечнымъ участіемъ къ заблуждающимся братіямъ, настоятельно убѣждаетъ оставить тьму и обратиться къ свѣту, возсіявшему во Христѣ. Христіанство разсматривается здѣсь въ весьма близкомъ сопоставленіи съ понятіями языческихъ грековъ. Искусно владѣя діалектикой, Климентъ ставитъ во взаимное противорѣчіе миѳологію, поэзію и философію, заставляетъ ихъ говорить противъ себя и въ пользу христіанства. Не явный ли это знакъ, что книга предназначалась для студентовъ перваго курса, контингентъ которыхъ состоялъ изъ людей еще не увѣровавшихъ во Христа, но искавшихъ вѣры? Въ Александріи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ числѣ посѣщавшихъ училище было свѣтски образованныхъ и ученыхъ по тому времени философовъ, для убѣжденія которыхъ неизбѣжна была та постановка предмета, какую ему сообщилъ Климентъ. Принявшіе крещеніе переходили во второй классъ христіанской науки. Теперь Климентъ имѣетъ въ виду нравственно назидать, поучать и укрѣплять своихъ слушателей въ правилахъ новой жизни. Для таковыхъ онъ предлагаетъ „Педагога“. „Строматы“ предназначены для совершенныхъ, студентовъ третьяго курса, или лучше, обязаны своимъ появленіемъ занятіямъ Климента съ этими послѣдними. Кромѣ аналогіи содержанія разсматриваемыхъ сочиненій съ практиковавшимся дѣленіемъ студентовъ на курсы, можно

находить свидѣтельства въ пользу того, что они предназначены для школы и вызваны ея нуждами, въ самыхъ этихъ сочиненіяхъ. Сюда, напримѣръ, относится одно чрезвычайно важное мѣсто изъ VI книги Строматъ первой главы: „Педагогъ, раздѣленный нами на три книги, имѣетъ задачею воспитать и образовать *вышедшихъ изъ младенческаго возраста* и утвердить въ нихъ нравственный характеръ, именно онъ начертываетъ правила жизни, которая приличествуетъ вѣрѣ *послѣ оглашенія* и чрезъ упражненіе въ добрыхъ дѣлахъ приготовляетъ къ гносису души людей, *вписанныхъ въ число совершенныхъ*“ [1]). И такъ „Педагогъ“ предназначенъ для студентовъ втораго класса. Но что сказать о „Строматахъ“? Самъ Климентъ въ первой главѣ первой книги не разъ указываетъ, что въ этомъ сочиненіи онъ намѣренъ изложить только то, что слышалъ отъ своихъ учителей, на случай старческаго забвенія, когда память будетъ ослабѣвать, и преданное ея храненію постепенно улетучиваться. Повидимому, это противорѣчитъ нашему предположенію о прямомъ отношеніи книги къ школѣ, но въ дѣйствительности этого нѣтъ. Нельзя упускать изъ вниманія того обстоятельства, что Климентъ предпочиталъ устное преподаваніе письменному, о чемъ онъ также заявляетъ въ первой главѣ первой книги. Далѣе, въ своемъ устномъ преподаваніи онъ также не желалъ отступать отъ преданнаго ему учителями. Значитъ, содержаніе написаннаго въ „Строматахъ“ вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію преподававшагося въ школѣ. То, что Климентъ изложилъ письменно, было устно сообщаемо слушателямъ его лекцій въ третьемъ курсѣ. Конечно, мы не въ правѣ предположить полное соотвѣтствіе въ этомъ случаѣ до мельчайшихъ подробностей. „Строматы“ не были въ полномъ смыслѣ слова лекціями Климента. Въ нихъ недостаетъ того, что ожидается отъ каждой лекціи и первѣе всего—единства и послѣдовательности мыслей. Но нужно помнить, что Климентъ, вздумавшій записать свои лекціи, преднамѣренно сталъ избѣгать логики, запутывать мысли, не доканчивать ихъ, прерывать

[1]) Stromat. l. VI, c. 1. Migne. t. IX, 208 col.

совершенно произвольно въ тѣхъ видахъ, чтобы, по выраженію Писанія, которымъ онъ въ данномъ случаѣ пользуется, не бросить бисера предъ свиньями, не дать дитяти въ руки ножа. Этого и нужно было ожидать, если принять во вниманіе, что мысли „Строматъ“ сообщались только исотерикамъ, совершеннымъ, въ отличіе отъ экзотериковъ, несовершенныхъ. Для насъ становится рѣшительно непонятною избранная Климентомъ форма изложенія своихъ мыслей безъ предположенія того, что эти мысли выслушивались только немногими, что Климентъ не имѣлъ въ виду массу, читающую публику. Быть можетъ „Строматы“ не появились бы на свѣтъ, если бы не просьба одного изъ приближеннѣйшихъ учениковъ и друзей Климента, о чемъ можно судить по началу первой главы первой книги. Сюда присоединилась мысль, что при старости лѣтъ память можетъ измѣнить,—и вотъ Климентъ начерталъ, можно сказать, намеками сущность своихъ исотерическихъ лекцій. Если совершеннымъ Климентъ предлагалъ „Строматы“, студентамъ втораго курса—„Педагога“, то чѣмъ другимъ могъ руководить студентовъ перваго курса, кромѣ своего „Cohortationem ad gentes?“ Цѣлесообразнѣе этого ничего не могъ сдѣлать Климентъ. Съ содержаніемъ всѣхъ названныхъ сочиненій Климента мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ. Пользовались ими мы по изданію Миня, который въ 8 и 9 томахъ своей патрологіи перепечаталъ Оксфордское изданіе литературныхъ трудовъ Климента отъ 1715 г., указавъ страницы параллельныхъ мѣстъ и по Парижскому изданію 1629 года.

За сочиненіями Климента должны быть поставлены произведенія другаго изъ знаменитѣйшихъ преподавателей Александрійской школы, ученика его, Оригена. Въ настоящемъ случаѣ особенную важность имѣло для насъ его „Περὶ ἀρχῶν“. Какъ смотрѣть на это сочиненіе? Что побудило Оригена написать его? Для кого оно было готовлено? Блаженный Іеронимъ, извѣстный противникъ мнѣнія о поврежденіи еретиками сочиненій Оригена, между прочимъ въ пользу своего мнѣнія приводитъ то обстоятельство, что „самъ Оригенъ въ посланіи, написанномъ епископу города Рима, приноситъ оправданіе въ томъ, зачѣмъ онъ написалъ такія книги (т. е. полныя погрѣш-

ностей и неправомыслія) и причины безпорядка слагаетъ на Амвросія, такъ какъ онъ издалъ въ свѣтъ написанное *секретно*“ [1]). Нельзя заподозрить этого свидѣтельства Іеронима, когда подтвержденіе его находимъ у Евсевія, который сообщаетъ, что „Оригенъ писалъ также римскому епископу Фабіану и весьма многимъ другимъ начальникамъ церквей: предметомъ этихъ посланій было православіе“ [2]). Евсевій умалчиваетъ о томъ, что заподозрѣны были сочиненія Оригена. Но мученикъ Памфилъ, также почитатель Оригена, прямо выставляетъ на видъ, что „accusatores ejus m. e. Оригена нападаютъ на тѣ книги, которыя онъ на досугѣ, *во время покоя и секретно* писалъ. Они увѣряютъ, что особенно расходятся съ церковнымъ преданіемъ тѣ книги, которыя онъ озаглавилъ „περὶ ἀρχῶν“ [3]). И такъ, обвинители Оригена, по словамъ Памфила, особенно нападали на его περὶ ἀρχῶν. Іеронимъ, хотя прямо не указываетъ, но ясно разумѣетъ болѣе всего также это послѣднее. Для насъ важно въ свидѣтельствахъ Іеронима и Памфила то, что свое περὶ ἀρχῶν Оригенъ писалъ in secreto, per spatium et quietem. Не для публики готовлено оно. Не имѣлъ въ виду Оригенъ удовлетворить имъ запросамъ современной ему христіанской общины. Многое другое написано имъ для этой цѣли, но не περὶ ἀρχῶν. Кто же тѣ, которые могли быть читателями этого труда Оригена? Ясно, что хотя онъ и писанъ per spatium et quietem, но не былъ кабинетной работой въ часы отдохновенія. Не для своего наслажденія, не ради удовольствія, не при абсолютномъ секретѣ писалъ Оригенъ свое περὶ ἀρχῶν.

---

[1]) Epist. ad Pammach. et Ocean. 86. Ipse Origenes in epistola, quam scribit ad Fabianum Romanae urbis episcopum, poenitentiam agit, cur talia scripserit et causas temeritatis in Ambrosium refert, quod secreto edita in publicum protulerit. Migne. Patrolog. l. s. t. 22, 751 col.

[2]) Церковн. Истор. VI, 36.

[3]) S. Pamph. Mart. apolog. pro Origene praefat. Incipientes indiciis scriptorum suorum ostendere quid de singulis senserit, ex his praecipue libris testimonia congregabimus, quos accusatores ejus quam maxime criminantur, id est, quos per spatium et quietem in secreto conscripsit: hos enim asserunt maxime a praedicatione ecclesiastica discrepare: ex his praecipue libris, quos περὶ ἀρχῶν attitulavit.... Migne. t. 17, 548—9 col.

Занятія съ совершенными, исотериками были занятіями in secreto. Все, что преподавалось здѣсь, не выходило за стѣны школы. И въ этомъ случаѣ можно было сказать, что все, что только говорилось, что читалось здѣсь—все это было in secreto, Для непосвященныхъ это могло казаться не только in secreto, но и per spatium et quietem. Не окруженъ знаменитый учитель школы толпою постоянныхъ и случайныхъ посѣтителей школы, совсѣмъ не видно его, значитъ, занимается дома, въ своемъ кабинетѣ. Такъ могъ подумать всякій изъ непосвященныхъ. Но дѣйствительно-ли учитель остался одинъ, пишетъ секретно и для себя? Едва-ли. Его окружаютъ совершенные, исотерики. Съ ними ведетъ онъ бесѣды, съ ними пишетъ, ихъ наставляетъ. Нѣтъ здѣсь мѣста секретамъ. Все, что только чувствуетъ учитель, что онъ мыслитъ, все это дѣлается достояніемъ учениковъ. Это секретно въ томъ смыслѣ, что идеи бесѣдъ, сочиненія и пр. не должны были распространяться далѣе опредѣленнаго кружка. Но всякій, имѣвшій доступъ въ этотъ послѣдній, былъ посвященъ и въ его тайны. И такъ, περὶ ἀρχῶν есть плодъ научныхъ бесѣдъ Оригена съ исотериками. Для нихъ оно и назначено. Это тѣ studiosiores amatores sapientiae, надѣленные дарами вѣдѣнія и разумѣнія, которые могутъ изслѣдовать недосказанное апостолами—quomodo aut unde sint. Περὶ ἀρχῶν и имѣетъ своею задачею дополнить это недомолвленное. Отъ начала и до конца оно преслѣдуетъ эту цѣль. Что же, совершенные, студенты третьяго курса пользовались имъ, какъ учебникомъ? Едва-ли можно предположить это. Совершенные были достаточно совершенны и въ научномъ отношеніи. Было бы странно предположить для нихъ нужду въ учебникѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ которомъ они должны были бы дать отчетъ съ буквальною точностію. Да къ тому же περὶ ἀρχῶν слишкомъ кратко, какъ учебникъ для совершенныхъ. Конечно, περὶ ἀρχῶν имѣло весь свой смыслъ и значеніе для нихъ, какъ пособіе, подробный конспектъ читаннаго болѣе широко и болѣе подробно. Скорѣе всего можно думать, что именно таково и было назначеніе περὶ ἀρχῶν.—Мы игнорируемъ вопросъ о судьбѣ этого знаменитаго конспекта, его переводѣ,

обширной перепискѣ о достоинствѣ послѣдняго, отсылая заинтересованныхъ въ этомъ къ изслѣдованіямъ, спеціально занятымъ догматическимъ ученіемъ Оригена, для каковыхъ поставленные вопросы суть пункты далеко не послѣдней важности. Тамъ, гдѣ для насъ имѣетъ значеніе текстъ, его правильность, къ нашему счастію, уцѣлѣлъ греческій подлинникъ. Мы разумѣемъ четвертую книгу περὶ ἀρχῶν, изъ которой большая половина предложена нашему вниманію съ греческимъ подлиннымъ текстомъ, сохранившимся въ первой главѣ извѣстнаго сочиненія Оригена „Philocalia“ и во многихъ манускриптахъ [1]). Разсматриваемымъ памятникомъ мы пользовались по изданію его у Миня въ XI томѣ патрологіи, перепечатавшаго его въ свою очередь съ изданія Де-Ларю.

Познакомившись съ постановкою богословія въ Александрійской школѣ, мы послѣдовательно переходимъ къ Антіохійской и родственнымъ съ нею школамъ востока. Указавъ общія условія для развитія экзегесиса въ Антіохійской школѣ, мы старались опредѣлить его характеръ, направленіе. Съ подробностями преподаванія различныхъ видовъ богословской науки на основаніи памятниковъ познакомиться нѣтъ возможности за отсутствіемъ послѣднихъ. Для насъ сохранилось только одно неоцѣненное руководство Низибійской школы по предмету введенія въ книги свящ. Писанія. Это извѣстное «Instituta regularia divinae legis» перса Павла, которое мы имѣемъ въ латинскомъ переводѣ. По нуждамъ своей церкви Павелъ путешествовалъ въ Константинополь, гдѣ сошелся съ нимъ членъ государственнаго совѣта (comes consistorianus illustris), извѣстный Юнилій Африканъ [2]). Какъ человѣкъ образован-

---

[1]) См. примѣч. ad. lib. quart. 65. у Migne. t. XI, 341 col.

[2]) Интересны изысканія Kihna о личности Юнилія. До послѣдняго времени въ наукѣ царило всеобщее убѣжденіе, что Юнилій былъ родомъ африканецъ и епископствовалъ въ одномъ изъ городовъ этой страны, хотя неизвѣстно въ какомъ. Кинъ соглашается съ тѣмъ, что Юнилій былъ уроженцемъ Африки, но отвергаетъ всякую мысль о его епископствѣ. Юнилій, по Кину, былъ высокопоставленный свѣтскій человѣкъ (членъ государственнаго совѣта), интересовавшійся богословскою наукою. Что онъ не былъ духовнымъ лицемъ, это ясно съ одной стороны изъ письма самого Юнилія къ Примазію, къ которому

ный [1]), интересовавшійся кромѣ того священнымъ Писаніемъ, Юнилій слушалъ уроки Павла [2]), списалъ его Исагогику и, по просьбѣ Примазія, перевелъ ее на латинскій языкъ, придавъ руководству форму діалога. Такъ какъ Юнилій заявляетъ, что кромѣ внѣшней формы онъ не измѣнилъ въ исагогикѣ Павла ничего [3]), то, конечно, мы имѣемъ право смотрѣть на переведенную имъ исагогику Павла, какъ на учебникъ Низибійской школы [4]), ко-

---

онъ обращается съ словами: «sanctus et beatissimus episcopus», venerabilis pater», говоритъ о его «reverendissimis coepiscopis», о томъ, что онъ, Юнилій, по своему положенію, не дерзаетъ назваться учителемъ. Конечно, всего этого не дозволилъ бы приложить къ себѣ самый смиренный изъ епископовъ. Съ другой стороны сохранилось письмо діакона римской церкви, Фульгенція Ферранда, къ Юнилію, въ которомъ онъ такъ адресуется къ послѣднему: «Domino merito illustri, praestantissimo atque in Christo carissimo filio sanctae matris ecclesiae catholicae Junilio Ferrandus diaconus in Domino salutem». Это необычайный для Ферранда адресъ къ духовнымъ лицамъ. Послѣднимъ онъ обыкновенно пишетъ—епископамъ и игуменамъ: «domino beatissimo.... sancto patri», пресвитерамъ: «domino.... venerabili sancto fratri». Подписывался Феррандъ—къ духовнымъ лицамъ:—«Ferrandus exiguus». Ясно, что Юнилій не былъ ни епископомъ, ни пресвитеромъ, ни діакономъ. Если въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Юнилію прилагается эпитетъ—sanctus, то это вставка переписчиковъ. Далѣе, въ подписяхъ къ актамъ соборовъ, бывшихъ въ то время въ Константинополѣ, Африкѣ и Азіи, не встрѣчается ни одного епископа съ именемъ Юнилія. Итакъ, Юнилій не епископъ. Но кто же онъ? Адресъ Фульгенція Ферранда даетъ понять, что Юнилій былъ высокопоставленнымъ свѣтскимъ лицемъ, а Прокопій въ своей «тайной исторіи» (20 гл.) называетъ Юнилія преемникомъ Трибоніана (Theodor von Mopsuestia und Junilius Africanus als Exegeten. Freiburg im Bresigau. S. 222—248. S.).

[1]) Kihn. ibid. 245 S. предполагаетъ, что Юнилій получилъ хорошее свѣтское образованіе, которое онъ закончилъ изученіемъ юриспруденціи, хотя въ этомъ случаѣ онъ расходится съ свидѣтельствомъ Прокопія Ἰούνιλον δὲ Λίβυν γένος ἐπὶ τῆς τιμῆς κατεστήσατο ταύτης, νόμα μὲν οὐδενὸς ἀκοὴν ἔχοντα, ἐπεὶ οὐδὲ τῶν ῥητόρων τις ἦν.... 247 S.

[2]) Юнилій говоритъ, что онъ не только читалъ regulas quasdam, но и слушалъ Beati Pauli ad Romanos epistolam subtilius exponentem, т. е. перса Павла (469 S.).

[3]) In duos brevissimos libellos regularia haec instituta collegi, addens ipsius dictionis, quantum potui, utilem formam, ut velut discipulis interrogantibus et magistro respondente breviter singula et perlucide discerentur (468 S.).

[4]) Tu autem more illo tuo, пишетъ Юнилій Примазію, nihil ante quaesisti, quam si quis esset, qui inter Graecos divinorum librorum studio intellegentiaque flagraret. Ad haec ego respondi, vidisse me quendam Paulum nomine, Persam genere, qui Syrorum schola in Nisibi urbe est edoctus, ubi divina lex per magistros publicos, sicut apud nos in mundanis studiis grammatica et rhetorica, ordine ac regulariter traditur. Tunc diu quaesitus, si quid ex ejus dictis haberem, dixi, quod legissem regulas quasdam, quibus ille discipulorum animos divinarum scrip-

торый по программѣ предполагалось изучить въ первый годъ общеобразовательнаго курса. Пользовались мы названнымъ сочиненіемъ по изданію Кина въ приложеніи къ его Theodor von Mopsuestia und Iunilius Africanus. Freiburg im Breisgau. 1880 г. Другой памятникъ также въ формѣ исагогики имѣемъ мы въ сочиненіи монаха Адріана—Adriani Isagoge ad sacras scripturas. Нельзя даже предположить, чтобы названное сочиненіе Адріана было руководствомъ высшихъ школъ. Но не смотря на это, мы поставили его въ параллель съ исагогикой Павла въ силу того, что оно характеризуетъ общее направленіе Антіохійскаго экзегезиса. Издана исагогика Адріана у Миня въ 98 томѣ патрологіи греч. серіи. Изъ двухъ названныхъ памятниковъ мы узнаемъ только то, какъ организованъ былъ подготовительный курсъ богословія, но не высшій. Относительно организаціи послѣдняго пришлось ограничиться только заключеніемъ по аналогіи отъ общаго характера и направленія Антіохійскаго экзегезиса. Характеристику его мы сдѣлали по имѣвшемуся у насъ подъ руками прекрасному изслѣдованію профессора Кина «Die Bedeutung der Antiochenischen Schule auf dem exegetischen Gebiete 1866 г.», которое спеціально посвящено вопросу объ антіохійскомъ экзегезисѣ.

Какъ преподавалось богословіе на западѣ и ближайшимъ образомъ въ семинаріи блаж. Августина, съ этимъ знакомитъ насъ извѣстное „De doctrina christiana“ Августина, которое готовилось, какъ можно заключать изъ пролога, для будущихъ пастырей церкви, получавшихъ образованіе въ семинаріи. Кассіодоръ для своихъ школъ составилъ руководство, имѣющее сходство съ исагогикою Павла Низибійскаго. Это «De institutione divinarum litterarum“ въ 32 главахъ. Что оно готовлено для школы, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія въ виду ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ самаго Кассіодора во введеніи къ этому сочиненію и къ непосредственно связанному съ нимъ

---

turarum superficie instructos, priusquam expositionis profunda patefaceret, solebat imbuere, ut ipsarum interim causarum, quae in divina lege versantur, intentionem ordinemque cognoscerent, ne sparsim et turbulente, sed regulariter singula docerentur. 467—8 S.

«de artibus ac disciplinis liberalium litterarum». Перепечатано оно вмѣстѣ съ другими сочиненіями Кассіодора съ изданія Garetii у Миня въ 70 томѣ патрологіи.

Переходя къ постановкѣ богословія въ восточныхъ и западныхъ школахъ времени Карла Великаго, мы представили общую характеристику обстоятельствъ, обусловливавшихъ собою опредѣленное направленіе въ школьномъ преподаваніи богословія. Затѣмъ, указавъ количество самостоятельныхъ отраслей богословской науки, имѣвшихъ мѣсто въ программѣ богословскаго курса восточныхъ школъ, мы переходимъ къ обозрѣнію внутренняго содержанія программъ и учебниковъ. По большей части предметовъ намъ приходилось довольствоваться предположительными, вѣроятными сужденіями. Счастливое исключеніе въ этомъ отношеніи составляло для насъ только догматическое богословіе. Въ этой области мы стоимъ на болѣе твердой почвѣ, имѣя подъ руками общераспространенный въ школахъ того времени учебникъ въ безсмертномъ произведеніи Дамаскина— „Ἔκδοσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως“. Мы называемъ это «Ἔκδοσις» учебникомъ и не безъ права. Правда, мы не можемъ указать ни одного свидѣтельства изъ литературы того времени, въ которомъ бы говорилось, что „Точное изложеніе православной вѣры“ Дамаскина имѣло мѣсто въ школахъ въ качествѣ учебника. Но этого и нужно было ожидать въ виду того, что Іоаннъ Дамаскинъ былъ дѣятелемъ этого же времени. Мы увидимъ послѣ, что ученые богословы нашей эпохи съ недовѣріемъ относятся къ своимъ интеллектуальнымъ силамъ. Іоаннъ Дамаскинъ не успѣлъ еще быть причисленнымъ къ сонму богоносныхъ, авторитетъ которыхъ былъ безспорнымъ. Всѣ могли пользоваться произведеніемъ его, но тѣмъ не менѣе не хотѣли называть и указать имени автора, какъ не снискавшаго себѣ еще титла отца церкви. Въ пользу же нашего предположенія о роли названнаго произведенія Іоанна Дамаскина въ школахъ мы можемъ привести слѣдующія соображенія: Широкое распространеніе «Точнаго изложенія православной вѣры» не только на востокѣ, но и на западѣ, быстрые переводы его на другіе языки, сдѣланные недолго спустя послѣ появленія его въ свѣтъ—

все это заставляетъ предположить, что книга снискала себѣ всеобщее вниманіе и уваженіе со стороны людей, интересовавшихся богословскою наукою. Далѣе, поразительное сходство въ планѣ и методѣ научныхъ трудовъ по богословію того времени ведетъ къ мысли, что «Точное изложеніе» Дамаскина вполнѣ удовлетворяло запросамъ систематическаго богословскаго образованія нашей эпохи и подходило подъ духъ его. Если всегда и вездѣ школа оставляетъ неизгладимые слѣды на произведеніяхъ авторовъ, вышедшихъ изъ нея, то не въ правѣ-ли мы предположить, что богословы нашей эпохи получали навыкъ мыслить и писать въ указанномъ направленіи подъ вліяніемъ учебника, написаннаго въ этомъ духѣ. Точное изложеніе налагало свою печать на неокрѣпшій еще умъ учащейся молодежи и неотразимо вліяло впослѣдствіи на авторскую дѣятельность богослововъ систематиковъ, воспитывавшихся и получавшихъ образованіе въ школѣ, рекомендовавшей произведеніе Дамаскина, какъ учебникъ. Затѣмъ, для насъ важно слѣдующее мѣсто изъ письма Ѳеодора Студита къ Севериану: «Затѣмъ у тебя нѣтъ и такого познанія догматической науки, чтобы умѣть говорить съ точностію, какъ у неучившагося ни грамматикѣ, ни философіи, тогда какъ и свѣдущіе въ этомъ преподаютъ о Богѣ не какое-либо собственное ученіе, но слѣдуя богоноснымъ» [1]). Прекрасная характеристика для «Точнаго изложенія православной вѣры». Правила свѣтскихъ наукъ и особенно философіи къ нему были приложены наилучшимъ образомъ. Ставя догматическое богословіе на ряду съ обычными школьными предметами, святой отецъ указываетъ и методъ его преподаванія. Для насъ важно въ этомъ случаѣ послѣднее указаніе. Если общераспространеннымъ методомъ школьнаго преподаванія богословія былъ методъ изложенія его по правиламъ діалектики, то инаго руководства, составленнаго въ этомъ духѣ, кромѣ «Точнаго изложенія вѣры» Іоанна Дамаскина, мы указать не можемъ, да едва-ли знала его и школа нашей эпохи. Наконецъ, внутренніе признаки догматической системы Дамаскина под-

[1]) Epist. l. II, 151. Ниже будетъ приведено это мѣсто въ подлинникѣ.

тверждаютъ также наше предположеніе. Мы уже указали на то, что діалектика Дамаскина была вызвана потребностями школы. „Точное изложеніе“ самъ авторъ его не хочетъ отдѣлять отъ діалектики. Эта послѣдняя и обработывалась подъ вліяніемъ мысли дать въ ней пособіе для научнаго изложенія богословія. Если же Дамаскинъ издалъ для школы пособіе, имѣющее между прочимъ своею задачею служить руководствомъ при систематическомъ изложеніи догматовъ вѣры, то неужели опытъ этого изложенія по правиламъ діалектики не имѣлъ никакого отношенія къ школѣ? Да и кромѣ того, Точное изложеніе православной вѣры безъ отношенія къ діалектикѣ, будучи полно по содержанію, по количеству поставленныхъ вопросовъ, обстоятельно, сжато и точно по изложенію, скорѣе имѣетъ характеръ школьнаго руководства, чѣмъ кабинетной ученой работы. Достойна всякаго вниманія внѣшняя судьба Точнаго изложенія православной вѣры. Въ новыхъ печатныхъ изданіяхъ оно всюду является раздѣленнымъ на четыре книги. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это раздѣленіе позднѣйшее, сдѣланное на западѣ [1]). Ни въ одномъ изъ древнѣйшихъ рукописныхъ греческихъ кодексовъ мы не встрѣчаемъ такого раздѣленія на книги. У насъ подъ руками были извѣстные Petri Lambecii Hamburgensis commentarii de augustissima bibliotheca Caesarea Vindobonensis. Изъ множества описанныхъ Ламбеціемъ древнѣйшихъ греческихъ кодексовъ изложенія нѣтъ ни одного, гдѣ бы можно было встрѣтить подобное дѣленіе. Древнѣйшій славянскій переводъ также не знаетъ его. Что касается раздѣленій на главы, то и въ этомъ отношеніи существуютъ громадныя различія въ разныхъ спискахъ и переводахъ. Въ теперешнихъ печатныхъ изданіяхъ „Точное изложеніе» Дамаскина раздѣлено на 100 главъ. Такъ это мы находимъ въ изданіи Лекена и въ перепечаткѣ его у Миня, а отсюда и въ русскихъ позднѣйшихъ переводахъ, сдѣланныхъ съ

---

[1]) Existimo ejusmodi partitionem a Latinis excogitatam, introductamque fuisse, ad instar quatuor librorum sententiarum Petri Lombardi (Lequien. Prologus 119 p.).

указанныхъ изданій. Что касается рукописныхъ греческихъ, то въ этомъ отношеніи наблюдается большое разнообразіе. Въ однихъ можно встрѣчать раздѣленіе на 96, въ другихъ—на 100, 102, 103 и болѣе. Въ русскихъ переводахъ Епифанія—112, у Амвросія—111. Слишкомъ замѣтное въ этомъ отношеніи различіе представляетъ древнѣйшій славянскій переводъ Іоанна, экзарха болгарскаго, имѣющій въ себѣ только 48 главъ [1]). Сличая заглавія послѣднихъ съ печатнымъ изданіемъ „Точнаго изложенія“, мы приходимъ къ тому заключенію, что число недостающихъ главъ падаетъ сравнительно болѣе на вопросы христологическіе. Вмѣсто болѣе чѣмъ 20 главъ, относящихся къ этимъ вопросамъ, въ древне-славянскомъ переводѣ стоятъ только двѣ— „о Божественномъ строительствѣ и о нашемъ Заступѣ и о спасеніи. О образѣ Божія словеси пріятію и о Божьствьну уму ему въплъщенію“ [2]). Неизвѣстно, къ сожалѣнію, намъ содержаніе двухъ названныхъ главъ. Быть можетъ въ нихъ приблизительно излагалось то, что въ 20 главахъ печатныхъ изданій. Однако нельзя не обратить вниманія на то, что древній славянскій переводъ Іоанна экзарха есть единственный, въ которомъ извѣстно столь сокращенное число главъ. Другихъ греческихъ списковъ, также очень древнихъ, съ такимъ дѣленіемъ на главы мы не знаемъ. Не можетъ ли это указывать на то, что Іоаннъ экзархъ дѣлалъ сокращенія, примѣняясь къ нуждамъ своего времени? Большая часть рукописей имѣютъ число главъ, приближающееся къ 100, или нѣсколько превышающее его. Такое незначительное различіе объяснимо отчасти изъ произвола переписчиковъ, дозволявшихъ себѣ свободное обращеніе съ внѣшнею стороною труда, отчасти изъ употребленія послѣдняго въ школахъ, гдѣ задаваемые уроки могли отмѣчаться далеко не на окончаніяхъ главъ, что опять вело къ раздѣленію слитно написаннаго на отдѣльныя рубрики. Нельзя обойти молчаніемъ и того обстоятельства, что самъ Дамаскинъ предпринималъ рецензію и исправленіе своего труда и быть можетъ сдѣ-

---

[1]) Калайдовичъ. Іоаннъ, экз. Болгарскій, 19 стр.

[2]) Гл. 32 и 33.

лалъ также прибавленія.—При обзорѣ содержанія «Точнаго изложенія православной вѣры" мы пользовались русскимъ переводомъ, хотя и имѣли подъ руками греческій подлинникъ его въ перепечаткѣ у Миня въ 94 томѣ патрологіи.

Познакомившись, насколько возможно было, съ постановкою другихъ предметовъ изъ группы богословскихъ наукъ, мы переходимъ къ обзору организаціи богословскаго курса въ западныхъ школахъ времени Карла Великаго. Подобно тому, какъ это сдѣлали мы для школъ восточныхъ, мы постарались опредѣлить группу богословскихъ наукъ, какъ самостоятельныхъ предметовъ школы. Затѣмъ, по возможности охарактеризовавъ преподаваніе экзегесиса, мы переходимъ къ разсмотрѣнію программы догматическаго богословія. Въ качествѣ учебнаго руководства, имѣвшаго приложеніе въ школахъ, мы поставили одно изъ произведеній Алкуина, — это „De fide Sanctæ et individuæ Trinitatis libri tres". Что названное сочиненіе вышло изъ-подъ пера Алкуина, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Внутреннее сродство книги съ другими догматическими сочиненіями Алкуина, несомнѣнно ему принадлежащими, чего никто не станетъ отрицать, внѣшнее сходство его по языку и вообще по внѣшней отдѣлкѣ съ другими трудами его указываютъ на Алкуина, какъ на автора и разсматриваемой нами книги. Далѣе, мы имѣемъ и внѣшнія свидѣтельства въ пользу этого. Одинъ изъ ближайшихъ ко времени Карла церковныхъ дѣятелей, хорепископъ Теганъ, авторъ жизнеописанія Людовика Благочестиваго, въ своемъ письмѣ къ Гаттону, еп. Базельскому, пересылая въ подарокъ одно изъ догматическихъ сочиненій Алкуина, пишетъ, что этотъ епископъ можетъ упражнять имъ „свой святой умъ". „Поэтому я, продолжаетъ Теганъ, переслалъ вамъ эту книгу, въ которой св. Алкуинъ, summus scholasticus, собралъ въ одно мысли изъ разныхъ книгъ святаго Августина, которую онъ и послалъ мудрѣйшему (perilissimo) и знаменитѣйшему императору Карлу, относительно того, сколь велика нужда для смертныхъ знать о божественной природѣ и сущности, о вѣчномъ бытіи Бога Отца, о вѣчномъ рожденіи Сына Божія, о вѣчномъ исхожденіи Духа Святаго, о воплоще-

нiи Iисуса Христа, Сына Божiя, какимъ образомъ Единый Богъ Троиченъ, и какъ Троичный Единъ, какъ заповѣдуетъ вѣровать vera fides“ [1]). Изъ характеристики книги, изъ перечня ея содержанiя и изъ указанiя повода, по которому она написана, ясно, что Теганъ посылалъ епископу Гаттону Алкуиново сочиненiе de fide S. Trinitatis. Наконецъ, позднѣйшiе изслѣдователи твореній Алкуина признаютъ разсматриваемое нами сочиненiе произведенiемъ Алкуина [2]). Но если дѣйствительно Алкуинъ составилъ его, то что можетъ поручиться за то, что сочиненiе имѣло мѣсто въ школѣ, какъ учебникъ? Въ своемъ письмѣ къ Карлу Великому, посланномъ вмѣстѣ съ книгою, Алкуинъ называетъ ее ручною книжкою (manuale libellum), пособiемъ при исповѣданiи вѣры православной (in praedicatione catholicæ fidei adjutorium). Представлена она была авторомъ на разсмотрѣнiе сейма, имѣвшаго собраться въ Аахенѣ въ 802 году [3]). Повидимому Алкуинъ имѣлъ въ виду удовлетворить другимъ потребностямъ церковной жизни своего времени, помимо школы. Но что мѣшаетъ предположить, что и потребности школы удовлетворялись разсматриваемымъ нами сочиненiемъ еще ранѣе 802 года? Самъ Алкуинъ мотивъ къ написанiю его выставляетъ въ желанiи оправдать имя учителя, которымъ такъ часто называли его [4]). Далѣе, если нѣсколько времени спустя оно рекомендуется для упражненiя ума, то во всякомъ случаѣ можно подумать, что и въ рукахъ самаго Алкуина de fide S. Trinitatis преслѣдовало туже цѣль. Наконецъ, не объемистое по внѣшности, съ внутренней стороны представляющее систематическое изложенiе основныхъ догматовъ вѣры на основанiи свящ. Писанiя и св. отцовъ, преимущественно, если не исключительно,

---

[1]) Monitum. praevium Фробенiя. 702 р. у Migne. t. 101, 10 col.

[2]) См. напр. Вернера — Alc. und seine Jahrhundert 158 S. Авторъ дозволяетъ себѣ сомнѣнiе только въ принадлежности Алкуину исповѣданiя вѣры, приложеннаго къ концу сочиненiя.

[3]) Haec omnia devota mentis acie considerans, tempore celeberrimi conventus (т. е. Аахенскаго, Werner. cit. lib. 159 S.), quo sacerdotes Dei et populi praedicatores christiani in unum imperiali praecepto conveniunt... (epist. nuncupatoria 12 col.).

[4]) Ut mei nominis, quo a quibusdam magister vocor, officium ostenderem (ibid.).

Августина, разсматриваемое нами сочиненіе напоминаетъ болѣе школьное руководство, чѣмъ ученый трактатъ. Мы пользовались имъ по изданію Фробенія, перепечатанному у Миня въ 101 томѣ его патрологіи.

Наше вниманіе обращало на себя также и другое догматическое сочиненіе съ именемъ Алкуина, имѣющее видъ системы, изданное у Фробенія и перепечатанное у Миня въ названномъ томѣ. Это Albini Confessio fidei въ четырехъ частяхъ, изъ которыхъ въ первой излагается ученіе о Богѣ Единомъ и Троичномъ въ лицахъ, во второй—о воплотившемся Словѣ, въ третьей—iterum de Deo et uno, de Christo, ac de aliis plerisque ecclesiasticis dogmatibus, и, наконецъ, въ четвертой — объ евхаристіи. Въ первый разъ появилось въ свѣтъ это сочиненіе въ 1656 году, благодаря трудамъ Шиффлэ (Chifflet ius), который извлекъ его изъ рукописей Ліонской библіотеки. Шиффлэ выразилъ сомнѣніе въ принадлежности его Алкуину, основываясь съ одной стороны на подписи автора, которая сдѣлана позднѣйшею рукою и другими чернилами, а съ другой на самомъ имени—Albinus, котораго будто не носилъ Алкуинъ. Общую мысль Шиффлэ полнѣе и обстоятельнѣе развилъ ученый кальвинистъ Іоаннъ Даллей (Dallaeus). Этотъ послѣдній считаетъ Albini confessio fidei произведеніемъ эпохи послѣ Анзельма. Основанія, по которымъ Даллей отказываетъ названному произведенію въ принадлежности его Алкуину, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ главнѣйшимъ положеніямъ: a) въ confessio fidei Albini нѣтъ логики въ цѣломъ, нельзя найти ея и въ частяхъ; b) въ confessio многое буквально списано съ псевдоавгустиновскаго speculum; c) въ древнихъ каталогахъ сочиненій Алкуина не указывается разбираемаго; d) Алкуинъ не могъ списывать у себя самаго, что слишкомъ часто наблюдается въ этомъ сочиненіи по сравненію его съ «de fide S. Trinitatis»; e) авторъ confessio fidei высказываетъ такія мысли, которыхъ никогда не признавалъ Алкуинъ; f) относительно таинства евхаристіи онъ излагаетъ не то ученіе, которое встрѣчается у Алкуина; g) жалобы мнимаго Алкуина на безнравственность и безбожіе не имѣли смысла во времена Карла Великаго. Мабильонъ въ своемъ «Disquisitio de confes-

sione fidei id est de ejus antiquitate et auctore» отъ 1674 года предпринялъ на себя трудъ разсмотрѣть кодексъ, съ котораго сдѣлано первое изданіе. На основаніи рукописнаго текста онъ приходитъ къ тому убѣжденію, что сочиненіе не могло быть написано ранѣе IX вѣка. Это внѣшняя сторона дѣла. Внутренніе признаки сочиненія указываютъ на то, что confessio fidei явилось прежде времени схоластики, что авторъ ея жилъ ранѣе Беренгарія и, наконецъ, по вопросу о предопредѣленіи, авторъ является жившимъ не позднѣе Готшалка. Что касается автора сочиненія, то имъ не могъ быть кто либо другой, кромѣ Алкуина. Alcuinus и Albinus писалось безразлично, а главное—сравненіе confessio fidei съ другими сочиненіями Алкуина приводитъ Мабильона къ выводу, который онъ рѣшился доказать. Опровергая Даллея, Мабильонъ разбираетъ каждое изъ его положеній. Сущность его опроверженія въ соотвѣтствіе съ вышеизложенными положеніями Даллея кратко можно выразить въ слѣдующемъ видѣ: a) противъ отсутствія строгой логики въ цѣломъ и частяхъ спорить нельзя; но оно есть результатъ повторенія содержанія въ родѣ выводовъ; b) Speculum списанъ съ confessio, а не наоборотъ; c) древніе каталоги сочиненій Алкуина неточны; d) примѣры списыванія съ своихъ же сочиненій практиковались и прежде Алкуина, напр. у Тертулліана; e) если въ confessio Алкуинъ проводитъ такія мысли, какихъ нѣтъ въ другихъ его сочиненіяхъ, то это вполнѣ естественно у одного и того же автора при постепенномъ развитіи его умственныхъ силъ и зрѣлости мысли; f) въ ученіи объ евхаристіи нѣтъ различія между авторомъ confessio и Алкуиномъ; g) жалобы на безбожіе и упадокъ нравственности вполнѣ естественны въ такомъ благочестивомъ человѣкѣ, какимъ былъ Алкуинъ.—Противъ Мабильона писалъ извѣстный Баснажъ въ своей церковной исторіи (t. II, l. V.).—Фробеній болѣе сочувствуетъ Мабильону, а потому и помѣщаетъ въ своемъ изданіи трудовъ Алкуина confessio fidei, хотя подъ рубрикой dubia. Такимъ образомъ къ началу нынѣшняго столѣтія вопросъ объ авторѣ сочиненія, о времени его написанія оставался открытымъ. Въ началѣ второй половины текущаго столѣтія Монньэ (Monnier), авторъ „Alcuin

et son influence....“ снова поднялъ вопросъ объ авторѣ и, на основаніи внутреннихъ признаковъ сочиненія, а именно крайняго мистицизма, который слишкомъ ясно обнаруживается во всемъ сочиненіи, неустойчивости и неправильности въ богословской терминологіи, частыхъ повтореній unus et trinus, многихъ некатолическихъ мыслей въ ученіи о существѣ Божіемъ, о человѣкѣ и пр. пришелъ къ той мысли, что авторомъ сочиненія былъ Готшалкъ, но еще до бѣгства своего изъ Корбейскаго монастыря [1]).—Въ томъ же отрицательномъ духѣ, но въ иномъ смыслѣ рѣшаетъ вопросъ объ авторѣ confessio fidei Вернеръ, авторъ „Gerbert von Aurillac, die Kirche und Wissenschaft seiner Zeit“. Wien, 1878 г. Для него является излишнимъ отыскивать автора сочиненія, когда оно носитъ характеръ коллективнаго труда, есть сборникъ, выкроенный изъ разныхъ произведеній. Собиратель, по Вернеру, едвали имѣлъ опредѣленный планъ цѣлаго. Въ первой части онъ буквально почти переписываетъ псевдоавгустиновскій speculum, а вторая часть сходна также съ псевдоавгустиновскими meditationes, авторомъ которыхъ былъ аббатъ Іоаннъ von Zischbachau, написавшій ихъ для вдовы Генриха III-го, императрицы Ангессы. Третья часть сама по себѣ представляетъ одно цѣлое, именно догматическое объясненіе апостольскаго символа съ раздѣленіемъ его на четыре главныя части: ученіе о Богѣ, Христѣ, Церкви и вѣчной жизни. Четвертая часть является, какъ дополненіе къ третьей, между тѣмъ какъ вторая представляетъ заключеніе первой. Отсюда Вернеръ дѣлаетъ предположеніе, что третья и четвертая части суть произведенія автора, отличнаго отъ составителя первой и второй части. Сходство въ планѣ и предметѣ третьей части confessio fidei съ исповѣданіемъ вѣры Герберта, произнесеннымъ имъ при вступленіи на каѳедру реймскаго архіепископа, заставляетъ Вернера предположить, что эта часть confessio составляетъ комментарій къ исповѣданію вѣры Герберта. Отсюда опредѣляется и время появленія этой части confessio — не ранѣе начала XI вѣка. Такъ какъ первая и вторая части находятся въ зависи-

[1]) 150—151.

мости отъ speculum и meditationes, то и онѣ появились около этого же времени. — Вполнѣ полагаясь на авторитетность позднѣйшихъ изслѣдователей вопроса объ авторѣ и времени появленія confessio fidei Albini, мы сочли себя въ правѣ игнорировать названное сочиненіе псевдо-Алкуина.

Оканчивая обзоръ источниковъ, на основаніи которыхъ мы знакомились съ постановкою богословія въ западныхъ школахъ времени Карла Великаго, мы не можемъ не упомянуть о двухъ сочиненіяхъ Рабана Мавра, непосредственно относящихся къ школѣ: „De clericorum Institutione libri tres и De sacris ordinibus....“ Съ содержаніемъ ихъ мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ. Что названныя сочиненія предназначены были для школы, это ясно изъ предисловія къ послѣднему. Авторъ готовилъ его для молодыхъ людей, имѣвшихъ со временемъ занять мѣста на различныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы [1]). Второе самымъ своимъ заглавіемъ указываетъ на это. Да и содержаніе руководствъ вполнѣ ручается за то, что они предназначались для школы и вызваны желаніемъ удовлетворить ея прямымъ запросамъ. Названными сочиненіями Рабана мы пользовались по изданію Миня, который въ свою очередь перепечаталъ съ изданія Кольвенерія отъ 1617 года.

Что касается пособій, то мы не можемъ указать ни одного, за исключеніемъ вышеназванныхъ произведеній Кина, которое бы непосредственно относилось къ разъясненію нашего вопроса. Если и приходилось ссылаться на какое либо, то только по частнымъ пунктамъ, обращавшимъ почему либо наше вниманіе. Указаніе ихъ читатель найдетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Таковы научные матеріалы, доставившіе намъ возможность познакомиться съ состояніемъ школъ отдаленной отъ насъ эпохи.

---

[1]) Quia mei cooperatorem in sacro ministerio elegi, пишетъ Рабанъ къ Теотмару, hortor ut quod pro infirmitate corporis coram multis exponere non possum, tu, qui junior aetate et validior es corpore, illis qui ad sacerdotium ordinati sunt, et ministerium sacerdotale agere debent, notum facias, et eis persuadeas, imo jubeas, ut diligenter discant, quod in hoc opusculo (т. е. de sacris ordinibus) conscriptum est.

I.

„Прежде господина короля Карла въ Галліи никто не занимался свободными науками“ [1],—такъ говоритъ о состояніи образованія въ эпоху до Карла Великаго одна изъ современныхъ ему лѣтописей. Съ словами ея не можетъ не согласиться позднѣйшій изслѣдователь этого вопроса [2]). Все гальское общество, даже въ лицѣ своихъ высшихъ представителей, рѣшительно пренебрегало научными занятіями. Самъ Карлъ Великій, болѣе другихъ имѣвшій средства къ образованію [3]), въ дѣтствѣ получаетъ его въ скудной мѣрѣ [4]). Это обстоятельство можетъ

---

[1]) Annales Laurissenses.—Ante ipsum enim Domnum regem Carolum in Gallia nullum studium fuerat liberalium artium (Migne. Patrolog. curs. complet. l. s. t. 104, 429 col.). Ср. Monach. Sangallensis l. 1, c. 1. Jaffé. Riblioth. rer. germanicarum. t. IV, 631 p.

[2]) Кромѣ монастырскихъ школъ, говоритъ Конрингій, toto in Occidentali orbe nulla Philosophiae, nulla Romani juris, nulla humanarum literarum, nulla Christianae doctrinae, nulla medicae artis, denique cathedra uspiam fuit. (Conring. De Antiquitatibus Academicis. Helm. 1651 r. 64 p.).

[3]) При дворѣ франкскихъ королей мы находимъ слѣды существованія школы. Сюда посылаютъ еще молодыхъ людей для образованія. Такъ это извѣстно о Бенедиктѣ Аніанскомъ (Mabillon. Acta Sanct. IV. 1, 194 p. у Monnier, Alcuin et son influence litteraire, religieuse et politique chez les Francs. Paris. 1853 r. 43 p.). Къ королю Пипину папа Павелъ I шлетъ такія книги, которыя имѣютъ прямой интересъ и отношеніе только къ школѣ. Direximus, писалъ папа королю, excellentissimae praecellentiae vestrae et libros, quantos reperire potuimus: id est antiphonale et responsale, insimul artem gramaticam, Aristo(te)lis, Dionisii Ariopagitis, geometricam, orthografiam, grammaticam, omnes graeco eloquio scriptas, nec non et horologium nocturnum (Epist. p. Pavli 1 ad Pip. reg. 22, ed. Jäffé—Biblioth. rerum german. Berolini. 1867 r., t. IV, 101—102 p.).

[4]) По словамъ Эйнгарда, біографа Карла Великаго, всѣ науки изучалъ онъ въ зрѣломъ возрастѣ и теперь только temptabat scribere; tabulasque et codicellos ad hoc in lecto sub cervicalibus circumferre solebat, ut, cum vacuum tempus esset, manum litteris effigiendis adsvesceret (Vita Car. Magn. c. 25.

служить вѣрнымъ показателемъ отношеній къ научнымъ занятіямъ высшимъ классовъ. Само собою разумѣется, что низшій классъ по своему положенію менѣе всего могъ разсчитывать на какое-либо образованіе. Оставалось одно духовное сословіе съ монашествомъ во главѣ [1]). Но къ сожалѣнію, и духовныхъ писателей мы имѣемъ слишкомъ мало отъ этой эпохи, Да къ тому же скудная и очень рѣдкая литературная дѣятельность духовенства обнаруживается въ самыхъ простѣйшихъ видахъ письменности, не требовавшихъ строго научнаго образованія,— и это, конечно, лучше всего характеризуетъ уровень образованія представителей науки того времени.

Получивъ скудное образованіе въ дѣтствѣ, Карлъ Великій однако научился любить и высоко цѣнить науку. Чего онъ не узналъ въ молодые годы, то весьма ревностно изучалъ въ зрѣломъ возрастѣ [2]). Переписка Карла съ Алкуиномъ и съ другими лицами свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ достигъ значи-

---

Iaffé, t. IV 532 p.). Въ какомъ бы смыслѣ ни понимали свидѣтельство Эйнгарда (Heumanni praefatio ad Libr. Carol. c. 25 — errarunt viri boni, cum haec verba ceperunt de arte scribendi et literas pingendi (имѣетъ въ виду Кавэ, который утверждалъ, что Карлъ scribere nescivisse), cum Eginhartus loquatur de scriptione et compositione librorum. 50 p. ed. Hannov. 1731 г.), оно всегда останется показателемъ далеко не блестящаго образованія, полученнаго Карломъ въ молодые его годы.

[1]) Замѣчательно, что во всей западной Европѣ за это время нельзя почти указать ни одного писателя, который бы не получилъ образованія въ монастырѣ (Conring. cit. lib. 64 p.).

[2]) Вотъ что пишетъ Эйнгардъ о научныхъ занятіяхъ Карла Великаго: «За обѣдомъ Карлъ слушалъ какую нибудь музыку или чтеніе: ему читались разсказы о дѣяніяхъ древнихъ; его пріятно занимали также и сочиненія блаж. Августина, въ особенности же то изъ нихъ, которое озаглавлено de civitate Dei (c. 24). Карлъ обладалъ большимъ краснорѣчіемъ и могъ съ легкостію выражать все, чтобы ни захотѣлъ. Онъ не ограничивался однимъ отечественнымъ языкомъ и много трудился надъ изученіемъ иностранныхъ языковъ; между прочимъ онъ владѣлъ латинскимъ языкомъ такъ, что могъ выражаться на немъ, какъ на родномъ языкѣ, но по гречески болѣе понималъ, нежели говорилъ. Вообще онъ говорилъ такъ превосходно, что его можно было принять за учителя. Съ большимъ прилежаніемъ занимался онъ свободными науками и, высоко почитая ученыхъ, оказывалъ имъ великія почести. Грамматику онъ слушалъ у Петра Пизанскаго, діакона, человѣка преклонныхъ лѣтъ, въ другихъ же предметахъ онъ имѣлъ наставникомъ Альбина, по прозванію Алкуина, также діакона, изъ Британіи, саксонскаго уроженца, мужа весьма ученаго во всѣхъ отношеніяхъ. Карлъ употребилъ много времени и труда, обучаясь у него риторикѣ, діалектикѣ, а въ особенности астрономіи. Онъ занимался искусствомъ дѣлать вычисленія, и съ особенною любознательностію

тельнаго по тому времени совершенства во всѣхъ тогда извѣстныхъ наукахъ [1]).

При большой любви къ наукамъ, Карлъ естественно не могъ равнодушно смотрѣть на невѣжество своихъ подданныхъ. Поднятіе образованія въ государствѣ составляло одну изъ величайшихъ заботъ его правленія. Мы видимъ Карла занятымъ этимъ дѣломъ въ началѣ его правленія. Путешествія въ Италію дали ему возможность познакомиться съ нѣкоторыми учеными, которые сдѣлались учителями какъ его самого, такъ и его придворныхъ. Возстановленіе западно-римской имперіи подъ скипетромъ Карла внушило ему мечту и о возстановленіи римскаго образованія во всемъ его блескѣ.

Само собою разумѣется, что новое римское государство далеко не походило на древнее. Сплоченное изъ христіанскихъ народностей, оно въ силу этого одного должно было выработать для себя новый государственный строй, новые порядки,— словомъ обновить старый организмъ, вдохнуть въ него христіанскую душу. Такъ дѣйствительно и было. По идеямъ Карла весь государственный организмъ является отблескомъ теократической монархіи [2]). Отсюда, въ основѣ устанавливается единство и солидарность между церковью и государствомъ. Та и другое преслѣдуютъ одну цѣль—воспитаніе христіанскаго народа для царства небеснаго. Церковь должна была подчиниться верховному главенству римско-германскаго государства и, какъ одно изъ государственныхъ учрежденій, служить вышеозначенной цѣли государства.

Подобная государственная организація положила свой отпечатокъ и на образованіе. Высшею культурною формою является

наблюдалъ за теченіемъ звѣздъ (с. 25 въ русск. перев. Стасюлевича—Истор. средн. вѣк. т. 2-й).

[1]) Алкуинъ называетъ его philosophum in liberalibus studiis (Adv. Elipand. l. 1, c. 16. Migne. Patrolog. curs. compl. l. s. t. 101, 251 col.).

[2]) Praefatio ad prim. Librum Carolin. — Cujus (i. e. ecclesiae) quoniam in sinu regni gubernacula Domino tribuente suscepimus, necesse est, ut in ejus defensione et ob ejus exaltationem Christo auxiliante toto annisu certemus, ut ab eo boni servi et fidelis nomine censeri valeamus. Quod quidem non solum nobis, quibus in hujus saeculi procellosis fluctibus ad regendum commissa est; sed etiam cunctis ab ejus uberibus enutritis sollicite observandum est: ita tamen, ut ab ejus unione, qui ejus membrum esse dinoscitur, nullatenus abcedat. Ed. Heumann. Hannov. 1731 г. 5 p.

христіанство. Съ нимъ сливается всякое высшее образованіе. Представители христіанства, служители алтаря по преимуществу должны были быть носителями науки и искусствъ. Но христіанское образованіе, по мысли Карла, не должно быть исключительно римскимъ. Не римская церковь, съ ея папою во главѣ, а свящ. Писаніе есть высшій авторитетъ церкви [1]). Не латынь только можетъ быть богослужебнымъ языкомъ, но и всякое національное нарѣчіе [2]). Древне-римское образованіе, классическія науки, столь необходимыя для подданныхъ возстановленной имперіи, не должны и не могли имѣть самостоятельнаго значенія въ христіанско-римскомъ государствѣ: ихъ роль служебная.

Вотъ программа, по которой должно было идти возстановленіе образованія въ имперіи Карла. На первомъ планѣ является духовенство. Помимо того вліянія, которое оно, по своему положенію, должно было имѣть на народъ, что, конечно, хорошо сознавалъ и Карлъ Великій, въ силу одного идеала государственной жизни, Карлъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на его образованіе. За духовенствомъ слѣдуетъ простой народъ. Карлъ желалъ и стремился, чтобы и этотъ послѣдній не коснѣлъ въ невѣжествѣ, въ своихъ застарѣлыхъ суевѣріяхъ, но, вкусивъ плодовъ христіанскаго образованія, съ полнымъ бы сознаніемъ служилъ Богу.

Широка была программа Карла. Трудно было выполнить ее въ виду поголовнаго невѣжества высшихъ и низшихъ сословій франкской монархіи. Но это обстоятельство не могло сломить желѣзной воли Карла. Одинокій въ своихъ стремленіяхъ у себя дома, онъ ищетъ сотрудниковъ за-границей. Уже на первыхъ порахъ правленія, поѣздки Карла въ Италію не остаются безъ результатовъ и для его плановъ по отношенію къ реставраціи научнаго образованія. Тамъ Карлъ находитъ себѣ первыхъ помощниковъ, первыхъ учителей для своихъ школъ [3]).

---

[1]) Solus Deus colendus, solus adorandus, solus glorificandus est—основная мысль Lib. Carolin (l. II, c. 21. 192 p. ed. Heumann).

[2]) Ut nullus credatur quod non nisi in tribus linguis Deus orandus sit, quia in omni lingua Deus adoratur et homo exaudítur, si justa petierit (Cap. 794 an. 52. Migne. Patrolog. curs. compl. t. 97. 198 col.).

[3]) Domnus Rex Carolus a Roma artis grammaticae et computatoriae magistros secum adduxit in Franciam, et ubique studium literarum expondere jussit, записано въ Annal. Laurissensibus. Migne, t. 104, 429 col.

Оттуда въ 774 году пригласилъ онъ къ себѣ Петра Пизанскаго, а въ 782 году—Павла-Діакона [1]). Въ 781 году въ Италіи же Карлъ познакомился съ Алкуиномъ, и въ слѣдующемъ году этотъ послѣдній, съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ [2]), является однимъ изъ самыхъ главныхъ сотрудниковъ Карла, скоро сдѣлавшись душею всѣхъ великихъ проэктовъ, созданныхъ Карломъ въ видахъ реставраціи образованія. Различныя поощренія, почести и награды, оказываемыя ученымъ при дворѣ Карла [3]), привлекали къ нему многихъ изъ другихъ странъ. Такъ явились къ нему испанецъ Теодульфъ [4]), поставленный Карломъ во епископа Орлеанскаго, и ирландецъ Климентъ [5]) и др.

Съ такими-то помощниками взялся Карлъ за выполненіе своихъ плановъ относительно образованія народа. Первѣе всего онъ обращается къ духовенству. Нужно было поднять уровень образованія послѣдняго, чтобы обезпечить благотворное вліяніе его на народъ. Къ духовенству Карлъ обращается съ прямыми и опредѣленными требованіями относительно этого предмета. Уже вскорѣ послѣ своего перваго путешествія въ Италію Карлъ писалъ къ одному епископу [6]), укоряя его въ нерадѣніи объ

---

[1]) Петръ Пизинскій былъ поставленъ учителемъ грамматики въ придворной школѣ (Einhardi Vita C. M. c. 25; Alcuini. Ep. 101.—Petrus fuit qui in palatio vestro grammaticam docens claruit—Migne. Patrolog. t. 100, 314 col.), но или скоро умеръ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, или отставленъ. Павелъ—Діаконъ жилъ при дворѣ Карла до 787 г., и послѣ этого времени возвратился въ Беневентъ, въ Монтекассинскій монастырь.

[2]) Съ Алкуиномъ прибыли изъ Англіи ко двору Карла его ученики: Мицо, по прозвѣнію Кандидъ, Фредегизъ-Нафанаилъ, Сигульфъ и Озульфъ.

[3]) Artes liberales studiosissime coluit (Карлъ); earumque doctores plurimum veneratus magnis afficiebat honoribus (Einhardi Vita C. M. c. 25). Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Карлу Великому Алкуинъ относительно этого пишетъ слѣдующее: «Я не знаю, какъ всегда любить и восхвалить вашу, господинъ мой Давидъ, постоянную заботливость, какъ вы убѣждали всѣхъ къ изученію вашей мудрости, всегда побуждали къ этому наградами и почестями, старались вызывать помощниковъ, любителей вашего добраго намѣренія, въ силу котораго вы даже меня, человѣка незнатнаго происхожденія, представителя этой святой мудрости у себя дома (vernaculum), позаботились вызвать изъ далекихъ предѣловъ Британіи» (Ep. 129. Migne, t. 100, 365 col.).

[4]) Werner. Alcuin und seine Jahrhundert. 5 S. Parerborn. 1876 г.

[5]) Monach. Sangallens, l. 1, c. 1. Разсказъ о дѣятельности Климента носитъ характеръ легендарный, но въ основѣ, кажется, лежитъ историческій фактъ.

[6]) Вѣроятно, Луллу, еп. Майнцкому, преемнику св. Бонифація.

образованіи клириковъ своей епархіи, хотя „дружественными совѣтами, порицаніями и внѣшними мѣрами онъ могъ бы побуждать ихъ къ научнымъ занятіямъ [1]). Въ 787 году обнародованъ былъ знаменитый декретъ на имя Баугульфа, фульдскаго аббата. Вотъ что пишетъ Карлъ Баугульфу: «Карлъ, милостію Божіей король франковъ и лангобардовъ, римскій патрицій, Баугульфу аббату и всей общинѣ, отправивъ къ тебѣ предварительно своихъ ораторовъ, посылаемъ во имя всемогущаго Бога свой ласковый привѣтъ. Да будетъ извѣстно вашему благочестію въ Богѣ, что мы вмѣстѣ съ нашими вѣрными сочли за полезное опредѣлить, чтобы въ епископствахъ и монастыряхъ, врученныхъ, по милости Христа, нашему управленію, кромѣ выполненія правилъ монастырской жизни и религіозныхъ упражненій, прилежали бы къ научнымъ занятіямъ, каждый по своимъ способностямъ, какъ онъ можетъ учиться, при помощи Божіей. Какъ монастырскія правила помогаютъ чистотѣ нравовъ, такъ и постоянство въ обученіи и ученіи упорядочиваетъ и украшаетъ нашу рѣчь, такъ что желающіе угодить Богу благочестивою жизнію, пусть не пренебрегаютъ и тѣмъ, чтобы угодить Ему правильнымъ словомъ. Ибо написано: «или по словамъ твоимъ оправдаешься, или по словамъ твоимъ осудишься». Конечно, лучше хорошо поступать, чѣмъ только знать, однако же нужно прежде знать то, что сдѣлать. Итакъ каждый долженъ изучить то, что онъ желаетъ исполнить, чтобы лучше исполнить. Пусть знаютъ, что даже въ прославленіи Всемогущаго Бога безъ предосторожностей противъ ошибокъ языкъ встрѣчается съ опасностями. Ибо если всякому слѣдуетъ избѣгать ложнаго, то тѣмъ болѣе должны заботиться объ этомъ тѣ, которые для того только и поставлены, чтобы спеціально служить истинѣ. Въ эти годы къ намъ присылали изъ нѣкоторыхъ

---

[1]) Cum, пишетъ Карлъ, in adquirendis fidelium animabus studiose Deo favente invigiles, mirandum nobis valde videtur, cur in erudiendo clero proprio litterarum studiis nullam sollicitudinem geris. Cernis namque undique in subditorum cordibus ignorantiae tenebras circumfundi; et cum possis eruditionis radium eorum sensibus infundere, in suae illos caecitatis caligine latere permittis... Accingere igitur in reliquum, pater amabilis, et ad inbuendos liberalibus litteris tuos filios studiosius existe; ut et nostrae in hoc, quod ardenter cupimus, voluntatis satisfacias et tibi perennis praemii remunerationem adquiras.... (Ep. 16, ed. Jaffé Biblioth. rer. germ. t. IV, 369 p.).

монастырей письма, въ которыхъ заявлялось, что братія, живущіе въ нихъ, воспоминаютъ о насъ въ своихъ святыхъ и благочестивыхъ молитвахъ. Въ большей части такихъ посланій мы замѣтили внутренній смыслъ рѣчи правильный, а рѣчь необработанную. Внутреннее благочестіе вѣрно продиктовало то, что вовнѣ, но по причинѣ невѣжества въ рѣчи, необразованный языкъ не въ состояніи былъ выразить безъ ошибокъ. Вслѣдствіе этого мы начали бояться, что если такъ ничтожно искусство письма, то еще менѣе можетъ быть смысла въ пониманіи священнаго писанія. А мы всѣ хорошо знаемъ, что, хотя опасны ошибки въ словахъ, но еще опаснѣе погрѣшности въ пониманіи смысла. Поэтому и убѣждаемъ васъ: не пренебрегайте научными занятіями, но со всякимъ смиреніемъ и благимъ предъ Богомъ намѣреніемъ прилежно учитесь, чтобы тѣмъ легче и вѣрнѣе могли вы проникать въ тайны св. Писанія. Такъ какъ на страницахъ его встрѣчаются схемы, тропы и прочее тому подобное, то безъ сомнѣнія только тотъ скорѣе пойметъ все это духовно, кто былъ предварительно наставленъ въ наукахъ. Но для такого дѣла пусть избираются такіе люди, которые бы сами имѣли и охоту и способность учиться, и вмѣстѣ желаніе учить другихъ. Все это должно дѣлать только съ такимъ намѣреніемъ, какое внушается нашимъ благочестіемъ, потому что мы желаемъ, чтобы вы, какъ то приличествуетъ воинамъ (церкви), были бы въ одно и тоже время и внутренне благочестивы и внѣшне учены, чисты жизнію и краснорѣчивы.... Если желаешь пріобрѣсть нашу благосклонность, то не забудь разослать копію съ этого письма ко всѣмъ подвѣдомственнымъ и твоимъ сопастырямъ и по всѣмъ монастырямъ“ [1]). Такимъ образомъ отъ всего духовенства требуется, кромѣ внутренняго благочестія, и внѣшнее образованіе. Еще настойчивѣе проводитъ эту мысль Карлъ въ послѣдующихъ капитуляріяхъ. Отъ 789 года онъ предписываетъ служителямъ алтаря во всѣхъ монастыряхъ и при епископіяхъ устроивать школы, въ которыхъ бы обучали чтенію, письму, счету, пѣнію псалмовъ и грамматикѣ [2]). Далѣе слѣдуетъ рядъ декретовъ, точно опредѣлявшихъ

[1]) Pertz, Monumenta Germ. Hist. t. III. leg. t. I. Ed. Hannov. 1835 г. 52 р.

[2]) «Умоляемъ вашу святыню, чтобы служители алтаря Божія украшали свое служеніе добрыми нравами... Пусть они собираютъ около себя и приближаютъ къ себѣ не только дѣтей рабскаго сословія, но и сыновей благо-

требованія Карла по вопросу объ образованіи клириковъ. Епископамъ предписывается слѣдить за образованіемъ пресвитеровъ ихъ епархіи [1]). Кромѣ письма, пѣнія, счета Карлъ требовалъ отъ священниковъ умѣнья списывать книги [2]). Наконецъ, слѣдуетъ точно формулированная программа духовныхъ или богословскихъ наукъ [3]), съ которою мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ.

Соборы, дѣлавшіе свои постановленія по иниціативѣ Карла и во всякомъ случаѣ не безъ вѣдома его вполнѣ согласны съ нимъ въ этомъ пунктѣ. Соборъ Шалонскій 813 года въ первомъ своемъ канонѣ требуетъ отъ духовенства научнаго образованія въ такой же степени, какъ и вышеуказанные капитуляріи [4]); а третьимъ канономъ предписываетъ епископамъ учреждать школы [5]).

родныхъ. Пусть будутъ устроены читальныя школы для мальчиковъ (Scholae legentium puerorum). Пусть при епископскихъ каѳедрахъ и въ каждомъ монастырѣ изучаютъ псалмы, ноты, пѣніе, счетъ и грамматику и пусть имѣютъ хорошо исправленныя каѳолическія книги (libros catholicos bene emendatos). (Capit. 71, 789 an. Migne t. 97, 176 col.). Въ 794 году Карлъ снова повторяетъ, ut unusquisque episcopus sibi subditos bene doceant et instruant; ita ut in domo Dei semper digni inveniantur qui canonice possint fieri electi (29 ibid. 197 col.).

[1]) Ut episcopi diligenter discutiant per suas parrochias praesbiteros, eorum fidem, baptisma, et missarum celebrationes, ut et fidem rectam teneant, et baptisma catholicum observent, ei missarum praeces bene intellegant, et ut psalmi digne secundum divisiones versuum modulentur, et Dominicam orationem ipsi intellegant, et omnibus praedicent intellegendam, ut quisque sciat quid petat a Deo (Capitul. 69, 789 an. ibid. 174 col.). Буквально до словъ: et Dominicam... тоже самое повторяется въ капитуляріѣ отъ 802 an. Aquis. (28 ibid. 238 col.).

[2]) Si opus est evangelium, psalterium et missale scribere, предписываетъ Карлъ пресвитерамъ, perfectae aetatis homines scribant cum omni diligentia (Cap. 71, 789 an. ibid. 177 col.)—scribere cartas et epistulas (Capit. de doctrina cleric. ibid. 249 col.).

[3]) Капитуляріи «de doctrina clericorum» ibid.

[4]) Mansi. Sacrorum Concil. nova et ampl. collectio t. XIV, 93 p. Ed. Florent. 1767 г.

[5]) «По примѣру того, какъ это сдѣлалъ господинъ императоръ Карлъ, мужъ замѣчательный по своему характеру, храбрости, мудрости, справедливости и умѣренности, епископамъ должно учреждать школы, въ которыхъ бы преподовались обычныя школьныя науки и книги священнаго писанія, чтобы оправдались слова Господа: «вы соль земли»; чтобы изъ нихъ выходили такіе люди, которые могли бы имѣть особенное значеніе среди простаго народа (qui condimentum plebibus esse valeant) и наука которыхъ могла бы быть противоставлена не только различнымъ ересямъ, но и ухищреніямъ антихриста и самому антихристу, такъ чтобы о нихъ по справедливости можно было сказать къ славѣ церкви: тысяча щитовъ висятъ на ней и всякое оружіе крѣпостное (ibid. can. III, 94 p.).

Рука объ руку съ образованіемъ духовенства идетъ собственно народное образованіе. Къ духовенству, которое избралъ Карлъ главнымъ орудіемъ для проведенія въ жизнь своихъ плановъ относительно этого предмета, онъ обращается съ прямыми предписаніями на этотъ счетъ. Въ 794 году Карлъ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ священникамъ учить народъ основнымъ истинамъ вѣры въ св. Троицу, объяснять молитву Господню и символъ вѣры [1]). Подобное требованіе повторяется не разъ и въ капитуляріяхъ послѣдующаго времени [2]). — Всѣ міряне, подъ страхомъ наказаній, обязываются знать символъ вѣры и молитву Господню [3]). Тѣ, которые не научатся этому, должны подвергаться наказаніямъ и посту до тѣхъ поръ, пока не усвоятъ того и другаго [4]). Королевскіе послы (missi) и графы (comites) должны были зорко слѣдить за приведеніемъ въ исполненіе этихъ распоряженій [5]). Молодое, подростающее поколѣніе было предметомъ особенной заботливости Карла по вопросу объ образованіи. Здѣсь съ одной стороны онъ предписываетъ главнымъ учителямъ народа открывать школы для всѣхъ молодыхъ людей безъ различія ихъ званія и состоянія, а съ другой строго наказываетъ родителямъ не удерживать дѣтей дома [6]).

Національный языкъ признается однимъ изъ важнѣйшихъ

---

[1]) Ut fides catholica sanctae Trinitatis et oratio dominica atque symbolum fidei omnibus praedicetur et tradatur (Cap. Francof. 33. Migne t. 97. 197 col.).

[2]) Ut omnibus festis et diebus dominicis unusquisque sacerdos evangelium Christi populo praedicet. Ut unusquisque sacerdos orationem dominicam et symbolum populo sibi commisso curiose insinuet, ac totius religionis studium et christianitatis cultum eorum mentibus ostendat (Cap. Aquisgr. 801 an. 4 и 5. Ibid. 217—218 col.).

[3]) Omnibus omnino christianis jubetur symbolum et orationem dominicam discere (Cap. Aquens. 14, 802 an. ibid. 247 col.).

[4]) Symbolum et orationem dominicam vel signaculum omnes discere constringantur. Et si quis ea nunc non teneat, aut vapulet, aut jeiunet de omni potu excepto aqua, usque dum haec pleniter valeat. Даже женщины обязываются знать то и другое подъ угрозою наказаній. Feminae vero aut flagellis aut ieiuniis constrigantur (Cap. eccles. 804 an. 2. Migne. Ibid. 281—282 col.).

[5]) Missi mostri cum episcopis praevideant, ut ita perficiatur; et comites similiter adjuvant episcopis, si gratiam nostram velint habere, ad hoc constringere populum, ut ista discant (ibid.).

[6]) Вышецитованный капитул. отъ 789 г. — non solum servilis conditionis infantes, sed etiam ingenuorum filios должны привлекать въ свои школы пресвитеры и монахи (Migne. t. 97. 176 col.). Ut unusquisque filium suum litteras ad discendum mittat, et ibi cum omni sollicitudine permaneat, usque dum bene instructus perveniat (Cap. Aqu. exam. gener. 12. Ibid. 249 col.).

средствъ народнаго образованія. Уже въ франкфуртскомъ капитуляріѣ Карлъ призналъ за національнымъ языкомъ право на употребленіе его въ церкви [1]). Но особенную важность въ этомъ отношеніи имѣютъ для насъ постановленія почти одновременно бывшихъ соборовъ 813 г.: Майнцкаго, Реймскаго и Турскаго, которые единогласно предписываютъ епископамъ и пресвитерамъ заботу о религіозномъ образованіи народа и разрѣшаютъ употребленіе національнаго языка въ церкви и школѣ [2]).

Конечно, нельзя было ожидать широкаго примѣненія національнаго языка въ религіозномъ употребленіи. По мысли отцовъ Турскаго собора 813 года, оно распространялось только на ученіе о католической вѣрѣ, о воскресеніи и будущемъ судѣ, о вѣчномъ блаженствѣ добрыхъ и наказаніи злыхъ; но важно было признаніе принципа, который, разъ допущенный, развиваясь могъ бы сопровождаться благими послѣдствіями для религіознаго образованія народа.

Какъ возстановитель римской имперіи, и еще болѣе, какъ любитель науки, Карлъ прилагалъ особенныя заботы къ реставраціи классическихъ наукъ. Незабвенную услугу въ этомъ отношеніи оказалъ ему Алкуинъ, явившись организаторомъ школъ въ имперіи Карла.

---

[1]) См. выше. 2 прим. къ 62 стр.

[2]) «Пусть священники, постановляютъ отцы Майнцкаго собора, постоянно убѣждаютъ христіанскій народъ изучать Символъ вѣры и Отче нашъ. Тѣхъ, которые пренебрегаютъ этимъ, повелѣваемъ карать постомъ или иными наказаніями. Родители также должны посылать своихъ дѣтей въ школу или въ монастыри, или внѣ ихъ къ пресвитерамъ, дабы они надлежащимъ образомъ (recte) изучали каѳолическій (catholicam) символъ вѣры и Отче нашъ, такъ чтобы въ состояніи были дома учить тому другихъ; кто иначе не можетъ, тотъ пусть учится этому на родномъ языкѣ» (M a n s i. Sacr. conc. collectio t. XIV, conc. Moguntiacum can. XLV, 74 p.). «Епископы, пишутъ отцы Реймскаго собора, должны стараться возвѣщать поученія и бесѣды святыхъ отцевъ согласно съ особенностями языка, такъ чтобы всѣ въ состояніи были понять ихъ» (M a n s i. Ibid. Conc. Rhemense can. XV, 78 p.). «Пусть, рѣшаютъ отцы Турскаго собора, каждый епископъ имѣетъ проповѣди, содержащія въ себѣ необходимыя наставленія въ истинахъ каѳолической вѣры (de fide catholica), которымъ должны поучаться подчиненные имъ, чтобы всѣ могли сознательно усвоить ученіе о вѣчномъ блаженствѣ добрыхъ, вѣчномъ осужденіи злыхъ, о будущемъ воскресеніи, а также послѣднемъ судѣ и о томъ, за какія дѣла всякій можетъ быть оправданъ и за какія осужденъ. Et ut easdem homilias quisque aperte tranferre studeat in rusticam Romanam linguam aut Theotiscam, quo facilius cuncti possint intelligere quae dicuntur (M a n s i. ibid. Conc. Turonense can. XVII, 85 p.).

Алкуинъ родился въ Іоркѣ въ 735 году, въ годъ смерти Бэды Достопочтеннаго. Первоначальное и дальнѣйшее образованіе получилъ онъ въ іоркской школѣ подъ руководствомъ двухъ ученыхъ епископовъ Іорка, Эгберта и Эльберта [1]). — Іоркская школа принадлежала къ числу самыхъ знаменитыхъ школъ Англіи того времени [2]). По своему направленію и организаціи она вполнѣ отвѣчала тому идеалу, который создалъ извѣстный организаторъ школъ Англіи, грекъ Θеодоръ, архіепископъ Кентербюрійскій. Всѣ классическія науки нашли себѣ пріютъ въ іоркской школѣ. Семь свободныхъ искусствъ, съ прибавленіемъ юриспруденціи, медицины и поэзіи, составляли курсъ общеобразовательныхъ предметовъ Во главѣ ихъ стояла sacra pagina, т. е. священное писаніе, считавшееся вѣнцомъ всякаго научнаго образованія. Въ такомъ видѣ рисуетъ предъ нами внутреннюю организацію школы самъ Алкуинъ въ своемъ„ Poema de pontificibus et canctis eclessiae eburacensis“ [3]). — Съ 766 года Алкуинъ занимаетъ постъ начальника іоркской школы и безъ сомнѣ-

---

[1]) Анонимный біографъ Алкуина о школьной преподавательской дѣятельности Эгберта говоритъ слѣдующее: Erat ei ex nobilium filiis grex scholasticorum; quorum quidam artis grammaticae rudimentis, alii disciplinis erudiebantur artium jam liberalium, nonnuli divinarum scripturarum (c. 2). Эльберта біографъ называетъ virum beatum et clarum, magistro per omnia similem (c. 4. Iaffé. Bibl. rer. germ. t. VI, 9 и 13 p.).

[2]) Fuit illa (schola Eboracensis) tunc temporis inter omnes illius insulae scholas, quarum memoria adhuc dum exstat, celeberrima (Frobenius. De vita B. Alc. commentatio. c. IV, 37 n.).

[3]) Ille (Эгбертъ) ubi diversis sitientia corda fluentis
Doctrinae et vario studiorum rore rigabat:
His dans grammaticae rationis gnaviter artes
Illis rhetoricae infundens refluamina linguae:
Illos juridica curavit cote polire
Illos Aonio docuit concinnere cantu;
Castalida institutiens alios resonare cicuta,
Et juga Parnassi lyricis percurrere plantis.
Ast alios fecit praefatus nosse magister
Harmoniam coeli, solis lunaeque labores,
Quinque poli zonas, errantia sidera septem,
Astrorum leges, ortus, simul atque recessus.
Aerios motus pelagi, terraeque tremorem,
Naturas hominum, pecudum, volucrumque ferarum,
Diversas numeri species, variasque figuras.
Paschalique dedit solemnia certa recursu,
Maxime scripturae pandens mysteria sacrae.
(De pontis. et. ss. ecles. Ebor. vers. 1431—1448. Migne. Patrol. t. 101. 841 col.).

нія сохраняетъ вполнѣ вышеописанную нами организацію школы [1]).

Недолго Алкуину пришлось быть предстоятелемъ отечественной школы. Политическія смуты въ родной странѣ [2]), слухи о Карлѣ Великомъ, какъ королѣ—покровителѣ наукъ и ученыхъ [3]), быть можетъ, завѣщаніе Эльберта, высказанное въ формѣ пророчества [4]) и, наконецъ, вѣроятно нѣкотораго рода внутренніе мотивы,— желаніе быть апостоломъ вѣры и науки среди необразованныхъ [5])—все это влекло Алкуина изъ родной стороны въ ту землю, которая сдѣлалась для него новымъ отечествомъ и главною ареною всей его научной дѣятельности.

Въ 782 году Алкуинъ переселяется во Францію и, послѣ кратковременной дѣятельности въ качествѣ преподавателя наукъ монахамъ Феръерскаго монастыря и инокамъ обители св. Люпа [6]), вызывается во дворецъ, а съ 796 года назначается настоятелемъ Турскаго монастыря, гдѣ онъ и умеръ въ 804 году 14-го іюня.

Этому-то человѣку суждено было играть во франкской мо-

---

[1]) Одинъ изъ учениковъ Алкуина, прибывшихъ съ нимъ во Францію, предпочелъ монашеству свѣтскую жизнь. Алкуинъ по этому поводу пишетъ ему письма, въ которыхъ проситъ его, убѣждаетъ возвратиться къ нему въ обитель, хотя бы только во имя того, что онъ былъ для него отцомъ, учителемъ, что онъ преподавалъ ему всѣ свободныя науки и писаніе. Olim te genui, пишетъ ему Алкуинъ, nutrivi, alui, et ad perfectum virum usque, Deo donante, perduxi, artibus studiose eruditum, sapientiae sole illuminatum, moribus opprime ornatum (Ep. 206). Quare dimisisti patrem, qui te ab infantia erudivit, qui te disciplinis liberalibus imbuit, moribus instruxit (Ep. 207. Migne t. 100. 481—482 col.).

[2]) Werner. Alc. und Sein. Jahrhundert. 13 S.

[3]) Alcuin. Epist. 129. См. выше. 2 прим. на 63 стр.

[4]) Это завѣщаніе анонимный біографъ Алкуина передаетъ въ слѣдующей формѣ: Romam volo venias, indeque revertens visites Franciam. Novi enim multum te ibi facere fructum: eritque Christus dux tui itineris, perducens ac gubernans te illuc advenam, sis ut expugnator nefandissimae haeresis; hominem Christum quae conabitur adoptivum adstruere, et fidei sanctae trinitatis firmissimus defensor clarissimusque praedicator. Perseverabis ergo in terra peregrinationis, multorum illuminans animas (c. 5. Iaffé. VI, 16 p.).

[5]) Самъ Алкуинъ выставляетъ эти мотивы своей эмиграціи ecclesiasticae causa necessitatis et ad confirmandam catholicae fidei rationem (Ep. 35 ed. Iaffé. VI, 255 p. у Migne. Patrolog. t. 100. Это письмо (VII) приведено не сполна), adjuvare in fide catholica (Adv. Elipand. l. 1, XVI. Migne, t. 101. 251 col.).

[6]) Neander. Allg. Gesch. d. chr. Relig. und Kirche. III B. 215 S. ed. 1834 г.

нархіи во времена Карла Великаго первенствующую роль въ дѣлѣ предпринятой Карломъ реставраціи школъ. Вызванный ко двору, Алкуинъ быстро возводитъ дворцовую школу на степень высшаго образцоваго учебнаго заведенія имперіи. Тоже дѣлаетъ онъ и съ Турскою школою. Выходившіе изъ школъ Алкуина дѣятели въ отдѣльныхъ монастыряхъ и епископіяхъ организуютъ новыя учебныя заведенія, стараясь по возможности копировать школы Алкуина. Франкская монархія покрывается цѣлою сѣтью учебныхъ заведеній. Но только одному изъ нихъ, благодаря энергической дѣятельности Рабана Мавра, любимаго ученика Алкуина, удалось стать на ту высоту процвѣтанія, на какой находились школы, организованныя непосредственно самимъ Алкуиномъ.

Всѣ школы обширной Карловой монархіи по своей внутренней организаціи въ строгомъ смыслѣ были воспроизведеніемъ школъ англійскихъ и ближайшимъ образомъ іоркской. Сравнивая эти послѣднія съ первыми, мы не находимъ ни одной особенно выдающейся черты, которая бы характеризовала школы времени Карла въ отличіе ихъ отъ школы іоркской. Возьмите образцовыя школы времени Карла, каковыми были: дворцовая и Турская и лучшія изъ монастырскихъ школъ, какъ школу Рэйхенау, и что же? вы видите въ нихъ совершенно тожественный кругъ наукъ, совершенно однообразную постановку предметовъ. Да и могло-ли быть иначе, когда организаторомъ франкскихъ школъ явился горячій патріотъ, воспитанникъ Англіи и нѣкоторое время начальникъ одной изъ лучшихъ школъ страны? Тенденція выставить свое отечество со стороны образованія гораздо выше франкской монархіи ясно проглядываетъ въ сочиненіяхъ и письмахъ Алкуина. Конечно, едва-ли это было только результатомъ самообольщеннаго патріотическаго чувства безкорыстнаго дѣятеля и труженика науки. Англія и въ самомъ дѣлѣ была въ то время по преимуществу страною науки и образованія. Даже въ ту пору, когда, благодаря усиленнымъ стараніямъ Карла Великаго и великимъ трудамъ Алкуина, франкская монархія могла похвалиться и благоустроенными школами и образованными мужами, воспитанниками этихъ школъ, Англія все еще оставалась центромъ умственной жизни того времени. Алкуинъ, уже оставившій дворецъ и, въ санѣ аббата турскаго монастыря, занятый благоустройствомъ школы

этой обители, устремляетъ свой взоръ къ Англіи, какъ къ странѣ наукъ и искусствъ. Вотъ что пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Карлу Великому: «мнѣ, вашему ничтожному рабу, недостаетъ обстоятельныхъ учебныхъ руководствъ (exquisitiores eruditionis scholasticae libelli desunt), какія я имѣлъ въ отечествѣ, благодаря доброму и благочестивому старанію моего наставника, а нѣкоторыя пріобрѣлъ собственнымъ потомъ. Говорю же о томъ вашему величеству въ надеждѣ,—не будетъ-ли угодно вамъ, при вашемъ стремленіи къ мудрости, чтобы я послалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ привезти намъ оттуда самое необходимое и пересадить такимъ образомъ цвѣты Британіи во Францію: пусть сады цвѣтутъ не въ одной странѣ Іорка, пусть и въ окрестностяхъ Тура разведется рай съ плодами яблокъ и пусть зефиръ колышетъ сады рѣки Лоары» [1]). При такомъ высокомъ научномъ авторитетѣ Англіи въ глазахъ жителей континента, въ частности при такомъ высокомъ понятіи объ англійской образованности самаго Алкуина, естественно было ожидать, что послѣдній, явившись организаторомъ школъ монархіи Карла, скорѣе всего позаботится воспользоваться готовымъ образцомъ благоустройства и организаціи англійскихъ школъ и цѣликомъ пересадить ихъ на франкскую почву. Такъ дѣйствительно и было. Алкуинъ въ вышеприведенномъ письмѣ къ Карлу прямо заявляетъ, что цѣль всѣхъ его трудовъ и заботъ—„пересадить цвѣты Британіи во Францію“.

Если такими по своей организаціи явились школы Алкуина, то что сказать о другихъ школахъ обширной монархіи Карла, такъ или иначе скопированныхъ съ первыхъ? Понятно, что съ формальной стороны всѣ онѣ должны были имѣть ближайшее сходство между собою. Если мы и замѣчаемъ въ нихъ различіе, то оно, конечно, обусловливается только внутреннимъ содержаніемъ, степенью совершенства преподаваемыхъ въ нихъ наукъ.

Эта послѣдняя сторона даетъ однако намъ право всѣ школы Карловой монархіи подраздѣлять на группы. Первѣе всего мы можемъ отмѣтить образцовыя школы, которыя были нѣкотораго рода высшеучебными заведеніями [2]). Сюда мы отнесемъ три

---

[1]) Epist. 43. Migne. Patrol. t. 100. 208 col.

[2]) Кажется, ихъ разумѣютъ отцы VI-го Парижскаго собора 829 года въ своей петиціи къ Людовику—Similiter obnixe ac suppliciter vestrae celsitudini seggerimus, ut morem paternum sequentes, saltem in tribus

школы: дворцовую, турскую и фульдскую. Отношенія ихъ къ другимъ школамъ имперіи можно характеризовать аналогіей отношенія высшеучебныхъ духовныхъ заведеній къ среднимъ въ нашемъ отечествѣ. Образцовыя школы для способныхъ людей различныхъ епископскихъ и монастырскихъ школъ служатъ завершительнымъ вѣнцомъ. Сюда посылаются молодые люди съ спеціальною цѣлью подготовки къ учительской дѣятельности [1]). Къ другой категоріи мы отнесемъ школы епископскія и монастырскія, и въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о низшихъ епархіальныхъ школахъ.

Само собою разумѣется, что высшія школы, какъ образцовыя, должны болѣе другихъ привлекать наше вниманіе въ силу своего особеннаго положенія въ государствѣ и отношенія ихъ къ другимъ школамъ. Такъ какъ дворцовая школа и турская были доведены до цвѣтущаго состоянія Алкуиномъ, а фульдская—Рабаномъ Мавромъ *по образцу первыхъ* [2]), то, конечно, во всѣхъ трехъ организація была одинаковая.

Кругъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, по мысли Алкуина, раздѣлялся на богословіе и философію. Послѣдняя распадалась на этику, физику и логику. Рабанъ Мавръ точно также подводитъ всѣ науки подъ двѣ категоріи: божественныхъ и человѣческихъ. Послѣднія распадаются на практическія и суевѣрныя. Къ суевѣрнымъ относятся тѣ, которыя направлены ad faciendа

---

congruentissimis imperii vestri locis, scholae publicae ex vestra auctoritate fiant: ut labor patris vestri et vester per incuriam, quod absit, labefactando non depereat. Quoniam ex hoc facto et magna utilitas et honor sanctae Dei ecclesiae, et vobis magnum mercedis emolumentum, et memoria sempiterna acerescet (Mansi. Sacr. Conc. collect. Conc. Paris, c. XII, t. XIV, 599 p.). Gieseler, Lehrbuch d. Kirchengesch. 2 B. 1 Abth. 83 S. Bonn. 1846 г.

[1]) Cumque hujus novae institutionis (Фульдской школы), пишетъ Тритемій, біографъ Рабана Мавра, apud Germanos fama transisset in publicum, plures coenobiorum praelati eam docendi formam laudantes, alii monachos suos ad Fuldam miserunt sub Rabani ferula sacris imbuendos studiis, alii vero scholas erexerunt in monasteriis propriis, quibus praeceptores de memorato coenobio doctiores quosque praefecerunt (Vita Rab. Mavr. l. 1, Migne, t. 107, 79 col.).

[2]) Біографъ Рабана Мавра, Тритемій, по этому поводу пишетъ слѣдующее: Rabanus annorum viginti quinque monasterii monachorum scholae praeficitur, et eum docendi modum, quem ab Albino nunc didicerat, etiam tenere apud Fuldenses monachos inviolabilem jubetur. Qui mox ut docendi subivit officium, per omnia curavit Albinum sequi et imitari magistrum.... (Trithemius. Ibid. 79 col.

et colenda idola, или ad colendum sicut Deum creaturam. Человѣческія науки имѣютъ дѣло съ тѣмъ, „что относится къ жизни и никакимъ образомъ не должно быть избѣгаемо христіаниномъ, но, насколько возможно, изучаемо и удерживаемо въ памяти“ [1]).

Въ какомъ соотношеніи находились между собою всѣ эти группы наукъ, всего лучше узнаемъ мы изъ предисловія Алкуина къ грамматикѣ. Это послѣднее представляетъ общія разсужденія о философіи. Ученики чрезвычайно заинтересованы, въ чемъ заключается сущность мудрости и какъ къ ней приблизиться. Учитель съ удовольствіемъ хочетъ удовлетворить любопытству ихъ, если только это будетъ „propter Deum, ради чистоты души, ради познанія истины“, а не для временныхъ выгодъ, которыя слишкомъ непрочны. Условія приняты, и ученики просятъ учителя только объ одномъ, чтобы онъ „началъ питать ихъ нѣжною пищею, дабы съ возрастомъ они могли легче приступить къ болѣе твердой“. Учитель начинаетъ. „У Соломона мудрость сама о себѣ говоритъ: мудрость создала себѣ домъ и утвердила столповъ семь... Конечно, эта мудрость относится къ божественной Мудрости, Которая въ дѣвственной утробѣ создала себѣ домъ, т. е. тѣло и утвердила его семью дарами Св. Духа. Это относится и къ церкви, которая есть домъ Божій, прославленный тѣми же дарами. Однако и книжная мудрость поддерживается столпами семи свободныхъ искусствъ и не иначе приводитъ къ совершенному какому-либо знанію, какъ только при помощи этихъ семи столповъ или степеней“. Грамматика, риторика, діалектика, ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія—вотъ семь основныхъ столповъ мудрости. На нихъ покоится она. Ими располагали всѣ древніе философы. Наконецъ, съ ними такъ хорошо знакомы были отцы и учители церкви. Только благодаря имъ они отстояли чистоту вѣры противъ нападеній еретиковъ. „И вы, любезнѣйшіе дѣти, идите по этимъ стезямъ мудрости до тѣхъ поръ, пока возрастъ болѣе совершенный и умъ болѣе крѣпкій не приведутъ васъ ad culmina sanctarum scripturarum. Сдѣлайтесь и вы непоколебимыми защитниками правой вѣры и истины“ [2]). Итакъ семь свободныхъ искусствъ не сами себѣ цѣль, какъ самостоятельныя науки, но средство для высшей цѣли.

[1]) De clericorum institutione l. III, c. 16. Migne t. 107, 392—393 col.
[2]) Migne. t. 101. 853—854 col.

Еще частнѣе и рельефнѣе развиваетъ эту мысль любимый ученикъ Алкуина, Рабанъ Мавръ. Вотъ что пишетъ онъ о соотношеніи наукъ: „Грамматика научаетъ искусству толкованія древнихъ поэтовъ и историковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ искусству говорить и писать правильно. Она есть начало и основаніе всѣхъ другихъ свободныхъ наукъ... Безъ нея нельзя понять ни значенія словъ и слоговъ, ни схемъ, повышеній и пониженій, ни расположенія частей рѣчи, ни троповъ и фигуръ. Словомъ, она есть judex omnium librariorum. Но всѣ подобнаго рода виды рѣчи можно находить и въ священныхъ книгахъ. Кто прилежно читаетъ ихъ, тотъ увидитъ, что наши авторы пользовались тропами гораздо чаще, чѣмъ это можно подумать съ перваго раза. Не только примѣры всѣхъ этихъ троповъ, но даже и названіе ихъ можно находить въ божественныхъ книгахъ, какъ напримѣръ allegoria, aenigma, parabola. Знаніе всего этого необходимо для разрѣшенія различныхъ обоюдностей въ Св. Писаніи, такъ какъ смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ, если понимать ихъ буквально, можетъ быть нелѣпъ [1]). Не слѣдуетъ также пренебрегать и просодіей, потому что въ псалмахъ и другихъ книгахъ встрѣчается много разныхъ размѣровъ. Поэтому надлежитъ ревностно заниматься чтеніемъ христіанскихъ поэтовъ, а также не пренебрегать и сочиненіями языческихъ. Слѣдуетъ только тщательно очистить древнихъ поэтовъ, дабы въ нихъ не оставалось ничего, имѣющаго отношеніе къ любви и любовнымъ связямъ и къ языческимъ богамъ [2]).

Обычное опредѣленіе риторики [3]) не удовлетворяетъ Рабана, такъ какъ оно носитъ отпечатокъ свѣтскости. По мнѣнію его, риторика нужна для церковнаго краснорѣчія, для защиты христіанской истины отъ нападокъ враговъ [4]). Но гораздо важнѣе для этой цѣли діалектика, которая рѣшительно необходима для

---

[1]) De clericorum institutione l. III, c. 18. Migne. t. 107, 395 col.

[2]) Nos hoc facere solemus, hocque facere debemus, qaando poetas gentiles legimus, quando in manus nostras libri veniunt sapientiae saecularis, si quid in eis utile reperimus, ad nostrum dogma convertimus; si quid vero superfluum de idolis, de amore, de cura saecularium rerum haec radamus, his calvitium inducamus, haec in unguium more ferro acutissino desecemus (ibid. 396 col.).

[3]) Rhetorica est, sicut magistri tradunt, saecularium litterarum bene dicendi scientia, in civilibus quastionibus (ibid. c. 19, 396 col.).

[4]) Ibid.

клириковъ, чтобы состязаться съ еретиками и преодолѣть ихъ [1]). Діалектика это царица всѣхъ искусствъ и наукъ. Въ ней разумъ обнаруживаетъ себя. Она одна лишь въ состояніи сообщить знаніе и мудрость, она одна только указываетъ, что такое и откуда мы, научаетъ постигать наше назначеніе, распознавать добро и зло [2]).

Ариѳметика важна вслѣдствіе тайнъ, заключающихся въ числахъ [3]). Авторитетъ Авраама, который, по свидѣтельству Іосифа Флавія, преподавалъ ариѳметику въ Египтѣ и другихъ отцовъ, изучавшихъ ее, совершенно достаточенъ для того, чтобы прилежно заниматься ею. Къ тому же изученіе ариѳметики необходимо для пониманія священнаго писанія, такъ какъ въ немъ говорится о числахъ, мѣрѣ и пр. [4]).

Геометрія по своему предмету приложима къ жизни и развивающимъ образомъ дѣйствуетъ на умственныя способности [5]).

Музыка и астрономія необходимы для богослуженія, которое безъ музыки не можетъ быть отправляемо съ достоинствомъ и благочиніемъ [6]), а безъ астрономіи—въ установленные и опредѣленные дни [7]).

---

[1]) Oportet clericos hanc artem nobilissimam scire, ejusque jura in assiduis meditationibus habere, ut subtiliter haereticorum versutiam hac possint dignoscere, eorumque dicta veneficatis syllogismorum conclusionibus confutare (Ibid. c. 20, 397 col.).

[2]) Ibid.

[3]) Ibid. c. 22.

[4]) Ratio numeri contemnenda non est, quae in multis sanctarum scripturarum locis quam magni existimanda sit, lucet diligenter intuentibus.... Quapropter necesse est eis qui volunt ad sacrae scripturae notitiam pervenire, ut hanc artem intente discant; et cum didicerint, mysticos numeros in divinlis libris facius hinc intelligant (Ibid. 399, 400 col.).

[5]) Ibid. c. 23. Haec disciplina in tabernaculi templique aedificatione servata est, ubi linealis mensurae unius et circuli ac spherae atque hemispherion, quadrangulae quoque formae, et caeterarum figurarum dispositio habita est: quorum omnium notitia ad spiritalem intellectum non parum adjuvat tractatorem (401 col.).

[6]) Musica tam nobilis est, tamque utilis, ut qui ea caruerit, ecclesiasticum officium congrue implere non possit (c. 24, 401 col.).

[7]) Hanc quidem partem astrologiae quae naturali inquisitione exsequitur, solis lunaeque cursus atque stellarum, et certas temporum distinctiones caute rimatur, oportet a clero Domini solerti medicamine disci, ut per certas regularum conjecturas, et ratas ac veras argumentorum aestimationes, non solum praeterita annorum curricula veraciter investiget, sed et de futuris noverit fideliter ratiocinari temporibus utque Paschalis festi exordia, et certa loca omnium

Такимъ образомъ и Рабанъ Мавръ, оставаясь вѣрнымъ мыслямъ Алкуина, по прекрасному замѣчанію его біографа, „обратилъ свѣтскія науки на служеніе священнымъ“ [1]). И такая судьба постигла не однѣ только выше перечисленныя науки, составляющія собою группу наукъ, относящихся ad rationem animi, т. е. къ категоріи семи свободныхъ искусствъ, но и всѣ другія отрасли знанія. Такъ историческія науки Рабанъ считаетъ не болѣе, какъ вспомогательнымъ средствомъ ad libros sanctos intellegendos [2]). Да и тѣ науки, которыя, въ отличіе отъ исторіи, занимающейся событіями давно минувшихъ дней, трактуютъ о предметахъ настоящаго, съ чисто практическимъ содержаніемъ, каковы науки географическія, естественныя и т. под.—и эти всѣ имѣютъ значеніе только ad aenigmata scripturarum solvenda [3]). Словомъ, всякое знаніе, всякая наука имѣетъ цѣну на столько, на сколько оно помогаетъ разумному усвоенію содержанія священныхъ книгъ. — Такова была постановка общеобразовательныхъ предметовъ въ высшихъ школахъ времени Карла Великаго. Понятно, что она не вела и не могла вести къ широкому развитію наукъ. Всего лучше можно судить о совершенствѣ преподаванія свѣтскихъ наукъ по сохранившимся до насъ учебникамъ отъ того времени. Алкуинъ составилъ для своихъ школъ учебники по предметамъ тривіума. Разборъ ихъ покажетъ намъ и объемъ преподаваемыхъ наукъ, и методъ и планъ преподаванія ихъ [4]).

---

solemnitatum atque celebrationum, sibi sciat intimare observanda, et populo Dei rite valeat indicare celebranda (c. 25. 403—404 col.).

[1]) Рабанъ Мавръ in ministerium divinarum scripturarum scientias convertit saeculares: et, veluti Socrates alter, tractam e coelo philosophiam in ethicam transmutavit; propterea, ut me dixisse memini, auditores suos in omni doctrina litteraturae saecularis ad plenum instituit, eosque inprimis gramatticos, dialecticos, rhetores, arithmeticos, geometras, astronomos, musicos, atque poetas statuit; et postea idoneos ad divinarum scripturarum scientiam introduxit (Trithemius. Vita K. M. l. 1. Migne. t. 107, 84 col.).

[2]) Quidquid de ordine temporum transactorum indicat ea quae appelatur historia, plurimum nos adjuxat ad libros sanctos intelligendos (De cleric. instit. l. III, c. 17. Migne ibid. 393 col.).

[3]) Est etiam narratio similis demonstrationi, qua non praeterita, sed praesentia indicantur ignaris in quo genere sunt, quae de locorum situ, naturisque animalium, lignorum, herbarum, lapidum, aliorumve corporum scripta sunt... Eamque cognitionem valere ad aenigmata scripturarum solvenda, docuimus (ibid. 394 col.).

[4]) Въ преподаваніи наблюдалась строгая послѣдовательность. На первомъ

Грамматика Алкуина изложена въ формѣ діалога. Разсуждающими являются два ученика Алкуина: англосаксъ и франкъ, впрочемъ, при дѣятельномъ вмѣшательствѣ учителя. Первый стоитъ выше по возрасту и по своимъ познаніямъ. Сначала, подъ руководствомъ самого наставника, устанавливается общій планъ бесѣды, а затѣмъ открывается и самая бесѣда.

Фр. Дай опредѣленіе буквы.

Сакс. Буква есть малѣйшая часть произнесеннаго слова.

Ученики. Нѣтъ-ли, наставникъ, другаго опредѣленія буквы?

Учитель. Есть, но въ томъ же смыслѣ: буква есть недѣлимое, потому что рѣчь состоитъ изъ частей, части изъ слоговъ, и слоги подраздѣляются на буквы, но букву раздѣлить нельзя.

Ученики. Почему буквы называются элементами?

Учит. Потому что, какъ элементы въ своемъ соединеніи составляютъ тѣло, такъ и соединенныя (conglutinatae) вмѣстѣ буквы образуютъ звукъ.

Фр. Представь мнѣ, товарищъ, раздѣленіе буквъ.

Сакс. Буквы бываютъ гласныя и согласныя; согласныя подраздѣляются на полугласныя и безгласныя.

Фр. На чемъ основывается такое раздѣленіе?

Сакс. Гласныя произносятся отдѣльно и сами по себѣ составляютъ слогъ; согласныя же не могутъ быть ни выговорены, ни составить слога...

Фр. Я помню, на основаніи Доната, въ каждой буквѣ надобно обращать вниманіе: а) на ея названіе (nomen), b) фигуру (figuram) и значеніе (potestatem). О названіяхъ и фигурахъ не будемъ говорить, скажи мнѣ о свойствѣ и начни съ гласныхъ.

планѣ стояли предметы тривіума. Это и понятно. Во времена Карла латинскій языкъ былъ еще почти народнымъ языкомъ, по крайней мѣрѣ для высшихъ классовъ, языкомъ церкви и школы. Поэтому первѣе всего нужно было познакомиться съ языкомъ школы, а потомъ съ самыми предметами школьнаго преподаванія. Но грамматика того времени знакомила учениковъ только съ этимологіей. Дальнѣйшее знакомство съ языкомъ сообщалось логикою въ широкомъ смыслѣ слова, распадающеюся на двѣ части: реторику и діалектику. За предметами тривіума слѣдовали науки квадривіума, т. е. ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія (Рабанъ Мавръ по примѣру Алкуина juniores monachos primum doceret in grammaticis, et cum apti viderentur ad majora gravioribus etiam formarentur institutis. Trithemius. Vit. K. M. Migne. t. 107. 79 col.). Одновременно съ этими науками ученики, по крайней мѣрѣ желающіе, знакомились съ тѣми предметами, которые у Рабана Мавра относятся ad sensus corporis. Знакомствомъ съ греческимъ языкомъ завершался кругъ свѣтскихъ наукъ. Вотъ общій ходъ образованія высшихъ школъ.

Сакс. У латиновъ гласныхъ пять, потому что шестая гласная *y* заимствована у грековъ для обозначенія греческихъ словъ, какъ и согласная z...

Вотъ образецъ того, какимъ методомъ излагается грамматика Алкуина.

Покончивъ съ буквами, ученики переходятъ къ слогамъ и устанавливаютъ различіе между долгими и короткими. Учитель объясняетъ, что такое обоюдные слоги, случаи ихъ употребленія и, наконецъ, переходитъ къ опредѣленію грамматики.

„Грамматика есть словесная наука (litteraria scientia), стражъ правильной рѣчи и письма (custos recte loquendi et scribendi). Составныхъ частей грамматики Алкуинъ насчитываетъ двадцать шесть [1]), а частей рѣчи восемь — это: имя, мѣстоименіе, глаголъ, нарѣчіе, причастіе, союзъ, предлогъ и междометіе.

„Имя есть часть рѣчи, которая приписываетъ какому либо тѣлу или вещи общее или спеціально ему принадлежащее названіе". Имена бываютъ: *общія* (нарицательныя) — человѣкъ, наука и *собственныя*—Виргилій, ариѳметика. Въ первыхъ различаются: качество (qualitas), сравненіе (comparatio), родъ, число, видъ (figura) и падежъ; въ послѣднихъ—первое имя (praenomen), имя (nomen), прозваніе или фамилія (cognomen), прибавленное или придаточное имя (agnomen). По качеству имена бываютъ: *тѣлесныя* (corporalia)—человѣкъ, земля, *нетѣлесныя или отвлеченныя* (incorporalia)—благочестіе, достоинство, *первообразныя* — школа и *производныя* — школьный, *положительныя*—добрый, *сравнительныя*—добрѣе и т. д. Имена положительныя, сравнительныя и превосходныя имѣютъ различныя окончанія для обозначенія рода. Здѣсь же кстати Алкуинъ замѣчаетъ и о сочиненіи сравнительной степени съ творительнымъ падежемъ, а превосходной—съ родительнымъ.—Родовъ Алкуинъ различаетъ четыре:—мужескій, женскій, средній и общій. Роды именъ познаются по значенію и окончанію. Послѣднее даетъ возмож-

---

[1]) На вопросъ учениковъ in quot species dividitur grammatica? онъ отвѣчаетъ: In XXVI: in vocem, in litteras, in syllabas, partes, dictiones, orationes, definitiones, pedes, accentus, posituras, notas, orthografiam, analogias, etymologias, glossas, differentias, barbarismum, soloecismum, vitia, metaplasmum, schemata, tropos, prosam, metra, fabulas, historias. Каждой изъ этихъ частей дается коротенькое опредѣленіе. Напр. dictio есть малѣйшая часть рѣчи, имѣющей полный смыслъ. Oratio есть распорядокъ дикцій, показывающій полную и опредѣленную мысль. Definitio—короткое oratio и т.

ность опредѣлить не только родъ имени, но и его склоненіе.— Число Алкуинъ опредѣляетъ, какъ форму различенія (formam distinctionis). Единственное число есть опредѣленное число, а множественное—неопредѣленное, потому что, если говорится—человѣкъ, то это значитъ—одинъ человѣкъ, а когда говорятъ—люди, то неизвѣстно еще, сколько ихъ, если не прибавятъ — десять, двадцать и т. д. Число имѣютъ: имена, мѣстоименія, глаголы, причастія и нарѣчія, разумѣется, не измѣняя окончаній для того и другаго числа. — По виду (figura) имена бываютъ простыя и сложныя. Послѣднія могутъ быть составлены изъ цѣльныхъ словъ (integris), изъ измѣненныхъ (corruptis) или изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ (ex corruptis et integris). Сложеніе допускаютъ всѣ части рѣчи, за исключеніемъ междометій.— Что касается склоненія сложныхъ словъ, то изъ двухъ или болѣе слагающихъ склоняется то, которое стоитъ въ именительномъ падежѣ. Переходя къ падежамъ, Алкуинъ объясняетъ значеніе каждаго, а вмѣстѣ касается и причины, почему они обыкновенно располагаются въ такомъ порядкѣ, т. е. сначала именительный, потомъ родительный и т. д. Послѣднее особенно интересно по искусственности объясненія. „Именительный беретъ себѣ первое мѣсто потому, что его природа произвела первымъ; родительный—второе, поелику онъ родитъ другіе падежи; дательный—третье, такъ какъ онъ болѣе всего приличествуетъ друзьямъ (magis amicis convenit); винительный—четвертое, потому что онъ чаще относится къ врагамъ (ad inimicos saepius profertur), звательный, какъ менѣе другихъ опредѣленный по смыслу, занимаетъ пятое мѣсто; творительному, какъ недавно изобрѣтенному, прилично послѣднее“. Далѣе идетъ рѣчь о падежныхъ окончаніяхъ. Этимъ и заканчивается трактатъ о существительныхъ именахъ.

По тѣмъ же рубрикамъ излагается трактатъ о мѣстоименіяхъ. И здѣсь прежде всего различаются species (составъ) ихъ, т. е. первообразныя (они же личныя) мѣстоименія (ego, tu, sui, ille, ipse, iste, hic, is) и производныя (притяжательныя—meus, tuus, noster, vester, nostras, vestras), родъ, видъ, (figura) т. е. простыя и сложныя мѣстоименія, число и падежъ. Что касается склоненій мѣстоименій, то ихъ Алкуинъ насчитываетъ четыре. Къ первому относятся—ego, tu и sui, ко второму—остальныя личныя мѣстоименія; къ третьему—первыя пять производныхъ

и къ четвертому, наконецъ, послѣднія два изъ производныхъ (nostras и vestras). Слѣдуя Присціану, всѣ остальныя мѣстоименія Алкуинъ относитъ къ именамъ.

„Глаголъ есть часть рѣчи съ временами и наклоненіями безъ падежей, означающій дѣятельность или страданіе (активность и пассивность). Дѣйствительные и страдательные глаголы предполагаютъ одновременно два значенія,—amo te, tu amaris a me. Средніе глаголы имѣютъ только одно значеніе—или дѣятельности, или пассивности—ambulo, ardeo. Отложительные и общіе относятся по своему значенію къ дѣйствительнымъ. Окончанія глаголовъ суть *o* и *r*, а отсюда двѣ формы спряженія, изъ которыхъ къ одной относятся глаголы на *o*, а къ другой на *r*. Но есть и такіе глаголы, которые въ настоящемъ времени спрягаются по первой формѣ, а въ прошедшемъ по второй, таковы извѣстные глаголы—soleo, gavdeo, fido. Что касается временъ, то главныхъ—три, но каждое подраздѣляется на два вида и такимъ образомъ ихъ получается шесть. Настоящее время есть самое главное между ними, „потому что въ немъ мы находимся, когда говоримъ о прошедшемъ и будущемъ“. Конечно, не всѣ глаголы имѣютъ всѣ времена. Недостаточные довольствуются часто только прошедшимъ и давнопрошедшимъ; всѣ безличные не имѣютъ будущаго неопредѣленнаго. Есть и дѣйствительные глаголы, которые не имѣютъ своего прошедшаго, но заимствуютъ его отъ другихъ глаголовъ, какъ tollo-sustuli отъ suffero. „Наклоненіе глагола есть показатель различныхъ состояній духа“. Изъявительнымъ мы показываемъ, что мы дѣлаемъ, дѣлали или будемъ дѣлать; повелительнымъ—что должны дѣлать другіе и т. д. Изъявительное наклоненіе есть представитель всѣхъ другихъ наклоненій, отъ него они заимствуютъ свои формы (regulas). Повелительное должно занять второе мѣсто, какъ вполнѣ достаточное для выраженія смысла безъ всякой помощи другаго слова. Желательное ниже повелительнаго уже по самому значенію, потому что желаніе ниже приказанія, да къ тому же оно нуждается въ нарѣчіи для выраженія своего полнаго смысла, напр. utinam. Сослагательное—еще ниже, потому что кромѣ нарѣчія требуетъ еще одного слова (союза) для выраженія его смысла. Наконецъ, неопредѣленное занимаетъ послѣднее мѣсто, поелику всегда нуждается въ одномъ какомъ

либо изъ вышепоименованныхъ наклоненій.—Безличные глаголы происходятъ отъ дѣйствительныхъ или среднихъ и всегда соединяются съ мѣстоименіемъ. Кромѣ наклоненій глаголы имѣютъ герундій и супинъ, которые Присціанъ относитъ къ именамъ. Какъ и имена, глаголы бываютъ коренные и производные, какъ и имена, они бываютъ простые и сложные по виду (figura). По спряженію глаголы раздѣляются на четыре группы, изъ которыхъ для каждой приведены Алкуиномъ образцы спряженія. При этомъ обращается вниманіе на долготу и краткость слоговъ. Говоря о лицахъ, Алкуинъ приводитъ правило о согласованіи глагола въ случаѣ нѣсколькихъ разноличныхъ подлежащихъ. Какъ и имена, глаголы имѣютъ два числа, но отличаются отъ именъ тѣмъ, что не могутъ имѣть одинаковыхъ окончаній для разныхъ чиселъ. Безличные и нѣкоторые недостаточные глаголы не имѣютъ чиселъ. Когда зашла рѣчь о недостаточныхъ глаголахъ, Алкуинъ подробно излагаетъ причину, откуда являются недостаточные глаголы. Три такихъ причины выставляетъ онъ: a) необходимость, b) приличіе и c) неупотребительность у классическихъ авторовъ. Все это подтверждается примѣрами. Въ заключеніе трактата о глаголѣ приводится спряженіе глаголовъ—sum, fero, ado и volo.

„Нарѣчіе опредѣляется какъ часть рѣчи, всегда соединяющаяся съ глаголомъ. По составу первообразныя нарѣчія отличаются отъ производныхъ; допускается возможность замѣны нарѣчій именами въ извѣстныхъ падежахъ и союзами. По виду различаются простыя и сложныя нарѣчія; по значенію—нарѣчія времени, мѣста, указательныя, вопросительныя и др. Для каждаго класса ихъ приводятся примѣры изъ римскихъ классиковъ.

Въ отдѣлѣ о причастіяхъ идетъ рѣчь о томъ, почему такъ названа эта часть рѣчи, объ отличіи причастія отъ имени. Причастіе всегда бываетъ производнымъ словомъ. Оно управляетъ падежами (б. частію винительнымъ), имѣетъ времена. Правда, и имя (прилагательное) требуетъ иногда послѣ себя падежа—род. или твор., но не винительнаго, какъ причастіе. Правда, есть и имена, означающія время, но не дѣятельность или пассивность во времени, какъ причастія. Причастія могутъ замѣнять глаголъ, напр. legens sum вм. lego, и наоборотъ. И при всемъ томъ причастія не излишни. Они полезны въ томъ отношеніи, что даютъ возможность обходиться безъ союзовъ въ

случаѣ соединенія нѣсколькихъ глаголовъ, напр. lego et scribo— лучше сказать legens scribo. Косвенные падежи причастій даютъ возможность выражать мысль безъ описанія, замѣняютъ цѣлыя предложенія, напр. docenti respondeo. Въ причастіяхъ родъ и падежъ заимствуются отъ именъ, значеніе и время отъ глаголовъ, число и видъ отъ того и другаго. О родахъ и падежахъ причастій нужно сказать тоже, что говорилось относительно этого въ отдѣлѣ объ именахъ. Глаголъ опредѣляетъ значеніе и времена причастія. Дѣйствительные, общіе и отложительные глаголы имѣютъ четыре причастія, страдательные — два. Причастія производятся отъ глаголовъ — отъ различныхъ временъ ихъ, напр. настоящее—отъ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, прошедшее страдательнаго и будущее дѣйствительнаго отъ супина. Отдѣлъ о причастіяхъ заканчивается перечисленіемъ глаголовъ, неправильно образующихъ главныя времена.

Союзъ опредѣляется, какъ часть рѣчи несклоняемая, показывающая значеніе (vim) и распорядокъ (ordinationem) другихъ частей. Коренные и производные по виду, они, по значенію, бываютъ соединительные, раздѣлительные, условные, причинные и утвердительные; по порядку—ставятся впереди, или позади, а нѣкоторые—безразлично.

„Предлогъ есть часть рѣчи несклоняемая“. Предлоги ставятся или отдѣльно, или сливаются съ другимъ словомъ. Есть и такіе, которые никогда не сливаются и, наоборотъ, которые никогда не отдѣляются. Третій классъ ихъ—которые употребляются и отдѣльно и въ соединеніи съ другими. Иногда предлоги переходятъ въ нарѣчія и, наоборотъ, нарѣчія — въ предлоги. По управленію словами они распадаются на двѣ категоріи: одни сочиняются съ винительнымъ падежемъ, другіе—съ творительнымъ. Впрочемъ, есть и такіе, которые требуютъ то винительнаго, то творительнаго падежа.

Въ заключеніе этимологическаго отдѣла грамматики Алкуина приводится краткое замѣчаніе о междометіяхъ.

Но знакомствомъ съ этимологіей языка далеко не заканчивалось грамматическое образованіе. Какъ существенныя части грамматики трактовались орѳографія и метрика,—и это вполнѣ понятно, когда съ одной стороны на переписку рукописей для

библіотекъ было обращено особенное вниманіе [1]), а съ другой,— поэзія трактовалась, какъ весьма важный предметъ въ системѣ общеобразовательныхъ наукъ [2]). Могъ-ли оставить безъ вниманія эти столь важные предметы знаменитый преподаватель образцовыхъ школъ времени Карла [3])?

И дѣйствительно, мы видимъ, что для школьной практики Алкуинъ составилъ коротенькое руководство по орѳографіи. Это послѣднее представляетъ ничто иное, какъ реэстръ такихъ словъ, которыя, имѣя одинаковое произношеніе, пишутся различно. Не обошелъ своимъ вниманіемъ Алкуинъ и синонимовъ, а также словъ, означающихъ время. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ онъ старается отыскать корень слова, или указываетъ на значеніе, какъ на причину того или другаго правописанія. Руководство расположено по буквамъ латинскаго алфавита отъ A до U [4]).

Что Алкуинъ преподавалъ и послѣднюю часть грамматики— метрику, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Это ясно съ одной стороны изъ того, что Алкуинъ сильно любилъ поэзію

---

[1]) Самъ Алкуинъ въ Турской школѣ устроилъ для переписки рукописей особый залъ и музей. На стѣнахъ его были вывѣшены прописи, которымъ должны были подражать занимавшіеся списываніемъ рукописей. Строго запрещалось выдумывать новыя формы буквъ, спѣшить при перепискѣ. Предписывалось наблюдать надлежащія разстановки и знаки интерпункцій (Carmina LXVII. Migne. t. 101, 745 col.).

[2]) Rab. Mavr. De cleric. institutione. l. III, c. 18.

[3]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Карлу Великому Алкуинъ убѣждаетъ и его обратить вниманіе учениковъ дворцовой школы на орѳографію, и особенно на правильную разстановку и знаки раздѣленій (Ep. 101. Migne. t. 100, 315 col.).

[4]) Для примѣра приведемъ коротенькій отрывокъ изъ отдѣла подъ литтерою *A*. «*Aeternus*, *aetas*, *aequitas*, *aevum*, *aequus* пишутся чрезъ двоегласную *ae*. *Equus* — конь должно писаться чрезъ *e*. *Aula* — дворецъ пишется чрезъ *a*, но греческое *aule*—чрезъ *e; aulea* пишется чрезъ *e*, если означаетъ палатку.... *Ante* предлогъ имѣетъ различныя значенія: оно означаетъ время, какъ *ante diem festum Paschae* (Іоанн. XIII, 1), присутствіе—*ante conspectum gentium*.... достоинство, какъ *posuit Ephraim ante Manasem*. *Arguo*, *argui* и *argutum* правильно образуютъ *argutarus*. *Amo*, *amavi*, допускаетъ *amasti* и часто другія слова, которыя только въ прошедшемъ совершенномъ принимаютъ букву *v*, допускаютъ также синкопе, какъ *neo*, *nevi*, *nevisti*, и *nesti*. И, наоборотъ, не принимаютъ его тѣ, которыя имѣютъ *v* въ настоящемъ, какъ *lavo*, *lavasti*, но никто не говоритъ *lasti*. *Adipiscor* образуетъ *adeptus sum*. *Accusso* должно писаться чрезъ два *c* и два *s*; *accedo*—чрезъ два *c*»... (De orthographia. Migne. t. 101, 902—903 col.).

и самъ написалъ не малое количество стихотвореній, а съ другой—мы имѣемъ и прямыя указанія на это въ его грамматикѣ. Разсуждая, по просьбѣ учениковъ, объ обоюдныхъ слогахъ, Алкуинъ считаетъ нужнымъ оговориться, что теперь онъ излагаетъ этотъ предметъ кратко, въ виду обстоятельнаго разъясненія его въ метрикѣ [1]); а трактовать о повышеніи и пониженіи въ словахъ онъ совсѣмъ отказывается, ссылаясь опять таки на метрику [2]).

Но какъ преподавалась метрика, въ какомъ объемѣ, какимъ методомъ—все это должно остаться открытымъ вопросомъ по крайней мѣрѣ на долгое время, если не навсегда [3]).

Мы разсмотрѣли постановку грамматики въ школахъ Алкуина. О достоинствѣ разсмотрѣнныхъ нами учебниковъ, объ ихъ распространенности въ школахъ лучше всего говорятъ отзывы нѣсколько позднѣйшихъ школьныхъ дѣятелей. „Алкуинъ написалъ такую грамматику, что Донатъ, Никомахъ, Досиѳей и нашъ Присціанъ ничего, кажется, не стоятъ въ сравненіи съ нимъ“ [4]). Такъ отзывается о грамматикѣ Алкуина извѣстный Ноткеръ Бальбулъ. Думается, что весьма многіе изъ школьныхъ преподавателей того времени не имѣли что возразить противъ такого отзыва. Конечно, это не исключало возможности, даже необходимости пользоваться другими пособіями въ этомъ родѣ; но высокій авторитетъ грамматики Алкуина отъ этого не умалялся. Поэтому мы имѣемъ полное право

---

[1]) Plenius haec, vita comite, in metrica ratione vobis, filii, monstravero (Migne. t. 101, 857 col.).

[2]) Aptius haec quoque in illa metrorum subtilitate intelligetis (ibid).

[3]) Фробеній настаиваетъ на мысли, что Алкуинъ написалъ и метрику, которая или потеряна совсѣмъ, или еще не издана въ свѣтъ. Почтенный издатель никакъ не хочетъ согласиться съ мыслію о томъ, что Алкуинъ не производилъ на свѣтъ метрики. Между тѣмъ есть данныя, которыя склоняютъ насъ принять послѣднюю мысль. Рабанъ Мавръ считаетъ нужнымъ, въ виду пробѣла съ этой стороны, воспользоваться извлеченіями изъ грамматики Присціана, въ которой обращено важное вниманіе на метрику (Migne. t. CXI, 613—673 col.). Въ школѣ Рейхенау, прекрасно по тогдашнему времени организованной, какъ замѣчаетъ Валафридъ Страбонъ, въ качествѣ учебника грамматики практиковалась грамматика Алкуина. Но, какъ руководство по метрикѣ, въ одну тетрадь съ грамматикой Алкуина вшивалась метрика Бэды (Дневникъ Валафрида ниже). Думается, что этого не могло бы быть, при общемъ уваженіи къ Алкуину, еслибы онъ издалъ метрику.

[4]) Ноткеръ Бальбулъ. Monit. praev. ad gramm. Alc. ap. Migne. t. 101, 849 col.

заключить, что нормою грамматическаго образованія всѣхъ школъ считалось то, что изложено въ учебникахъ Алкуина.

За грамматическимъ образованіемъ слѣдовало логическое. Реторика и діалектика составляли собою двѣ части логики. Разборъ учебниковъ Алкуина по этимъ предметамъ покажетъ намъ объемъ, методъ и планъ логическаго образованія въ высшихъ школахъ времени Карла.

Учебникъ реторики Алкуина носитъ слѣдующее заглавіе—Dialogus de Rhetorica et virtutibus. Трудно дать положительный и опредѣленный отвѣтъ на то, почему Алкуинъ связалъ въ этомъ трактатѣ два столь разнородныхъ предмета, которые не имѣютъ, или, если имѣютъ, то самую слабую и чисто случайную связь. Вѣроятнѣе всего причиною была та постановка общеобразовательныхъ предметовъ, по которой они считались подготовительною ступенью къ высшему образованію—къ изученію и приложенію къ жизни истинъ Св. Писанія. Изложивъ правила риторики, Алкуинъ напоминаетъ своимъ ученикамъ, что эта наука не сама себѣ цѣль, не самостоятельная отрасль знанія, но прикладная, покоющаяся на началахъ науки о добродѣтели. Неудивительно поэтому, что трактатъ о добродѣтели, небольшой по объему, и имѣетъ только видъ напоминанія, а не серьезнаго научнаго разсужденія.

Учебникъ реторики имѣетъ введеніе, въ которомъ излагаются задачи и цѣль этой науки. Для насъ это введеніе имѣетъ интересъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ узко понималъ Алкуинъ область предметовъ этой науки. „Поелику Богъ тебя, поченнѣйшій учитель Альбинъ, снова возвратилъ [1]), такъ начинаетъ Карлъ, то я прошу тебя, позволь мнѣ немного узнать объ основныхъ правилахъ реторики. Я помню, что нѣкогда говорилъ ты, что вся суть этой науки имѣетъ приложеніе только въ гражданскихъ вопросахъ. Но ты хорошо знаешь, что намъ постоянно приходится имѣть дѣло съ такими вопросами, вслѣдствіе занятія дѣлами государственными и заботами двора; поэтому смѣшно, кажется, было бы не знать правилъ той науки, занятіямъ которою мы должны посвятить себя“. Еще яснѣе это обнаруживается въ самомъ опредѣленіи рето-

[1]) Указаніе на то, что Алкуинъ на время оставлялъ франкскую монархію и путешествовалъ на родину.

рики и ея задачъ. На вопросъ, что такое реторика и какая ея область (in quibus versatur rebus)? Алкуинъ отвѣчаетъ: реторика есть наука краснорѣчія (scientia bene dicendi), область ея гражданскіе государственные вопросы и ближе всего судебные процессы. Если по природѣ всякій имѣетъ и чувствуетъ потребность самозащиты, то, конечно, лучше будетъ, если человѣкъ искусный и опытный въ краснорѣчіи будетъ защищаться словомъ.

Части реторики суть: inventio, dispositio, elocutio, memoria и pronuntiatio. Inventio есть подборъ матеріала для рѣчи; dispositio — распорядокъ найденнаго матеріала; elocutio—приспособленіе подходящихъ къ матеріалу выраженій; memoria—воспріимчивость духа къ найденному матеріалу; pronuntiatio — мѣрка голоса и положенія тѣла, смотря по достоинству предметовъ и словъ. Вотъ планъ учебника реторики.

Предметъ реторики составляютъ судебные процессы. Во всякомъ процессѣ нужно знать: лицо, совершившее фактъ, самый фактъ, время, мѣсто, образъ дѣйствія, случай и право дѣйствія. Только на основаніи этихъ данныхъ можно правильно судить о фактѣ. Конечно, во всякомъ процессѣ приходится имѣть дѣло съ такъ называемыми loci contraversiarum (противорѣчіями), которыя риторы называютъ status causarum. Они могутъ быть двухъ родовъ: раціональныя и легальныя. Перваго рода противорѣчія касаются a) самаго факта, совершенъ онъ или нѣтъ, b) имени, напр. похитившій священныя вещи изъ частнаго дома долженъ назваться воромъ или святотатцемъ? c) оцѣнки факта со стороны юридической и утилитарной, напр. полководецъ, окруженный врагами, сдалъ имъ оружіе, имѣя въ виду спасти войско. Онъ совершилъ преступленіе противогосударственное, плодомъ котораго была громадная польза для отечества, именно спасеніе войска и d) наконецъ, оцѣнки факта со стороны права на него, напр. Орестъ, убивъ свою мать, убійцу своего отца, имѣлъ ли на это право или нѣтъ?

Для легальныхъ statuum causarum причина находится въ самомъ законѣ, когда онъ a) неясно, неопредѣленно и двусмысленно формулируется; b) когда относительно одного и того же факта существуютъ два противорѣчивыхъ постановленія и c) когда, наконецъ, неодинаково пользуются закономъ, если одинъ, напр., указываетъ на его букву, а другой на его духъ и смыслъ.

Съ устраненіемъ противорѣчій процессъ далеко еще не кончается. Для правильнаго приговора нужно знать еще quae quaestio, quae ratio, quae judicatio et quod firmamentum causae sit, т. е. нужно a) слѣдствіе, разслѣдованіе дѣла, b) должно знать основаніе для факта, c) сужденіе на этомъ основаніи и d) высшую аргументацію защитника. Всѣ эти пункты составляютъ *фондъ* процесса (generalis constitutio), который въ свою очередь можетъ подраздѣляться на два вида: *практическій* (negotialis) и *юридическій* (judicalis). Въ первомъ случаѣ вопросъ рѣшается civili more et aequitate, т. е. на основаніи обычая, неписанныхъ законовъ. Во второмъ случаѣ вопросъ становится на почву легальную. Юридическое generalis constitutio бываетъ двухъ родовъ: a) абсолютное, когда фактъ самъ по себѣ ясенъ и точенъ и b) присовокупительное или косвенное (assumptiva), когда самый фактъ не можетъ быть оправданъ, но можетъ быть защищенъ на основаніи нѣкоторыхъ соображеній и аргументацій. Послѣднія бываютъ различныхъ видовъ: comporatio — извиненіе преступнаго факта въ виду его полезности, relatio criminis—въ силу юридической законности, remotio criminis — перенесеніе преступленія на другое лицо и concessio, когда подтверждается самый преступный фактъ, но однако просятъ о снисхожденіи или прощеніи, выставляя на видъ или необходимость, или случай, неблагоразуміе или, ничего не выставляя въ извиненіе факта, просятъ о помилованіи.

Покончивъ съ предметомъ реторики Алкуинъ переходитъ къ поименованнымъ выше частямъ ея. Въ качествѣ переходной ступени онъ предлагаетъ замѣчанія о лицахъ, играющихъ важнѣйшія роли въ процессѣ. Первая часть реторики—это inventio, которое составляетъ собственно ораторскую рѣчь. Шесть частей должно быть въ рѣчи: exordium, narratio, confirmatio, partitio, reprehensio, conclusio. Exordium опредѣляется, какъ часть рѣчи, имѣющая цѣлью подготовить слушателя къ остальнымъ частямъ. Оно имѣетъ въ виду сдѣлать слушателя благосклоннымъ, внимательнымъ, воспріимчивымъ. Благосклонность слушателя пріобрѣтается умѣніемъ обращаться съ противниками, судьями и постановкою самого факта. Вниманіе слушателя можно пріобрѣсть обѣщаніемъ выставить предметъ рѣчи новымъ, интереснымъ, важнымъ, небывалымъ, указаніемъ

на то, что онъ касается „или всѣхъ, или части слушателей, знаменитыхъ мужей или безсмертныхъ боговъ, или, наконецъ, затрогиваетъ благостояніе республики“. Воспріимчивыми мы сдѣлаемъ слушателей, если кратко и живо изложимъ предъ ними сущность дѣла.

Narratio есть изложеніе факта. Хорошими качествами повѣствованія должны быть краткость, ясность и правдивость. Кратко будетъ повѣствованіе, если излагается только сущность факта безъ мельчайшихъ и скучныхъ подробностей. Ясно оно будетъ, если соблюдется послѣдовательность фактовъ во времени, т. е. сохраненъ будетъ порядокъ дѣйствительности. Правдиво будетъ повѣствованіе, если въ немъ сохранится все, что свойственно истинѣ—будутъ выставлены причины факта, оцѣнены достоинства лицъ, показаны мѣсто, время и т. п.

Partitio—раздѣленіе предмета по рубрикамъ. Здѣсь можетъ быть двѣ части: одна касается того, что въ нашей рѣчи согласно и что несогласно съ доводами противника, а другая представляетъ конспектъ или планъ дальнѣйшей рѣчи. Характеристическими особенностями послѣдняго отдѣла служатъ краткость, точность (absolutio) и строгая соразмѣрность (paucitas).

Confirmatio — самая важная часть рѣчи. Это есть доказательство, которымъ сообщается дѣлу особенное довѣріе и авторитетъ. Доказательства могутъ быть заимствованы: a) отъ лица и b) отъ самаго спорнаго и подлежащаго изслѣдованію факта. Имя, происхожденіе, образъ жизни, состояніе, занятіе, образованіе и т. п.—все, чѣмъ можетъ описываться и характеризоваться личность, все это доставляетъ и хорошій матеріалъ для аргументаціи. Конечно, этимъ матеріаломъ можетъ съ одинаковымъ правомъ пользоваться и защитникъ и обвинитель, и успѣхъ дѣла, безъ сомнѣнія, будетъ зависѣть отъ умѣнья, опытности того и другаго. Спорный фактъ, подлежащій изслѣдованію, можетъ представлять богатый матеріалъ для аргументаціи. При этомъ должно обращать вниманіе: a) на обстоятельства, предшествующія спорному факту, мотивъ къ совершенію факта, b) на обстоятельства, имѣвшія мѣсто при совершеніи факта, мѣсто, время, способъ дѣйствія и т. д. и c) на обстоятельства, послѣдовавшія за фактомъ. Но кромѣ этого аргументація можетъ заимствоваться изъ индукціи и соображенія (ratiocinatio). Индукція заключаетъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Сооб-

раженія могутъ основываться на предположеніи, доводахъ и умозаключеніяхъ.

Reprehensio — часть рѣчи, чрезъ которую мы или ослабляемъ, или совсѣмъ уничтожаемъ доводы противниковъ. Содержаніе свое эта часть заимствуетъ оттуда же, откуда и confirmatio.

Conclusio — заключеніе рѣчи, которое можетъ быть выражено или въ видѣ перечня всего сказаннаго (enumeratio), или въ формѣ негодованія на противниковъ (indignatio), или, наконецъ, чрезъ просьбу, разсчитанную на состраданіе слушателей (conquestio).

Вторая часть реторики—dispositio—не представляетъ, въ глазахъ Алкуина, ничего новаго по сравненію съ первою и третьей, такъ что, на этомъ основаніи, онъ находитъ возможнымъ оставить эту часть безъ подробнаго разъясненія.

Elocutio—третья часть—составляетъ украшеніе и достоинство оратора; особенности этой части: ясность и внѣшняя изящная отдѣлка. Эти условія нужно наблюдать, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ выраженіямъ, такъ и къ цѣлымъ періодамъ.

Memoria—четвертая часть—въ которой Алкуинъ словами Цицерона хвалитъ эту способность души и затѣмъ предлагаетъ нѣсколько правилъ для развитія, а главное для сохраненія ея, въ родѣ того, что нужно больше читать, писать, размышлять и меньше пить вина (ebrietate cavenda).

Послѣдняя часть реторики—pronuntiatio—излагаетъ правила произношенія рѣчей. И плохая рѣчь, если она произносится хорошо, заслуживаетъ вниманія и, наоборотъ, хорошая, если ей недостаетъ послѣдняго, можетъ не произвести никакого впечатлѣнія. Отсюда забота объ умѣніи держать себя сообразно съ достоинствомъ рѣчи — великое дѣло. Рѣчь должна произноситься выразительно, ясно и отчетливо. Каждому слову и каждому слогу долженъ соотвѣтствовать свой звукъ. Нужно ли спокойное повѣствованіе, разсказъ о фактѣ, надо ли выразить гнѣвъ, негодованіе или состраданіе — все это должно находить себѣ достаточное выраженіе въ звукахъ голоса, въ жестахъ. Что касается положенія тѣла, то нужно избѣгать искривленія губъ, неумѣреннаго отверстія рта, сгорбленнаго положенія тѣла, потупленнаго взора и т. п. Все это пріобрѣтается

практикою, долгимъ упражненіемъ. Упражненіе побѣждаетъ природу. Короткими замѣчаніями de virtutibus заканчивается первая часть логики Алкуина.

Вторую часть ея составляетъ діалектика, по которой онъ также составилъ учебникъ.

Первая глава діалектики Алкуина содержитъ въ себѣ введеніе. Предметомъ его служитъ опредѣленіе философіи и раздѣленіе ея на части. Философія опредѣляется, какъ naturarum inquisitio, rerum humanarum divinarumque cognitio, на сколько это возможно человѣку, honestas (honestitas) vitae, studium bene vivendi. Части ея: физика, этика и логика. Физика содержитъ въ себѣ науки квадривіума, этика — четыре основныхъ, такъ называемыхъ, философскихъ добродѣтели, логика—реторику и діалектику.

Діалектика опредѣляется, какъ disciplina rationalis quaerendi, diffiniendi et disserendi, etiam et vera a falsis discernendi potens. Она отличается отъ реторики тѣмъ же, чѣмъ сжатый кулакъ отличается отъ распростертой ладони (dialectica et rhetorica est, quod in manu hominis pugnus astrictus et palma distenta). Діалектика изыскиваетъ аргументы, реторика развиваетъ ихъ; первая болѣе приспособлена къ изобрѣтенію предметовъ рѣчи (ad inveniendas res), послѣдняя къ изложенію ихъ (ad inventas dicendas).

Главнѣйшія части діалектики суть слѣдующія: isagogae, categoriae, sillogismorum formulae, diffinitiones, topica, perihermeniae.

Первая часть—isagogae—заключаетъ въ себѣ изложеніе ученія о понятіяхъ. Въ послѣднихъ нужно различать родъ, видъ, различіе (differentia), случайные и существенные признаки. Родъ есть то, что можетъ распадаться на виды, напр животное. Видъ есть часть рода, то, что опредѣляется многими различными по числу, но не по виду предметами, напр. понятіе человѣка можетъ опредѣляться понятіемъ Сократа, Платона, Цицерона и т. д. различныхъ по числу, но не по виду.

Differentia различаетъ предметы одного вида отъ предметовъ другаго. Случайный признакъ — признакъ неизмѣняющій сущности вещи. Существенный признакъ въ своемъ опредѣленіи не представляетъ почти различія отъ differentia. Вотъ все, что сообщаетъ Алкуинъ въ исагогикѣ.

Вторую часть составляетъ ученіе о категоріяхъ, которому Алкуинъ предпосылаетъ короткія свѣденія о синонимахъ, омонимахъ и полинонимахъ, переходя затѣмъ къ опредѣленію субстанціи и акциденцій. Субстанцію составляетъ то, что subsistit et est unaquaeque natura in sua proprietate. То, что приписывается субстанціи, есть акциденція. Послѣднихъ насчитываетъ Алкуинъ девять. Отъ соединенія ихъ съ субстанціей образуется девять категорій.

Акциденціи, въ соединеніи съ субстанціей образующія категоріи, суть слѣдующія: 1) акциденція качества, къ которой относится троякое измѣреніе тѣлъ: длина, ширина и глубина. 2) Акциденціей отношенія (de ad aliquid) называется то, что получаетъ свое существованіе при другомъ и вполнѣ обусловливается этимъ послѣднимъ. Сложное мыслимо только при существованіи простаго, рабъ — при господинѣ и т. под. 3) Къ акциденціи качества (qualitate) относятся качества тѣлъ и состоянія духа. Четыре вида различаетъ Алкуинъ въ этой акциденціи: a) состояніе и аффектъ, напр. добродѣтель, сильный гнѣвъ, b) естественную возможность (potentia naturalis), c) пассивныя качества (passivae qualitates), какъ напр. бѣлизна, чернота и d) форму и фигуру, напр. треугольникъ, выпуклая поверхность. 4 и 5) Акциденціи дѣйствія и страданія (facere et pati) получаютъ свое начало отъ качествъ тѣлъ. Что дѣлаетъ извѣстное тѣло горячимъ, то и само горячо. 6) Акциденція положенія или состоянія (jacere) указываетъ на положеніе тѣла—сидитъ, стоитъ и т. п. 7 и 8) Акциденція мѣста и времени (de ubi et quando) указываетъ на мѣсто и время существованія извѣстнаго предмета, 9) de habere — съ его осьмью видами—на способъ „имѣнія“, владѣнія чѣмъ-либо [1]).

Далѣе идетъ рѣчь о противоположеніяхъ (de contrariis vel oppositis). Алкуинъ различаетъ четыре рода противоположностей: a) противоположность въ строгомъ смыслѣ — мудрость и

---

[1]) Алкуинъ приводитъ слѣдующій примѣръ для категорій: Августинъ—великій ораторъ, сынъ такого-то, стоящій въ храмѣ, украшенный вѣнкомъ, сегодня диспутируя утомляется. Августинъ—субстанція, великій—акциденція количества, ораторъ—качества, сынъ такого-то—отношенія, стоящій—положенія, въ храмѣ—мѣста, сегодня—времени, украшенный вѣнкомъ—состоянія, диспутируя—дѣйствія, утомляется—акциденція страданія.

глупость, b) противоположность относительную, какъ болѣе и менѣе, c) владѣніе и лишеніе (habitus et privatio) относительно одного и того же предмета, мѣста и времени, какъ способность видѣть и слѣпота, d) противоположеніе чрезъ утвержденіе и отрицаніе—да и нѣтъ.

Вопросъ о противоположеніяхъ служитъ переходною ступенью къ болѣе важнымъ главамъ—о доказательствѣ и опредѣленіи (de argumentis и de modis diffinitionum). Сущность доказательства состоитъ въ томъ, что къ извѣстному предмету прилагается какой либо признакъ, или отрицается отъ него. Чрезъ это образуются сужденія, которыя бываютъ четырехъ видовъ: общія, частныя, единичныя и неопредѣленныя. Конечно, мы можемъ иногда приписать предмету извѣстный признакъ только подъ условіемъ, и отсюда являются сужденія условныя. Но если въ доказательствѣ извѣстному предмету мы приписываемъ, или отрицаемъ отъ него какой либо признакъ, то что можетъ поручиться за то, что и въ дѣйствительности это существуетъ такъ, а не иначе?—иначе говоря, на какомъ основаніи мы приписываемъ предмету тотъ или другой признакъ? Большая посылка силлогизма—вотъ основаніе для правильности нашего сужденія. Силлогистическій методъ, путь дедукціи, заключенія отъ общаго къ частному — самый лучшій путь доказательствъ. Напр. философія есть благо. Почему? потому, что всякая мудрость есть благо, а философія — высшая мудрость. Еще болѣе приложимъ этотъ дедуктивный методъ къ опредѣленіямъ. Опредѣленіе есть краткая рѣчь о какомъ либо предметѣ, опредѣляющая его сущность, которою онъ отличается отъ другихъ предметовъ. Какъ скульпторъ сначала беретъ большой камень и, постепенно обрубая и сглаживая его, сообщаетъ ему нужную форму, такъ и въ опредѣленіи должно нисходить отъ самаго общаго къ частному. Вотъ хорошій примѣръ,—нужно опредѣлить, что такое человѣкъ? Отвѣтъ. Человѣкъ есть субстанція одушевленная, разумная, смертная, способная смѣяться и т. д. Такимъ образомъ опредѣленіе начинается съ родоваго понятія и нисходитъ до частныхъ признаковъ. Всѣхъ видовъ опредѣленій пятнадцать; но болѣе извѣстныя, которыя трактуются собственно въ діалектикѣ, суть слѣдующія: a) опредѣленіе чрезъ субстанцію, b) чрезъ акциденціи, c) различіе, d) отрицаніе и т. д.

Всѣ виды опредѣленій имѣютъ особенное отношеніе къ такъ называемымъ общимъ мѣстамъ (topici), которыя опредѣляются у Алкуина, какъ argumentorum sedes, fontes sensuum, origines dictionum. Аргументаціи общихъ мѣстъ имѣютъ три вида: 1) изъ самаго существа дѣла (in ipso negotio), о которомъ идетъ рѣчь, 2) изъ другихъ предметовъ (ex rebus aliis) и 3) отвнѣ (extrinsecus) [1]). Послѣдній видъ аргументацій подраздѣляется въ свою очередь на части. Аргументы заимствуются или изъ цѣлаго, или изъ частей, или, наконецъ, изъ цѣли (fine). Второй и третій виды аргументацій представляютъ цѣлыхъ тринадцать различныхъ случаевъ заимствованія ихъ изъ внѣшнихъ постороннихъ предметовъ. Онѣ заимствуются изъ словопроизводства, напр. scriptor отъ scribo, отъ рода (genus), когда отъ родоваго понятія нисходятъ къ видовому; отъ вида, изъ сходства, различія, изъ противнаго (a contrariis), изъ послѣдующаго, предыдущаго, совмѣстно существующаго, изъ опроверженія (a repugnantia), изъ общихъ причинъ (causis), изъ особенныхъ необычайныхъ состояній духа (ab affectis) и, наконецъ, изъ сравненія.

Послѣдняя часть діалектики трактуетъ о способѣ объясненія, толкованія (de perihermeniis). Всякая вещь, единично взятая, должна обозначаться однимъ словомъ—именемъ или глаголомъ. Первое указываетъ на сущность, субстанцію, второй—на состояніе, дѣятельность или пассивность. Эти двѣ части рѣчи даютъ возможность уму воспринимать, или понимать вещи, конечно, подъ условіемъ утвержденія или отрицанія. Это простѣйшій видъ объясненія. Всѣхъ же ихъ семь: два названныя:—nomen и verbum, затѣмъ oratio, enuntiatio, affirmatio, negatio, contradictio. О всѣхъ ихъ дѣлается упоминаніе и въ грамматикѣ; но въ діалектикѣ дается имъ болѣе возвышенное, философское опредѣленіе. Имя, напр., опредѣляется, какъ слово означающее что нибудь или невидимое, существенное или случайное, безъ означенія времени, но нѣчто опредѣленное, отдѣльныя части котораго не имѣютъ значенія. Глаголъ, означая также нѣчто опредѣленное, указываетъ также на время. Oratio представляетъ соединеніе частей, выражающее полную мысль. Каждая часть его, отдѣльно взятая, имѣетъ свое значеніе. Напр.

[1]) Послѣдніе два вида строго не различаются между собою.

Виргилій написалъ Энеиду. Въ томъ же родѣ даются опредѣленія другихъ видовъ.

Такъ поставлены были предметы тривіума въ высшихъ школахъ времени Карла.

Параллельно съ изученіемъ грамматики, реторики и діалектики шло чтеніе классическихъ авторовъ. Изъ нихъ заимствовались примѣры на то или другое правило. Если въ самыхъ учебникахъ почти каждое болѣе или менѣе важное правило иллюстрировалось примѣрами изъ классическихъ писателей, то на обязанности учениковъ лежало къ указаннымъ подыскать въ послѣднихъ новые примѣры. Кромѣ того, такъ какъ классическіе писатели считались образцовыми, то изъ нихъ избранныя мѣста заучивались наизустъ. Для этой цѣли, кажется, существовали сборники въ родѣ нашихъ хрестоматій. Это представляется вполнѣ естественнымъ въ виду того, что по возможности старались опускать мѣста изъ древнихъ писателей, не гармонирующія съ христіански настроеннымъ сердцемъ. По крайней мѣрѣ Рабанъ Мавръ рѣшительно настаиваетъ на цѣлесообразности такого выбора. По нему, слѣдуетъ тщательно очистить древнихъ поэтовъ, дабы въ нихъ не оставалось ничего, имѣющаго отношеніе къ любви и любовнымъ связямъ и къ языческимъ богамъ [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ учениковъ Алкуиновыхъ школъ любовь къ классикамъ доходила до крайностей. Если вѣрить анонимному біографу Алкуина, послѣдній принужденъ былъ запретить имъ чтеніе Виргилія [2]). Не смотря на запрещеніе, ученики продолжали чтеніе излюбленнаго автора секретно. Только строгій выговоръ Алкуина съ одной стороны, а съ другой его авторитетъ и любовь къ нему учениковъ могли охладить пылкую любовь къ Виргилію въ сердцахъ его поклонниковъ.

Курсъ квадривіума считался нѣкотораго рода роскошью. Изъ окончившихъ тривіумъ далеко не всѣ приступали къ квадривіуму. Въ самихъ представителяхъ науки того времени эта группа наукъ пользовалась сравнительно меньшимъ уваженіемъ. Это и понятно въ виду всеобщаго предубѣжденія къ опыту и опытнымъ наукамъ людей того времени. По мѣркѣ понятій

---

[1]) См. выше, 2-е прим. къ 75 стр.

[2]) С. 10.

своего вѣка Алкуинъ выкраиваетъ изъ этихъ положительныхъ наукъ абстрактныя формулы и имъ однимъ только придаетъ значеніе и важность, рѣшительно игнорируя всякую мысль о практическомъ примѣненіи названныхъ наукъ. Впрочемъ этого и можно было ожидать отъ людей, поставившихъ всякую науку и всякое знаніе на служеніе высшей цѣли — разумѣнію священнаго писанія [1]).

Что Алкуинъ преподавалъ своимъ ученикамъ ариѳметику, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія [2]). Но какъ поставленъ былъ этотъ предметъ, въ какомъ объемѣ преподавался онъ, какимъ методомъ—все это такого рода вопросы, на которые мы можемъ отвѣчать только на основаніи писемъ Алкуина. Переписка его по этому предмету, конечно, не можетъ выяснить предъ нами всего того, что желалось бы знать о постановкѣ ариѳметики въ высшихъ школахъ, но съ другой стороны не оставляетъ и въ положительномъ невѣдѣніи относительно этого предмета. Она до нѣкоторой степени проясняетъ взглядъ представителя франкской учености на ея приложеніе, задачи и на методъ преподаванія.

Какъ предметъ школьнаго преподаванія, ариѳметика, по мысли Алкуина, имѣла значеніе на столько, на сколько она приложима была къ объясненію священнаго Писанія. „Ты хорошо знаешь, пишетъ Алкуинъ Карлу Великому, какъ пріятна ариѳметика, какъ необходима она для уразумѣнія божественныхъ писаній“ [3]). Понятно, какъ долженъ былъ Алкуинъ излагать

---

[1]) Rarus est, пишетъ Алкуинъ къ Карлу Великому, qui talia (рѣчь идетъ объ ариѳметикѣ и астрономіи) scire curet: et quod pejus est, reprehendunt haec scire studentes; et utcunque illa naturalium rerum ignoratio inculpabilis potuisset illis esse, si divinis se ipsos tradere voluissent scripturis, et laborare in illis in quibus vitae aeternae cognitio consideratur. Et ut potuissent fidem catholicam veraciter defendere et fiducialiter stare contra adversarios Christi, per quos multimodis diaboli astutia fidem catholicam impugnare studet (Ep. 83. Migne t. 100. 272 col.).

[2]) Карлъ Великій обращается къ Алкуину, какъ къ своему учителю по ариѳметикѣ. Прося его подробно изложить основы реторики, элементарныя свѣдѣнія по которой вмѣстѣ съ діалектикой были уже преподаны Карлу, онъ ссылается на то, что его Алкуинъ in cellaria arithmeticae disciplinae sagaciter induxisset (Praef. ad dial. de rhetor. Migne. t. 101, 920 col.).

[3]) Epist. 83. Migne. t. 100. 272 col. Ср. подобный же взглядъ на ариѳметику Рабана Мавра—necesse est eis qui volunt ad sacrae scripturae notitiam pervenire, ut hanc artem (т. е. ариѳметику) intente discant; et cum didicerint, mysticos numeros in divinis libris facilius hinc intelligant (см. выше, 4-е примѣч. къ 76 стр.).

ариѳметику при такомъ взглядѣ на нее. Въ священномъ писаніи числа часто имѣютъ таинственное значеніе. Задача ариѳметики разрѣшить, раскрыть эту таинственность, указать значеніе и смыслъ того или другаго числа. Такой взглядъ на задачи ариѳметики прекрасно изложилъ Алкуинъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ учениковъ, Дафну. Поводомъ къ раскрытію его мыслей о значеніи числъ послужило толкованіе 7 стиха VI главы Пѣсни Пѣсней: „шестьдесятъ суть царицъ и осмьдесятъ наложницъ и юнотъ, имъ же нѣсть числа“. Объясняя это мѣсто, Алкуинъ прежде всего останавливается на значеніи чиселъ 60 и 80. „Между числами, пишетъ онъ, нужно различать четныя (pares) и нечетныя (impares), совершенныя (perfecti) и несовершенныя (imperfecti); изъ несовершенныхъ одни бываютъ большія, а другія меньшія (superflui et exigui). Изъ четныхъ числъ совершенныя суть тѣ, которыя вполнѣ составляются изъ своихъ частей, не нарушаются ни при разложеніи на свои составныя части, ни при соединеніи ихъ [1]). Таково, напр., есть число 6. Половина его равняется 3, треть—2 и шестая часть=1. Сумма всѣхъ частей равна 6. Вотъ число совершенное. Не даромъ совершеннѣйшій Творецъ создалъ все въ шесть дней; не даромъ все сотворенное было добро зѣло. Число 8 принадлежитъ къ несовершеннымъ числамъ. Въ самомъ дѣлѣ, сумма частей 8 не равна самому числу. Половина 8=4, $^1/_4$=2, $^1/_8$=1. 4+2+1=7. Вотъ причина, почему родъ человѣческій послѣ потопа, какъ менѣе совершенный, чѣмъ допотопный, размножился отъ осми душъ, спасшихся въ ковчегѣ Ноевомъ. Что сказано объ единицахъ, то съ такимъ же правомъ можетъ быть отнесено къ десяткамъ, сотнямъ и тысячамъ. Если число 6 есть совершенное число, то и 60 также совершенное, потому что половина его равна 30, одна треть—20 и шестая часть—10. Сумма всѣхъ частей даетъ 60. Равнымъ образомъ, если число 8 относится къ несовершеннымъ числа́мъ, то и 80 также должно быть отнесено къ этому разряду“ [2]). Только за такимъ методомъ изложенія ариѳметики Алкуинъ

[1]) Perfectus numerus est, qui partibus suis impletur, nec diminutione frangitur, nec multiplicatione partium superabundat.

[2]) Migne. t. 100, 664—666 col. Ср. Rab. Mavr. de clericor. instit. l. III, c. 22.

признаетъ особенную важность и пользу этой науки. Въ одномъ изъ писемъ къ Карлу Великому, разсмотрѣвъ таинственное значеніе чиселъ—5, 6 и 7, Алкуинъ дѣлаетъ выводъ: „изъ этого разсужденія вы можете объяснить вашимъ семейнымъ, какъ пріятно и полезно знаніе ариѳметики“ [1]).

Оцѣнивая достоинство наукъ съ точки зрѣнія приложимости ихъ къ объясненію св. Писанія, Алкуинъ еще менѣе, кажется, могъ придавать значенія геометріи. Если она и была введена въ кругъ общеобразовательныхъ предметовъ, то болѣе по преданіямъ старины, по примѣру, быть можетъ, англійскихъ школъ, гдѣ такъ хорошо привились классическія науки.—О постановкѣ геометріи въ школахъ Алкуина мы рѣшительно не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Самъ Алкуинъ не знакомитъ насъ съ своими взглядами на задачи и цѣль этой науки [2]). Его ученикъ, Рабанъ Мавръ, помимо той точки зрѣнія, которая выработалась подъ вліяніемъ общаго принципа группировки предметовъ и оцѣнки ихъ сравнительнаго достоинства, вводитъ нѣкоторую новую сторону въ опредѣленіе задачи геометріи. По нему, она нужна для практической жизни, но кромѣ того знакомство съ тѣми ея отдѣлами, которые непосредственно относятся къ измѣренію тѣлъ, къ изученію различныхъ геометрическихъ фигуръ, развивающимъ образомъ дѣйствуетъ на разсудочную способность [3]).

---

[1]) Potestis ex hac speculatione vestris demonstrare familiaribus, quam jucunda est et utilis arithmeticae disciplinae cognitio (Ep. 80. Migne. t. 100, 262 col.). Между сомнительными произведеніями Алкуина помѣщается съ его именемъ «Propositiones Alcuini doctoris Caroli Magni ad acuendos juvenes» (Migne. t. 101, 1143—1160 col.). Это коротенькій задачникъ на первыя четыре дѣйствія ариѳметики, въ которомъ на ряду съ вопросами предлагаются и рѣшенія. Нѣтъ положительныхъ данныхъ, чтобы доказать принадлежность названнаго произведенія Алкуину. Одно это могло заставить насъ игнорировать разборъ его. Съ другой стороны, еслибы и было доказано, что «propositiones» дѣйствительно вышли изъ-подъ пера Алкуина, то и въ этомъ случаѣ названное сочиненіе не имѣло бы для насъ интереса по самому своему содержанію. Оно дало бы намъ возможность указать только на то, что Алкуинъ признавалъ за ариѳметикой силу развивающимъ образомъ дѣйствовать на разсудокъ, что, конечно, вполнѣ совмѣстимо и съ вышеизложеннымъ методомъ преподаванія ея.

[2]) Отъ него мы имѣемъ только сухое опредѣленіе науки, которое формулируется слѣдующимъ образомъ: Geometria est disciplina mensurandi spatia et magnitudines corporum (Migne. t. 101, 947—948 col.).

[3]) Haec disciplina in tabernaculi templique aedificatione servata est, ubi linealis mensurae unius et circuli ac sphaerae atque hemisphaerion, quadrangulae

Что касается астрономіи, то задача этой науки общая со всѣми другими—служить средствомъ къ высшей цѣли и спеціальная — вести къ познанію Бога чрезъ созерцаніе красотъ природы благоустроеннаго міроваго порядка [1]). Примѣненіе астрономическихъ знаній имѣетъ мѣсто въ церковной жизни. Благодаря астрономическимъ вычисленіямъ можно вѣрно опредѣлить время празднованія церковныхъ праздниковъ, священныхъ дней и священныхъ временъ [2]). Въ частной жизни астрономія представляетъ весьма пріятный предметъ занятія, не лишенный и пользы [3]). Астрономія раздѣляется собственно на

---

quoque formae, et caeterarum figurarum dispositio habita est: quorum omnium notitia ad spiritalem intellectum non parum adjuvat tractatorem (De cleric. instit. l. III, c. 23).

[1]) «Философы, пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Карлу Великому Алкуинъ, философы не были виновниками этихъ знаній (астрономическихъ), но только изобрѣтателями, ибо Создатель всего скрылъ ихъ въ природѣ, какъ хотѣлъ. А какъ тѣ, которые, бывъ мудрѣйшими и изобрѣтателями этихъ знаній, говорятъ о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, ты легко можешь это разумѣть. И что же иное въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ мы видимъ, чему другому удивляемся, какъ не мудрости Создателя и естественному теченію ихъ. Говорятъ также, что Авраамъ патріархъ изъ астрологіи уразумѣлъ и почтилъ Бога Творца, почему онъ и названъ другомъ Божіимъ» (Ep. 83. Migne. t. 100, 271—272 col.). Ср. Carm. 228. ibid. 101. 781 col., гдѣ Алкуинъ, говоря о наукахъ дворцовой школы, приписываетъ относительно астрономіи:

Noctibus inspiciat coeli mea filia stellas,
Assuescatque Deum semper laudare potentem,
Qui coelum stellis ornavit.

[2]) Въ началѣ мѣсяца ноября 797 года Алкуинъ отправилъ къ Карлу Великому письмо, въ которомъ развиваетъ ту мысль, что въ этомъ году названный мѣсяцъ долженъ имѣть не 30 дней, какъ обыкновенно, а 29, дабы день Пасхи, приходившійся на 8 апрѣля слѣдующаго 798-го года, именно могъ пасть на этотъ день (Ep. 76. Migne. t. 100, 254 col.). Такой переходъ съ 29 ноября на 1-е число слѣдующаго мѣсяца обозначается у Алкуина терминомъ saltus lunae и долженъ, по теоріи Алкуина, повторяться чрезъ каждые 19 лѣтъ. Когда теорія Алкуина была непринята во дворѣ, и вмѣсто нея обратились къ александрійскому календарному счисленію, то онъ выражаетъ свое полнѣйшее неудовольствіе по этому поводу. Ego imperitus, писалъ онъ, ego ignarus, nesciens Aegyptiacam scholam in palatio Davidicae versari gloriae: ego abiens latinos ibi dimisi. Nescio, quis subintroduxit Aegiptios.... (Ep. 82. ibid. 266 col.). Ср. вышеуказанныя разсужденія Рабана Мавра о значеніи астрономіи въ церковной жизни.

[3]) Карлъ Великій сильно интересовался астрономическими вопросами. По его просьбѣ, Алкуинъ долженъ былъ отвѣчать ему на слѣдующіе вопросы: а) какимъ образомъ у каждаго года кромѣ 365 дней являются лишними еще 6 часовъ, а чрезъ это чрезъ каждые четыре года повторяются высокосы?

двѣ части: астрономію въ собственномъ смыслѣ и астрологію. Первая рѣшаетъ вопросы о законахъ движенія звѣздъ, вторая изслѣдуетъ ихъ сущность, природу и силу [1]). Астрономія по своему предмету болѣе гармонируетъ съ христіански настроеннымъ сердцемъ, чѣмъ астрологія, во многихъ частяхъ своихъ суевѣрная [2]). Если такъ, то предпочтительно предметомъ школь-

---

b) Отчего луна кажется то болѣе, то менѣе по сравненію съ данными таблицъ? c) Почему планета Марсъ, которая въ іюлѣ мѣсяцѣ 798 го года была видна, вдругъ скрылась и была невидима цѣлый годъ? Удовлетворяя любознательности Карла, Алкуинъ на первый вопросъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: Пусть солнце въ началѣ года, слѣдующаго за высокоснымъ, движется въ созвѣздіи Ріона. Періодъ времени, въ теченіе котораго оно пройдетъ эту планету, равняется 30 днямъ и $10^1/_2$ часамъ. Столько же времени оно пройдетъ и въ слѣдующемъ созвѣздіи—Тѣлецъ. Всего составится 60 дней и 21 часъ. Проходя послѣдовательно созвѣздія, каждое въ теченіе 30 дней и $10^1/_2$часовъ,солнце, къ своему возвращенію въ исходную точку, употребитъ 360 дней и 126 часовъ. Раздѣляя послѣднее число на число часовъ однѣхъ сутокъ, получаемъ 5 дней и 6 часовъ. Остающіеся 6 часовъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ, образуютъ сутки. Поэтому, чтобы не отстать отъ истиннаго времени, четвертый годъ полагаютъ не въ 365 дней, а въ 366 (Epist. 83. Migne t. 100, 270—274 col.). На второй вопросъ Алкуинъ даетъ различные отвѣты, объясняющіе сущность дѣла. Между причинами, почему луна можетъ казаться то болѣе, то менѣе, по сравненію съ данными таблицъ прежде всего Алкуинъ отмѣчаетъ неточность таблицъ. Но, конечно, это случайная причина. Болѣе важная—это то, что въ концѣ 19-ти лѣтняго цикла, т. е. съ приближеніемъ saltus lunae, послѣдняя всегда кажется менѣе показанной величины. Далѣе, менѣе она кажется въ періодъ времени отъ новолунія включительно до первой четверти, если съ этимъ совпадаетъ заходъ солнца (Epist. 86, ibid. 283 col.).—Третій изъ поставленныхъ вопросовъ Алкуинъ рѣшаетъ согласно съ александрійскою теоріей, предполагая двухгодичный срокъ для оборота Марса вокругъ земли. Въ тотъ годъ, когда Марсъ бываетъ на противоположной сторонѣ земли, онъ, конечно, не бываетъ видимъ.

[1]) Astronomia lex astrorum, qua oriuntur et occidunt astra. Astrologia est astrorum ratio et natura et potestas coelique conversio (Alcuin. Schemat. Migne. t. 101, 947—948 col.).

[2]) Astronomia est disciplina, quae cursus coelestium siderum et figuras contemplatur, omnes et habitudines stellarum circa se et circa terram indagabili ratione percurrit. Inter astronomiam autem et astrologiam aliquid differt, licet ad unam disciplinam ambae pertineant. Nam astronomia coeli conversionem, ortus, obitus, motusque siderum continet, vel ex qua causa ita vocentur; astrologia vero partim naturalis, partim superstitiosa est. Naturalis, dum exsequitur solis lunaeque cursus vel stellarum, certas temporum quaestiones. Superstitiosa vero est illa, quam mathematici sequuntur, qui stellis augurantur, quique etiam duodecim coeli signa per singula animae vel corporis membra disponunt, siderumque cursu nativitates hominum et mortes praedicare conantur (Rab. Maur. de clericor. instit. l. III, c. 25. Migne, t. 107, 403 col.).

наго преподаванія была астрономія [1]). Вопросы о солнечномъ, лунномъ и планетномъ движеніяхъ, о созвѣздіяхъ, знакахъ зодіака, о причинахъ солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и т. д. все это было самыми обычными вопросами школы [2]). Простое наблюденіе предпочиталось вычисленіямъ [3]). Физическая астрономія была почти въ полномъ забвеніи. Въ качествѣ пособій при наблюденіяхъ употреблялись зрительныя трубы, солнечные часы, гороскопы и астролябіи. Какъ учебныя руководства предлагались сочиненія Боэція и Бэды Достопочтеннаго.

Музыка, какъ предметъ школьнаго преподаванія, обращала на себя особенное вниманіе Карла Великаго. Отсутствіе опредѣленныхъ напѣвовъ, искаженіе ихъ въ франкскихъ церквахъ побудили его первѣе всего обратиться въ Римъ за опытными пѣвцами, которые бы могли научить и франковъ. Еще въ 787 году онъ изъ Рима вызвалъ двѣнадцать пѣвцовъ [4]), во главѣ которыхъ были Ѳеодоръ и Бенедиктъ. Одного изъ нихъ Карлъ

---

[1]) Впрочемъ Карлъ Великій указываетъ и на то, что Алкуинъ его astrologiae splendore illuminaret (Praefat. ad. dialog. de rhetor. Migne. t. 101, 920 col.).

[2]) См. ниже дневникъ Валафрида Страбона.

[3]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Карлу Великому, давая отчетъ о своихъ занятіяхъ въ Турской школѣ, Алкуинъ пишетъ: «Сообразно съ вашею волею и вашими увѣщаніями я тружусь теперь подъ покровомъ св. Мартина надъ тѣмъ, чтобы однихъ услаждать медомъ св. Писанія, другихъ упоять чистымъ, старымъ виномъ древней науки; однихъ я начинаю питать яблоками грамматическихъ тонкостей, а нѣкоторыхъ стараюсь просвѣтить наукою о звѣздахъ, съ вершины какого нибудь высокаго зданія (quosdam stellarum ordine, ceu picto cujuslibet magnae domus culmine, illuminare gestio (Ep. 43. Migne. t. 100, 208 col.).

[4]) Monach. Sangallensis l. 1, c. 10. Iaffé. t. IV, 639 p. Въ «annalibus Laurissens. по этому случаю разсказывается цѣлая исторія легендарнаго характера. Въ бытность Карла въ Римѣ произошелъ споръ между римскими и франкскими пѣвцами. Галлы заявляли, что они поютъ лучше, чѣмъ римляне. Послѣдніе оспаривали это. Galli vero propter securitatem domni Regis Caroli, valde exprobrabant cantoribus romanis. Romani vero propter auctoritatem magnae doctrinae, eos stultos, rusticos et indoctas, velut bruta animalia, affirmabant, et doctrinam sancti Gregorii praeferebant rusticitati eorum. Выслушавъ этотъ споръ и препирательство между пѣвцами, Карлъ обратился съ вопросомъ къ франкамъ: dicite palam, quis purior est et quis melior, aut fons vivus, aut rivuli ejus longe decurrentes? Responderunt omnes una voce fontem, velut caput et originem, puriorem esse; rivulos autem ejus, quanto longius a fonte recesserint, tanto turbulentos et sordibus ac immunditiis corruptos. Карлъ остается, доволенъ отвѣтомъ и приказываетъ обратиться ad fontem Sancti Gregorii (Migne. t. 104, 427—429 col.).

послалъ въ Метцъ, другаго въ Суассонъ, гдѣ они открыли свои пѣвческія школы [1]). Епископамъ и аббатамъ монастырей предписано было въ школахъ обучать пѣнію [2]). Самъ Карлъ изучаетъ и упражняется въ пѣніи съ значительнымъ успѣхомъ [3]).

Конечно, во всѣхъ школахъ на первомъ планѣ стояла вокальная музыка; но на ряду съ нею преподавалась и инструментальная [4]). Этого мало, — сообщались даже свѣдѣнія по части теоріи музыки [5]).

Покончивъ съ предметами тривіума и квадривіума, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно тѣхъ предметовъ, которые у Рабана Мавра подводятся подъ категорію предметовъ ad sensus corporis. Мы уже говорили, что сюда относятся: исторія, географія, естественныя науки. Нельзя было ожидать, чтобы въ такое время, когда всякое знаніе цѣнилось по мѣркѣ приложимости его къ объясненію священнаго Писанія, названныя науки получили хоть сколько нибудь удовлетворительную постановку. И дѣйствительно мы видимъ, что исторія и географія не существуютъ, какъ предметъ школьнаго преподаванія. Правда, начинала было появляться потребность въ знакомствѣ съ исторіей [6]), но потребность преждевременная, не разсчитанная на средства къ удовлетворенію. Тоже нужно сказать и о другихъ естественныхъ наукахъ [7]). Повидимому психологическія науки

---

[1]) Annal. Laurissens. ibid.

[2]) См. выше, 1-е прим. къ 66 стр.

[3]) Einharti. Vita C. M. c. 26—legendi atque psallendi disciplinam diligentissime emendavit. Erat enim utriusque admodum eruditus; quamquam ipse nec publice legeret, nec nisi submissim et in commune cantaret (Jaffé. t. IV, 532 p.).

[4]) См. ниже, дневникъ Валафрида Страбона.

[5]) Alcuini carm. 228. Quot pedibus, numeris, rhythmo stat musica, discat (Migne. t. 101, 781 col.

[6]) Рабанъ Мавръ въ ряду другихъ предметовъ школьнаго преподаванія ставитъ и puram veritatem historiarum (De instit. clericar. III, c. 1. Migne t. 107, 377 col.), но это, кажется, было не болѣе, какъ pium desiderium почтеннаго педагога. Только позднѣе является короткій учебникъ по исторіи ученаго Фрекульфа, составленный для Карла Лысаго, по требованію императрицы Юдиѳи (Kurtz. Handbuch d. allg. Kirchengesch. B. 2, 2. 424 S. 3 примѣч.).

[7]) Правда, въ дневникѣ Валафрида Страбона мы находимъ указаніе на то, что въ Рэйхенау, напр., было особое отдѣленіе для желавшихъ заняться медициной, живописью и т. под.; но, очевидно, знакомство, съ этими предметами, вызвано было прямыми нуждами монастыря и совсѣмъ не трактовалось какъ знаніе, необходимое для всякаго образованнаго человѣка.

болѣе снискиваютъ себѣ вниманіе людей того времени. Но трудно утверждать, чтобы психологія, хотя бы то въ зачаточномъ видѣ, становилась предметомъ школьнаго преподаванія [1]).

Греческій языкъ и знакомство съ нимъ составляло заключительное звѣно въ системѣ предметовъ общеобразовательнаго курса. Потребности времени, а еще болѣе приложимость греческаго языка при объясненіи св. Писанія были главными мотивами къ введенію греческаго языка въ число предметовъ школьнаго преподаванія. Мы не беремся судить о томъ, въ какой степени самъ Алкуинъ зналъ греческій языкъ [2]), но во всякомъ случаѣ онъ знакомъ былъ съ нимъ на столько, чтобы преподавать его въ школахъ. Если не лично Алкуиномъ, то при посредствѣ другихъ учителей преподаваніе греческаго языка успѣшно велось въ дворцовой и Турской школахъ. По крайней мѣрѣ изъ этихъ школъ вышли такіе знатоки греческаго языка, какъ

---

[1]) Отъ Алкуина мы имѣемъ коротенькій трактатъ «de animae ratione», написанный имъ въ видѣ письма къ Эвлаліи. Это не самостоятельное разсужденіе, но скорѣе извлеченіе изъ сочиненій Августина и Іеронима. Слѣдуя примѣру философовъ, Алкуинъ различаетъ троякую природу души: concupiscibilis, rationabilis и irascibilis. Первая и послѣдняя присущи равно всѣмъ живымъ существамъ, но вторая только человѣку. Разумъ, какъ отличительная характерная особенность человѣка, обнаруживается въ четырехъ главнѣйшихъ видахъ: мудрости, справедливости, умѣренности и храбрости. Надѣленная такими качествами, душа, по Алкуину, proxima est Deo. Да и въ дѣйствительности она есть образъ и подобіе Бога. Какъ таковая, душа имѣетъ разсудокъ, волю и память, sed haec tria non sunt tres vitae, sed una vita. Удивительною кажется Алкуину способность души познавать вещи. Воспринятое органами внѣшнихъ чувствъ не только становится достояніемъ души въ моментъ воспріятія, но и хранится, какъ капиталъ, которымъ можно располагать во всякое время по желанію. Еще удивительнѣе для него творческая сила духа, по которой душа создаетъ такіе образы, которымъ нѣтъ соотвѣтствія въ дѣйствительности. Къ особеннымъ свойствамъ души Алкуинъ относитъ и то, что она есть жизнь для тѣла, потому что, когда душа оставляетъ тѣло, послѣднее умираетъ. Сгруппировавъ признаки души, Алкуинъ даетъ ей такое опредѣленіе: «душа есть духъ разумный, удобоподвижный, всегда живой, способный желать, свободный, безсмертный и т. д.». Хотя онъ различаетъ духъ и душу, однако замѣчаетъ, что дѣлаетъ это только по традиціи, поелику самъ не допускаетъ существенной разности между ними. Переходя къ дѣятельности души, Алкуинъ добродѣтель считаетъ украшеніемъ ея, а порокъ—пятномъ, безславіемъ. На этомъ основаніи онъ считаетъ цѣлесообразнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній въ духѣ нравоученія (Migne. t. 101, 639—647 col.).

[2]) Лоренцъ утверждаетъ, что Алкуинъ имѣлъ недостаточное знаніе греческаго языка, и обосновываетъ это мнѣніе на производствѣ Алкуиномъ слова epistola отъ греческаго ἐπὶ στόλα (Alc. Leben. 64. S. примѣчаніе).

Ангильбертъ, прозванный за свое знаніе греческаго языка Гомеромъ, Рабанъ Мавръ и др. Рабанъ Мавръ столь высоко цѣнилъ знаніе греческаго языка, что преподаваніе его считалъ очень важнымъ и необходимымъ въ Фульдской школѣ. „Какъ ручей изъ ключа, говорилъ Рабанъ, такъ точно и латинскій языкъ истекаетъ изъ греческаго. Кто пренебрегаетъ знакомствомъ съ ключемъ, тотъ никогда не познаетъ настоящей силы ручья, изъ котораго черпаетъ“ [1]). Такимъ образомъ Рабанъ даже въ филологическомъ отношеніи считаетъ греческій языкъ необходимымъ предметомъ изученія, не говоря уже о приложимости его при объясненіи св. Писанія. Но введеніе греческаго языка въ школахъ не могло еще удовлетворить всѣмъ потребностямъ въ знакомствѣ съ нимъ. Самъ лично знакомый съ греческимъ языкомъ на столько, что былъ въ состояніи понимать греческую рѣчь [2]), Карлъ приглашаетъ къ своему двору учителя греческаго языка въ лицѣ какого-то грека Елисея и поручаетъ ему преподавать его членамъ своей семьи [3]). Этого мало,—онъ учреждаетъ спеціальныя греческія школы, каковы напримѣръ школы въ Зальцбургѣ и Регенбургѣ, куда Карлъ назначилъ въ качествѣ преподавателей греческаго языка Виргилія, Дольдана и Апполонія [4]).

Въ большей части неспеціальныхъ изслѣдованій, въ которыхъ вопросъ о школахъ времени Карла затрогивается мимоходомъ, наряду съ другими вопросами, Карлу Великому приписывается и основаніе Оснабрюкской школы, какъ спеціально назначенной для изученія греческаго языка [5]). Основаніемъ для такого мнѣнія служитъ грамота объ учрежденіи этой школы, приписываемая Карлу Великому [6]). Хотя документъ этотъ

---

[1]) Trithemius. Vita K. M. l. 1, по Migne. t. 107, 83 col.

[2]) Graecam vero melius intelligere quam pronunciare poterat, пишетъ Эйнгардъ (c. 25).

[3]) Lorentz. Alc. Leb. 64 S.

[4]) Гюллльманъ. Обществ. и частная жизнь въ европейскихъ город. средн. вѣковъ, пер. съ нѣмецкаго. Двѣ главы о школахъ помѣщены въ Журн. М. Н. Просв. за 1839 г., часть XXI.

[5]) См. напр. Cramer. Gesch. d. Erziehung und d. Unterr. in d. Niederlanden. 57 S. Гюллльманъ cit. lib., Карлъ Шмидтъ. Истор. пед. II томъ, 205 стр. и др..

[6]) Вотъ эта грамота: «Во имя Святой и Единосущной Троицы Карлъ (Karolus), императоръ римлянъ, управляющій имперіей, который есть и царь

давно уже подвергался справедливому сомнѣнію и нападкамъ [1]), однако, какъ уже замѣчено, и до позднѣйшаго времени продолжаетъ держаться упорно мнѣніе о принадлежности его Карлу Великому. Мы имѣемъ подъ руками брошюру, довольно уже старую, неизвѣстнаго намъ по имени автора [2]), въ которой чрезвычайно многосторонне и весьма основательно разбирается указанная грамота. Приведемъ нѣкоторыя изъ соображеній автора. Начало грамоты обличаетъ не Карла Великаго авторомъ ея,—только со времени Людовика германскаго начали употреблять формулу „во имя святой и единосущной Троицы". Карлъ Великій писалъ свое имя не съ буквы K, а C. Слово Langa-

---

франковъ и лангобардовъ (Langabardorum), а также господинъ (dominator) саксовъ. Да будетъ извѣстно всѣмъ вѣрнымъ св. Божіей церкви и нашимъ, настоящимъ и будущимъ, что мы, въ награду Вибону, Оснабрюкскому (Osnabr.) епископу и его церкви, которую мы *первою* изъ всѣхъ саксонскихъ церквей основали во имя св. Петра, князя апостоловъ и святыхъ мучениковъ Криспина и Криспиніана, даемъ рощу или лѣсъ въ этихъ странахъ—помѣстья: фарневинкильское, рутенштейнское, ангерское, оснингское, синедійское, бергасбовидское, древенсмерское, анарсфельдское и думерійское, со всѣми принадлежностями этой области, всецѣло, — съ свиньями, т. е. дикими, также оленями, птицами и рыбами и со всякою дичью, которая относится къ лѣсу, подъ строгимъ запрещеніемъ, подобно нашему лѣсу аквисгранскому, въ оснингской рощѣ, жалуемъ въ собственность, такъ что, если кто осмѣлится войти въ эту рощу, огражденную нашимъ запрещеніемъ, безъ дозволенія епископа этой области, или для охоты, или для порубки лѣса, или для чего либо подобнаго, тотъ пусть знаетъ, что его постигнетъ наказаніе, какъ божественнаго, такъ и нашего запрещенія и за проступокъ пусть заплатитъ 60 золотыхъ нашего вѣса, которые должны быть отданы намъ за нарушеніе запрещенія. Сверхъ того этому самому епископу и его преемникамъ даруемъ постоянную свободу и утверждаемъ независимость отъ всякой царской службы, за исключеніемъ того случая, если императоръ римлянъ, или царь грековъ опредѣлятъ взять брачные подарки для сыновей ихъ, тогда епископъ этой церкви, получая всѣ издержки отъ царя, или императора, принимаетъ трудъ и честь этого посольства, и по этой причинѣ, опредѣляемъ, чтобы въ этомъ мѣстѣ были постоянно греческія и латинскія школы и чтобы никогда не было недостатка въ клирикахъ, знающихъ тотъ и другой языкъ, на что, по милости Божіей, мы и надѣемся. Чтобы это опредѣленіе было тверже и лучше сохранялось навсегда, мы положили скрѣпить его собственною подписью и нашею печатью. Дано 13 Генваря въ 4-й годъ, по милости Христа, нашего царствованія и въ 37-й годъ правленія нашего во Франціи и въ 31-й—въ Италіи. Actum Aquisgrani palatio in Dei nomine feliciter amen. (ниже указанн. брошюра «Diploma Caroli. M. 5—8 p.).

[1]) Lavnoius. De celebriorib. scholis. 47 p.

[2]) Заглавіе брошюры: «Diploma Caroli M. imperatoris de scholis Osnabrugensis ecclesiae graecis et latinis critice expensum ab. A. S. anno MDCCXVII,

barderum Карлъ не писалъ Langabar..., какъ въ дипломѣ. Карлъ Великій не могъ назваться dominator Saxonum; не могъ употреблять и не употреблялъ онъ выраженія „всѣмъ вѣрнымъ св. Божіей церкви и нашимъ“; не писалъ никогда Osnabrugk, но Asnabrugge. Вигона епископа уже не было въ живыхъ въ 804 году, слѣдовательно Карлъ не могъ давать ему никакихъ привиллегій. Церковь Оснабрюкская не была первою епископіей, ни первою церковью въ Саксоніи. Лѣсъ, который упоминается въ грамотѣ, пожалованъ былъ Оснабрюкской церкви Оттономъ I. Тоже нужно сказать объ иммунитетѣ этой церкви. Греческіе императоры во времена каролинговъ не назывались царями. Основаніе греческихъ школъ въ землѣ саксовъ, только что покоренныхъ, было неумѣстно и неблаговременно въ эпоху Карла Великаго. На основаніи вышеизложенныхъ и другихъ нѣкоторыхъ данныхъ, авторъ брошюры приходитъ къ тому заключенію, что грамота сфабрикована и появилась не ранѣе временъ Оттона I, или Оттона II. Мы ничего не можемъ сказать противъ доводовъ автора и вполнѣ раздѣляемъ то мнѣніе, что не было особенныхъ нуждъ для Карла Великаго учреждать греческія школы тамъ, гдѣ болѣе всего нуждались въ элементарныхъ. Потребности и нужда въ знатокахъ греческаго языка могли быть удовлетворены и помимо оснабрюкской школы. Существовавшія на югѣ Германіи греческія школы, преподаваніе этого языка во многихъ школахъ не только высшихъ, но и среднихъ совершенно достаточны были для удовлетворенія указанныхъ нуждъ.

Покончивъ съ обзоромъ постановки свѣтскихъ наукъ въ высшихъ школахъ времени Карла Великаго и его ближайшихъ преемниковъ, остановимся нѣсколько на организаціи епископскихъ и монастырскихъ школъ.

Между тѣми и другими въ разсматриваемую нами эпоху не было существеннаго различія. Если съ одной стороны въ основу монашеской жизни во всѣхъ предѣлахъ имперіи положенъ былъ уставъ св. Бенедикта [1]), то съ другой стороны

---

[1]) Карлъ Великій наводилъ справки относительно того, не существуютъ-ли въ какихъ либо частяхъ его имперіи другіе монахи, кромѣ монаховъ ордена св. Бенедикта (Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи, въ р. пер. Стасюлевича, т. I, 361 стр.).

правила vitae canonicae Хродеганга Мецкаго такъ же хорошо привились на почвѣ гальскихъ епископій [1]). При отсутствіи выдающихся разностей между уставомъ перваго и правилами послѣдняго, естественно было ожидать и самой близкой аналогіи въ организаціи тѣхъ и другихъ школъ.

Задачи и цѣли обоего рода школъ были совершенно одинаковы. Онѣ прекрасно выражены въ одномъ изъ писемъ Алкуина къ Карлу Великому. Описавъ свои занятія въ Турской школѣ, Алкуинъ прибавляетъ: „тружусь я много надъ многимъ для того, чтобы воспитать многихъ на пользу святой Божіей церкви и для украшенія вашей императорской власти“ [2]). Приготовленіе достойныхъ служителей церкви и государства было общею задачею всѣхъ школъ времени Карла. Мы уже видѣли, чего требовалъ онъ отъ духовенства по отношенію къ вопросу о школахъ. И нужно сказать, голосъ его не оставался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. При епископскихъ каѳедрахъ и при монастыряхъ открываются школы. Лейдрадъ, епископъ ліонскій, въ письмѣ къ Карлу Великому (отъ 813 или 814 года) такъ описываетъ свои заботы объ образованіи клириковъ своей епархіи и вмѣстѣ состояніе епископской школы. „Послѣ того, какъ, по вашему повелѣнію, я принялъ названную церковь, старался я по возможности имѣть способныхъ (officiales) клириковъ, какихъ теперь, благодаря Бога, большею частію и имѣю; и потому вашему благочестію угодно было даровать, по моей просьбѣ, тѣ доходы, которые издавна принадлежали ліонской церкви. Чрезъ это, при помощи Божіей и при вашемъ содѣйствіи, установленъ порядокъ псалмопѣнія (ordo psallendi), такъ что, кажется, сообразно съ нашими силами, все идетъ по образцу священнаго дворца (secundum ritum sacri palatii), какъ требуетъ того порядокъ исполненія божественной службы. Ибо я имѣю школы пѣвцевъ, изъ которыхъ многіе такъ хорошо обучены, что даже другихъ могутъ учить. Кромѣ этого я имѣю школы чтецовъ (lectorum), не только такихъ, которые упражняются въ чтеніи положеннаго, но и даже въ объясненіи божественныхъ книгъ оказываютъ плоды духовнаго пониманія.

---

[1]) Heppe. Das Schulwesen des Mittelalters. 1—2. S.

[2]) Plurima plurimis factus, ut plurimos ad profectum sanctae Dei Ecclesiae, et ad decorem imperialis regni vestri erudiam (Epist. 43. Migne. t. 100. 208 col.).

Изъ нихъ нѣкоторые могутъ выказывать это духовное пониманіе (sensum spiritalem) относительно книгъ евангельскихъ. Многіе же усвоили по духовному разумѣнію книгу пророковъ. Тоже можно сказать о книгахъ Соломона, или книгахъ псалмовъ и даже Іова. Для переписыванія книгъ въ этой церкви на сколько могъ, я потрудился“ [1]). Въ этомъ родѣ могли писать многіе изъ другихъ епископовъ и аббатовъ монастырей [2]). Особенно число школъ увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ начали выходить дѣятели изъ школъ Алкуина и Рабана Мавра. Получивши лучшее по тому времени образованіе, ученики ихъ, то въ качествѣ епископовъ, то аббатовъ монастырей, всюду старались учреждать школы по образцу тѣхъ, въ которыхъ они сами получили образованіе [3]).

Во внутренней организаціи епископскихъ и монастырскихъ школъ мы прежде всего должны отмѣтить раздѣленіе ихъ, практиковавшееся въ болѣе замѣчательныхъ школахъ, на majores scholae и minores. Minores scholae, поставлявшія своею задачею болѣе всего элементарное образованіе, считали въ кругу своихъ предметовъ: чтеніе, счисленіе, псалмы, ноты, пѣніе и грамматику,—словомъ, все то, что точно опредѣлено Карломъ Великимъ въ извѣстномъ уже намъ капитуляріѣ отъ 789 года [4]) и что, по мысли отцовъ Шалонскаго собора 813 года, въ особенности требовалось отъ лицъ, готовившихся къ духовному званію [5]). Majores scholae имѣли для себя идеаломъ образцовыя школы. Постояннымъ стремленіемъ ихъ было приблизиться по возможности къ идеалу. Отсюда опредѣляется и кругъ предметовъ, входившихъ въ программу ихъ преподаванія. Для нѣкоторыхъ изъ такого рода школъ семь свободныхъ наукъ сполна (ad plenum) съ sacra pagina во главѣ составляли школьную программу. Для большинства же тривіумъ съ присоединеніемъ од-

---

[1]) Epist. Leidradi у Iaffé. Bibl. rer. germanic. IV, 420 p.

[2]) Таковы напр. были: Вернбертъ, настоятель монастыря С.-Галленскаго, Ангеломъ, основатель Безансонской епархіи, Гервольдъ, аббатъ монастыря Фонтенеллэ, Теодульфъ, еп. Орлеанскій и др. Подробнѣе можно читать объ этомъ у Lavnoii въ его «De scholis celebrioribus».

[3]) Подробности можно находить въ Frobenii de vita Albini Comment. с. VII и IX, а также въ статьѣ г. Даниловича: «О просвѣщеніи въ средніе вѣка» (Журналъ Мин. Нар. Просв. за 1836 г. іюнь).

[4]) См. выше, 1-е примѣч. къ 66 стр.

[5]) См. выше, 4-е примѣч. къ 66 стр.

ного или двухъ предметовъ изъ области квадривіума исчерпывалъ все содержаніе этой программы. Наконецъ, были и такого рода школы, гдѣ спеціализація одного предмета вела къ сокращенію числа другихъ до одного или двухъ предметовъ изъ области тривіума и такому же количеству изъ числа предметовъ квадривіума. Словомъ, въ этомъ случаѣ нельзя указать какой либо опредѣленной программы. Все здѣсь обусловливалось расположеніемъ къ наукамъ предстоятелей школъ, епископовъ и аббатовъ монастырей, ихъ способностями, личнымъ образованіемъ и вкусомъ, а также способностями школьныхъ преподавателей.

Такъ какъ majores scholae за образецъ для себя брали высшія школы, то внутренняя организація ихъ существенно не различалась отъ организаціи послѣднихъ. Лучшее доказательство этому мы находимъ въ „Дневникѣ Валафрида Страбона", одного изъ учениковъ Рабана Мавра. Родившись въ 806 году, Валафридъ на 10-мъ году отъ роду поступилъ въ монастырскую школу Рэйхенау при Боденскомъ озерѣ. О своихъ занятіяхъ въ школѣ онъ составилъ записку, благодаря которой мы имѣемъ самое вѣрное, живое и чрезвычайно интересное изображеніе внутренней организаціи одной изъ лучшихъ монастырскихъ школъ того времени [1]). По интересу и по важности этой записки для нашего вопроса мы не можемъ не привести ея, хотя въ значительно сокращенномъ видѣ.

„Я былъ совершеннымъ невѣждой и очень удивлялся при видѣ большихъ монастырскихъ зданій, начинаетъ Валафридъ Страбонъ, въ которыхъ мнѣ предстояло жить съ этихъ поръ; я очень обрадовался, увидѣвъ предъ собою толпу дружелюбно привѣтствовавшихъ меня товарищей и соучастниковъ въ играхъ, Впрочемъ и я также доставлялъ имъ иногда удовольствіе, такъ какъ для меня все было ново и непривычно и потому я былъ неловокъ и неуклюжъ, или невпопадъ подражалъ тому, что дѣлали при мнѣ другіе. Но уже чрезъ нѣсколько дней я ко всему лучше приноровился и лишь только понавыкъ къ общему порядку, какъ схоластикъ Гримальдъ поручилъ меня одному изъ

---

[1]) Памятникъ этотъ открытъ только въ 1856 году, и съ этого времени перепечатанъ въ нѣсколькихъ историко-педагогическихъ сочиненіяхъ. Мы заимствуемъ его изъ «Исторіи Педагогики» К. Шмидта въ русск. перев. 1879 г.

учителей, у котораго я долженъ былъ обучаться чтенію. Я былъ не одинъ у него, тамъ было еще нѣсколько мальчиковъ моихъ лѣтъ, какъ изъ знатнаго, такъ и изъ простаго званія, но всѣ они уже во многомъ опередили меня. Снисходительная подмога со стороны учителя и мое честолюбіе поперемѣнно подстрекали меня ревностно заняться этимъ дѣломъ, и чрезъ нѣсколько недѣль я дошелъ до того, что въ состояніи былъ читать довольно бѣгло не только написанное на моей вощенной доскѣ, но и даже латинскую книгу, которую мнѣ вручили. Потомъ мнѣ дали нѣмецкую книжку; чтеніе ея стоило мнѣ, правда, болѣе труда, но за то она доставила мнѣ душевное удовольствіе, ибо, прочитавъ что-либо, я все понималъ тутъ, тогда какъ въ латинской наоборотъ, и меня сначала удивляло то, что читая можно въ тоже время и понимать прочитанное". Осень, время собиранія плодовъ, было веселою порою для школьниковъ. „Когда прошли эти веселые дни, то, ознакомясь съ буквами и научившись связывать ихъ, я долженъ былъ переписывать ихъ на моей вощенной доскѣ. Это занятіе было не совсѣмъ по нутру мнѣ. Отъ скуки я пускался на разныя затѣи и дразнилъ моихъ товарищей, чѣмъ навлекалъ на себя выговоры, а иногда и побои. Между тѣмъ въ теченіе зимы я выучился писать, а весною въ 816 году, будучи 10-ти лѣтъ отъ роду, перешелъ къ учителю грамматики, магистру Герарду".

Годъ 816. „Тутъ прежде всего пришлось мнѣ выучить наизустъ нѣсколько латинскихъ фразъ для того, чтобы объясняться съ моими товарищами по латыни. Они большею частію уже далеко опередили меня: одни были во второмъ, другіе въ третьемъ и четвертомъ году грамматики. Поэтому они всегда, за исключеніемъ часовъ роздыха, обязаны были говорить между собою по латыни; намъ же начинающимъ, разрѣшалось, въ случаѣ крайности, объясняться другъ съ другомъ и понѣмецки. Чрезъ нѣсколько времени мнѣ дали въ руки грамматику Доната, а одному изъ старшихъ учениковъ поручили выспрашивать меня изъ нея до тѣхъ поръ, пока я не усвоилъ себѣ всѣхъ восьми частей рѣчи и правилъ касательно ихъ измѣненій. Въ первые два урока учитель самъ потрудился указать мнѣ, какъ слѣдуетъ поступать при изученіи этихъ словъ и оборотовъ; но потомъ онъ приходилъ лишь къ концу урока, чтобы узнать отъ моего наставника, какъ я исполнилъ свое дѣло.

Послѣдній, конечно, былъ доволенъ моими успѣхами по Донату; у меня нашлось даже время затѣвать разныя шалости и мѣшать моимъ товарищамъ. Я зналъ, что ученикъ, обучавшій насъ, не смѣлъ бить меня, да и слишкомъ любилъ меня, такъ что подъ конецъ урока никогда не думалъ жаловаться учителю. Случалось однако, что я доходилъ до крайности, такъ что даже учившіеся въ другихъ отдѣленіяхъ залы второй и третьей грамматикѣ замѣчали это и своимъ смѣхомъ обращали на то вниманіе занятаго съ ними учителя. Въ первый разъ я отдѣлался суровымъ, строгимъ взглядомъ со стороны послѣдняго, во второй— онъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ, не забылся-ли я уже окончательно и пригрозилъ мнѣ указательнымъ перстомъ, когда же ничто не помогало, то онъ лишалъ меня какой-либо порціи за обѣдомъ, или же бралъ со стѣны розгу. Послѣ обѣда мы должны были всякій разъ примѣнять правила, которыя утромъ запечатлѣли въ памяти. Ученикъ, а иногда и самъ учитель говорилъ намъ понѣмецки болѣе или менѣе длинныя фразы, а мы тутъ же должны были писать ихъ на доскѣ по латыни; слова намъ извѣстны были частію изъ Доната, частію же изъ ежедневныхъ разговоровъ, а не то мы спрашивали у учителя. Но такъ какъ мы писали по слуху, не видѣвъ словъ, то я часто писалъ ихъ очень странно. Вечеромъ намъ разсказывали какой нибудь отрывокъ изъ библейской исторіи, а по утрамъ мы должны были всякій разъ пересказывать его вновь".

Пока во второй и въ третій разъ повторяли вмѣстѣ Доната, въ сосѣдствѣ окончена была церковная постройка. Былъ воздвигнутъ великолѣпный соборъ, на освященіе котораго прибылъ епископъ Базельскій Гаттонъ. „Настоятель Гаттонъ, до возвращенія въ свое епископство, въ Базель, хотѣлъ присутствовать на экзаменахъ у насъ въ школѣ. Онъ былъ особенно доволенъ моими отвѣтами".

Годъ 817. „Въ теченіе слѣдующей зимы мы занимались второю частію грамматики—правописаніемъ; съ этихъ поръ мы также должны были говорить по латыни, при чемъ, конечно, случались промахи, много потѣшавшіе нашихъ учителей и сотоварищей. Каждый день читалась глава изъ Псалтири. Мы записывали ее на своихъ доскахъ, при томъ каждый изъ насъ долженъ былъ исправлять орѳографическія ошибки своего сосѣда, а одинъ изъ учившихся грамматикѣ четвертый годъ дол-

женъ былъ затѣмъ провѣрить написанное. Послѣ того все разбиралось отъ слова до слова и объяснялось, а на другое утро мы должны были выучить главу наизустъ. Такимъ образомъ въ теченіе зимы и слѣдующаго затѣмъ лѣта мы запечатлѣли въ памяти всю Псалтирь»...

Годъ 818. „Въ этотъ годъ посажена была первая виноградная лоза на островѣ, и когда мы въ присутствіи доминуса Эрлебальда, руководствовавшаго внутреннею школою, хорошо выдержали испытаніе, то намъ разрѣшено было полакомиться первымъ виноградомъ. Съ новымъ рвеніемъ принялись мы за чтеніе Алкуина и дистиховъ Катона, вслѣдствіе чего намъ необходимо было изучить метрику; я получилъ экземпляръ, въ которомъ соединены были грамматика Алкуина и метрика Бэды. Другіе получили метрику Викторина, при чемъ намъ самимъ въ присутствіи учителей надлежало объяснять другъ другу правила просодіи, а потомъ и стихотворства. Мы провѣряли и испытывали наши правила и нашу память на стихахъ Проспера и Ювенка, а также еще Седулія, которыхъ читали двое вмѣстѣ, а потомъ въ вечерніе часы мы по очереди давали о томъ отчетъ учителямъ. Для упражненія памяти мы твердили наизустъ гимны церковныхъ и праздничныхъ дней, впрочемъ частію уже усвоенные нами, благодаря частымъ повтореніямъ. Начиная съ лѣта намъ, такъ же, какъ и другимъ, поручалось поочередно читать за столомъ, къ чему мы приготовлялись сначала подъ вѣденіемъ одного изъ старшихъ учениковъ... Въ это самое время мы лишились начальника нашей школы доминуса Гримальда, котораго настоятель Гаттонъ отправилъ въ монастырь Аніанъ... По поводу его отъѣзда сочинилъ я мое первое латинское письмо, въ которомъ выразилъ свою дѣтскую любовь и благодарность и въ заключеніе котораго насилу скропалъ какое-то двустишіе. Онъ подарилъ мнѣ списокъ Виргиліевыхъ эклогъ, которыя то и дѣло я перечитывалъ и изучалъ въ часы досуга. Тогда начальникомъ школы сдѣлался Ветинъ, братъ Гримальда и остался имъ до своей смерти“.

Годъ 819. „Дабы пополнить наши грамматическія знанія, намъ поручили въ теченіе зимы обучать вновь поступившихъ учениковъ грамматикѣ точно также, какъ обучали насъ прежде другіе. Я занимался этимъ дѣломъ съ ревностію и съ такимъ же успѣхомъ, чѣмъ заслужилъ въ высокой степени расположеніе

Ветина. Въ тоже время магистръ Герардъ, учитель грамматики, знакомилъ насъ съ фигурами и тропами рѣчи, при чемъ указывалъ на нихъ сперва въ свящ. Писаніи, а затѣмъ требовалъ, чтобы мы сами изъ читанныхъ уже нами поэтовъ, а также изъ Стація и Лукана, которыхъ теперь читали, представляли образцы и примѣры. Тѣ изъ насъ, которые не чувствовали въ себѣ ни призванія, ни способностей обучать другихъ, занимались подъ вѣденіемъ учителя перепискою грамматикъ Присціана, Марія Викторина и Кассіодора, или упражнялись въ составленіи латинскихъ и нѣмецкихъ предложеній, заимствованныхъ изъ обыденной жизни, библейской исторіи, или изъ прочитанныхъ авторовъ. При этомъ мы могли пользоваться словаремъ синонимовъ, составленнымъ въ ту пору для насъ магистромъ Герардомъ и оказавшимъ намъ отличныя услуги также при сочиненіи стиховъ.

Въ занятіяхъ этого рода наступало время, когда всѣ, переходившіе изъ грамматики въ реторику, числомъ 32 ученика, подвергались по этому поводу окончательнымъ испытаніямъ. Съ этою цѣлью подъ исходъ зимы повторяли мы съ нашими учителями три части грамматики: этимологію, орѳографію и метрику, также ученіе о фигурахъ и тропахъ.

Въ назначенный день доминусъ Эрлебальдъ пришелъ съ остальными учителями внутренней школы въ большой залъ нашего зданія и самъ предлагалъ каждому изъ насъ по нѣскольку вопросовъ о предметахъ, которые мы изучали, и о писателяхъ, которыхъ читали. Изъ послѣднихъ мы должны были приводить примѣры на каждое правило. Отъ насъ требовался также отчетъ о разсказахъ изъ библейской исторіи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, прослушанныхъ нами въ эти четыре года, и сверхъ того о смыслѣ и значеніи ихъ. Тѣхъ, которые отстали въ какомъ либо предметѣ, заставляли заучивать ихъ еще разъ потверже, а тѣ, которые обнаруживали равнодушіе или нерадѣніе, подвергались рѣзкому выговору отъ доминуса Эрлебальда, казавшагося намъ тогда чрезвычайно строгимъ и суровымъ человѣкомъ. Впрочемъ не всѣ изъ моихъ товарищей переходили съ нами въ реторику: нѣкоторые изъ молодыхъ дворянъ отправились домой"... По окончаніи испытаній начались каникулы.

Годъ 820-й. Въ день памяти св. Пирминія (3 ноября), осно-

вателя и перваго аббата нашего, приступили мы къ нашему реторическому ученію. Руководствомъ служилъ Кассіодоръ, большею частью уже извѣстный намъ, ибо въ грамматикѣ намъ давались и предлагались для чтенія труды его объ этомъ предметѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы читали и объясняли въ школѣ реторическія сочиненія Цицерона, чтеніе же Квинтиліана предоставлялось на волю каждаго. До сихъ поръ намъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ короткихъ писемъ, не приходилось ничего сочинять; теперь же мы почти каждый день должны были упражняться въ составленіи различныхъ родовъ и формъ рѣчи въ томъ видѣ, какъ они излагались въ руководствѣ. Этими работами занимались мы въ теченіи всей зимы. Весной началось изученіе исторіи, въ которой мы пріобрѣли уже нѣкоторыя знанія изъ мартиролога, благодаря чтенію за трапезой и бесѣдамъ съ нашими учителями. Въ основу при этомъ положена была хроника Бэды, а для справокъ намъ дана была книга, въ которой библіотекарь Регинбертъ велѣлъ списать вмѣстѣ хроники Евсевія Кесарійскаго, святаго Іеронима, Проспера, Кассіодора, епископовъ Іорнанда и Меллита. Помимо того мы читали въ школѣ сперва Саллюстія, а потомъ Тита Ливія, въ которыхъ при этомъ надлежало указывать еще на риторическія правила и формы. Въ тоже время, по совѣту Таттона, я читалъ также привезенный имъ съ собою діалогъ Алкуина о реторикѣ и добродѣтеляхъ и нашелъ его столько же поучительнымъ, сколько пріятнымъ. Для перемѣны мы объясняли отдѣльныя мѣста изъ Виргиліевой энеиды, также изъ Пруденція и Фортуната, а по временамъ и сами составляли короткіе латинскіе стишки. Это впрочемъ не всѣмъ вмѣнялось въ обязанность; я же, напротивъ, занимался этимъ съ такою охотою, что часто опускалъ изъ-за того другіе уроки. Наконецъ, каждый изъ насъ долженъ былъ списать для себя одну изъ хроникъ, дабы впослѣдствіи имѣть ее на всякій случай подъ рукой“.

Годъ 821-й. „Въ теченіе слѣдующей зимы мы занимались подъ руководствомъ Таттона діалектикой; онъ преподавалъ ее намъ по сочиненію Алкуина, привезенному имъ съ собою изъ Франціи, но такъ какъ имѣлся всего лишь одинъ списокъ его, то намъ на руки дали Кассіодора и введеніе Порфирія, а впослѣдствіи Боэція и сочиненіе Бэды объ Аристотелевой діалек-

тикѣ. Мы должны были попеременно вести другъ съ другомъ бесѣды объ этой наукѣ... Логика мнѣ нравилась болѣе всего, и часто къ ссылкамъ, приводимымъ Алкуиномъ изъ стиховъ Виргилія, пытался я пріискивать еще другія, въ чемъ меня особенно поощрялъ Таттонъ. Какъ чтеніе поэтовъ, такъ и изученіе исторіи продолжались по прежнему, и всякій изъ насъ каждую недѣлю въ назначенный для того день давалъ отчетъ о томъ и другомъ".

„Въ теченіе лѣта Таттонъ ознакомилъ насъ съ собраніями законовъ... Ѳеодосія, салійскихъ и рипуарійскихъ франковъ..., при чемъ сообщилъ намъ изъ своего богатаго опыта превосходныя поясненія".

Годъ 822-й. „Послѣ этого вся зима была посвящена усвоенію правилъ реторики и діалектики, которыя мы слушали и впечатлѣли въ своей памяти за послѣдніе два года. Упражненія эти были двоякаго рода; сначала устныя, а потомъ письменныя. Намъ изъ исторіи, изъ обыденной жизни или изъ собраній законовъ давались предметы, которые мы должны были разработать въ рѣчахъ и возраженіяхъ. Мы изощрялись при этомъ въ искусствѣ приводить доказательства и въ тоже время совершенствовали нашу рѣчь. Прежде всего мы должны были обыкновенно представить учителю наши доводы въ строго діалектической формѣ, а потомъ обставить ихъ реторическими украшеніями, при чемъ нерѣдко требовалось, чтобы мы одно и тоже умѣли съ равнымъ искусствомъ выражать въ шести, семи, часто даже въ еще болѣе различныхъ видахъ. Мы должны были также свободно пересказывать житія святыхъ, или писать и излагать изустно характеристическіе очерки и похвальныя рѣчи. По временамъ мы сочиняли также нѣмецкіе стихи по образцу собраній народныхъ пѣсенъ и преданій, которыя читалъ намъ Таттонъ... Между тѣмъ наступило время, когда намъ предстояло перейти въ новый кругъ учебныхъ предметовъ. Но до того намъ пришлось выдержать экзаменъ, который, вслѣдствіе совершенно неожиданнаго случая, получилъ особенное значеніе". Такимъ случаемъ было отреченіе отъ каѳедры епископа Гаттона и вручение архіерейскаго жезла и митры Эрлебальду. Задушевныя слова Гаттона, сказанныя имъ по этому поводу, подѣйствовали сильно на впечатлительную душу Валафрида Страбона

Онъ теперь рѣшилъ посвятить себя на служеніе Богу, каковое обстоятельство дало ему возможность войти въ сношенія со многими высокопоставленными лицами духовнаго званія и вести съ ними переписку. По обычаю переписка велась въ стихахъ, что заставило Валафрида еще болѣе полюбить ихъ. „Все это, говоритъ онъ, способствовало тому, что я исполнился почти страстною любовію не только къ поэзіи, но и также къ наукѣ. Въ такомъ настроеніи лѣтомъ 822 года принялся я, подъ руководствомъ Таттона, за изученіе ариѳметики. Сперва онъ объяснилъ книги консула Манлія Боэція касательно разныхъ родовъ и раздѣленій и значеній чиселъ; потомъ обучились мы счету по пальцамъ и употребленію покрытой пескомъ доски по книгамъ, написаннымъ объ этомъ Бэдою и Боэціемъ. Какъ время, такъ и вниманіе наше въ сильной мѣрѣ были заняты лѣтосчисленіемъ евреевъ, грековъ и римлянъ, а также руководствомъ къ составленію календаря, вычисленію золотаго числа, эпактъ, индиктовъ. Для разнообразія и развлеченія рѣшали мы математическія загадки, составленныя Алкуиномъ для Карла Великаго... Нѣкоторые изъ насъ не въ состояніи были слѣдить за этими вычисленіями, и прежде чѣмъ мы перешли къ геометріи, отъ насъ удалились тѣ, которые захотѣли посвятить себя изученію медицины, правовѣденія, или искусствамъ живописи и ваянія.

Годъ 823-й. „Послѣ этого разобщенія насъ осталось еще около двадцати человѣкъ, и мы продолжали свои занятія по Боэцію; прежде всего мы принялись за его три книги о геометріи, при чемъ вольны были сверхъ того пользоваться собраніемъ нѣкоторыхъ другихъ геометрическихъ сочиненій. Ознакомясь съ фигурами и ихъ свойствами, мы должны были сами научиться чертить и опредѣлять такія же. Впослѣдствіи мы занялись также измѣреніемъ линій, площадей и тѣлъ и вымѣрили не только монастырскіе участки и разстоянія ихъ на островѣ, но также и высоту зданій и башенъ.

Нашимъ главнымъ занятіемъ было ознакомиться съ землею и различными ея частями, съ странами и морями по ихъ свойству, по ихъ произведеніямъ минеральнымъ, растительнымъ и животнымъ. Правда, въ исторіи мы и объ этомъ также получили уже нѣкоторыя свѣдѣнія, но теперь они опирались на болѣе твердомъ основаніи, доказывались выкладками и поясня-

лись ихъ причины. Руководствами при этомъ служили намъ итинерарій Антонія, космографія Иѳика, сочиненія Бэды объ этомъ предметѣ, также творенія св. Исидора. Всего больше удовольствія доставляли намъ карты и фигуры, которыми мы были хорошо снабжены, и часто, бывало, въ часы отдохновенія чертили мы въ большихъ размѣрахъ на пескѣ нашего рекреаціоннаго двора очерки странъ и земель, ихъ поверхность, пояса рѣки и хребты горъ. Всѣ эти объясненія о явленіяхъ природы и ихъ причинахъ намъ очень нравились, и ни одна изъ наукъ не служила такъ часто предметомъ нашихъ бесѣдъ и вопросовъ, предлагаемыхъ учителю, доминусу Таттону. Я часто удивлялся терпѣнію и готовности, съ какими онъ всегда отвѣчалъ на наши вопросы... Начиная съ Пасхи слѣдующаго года принялись мы за изученіе музыки. Хотя я мало способенъ для исполненія этого искусства, но все-таки я съ любовію пристрастился къ нему. Съ тѣмъ большимъ рвеніемъ изучалъ я поэтому книги Боэція и читалъ Бэду. Таттонъ самъ былъ знаменитый музыкантъ и сочинялъ разные гимны и пѣсни; онъ читалъ намъ подробныя лекціи о послѣдовательности и взаимномъ отношеніи тоновъ и о законахъ композиціи. Потомъ объяснялъ онъ намъ свойство и употребленіе разныхъ инструментовъ, правила пѣнія, различные нотные знаки, постепенное происхожденіе и настоящее значеніе ихъ. Почти каждый изъ насъ въ прежніе уже годы учился либо пѣть, либо играть на какомъ нибудь инструментѣ, одинъ игралъ на органѣ, служившемъ единственнымъ акомпаниментомъ храмовому пѣнію, другой — на арфѣ, третій — на флейтѣ, трубѣ или тромбонѣ, нѣкоторые играли на дельтообразной цитрѣ или на трехструнной лирѣ, всѣ сподрядъ обучались этому и посвящали большую часть своего времени для того, чтобы усовершенствоваться въ этомъ искусствѣ... Затѣмъ доминусъ Таттонъ предложилъ мнѣ изучать греческій языкъ, а такъ какъ самому ему было некогда, то онъ обратился за меня къ доминусу Ветину, прося его быть моимъ преподавателемъ. Ветинъ съ большою готовностію исполнилъ мое желаніе, и нѣкоторые изъ моихъ товарищей также возъимѣли охоту поработать надъ греческимъ языкомъ, но, по прошествіи двухъ-трехъ недѣль, они упали духомъ, такъ что я одинъ остался вѣренъ своему намѣренію. Ветинъ всѣми силами старался облегчить и сдѣлать пріятнымъ мое ученіе.

Когда я усвоилъ себѣ главнѣйшія правила этимологіи по грамматикѣ Досиѳея, то принялся за чтеніе Гомера; доминусъ Гримальдъ, особенно любившій его и назвавшійся даже его именемъ, подарилъ мнѣ на этотъ конецъ особую рукопись, купленную имъ въ Ахенѣ у одного константинопольскаго грека. Впрочемъ у насъ и безъ того не было бы недостатка въ экземплярахъ Гомера, такъ какъ Гаттонъ и Эрлебальдъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, находясь послами короля Карла при греческомъ императорѣ въ Константинополѣ, накупили ихъ не мало...

Годъ 825-й. „Въ теченіе зимы и весны посѣщалъ я лекціи Таттона объ астрономіи. Однако въ тоже время я занятъ былъ иными мыслями, и хотя этотъ предметъ казался мнѣ прежде привлекательнымъ, но теперь я не въ состояніи былъ сосредоточить на немъ своего вниманія, и впослѣдствіи въ Фульдѣ я нашелся вынужденнымъ обратиться къ моему Рабану еще разъ для пополненія моихъ знаній въ этой отрасли. Доминусъ Таттонъ объяснилъ намъ въ основныхъ чертахъ Боэція и сочиненія Бэды о солнечномъ, лунномъ и планетномъ движеніяхъ, ознакомилъ насъ съ созвѣздіями, знаками зодіака, причинами затмѣній, употребленіемъ астролябій и гороскопа, солнечныхъ часовъ и зрительной трубы. Онъ заставлялъ насъ также чертить фигуры; ночью, когда сверкали звѣзды, онъ наблюдалъ ихъ вмѣстѣ съ нами и заставлялъ всѣхъ учениковъ наблюдать наклонное движеніе свѣтилъ въ разныхъ концахъ небеснаго свода, какъ при восходѣ, такъ и при закатѣ“ [1])...

Такова постановка предметовъ въ лучшихъ монастырскихъ majoribus scholis. Стремленіе достигнуть совершенства образцовыхъ школъ увѣнчивается значительнымъ успѣхомъ. Мы видимъ здѣсь преподаваніе свѣтскихъ наукъ ad plenum. Конечно, далеко не многіе, особенно заинтересованные въ наукѣ, проходили полный курсъ общеобразовательныхъ предметовъ. Изъ пяти сотъ воспитанниковъ внутренней и внѣшней школъ Рэйхенау квадривіумъ изучаютъ двадцать, а греческимъ языкомъ занимается только одинъ.

Съ 816 года въ направленіи епископскихъ и монастырскихъ школъ происходитъ нѣкоторая перемѣна. До сего времени, по идеямъ Карла Великаго, школы открыты были для моло-

[1]) К. Шмидтъ. «Истор. педагогики». II т. 182—196 стр.

дыхъ людей всякаго званія и состоянія. На ряду съ готовившимися къ духовному званію или принявшими обѣты монашества, дѣти мірянъ могли изучать всѣ школьные предметы. Ахенскій соборъ 816 года обнародываетъ впервые постановленіе [1]), въ силу котораго посѣщеніе внутреннихъ школъ для мірянъ дѣлается затруднительнымъ, почти невозможнымъ. Отсюда при епископскихъ каѳедрахъ и въ монастыряхъ являются двоякаго рода школы: внутреннія и внѣшнія (intraria, interior, claustralis schola, claustra и schola exterior). Первыя предназначались для тѣхъ, которые посвящали себя Господу чрезъ духовное recommendatio и для монашеской жизни (oblatis). Вторыя открыты были для мірянъ, желавшихъ получить образованіе въ школахъ и, по окончаніи онаго, снова возвратиться въ міръ (nutritis). Очевидно, такое раздѣленіе мотивируется желаніемъ отъ духовенства особенной чистоты жизни. Но мы можемъ усмотрѣть въ этомъ и другую неблагопріятную сторону. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ сошелъ со сцены Карлъ Великій, а идеи его о народномъ образованіи начинаютъ уже забываться. Отцы собора снова возвращаются къ старымъ традиціямъ о научномъ образованіи, какъ спеціальной принадлежности духовенства (ars clericalis). И дѣйствительно, если на первыхъ порахъ указанное постановленіе Ахенскаго собора не сопровождалось слишкомъ замѣтными неблагопріятными послѣдствіями, потому что организація внѣшнихъ школъ на первыхъ порахъ строго не отличалась отъ организаціи внутреннихъ, то съ теченіемъ времени предстоятели школъ начинаютъ обращать большее вниманіе на послѣднія, и это неблагопріятно отражается на состояніи первыхъ [2]).

---

[1]) Praepositorum officii est, ut subditorum mentes sanctarum scripturarum lectionibus assidue muniant, ne lupus invisibilis aditum inveniat, quo ovile Domini ingredi et aliquam ovium surripere valeat. Et quamquam ab his hoc instantissime spiritaliter fieri oporteat; necesse est tamen, ut claustra in quibus clero sibi commisso canonice vivendum est, firmis undique circumde munitionibus, ut nulli omnino intrandi aut exeundi, nisi per portam, pateat aditus.... (Concil. Aquisgranense. c. 117. M a n s i. Sacror. Conc. Nova et ampl. coll. t. 14, 230 p.).

[2]) Вопросъ о внѣшнихъ порядкахъ высшихъ и среднихъ школъ времени Карла Великаго самъ по себѣ уже не можетъ представлять для насъ такого интереса, какъ вопросъ о внутренней организаціи ихъ. Да къ тому же этимъ вопросомъ занимаются очень много всѣ авторы, которые такъ или иначе касаются вопроса о школахъ. Для примѣра сошлемся на Геппэ «Das Schulwes-

Чтобы покончить съ школами времени Карла Великаго, нужно еще сказать нѣсколько словъ о школахъ епархіальныхъ и женскихъ.

Не смотря на всѣ заботы Карла Великаго о поднятіи уровня собственно народнаго образованія, не смотря на его энергическія мѣры, планы его не были и не могли быть приведены въ исполненіе. Напрасно Карлъ возлагалъ большія надежды на духовенство. Это послѣднее далеко не сочувственно относилось къ народному образованію по идеямъ Карла. Такихъ епископовъ, какъ Теодульфъ Орлеанскій, было слишкомъ

---

d. Mittelalt.» и Шмидта «Исторія педагогики». Все это даетъ намъ право ограничиться въ разъясненіи этого пункта короткимъ замѣчаніемъ. Всѣ школы монастырскія и епископскія находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ епископовъ или аббатовъ монастырей. Они назначали школьныхъ преподавателей съ магистромъ во главѣ. Въ Фульдскомъ монастырѣ былъ совѣтъ изъ двѣнадцати ученыхъ и опытныхъ монаховъ, которые назывались старшинами (Trithemius. Vita K. M. l. 1. Migne. t. 107, 82 col.). Въ числѣ ихъ обязанностей было также и преподаваніе въ школахъ. Старѣйшимъ между ними былъ магистръ, который, самъ завися только отъ одного аббата, завѣдывалъ назначеніемъ членовъ совѣта, распредѣлялъ между ними предметы преподаванія, слѣдилъ за выполненіемъ предложенныхъ имъ программъ, производилъ испытанія учениковъ и т. п. (Herpe. cit. lib. 15 p.). Самымъ обыкновеннымъ названіемъ учителей было—scholastici, а помощники ихъ носили названіе секундаріевъ (secundarius). На ряду съ ними, также въ качествѣ ихъ помощниковъ, являются и ректоры школы (rector ludi, rector scholarium, ludi magister). За ними слѣдовалъ канторъ, который собственно заправлялъ хоромъ и обучалъ дѣтей пѣнію. Для наблюденія за дисциплиною въ школахъ существовали циркаторы или надзиратели.

Общеупотребительнымъ названіемъ учениковъ было scholares, scholasticuli. Комплектъ ихъ въ школахъ времени Карла Великаго пополнялся изъ дѣтей всѣхъ сословій. Съ особенною любовію принимались дѣти, желавшіе или, по волѣ родителей, предназначавшіеся къ духовному званію. Само собою разумѣется, что для подавленнаго и угнетеннаго земледѣльца подобныя школы были почти недоступны. Правда, по распоряженіямъ Карла Великаго, дѣти поселянъ должны были посѣщать епископскія и монастырскія школы; но на практикѣ это туго прививалось. Отсюда сравнительно бо́льшее число учениковъ доставляли высшіе классы.

Что касается школьной дисциплины, то она для всѣхъ безъ исключенія школъ была монашески строга, даже сурова. Знатные и незнатные равно подвергались за лѣность, шалости и т. под. строгимъ наказаніямъ. Розга была самымъ обычнымъ орудіемъ наказанія. Сюда присоединялось иногда, какъ низшій видъ его, привязываніе къ столбу, стояніе въ углу, лишеніе нѣкоторыхъ кушаній и полнаго обѣда. Но были въ жизни школьниковъ и свѣтлые дни, когда учебныя занятія прекращались, дисциплина съ ея розгою не дѣйствовала. Это—праздники. Въ разсматриваемый нами періодъ число праздниковъ собственно школьныхъ было довольно ограничено. Празд. Рожд. Хрис-

немного [1]). Этотъ послѣдній всю жизнь свою и дѣятельность посвящаетъ заботамъ о народномъ образованіи. Первѣе всего онъ предписываетъ священникамъ учить народъ истинамъ вѣры [2]). Но этого мало,—онъ требуетъ отъ нихъ основывать по деревнямъ и мѣстечкамъ епархіальныя школы. „Пресвитеры по виллямъ и деревнямъ пусть имѣютъ школы, писалъ онъ, и если кто либо изъ вѣрныхъ захочетъ отдать своихъ дѣтей для обученія грамотѣ, пусть они не отказываются принимать и учить ихъ... А когда учатъ, пусть не вымогаютъ у нихъ никакой платы за это, исключая того, что родители добровольно принесутъ имъ“ [3]).

Организація епархіальныхъ школъ была очень не сложна. Весь кругъ предметовъ изчерпывался обученіемъ чтенію, письму, практическому счисленію, пѣнію и нѣкоторымъ молитвамъ — и все это, разумѣется, на національномъ языкѣ.

Методы, практиковавшіеся въ школахъ подобнаго рода, были самые простые. За обученіемъ чтенію переходили къ письму, для чего предлагались вощенныя дощечки, на которыхъ дѣти выписывали буквы алфавита, а за тѣмъ склады. Все это дѣлалось съ готовыхъ прописей, или съ образцовъ, написанныхъ учителемъ на классной доскѣ.

Ариѳметика преподавалась практически. Дѣти научались счи-

това, Новый годъ и съ IX в. день памяти Григорія Великаго, а въ южной Германіи Николинъ день, день Архистратига Михаила—были обычными школьными праздниками (Шмидтъ. Истор. педаг. II томъ).

[1]) Своими заботами о народномъ образованіи Теодульфа нѣсколько напоминаетъ Ghaerbaldus episcopus Leonidiensis, который съ одной стороны къ паствѣ своей пишетъ, чтобы всѣ знали и молитву Господню и Символъ вѣры (Instructio pastoralis ad gregem suum. Mansi. S. Conc. Coll. t. 13, 1084 p.), а съ другой пресвитеровъ обязываетъ учить народъ (Epist. ad suae dioecesis presbyteros. Ibid. 1088 p.).

[2]) Hortamur vos paratos esse ad docendas plebes. Qui scripturas scit, praedicet scripturas: qui vero nescit, saltem hoc, quod notissimum est plebibus dicat, ut declinent a malo et faciant bonum, inquirant pacem et sequantur eam ... (Capitulare Theodulfi ad paroch. suae sacerdotes. c. 28. Mansi. t. 13, 1001 p.).

[3]) Ibid. c. 20. 998 p. Въ болѣе позднее время мы встрѣчаемъ немногихъ подобныхъ же ревнителей народнаго образованія. Таковы, напр., были: Герардъ, еп. Турскій, который капитуляріемъ къ пресвитерамъ своей епархіи отъ 858 г. предписываетъ, ut scholas presbyteri pro posse habeant et libros emendatos (Gieseler. Lerbuch d. Kirchengesch. B. II, Th. I, 90 S.) и Вальтеръ, еп. Арльскій, который рекомендуетъ каждому пресвитеру si possibilitas illi est, scholam in Ecclesia sua habere non negligat (Mansi. t. 15, 506 p.).

тать по пальцамъ. Тотъ или другой палецъ, то или другое положеніе его обозначало какое нибудь число. Числа отъ 1 до 9 изображались посредствомъ различныхъ положеній послѣднихъ трехъ пальцевъ лѣвой руки. Говоря, напр., разъ, два, три, ихъ пригибали одинъ за другимъ къ срединѣ ладони, четыре, пять, шесть — выпрямляли [1]). Тысячи изображались на правой рукѣ такъ же, какъ единицы на лѣвой. Какъ наглядное пособіе, употреблялись счеты, очень простой конструкціи, представлявшіе нѣсколько параллельно вертикальныхъ линій для обозначенія единицъ, десятковъ, сотенъ и пр.

Что касается пѣнія, то оно было исключительно церковное. Учились пѣть по нотамъ, которыя обозначались буквами алфавита [2]).

На образованіе женскаго пола обращали мало вниманія. Правда, въ планы Карла Великаго входило и это послѣднее [3]), но выполненію его плановъ въ этомъ случаѣ нашлось гораздо болѣе препятствій, чѣмъ относительно мужской половины, въ соціально-юридическомъ положеніи женщины. Осужденная, въ силу исторически сложившихся обстоятельствъ, быть только матерію, хозяйкою дома, кормилицею дѣтей, женщина не имѣла времени думать о своемъ образованіи. Вся мудрость ея заключалась въ умѣньи прясть, ткать и шить. Только въ женскихъ монастыряхъ была возможность инокинямъ обучиться чтенію и письму. Конечно, женская половина семьи такихъ любителей науки, какъ Карлъ Великій, могла знакомиться не только съ курсомъ общеобразовательныхъ предметовъ школьной мудрости [4]), но и съ вершиною ея, т. е. Священнымъ Писаніемъ [5]). Но подобныя явленія представляли не болѣе, какъ исключенія и никогда не возводились до общаго правила.

---

[1]) Бэда Достопочтенный—de temporum ratione c. 1 de comp. vel loquela digit. Migne t. 90, 296 col.

[2]) Шмидтъ. Истор. педаг. II томъ, 145 стр.

[3]) См. выше, 4-е примѣч. къ 67 стр.

[4]) Сестры и дочери Карла Великаго и другія нѣкоторыя знатныя женщины были воспитанницами дворцовой школы (Frobenius. De vita Albini Commentatio c. 7).

[5]) Epist. Alc. 138 и 139 по Migne. t. 100, 377—379 col.

II.

„Inter arma silent musae“, говорили древніе римляне, и эти слова вполнѣ приложимы къ Греціи въ эпоху иконоборцевъ. „Философскія науки находились тогда въ небреженіи и пришли почти къ окончательному упадку“ [1]), такъ характеризуетъ состояніе образованія во времена иконоборцевъ одинъ изъ позднѣйшихъ историковъ, и въ этомъ пунктѣ онъ не стоитъ въ противорѣчіи съ свидѣтельствами другихъ писателей болѣе ранняго времени [2]). Это съ одной стороны. Съ другой же бѣдность литературы эпохи иконоборцевъ въ качественномъ и количественномъ отношеніи краснорѣчивѣе всѣхъ внѣшнихъ свидѣтельствъ говоритъ за достовѣрность факта.

Гдѣ же кроются причины такого упадка образованія и науки? Продолжатель Θеофана и Зонара видятъ ихъ въ невѣжествѣ представителей государства, т. е. императоровъ [3]). Само собою разумѣется, что указанная причина не главная. Явилось много историческихъ фактовъ, которые влекли за собою упадокъ образованія, какъ свое необходимѣйшее слѣдствіе. Внѣшніе враги со всѣхъ сторонъ тѣснили предѣлы имперіи. Опас-

---

[1]) Ἠμέλητο γὰρ τὰ τῆς φιλοσοφίας, καὶ ἀπέσβη σχεδὸν εἰς τὸ παντελὲς (Ioan. Zonarae annalium lib. XVI, c. 4 Migne. Patrolog. gr. s. t. 135, 24 col.).

[2]) Θеофанъ жалуется на упадокъ образованія, уничтоженіе школъ и всякаго обученія (Chronographia. Migne. t. 108, 817 col.). Продолжатель его, разсказывая о дѣятельности Варды въ интересѣ наукъ и образованія, относительно предшествующаго времени замѣчаетъ: ἦν τῷ τοσούτῳ χρόνῳ παραῤῥυεῖσα (ἡ ἔξω σοφία т. е. свѣтскія науки) καὶ πρὸς τὸ μηδὲν ὅλως κεχωρηκυῖα τῇ τῶν κρατησάντων ἀγροικίᾳ καὶ ἀμαθίᾳ (Theoph. Continuat. lib. IV, c. 26. Migne. t. 109, 200 col.). Слова послѣдняго почти буквально повторяетъ Георгій Кедринъ въ своемъ Historiarum compendium (Migne. t. 121, 1049 col.).

[3]) Τοῦτο δε ἡ τῶν κρατούντων εἰργάστο ἀλογία.

ности, грозившія расхищеніемъ имущества, рабствомъ и лишеніемъ даже жизни, скорѣе всего заставляли гражданъ имперіи подумать о средствахъ къ удовлетворенію болѣе настоятельныхъ нуждъ, чѣмъ образованіе и науки. Внутреннія волненія, борьба религіозныхъ и политическихъ партій, деспотизмъ императоровъ, подавлявшій всякую свободу мышленія, частыми фисками разстраивавшій благосостояніе гражданъ—все это не менѣе внѣшнихъ обстоятельствъ способствовало упадку образованія. Наконецъ, упадокъ школъ велъ за собою упадокъ образованія.—Юстиніанъ, конфисковавшій, по чисто финансовымъ разсчетамъ, содержаніе школьныхъ преподавателей, опредѣлилъ для послѣдующихъ императоровъ ихъ отношенія къ школамъ. Теперь надолго не встрѣтимъ мы въ лицѣ императоровъ любителей науки и покровителей школъ.

При частой смѣнѣ высшихъ представителей государства, бывшихъ большею частію игрушкою въ рукахъ той или другой партіи цирка, озабоченныхъ болѣе всего обезсиленіемъ противной партіи или, въ лицѣ лучшихъ императоровъ, умиротвореніемъ ихъ, правительство не имѣло ни силъ, ни средствъ, ни времени подумать объ образованіи народа. Школы, преподаватели, ученики—все это стоитъ внѣ сферы какой либо заботы императоровъ. И это было еще самымъ лучшимъ, когда, игнорировавшее школы, правительство, до временъ Льва Исаврянина, оставляетъ ихъ на произволъ судьбы и не предпринимаетъ чего либо враждебнаго противъ школъ и школьнаго образованія. Не то мы видимъ со времени Льва. Быть можетъ глубокій политикъ, ставившій благо имперіи и государственные интересы выше всего, быть можетъ даже просвѣщенный государь, съ возвышеннымъ идеаломъ управленія имперіей, что многіе хотятъ видѣть въ немъ [1]), но по отношенію къ нашему вопросу этотъ императоръ запятналъ себя позорнымъ именемъ мракобѣса, гонителя всякаго образованія и науки. Пусть фактъ, передаваемый историками, Кедринымъ и Зонарою, о сожженіи высшей Константинопольской школы, съ ея библіотекою и даже

---

[1]) Шлоссеръ. «Всемірная истор.» въ русскомъ пер. томъ VI 3 стр. Іеромонахъ Герасимъ. «Отзывы о св. Фотіѣ, патр. Конст., его совр. въ связи съ исторіей полит. партій. Хр. Чтен. за 1872 г. I, 710 стр. и дал.

преподавателями [1]), фактъ вымышленный, легенда [2]), но въ основѣ его лежитъ не подлежащій никакому сомнѣнію фактъ крайняго упадка школъ. Ѳеофанъ слѣдствіемъ воздвигнутаго Львомъ гоненія на ученыхъ выставляетъ прекращеніе существованія учебныхъ заведеній [3]). Быть можетъ мотивъ мракобѣсія императора лежалъ въ политическихъ разсчетахъ. Какъ, по своему, глубокій политикъ, Левъ считаетъ необходимымъ искоренить все то, что могло отвлекать подданныхъ отъ исполненія ихъ гражданскихъ обязанностей. Первое, на что въ этомъ отношеніи могъ обратить вниманіе императоръ, это были иконы, почитаніе которыхъ нѣкоторые доводили до крайняго суевѣрія [4]). Начавъ обоготворять ихъ, многіе среди даже опасностей,

---

[1]) Georg. Cedreni hist. Compendium 795 p. Πρὸς γὰρ τῇ λεγομένῃ βασιλικῇ κινστέρνῃ παλάτιον ἦν σεμνόν, ἐν ᾧ κατὰ τύπον ἀρχαῖον οἰκεμενικὸς ἐκάθητο διδάσκαλος, ἔχων μαθητὰς λόγῳ καὶ βίῳ σεμνοὺς τὸν ἀριθμὸν δώδεκα. Οὗτοι πᾶσαν λογικὴν ἐπιστήμην τάχει τε καὶ μεγέθει φύσεως μετερχόμενοι οὐχ ἥκιστα τὴν ἐκκλησιαστικὴν μετήεσαν θεοσοφίαν· ὧν τῆς γνώμης χωρὶς οὐ θεμιτόν τι ποιεῖν ἐδόκει οὐδὲ τοῖς βασιλεῦσιν αὐτοῖς. Τούτους ὁ Κόνων συχνῶς προσκαλούμενος ἐπείραζε πεῖσαι τῇ αὐτοῦ αἱρέσει. Καταθέσθαι δὲ μὴ καταδεχομένης ἀλλ' ἀντιπίπτοντας ἀτίμως κατακλεισθῆναι διεκελεύσατο ἐκεῖσε, διὰ δὲ τῆς νυκτὸς πῦρ κυκλόθεν ὑφάψας αὐταῖς ἑστίαις καὶ βίβλοις πολλαῖς καὶ καλαῖς καὶ σκεύεσιν ἱεροῖς ὁ μιαρὸς κατέκαυσεν (Migne. t. 121, 872—873 col. Cp. Ioan. Zonarae annalium l. XV, c. 3, t. 134, 1324 col.).

[2]) На счетъ достовѣрности факта, сообщаемаго вышеуказанными историками, въ литературѣ существуютъ различныя мнѣнія. Но большинство ученыхъ высказалось противъ достовѣрности сообщенія Кедрина и Зонары. Болѣе извѣстные изъ нихъ: Вальхъ и Гэеренъ (Historie d. Ketzereien. Leipzig. 1784 г. Gesch. d. classisch. Litterat. im Mittelalt. I, 104 S. и дал.). На сторонѣ противнаго мнѣнія можно поименовать Шпренгеля и Шлоссера (Geschichte d. bilderstürmenden Kaiser. Francfurt am Main 1812 г.). Извѣстный авторитетъ въ области греческой литературы, Бернгарди, подвергаетъ рѣшительному сомнѣнію повѣствованіе историковъ. Главнымъ основаніемъ для него служитъ молчаніе историковъ ранней эпохи, которые не имѣли никакихъ причинъ умолчать о такомъ выдающемся фактѣ (Grundriss d. Griechischen Litt. 712 S.).

[3]) Πολλοὺς αὐτῶν (замѣшанныхъ въ бунтѣ противъ императора) ὑπὲρ τῆς εὐσεβείας τιμωρηθῆναι μελῶν ἐκκοπαῖς καὶ μάστιξι καὶ ἐξορίαις καὶ ζημίαις, μάλιστα δὲ τοὺς εὐγενείᾳ καὶ λόγῳ διαφανεῖς· ὥστε καὶ τὰ παιδευτήρια σβεσθῆναι καὶ τὴν εὐσεβῆ παίδευσιν ἀπὸ τοῦ ἐν ἁγίοις Κωνσταντίνῳ τοῦ μεγάλῳ καὶ μέχρι νῦν κρατήσασαν, ἧς καὶ μετὰ ἄλλων πολλῶν καλῶν καθαιρέτης ὁ Σαρακηνόφρων οὗτος Λέων γέγονεν (Theophanis chronographia. Migne. t. 108, 817 col.).

[4]) Отцы седьмаго Вселенскаго собора, формулируя догматъ о «чествованіи иконъ лобызаніемъ и почитательнымъ поклоненіемъ», считаютъ нужнымъ прибавить «не истиннымъ», каковое было очень распространеннымъ въ массѣ, и на которое безъ сомнѣнія могли указывать иконоборцы (Лебедевъ. Изъ Исторіи вселенскихъ соборовъ. Москва. 1876 года, 235 стр., примѣч. 2-е).

не думали о средствахъ внѣшней защиты, но всю свою надежду возлагали на чтимыя ими иконы [1]). Если не подобнымъ же вреднымъ суевѣріемъ, то по крайней мѣрѣ дѣломъ совершенно безполезнымъ для государства считалъ Левъ науку и образованіе. Далѣе, по мѣркѣ своихъ же понятій о благѣ государства, Левъ выработалъ себѣ своеобразный взглядъ на монашество и его значеніе въ государствѣ. Считая послѣднее безполезнымъ для общества учрежденіемъ, Левъ ищетъ всячески ограничить права и преимущества монастырей, исторически закрѣпленныя за ними [2]). Этого мало,—онъ подвергаетъ преслѣдованію монаховъ. Во всѣхъ подобныхъ планахъ проходитъ одна идея своеобразно выработаннаго понятія о благѣ государства. Безспорно, потребности и нужды государства были значительны. Необходимость радикальныхъ мѣръ давала себя чувствовать. Но предпринятыя императоромъ мѣры были въ высшей степени нераціональны. Вмѣсто того, чтобы искоренять застарѣлыя суевѣрія распространеніемъ въ средѣ народа образованія, императоръ избираетъ діаметрально противоположное этому средство—преслѣдованіе ученыхъ монаховъ и духовенства, самыхъ главныхъ учителей народа. Понятно, чего можно было ожидать отъ этихъ мѣръ по отношенію къ нашему вопросу [3]). Да и для блага государства императоръ не достигаетъ желанныхъ результатовъ умиротворенія враждовавшихъ партій, но является вынужденнымъ начать новую борьбу съ приверженцами иконопочитанія, которая чѣмъ болѣе была ожесточенна и сопровождалась грубыми насиліями, тѣмъ болѣе давала себя чувствовать на благосостояніи учебныхъ заведеній.

Сынъ и преемникъ Льва, Константинъ III Копронимъ (741 — 775 г.), остался вполнѣ вѣренъ принципамъ своего отца и проводилъ ихъ съ неимовѣрною безпощадностію. Монашество, выставлявшее изъ своихъ рядовъ неустрашимыхъ

---

[1]) Іеромонахъ Герасимъ. Отзывы о св. Фотіѣ... Хр. Чт. 1872 г. I, 714 стр.

[2]) Ibid. 712 стр.

[3]) Иностранный историкъ, Павелъ Діаконъ, прекрасно понимаетъ результатъ всѣхъ этихъ мѣръ по отношенію къ нашему вопросу. Вотъ что говоритъ онъ: A Leone multi pro veritate puniebantur membrorum detruncationibus et flagris et exiliis, et rerum jacturis, maximeque illi qui nobilitate ac verbo clari esse videbantur: ita ut eruditionum scholas et piam eruditionem a Constantino Magno hacusque servatam extingeret(Lib. 21, c. 19 apud. Conringium. 29 p.).

борцовъ за иконы, было предметомъ особенной ненависти императора [1]). Онъ рѣшается, если не совсѣмъ уничтожить, то по крайней мѣрѣ значительно сократить число иноковъ и монастырей. Съ этой цѣлью онъ закрываетъ нѣкоторые монастыри, обращаетъ ихъ въ казармы для солдатъ, а иные разрушаетъ до основанія [2]). Монахи принуждаются вступать въ бракъ, заниматься общественными и частными дѣлами. Тѣ, которые не поддавались видамъ правительства, подвергались страшнымъ пыткамъ и самымъ разнообразнымъ родамъ смерти [3]). Если только на половину правды сообщаютъ историки о жестокостяхъ, съ которыми преслѣдовались монахи, то и тогда невозможно читать ихъ разсказовъ безъ содраганія. Такъ было въ Константинополѣ и его окрестностяхъ.—Но не легче жилось монахамъ и въ провинціяхъ. Правители областей, по личнымъ разсчетамъ, находили нужнымъ подражать императору въ своихъ отношеніяхъ къ монашеству. Изъ числа многихъ особенною жестокостію отличался Лаханодраконъ, префектъ Ѳракійской провинціи. Онъ достигъ того, что, вслѣдствіе преслѣдованій, вся Ѳракія оказалась свободною отъ монаховъ [3]). Казни, огонь и мечъ были обычными орудіями жестокой расправы съ иночествующей братіей [4]).

---

[1]) Theophanis. Chronographia. Migne. t. 108, 880—885 col.

[2]) Ibid. Μοναστήρια δὲ τὰ εἰς δόξαν Θεοῦ καὶ τῶν σωζομένων καταφύγια οἴκους κοινοὺς καθίστα τῶν ὁμοφρόνων αὐτοῦ στρατιωτῶν. Τὴν γοῦν Δαλματῶν πρώτιστον οὖσαν ἐν τοῖς κοινοβίοις τοῦ Βυζαντίᾳ τοῖς στρατιώταις εἰς κατοικίαν ἔδωκεν, τὰ Καλλιστράτε τὰ λεγόμενα καὶ τὴν Δίᾳ μονὴν καὶ τὰ Μαξιμίνε, ἄλλους δὲ μοναστῶν ἱεροὺς οἴκους καὶ παρθένων ἐκ βάθρων κατέλυσεν (892—893 col.).

[3]) Nicephori patriarch. C. P. de rebus post Mauricium gestis.—μάλιστα δε τῶν μοναζόντων τὸ ἱερὸν ἐκθέσμως ἐδιώκετο (Κωνσταντῖνος) τάγμα. Τούτων γὰρ τοὺς τὴν ἑαυτῶν ὁμολογίαν φυλάξαντας καὶ ἐπὶ τοῦ οἰκείᾳ διαμείναντας σχήματος καὶ τῷ ἀνοσίῳ αὐτῶν ἀνθεστηκότας δόγματι ποικίλαις βασάνοις καὶ διαφόροις αἰκίαις παρεδίδοσαν, καὶ ὧν μὲν τὴν γενειάδα ἀφειδῶς ἀνεπίμπρων, ὧν δὲ τῶν ταύτης τριχῶν βίᾳ ἀποσπῶντες ἀφῆρεν. Κεφαλὰς δ'ἄλλων τοῖς ἱεροῖς πίναξιν, ἐν οἷς τῶν ἁγίων τὰ ἐκτυπώματα ἐκεχάρακτο, διέθρυον παίοντες. Καὶ μέντοι καὶ ὀφθαλμοὺς τούτων διώρυττον καὶ τῶν μελῶν ἕτερα τοῦ σώματος ἐξέκοπτον ἀπανθρώπως οἱ δεῖλαιοι (Migne. t. 100, 981 col.).

[4]) Ἐν ὅλῳ τῷ ὑπ' αὐτὸν θέματι μὴ εὑρίσκεσθαί τινα ἐν ὀλίγῳ συνέβη μοναχόν (Georg. Gedreni Hist. Commpend. Migne. t. 121, 896 col.).

[5]) По разсказу Ѳеофана и Кедрина, Лаханодраконъ собираетъ всѣхъ монаховъ Ѳракійской области въ Ефесъ и держитъ предъ ними такую рѣчь: «Ὁ μὲν βαλόμενος τῷ βασιλεῖ πειθαρχεῖν καὶ ἡμῖν ἐνδυσάσθω στολὴν λευκὴν, καὶ λαβέτω γυναῖκα τῇ ὥρᾳ ταύτῃ· οἱ δὲ τοῦτο μὴ ποιοῦντες, τυφλούμενοι εἰς Κύπρον ἐξαρισθήσονται». Καὶ ἅμα τῷ λόγῳ τὸ ἔργον ἐτελέσθη, прибавляютъ историки,

Преслѣдованіе единственныхъ почти въ то время учителей было равносильно преслѣдованію школъ. Гонимые иноки не имѣли физической возможности предлагать своихъ услугъ народному образованію. Прямымъ слѣдствіемъ всего этого было быстрое пониженіе уровня образованія. Какъ низко упало оно, можно отчасти судить потому, что седьмый Вселенскій Соборъ (787 г.) своимъ вторымъ правиломъ предъявляетъ слѣдующія весьма ограниченныя требованія отъ кандидатовъ на высшія іерархическія степени: „Поелику мы, постановляютъ отцы собора, въ псалмопѣніи обѣщаемъ Богу: во оправданіихъ твоихъ поучуся, не забуду словесъ твоихъ: то и всѣмъ христіанамъ сіе сохраняти есть спасительно, наипаче же пріемлющимъ священническое достоинство. Сего ради опредѣляемъ: всякому, имѣющему возведену быти на епископскій степень, непремѣнно знати псалтирь, да тако и весь свой клиръ вразумляетъ поучатися изъ оныя. Такожде тщательно испытывати его митрополиту, имѣетъ-ли усердіе съ размышленіемъ, а не мимоходомъ, читати священныя правила, и святое Евангеліе, и книгу Божественнаго Апостола, и все Божественное писаніе“.

Такимъ образомъ, знаніе псалтири поставляется достаточнымъ для полученія степени епископа и только, какъ pium desiderium отцовъ, является знакомство съ остальными книгами Писанія [1]).

καὶ πολλοὶ μάρτυρες ἐν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ ἐνεδείχθησαν. Но это далеко не все. Движимое и недвижимое имущество монастырей подвергается уничтоженію и расхищенію. Οὗτος πάντα τὰ μοναστήρια πέπρακε καὶ πάντα τὰ ἱερὰ σκεύη καὶ βιβλία καὶ ζῶα καὶ πάσας τὰς ὑποστάσεις αὐτῶν, καὶ τὰς τιμὰς τούτων εἰσεκόμισε τῷ βασιλεῖ. Ὅσα δὲ εὗρε πατερικὰ βιβλία ἢ λείψανα ἁγίων, κατέκαυσε, καὶ αὐτοὺς τοὺς αὐτὰ ἔχοντας ὡς ἀσεβοῦντας ἐκόλαζε. За такую ревность къ исполненію воли императора, послѣдній шлетъ Лахэнодракону благодарность. Это возбуждаетъ другихъ правителей областей къ подобнымъ же жестокостямъ.—Τοῦτον μιμησάμενοι καὶ οἱ λιποὶ τὰ ὅμοια διεπράττοντο (Theophanis chronographia. Migne. t. 108, 897 col. и Georgii Cedreni historiarum Compend. ibid. t. 121, 896—897 col.).

[1]) Нельзя не обратить вниманія на толкованіе этого правила въ устахъ греческихъ знаменитыхъ канонистовъ. Зонара высоко понимаетъ требованіе отцовъ. Знаніе псалтири является у него, согласно тексту правила, conditio sine qua non. Кромѣ того митрополитъ долженъ взять клятву съ поставляемаго ἀναγινώσκειν .... πᾶσαν τὴν θείαν γραφήν. Ἀναγινώσκειν δε ἑρμηνευτικῶς, ὥστε εἰδέναι τὸν νοῦν ἑκάστε, чтобы быть въ состояніи учить народъ καὶ ἕτοιμον πρὸς ἀπόκρισιν τοῖς ἐρωτῶσιν αὐτὸν .... ἀλλὰ μὴ παροδευτικῶς, ἤγεν ἀπροσέκτως, καὶ μόνα τὰ ῥήματα λέγοντα, τῆς δ' ἐννοίας μὴ προσαπτόμενον. Ка-

Возстановленіе иконопочитанія при Иринѣ не было вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленіемъ школъ, нетерпимыхъ ея предшественниками. Правда, монашество вздохнуло свободнѣе подъ ея управленіемъ, но погромъ прежняго времени надолго еще долженъ былъ давать себя чувствовать, особенно если принять во вниманіе, что преслѣдованія иноковъ возобновились при Никифорѣ [1]) и Львѣ Армянинѣ [2]). Но при всемъ томъ, съ Ирины начинается въ исторіи нашего вопроса поворотъ къ лучшему. Иконоборческіе императоры не ограничиваются однимъ только преслѣдованіемъ, какъ лучшимъ средствомъ убѣжденія иконопочитателей [3]), но стараются поставить дѣло на научную почву, устраиваютъ диспуты, приказываютъ рыться въ старинныхъ рукописяхъ, желая найти въ нихъ оправданіе своихъ иконоборческихъ идей [4]). Конечно, какого-либо ощутительнаго

жется, есть различіе въ чтеніи свящ. Писанія «съ размышленіемъ (ἐρευνητικῶς)», какъ выражаются отцы и «съ умѣніемъ объяснить каждое мѣсто его (ἑρμηνευτικῶς, ὥστε εἰδέναι τὸν νοῦν ἑκάστῳ)», какъ толкуетъ Зонара. Такое требованіе трудно было предъявить, когда отцы, по выраженію Вальсамона, видѣли, что διὰ τῆν τῶν εἰκονομάχων αἵρεσιν, οἱ πλείους πιστοὶ ἐξηγροικίσθησαν (Σύνταγμα τῶν θείων κ. ἱερ. καν. Ράλλη καὶ Πότλη. 2-й т. 561—562 p. ed. Αθην. 1852 г.).

[1]) Θеофанъ называетъ Никифора тайнымъ иконоборцемъ и этимъ объясняетъ преслѣдованіе имъ монаховъ, обложеніе ихъ податями и конфискацію монастырскихъ имуществъ (Theoph. Chron. по Migne t. 108, 973—981 col.). Авторъ статьи «Отзывы о св. Фотіѣ». (Хр. Чтен. за 1872 г.) оправдываетъ Никифора отъ перваго обвиненія историка. Какъ клерикалъ, сторонникъ партіи Ирины, Θеофанъ въ стѣсненіи монаховъ видѣлъ тайное иконоборство и этимъ послѣднимъ объяснялъ первое. Между тѣмъ мотивы подобнаго явленія были совсѣмъ иные: отчасти финансовые, отчасти объясняемые приверженностію императора къ партіи антиклерикальной и его личными воззрѣніями на благо государства.

[2]) Храбрый воинъ, съ успѣхомъ отражавшій нападенія болгаръ, мужъ справедливый (Genesii regum lib. 1, по Migne. t. 109, 1009 col.), послѣ двухлѣтнихъ колебаній, предпринимаетъ въ духѣ иконоборчествующей партіи, несправедливыя и крутыя мѣры по отношенію къ иконопочитателямъ (ibid. 1024 col.).

[3]) Михаилъ Косноязычный, хотя открыто перешелъ на сторону иконоборцевъ, однако не предпринималъ крутыхъ мѣръ противъ иконопочитателей. Впрочемъ, приверженцы православной партіи указываютъ и на подобныя явленія, объясняя ихъ иконоборчествомъ императора (Theoph. Cont. l. II, 8. Migne. t. 109, 61 col.). Но зато сынъ и преемникъ его Θеофилъ (съ 829 г.) еще разъ повторилъ времена грубыхъ иконоборцевъ своимъ отношеніемъ къ монахамъ (Theophanes Continuatus lib. III, 10. ibid. 113 col. ср. Georg. Cedr. Hist. comp. t. 126, 993 col.).

[4]) Лебедевъ. Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ 325 стр.

результата для школъ отсюда еще не могло быть; но важно и то, что императоры начинаютъ поощрять научныя занятія. Предпослѣдній изъ иконоборческихъ императоровъ, Михаилъ Косноязычный, хотя самъ, по выраженію продолжателя Θеофана, „такъ былъ невѣжественъ, что другой успѣлъ бы прочесть цѣлую книгу, пока онъ разберетъ буквы своего имени“ [1]), однако заботился объ открытіи училищъ, о распространеніи образованія, особенно эллинскаго [2]). Сынъ и преемникъ Михаила, Θеофилъ, остается вѣрнымъ принципамъ отца и покровительствуетъ образованію. Самъ образованный [3]), онъ открываетъ даже публичную школу въ самомъ Константинополѣ [4]).

---

[1]) Τοσοῦτον γὰρ ἤργει πρὸς τὴν μῖξιν τῶν γραμμάτων ἐκεῖνος καὶ τὴν τῶν συλλαβῶν ἀνάγνωσιν, ὡς ῥᾷον ἄν τις διῆλθε βιβλίον ἢ αὐτὸς τῇ βραδύτητι τοῦ νοῦ τὰ τοῦ οἰκείᾳ στοιχεῖα ὀνόματος (Theoph. Continuat. l. II. Migne. t. 109, 64 col.).

[2]) Τὴν ἑλληνικὴν παίδευσιν διαπτύων, καὶ τῆς ἡμετέρας καὶ θείας τοσοῦτον καταφρονῶν, чтобы, по мнѣнію историка, напаять молодыхъ людей этою мудростію и такимъ образомъ приготовить изъ нихъ поборниковъ своей ереси (ibid.).

[3]) Schlösser. Gesch. d. bilderstürmenden Kaiser. 494 S.

[4]) Разсказъ объ этомъ событіи мы находимъ у трехъ историковъ: у продолжателя Θеофана, Кедрина и Зонары (Theoph. Cont. l. IV, 27, Migne. t. 109, 200—205 col. ср. Georg. Cedr. Hist. Comp. ibid. t. 121, 1052—1053 col. и I. Zonar. annal. l. XVI, 4. ibid. t. 135, 24 col.). Послѣдніе два только сокращаютъ перваго. Продолжатель Θеофана ведетъ разсказъ съ большими подробностями. Въ общихъ чертахъ его можно передать такъ: Извѣстный ученый этой эпохи, Левъ Математикъ, занимался частнымъ преподаваніемъ свѣтскихъ наукъ въ самомъ Константинополѣ. Одному изъ его учениковъ, хорошо изучившему ¡геометрію, пришлось участвовать въ войнѣ противъ сарацинъ. Взятый въ плѣнъ, онъ имѣлъ случай обнаружить свои познанія предъ Аль-Мамумомъ. Послѣдній, какъ любитель и покровитель греческаго образованія, сильно интересуется плѣннымъ, вывѣдываетъ у него о греческихъ ученыхъ. На вопросъ, много ли такихъ ученыхъ людей въ Константинополѣ, какъ онъ самъ, плѣнный отвѣчалъ: ὡς δὲ πολλοὺς καὶ ἑαυτὸν τῷ τῶν μαθητιώντων χόρῳ ἀλλ' οὐ τῶν διδασκόντων и особенно восхвалялъ ἕνα δὲ τῶν ἁπάντων διδάσκαλον· ἄνδρα ἐν τοῖς τῆς φιλοσοφίας λόγοις παντὶ ἀπαράμιλλον, т. е. Льва. Мамумъ хочетъ привлечь къ себѣ послѣдняго. Онъ отпускаетъ плѣнника на свободу, посылаетъ съ нимъ письмо ко Льву, прося послѣдняго выселиться изъ Константинополя въ предѣлы его царства. Левъ, боясь быть заподозрѣннымъ въ сношеніяхъ съ врагами, передаетъ письмо логоѳету, а этотъ послѣдній императору. Θеофилъ, такимъ образомъ, узнаетъ о великомъ ученомъ въ имперіи, προσκαλεῖται τοῦτον καὶ πλουτίζεται καὶ ἐν τῷ τῶν Ἁγίων τεσσαράκοντα ναῷ διδάσκειν δημοσίᾳ παρὰ τοῦ βασιλέως ἐπείγεται. Вотъ разсказъ историковъ позднѣйшаго времени. Можно думать, что добрая половина въ этомъ разсказѣ имѣетъ легендарный характеръ. Плѣнъ ученика-математика, его бесѣды съ Аль-Мамумомъ, переписка со Львомъ, — все это плодъ воображенія историковъ или, самое бо́льшее, преданіе. Но сущность разсказа, открытіе школы въ Константинополѣ

Съ этихъ поръ, можно сказать, для школъ наступаетъ новая эпоха. Кесарь Варда съ большою ревностію продолжаетъ дѣло, начатое его ближайшими предшественниками по управленію имперіей [1]). Греческая наука, на время задержанная, стѣсненная, снова быстро оживаетъ и достигаетъ значительнаго разцвѣта.—Такова внѣшняя судьба школъ въ эпоху иконоборцевъ.

Переходя къ внутренней ихъ организаціи, мы прежде всего должны остановиться на характеристикѣ образованія того времени. Это прольетъ свѣтъ на постановку предметовъ школьнаго преподаванія.

Въ разсматриваемый нами періодъ времени нельзя не отмѣтить существованія двухъ партій по вопросу о принципахъ образованія—духовной и свѣтской. Та и другая имѣетъ своихъ представителей: первая въ лицѣ монаховъ, защитниковъ иконопочитанія, вторая въ лицѣ иконоборцевъ. Иконопочитатели отстаиваютъ принципы чисто церковной науки, иконоборцы являются поборниками древнегреческихъ традицій, стоятъ за самостоятельность свѣтскихъ наукъ. Этимъ объясняется то, что послѣдніе иконоборческіе императоры заботятся о поднятіи

едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Если предшествующее царствованіе ознаменовано заботами о школахъ, то нѣтъ основаній отвергать подобную же любовь къ наукамъ у Θеофила. И что удивительнаго въ томъ, что императоръ поручаетъ публичное преподаваніе человѣку своей партіи? (Левъ сочувствовалъ иконоборческимъ идеямъ, за что впослѣдствіи лишенъ былъ сана архіепископа Θессалоникійскаго). Очевидно, что Левъ пріобрѣлъ извѣстность своею ученостію. Его знали и во дворцѣ. Впослѣдствіи, когда открыта была школа въ Магнаврскомъ дворцѣ, Льва дѣлаютъ начальникомъ ея, а его учениковъ преподавателями разныхъ наукъ. Безъ сомнѣнія этого не могло бы быть, если бы преподавательская дѣятельность Льва не была извѣстна императорскому двору. Но, съ другой стороны, если историки не цѣнили и не умѣли оцѣнить по достоинству заботъ Михаила Косноязычнаго о распространеніи образованія и даже мотивъ этихъ заботъ указали въ низкихъ, недостойныхъ хорошаго правителя побужденіяхъ, то ту же печать сторонникъ, неискреннихъ побужденій налагаютъ они и на заботы Θеофила. Продолжатель Θеофана ясно и опредѣленно выражается по этому поводу—ὁ Θεόφιλος ἀνταποκρίνας (Мамуму относительно Льва) καὶ ἄλογον τὸ οἰκεῖον δοῦναι ἑτέροις καλὸν καὶ τὴν τῶν ὄντων γνῶσιν ἔκδοτον ποιῆσαι τοῖς ἔθνεσι, δι᾽ ἧς τὸ τῶν Ρωμαίων γένος θαυμάζεταί τε καὶ τιμᾶται παρὰ πᾶσιν. Эгоистическій разсчетъ, недоброжелательство заставили Θеофила удержать Льва и дозволить ему публичное преподаваніе.

[1]) Варда открываетъ школу въ Магнаврскомъ дворцѣ, призываетъ лучшихъ учителей, обезпечиваетъ ихъ хорошимъ жалованьемъ, поощряетъ учениковъ и т. п. (Lebeau. Histoire du Bas-empire t. 13, 204 p. ed. Paris. 1832 г.).

уровня собственно греческихъ наукъ. Этимъ же однимъ только и можно объяснить рѣшительное невниманіе къ благимъ начинаніямъ Михаила Косноязычнаго и его преемника со стороны историковъ, принадлежавшихъ къ церковной партіи и слѣд. защищавшихъ совсѣмъ другіе принципы образованія. Конечно, въ лицѣ первыхъ иконоборческихъ императоровъ мы не видимъ обнаруженія особенныхъ симпатій и къ свѣтскому образованію. Этого и нужно было ожидать отъ грубыхъ солдатъ, не интересовавшихся науками и не понимавшихъ значенія и цѣли ихъ. Но и въ ихъ отношеніяхъ къ представителямъ науки можно находить опредѣленный планъ. Люди противной партіи подвергаются преслѣдованіямъ и преимущественно монахи, не только какъ иконопочитатели, но и какъ представители совсѣмъ другаго направленія и образа мыслей въ области образованія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ безцѣльно жгли богатыя монастырскія библіотеки съ книгами духовнаго содержанія и распродавали книги свѣтскія [1]). Почему первыя, вмѣстѣ съ ихъ читателями, подвергались безпощадному истребленію и преслѣдованіямъ, а вторыя распространялись въ публику? Одного безразсуднаго неистовства, варварства невозможно предположить въ виду обдуманнаго плана дѣйствій. Однимъ иконоборчествомъ нельзя объяснить уничтоженіе и преслѣдованіе всего, что носило печать церковности, имѣло характеръ духовнаго, а не свѣтскаго образованія. Развѣ иконоборство неразрывными узами связано съ презрѣніемъ къ духовному образованію? Карлъ Великій во многомъ раздѣлялъ воззрѣнія иконоборцевъ, и однако это не помѣшало ему покровительствовать наукамъ и образованію въ томъ именно направленіи, противъ котораго возстаютъ иконоборцы. Ясно, что не иконоборство само по себѣ было причиною преслѣдованія всего духовнаго, въ теоріи и практикѣ. Иконоборство было только знаменемъ, внѣшнимъ значкомъ, подъ прикрытіемъ котораго скрывались другія причины суровыхъ отношеній къ иконопочитателямъ. Въ числѣ такихъ причинъ можно поставить вообще противоположность въ убѣжденіяхъ, взглядахъ на принципы политической, общественной и частной жизни и въ частности, какъ отдѣльный пунктъ, на принципы образованія.

---

[1]) См. выше, 5 е примѣч. къ 127 стр.

Такимъ образомъ въ началѣ разсматриваемаго нами періода мы видимъ и по нашему вопросу раздѣленіе на партіи. Къ концу его становится замѣтнымъ стремленіе къ сближенію, которое окончательно устанавливается въ слѣдующій періодъ.

Какое же значеніе имѣетъ для насъ эта различная точка зрѣнія на принципы образованія? Неодинаковый взглядъ на начала образованія отразился и на школахъ. Какъ ни темна разсматриваемая нами эпоха по этому вопросу, однако мы имѣемъ данныя различать существованіе двоякаго рода школъ соотвѣтственно двоякому направленію въ образованіи. Вотъ слова Льва математика, сказанныя имъ на вопросъ ѳессалоникійцевъ по поводу его большаго, выдающагося образованія. Ѳессалоникійцы интересуются тѣмъ, гдѣ Левъ пріобрѣлъ такія громадныя познанія. „Грамматику и поэзію, говорилъ Левъ, я изучилъ во время пребыванія въ Константинополѣ, риторику же и философію, а также ариѳметику — на островѣ Андросѣ (Ἄνδρον). Тамъ, сошедшись съ однимъ ученымъ мужемъ, узналъ я отъ него не только нѣкоторыя первоначальныя правила и основанія этихъ наукъ, но, на сколько желалъ, пріобрѣлъ особенное влеченіе къ образованію, обошелъ сосѣдній материкъ, побывалъ въ монастыряхъ, пересматривалъ хранящіяся въ нихъ книги, сравнивалъ ихъ и, влекомый сильнымъ прилежаніемъ, восходилъ на вершину горъ и, упражняясь тамъ, достигъ такой высоты познанія“ [1]). Предположимъ, что историкъ записалъ преданіе, дѣла давно минувшихъ дней, не относясь къ нимъ съ должною критикою. Но и въ такомъ случаѣ приведенная выдержка имѣетъ для насъ важное значеніе. Безъ отношенія къ личностямъ, она указываетъ намъ, что въ самомъ Константинополѣ, если не въ публичныхъ школахъ, то у частныхъ преподавателей можно было брать уроки свѣтскихъ наукъ. Далѣе, не только въ столицѣ, но и по провинціямъ еще можно было находить учителей высшихъ наукъ риторики и философіи. При отсутствіи публичныхъ школъ, частныя лица занимаются преподаваніемъ, то по любви къ наукамъ, то по другимъ разсчетамъ. Гостинница, частный домъ и даже пристань часто замѣняютъ школу для любителей науки. Самъ Левъ, по отзыву даже историка противоположнаго лагеря, какъ преподаватель

[1]) Theoph. Continuat. l. IV, c. 29. Migne. t. 109, 205 col.

заслуживаетъ полнаго къ себѣ уваженія. „Этотъ мужъ, пишетъ продолжатель Θеофана, украшенный всякимъ научнымъ познаніемъ, достигъ такого совершенства во всемъ, т. е. въ философіи и ей родственныхъ наукахъ—ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи и даже въ многозвучной музыкѣ, какого никто другой не могъ достичь даже при большомъ прилежаніи, при свободной отъ занятій жизни и при хорошихъ дарованіяхъ, по отношенію къ одной какой нибудь наукѣ,—этотъ мужъ въ дешевой гостинницѣ и на пристани преподавалъ приходящимъ къ нему, уча всякой наукѣ, какой кто хотѣлъ“ [1]). Итакъ предъ нами преподаватель свѣтскихъ наукъ. Правда, продолжатель Θеофана выставляетъ Льва въ совершенствѣ изучившимъ „философію“, а съ этимъ терминомъ, какъ увидимъ послѣ, соединялось слишкомъ широкое понятіе. Но въ данномъ случаѣ историкъ пользуется терминомъ въ болѣе узкомъ смыслѣ, почему и считаетъ нужнымъ перечислить родственныя съ философіей науки, или лучше ея части. Конечно, это не исключаетъ возможности предположить въ Львѣ знакомство съ богословіемъ. Но его спеціальностію были свѣтскія науки. Ихъ онъ преподаетъ въ школѣ, открытой Θеофиломъ. Переведенный начальникомъ въ Магнаврскую школу, Левъ съ своими учениками является учителемъ опять только свѣтскихъ наукъ [2]). Далѣе Михаилъ Косноязычный, какъ выше замѣчено, заботился о распространеніи свѣтскаго образованія и такимъ образомъ дѣйствовалъ въ духѣ своей партіи. Ему въ этомъ отношеніи слѣдовалъ Θеофилъ. Итакъ иконоборческое направленіе, въ лицѣ умѣренныхъ иконоборцевъ, по отношенію къ нашему вопросу заявляетъ себя стремленіемъ къ отдѣленію свѣтскихъ наукъ отъ духовныхъ, къ предоставленію той и другой области независимаго положенія, а въ лицѣ крайнихъ даже къ преобладанію первыхъ.

Обратимся къ характеристикѣ другаго, духовнаго направленія, къ которому примыкаютъ всѣ иконопочитатели. Въ описываемый нами періодъ нельзя не замѣтить и въ этой партіи

---

[1]) Εὐτελεῖ τινι καταλύματι χρώμενος καὶ καταγωγίῳ τοὺς εἰς αὐτὸν φοιτῶντας ἐπαίδευεν, ἐκδιδάσκων ἥντινα ἐπιστήμην καὶ βούλοιντο (Theoph. Continuat. l. IV, 27. Migne. t. 109, 200 col.).

[2]) Самъ Левъ преподаетъ философію; изъ его учениковъ: Θеодоръ—геометрію, Θеодегъ—астрономію и Кометасъ—греческій языкъ (Theoph. Continuat. l. IV, 29, 109, 208 col.

подраздѣленія на группы строгихъ ревнителей и поборниковъ церковнаго образованія и умѣренныхъ. Къ числу послѣднихъ мы должны отнести ученыхъ ревнителей и поборниковъ православія противъ иконоборцевъ. Сущность ихъ взгляда коротко можно характеризовать такъ: свѣтское образованіе должно быть поставлено въ служебное положеніе къ духовному, богословскому.—Какъ самаго виднаго представителя и борца за православіе въ этотъ періодъ мы встрѣчаемъ въ лицѣ Іоанна Дамаскина. Самъ прекрасно образованный во всѣхъ наукахъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ [1]), святой отецъ не можетъ однако равнодушно смотрѣть не только на преобладаніе въ образованіи свѣтскаго элемента надъ духовнымъ, или равноправности ихъ, но отводитъ ему послѣднее мѣсто, роль чисто служебную. „Всякое писаніе *Богодухновенно* и слѣд. *полезно* есть, разсуждаетъ св. Дамаскинъ. Почему изслѣдовать божественныя писанія есть дѣло самое доброе и душеполезное. Ибо душа, напоеваемая божественнымъ писаніемъ, какъ древо, посаженное при потокахъ водъ, утучняется, приноситъ зрѣлый плодъ—православную вѣру, и украшается всегда зеленѣющимися листьями, т. е. богоугодными дѣлами. Святое Писаніе настроиваетъ насъ къ добродѣтельной жизни и чистому созерцанію. Ибо въ Писаніи находимъ увѣщаніе ко всякой добродѣтели и предотвращеніе отъ всякаго порока. Посему, если будемъ ревностны въ ученіи, то пріобрѣтемъ многую мудрость... Будемъ почерпать изъ сего райскаго источника неизсякающія и чистѣйшія воды, текущія въ жизнь вѣчную. Будемъ насыщаться и наслаждаться ими всегда съ новою жаждою; ибо благодать Писанія неистощима. Если и изъ языческихъ писателей можемъ получить какую нибудь пользу, то и сіе не запрещено. Будемъ только искусными мѣнялами, принимая настоящее и чистое золото, а поддѣльное отбрасывая. Возьмемъ себѣ, что сказано ими добраго, а боговъ, достойныхъ посмѣянія, и нелѣпыя басни кинемъ псамъ; ибо изъ сихъ же самыхъ писателей намъ можно извлекать сильныя опроверженія противъ нихъ самихъ“ [2]). Итакъ Писаніе само по себѣ совершенно достаточ-

---

[1]) Vita S. Ioannis Damasceni a Ioanne patr. Hierosol. conscripta n. II по Migne. t. 94. 445 col.

[2]) І. Дамаскинъ. Точное излож. прав. вѣры. Кн. IV, гл. 17 въ русск. перев. Москва, 1844 года. 270—271 стр.

ный источникъ всякаго познанія. Несвященныя книги не составляютъ существенно необходимаго условія для познанія истины. Онѣ могутъ, безъ вліянія на сущность дѣла, быть устранены изъ круга наукъ истиннаго христіанина, и если принимаются, то не иначе, какъ подъ условіемъ тщательнаго выбора полезнаго изъ нихъ и пригоднаго и то только для одной цѣли — „сильнаго опроверженія ихъ самихъ“, т. е. ихъ авторовъ.

Еще яснѣе эта мысль развивается у Дамаскина въ первой главѣ его діалектики. Нѣтъ ничего, по Дамаскину, превосходнѣе познанія. Оно есть свѣтъ разумной души, какъ, напротивъ, невѣжество—ея мракъ. Ибо какъ лишеніе свѣта производитъ мракъ, такъ и лишеніе познанія есть потемнѣніе разума. Лишенный знанія для Дамаскина ἀλόγων ἐστὶ χειρων, хуже безсловесныхъ животныхъ, по природѣ неспособныхъ къ познанію. Знаніе имѣетъ своимъ предметомъ сущее. Отсюда ложное познаніе, какъ познаніе того, что не существуетъ, хуже и ниже незнанія. Нашъ духъ, облеченный плотію, имѣетъ органъ познанія сущаго—умъ, какъ бы глазъ смотрящій и способный познавать (νοῦν μεν ὁρῶντα καὶ γνωστικόν). Этотъ послѣдній познаетъ, но οὐκ οἴκοθεν δὲ γνῶσιν καὶ τὴν ἐπιστήμην ἔχει, ἀλλά δεῖται τοῦ διδάξοντος. Для познанія нашъ умъ нуждается въ учителѣ, и этотъ послѣдній никто иной, какъ сама Истина, Христосъ, въ Которомъ, по слову Апостола, сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣденія (Кол. 2, 3), Который есть Божія Сила и Божія Премудрость. Слушая голосъ Его при помощи Писанія, мы получаемъ истинное познаніе всего сущаго [1]). Съ нашей стороны требуется одно условіе, чтобы мы приступали къ слушанію Его голоса, не помрачивъ разумное души страстями, требуется душевная чистота, свобода отъ всякихъ грѣховныхъ аффектовъ, а также особенное прилежаніе [2]). Но если апостолъ Павелъ завѣщаетъ все испытывать и хорошаго держаться, то позволительно обращаться къ книгамъ свѣтскихъ

---

[1]) Ὅς (І. Христосъ) ἐστιν ἡ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς σοφία καὶ δύναμις, καὶ τῆς φωνῆς αὐτοῦ διὰ τῶν θείων γραφῶν ἀκούσωμεν, καὶ μάθωμεν τὴν πάντων τῶν ὄντων γνῶσιν τὴν ἀληθῆ.

[2]) Εὐτόνως κρούσωμεν, ἀνάγνωμεν ἅπαξ, δὶς, πολλάκις· καὶ οὕτως ὁρύσσοντες, τὸν θησαυρὸν τῆς γνώσεως εὑρήσομεν, καὶ τοῦ πλούτε κατατρυφήσομεν. Ζητήσωμεν, ἐρευνήσωμεν, ἀνακρίνωμεν, ἐρωτήσωμεν. Πᾶς γαρ ὁ αἰτῶν λαμβάνει, καὶ ὁ ζητῶν εὑρίσκει...

авторовъ и мудрецовъ (τῶν ἔξω σοφῶν τοὺς λόγους). Быть можетъ и у нихъ найдется что нибудь цѣнное и для души полезное. Но роль сочиненій свѣтскихъ авторовъ въ кругу предметовъ образованія христіанина чисто служебная. „Надлежитъ имъ, говоритъ Дамаскинъ, какъ служанкамъ служить царицѣ“ т. е. божественной Истинѣ [1]). Итакъ опять, свящ. Писаніе есть единственный надежный источникъ истины. Все другое не имѣетъ и не можетъ имѣть какого либо важнаго значенія. Дамаскинъ не объясняетъ подробно назначенія свѣтскихъ наукъ при богословіи. Но ясно, что, обозвавъ ихъ служанками, онъ тѣмъ самымъ признаетъ за ними права вспомогательныхъ средствъ при усвоеніи неземныхъ истинъ. Всего лучше выяснилъ это Дамаскинъ своимъ отношеніемъ къ твореніямъ знаменитыхъ мыслителей древней Греціи. Логика Аристотеля и труды его комментаторовъ послужили въ рукахъ его лучшимъ матеріаломъ для христіанской діалектики и внѣшнею оболочкою, разумѣется въ измѣненномъ видѣ, для редакціи его „Точнаго изложенія православной вѣры“.

Таковъ же былъ взглядъ и преподобнаго Θеодора Студита „Одобряя твою дѣятельность, писалъ Θеодоръ Студитъ къ Навкратію ученику, я съ удовольствіемъ вижу и усовершающійся образъ рѣчи, который ты еще больше улучшишь, если будешь въ состояніи заняться грамматикой. Подлинно, должно владѣть и силою и искусствомъ слова защищающему православіе и желающему бороться съ лжеучителями. Ибо, если они, при такомъ знаніи воображая имѣть нѣчто великое, хвалятся, когда услаждаютъ любящихъ удовольствіе слуха; то прекрасно и православнымъ не имѣть недостатка въ силѣ слова, чтобы низлагать гибельныя ихъ орудія. Мнѣ пріятно, сынъ мой, что ты укрѣпляешься въ этомъ“ [2]). „Ты пишешь хорошо, отвѣчаетъ этотъ же святой мужъ Григорію консулу, какъ показываетъ самое письмо твое. Въ немъ мы хвалимъ не только ученость твою, но и любознательность, желающую получить высшее образованіе... Прекрасно образованіе, господинъ, доколѣ оно содѣйствуетъ дѣйствительно истинному образованію, а не бѣснуется, дѣлая не-

---

[1]) Πρέπει δὲ καὶ τῇ βασιλίδι ἄβραις τισὶν ὑπηρετεῖσθαι. Λάβωμεν τοίνυν τοὺς δούλους τῆς ἀληθείας λόγους, καὶ τὴν κακῶς αὐτῶν τυραννήσασαν ἀσέβειαν ἀπωσώμεθα· καὶ μὴ τῷ καλῷ κακῶς χρησώμεθα.

[2]) Epist. l. I, 49. Migne. t. 99, 1084 col. Твор. 1, 290 стр.

вѣжественными причастниковъ его“ (Καλὴ δὲ ἡ παιδεία, ὦ δέσποτα, ἕως ἂν συνεργὸς εἴη πρὸς τὴν ὄντως ἀληθινὴν παιδείαν, ἀλλὰ μὴ κορυβαντιῶσα, ἀπαιδεύτως διαδεικνύῃ τοὺς μετόχους αὐτῆς) [1]). О научныхъ занятіяхъ его съ братіей обители біографъ этого святаго мужа разсказываетъ слѣдующее: „Итакъ отецъ нашъ Θеодоръ, по возвращеніи въ свою Студійскую обитель [2]), и по стеченіи туда разсѣянныхъ питомцевъ ея, съ святѣйшимъ патріархомъ соблюдалъ самое дружественное согласіе и единодушіе, а ученикамъ своимъ преподавалъ обычное назиданіе, исправляя нравы ихъ словомъ ученія до степени совершеннаго послушанія и прившедшую къ нимъ отъ времени нечистоту самолюбія тщательно очищая губкою вразумленія, и такимъ образомъ слово Божіе опять преуспѣвало и общество учениковъ улучшалось и весьма умножалось. Тогда это прекрасное мѣсто по истинѣ было подобно разнообразному и цвѣтущему саду, содержащему въ себѣ всякаго рода разумныя растенія, на которыхъ съ пользою красовались всякаго рода познанія, какъ-бы зрѣлые плоды, ибо, вмѣстѣ съ высокимъ общежительнымъ благочестіемъ и надлежащимъ дѣятельнымъ любомудріемъ, они не оставались не свѣдущими и въ словесныхъ наукахъ, но занимались изученіемъ грамматики, которою занимающіеся научаются правильно писать и пріобрѣтаютъ навыкъ къ чтенію, также философскими упражненіями и заучиваніемъ наизустъ отеческихъ мыслей, при помощи которыхъ они могли опровергать пустословныя нелѣпости всякой ереси, составляя истинныя сужденія и умозаключенія. Изъ нихъ выходили очень умные писцы и пѣвцы, составители кондаковъ и другихъ пѣснопѣній, стихотворцы и отличнѣйшіе чтецы, знатоки напѣвовъ и писатели стихиръ о Христѣ“ [3]). Отрекшись отъ міра святой мужъ, получившій въ молодости прекрасное по тому времени образованіе [4]), не могъ отнестись презрительно къ свѣтскимъ наукамъ. Онъ хорошо понималъ значеніе этихъ послѣднихъ для христіанскаго богослова и вообще

---

[1]) Epist. l. II, 173. 1541 col. Твор. 2, 448 стр.

[2]) По смерти императора Никифора въ 811 году.

[3]) S. Theodori Studitae vita a Michaele monacho conscripta n. 29. Migne t. 99, 273 col. Твореній ч. I, 43—44 стр.

[4]) Преподобный, по разсказу его біографа, «когда подросъ, то научился и грамматикѣ, потомъ и діалектикѣ, которую свѣдущіе въ ней обыкновенно называютъ философіей; кромѣ того, сколько могъ, усвоилъ себѣ красоты риторскаго краснорѣчія» (ibid. n. 3).

для научно-образованнаго человѣка. Но съ другой стороны онъ не могъ дать имъ и широкаго простора въ системѣ образованія. „Грамматика учитъ правильно писать и сообщаетъ навыкъ къ чтенію“—съ этой стороны она полезнѣйшая наука для христіански образованнаго человѣка. Далѣе „діалектика научаетъ правильно составлять сужденія и умозаключенія“, и такую прекрасную науку нельзя изгонять изъ области пропедевтическаго курса, предназначеннаго даже для лицъ, оставившихъ всякія блага міра сего. Но математика съ ея подраздѣленіями на геометрію и астрономію или въ глазахъ самаго Ѳеодора Студита не заслуживала серьезнаго вниманія, какъ школьная наука, или его біографъ не счелъ достойнымъ упомянуть о ней въ числѣ предметовъ преподаванія въ школахъ святой обители.

Но вотъ предъ нами свѣтскій человѣкъ этого времени, сынъ государственнаго секретаря, значитъ, лицо принадлежавшее къ высшему обществу столицы, но по своимъ убѣжденіямъ въ вопросѣ объ иконахъ ставшее на сторону иконопочитателей. Это Никифоръ, самъ сдѣлавшійся также государственнымъ высшимъ сановникомъ [1]), а впослѣдствіи избранный прямо изъ мірянъ на каѳедру Константинопольскаго патріарха (806 г.). Мы не знаемъ его учителей. Но судя по тому, что Ѳеодору, его отцу, послѣ кратковременной ссылки, до вторичнаго изгнанія изъ столицы пришлось не малое время жить въ Константинополѣ, можно предположить, что мѣстомъ образованія Никифора былъ столичный городъ. Біографъ Никифора, его ученикъ, діаконъ Игнатій, ничего не сообщаетъ намъ по этому вопросу, но за то доставляетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія объ образованіи Никифора. Упомянувъ о богословскомъ образованіи его и о занятіяхъ науками изъ этой области, біографъ продолжаетъ: „Послѣ того, какъ я упомянулъ о наукахъ (μαθημάτων), считаю не лишнимъ и не чуждымъ дѣла упомянуть и о томъ, какое прилежаніе, какое постоянство было у этого человѣка въ занятіяхъ ими. Къ знанію священнаго Писанія онъ присоединилъ знакомство съ свѣтскими науками, чтобы съ одной стороны тѣмъ легче онъ могъ уча убѣждать и съ другой—удобнѣе до-

---

[1]) S. Nicephori patriarchae CP. vita scripta ab Ignatio diacono. C. I. Migne. t. 100, 45—53 col.

ходить до разоблаченія ошибокъ [1]). Ибо если таково свойство закона (ἀρετὴ νόμου), что онъ возвѣщаетъ понятіе справедливаго и несправедливаго, чтобы воздать каждому по заслугамъ, такъ и совершенное образованіе должно представлять познаніе того и другаго [2]). Однако мы не ставимъ въ параллель то и другое — да не будетъ. Вѣдь госпожѣ не равна служанка, и сынъ рабыни не наслѣдуетъ съ сыномъ свободной, чтобы вспомнить мнѣ сказанное Аврааму [3]). На сколько онъ былъ силенъ въ грамматикѣ, ея составныхъ частяхъ и органахъ, при помощи которыхъ различается орѳографически правильное отъ неправильнаго, исправляется греческій языкъ и упорядочивается правильный размѣръ въ стихахъ, это извѣстно даже и тѣмъ, которые лишь нѣсколько знакомы съ наукою. Не трудно понять и то, какимъ оказался въ многосторонней свирѣли риторовъ этотъ сладкорѣчивый и медоточный мужъ; ибо изгоняя изъ своей рѣчи все изысканное и многословное и все, что отзывается пустыми софистическими вымыслами и текучестію рѣчи, онъ старался придать ей особенную сладость и пріятность отчетливостію и чистотою композиціи. Что касается усвоенія математической четверицы, которая слагается изъ терминовъ постоянныхъ или терминовъ раздѣльныхъ (потому что или движется и образуетъ астрономію, или остается неподвижною и образуетъ геометрію, или, опять, имѣетъ дѣло съ отношеніями и образуетъ музыку, или стоитъ внѣ отношеній и образуетъ ариѳметику [4]), то своимъ стараніемъ онъ достигъ того, что, изучая ихъ въ связной системѣ и въ формѣ отдѣльныхъ отраслей, онъ во всѣхъ достигъ совершенства (первенства—πρωτεῖον). А музыкальную лиру настроивалъ онъ не такую, какую Пиѳагоръ Самосскій и какую—обольститель Аристоксенъ, а скорѣе сто пятидесятиструнную и

---

[1]) τῇ μὲν τὸν ἐν διδαχαῖς καταπλυτίσαι θέλων πειθήνιον, τῇ δὲ τὸ τῆς πλάνης διελέγχειν ἀπίθανον.

[2]) καὶ τὸ τῆς παιδεύσεως ἐντελὲς ἑκατέρας πρὸς διδασκαλίαν προσήκει φέρειν τὴν εἴδησιν.

[3]) οὐχ ὅτι παράλλημα τίθεμεν ἄμω, μὴ γένοιτο· οὐ γὰρ ἐφάμιλλος δεσποίνῃ θεράπαινα, οὐδὲ μὴ κληρονομήσει ὁ υἱὸς τῆς παιδίσκης μετὰ τοῦ υἱοῦ τῆς ἐλευθέρας, ἵνα καὶ τῶν πρὸς Ἀβραὰμ λεχθέντων μνησθῶ.

[4]) Περί τε τὴν τῆς μαθηματικῆς τετρακτύος ἀνάληψιν, ἥτις ἐκ πεπερασμένων συνεχῶν καὶ πεπερασμένων διωρισμένων τὴν σύστασιν εἴληφεν (ἢ γὰρ κινεῖται καὶ ποιεῖ τὴν αστρονομίαν· ἢ ἀκίνητός ἐστι, καὶ ποιεῖ τὴν γεωμετρίαν· ἢ πάλιν ἐν σχέσει τυγχάνει καὶ ποιεῖ τὴν μουσικὴν· ἢ ἄσχετός ἐστι, καὶ ποιεῖ τὴν ἀριθμητικὴν) ἐπὶ τοσοῦτον....

на ней играя всегда онъ отгонялъ отъ слушающихъ его ту болѣзнь, которою нѣкогда страдалъ Саулъ, и смягчилъ жесточайшаго тиранна, котораго душилъ духъ злоученія и который упорно бѣсновался противъ Христова домостроительства и тѣмъ спасъ стадо свое отъ его заразы".

„Самымъ тщательнымъ образомъ занявшись этими четырьмя служанками истинной науки, онъ перешелъ и къ госпожѣ ихъ,— разумѣю философію, и вѣрнымъ и неуклоннымъ путемъ онъ перешелъ къ ея теоремамъ. Ибо онъ тщательно изучилъ, каковы ея термины, и сколько ихъ, и какова ихъ особенность, что подлежащее и что сказуемое, говорится-ли въ отношеніи ко всему, или ничему, или цѣлому и тому подобное; что, потомъ, означаютъ въ нихъ элементы и соименны-ли они физическимъ и геометрическимъ, какія бываютъ сужденія и какъ они превращаются, какое значеніе противорѣчій, какія слова относятся къ сказуемому и какія бываютъ опредѣленія и чему соотвѣтствуетъ въ нихъ неопредѣленное, сколько формъ силлогизмовъ, какія и сколько ихъ фигуръ, что такое силлогизмъ гипотетическій и категорическій и чѣмъ они различаются, по отношенію ко всему-ли приложимо низведеніе до невозможнаго, какъ и сколькими видами они смѣшиваются, какъ совключаются и разрѣшаются, что такое паралогизмъ, какой паралогизмъ софистическій и какимъ образомъ онъ бываетъ и ложнымъ и убѣдительнымъ, что такое силлогизмъ монолеммматическій, какимъ образомъ такъ называемый діалектическій силлогизмъ ведетъ къ заключеніямъ вѣроятнымъ, что такое индукція, какую силу имѣетъ доказательство, которое изъ низшаго ищетъ уловить истину, каковы въ нихъ проблемы, аксіомы и то, что похоже на аксіомы, какую они имѣютъ матерію и какія допускаютъ соединенія и смѣшенія, какія первыя начала міра физическаго и какъ они недоказуемы, что такое покой, въ сколькихъ видахъ бываетъ тождество, гдѣ, въ отношеніи къ чему, какъ и когда бываетъ различіе, постоянное послѣдованіе началъ, кто двигатель, что такое органическое, что раждающая сила, что предшествующее и что выводное и какимъ способомъ выводится, что къ чему относится, случайно-ли или по необходимости, что содержитъ качества, изъ какихъ происходитъ такъ называемое отрицаніе, что значитъ ex nihilo nihil fit, какимъ образомъ отъ противнаго приходятъ къ бытію и

существованію, какимъ образомъ и какъ, напротивъ, уничтожается и разрушается“ [1]).

Приведенное мѣсто важно для насъ не только потому, что указываетъ на число предметовъ школьнаго преподаванія, но и потому, что сообщаетъ прекрасную характеристику постановки свѣтскихъ наукъ, общей цѣли ихъ изученія, ихъ мѣста въ системѣ всѣхъ предметовъ образованія. Есть-ли это взглядъ самаго патріарха Никифора или діакона Игнатія, его ученика, въ данномъ случаѣ для насъ это безразлично. Тотъ и другой—люди одной партіи, не крайніе противники по нашему вопросу иконоборческой партіи. Оба они живутъ въ такое время, когда само иконоборство значительно смягчаетъ свой враждебный взглядъ на образованіе. Тотъ и другой не питаютъ вражды къ свѣтскому образованію, какою ознаменовали себя нѣкоторые крайніе ревнители благочестія, доведшіе свой ригористическій взглядъ на свѣтское образованіе до nec plus ultra. Оба цѣнятъ послѣднее. Одинъ получаетъ его въ совершенствѣ по тому времени, другой съ сочувствіемъ относится къ такому, во всякомъ случаѣ для этой эпохи не заурядному, явленію. Но съ другой

---

[1]) Ταύταις ταῖς τέσσαρσι θεραπαινίσι τῆς ὄντως ἐπιστήμης προσομιλήσας σαφέστατα, ἐπὶ τὴν τούτων δέσποιναν, τὴν φιλοσοφίαν φημὶ, καὶ τὰ ταύτης ἐξ ἑτοίμου ἐβάδισεν ἁπλανῶς θεωρήματα. Τίνες γὰρ ὅροι ταύτης καὶ πόσοι, ἐπεικῶς ἠκριβώσατο, καὶ τίς ἰδιότης αὐτῶν, ποῖος ὑπόκειται, καὶ τί τὸ κατηγορούμενον, καὶ τοῦτο ἄρα κατὰ παντὸς, ἢ οὐδενὸς, ἢ ἐν ὅλῳ, καὶ τὰ ὅμοια. Τί ποτε δὲ τὰ στοιχεῖα θέλει δηλοῦν παρ αὐτοῖς, καὶ εἰ τῶν φυσικῶν γεωμετρικῶν ταῦτα μόνον ὁμώνυμα· προτάσεις δὲ πόσαι, καὶ πῶσ ἀντιστρέφουσι· τίς ἀντιφάσεως δύναμις· τὰ πρὸς κατηγορούμενα δε ποῖα, προσδιορισμοὶ δὲ τίνες, καὶ τίσιν ἀναλογεῖ τὸ κατ' ἐκείνης ἀόριστον, τρόποι δὲ πόσοι τῶν συλλογισμῶν· ὁποῖα καὶ πόσα τὰ σχήματα· ποῖος ὑποθετικός, ποῖος δὲ κατηγορικὸς, καὶ τί διαφέρουσι· καὶ εἰ πάντας ἡ εἰς ἀδύνατον ἀπαγωγὴ βεβαιοῖ· ὅπως δὲ καὶ ποσάκις ταῦτα κεράννυται, πῶς συμπεραίνεται καὶ ἀναλύεται· τίς παραλογισμοῦ σύνθεσις, τίς σοφιστικὸς καὶ πῶς ψευδής τε ἅμα καὶ πιθανός· καὶ οἷος ὁ μονολήμματος· ὁ λεκτικὸς δὲ ὅπως ενδεχόμενος συνάγει τα ἔνδοξα, καὶ τίς ἡ τούτων ἐπαγωγή· ποίαν ἀνάγκην ἔχει ὁ ἀποδεικτικός, ἐκ τῶν χειρόνων θηρεύειν ἀλήθειαν· τὰ προβλήματα δὲ τούτων ὁποῖα, τὰ ἀξιώματα, τὰ ὡς ἐν ἀξιώμασιν· ὕλην δὲ τίνα λαμβάνουσι, μίξεις τε καὶ συμπλοκάς· τίνες τε πρῶται τῶν φυσικῶν ἀρχαὶ καὶ πῶς ἀναπόδεικτοι· τίς ἡ στάσις, ἡ ταυτότης δε ποσαχῶς, ἑτερότης δὲ ποῦ, καὶ πρὸσ τί καὶ πῶς, καὶ πότε· συνεχὴς δὲ ἄρα τῶν ἀρχῶν ἡ πρόοδος, καὶ πρὸς τὸ συνεχὲς οὐχ ὁρίζεται· τίς ὁ κινήσας, ποῖον ὀργανικὸν, τί τὸ γόνιμον· τὸ προοδεῦσαν, καὶ ποῖον ἐκπυρηνισθέν, καὶ διὰ τίνος, καὶ περὶ τί συννεύει κατὰ αἵρεσιν, κατὰ βίαν δὲ ἄρα· τί τὸ συγκρατοῦν τὰς ποιότητας· ἐκ ποίας δὲ ταῦτά φασιν ἐκεῖνοι στερήσεως, καὶ ἡ ἐκ τοῦ μηδεμῆ μηδαμῶς· καὶ ὅπως εἰς γένεσιν καὶ οὐσίωσιν ἐξ ἐναντίων ἐλαύνεται, ὅπως δὲ πάλιν τοῖς ἐναντίοις ἀφανίζεται καὶ συμφθείρεται. Vita S. Nicephori Patr. c. II, п. 14—16 по Migne t. 100, 56—60 col.).

стороны учитель и ученикъ прекрасно опредѣляютъ роль и назначеніе свѣтскихъ наукъ. Ученикъ, усвоившій идеи учителя, ясно высказываетъ свой взглядъ на цѣль свѣтскаго образованія, когда говоритъ о Никифорѣ, что „онъ къ знанію свящ. Писанія присоединилъ и знакомство съ свѣтскими науками. τῇ μὲν τὸ ἐν διδαχαῖς καταπλωτίσαι θέλων πειθήνιον, τῇ δὲ τὸ τῆς πλάνης διελέγχειν ἀπίθανον, чтобы съ одной стороны быть болѣе убѣдительнымъ въ наученіи, а съ другой—удобнѣе доходить до разоблаченія ошибокъ. Такимъ образомъ, по автору, свѣтское образованіе преслѣдуетъ постороннія цѣли, не само для себя цѣль, а средство для другой, высшей. Но этого мало,—біографъ указываетъ аналогію въ отношеніяхъ между понятіемъ справедливаго и несправедливаго съ одной стороны, духовнаго и свѣтскаго образованія съ другой. Какъ первыя два понятія подводятся подъ одно высшее понятіе закона, такъ и послѣднія мыслятся въ понятіи образованія вообще. Хотя ясно не высказывается авторъ по поводу дальнѣйшаго развитія аналогіи, однако едва-ли не въ правѣ мы заключить, что свѣтское образованіе онъ уподобляетъ понятію несправедливаго, въ противоположность духовному, которое есть чистая истина, справедливость. Отъ этой во всякомъ случаѣ не лестной для свѣтскихъ наукъ аналогіи авторъ переходитъ къ точному опредѣленію мѣста свѣтскаго образованія въ группѣ всѣхъ наукъ. Раба, по его взгляду, не сравнима съ госпожею по своимъ достоинствамъ. Госпожею является у него свящ. Писаніе и вообще богословское образованіе, рабою—свѣтскія науки. Такое олицетвореніе соотношенія наукъ какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ опредѣленіемъ автора цѣлей образованія.

Таковъ взглядъ православной партіи въ лицѣ ея лучшихъ представителей на сущность образованія, его цѣли и задачи. Взглядъ этотъ по тому времени свѣтлый, не крайній, въ которомъ, хотя просвѣчиваетъ явная противоположность принципамъ образованія въ духѣ иконоборческой партіи, однако противоположность не возводится до крайнихъ предѣловъ.

Далеко не всѣ ревнители православія были согласны съ такими воззрѣніями на школьный вопросъ. Нашлось много крайнихъ поборниковъ чистоты вѣры, особенно среди монашествующей братіи. Отрицая въ свѣтской наукѣ существованіе чего либо хорошаго съ своей точки зрѣнія, считая его произведеніемъ

діавола, эти послѣдніе безъ всякихъ разсужденій отвергаютъ въ свѣтскомъ образованіи, покоющемся на традиціяхъ временъ давно прошедшихъ, его общеловѣческую сторону, думая въ простотѣ своего сердца, что незнакомство съ свѣтскою наукою, этимъ порожденіемъ діавола, есть лучшій оплотъ чистоты вѣры. Просвѣщеніе и наука для этихъ людей являются не только излишними, но и вредными, а свѣтская образованность не называется иначе, какъ волшебствомъ, чародѣйствомъ, нечестіемъ. Извѣстный ученый того времени, Іоаннъ Грамматикъ, слыветъ въ ихъ средѣ за волхва, его называютъ Анніемъ— волхвомъ, Симономъ, чародѣемъ и гадателемъ. Но это еще не все. Спеціально для него выдумывается новое имя какого-то Ильзилы, что, по объясненію ихъ самихъ, съ еврейскаго означаетъ предтеча и сотрудникъ діавола (πρόδρομος καὶ συνεργὸς τοῦ διαβόλου) [1]. А объ учености Фотія какія нелѣпѣйшія разсказывались басни? Ее объясняли не иначе, какъ вліяніемъ Веельзевула, особенной темной силы, стоившей Фотію отреченія его отъ креста Христова [2].

Вотъ эпоха борьбы за почитаніе иконъ, за принципы образованія. Мы видимъ въ это время крайности противъ крайностей, увлеченія въ средѣ той и другой партіи. Но среди тѣхъ и другихъ сторонниковъ находятся здравомыслящіе, которые, хотя не сходятся близко между собою въ воззрѣніяхъ, однако подаютъ другъ другу руку для примиренія. Среди борьбы двухъ принциповъ обрисовывается ясно новое направленіе, которое сглаживаетъ противорѣчія, преувеличенія той и другой партіи и къ концу періода пріобрѣтаетъ окончательный перевѣсъ.

Главнымъ представителемъ этого направленія является Фотій, ученѣйшій человѣкъ своего времени. По сознанію даже враговъ его, онъ достигъ высокой степени совершенства во всѣхъ наукахъ: въ грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ и философіи; занимался онъ медициной и юриспруденціей [3]. Но еще въ свѣтскомъ званіи, Фотій уже зналъ богословскія науки [4]. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ничего объ учителяхъ Фотія. Самъ онъ называетъ очень многихъ изъ своихъ учениковъ, но ни

[1] Simeonis Magistri Annales по Migne. t. 109, 668 col.
[2] Ibid. 732 col.
[3] Hergenröther. Photius, Patr. von Constantinopel. B. I, 324 S.
[4] Ibid. 325 S.

одного учителя [1]). Но во всякомъ случаѣ современная ему греческая ученость не могла остаться на него безъ всякаго вліянія. Это обстоятельство для насъ имѣетъ весьма важное значеніе. Фотій является преподавателемъ высшей въ государствѣ школы, воспитываетъ цѣлое поколѣніе ученыхъ мужей, и его взгляды на образованіе ложатся въ основу всего учебнаго строя Византіи послѣдующаго времени. Если взгляды самаго Фотія на образованіе находились въ зависимости отъ идей предшествующаго времени, то послѣдующее можетъ прояснить намъ предшествующее. По Фотію, „высшею мудростію остается та, которая дѣлаетъ предметомъ своимъ религію. Она почерпается изъ священнаго Писанія, изъ котораго черпали и великіе учители церкви“ [2]). Мы не знаемъ теоретическихъ разсужденій Фотія о назначеніи въ христіанскомъ образованіи свѣтскихъ

---

[1]) Гергенрётеръ, хотя и указываетъ на то, что Фотій почти во всѣхъ наукахъ является автодидактомъ, а его почитатели громадную ученость его приписываютъ генію ума Фотія, однако не можетъ признать вѣрнымъ ни того, ни другаго. Для него кажется достаточнымъ указать на то, что Фотій всюду проявляетъ себя школьно образованнымъ, нечуждымъ педантизма, человѣкомъ метода, чтобы видѣть, что Фотій далеко не всѣмъ обязанъ самому себѣ. Это тѣмъ болѣе становится убѣдительнымъ, что во время императора Ѳеофила Византія уже не бѣдна была школами и учеными мужами. Теперь встрѣчаемъ мы не только мужчинъ, но и женщинъ, занимающихся наукою, какова, напр., была Иказія. Но кто же могъ быть учителемъ Фотія? Въ качествѣ таковыхъ Гергенрётеръ называетъ предположительно Льва Математика, переписка Фотія съ которымъ указываетъ какъ будто на отношенія ихъ, какъ ученика къ учителю. Далѣе, могъ быть учителемъ Фотія и св. Меѳодій, патр. Константинопольскій, а также Георгій Асбеста, другъ Фотія. Кромѣ того въ самомъ Константинополѣ было много монастырей, въ которыхъ, по выраженію біографа Ѳеодора Студита, «содержались всякаго рода разумныя растенія, на которыхъ съ пользою красовались всякаго рода познанія, какъ бы зрѣлые плоды» (1, 322—324 S.).

[2]) Hergenröther. 326 S. Въ основаніе сужденія положено довольно неясное мѣсто Фотія изъ извѣстнаго сочиненія «ad Amphilochium quaestiones» qu. 9. Фотій примиряетъ кажущееся противорѣчіе между извѣстнымъ изрѣченіемъ Давида: «человѣкъ, яко трава дніе его» (Пс. 102, 14) и выраженіемъ Соломона: велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ творяй милость» (Притчи Сол. 20, 6). Фотій не находитъ противорѣчія между этими изрѣченіями. Οὐ γὰρ οὗτοι μόνον τοιαύτας ἀποφάσεις περὶ τοῦ ἀνθρωπείᾳ γένει ποιοῦνται, ἀλλὰ καὶ πολλαχοῦ τῆς θείας ραφῆς εὑρήσεις, τοῦτο μεν ἐπαίρουσα τὴν ἡμετέραν φύσιν, τοῦτο δε πάλιν κατευτελίζουσαν καὶ κάτω τιθεῖσαν· οὐ μόνον δὲ ἀλλὰ καὶ ὅσοι τῶν ἡμετέρων ἱερῶν πατέρων ἐκεῖθεν τὴν ἀληθινὴν ἐμυσταγωγήθησαν σοφίαν точно такимъ же образомъ выражаются о человѣческой природѣ.

наукъ [1]). Но вотъ что говорятъ факты. Уже въ первые годы правленія Ѳеодоры мы встрѣчаемъ Фотія въ ряду учителей дворцовой школы [2]). Онъ преподаетъ грамматику и вѣроятно нѣкоторые другіе предметы изъ круга обычныхъ школьныхъ предметовъ того времени [3]). Но особенною любовію его пользовалась діалектика, которую онъ, по собственнымъ его словамъ, излагалъ предъ многочисленными учениками, объясняя имъ категоріи Аристотеля [4]). Своему питомцу и ученику Льву Фотій сообщаетъ знакомство съ богословскими и философскими

---

[1]) У Гергенрётера I, 325—326 S. для характеристики взглядовъ Фотія на значеніе науки и вообще на роль свѣтскихъ наукъ приводится слѣдующее мѣсто изъ указаннаго сочиненія Фотія «ad Amphilochium quaestiones»: «Большая часть людей, говоритъ Фотій, стремится къ богатству и земнымъ благамъ, къ блеску земной славы... Благородныя же души стремятся прежде всего къ мудрости, которая предлагаетъ непреходящія сокровища. Это не та мудрость, которая гоняется за высокопарными фразами и довольствуется пустымъ краснобайствомъ, но та, которая дѣлаетъ слова носителями мысли, которая изслѣдуетъ причины вещей, не заблуждается въ отысканіи истины, не на поверхности только остается, но проникаетъ до внутреннѣйшаго, до глубины того, что подлежитъ изслѣдованію. Отсюда-то возникаетъ полнота истиннаго знанія, которое дѣлаетъ обладателей его предметомъ удивленія и соревнованія и которое доставляетъ имъ блестящее имя на всѣ времена. Чрезъ эту мудрость мы упражняемъ способности души, чрезъ нее научаемся распознавать добро и зло. Она влечетъ насъ къ занятіямъ, указывая прочность всего превосходнаго. Поэтому-то мы пользуемся также сочиненіями языческихъ авторовъ, въ которыхъ все баснословное и вымышленное мы презираемъ, но охотно принимаемъ форму и искусство выраженія для развитія и расположенія нашихъ мыслей (quaestio 149, c. I, p. 130 ed. Mai). Подстрочное замѣчаніе Горгенрётера къ этому мѣсту указываетъ на то, что подобныя мысли высказывались и патріархомъ Германомъ. Es wird diese Abhandlung dem Patriarchen Germanus zugeschrieben, was sehr glaubhaft ist; indessen sprechen doch manche Gründe dafür, dass Photius die ursprüngliche Abhandlung überarbeitet und der vorhandene Eingang derselben von ihm herrührt. Не находимъ никакихъ данныхъ предположить такую передѣлку со стороны Фотія. Минь не напечаталъ 149 quaestio въ виду буквальнаго его сходства съ твореніемъ Германа de vitae termino, изданномъ по Миню въ 98 томѣ патрологіи. Вмѣсто 149 qu. въ 101 томѣ Миня читаемъ: exstat inter opera S. Germani, hujus Patrolog. t. 98. Повѣривъ ссылку, мы нашли, что греческій текстъ названнаго сочиненія Германа можетъ быть подставленъ оригиналомъ къ выше приведенному переводу 149 qu. Итакъ, Фотій остался вѣренъ въ своемъ воззрѣніи на свѣтское образованіе одному изъ представителей учености нашей эпохи.

[2]) Hergenröther. I, 326 S.

[3]) Ibid.

[4]) Amphil. quaest. qu. 137—147 по Migne. t. 101, 760—812 col.

науками, а также съ греческой классической литературой [1]). Эпитетъ Философа, присвоенный современниками Льву, достаточно ручается за основательное знакомство съ преподанными ему науками, а прозваніе его Юліаномъ Отступникомъ указываетъ на его страсть къ древнимъ греческимъ авторамъ [2]). Константинъ Порфирогенетъ, любитель науки, занимался разработкою памятниковъ древностей библейскихъ и церковно-христіанскихъ на ряду съ гомерическими. Онъ изучалъ въ одно и тоже время и Иліаду съ Одиссеей, и Дѣянія апостоловъ и повѣствованія священной христіанской древности [3]). Обратимся-ли къ школамъ того времени, и мы увидимъ въ нихъ преподаваніе наукъ свѣтскихъ на ряду съ богословскими. Однѣ и тѣже школы служатъ мѣстомъ образованія и высшихъ служителей алтаря и государственныхъ чиновниковъ [4]). — Итакъ новое направленіе по вопросу о принципахъ образованія является въ слѣдующемъ видѣ: двѣ области знаній сближаются между собою. Науки свѣтскія ставятся на ряду съ духовными. Чтобы быть вполнѣ образованнымъ, нужно было знать тѣ и другія. Это вполнѣ гармонировало съ общимъ строемъ государственной жизни Византіи IX вѣка. Весь государственный строй ея созидался на объединеніи двухъ принциповъ: церковь и государство мыслились, какъ одно другому помогающія учрежденія, какъ одно цѣлое, преслѣдующее однѣ и тѣже цѣли и задачи. Это отличительная черта византійскоѳй жизни, начало которой положено было еще Константиномъ Великимъ. Такая тѣсная связь между божественнымъ и человѣческимъ учрежденіями, между церковію и государствомъ кладетъ свою печать и на

---

[1]) Mentschikow. De eruditione et re litt. grec. aetatis byzant. Commentatio 1849 г. Москва, издано въ сборн. рѣчей проф. моск. унив. за указанн. годъ. 54 стр.

[2]) Нельзя не указать на то, что самъ Фотій былъ слишкомъ начитанъ въ древней греческой литературѣ. Люди противоположнаго лагеря не безъ иронiи разсказывали о немъ такого рода вымыселъ, что будто во время богослуженія, когда Фотій уже былъ патріархомъ, вмѣсто словъ молитвъ онъ шепталъ изреченія поэтовъ (Sym. Magistri 733 col. Migne. t. 109).

[3]) Rambaud. L'empire grec au dixieme siecle. Paris. 1870 г. 77 р.

[4]) О Константинѣ Порфирогенетѣ продолжатель Ѳеофана говоритъ, что изъ своихъ шкалъ избиралъ онъ судей, сенаторовъ, секретарей и митрополитовъ (Theoph. Cont. t. 109, 464 col.). И. Зернинъ. Жизнь и литер. труды Конст. Багрянороднаго. Харьковъ, 1858 г. I, 71—72 стр.

направленіе всего образованія. Духовное и свѣтское, богословіе и свободныя науки, идутъ рука объ руку въ византійскомъ образованіи.

Необходимымъ слѣдствіемъ такого направленія было отсутствіе спеціализаціи наукъ, универсальность знаній. Мы не видимъ школъ съ строго распредѣленными предметами преподаванія, не находимъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній отдѣльно отъ духовныхъ и наоборотъ. Это не могло и быть въ виду прямой задачи школы—приготовлять людей способныхъ къ государственной и церковной службѣ. Въ Византіи далеко нерѣдкостію было встрѣтить лицъ свѣтскихъ, которымъ выпадало на долю высокое патріаршеское достоинство и, что всего замѣчательнѣе, эти послѣдніе являлись вполнѣ подготовленными къ своему новому сану. Даже во время иконоборцевъ подобное явленіе не было рѣдкостью.

Другою характерною чертою образованія разсматриваемаго нами времени было отсутствіе оригинальности. Наслѣдіе древности для византійцевъ казалось слишкомъ громаднымъ. Излишне было пріумножать его. Вся забота ученыхъ людей сводилась къ тому, чтобы сдѣлать это наслѣдіе недвижимымъ [1]), „сохранить древность въ дипломатической чистотѣ и сдѣлать ее популярною посредствомъ сокращеній; казалось, эти ученые преспокойно готовятся къ отступленію, торопясь только собрать и уложить свои пожитки“ [2]).

Переходя къ вопросу о внутренней организаціи школъ, мы, конечно, будемъ прежде всего имѣть въ виду школы времени иконоборцевъ. Но въ силу вышесказаннаго и нѣсколько поздняя эпоха можетъ прояснять намъ многое изъ внутренней организаціи школъ этого времени. Первый вопросъ—о числѣ предметовъ школьнаго преподаванія. Вся сумма знанія у Іоанна Дамаскина подводится подъ одно общее понятіе философіи. Эта послѣдняя подраздѣляется на спекулятивную и практическую. Къ первой относятся богословіе, физіологія и математика, ко второй—этика, экономія и политика. Широка область философіи, но само собою разумѣется, что всѣ ея предметы не были и не могли быть предметами школьнаго преподаванія. Мы не имѣемъ

---

[1]) Rambaud. L'emp. gr. au X. Siécle. 59 p.
[2]) Bernhardy. Grundr. d. gr. Litt. 1, 705 S.

точныхъ свѣдѣній о школьной преподавательской дѣятельности Іоанна Дамаскина; но за то знаемъ его взглядъ на значеніе и роль свѣтскихъ наукъ въ общемъ христіанскомъ образованіи. Ѳеодоръ Студитъ въ своей монастырской школѣ занимается преподаваніемъ грамматики и діалектики. Патріархъ Никифоръ изучаетъ всѣ такъ называемыя семь свободныхъ искусствъ. Левъ Математикъ преподаетъ философію со всѣми родственными ей науками. Выступаетъ на учительское поприще Фотій, открывается высшее учебное заведеніе во дворцѣ, и науки древности находятъ себѣ пріютъ въ немъ и даже почетное мѣсто. Получившіе права гражданства наравнѣ и подлѣ другой области наукъ, предметы свѣтскаго образованія продолжаютъ свое существованіе въ школахъ послѣдующаго времени [1]). Какъ и на западѣ полный курсъ свѣтскаго образованія здѣсь исчерпывается древними традиціонными науками. Семь свободныхъ наукъ составляютъ полную и законченную программу этого послѣдняго. Конечно, для большинства сокращеніе этой про-

[1]) Неизвѣстный авторъ геопоники, изданной при трудахъ Константина Порфирогенета, ставитъ въ заслугу этому императору то, что онъ «своимъ геніемъ и своею мудростію вызвалъ къ жизни прежде всего философію и риторику, которыя прежде впали въ забвеніе, возродилъ науки и искусства» (Rambaud. L'emp. gr. au X. Siecl. 79 p.). Свидѣтель дѣяній Константина, продолжатель Ѳеофана, говоритъ о процвѣтаніи въ его время всѣхъ наукъ и въ частности философіи и реторики (Theoph. Cont. 464 col. t. 109). Кедринъ о томъ же императорѣ пишетъ: «Науки: ариѳметику, музыку, астрономію, геометрію, стереометрію и то, что составляетъ главу всѣхъ ихъ, философію (καὶ τὴν ἐν πάσοις ἔποχον φιλοσοφίαν) .... онъ возстановилъ своею личною дѣятельностію» (Georg. Cedreni Hist. Compend. 60 p., t. 122-й). Съ особенною полнотою выступаетъ группировка предметовъ школьнаго преподаванія у одного писателя изъ эпохи Алексѣя Комнина. Поэтъ Тцетцесъ для своего времени насчитываетъ ихъ до семи свободныхъ наукъ:

Ὁ κύκλος καὶ συμπέρασμα πάντων τῶν μαθημάτων
Γραμματικῆς, ῥητορικῆς, αὐτῆς φιλοσοφίας,
Καὶ τῶν τεσσάρων τε τεχνῶν τῶν ὑπ' αὐτήν κειμένων
Τῆς ἀριθμούσης, μουσικῆς, καὶ τῆς γεωμετρίας,
Καὶ τῆς οὐρανοβάμονος αὐτῆς ἀστρονομίας.

(Cramer. Gesch. Erz. und Unt. in d. Niederl. 13—14 S.).

Хотя этотъ писатель принадлежитъ къ позднѣйшей эпохѣ, однако свидѣтельство его имѣетъ для насъ полный вѣсъ. Школы этого времени не представляли какой либо существенной разницы въ постановкѣ предметовъ общеобразовательнаго курса сравнительно съ предшествующею эпохою (Успенскій. Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ. Спб. 1874 г., 15 стр.).

граммы было или дѣломъ личнаго усмотрѣнія, или обусловливалось другими обстоятельствами. Но важно то, что идеаломъ законченнаго свѣтскаго образованія было возможно-полное знакомство съ кругомъ наукъ, точно опредѣлившимся еще на языческой почвѣ. Біографъ патріарха Никифора смотритъ на своего учителя, какъ на идеально образованнаго человѣка и все образованіе его сполна опредѣляетъ семью перечисленными у него науками. Левъ Математикъ для современниковъ является образованнѣйшимъ человѣкомъ, и такую репутацію онъ заслужилъ тѣмъ, что, по выраженію продолжателя Ѳеофана, въ совершенствѣ изучилъ философію и родственныя ей науки, т. е. математику. Въ глазахъ біографа Іоанна Дамаскина, Іоанна, патр. Іерусалимскаго, извѣстный Косьма, учитель Дамаскина, въ совершенствѣ образованный человѣкъ и, конечно, въ силу того, что онъ изучилъ реторику, философію, ариѳметику, геометрію, музыку и астрономію [1]). Въ открытой высшей государственной школѣ при дворцѣ традиціонныя науки составляли главные предметы преподаванія изъ программы свѣтскихъ знаній.

Опредѣливъ число предметовъ преподаванія высшихъ школъ, мы должны обратиться къ разсмотрѣнію внутренняго содержанія программы и методовъ преподаванія свѣтскихъ наукъ. Но если гдѣ, то именно по отношенію къ намѣченнымъ вопросамъ недостатокъ въ положительныхъ данныхъ даетъ себя чувствовать болѣе всего. До насъ не сохранилось по большей части предметовъ ни учебниковъ, ни точныхъ программъ. Въ силу этого приходится довольствоваться предположеніями и догадками, или, самое большее, заключеніями отъ двухъ—трехъ свѣдѣній къ общимъ положеніямъ.

Выходя изъ того общаго положенія, что разсматриваемая нами эпоха не произвела и не могла произвести чего либо самостоятельнаго въ области наукъ, мы можемъ сказать это въ частности относительно предметовъ школьной программы. Взоръ всѣхъ ученыхъ, учащихъ и учащихся обращался къ прожитому, давно прошлому, или, сравнительно, еще недавнему. Изъ него заимствовали или цѣликомъ, или, чаще, съ громадными сокращеніями, а иногда съ необходимыми измѣненіями. Въ такомъ

[1]) Vita S. Ioannis Damasceni. n. 9. по Migne. t. 94, 441 col.

видѣ мы должны были бы имѣть отъ этой эпохи и учебники по всѣмъ предметамъ. Въ грамматикѣ пробавляются трудами Александрійскихъ ученыхъ, преимущественно Геродіана [1]), съ громадными сокращеніями. Задачею грамматики ставится „усовершить образъ рѣчи“, какъ выражается Ѳеодоръ Студитъ въ одномъ письмѣ къ своему ученику [2]).—Какъ предметъ школьнаго преподаванія, она распадается на части. Первая часть ея должна была трактовать о правилахъ этимологіи и синтаксиса [3]). Для нашей эпохи, мы имѣемъ учебникъ по этому предмету, изъ котораго узнаемъ, что преслѣдовала эта часть грамматики. Авторомъ учебника былъ Іоаннъ Дамаскинъ [4]). Онъ задался мыслію коротко изложить ученіе объ осьми частяхъ рѣчи. Мы имѣемъ отъ грамматики Дамаскина только отрывокъ, трактующій объ именахъ, глаголѣ, нарѣчіи и членѣ. Но и поэтому отрывку въ достаточной мѣрѣ можно познакомиться съ сущностію ея. Въ именахъ [5]) авторъ находитъ нужнымъ различать: родъ, видъ, составъ, числа и падежи [6]). По роду имена бываютъ: мужескія, женскія и среднія. Родъ именъ познается по окончанію и по члену [7]). Кромѣ того въ именахъ нужно отмѣтить „и другая раздѣленіа“: на собственныя и нарицательныя. По виду имена бываютъ: первобытныя (человѣкъ), дѣйственныя (взятыя отъ дѣйствія—ковачъ), повѣстныя (заимствованныя отъ событій—обѣшеникъ) и рододатныя (отъ страны—Шюмякъ). Начрьтаніа бываютъ трехъ родовъ, философскія, ораторскія и письменныя. Съ послѣдними только имѣетъ дѣло грамматика [8]).

---

[1]) Bernhardy. Gr. d. gr. Litt. 685 S.

[2]) См. выше, 137 стр.

[3]) Bernhardy. Gr. d. gr. Litt. 694 s. Фотій въ одномъ письмѣ «къ Никифору Философу монаху» о какомъ-то сочиненіи дѣлаетъ такой отзывъ: "Απαντα μὲν καλῶς εἶχε, καὶ οὐδὲν ταῖς συντάξεσιν, ἢ ταῖς ἄλλαις γραμματικαῖς ἀκριβείαις ὁ λόγος ἐχώλευεν (Ep. l. II, 90, t. 102, 900 col.).

[4]) Грамматика эта не сохранилась въ греческихъ подлинникахъ и мы имѣемъ только славянскій переводъ—см. Введеніе.

[5]) Имя глаголется, яко имать подлежащее существо, о немъ же есть слово (по изданію Калайдовича «Іоаннъ эксархъ болгарскій», 167 стр.).

[6]) Послѣдующа же именомъ суть пять: роди, види, начрьтаніа, числа, паденія (169 стр.).

[7]) И нѣкая сихъ и кромѣ указа и различіа явѣ суть, нѣкая же требуютъ къ явленію различіа (167 стр.).

[8]) Нагрьтаніа же ина суть любомудрьства хитрости, и ина рѣчеточества, другая же писменнаа; письменнаа же здѣсь явимъ, яко послѣдующа частемъ слова (169 стр.).

Она различаетъ по составу простыя, сложныя и пресложныя имена, т. е. изъ трехъ и болѣе словъ сложныя. Числъ наблюдается три: единственное, двойственное и множественное, а падежей пять: именительный, родительный, дательный, винительный и звательный. Для образцовъ приведены склоненія именъ всѣхъ трехъ родовъ. Этимъ и заканчивается трактатъ объ именахъ существительныхъ.—Въ глаголѣ [1]) авторъ различаетъ: залоги, наклоненія (изложенія), виды, начрьтаніа, числа, образы (лица), времена и супружества. Залоговъ три: дѣйствительный, страдательный и общій, и наклоненій—шесть: повелительное, молитвенное, вопросительное, звательное, изъявительное (повѣстное) и неопредѣленное. По виду глаголы бываютъ: коренные и производные, а по составу—простые, сложные и пресложные. Лицъ три, какъ равно и числъ. Время измѣряетъ дѣйствія. Оно бываетъ троякое: прошедшее (предибывшее), настоящее и будущее. Первое раздѣляется на четыре вида: протяженное, непридѣлное, напредидѣемое и предлежимое. Настоящее недѣлимо, а будущее состоитъ изъ двухъ частей: помалѣ бывающаго и будущаго. „Супружества же рѣчи окончаваемыми словесы съ силами являема суть; дѣлять же ся въ тринадесять отъ Еллинъ“.— Причастіе состоитъ изъ соединенія глагола и имени, „сего ради и глаголется причастіе, зане причаствуетъ и именю и рѣчи“. Причастіе принимаетъ: родъ, виды, начрьтаніа, числа, паденіа, залози, времена и супружества. Однѣ изъ названныхъ формъ оно заимствуетъ отъ существительныхъ именъ, а другія—отъ глаголовъ.—Слѣдуя оригиналу, переводчикъ грамматики Дамаскина оставляетъ, какъ самостоятельную часть рѣчи, членъ (различіе), хотя замѣчаетъ, что въ славянскомъ языкѣ не можетъ быть такаго широкаго примѣненія члена, какъ въ греческомъ. Славянскому языку свойственно только одно различіе,— *иже*, съ различными родами и склоненіемъ по падежамъ.— Вотъ предъ нами образецъ грамматики греческаго языка, предназначенной для „усовершенствованія образа рѣчи“. Сухая, сжатая, ограничившая всю суть грамматики изложеніемъ элементарныхъ свѣденій по части этимологіи, она могла удовлетворять только самымъ скромнымъ требованіямъ относительно

[1]) Глаголъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: рѣчь есть часть слова не падающи, сказательна лицу и времени, дѣйству же и страсти, и обѣма вкупѣ, отъ коего лица дѣйствуется, или стражетъ, и въ кое время (ibid.).

грамматическаго образованія. Но мы не должны забывать, что это только первая часть грамматики. Къ ней тѣсно примыкаетъ вторая часть—орѳографія, имѣющая своею задачею научить писать правильно. Отъ разсматриваемой нами эпохи извѣстно пособіе по этому предмету монаха Ѳеогноста (ок. 830 г.), посвященное авторомъ императору Ѳеофилу [1]). Какъ продолженіе грамматическаго образованія мыслилась оксіографія [2]). Не стояла особнякомъ и метрика. Правда, мы не имѣемъ опредѣленнаго указанія на постановку въ школахъ просодіи, какъ предмета преподаванія, но необходимость знакомства съ правилами ея предполагается изъ часто встрѣчаемаго обычая того времени писать стихами.—На ряду съ изученіемъ грамматики шло чтеніе авторовъ, изученіе „исторіи“ (ἱστορίας), какъ выражается біографъ патріарха Меѳодія. Это было не только въ духѣ партіи, ратовавшей за классическое образованіе, но и сторонниковъ противной партіи [3]). Фотій рѣшительно настаиваетъ на необходимости при грамматическомъ образованіи широкаго знакомства съ литературой. Какъ учитель грамматики, онъ обращаетъ главное вниманіе на значеніе и употребительность словъ у классическихъ авторовъ [4]), при чемъ священные авторы идутъ у него рука

[1]) Bernhardy. 712 S. Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не могли найти этого интереснаго для насъ сочиненія.

[2]) О св. Меѳодіѣ біографъ его пишетъ: — Ὁ ἐκκλεκτὸς Θεῷ Μεθόδιος τὰς Συρακούσας ἔσχε πατρίδα, γονέων εὐκλεῶν καὶ πλουσίων υἱὸς γεγονώς· ἐν αἷς πᾶσαν γραμματικῆς τέχνην καὶ ἱστορίας ὀρθογραφίαν τε καὶ ὀξυγραφίαν κατορθωκὼς ἐκ παιδός (c. 1, 2. Migne. t. 100, 1245 col.).

[3]) Напр. Іоаннъ Дамаскинъ обнаруживаетъ знакомство съ классическою литературою и многимъ пользуется изъ нея въ своемъ «Точномъ изложеніи православной вѣры». Ѳеодоръ Студитъ не лишенъ знакомства съ древними произведеніями и въ своей перепискѣ приводитъ многіе примѣры изъ нихъ.

[4]) Для примѣра укажемъ на qu. 706 ad Amphiloch. Фотій разрѣшаетъ одинъ изъ неважныхъ грамматическихъ вопросовъ—что значитъ плеоназмъ глагола εἰμί? Ἡ τοῦ εἰμὶ παρολκὴ въ сложной рѣчи, когда ему предшествуетъ мѣстоимѣніе ἐγώ, часто встрѣчается въ священныхъ книгахъ, и это не бываетъ однако причиною солецизма (ἀλλ' οὐδεμίαν διὰ τοῦτο σολοίκῳ γλώσσης αἰτίαν παρέχεται). Если сомнѣваешься, то посмотри:—ἔνιοί τινες, σφᾶς αὐτούς, ἀπῆλθεν ἔχων—весьма часто употребляются въ греческихъ книгахъ, и такъ перестань недоумѣвать. Ясно, что τινες въ соединеніи съ словомъ ἔνιοι, σφᾶς съ αὐτούς не иное что значитъ, какъ то же самое, что обозначается присоединенными къ нимъ словами. Отсюда, это плеоназмъ, фигура рѣчи, а не солецизмъ. И ἔχων въ соединеніи съ ἀπῆλθες, или съ βαδίζεις, или съ σπεύδεις излишнее слово въ сложной рѣчи, у софистовъ твоихъ не иное что, какъ плеоназмъ.... Употребляя неопредѣленное наклоненіе εἰμί съ причастіемъ (хотя немногіе между аттиками пользуются фразою ἐκὼν εἶναι, какъ украшеніемъ рѣчи), я

объ руку съ древне-классиками, какъ въ равной мѣрѣ образцовые [1]). „Изучать грамматику“ и „читать древнихъ авторовъ“ для Фотія были какъ бы равнозначащія выраженія [2]). Дальнѣйшее логическое образованіе, т. е. изученіе реторики и діалектики, сопровождалось также чтеніемъ классиковъ. Грекъ, даже къ эпоху упадка образованія, не могъ отказаться отъ знакомства съ своею родною древностію. Между классиками особеннымъ уваженіемъ пользовались: Гомеръ, Гезіодъ, Пиндаръ и трое трагиковъ, а также комики изъ александрійцевъ: Θеокритъ, Ликофронъ и Діонисій Περιεγετъ. Между прозаиками первое мѣсто занимали Геродотъ, Θукидидъ, политическія рѣчи Демосѳена, а также Ливанія. Пользовались византійцы также біографіями Плутарха и сочиненіями Діона Кассія, Филострата, и др. [3]). Само собою разумѣется, что до истиннаго взгляда на духъ и жизнь древняго міра не возвышались. Это было невозможно при новомъ порядкѣ вещей, при новомъ религіозномъ, нравственномъ и умственномъ образованіи.

Переходя къ постановкѣ другихъ предметовъ программы общеобразовательнаго свѣтскаго курса, мы должны замѣтить, что относительно того, въ какомъ порядкѣ слѣдовали одинъ за

знаю, ты станешь обвинять себя самого, что, обращаясь съ трудами ихъ и видя весьма ясно πλημμελῆ εἶναι и ничего незначущимъ, ты осмѣлился истолковать это солецизмомъ или по крайней мѣрѣ подозрѣвать его. Почему не боишься ты порицать священное и божественное писаніе, по причинѣ плеоназма εἰμί, называя его варварскимъ, когда онъ встрѣчается у тѣхъ и другихъ?.. (Migne. t. 101, 640—41 col.). Въ письмѣ къ Георгію Никомидійскому, составившемъ собою qu. 86 ad Amphiloch, Фотій сильно удивляется тому, что человѣкъ, занимающійся грамматикою и чтеніемъ поэтовъ, можетъ сомнѣваться еще въ томъ, что слово ἐγκομβώσασθαι (1 Петр. 5, 5) чисто эллинское, а не варварское. Употребленіе этого слова Фотій находитъ у древнихъ классиковъ (ibid. 557 col.).

[1]) Для Фотія въ качествѣ образцовъ для чтенія и грамматическаго упражненія имѣютъ равное достоинство сочиненія Платона, Аристотеля, Демосѳена, Фаларида и того, «кто предъ императорами былъ философъ, а для публики софистъ, т. е. Ливанія. «А если желаешь, продолжаетъ Фотій въ томъ же письмѣ къ Амфилохію, Кизическому митрополиту, σὺν τῷ χαρακτῆρι, καὶ πολλῶν ἄλλων καὶ μεγάλων συλλέξαι ὠφέλειαν, ἀρκήσει σοι Βασίλειος ὁ γλυκύς, καὶ ὁ κάλλιος, εἴ τις ἄλλος, ἐργάτης Γρηγόριος, καὶ ἡ ποικίλη καὶ τῆς ἡμετέρας αὐλῆς μοῦσα Ισίδωρος (Epist. l. II, 44. t. 102, 861 col.).

[2]) Вышецитованное письмо къ Георгію Никомидійскому—Θαυμάζω μάλιστα, εἰ καί σοι γραμματικευομένῳ, καὶ ταῖς τῶν ποιητῶν λεσχηνεύοντι μελέταις....

[3]) Bernhardy. Grundriss. d. gr. Litt. 685 S.

другимъ предметы преподаванія, въ памятникахъ существуютъ разногласія. Біографъ Ѳеодора Студита, говоря объ образованіи его, указываетъ прежде всего на грамматику, а вслѣдъ за нею ставитъ діалектику и, наконецъ, упоминаетъ уже о риторикѣ [1]). Діаконъ Игнатій, описавшій жизнь патріарха Никифора, за грамматикою ставитъ риторику, а діалектику считаетъ завершеніемъ свѣтскаго образованія. Математика занимаетъ мѣсто между риторикой и діалектикой [2]). Въ школахъ времени императрицы Ѳеодоры философія считается высшею наукою по сравненію съ другими предметами. Кедринъ философію также называетъ главою всѣхъ наукъ [3]). Словомъ, діалектика, „которую свѣдущіе въ ней обыкновенно называютъ философіей", которая по отношенію къ другимъ наукамъ считалась „госпожею", мыслится, какъ завершеніе свѣтскаго образованія и, нѣтъ сомнѣнія, занимала самое послѣднее мѣсто въ цѣпи предметовъ обычной школьной программы. Что касается другихъ, то вѣроятнѣе всего наблюдался порядокъ, указанный біографомъ патріарха Никифора. Значитъ риторика, какъ предметъ школьнаго преподаванія, слѣдовала непосредственно за грамматикой.— Что она занимала видное мѣсто въ ряду общеобразовательныхъ предметовъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Діаконъ Игнатій ставитъ на видъ въ своемъ учителѣ его риторическое образованіе. Не преминулъ упомянуть объ этомъ и монахъ Михаилъ, біографъ Ѳеодора Студита. Фотій считаетъ необходимымъ строгое соблюденіе „риторическихъ законовъ" (τῶν ῥητορικῶν νόμων) [4]). Но какъ была поставлена риторика, какова была ея программа, методъ преподаванія, что это за законы, о которыхъ упоминаетъ Фотій—все это вопросы, на которые рѣшительно нѣтъ никакой возможности дать положительный отвѣтъ. Характеристика риторическаго образованія патріарха Никифора въ устахъ его біографа слишкомъ неопредѣленна, чтобы на основаніи ея можно было сдѣлать какой либо выводъ. „Не трудно понять и то, пишетъ діаконъ Игнатій, какимъ оказался въ многозвучной свирѣли риторовъ этотъ сладкорѣчивый человѣкъ; ибо изгоняя изъ своей рѣчи все изысканное и многословное и все, что

[1]) n. 3.
[2]) Vit. S. Nic. См. выше, 140 стр.
[3]) См. выше, примѣчаніе 1-е къ 149 стр.
[4]) Epist. l. II, 90, t. 102, 901 col.

отзывается пустыми софистическими вымыслами и текучестію рѣчи, онъ старался придать ей особенную сладость и пріятность отчетливостію и чистотою композиціи". Это одинъ изъ блестящихъ отрывковъ, какіе мы имѣемъ для характиристики риторическаго образованія нашей эпохи. Но, признаемся, мы не можемъ извлечь изъ него чего либо пригоднаго для нашего вопроса. Не болѣе разъясняетъ дѣло и слѣдующее замѣчаніе Фотія о реторикѣ. „Не думай, писалъ Фотій къ Георгію никомидійскому, что я разумѣю подъ мудростію ту силу и способность разглагольствовать, которая отличается изысканностію и напыщенностію (τὴν περίεργον ταύτην καὶ σοφοῦσαν), разукрашиваетъ естественную красоту слова поддѣльными цвѣтами и приправами (φαρμάκοις) и старается обратить на себя вниманіе накладными красками, но съ другой стороны и не ту я разумѣю, которая вслѣдствіе какой-то угрюмости и нелюдимости не хочетъ облечься ни въ какую свѣтлую одежду (ἐπ' οὐδενὶ χρηστῷ ὑποδύεται), но, окружая себя непроницаемымъ мракомъ, думаетъ болѣе внушить къ себѣ уваженіе въ людяхъ неученыхъ и простыхъ (τοὺς ἀμαθεῖς καὶ ἀγελαίους) и сдѣлать изъ нихъ своихъ слѣпыхъ поклонниковъ; наконецъ и не ту разумѣю, которая соревнуетъ своенравію поэтовъ, гоняясь за новѣйшими оборотами и забавляясь ими. Но ту я считаю мудростію, которая возвѣщаетъ мудро, учитъ общепонятно, прежде всего назидаетъ, одна убѣждаетъ и при посредствѣ сродныхъ мыслей знаменательно объясняетъ сущность вещей (Αλλ' ἐκείνην ἔγωγέ φημι, ὅση σώφρων μὲν ἀπαγγέλλειν, κοινὴ δὲ διδάσκειν, πρώτη δὲ παιδεύειν, μόνη δὲ συμπείθειν, εὔσημος δὲ διὰ τῶν συγγενῶν νοημάτων τὴν τῶν πραγματων φύσιν ἀναπτύσσειν) и если гдѣ бываетъ нужна особенная выразительность, то таинственно и вмѣстѣ совершенно раскрываетъ истину сокровенныхъ предметовъ. Вотъ свойства естественнаго, изящнаго и полезнаго въ жизни краснорѣчія". (Ταῦτα μὲν γὰρ τῆς ἐμφύτου, καὶ κοσμίας, καὶ βιωφελοῦς τοῦ λόγου σοφίας) [1]). Къ такому взгляду Фотій пришелъ, сравнивъ между собою краснорѣчіе ап. Павла съ краснорѣчіемъ Платона. Если предположимъ, что этотъ взглядъ былъ общеустановившимся, то и въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть только понятіе о духѣ церковно-реторическаго образованія. Фотій описываетъ образъ цер-

[1]) Ad. Amphiloch. quaestio 92. Migne. t. 101, 584—585 col.

ковнаго оратора—учителя. Но отсюда ничего нельзя вывести, какія требованія предъявляла свѣтская реторика, ораторство, какъ предметъ школьнаго преподаванія, что болѣе всего при реторическомъ образованіи имѣли въ виду учившіе и учившіеся, какъ широка была программа реторики, по какому методу преподавалась она и т. п. Остается только сослаться на авторитетъ византологовъ, которые изучали долго греческую литературу и могли прійдти къ слѣдующимъ выводамъ на этотъ счетъ: „Реторика представляла изъ себя сухое и полное отвлеченностей толкованіе на Гермогена и Афтонія, сопровождаемое обычными школьными упражненіями, которыя имѣли однако мало практическаго достоинства и не производили никакого вліянія на стиль“ [1]). Значитъ, и въ этой области византійцы пробавляются завѣщаннымъ наслѣдіемъ предковъ, мало приспособляя его къ современнымъ нуждамъ и потребностямъ.

Также мало знаемъ мы о постановкѣ математическихъ наукъ. Біографъ патр. Никифора слишкомъ сухо говоритъ объ этомъ. Правда, у него мы находимъ указаніе на раздѣленіе всей математики на четыре основныхъ отрасли, изъ которыхъ каждой дается очень темное опредѣленіе. „Математическая четверица слагается или изъ терминовъ постоянныхъ, или терминовъ раздѣльныхъ, потому что или движется и образуетъ астрономію, или остается неподвижною, и образуетъ геометрію, или, опять, имѣетъ дѣло съ отношеніями и образуетъ музыку, или стоитъ внѣ отношеній, и образуетъ ариѳметику“. Ясно, что авторъ представляетъ всѣ математическія науки имѣющими своимъ предметомъ одну и туже сущность—числа. Если каждое число, абстрактно разсматриваемое, берется безъ всякаго отношенія къ другимъ, то это будетъ составлять предметъ ариѳметики. Отношеніе чиселъ между собою даетъ матеріалъ для музыки. Хотя числа сами по себѣ суть понятія абстрактныя, однако, выплощаясь въ матеріи, онѣ даютъ право на существованіе еще двумъ наукамъ—астрономіи и геометріи. Первая имѣетъ дѣло съ тѣлами подвижными, вторая—недвижимыми.—Болѣе ясное и гораздо проще выраженное опредѣленіе предмета математическихъ наукъ находимъ мы у Іоанна Дамаскина въ его діалектикѣ. Математику онъ трактуетъ, какъ часть философіи и, въ противоположность физіологіи, считаетъ ея предметомъ

[1]) Bernhardy. Gresch. d. gr. Litt. 635 S.

само по себѣ безтѣлесное; но созерцаемое въ тѣлахъ [1]). Наука, занимающаяся числами, есть ариѳметика, звуками—музыка, фигурами—геометрія. Астрономія имѣетъ своимъ предметомъ свѣтила небесныя. Но кромѣ такихъ и подобныхъ опредѣленій предмета математическихъ наукъ, мы почти ничего не имѣемъ для рѣшенія вопроса объ ихъ постановкѣ, объемѣ и методѣ преподаванія.

Ариѳметика, имѣвшая своимъ предметомъ числа внѣ ихъ отношеній, какъ предметъ преподаванія высшихъ школъ, едва-ли преслѣдовала практическія цѣли. Скорѣе всего задачею ея ставили мистическое, таинственное толкованіе чиселъ. Для Ѳеодора Студита эта сторона ариѳметики должна была имѣть важное значеніе, такъ какъ въ глазахъ его числа имѣли таинственный смыслъ. Въ одномъ изъ писемъ его мы находимъ интересную въ этомъ отношеніи загадку. Въ письмѣ къ Навкратію онъ обращается съ воззваніемъ къ Ѳаддею, потерпѣвшему мученическую кончину: „за сто тридцать ударовъ ты получилъ совершенную награду за подвиги вмѣстѣ съ мучениками отъ святой Троицы; такъ какъ первое изъ этихъ чиселъ *означаетъ совершенство, а второе Троицу и изъ самаго мученія твоего Богъ явилъ величіе твое*“ [2]). Сто, а слѣдовательно, если принять во вниманіе общее правило толкованія чиселъ, что значеніе единицъ не измѣняется отъ прибавленія нѣсколькихъ нулей съ правой стороны, десять и единица вообще означаютъ совершенство. Три, тридцать, триста и т. д. указываютъ на Троицу. Неизвѣстный авторъ догматической панопліи, жившій въ началѣ нашей эпохи, изслѣдовавъ вопросъ объ ѵпостасномъ соединеніи природъ во Христѣ, какъ одинъ изъ аргументовъ находитъ въ слѣдующемъ: „Не нужно забывать и того, что нѣкоторые свѣдущіе въ ариѳметикѣ число два не назвали совершеннымъ числомъ, но началомъ и введеніемъ къ совершенному и первому числу, возводящему къ тремъ“ [3]). Итакъ, свѣдущіе въ ариѳметикѣ отыскивали въ числахъ таинственный

[1]) Μαθηματικὸν δὲ ἡ τῶν καθ' αὑτὰ μὲν ἀσωμάτων, ἐν σώμασι δὲ θεωρημένων, γνῶσις (Dialect. 3).

[2]) Epistol. l. II, 5. t. 99, 1125 col. Твор. ч. 2, 12 стр.

[3]) Ἵνα δὲ καὶ τοῦτο μὴ λάθωμεν, δεῖ γινώσκειν, ὅτι τινὲς τῶν τὴν ἀριθμητικὴν ἐπιστήμην ἠκριβωμένων, τὰ δύο οὐκ εἶπαν εἶναι ἀριθμὸν τέλειον, ἀλλ' ἀρχὴν καὶ εἰσαγωγία πρὸς τὸν τέλειον καὶ πρῶτον ἀριθμὸν τὸν τὰ τρία ἐπάγοντα (quaestio VI, п. 6. 620 p. ed. Mai. Patrum nova bibliotheca. t. II).

смыслъ. Конечно, подобный мистицизмъ не есть порожденіе этого именно времени, а наслѣдіе отъ давно минувшихъ дней.

Что касается геометріи, то, конечно, при изученіи ея могли преслѣдовать скорѣе всего практическія цѣли. Рѣшеніе формулъ геометрическихъ служило переходною ступенью къ измѣренію тѣлъ, площадей и т. п.

Какъ высоко представлялъ себѣ грекъ значеніе и важность этой науки, можно составить приблизительное понятіе по разсказу продолжателя, Ѳеофана о судьбѣ извѣстнаго Льва Математика. Этотъ послѣдній изучаетъ ее на островѣ Андросѣ. Возвратившись въ Константинополь, онъ преподаетъ ее на ряду съ другими предметами. Ученикъ его, взятый въ плѣнъ сарацинами, своими геометрическими познаніями удивляетъ Аль-Мамума. Далѣе, открывается школа въ магнаврскомъ дворцѣ, и каѳедра геометріи является самостоятельною. Императоръ Константина Порфирогенетъ, по словамъ Кедрина, обращаетъ на нее особенное вниманіе.

Музыка, какъ предметъ школьнаго преподаванія, болѣе всего понималась въ смыслѣ пѣнія и преимущественно церковнаго. Это и естественно въ виду того, что все образованіе окрашивается колоритомъ церковности. Характерно выражается въ этомъ случаѣ діаконъ Игнатій: „Музыкальную лиру настроивалъ онъ, т. е. патр. Никифоръ, не такую, какую Пиѳагоръ Самосскій и какую обольститель Аристоксенъ, а скорѣе сто пятидесяти струнную“,—иначе говоря, Никифоръ былъ прекрасный пѣвецъ церковныхъ пѣсней и псалмовъ. На церковныя пѣснопѣнія, особенно въ монастырскихъ школахъ, должны были обратить большое вниманіе, когда изъ нихъ, по выраженію біографа Ѳеодора Студита, „выходили очень умные писцы и пѣвцы, составители кондаковъ и другихъ пѣснопѣній, знатоки напѣвовъ и писатели стихиръ о Христѣ“ [1]). Замѣчательно, что даже школы внѣ монастырскихъ стѣнъ предметомъ музыкальнаго образованія имѣли пѣсни церковнаго характера. Преподобный Ѳеодоръ Студитъ горько сѣтуетъ не на перемѣну въ направленіи школьнаго музыкальнаго образованія, а на извращеніе сущности, догматической стороны пѣснопѣній. „Все у насъ бѣдственно и достойно слезъ, писалъ онъ къ іерусалимскому

[1]) Vita S. Theod. Stud. n. 29. t. 99, 273 col. Твор. 1, 44 стр.

патріарху. Запрещаются преданныя отъ древнихъ пѣснопѣнія, въ которыхъ воспѣвается что-нибудь объ иконахъ; напротивъ поются *новыя съ явно выраженнымъ нечестивымъ ученіемъ* (ἀντᾴδεται τὰ ἀσεβῆ νέα δόγματα εἰς προὔπτον κείμενα), преподаваемымъ и дѣтямъ учителями. Самое безбожное низвращеніе всего“ [1]). На ряду съ пѣніемъ вѣроятно преподавались кое-какія свѣденія по части инструментальной музыки и даже научная теорія звуковъ. По крайней мѣрѣ діаконъ Игнатій даетъ указаніе на это въ своемъ опредѣленіи музыки и характеристикѣ музыкальнаго образованія патр. Никифора.

Предметомъ астрономіи были свѣтила небесныя. Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ „Точномъ изложеніи православной вѣры“ прекрасно съумѣлъ воспользоваться наслѣдіемъ астрономическихъ познаній предковъ. Унего мы находимъ свѣденія объ устройствѣ неба, формѣ и размѣщеніи тѣлъ небесныхъ, о свѣтилахъ. звѣздахъ и планетахъ, о причинахъ перемѣны дней и ночей, временъ года, о кометахъ, солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ, о лунномъ годѣ, о причинахъ его краткости сравнительно съ солнечнымъ, о фазисахъ луны, о знакахъ зодіака и т. под. [2]). Это небесная астрономія. Но не оставались византійцы несвѣдущими и по части физической астрономіи. По крайней мѣрѣ Дамаскинъ долго занимается стихіями воздушными и влажной землею и ея свойствами, формою и т. под. [3]).

Разсмотрѣвъ постановку „служанокъ истинной науки“, перейдемъ къ госпожѣ ихъ, т. е. философіи. Послѣдняя пользовалась особеннымъ уваженіемъ грека въ этотъ періодъ и почти исключительно въ лицѣ двухъ замѣчательнѣйшихъ представителей—Платонѣ и Аристотелѣ. Трудно сказать, кого изъ нихъ вліяніе было болѣе сильно въ качественномъ отношеніи. Аристотель, разъ получившій права гражданства въ христіанскихъ школахъ, считается необходимѣйшимъ предметомъ изученія и научнаго образованія. Правда, Платонъ не имѣлъ такаго широкаго примѣненія въ школахъ, но за то къ нему обращалось избранное число мыслителей всякій разъ, когда чувствовалось сильное возбужденіе мысли въ область безконечнаго.

Въ разсматриваемое нами время преобладающимъ вліяніемъ

---

[1]) Epistol. l. II, 15. 1164 col. Твор. 2 ч. 53 стр.
[2]) Кн. II, гл. 6—7.
[3]) Ibid. гл. 8—10.

пользовался Аристотель. Еще въ VI вѣкѣ извѣстный александрійскій ученый, Іоаннъ Филопонъ, плодовитый и многосторонній писатель и къ тому-же величайшій поклонникъ и почитатель Аристотеля, постарался дать широкое примѣненіе аристотелевской логикѣ къ области христіанской догматики. Дѣло не обошлось безъ крайностей,—предпринявшій попытку впалъ въ ересь. Выяснено было, что это и не могло быть иначе, если принять основные принципы аристотелевской діалектики безъ всякаго измѣненія. Но хотя первый опытъ сближенія философіи Стагирита съ христіанской догматикой былъ неудаченъ, однако по обстоятельствамъ того времени всѣ сознали важность примѣненія діалектическихъ пріемовъ на христіански-догматической почвѣ. Еретичество Филопона не производитъ надлежащаго впечатлѣнія. Винятъ не философію Аристотеля, а неумѣлое ея примѣненіе, крайнее увлеченіе ею. Являются попытки гарантировать людей, занимающихся богословіемъ, отъ повторенія подобныхъ же явленій. Іоаннъ Дамаскинъ принимаетъ на себя трудъ обработать христіанскую діалектику. Результаты философской мысли Аристотеля подвергаются измѣненіямъ приспособительно къ потребностямъ христіанской догматики, ко времени Дамаскина уже точно и опредѣленно выработанной, но не приведенной еще въ систему. Мы видѣли уже, что христіанскій богословъ для достиженія своихъ цѣлей на ряду и подлѣ Аристотеля вводитъ Платона. Но со стороны формальной Аристотель беретъ перевѣсъ. Для Фотія, который въ духѣ своей эпохи считалъ дѣломъ совершенно излишнимъ подниматься въ область безпредѣльнаго и не безопаснымъ для такого времени, которое располагало „Точнымъ изложеніемъ православной вѣры“, философія Аристотеля является божественною. Напротивъ, Платона и его философію онъ очень часто порицаетъ. Въ его „Республикѣ“ Фотій отыскиваетъ противорѣчія, неясность и далеко непрактичныя мысли. Онъ смѣется надъ теоріей Платоновыхъ идей, надъ ученіемъ его о твореніи и т. п. [1]).

Отъ разсматриваемой нами эпохи сохранилось два учебника: Іоанна Дамаскина и Фотія. Понятно, что преимущественное вниманіе мы должны остановить на первомъ, такъ какъ послѣдній,

[1]) Hergenröther. Photius Patr. von Constant: 1, 326—327 S.

какъ увидимъ немного послѣ, повторяетъ, съ незначительными видоизмѣненіями, трудъ Дамаскина.

Философію Іоаннъ Дамаскинъ опредѣляетъ, какъ познаніе сущаго въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ [1]), природы вещей, божественнаго и человѣческаго, видимаго и невидимаго. Далѣе онъ трактуетъ ее, какъ любовь къ мудрости, подражаніе Богу, искусство всѣхъ искусствъ, знаніе высшее всѣхъ знаній [2]).—Философія раздѣляется на спекулятивную и практическую. Къ первой относятся: богословіе, физіологія и математика; ко второй—этика, экономія и политика. Богословіе имѣетъ своимъ предметомъ безтѣлесное, нематеріальное и первѣе всего, конечно, Бога, чуждаго матеріальности, а потомъ ангеловъ и души. Физіологія занимается предметами матеріальными, каковы суть: животныя, камни, растенія и т. под. Математика имѣетъ предметомъ своихъ изслѣдованій хотя и безтѣлесное, но въ тѣлахъ созерцаемое. Практическая философія разсматриваетъ добродѣтели, предписываетъ нормы жизни и, если рекомендуетъ ихъ отдѣльнымъ личностямъ, то называется этикою, извѣстному обществу—экономіей и, если, наконецъ, городамъ и странамъ—то политикой.

Философія, какъ наука о сущемъ, должна начинаться онтологіей. Все существующее раздѣляется на субстанціи и акциденціи. Субстанціей называется то, что существуетъ само въ себѣ и не нуждается ни въ чемъ другомъ для своего бытія. Акциденція, напротивъ, существуетъ только въ другомъ [3]). Субстанція есть субъектъ, подлежащее вещи, ὥσπερ ὕλη τῶν πραγμάτων; а акциденція—признакъ, какъ форма, краска и т. п. То и другое въ языкѣ обозначается извѣстными словами. Но философія не пользуется всѣми словами, практикующимися въ обыденной жизни. Не говоря уже о нечленораздѣльныхъ звукахъ, не выражающихъ ничего опредѣленнаго, или о звукахъ, имѣющихъ опредѣленное значеніе, но не выражаемыхъ пись-

---

[1]) Φιλοσοφία ἐστὶ γνῶσις τῶν ὄντων ἢ ὄντα ἐστὶ (c. 3).

[2]) Φιλοσοφία ἐστὶ τέχνη τεχνῶν, καὶ ἐπιστήμη ἐπιστημῶν· ἡ γὰρ φιλοσοφία ἀρχὴ ἐστι πάσης τέχνης (ibid.). Всѣ опредѣленія философіи сгруппированы въ 41 гл. діалектики.

[3]) Οὐσία ἐστὶ πρᾶγμα αὐθύπαρκτον, καὶ μὴ δεόμενον ἑτέρᾳ πρὸς ὕπαρξιν. Συμβεβηκὸς δέ ἐστι, τὸ μὴ δυνάμενον ἐν ἑαυτῷ εἶναι, ἀλλ' ἐν ἑτέρῳ ἔχον τὴν ὕπαρξιν (c. 4).

менно, даже и наименованія отдѣльныхъ частныхъ предметовъ (vox particularis) не имѣютъ приложенія въ философіи. Философія пользуется только универсалами, словами, обозначающими сущность вещи, или качества ея. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ различіе (διαφορά). Въ первомъ можетъ получаться и родъ и видъ: *родъ*—когда сущность вещи характеризуется многими предметами различными по виду и *видъ*—различными по числу. Напримѣръ, понятіе животнаго приложимо и къ человѣку, и къ коню, различнымъ по виду, а человѣка—только къ Петру, Ивану, Алексѣю и т. д., различнымъ по числу. Индивидуумы, на которые распадается видъ, различаются между собою нѣкоторыми особенностями (ἴδιον), въ силу которыхъ мы имѣемъ возможность отличать Петра отъ Ивана и т. д. Но если извѣстная особенность принадлежитъ не одному индивидууму, а вмѣстѣ и многимъ другимъ, тогда получается случайный признакъ (συμβεβηκός). Въ такомъ видѣ излагается у Дамаскина ученіе о понятіяхъ.

Раздѣленіе (διαίρεσις) Дамаскинъ опредѣляетъ, какъ первое дѣленіе вещи (πρώτη τομή). Вторичное дѣленіе (ἐπιδιαίρεσις) отличается отъ подраздѣленія (ὑποδιαίρεσις) тѣмъ, что первое относится къ цѣльной вещи и есть только второе дѣленіе ея (δευτέρα τομή), а послѣднее есть дѣленіе части (ἡ τοῦ τμηθέντος σκέλης τομή). Восемь видовъ дѣленій различаетъ Дамаскинъ: если что дѣлится, то дѣлится или по своему существу, или по акциденціямъ. Въ первомъ случаѣ оно дѣлится или какъ вещь (πρᾶγμα), или какъ названіе (звукъ φωνή): какъ *вещь*—когда родъ дѣлится на виды, видъ—на индивидуумы, цѣлое—на свои части и какъ *названіе*—когда омонимъ разлагается на слова по различному значенію послѣднихъ. Дѣленіе по акциденціямъ бываетъ въ слѣдующихъ случаяхъ: или субстанція дѣлится на свои акциденціи, или акциденціи по субстанціямъ, или, наконецъ, акциденція на акциденціи. Далѣе, бываетъ дѣленіе *отъ одного* (ἀφ' ἑνός), какъ медицина—лечебникъ, медицинскій аппаратъ, *къ одному* (πρὸς ἕν), какъ лекарство, діэта, предполагающія одну цѣль—здоровье.—Въ цѣпи дѣлящихся предметовъ природа занимаетъ первое мѣсто, потому что цѣлое выше своихъ составныхъ частей, какъ родъ выше вида и этотъ послѣдній выше индивидуумовъ. На раздѣленіи основывается *опредѣленіе* вещи, которое Іоаннъ Дамаскинъ характеризуетъ, какъ крат-

кую рѣчь, объясняющую сущность вещи. Опредѣленіе имѣетъ дѣло съ существенными признаками предмета, а описаніе, въ отличіе отъ него, съ случайными, хотя по формѣ то и другое между собою сходны. Отсюда, опредѣляться можетъ только субстанція, а акциденціи описываются. Омонимы, какъ слова обозначающія различныя вещи, по самому существу своему должны имѣть различныя значенія. Родъ есть одинъ изъ видовъ омонимовъ (τὸ γάρ γένος τῶν ὁμωνύμων ἐστί), и потому также имѣетъ троякое значеніе. Имъ указывается или на происхожденіе отъ извѣстныхъ родителей, или на родину, или, наконецъ, родомъ называется то, что дѣлится на виды (genus philosophicum). Поэтому родъ можетъ имѣть троякое опредѣленіе. Точно также и видъ можетъ значить: a) форму, напр. статуи и b) часть рода, то, на что дѣлится родъ. Только въ послѣднемъ значеніи видъ входитъ въ трактатъ философіи.

Видъ и родъ—понятія смѣжныя, имѣющія самую близкую между собою связь. Когда мы говоримъ о родѣ, то непремѣнно разумѣемъ и виды, и наоборотъ. Если безъ видовъ невозможенъ родъ, то и безъ послѣдняго немыслимъ видъ. Этого мало,—между этими двумя понятіями является болѣе тѣсная связь, когда опредѣленный видъ, будучи видомъ высшаго родоваго понятія, въ свою очередь является родомъ по отношенію къ низшимъ понятіямъ. Само собою разумѣется, восходя по степенямъ отъ низшихъ къ высшимъ понятіямъ, мы дойдемъ до такого общаго понятія, которое уже не можетъ быть видомъ по отношенію къ другому какому либо понятію, болѣе общему. Это есть γενικώτατον γένος, Наоборотъ, нисходя по степенямъ отъ высшихъ къ низшимъ понятіямъ, мы дойдемъ до такого вида, который не можетъ быть родомъ по отношенію къ какому либо низшему понятію. Это будетъ εἰδικώτατον εἶδος. Самый высшій родъ (γενικώτατον γένος) есть субстанція. Правда, бытіе (τὸ ὄν) раздѣляется на субстанцію и акциденціи, однако оно не есть родъ этихъ послѣднихъ понятій. Какъ субстанція, такъ и акциденціи принимаютъ только имя бытія (τοῦ ὄντος), но не опредѣленіе его. Бытіе опредѣляется и какъ то, что существуетъ въ себѣ и не нуждается ни въ чемъ другомъ для своего существованія, и какъ не существующее само по себѣ, но только на другомъ и при другомъ. Ясно, что субстанція допускаетъ только первую половину опредѣленія бытія, а ак-

циденція—вторую; но ни то, ни другое не принимаютъ его сполна. Субстанція опредѣляется сама чрезъ себя, видъ чрезъ субстанцію и никогда—чрезъ другой видъ. То, чѣмъ опредѣляется конь, неприложимо къ опредѣленію человѣка; но то, чѣмъ опредѣляется Иванъ, вполнѣ подходитъ и къ опредѣленію Петра. Видъ, если онъ раздѣляется, и свое имя и свое значеніе сообщаетъ низшимъ понятіямъ. Индивидуумъ, напротивъ, не имѣя себѣ подчиненнаго вида, не можетъ допускать дѣленія. Душа и тѣло, взятыя отдѣльно другъ отъ друга, не составляютъ понятія индивидуума. Если начать дѣленіе съ рода, то оно возможно только на два, на три, или самое большее, на четыре вида. Напротивъ, εἰδικώτατον εἶδος дѣлится на безчисленное множество индивидуумовъ, но не видовъ. Этимъ заканчивается у Дамаскина выясненіе понятій рода и вида.

Индивидуумы имѣютъ четыре значенія: a) этимъ именемъ называется недѣлимое, b) съ трудомъ дѣлимое, какъ алмазъ, c) видъ, который не можетъ дѣлиться на другіе виды, такъ называемый εἰδικώτατον εἶδος и d) наконецъ индивидуумомъ въ собственномъ смыслѣ называется то, что можетъ дѣлиться, но послѣ дѣленія не сохраняетъ своего перваго вида [1]). Напр. Петръ можетъ раздѣлиться на душу и тѣло, но ни то, ни другое не составятъ понятія Петра.—Различіе (διαφορά), качество и свойство по отношенію къ субъекту значатъ одно и тоже, но по энергіи и силѣ допускаютъ различіе. Это послѣднее можетъ трактоваться вообще (κοινῶς), въ собственномъ смыслѣ (ἰδίως) и въ самомъ тѣсномъ (ἰδιαίτατα). То, чѣмъ отличается видъ отъ вида, составляетъ собственно различіе. Но признаки, отличающіе одну группу индивидуумовъ отъ другой, составляютъ акциденціи, т. е., такой признакъ, который не принимается во вниманіе при опредѣленіи вещи, можетъ существовать и не существовать, не измѣняя сущности предмета.

Τό ἴδιον называется то, что a) принадлежитъ виду, но не всему, какъ знаніе геометріи, свойственное извѣстному индивидууму, но не всякому; b) то, что принадлежитъ всему виду, но не одному, какъ признакъ двуногаго; c) что свойственно всему виду и одному только, но не всегда, какъ сидѣть; d) наконецъ

---

[1]) Ἄτομον δὲ κυρίως λέγεται, ὅπερ τέμνεται μέν, οὐ σώσει δὲ μετὰ τὴν τομὴν τὸ πρῶτον εἶδος (c. 11).

то, что принадлежитъ одному виду, всему и всегда, какъ смѣхъ человѣку. Въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ принимаютъ τό ἴδιον философы. Отсюда, обычнымъ опредѣленіемъ τοῦ ἰδίου является то, что παντὶ καὶ μόνῳ τῷ εἴδει, καὶ ἀεὶ ὑπάρχει.

Всякое сужденіе кромѣ подлежащаго (субъекта) имѣетъ сказуемое (предикатъ). По своему объему сказуемое всегда бываетъ шире понятія подлежащаго или по крайней мѣрѣ равно ему. Видъ никогда не можетъ быть предикатомъ рода, какъ и индивидуумъ не бываетъ предикатомъ вида. Синонимъ бываетъ предикатомъ только въ томъ случаѣ, если субъектъ принимаетъ и имя, и опредѣленіе этого самаго имени. Для омонима достаточно и того, если субъектъ принимаетъ одно имя, но не опредѣленіе. Предикатъ, отвѣчающій на вопросъ: „что такое“ (ἡ ἐν τῷ τί ἐστι κατηγορία) отличается отъ предиката, отвѣчающаго на вопросъ „какое“ (ὁποῖόν τί ἐστι) тѣмъ, что въ первомъ случаѣ предикатомъ бываетъ родъ и видъ, во второмъ—различіе, существенные и случайные признаки. Ἄλλο καὶ ἄλλο въ отличіе отъ ἄλλος καὶ ἄλλος указываетъ на качество, тогда какъ послѣднее—на число.

Всѣ вышеуказанные виды понятій, какъ субъекты предложеній, при существенномъ сходствѣ между собою въ томъ, что всѣ они требуютъ въ качествѣ предиката понятіе болѣе широкое по объему, имѣютъ и существенное различіе въ этомъ отношеніи. Въ то время, какъ для рода предикатомъ бываетъ понятіе большее и различное *по виду* (γένος κατὰ πλειόνων καὶ διαφερόντων τῷ εἴδει ἐν τῷ τί ἐστι κατηγορεῖται), для вида—*по числу* (τῷ ἀριθμῷ), для различія—*по количеству* и т. д.

Послѣ этого замѣчанія о сходствѣ и различіи для разныхъ понятій въ сочетаніи субъекта съ предикатомъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ разбираетъ соотношеніе между собою всѣхъ указанныхъ понятій и затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, что такое οὐσία, φύσις, форма, индивидуумъ, лицо и ипостась. Первѣе всего онъ останавливаетъ свое вниманіе на томъ, какъ опредѣлялись эти термины въ устахъ философовъ. Послѣдніе подъ οὐσία разумѣютъ простое бытіе (τὸ ἁπλῶς εἶναι), а подъ природою (φύσις) — οὐσίαν, надѣленную извѣстными признаками, которая есть принципъ (ἀρχὴ), причина (αἰτία) и сила (δύναμις), вложенныя Творцомъ въ каждый видъ, благодаря чему онъ можетъ отправлять ту или другую дѣятельность. Иначе говоря,

ταύτην ἐκάλεσαν φύσιν, ἤγουν τὰ εἰδικώτατα εἴδη, какъ ангела, человѣка, коня и т. д. Болѣе частное бытіе (τὸ μερικώτερον) они называли ипостасью.

По представленію святыхъ отцовъ εἰδικωτατον εἶδος есть и субстанція, и природа, и форма. Индивидуума они называютъ лицомъ и ипостасью (πρόσωπον καὶ ὑπόστασιν). Но ипостась заключаетъ въ себѣ и субстанцію и акциденцію и такимъ образомъ является существующею сама чрезъ себя и познается чувствами, поелику проявляется въ дѣятельности [1]). Каждая ипостась отличается отъ другой чѣмъ нибудь, какими либо признаками. Эти послѣдніе у отцовъ называются χαρακτηριστικὰ ἰδιώματα.

Приступая къ изложенію своего мнѣнія о столь важномъ предметѣ, Іоаннъ Дамаскинъ предпосылаетъ короткія замѣчанія о синонимахъ, омонимахъ и т. д.

Οὐσί-ей, по Дамаскину, называется то, что существуетъ въ себѣ и не нуждается ни въ чемъ для своего бытія, или то, что существуетъ само въ себѣ и не имѣетъ своего бытія въ другомъ, слѣдовательно, не чрезъ другое, ни въ другомъ имѣющее свое бытіе, не нуждающееся для своего бытія ни въ чемъ другомъ, но существующее въ себѣ самомъ и дающее бытіе случайнымъ признакамъ [2]). Φύσις есть начало движенія и покоя сущаго. Ясно, что это есть ни что иное, какъ οὐσία, потому что и послѣднее есть причина (αἰτία) движенія и покоя [3]). Формою называется οὐσία, получившая опредѣленный видъ отъ извѣстныхъ признаковъ. Въ этомъ случаѣ она уже означаетъ εἰδικώτατον εἶδος [4]). Послѣдній потому и называется формою, что онъ есть οὐσία μεμορφωμένη. Святые отцы называютъ его

---

[1]) Ἡ δὲ ὑπόστασις θέλει ἔχειν οὐσίαν μετὰ συμβεβηκότων, καὶ καθ' ἑαυτὴν ὑφίστασθαι, καὶ αἰσθήσει, ἤγουν ἐνεργείᾳ θεωρεῖσθαι (с. 30).

[2]) Οὐσία ἐστὶ πρᾶγμα αὐθύπαρκτον, μὴ δεόμενον ἑτέρου πρὸς σύστασιν· καὶ πάλιν· οὐσία ἐστὶ πᾶν ὅτιπερ αὐθυπόστατόν ἐστι, καὶ μὴ ἐν ἑτέρῳ ἔχει τὸ εἶναι· ἤγουν τὸ μὴ δι' ἄλλο ὄν, μηδὲ ἐν ἑτέρῳ ἔχον τὴν ὕπαρξιν, μὴ δεόμενον ἑτέρου πρὸς σύστασιν· ἀλλ' ἐν ἑαυτῷ ὄν, ἐν ᾧ καὶ τὸ συμβεβηκὸς ἔχει τὴν ὕπαρξιν (с. 39).

[3]) Φύσις ἐστὶν ἀρχὴ τῆς ἑκάστου τῶν ὄντων κινήσεώς τε καὶ ἠρεμίας... Αὕτη δὲ οὐδὲν ἕτερόν ἐστιν, εἰ μὴ οὐσία· ἐκ γὰρ τῆς οὐσίας ἔχει τὴν τοιαύτην δύναμιν, ἤγουν τὴν κίνησιν, καὶ ἠρεμίαν· Καὶ ἡ οὐσία ἐστὶν ἡ αἰτία τῆς κινήσεως αὐτῆς καὶ ἠρεμίας (с. 40).

[4]) Μορφή ἐστιν ἡ ὑπὸ τῶν οὐσιωδῶν διαφορῶν οἱονεὶ μορφωθεῖσα, καὶ εἰδοποιηθεῖσα οὐσία, ἥτις σημαίνει τὸ εἰδικώτατον εἶδος (с. 41).

безразлично сущностію, природою, формою [1]) и индивидуумы, которые находятся ὑπὸ τό αὐτὸ εἰδικώτατον εἶδος, они считаютъ подобными по существу, природѣ, виду, по роду и формѣ. Несходные они относятъ къ различнымъ видамъ. Субстанція въ соединеніи съ другою субстанціей, видъ съ видомъ, форма съ формою всегда даютъ возможность различать составныя части ихъ. Изъ двухъ субстанцій или природъ нельзя образовать одной сложной природы; но легко образуется ѵпостась. Такъ человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Хотя говорится, что природа людей одна, однако никто не станетъ утверждать, что единичный человѣкъ состоитъ изъ одной природы. Одною человѣческая сложная природа называется потому, что всѣ ѵпостаси людей подводятся подъ одинъ видъ; но отдѣльная ѵпостась состоитъ изъ двухъ природъ—души и тѣла.

Ѵпостасью иногда называется простое бытіе (ἡ ἁπλῶς ὕπαρξις), при каковомъ опредѣленіи не дается различія между ѵпостасью и οὐσία. Поэтому нѣкоторые святые отцы говорили τὰς φύσεις, ἤγουν τάς ὑποστάσεις, сущности или ѵпостаси. Ѵпостасью называется также самостоятельное, отдѣльное бытіе, существующее чрезъ себя (καθ' αὐτό καὶ ἰδιοσύστατος ὕπαρξις), слѣдовательно индивидуумъ. Ни субстанція, надѣленная формою и видомъ, ни видъ, ни существенные и случайные признаки не существуютъ per se, но одни только индивидуумы и ѵпостаси, въ которыхъ все вышеназванное познается. Простая субстанція (ἡ ἁπλὴ οὐσία) познается во всѣхъ ѵпостасяхъ; различія (αἱ δὲ οὐσιώδεις διαφοραί) только въ нѣкоторыхъ ѵпостасяхъ, принадлежащихъ къ опредѣленному виду. То, что соединено въ субстанціи, можетъ раздѣляться въ ѵпостасяхъ разновидныхъ. Подобнымъ образомъ и случайные признаки (τά συμβεβηκότα) даютъ возможность различать одну ѵпостась отъ другой одного и того же вида. Потому-то индивидуумъ и принимаетъ имя ѵпостаси, когда въ немъ реально существуетъ субстанція въ связи съ акциденціями.

Лицемъ (πρόσωπον) называется то, что чрезъ дѣятельность или качества въ нашихъ глазахъ отличается отъ другихъ по-

---

[1]) Οἱ οὖν ἅγιοι Πατέρες ἐπὶ τοῦ εἰδικωτάτου οἴδας τάσσουσι τὸ τῆς οὐσίας, καὶ φύσεως, καὶ μορφῆς ὄνομα, καὶ ταυτὸν λέγουσιν, οὐσίαν, καὶ φύσιν, καὶ μορφὴν τὸ εἰδικώτατον εἶδος (ibid.).

добныхъ же. Святые отцы ѵпостась, индивидуумъ и лице считаютъ за одно и тоже.

Ἐνυπόστατον въ строгомъ смыслѣ есть то, что не существуетъ само въ себѣ и отдѣльно, но только въ ѵпостасяхъ, какъ душа и тѣло въ человѣкѣ.

Ἀνυπόστατον называется иногда то, что совсѣмъ не существуетъ, а иногда и то, что не имѣетъ бытія въ себѣ, но въ другомъ, слѣд. акциденція.

Все сущее раздѣляется на субстанціи и акциденціи. Субстанція есть γενικώτατον γένος. Какъ высшее общее понятіе оно раздѣляется на виды, эти послѣдніе—на низшія понятія. Субстанція имѣетъ то или другое отношеніе къ акциденціямъ. Уже было замѣчено, что существенные признаки приложимы къ опредѣленію субстанціи. Въ ряду такихъ признаковъ или качествъ и свойствъ Дамаскинъ насчитываетъ извѣстные девять, отъ соединенія которыхъ съ субстанціей образуется десять категорій:

Количество (περί ποσοῦ) есть собраніе единицъ (σωρεία μονάδων). Конечно, единица не составляетъ количества, но соединеніе многихъ даетъ его. Количества бываютъ раздѣльныя и соединенныя. Соединеннымъ количествомъ называется такое, которое допускаетъ измѣреніе, но существуетъ только въ одномъ тѣлѣ. Раздѣльное представляетъ соединеніе различныхъ отдѣльныхъ тѣлъ. Вмѣстѣ соединеннымъ количествомъ называется такое, которое въ своихъ оконечностяхъ, крайнихъ пунктахъ соединяется съ другимъ. Таковы суть: линіи, поверхности, тѣла, мѣсто и время. Линія имѣетъ одно измѣреніе, поверхность—два, тѣло—три. Мѣсто—это крайніе пункты окружающаго извѣстный предметъ воздуха, время—предѣлъ извѣстной мѣры его. Отношеніе (πρὸς τι) указываетъ на положеніе предмета по отношенію къ чему нибудь, *качества*—на его качественную сторону (ποιότης ἐστὶ, καθ' ἣν ποιοί τινες ὀνομάζονται). Виды качествъ, различаемые Дамаскинымъ, суть слѣдующіе: a) состояніе, какъ добродѣтель и знаніе, b) возможность, c) пассивныя качества и d) форма или фигура. Категоріи τοῦ ποιεῖν καὶ πάσχειν дѣйствія и страданія получаютъ свое начало отъ качествъ тѣлъ (χρὴ γινώσκειν, ὅτι ἡ ποίησις καί ἡ πάθησις, ἤγουν ἡ ποιητικὴ δύναμις καὶ ἡ παθητικὴ, ὑπο τὴν ποιότητά εἰσι), τοῦ κεῖσθαι—отъ положенія вообще, τοῦ ποῦ — отъ положенія или

пребыванія въ извѣстномъ мѣстѣ, τοῦ πότε—въ извѣстное время. Категорія τοῦ ἔχειν указываетъ на способъ владѣнія чѣмъ либо.

Къ трактату о категоріяхъ тѣсно примыкаетъ не менѣе важный въ діалектикѣ Дамаскина трактатъ περὶ ἀντικειμένων—о противоположеніяхъ. Простѣйшая форма противоположенія—утвержденіе и отрицаніе. Далѣе Дамаскинъ различаетъ относительную противоположность, какъ тепло и холодъ и, наконецъ, недостатокъ или лишеніе чего либо, какъ слѣпота и зрѣніе. Есть еще виды противоположенія — безъ средины и съ срединою (ἄμεσα καὶ ἔμμεσα). Къ первому относится такое противоположеніе, одинъ членъ котораго необходимо присущъ предмету, напримѣръ болѣзнь и здоровье. Всякій одушевленный субъектъ необходимо долженъ чувствовать то или другое. Противоположеніе съ срединою не предполагаетъ съ необходимостію существованія въ предметѣ двухъ противоположныхъ признаковъ. Наконецъ, еще нѣкоторыя особенности различаетъ здѣсь Дамаскинъ: первѣе всего ту, что добру вообще противоположно зло. Но этому послѣднему можетъ противополагаться добро и другое какое либо зло. Слѣдовательно здѣсь возможно различать только недостатокъ какого либо качества и рѣшительное неимѣніе его. Въ одномъ и томъ-же индивидумѣ въ опредѣленное время не можетъ существовать двухъ противоположныхъ качествъ. Нельзя думать о существованіи ихъ на тѣхъ-же условіяхъ въ одномъ и томъ-же родѣ и видѣ. Послѣдняя особенность, которую замѣчаетъ здѣсь Дамаскинъ, это противоположность подъ однимъ и тѣмъ-же родомъ (ὑπὸ τὸ αὐτὸ γένος), какъ бѣлое и черное подъ краскою, или подъ различными родами (ὑπὸ τὰ ἐναντία γένη), какъ справедливость и несправедливость подъ добромъ и зломъ.

Выяснивъ затѣмъ различные виды τῆς ἕξεως καὶ στερήσεως т. е. владѣнія и лишенія, Дамаскинъ дѣлаетъ замѣчанія относительно того, что значитъ быть первымъ и послѣднимъ (περὶ πρότερα καὶ ὕστερα), существовать вмѣстѣ (περὶ τοῦ ἅμα) и находиться въ движеніи (περὶ κινήσεως). Движеніе есть дѣйствіе въ потенціи (ἐντελέχεια τοῦ δυνάμει καθὸ τοιοῦτόν ἐστι). Однако измѣненіе не есть движеніе. Понятіе противоположное движенію есть покой.

Послѣ краткаго замѣчанія о видахъ τοῦ ἔχειν, т. е. относительно того, въ какихъ значеніяхъ употребляется слово имѣть, Дамаскинъ переходитъ къ одной изъ важныхъ частей діалек-

тики—ученію о силлогизмахъ, чему, впрочемъ, предшествуетъ замѣчаніе объ утвердительныхъ и отрицательныхъ сужденіяхъ. Силлогизмъ трактуется, какъ самый важный видъ доказательства. Это послѣднее даже отожествляется съ силлогизмомъ. Каждый силлогизмъ долженъ состоять изъ двухъ посылокъ и третьяго заключенія. Подъ условіемъ вѣрности и правильности посылокъ можно ручаться и за вѣрность заключенія. Въ противоположномъ случаѣ является паралогизмъ. Каждая часть посылки называется терминомъ (ὅρος). Логика допускаетъ различные виды терминовъ: πρότασις (praepositio), πρόβλημμα (quaestio), πῦσμα (perconctatio), ἔνστασις (instantia), λημμάτιον (lemma), αἵρεσις (haeresis), κοινὴ ἔννοια (communis notio), θέσις (thesis). Сдѣлавъ болѣе подробное замѣчаніе о κοινὴ ἔννοια, Дамаскинъ переходитъ къ разъясненію σχέσεως т. е. видовъ общенія и соединенія. Здѣсь возможно различать: а) ἕνωσις κατὰ σύνθεσιν—соединеніе частей безъ ихъ уничтоженія (χωρὶς ἀφανισμοῦ περιχώρησις), каковое соединеніе святые отцы называли σύγκρασιν и συμφυίαν, хотя далеко не всѣ, и особенно не допускали его, когда вопросъ шелъ о соединеніи двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, b) ἕνωσις κατὰ ὑπόστασιν, подъ которымъ разумѣется объектъ, составленный изъ двухъ природъ (τὸ ἐκ διαφόρων φύσεων ὑφεστὼς πρᾶγμα), то, что познается въ одномъ лицѣ, но образовавшемся изъ двухъ предметовъ (τὸ ἐκ δύο μὲν πραγμάτων, ἐν ἑνὶ δὲ προσώπῳ γνωριζόμενον) и, наконецъ, природа, обратившаяся въ другую ипостась (ἡ ἑτέρα ὑποστάσει προστρέχουσα φύσις). Смѣшеніемъ (κράσις) называютъ взаимное проникновеніе тѣлъ и качествъ, личнымъ же единеніемъ (ἕνωσις προσωπικὴ)—замѣну ролей, согласіе, существующее, напримѣръ, между друзьями. Несторій присоединяетъ къ этому еще ἕνωσις по достоинству, по равенству чести, воли, благоволенія и имени. Въ ипостасномъ соединеніи природы соединяются и безъ смѣшенія и сліянія.

Еще разъ повторивши различныя опредѣленія философіи, Іоаннъ Дамаскинъ заканчиваетъ свой трактатъ о діалектикѣ замѣчаніями о методахъ.

Разобранная нами книга, послѣ своего появленія въ свѣтъ, быстро распространяется въ качествѣ учебника по предмету, которому грекъ не переставалъ оказывать особенное предпочтеніе среди другихъ наукъ. Конечно, школьная практика того времени допускала различныя отношенія къ учебникамъ. Менѣе

способные учителя по произволу сокращали ихъ. Дѣятельные, трудолюбивые, и болѣе способные дозволяли себѣ выходить изъ рамокъ намѣченныхъ учебниками [1]).

Къ числу такихъ-то болѣе или менѣе самостоятельныхъ преподавателей философіи принадлежалъ безъ сомнѣнія Фотій. Отъ него мы имѣемъ діалектику, вошедшую большею частію въ „quaestiones ad Amphilochium“. Главнымъ матеріаломъ для Фотія при составленіи его діалектики служили труды Аристотеля, Порфирія, Аммонія и Дамаскина [2]). Но такъ какъ послѣдній составлялъ свой учебникъ по тѣмъ же источникамъ, то въ діалектикѣ Фотія трудно отыскать что-либо новое сравнительно съ Дамаскинымъ. Подобно ему Фотій подъ философіей разумѣетъ всю сумму знаній о предметахъ физическихъ, нравственныхъ и метафизическихъ [3]). Какъ и Дамаскинъ, Фотій трактуетъ объ универсаліяхъ, десяти категоріяхъ, многое заимствуя у перваго почти буквально. По мѣстамъ, впрочемъ, у Фотія есть попытки сокращать Дамаскина.

Покончивъ съ постановкою предметовъ высшаго свѣтскаго образованія, мы должны перейти къ среднему и низшему.

Само собою разумѣется, вопросъ этотъ на столько несложенъ, что достаточно ограничиться короткими замѣчаніями. Среднее образованіе не представляло и не могло представлять чего-либо новаго по сравненію съ первымъ. Вся задача его состояла въ усвоеніи значительно сокращенной не только въ количественномъ, но и качественномъ отношеніи программы высшаго образованія. Общая программа высшихъ школъ сокращалась въ среднихъ первѣе всего въ числѣ предметовъ. Грамматика съ присоединеніемъ діалектики считалась совершенно достаточнымъ предметомъ средняго свѣтскаго образованія [4]). Къ этому необходимо присоединялся одинъ предметъ изъ области квадривіума—пѣніе. Съ качественной стороны учебный матеріалъ, какъ и слѣдовало ожидать, долженъ былъ сокращаться, подвергаться измѣненію, приспособительно къ потребностямъ учащихся юношей, а также примѣнительно къ способностямъ и талантамъ препо-

---

[1]) Hergenröther. Photius. 1, 327 S.

[2]) Ibid. 330 S.

[3]) Qu. ad Amph. 64. Migne. t. 101, 424 col.

[4]) Ѳедоръ Студитъ всюду трактуетъ эти два предмета, какъ объекты достаточнаго общаго свѣтскаго образованія. Epist. l. I, 49 и II, 151.

давателей, между которыми во всякомъ случаѣ въ эту эпоху способныхъ и энергическихъ нельзя было считать десятками.

Нѣсколько болѣе мы знаемъ о низшихъ школахъ. Конечно, послѣднія, при отсутствіи заботъ государственной власти, при непонятномъ молчаніи на этотъ счетъ высшихъ представителей іерархіи, едва-ли имѣли широкое распространеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ городахъ народныя школы совсѣмъ были не рѣдкимъ явленіемъ [1]). Но относительно деревень и селъ объ этомъ предметѣ приходится говорить только предположительно. Лучшіе люди сознавали нужду въ обученіи народа, въ распространеніи между нимъ образованія [2]). Но слишкомъ немного встрѣчаемъ мы такихъ ревнителей и поборниковъ благихъ намѣреній и плановъ, какими были Іоаннъ Дамаскинъ и Григорій, Сиракузскій архіепископъ [3]). При всемъ томъ на востокѣ было болѣе, чѣмъ на западѣ, благопріятныхъ условій для народныхъ школъ. Здѣсь мы не видимъ того, общераспространеннаго на западѣ взгляда на грамотность, какъ на ars clericalis, не наблюдаемъ тенденцій духовенства къ господству надъ народомъ, для чего исключительное сосредоточеніе образованія только въ его рукахъ было дѣломъ вполнѣ цѣлесообразнымъ. Напротивъ, на востокѣ, поставленное въ рознь съ правительствомъ, духовенство ищетъ единства, солидарности въ интересахъ съ народомъ, самой близкой неразрывной связи въ жизни, братской любви, при которой неумѣстна была идея господства. Выходящее изъ среды народа, въ своемъ служеніи связанное крѣпкими узами съ послѣднимъ, духовенство дѣлилось съ народомъ тѣмъ, чѣмъ само владѣло. Правда, умственный капиталъ духовенства въ эту эпоху былъ незначителенъ, познанія

---

[1]) Ѳеодоръ Студитъ приводитъ на этотъ счетъ даже слѣдующій, установившійся ли вѣками обычай, или изданный властями законъ: «Учителямъ міра сего не позволяется принимать въ ученіе отрока, отданнаго въ другое училище; кто сдѣлаетъ это, того всѣ, собравшись, подвергаютъ взысканію и наказанію». Epist. l. I, 14. Твор. 1, 153 стр.

[2]) І. Дамаскинъ на возраженіе, что народъ суевѣрно обоготворяетъ иконы, далъ слѣдующій весьма замѣчательный отвѣтъ: Ὀφείλεις διδάξαι τὸν ἀγράμματον λαόν—надобно учить безграмотный народъ. (Advers. Const. Cabal. 13. Migne. t. 95, 329 col. О. Герасимъ Яредъ, Хр. Чт. 1872 г. II, 292 стр.). Какъ проводилось въ жизнь это сознаніе нужды народнаго образованія—это другой вопросъ.

[3]) Іер. Герасимъ. Хр. Чт. II, 293 стр.

скудны; но обличать его въ положительномъ невѣжествѣ мы не имѣетъ никакого права. Особенно этого нельзя сказать о монашествующей братіи, которая въ общественныхъ монастыряхъ, организованныхъ по правиламъ Василія Великаго, обязательнымъ считала всякаго поступающаго въ иноки научить, по крайней мѣрѣ, элементарной грамотности. Нужно взять во вниманіе то обстоятельство, что въ бурное время иконоборства гонимые и преслѣдуемые за православіе монахи проникаютъ въ самыя отдаленныя, захолустныя мѣста, живутъ среди народа и съ усердіемъ, въ чемъ нельзя отказать очень многимъ изъ нихъ, занимаются дѣломъ образованія. Понятно, какой организаціи народныхъ школъ должно было ожидать отъ этихъ случайныхъ учителей, часто только грамотныхъ, но недалекихъ и несильныхъ въ наукѣ, да притомъ въ большинствѣ враждебно настроенныхъ противъ всего недуховнаго. Положительно можно утверждать, что все народное образованіе покоилось на религіозныхъ началахъ. Умѣнье читать и то обязательно церковныя книги [1]), немного писать, да считать едва-ли не исчерпывало всю программу народныхъ школъ. „Проведши первый семилѣтній возрастъ, пишетъ о Ѳеодорѣ Студитѣ его біографъ, сообразно съ природными свойствами, онъ началъ учиться вступительнымъ и первоначальнымъ предметамъ наукъ“ [2]). Семилѣтній возрастъ считался временемъ самымъ удобнымъ для начала элементарнаго образованія. Само собою разумѣется, какъ всегда и вездѣ, это послѣднее начиналось съ обученія чтенію. Никакихъ положительныхъ данныхъ не имѣемъ мы для опредѣленія метода преподаванія элементарныхъ школъ. Но ясно,

---

[1]) Преп. Ѳ. Студитъ протестуетъ противъ введенія Львомъ Армянином новыхъ началъ въ обычную практику элементарныхъ школъ. «Святые отцы наши, пишетъ онъ папѣ Александрійскому, предаются анаѳемѣ, нечестивые прославляются, дѣти воспитываются въ нечестивомъ ученіи, по данной учителямъ книгѣ» (τὰ νήπια ἐν τοῖς τῆς ἀσεβείας δόγμασιν ἀνατρέφονται, τῷ δοθέντι τόμῳ τοῖς διδασκάλοις. Epist. l. II, 14. t. 99, 1160 col. Твор. ч. 2, 48 стр.). Ясно, что св. отецъ имѣетъ въ виду съ одной стороны иконоборческую ересь, а съ другой особыя книги, выданныя учителямъ въ качествѣ пособій. Быть можетъ, въ самыхъ этихъ книгахъ пропагандировалось иконоборчество, но вѣроятно и то, что онѣ своимъ матеріаломъ, содержаніемъ не подходили подъ установившуюся программу элементарнаго школьнаго образованія. Святому отцу не нравятся вообще нововведенія въ этомъ отношеніи.

[2]) Vita S. Theod. Stud. n. 3.

что какихъ либо усовершенствованій въ этомъ отношеніи по сравненію съ прошлымъ, служившимъ для этой эпохи образцомъ въ научномъ отношеніи, нельзя было ожидать. Значитъ, каждому начинающему грамоту предстояло ознакомленіе съ буквами, складами, затѣмъ словами въ томъ порядкѣ, какъ это рекомендуется въ обычныхъ школьныхъ букваряхъ, обработанныхъ по силлабическому методу. Письмо съ его также обычнымъ выписываніемъ элементовъ и складовъ, обученіе счету по пальцамъ и по другимъ школьнымъ пособіямъ—все это вѣроятно было обыкновеннымъ явленіемъ въ практикѣ элементарныхъ школъ. На ряду съ этими предметами стояло пѣніе, по содержанію и выполненію носившее религіозный характеръ.

Если относительно образованія мужской половины грековизантійскаго общества разсматриваемой нами эпохи мы имѣемъ очень скудныя свѣденія, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о женской. Женскія обители были почти единственнымъ мѣстомъ гдѣ можно было встрѣтить грамотныхъ инокинь, интересовавшихся книгами и занимавшихся чтеніемъ. „Мыеще и еще слышимъ о прекрасныхъ дѣлахъ, писалъ Θеодоръ Студитъ къ игуменьѣ Евфросиніи, которыя ты совершаешь какъ въ руководствѣ сестеръ, съ любовію соединяя всѣхъ единодушіемъ, бодрствуя предъ Богомъ въ молитвахъ, псалмопѣніяхъ, чтеніяхъ“..... [1]). Другой, игуменьѣ Игнійской, онъ самъ даетъ совѣтъ упражняться въ чтеніи. „Ты и онѣ (инокини) подвизайтесь.... если случится что нибудь враждебное въ подвижничествѣ, отражайте это занятіями, божественнымъ чтеніемъ и пѣніемъ“ [2]). Если принять во вниманіе, что въ монастыри поступали люди всѣхъ званій и состояній и болѣе всего изъ низшихъ классовъ, слѣдовательно не имѣвшихъ возможности разсчитывать на образованіе въ семьѣ, то грамотность монахинь, столь обычная, необъяснима безъ предположенія существованія въ женскихъ монастыряхъ школъ. О внутренней организаціи ихъ мы ничего не знаемъ. Однако можно предположить, что онѣ едва-ли возвышались надъ элементарными школами.

Что касается образованія женщинъ, не жившихъ и не желавшихъ жить въ стѣнахъ обителей, то оно было довольно рѣдкимъ явленіемъ. Конечно, жены и дочери аристократовъ и въ

[1]) Epist. l. II, ep. 177.
[2]) Ibid. ep. 132.

своей семьѣ научались читать и писать, но не имѣла возможности достигнуть этого женская половина низшихъ классовъ. Въ первыхъ можно предполагать даже болѣе, чѣмъ элементарное образованіе. Къ одной аристократкѣ, Димохари, лишившейся мужа, Ѳеодоръ Студитъ въ утѣшеніе пишетъ: „боль твоя необлегчима. Но такъ какъ ты не незнаешь божественнаго опредѣленія: земля еси, и въ землю отъидеши.... то увѣщеваемъ и убѣждаемъ оставить чрезмѣрную скорбь [1])“. Святой отецъ предполагаетъ въ Димохари знакомство съ Писаніемъ. Другой, Евдокіи Кандидаткѣ, обуреваемой духомъ унынія, Ѳедоръ Студитъ рекомендуетъ, какъ средство исцѣленія, молитву и чтеніе [1]). Но всѣ подобнаго рода женщины вѣроятно обязаны своимъ образованіемъ семьѣ, а не женской школѣ, относительно существованія которой въ эту эпоху мы не встрѣчаемъ даже намековъ.

---

[1]) Ibid. ep. 110.
[2]) Ibid. ep. 195.

III.

Изслѣдователь вопроса о внутренней организаціи западныхъ школъ времени Карла Великаго и почти одновременныхъ съ ними восточныхъ неминуемо долженъ прійдти къ заключенію, что между тѣми и другими существовало поразительное сходство, при сравнительно незначительномъ различіи. Это послѣднее зависѣло отъ неодинаковыхъ условій для благосостоянія тѣхъ и другихъ. Для западныхъ школъ заботливая дѣятельность Карла была главною причиною ихъ возникновенія. Своей внутренней организаціей онѣ главнымъ образомъ обязаны опять таки трудамъ его же. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ не могло быть какого либо различія въ ихъ организаціи. Всѣ школы преслѣдуютъ одну цѣль, однѣ задачи, всѣ онѣ благоустрояются по одному плану.

Далеко не то было на востокѣ. Эпоха иконоборцевъ открывается предъ нами среди борьбы партій, борьбы запальчивой, доведенной по нашему вопросу съ той и другой стороны до крайностей. Та и другая сторона выработываетъ свой взглядъ на значеніе наукъ и на задачи школьнаго образованія. Представители той и другой партіи отстаиваютъ свои принципы. Подъ вліяніемъ борьбы проявляются направленія. Сторонники православной партіи стремятся ограничить школьное образованіе рамками церковности, подчинивъ всѣ свѣтскія науки одной общей цѣли-служенія богословію. Цѣль школы опредѣляется стремленіемъ удовлетворить нуждамъ церкви. Школа мыслится, какъ учрежденіе, помогающее церкви въ ея главной задачѣ. Иконоборцы слишкомъ широко и не въ духѣ того времени опредѣляютъ роль свѣтскаго образованія, желая поставить его на служеніе государству со всѣми его потребностями и, въ лицѣ крайнихъ, только одному государству. Третье примири-

тельное направленіе сглаживаетъ крайности той и другой партіи. Оно выработываетъ свой взглядъ на задачи и цѣль образованія, по которому свѣтское и духовное, богословіе и классики, ставятся на ряду и подлѣ другъ друга, подаютъ другъ другу руку примиренія. Все образованіе преслѣдуетъ одновременно обѣ задачи, т. е. стремится удовлетворить нуждамъ и потребностямъ церкви съ одной стороны и государства съ другой.

По опредѣленію задачъ и цѣлей образованія западныя школы времени Карла Великаго ближе всего стоятъ къ школамъ, организованнымъ въ духѣ православной восточной партіи, хотя имѣютъ отношеніе и къ школамъ въ духѣ примирительнаго направленія. Главнымъ образомъ онѣ преслѣдуютъ одну общую задачу — воспитаніе христіанскаго народа для царства Божія. Правда, Алкуинъ на ряду съ служеніемъ Богу, какъ цѣль школьнаго образованія, ставитъ и служеніе императорской власти. Но для Карла такое разграниченіе не имѣло большаго значенія. Его своеобразное, незападное понятіе о царской власти, какъ представительницѣ высшей неземной, не дозволяло ему отдѣлять служеніе царю земному отъ служенія Царю Небесному. Съ его точки зрѣнія первое сводилось къ послѣднему. Да и самъ Алкуинъ, хотя нѣсколько расходился въ своихъ воззрѣніяхъ на авторитетъ императорской власти, какъ поклонникъ папскихъ тенденцій, однако царское служеніе ясно и опредѣленно выражалъ въ духѣ принциповъ дѣятельности Карла. На востокѣ партія иконопочитателей большею частію состояла изъ лицъ духовныхъ, въ большинствѣ порвавшихъ всякія узы съ міромъ. Понятно, чего нужно было ожидать отъ такихъ дѣятелей на поприщѣ образованія. Если исключительною цѣлью всей ихъ жизни было спасеніе, то и образованіе съ ихъ точки зрѣнія должно было преслѣдовать туже цѣль. Говоря это, мы не имѣемъ въ виду крайнихъ ревнителей благочестія, которые выработали даже на все земное и человѣческое крайне ригористическій взглядъ. У лучшихъ представителей православія принимается во вниманіе общечеловѣческая сторона въ образованіи, но она, съ ихъ точки зрѣнія, получаетъ роль служебнаго прецедента истинной науки. Въ этомъ отношеніи взгляды Алкуина и Рабана Мавра съ одной стороны, Іоанна Дамаскина, біографа патріарха Никифора и Ѳеодора Студита съ другой не разнятся между собою. „Если и изъ языческихъ писателей можемъ по-

лучить какую нибудь пользу, то и это не воспрещено. Будемъ только искусными мѣнялами, принимая настоящее и чистое золото, а поддѣльное отбрасывая"... „Надлежитъ имъ, т. е. свѣтскимъ наукамъ, какъ служанкамъ, служить царицѣ, т. е. божественной истинѣ". Такъ разсуждаетъ Дамаскинъ, и остается вполнѣ вѣрнымъ этому принципу. Діалектику Аристотеля онъ приспособляетъ къ изложенію догматовъ вѣры, а въ „Точное изложеніе православной вѣры" вводитъ цѣлыя главы изъ области міровѣденія и психологіи. „Прекрасно образованіе, писалъ Ѳеодоръ Студитъ, доколѣ оно содѣйствуетъ дѣйствительно истинному образованію", иными словами, пока оно служитъ этому послѣднему. Діаконъ Игнатій всѣ свѣтскія знанія обзываетъ служанками истинной науки и цѣль ихъ усматриваетъ въ умѣньи учить другихъ и разоблачать заблужденія погрѣшающихъ. Не такой же ли точно взглядъ на значеніе свѣтскаго образованія проводитъ и Алкуинъ въ своемъ предисловіи къ грамматикѣ? Семь свободныхъ наукъ Алкуинъ считаетъ столпами истинной мудрости. На нихъ покоится она. Благодаря знакомству съ ними отцы отстояли чистоту вѣры противъ нападеній еретиковъ. „И вы, любезнѣйшіе дѣти, заключаетъ Алкуинъ, идите по этимъ стезямъ мудрости до тѣхъ поръ, пока возрастъ болѣе совершенный и умъ болѣе крѣпкій не приведутъ васъ ad culmina sanctarum scripturarum. И вы сдѣлаетесь непоколебимыми защитниками правой вѣры и истины". Семь свободныхъ наукъ мыслятся, какъ средства для высшей цѣли. Рабанъ Мавръ, какъ разъяснено выше, трактуетъ объ этомъ совершенно въ духѣ своего учителя.

Сходясь въ воззрѣніяхъ на значеніе свѣтскихъ наукъ въ христіанскомъ образованіи, западные и восточные дидактологи нисколько не расходятся между собою и въ опредѣленіи полнаго курса ихъ. Въ то время, какъ Алкуинъ расширяетъ программу свѣтскаго образованія до семи свободныхъ наукъ, и Рабанъ Мавръ подробно разъясняетъ приложимость каждой въ отдѣльности къ общей цѣли образованія, восточные мыслители правильной партіи также вводятъ въ пропедевтическій курсъ тривіумъ и квадривіумъ. Правда, о Ѳеодорѣ Студитѣ извѣстно, что онъ въ своей школѣ преподаетъ только грамматику и діалектику. Но не имѣетъ-ли аналогіи и отношеніе Алкуина къ предметамъ квадривіума, если онъ не захотѣлъ обосновывать науч-

ной теоріи этихъ наукъ, не писалъ по нимъ учебниковъ? Вообще и на западѣ курсъ квадривіума считался роскошью, предметомъ изученія немногихъ любителей науки. Мы не знаемъ многаго о школѣ Студійской обители. Но судя потому, что при Ѳеодорѣ Студитѣ эта обитель имѣла видъ благоустроеннаго небольшаго городка, гдѣ можно было находить людей различныхъ спеціальностей, не будетъ лишено правдоподобія и то предположеніе, что въ обители легко было встрѣтить людей свѣдущихъ въ предметахъ квадривіума, что если не всѣ, то нѣкоторые изъ предметовъ его получили значительное развитіе, какъ напр. музыка. А образованіе патріарха Никифора не указываетъ-ли на то, что законченное свѣтское образованіе мыслится только подъ условіемъ знакомства со всѣми семью свободными искусствами? Вообще, если отъ частностей обратиться къ общему, вполнѣ основательно можно заключить, что какъ на западѣ, такъ и на востокѣ полный курсъ свѣтскаго образованія исчерпывался такъ называемыми семью свободными науками. Для восточныхъ школъ даже въ темную сравнительно эпоху иконоборцевъ, не говоря уже о позднѣйшемъ времени, когда настали дни возрожденія греческой науки, полный курсъ свѣтскихъ наукъ опредѣляется семью названными отраслями знанія.

Что касается общей группировки предметовъ свѣтскаго курса, то на западѣ въ этомъ отношеніи выработались еще до нашей эпохи точныя рамки раздѣленія ихъ на двѣ категоріи: тривіума и квадривіума. Школы Карла не привносятъ ничего новаго въ этомъ отношеніи. За элементарнымъ образованіемъ слѣдуютъ по порядку, начиная съ грамматики, предметы тривіума. Квадривіумъ завершаетъ собою пропедевтическій курсъ. На востокѣ нельзя указать такихъ точно опредѣленныхъ рамокъ. Свидѣтельства памятниковъ въ этомъ отношеніи разнорѣчивы. На основаніи однихъ можно какъ будто бы придти къ заключенію о существованіи такого дробленія предметовъ школьной программы на двѣ категоріи. Біографъ Ѳеодора Студита въ числѣ предметовъ школьнаго его образованія называетъ грамматику, діалектику и риторику, значитъ, тривіумъ, хотя съ нѣсколько инымъ распорядкомъ предметовъ. Въ своей школѣ Ѳеодоръ Студитъ преподаетъ тривіумъ. Но больше данныхъ предполагать иную группировку. Діаконъ Игнатій, говоря объ образованіи патріарха Никифора, на первомъ мѣстѣ ставитъ

грамматику съ риторикой. За ними слѣдуютъ предметы квадривіума. Завершеніемъ образованія мыслится діалектика, эта госпожа всѣхъ наукъ, по выраженію біографа и историка Кедрина. Названный историкъ предметомъ преподаванія высшихъ школъ времени Константина Порфирогенета считаетъ только математическія науки, т. е. квадривіумъ и во главѣ ихъ философію. Фотій, какъ преподаватель, діалектику предпочитаетъ остальнымъ наукамъ. Мы не указываемъ историческихъ условій для возникновенія такого уваженія къ философіи среди византійскихъ грековъ; но для данной эпохи оно непосредственно возникало изъ самой близкой связи ея съ богословіемъ. Іоаннъ Дамаскинъ издалъ весьма удачный опытъ сближенія діалектики съ богословіемъ. Современники его и ближайшее поколѣніе ничего лучшаго не могли представить себѣ въ этомъ отношеніи. Методъ Дамаскина вошелъ во всеобщее употребленіе. Понятно, чего можно было ожидать по отношенію къ философіи отъ такой постановки ея въ служебное положеніе къ богословію. Ее стали называть знаніемъ высшимъ всѣхъ знаній, стѣною и оплотомъ богословія. Можно ли было для грека поставить философію на ряду съ грамматикой и риторикой и выше ея предметы квадривіума? Правда, и на западѣ Алкуинъ, какъ увидимъ послѣ, поставилъ, или по крайней мѣрѣ старался ввести въ область догматовъ принципы діалектики, но опытъ оказался менѣе удачнымъ, чѣмъ у Дамаскина. Практическій умъ западнаго человѣка не съумѣлъ еще возвыситься до такой нелегкой задачи сближенія философіи съ богословіемъ. Поэтому онъ скорѣе посмотрѣлъ на философію, какъ на логическое продолженіе грамматическаго образованія, чѣмъ на средство къ діалектическому изложенію богословія. Алкуинъ, слѣдуя традиціямъ западныхъ школъ, ставитъ діалектику на ряду и подлѣ риторики, считая ее дальнѣйшею частію послѣдней, объединяетъ ихъ по ихъ содержанію, когда заставляетъ діалектику доставлять матеріалъ для риторики.

Принимая во вниманіе положеніе діалектики, занятое ею въ западныхъ и восточныхъ школахъ, мы въ правѣ замѣтить, что грекъ цѣлесообразнѣе размѣстилъ предметы школьнаго преподаванія. Безъ сомнѣнія, діалектика была труднѣйшею изъ наукъ тогдашнихъ школъ. Раціональнѣе было преподавать ее

молодымъ людямъ уже развитымъ, знакомымъ со всею остальною школьною мудростію.

Перейдемъ къ частнымъ замѣчаніямъ о постановкѣ каждой изъ школьныхъ наукъ. Отъ Алкуина мы имѣемъ учебники по предметамъ тривіума. Не забудемъ, что это руководство для высшихъ школъ. Что же представляетъ намъ грамматика Алкуина? Это довольно подробное изложеніе правилъ этимологіи латинскаго языка, составленное на основаніи трудовъ предшествовавшихъ западныхъ ученыхъ. Не станемъ говорить пока о научныхъ ея достоинствахъ. Для насъ въ настоящемъ случаѣ достаточно указать на ея содержаніе. Изъ разбора этого учебника, сдѣланнаго нами въ первой главѣ, видно, что, за исключеніемъ двухъ трехъ правилъ синтаксиса, и то приведенныхъ à propos, вся грамматика ограничивается изложеніемъ правилъ этимологіи, начиная съ элементовъ и кончая восьмою частью рѣчи. Обращаясь къ грамматическому образованію востока, мы встрѣчаемъ тоже самое. Грамматика Дамаскина представляетъ изъ себя сухое, сжатое изложеніе восьми частей рѣчи. Въ этомъ отношеніи нѣтъ почти никакого различія между восточными и западными школами времени Карла Великаго, за исключеніемъ развѣ того, что грамматика Алкуина подробнѣе и полнѣе по сравненію съ учебникомъ Дамаскина. Далѣе, какъ грекъ, такъ и франкъ времени Карла Великаго видѣлъ идеалъ грамматическаго образованія въ трудахъ классиковъ. Послѣдніе имѣютъ рѣшающее значеніе въ вопросахъ, представляющихъ какія либо затрудненія съ грамматической стороны. Алкуинъ слишкомъ часто отсылаетъ своихъ учениковъ къ писателямъ древности. Для Фотія они также образцы грамматической правильности. Отсюда, какъ въ восточныхъ, такъ и въ западныхъ школахъ, въ видахъ грамматическаго образованія, рекомендуется чтеніе свѣтскихъ авторовъ. Грекъ читаетъ произведенія своихъ предковъ, для франка римское наслѣдіе расширяется на счетъ греческихъ классиковъ.

Что касается риторики, то какъ на западѣ, такъ и на востокѣ она пользовалась большимъ уваженіемъ. Подъ перомъ Алкуина она обработана подъ вліяніемъ идеи приложенія ея къ удовлетворенію государственныхъ потребностей. Такъ по крайней мѣрѣ значится въ ея предисловіи. Мы увидимъ послѣ несоотвѣтствіе между предметомъ риторики Алкуина и госу-

дарственными нуждами его времени. Но, по причинамъ, о которыхъ также рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ, Алкуинъ не обратилъ на это должнаго вниманія. Изъ его рукъ вышло руководство, нѣсколько приложимое къ удовлетворенію государственныхъ потребностей во времена римской республики, а не въ вѣкъ Карла Великаго. И для восточныхъ школъ сокращенное руководство Афтонія съ школьными декламаціями, мало приспособленными къ потребностямъ времени, удовлетворяло запросы современныхъ Алкуину греческихъ риторовъ. Слѣдовательно, потребности въ знакомствѣ съ риторикой сознавались на востокѣ и западѣ, но предмета ея, который бы въ состояніи былъ удовлетворить современнымъ нуждамъ восточнаго и западнаго государствъ, ни тамъ ни здѣсь не могли еще выработать.

Обращаясь къ предметамъ квадривіума, мы прежде всего замѣчаемъ сходство въ методѣ преподаванія ариѳметики. Какъ на востокѣ, такъ и на западѣ задачею преподаванія ариѳметики въ высшихъ школахъ ставятъ ознакомленіе учениковъ съ мистическою, таинственною стороною чиселъ. Мы видѣли, что Алкуинъ только съ этой стороны цѣнитъ пріятность и важность изученія ариѳметики. Рабанъ Мавръ вполнѣ соглашается со взглядомъ своего учителя. Относительно восточныхъ школъ и на основаніи двухъ приведенныхъ нами въ своемъ мѣстѣ свидѣтельствъ изъ памятниковъ можно заключить, что указанный методъ изложенія ариѳметики былъ также наиболѣе излюбленнымъ.

Что касается геометріи, то свѣдѣнія о ея постановкѣ въ восточныхъ и западныхъ школахъ одинаково скудны. Мы видимъ, что задачею ея поставляется тамъ и здѣсь практическая цѣль. При маломъ уваженіи къ опыту, геометрія не получаетъ широкаго развитія на западѣ. Весь объемъ ея содержанія здѣсь ограничивается усвоеніемъ геометрическихъ элементовъ, навыкомъ измѣрять нѣкоторыя геометрическія тѣла и ближайшимъ образомъ земельные участки обителей. Какъ пособіе, предлагаются сочиненія Боэція и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ. На востокѣ геометрія, по видимому, пользуется бо́льшимъ уваженіемъ. Левъ Математикъ своими геометрическими познаніями заявилъ себя не только предъ своими соотечественниками, но и за предѣлами родины. Въ высшихъ школахъ существуютъ

особыя каѳедры геометріи. Константинъ Порфирогенетъ отъ государственныхъ чиновниковъ требуетъ особенныхъ познаній въ геометріи. Но и при такомъ уваженіи къ геометріи, выходила-ли она за предѣлы богатаго матеріала, завѣщаннаго предками, сказать очень трудно. Кажется, что и въ этой области знаній приходилось скорѣе всего вращаться среди богатаго наслѣдія предковъ, болѣе собирать, чѣмъ расширять предѣлы его, скорѣе группировать, чѣмъ создавать.

Относительно различія въ музыкальномъ образованіи восточныхъ и западныхъ школъ времени Карла со стороны его содержанія не можетъ быть и рѣчи. Какъ въ восточныхъ, такъ и въ западныхъ школахъ оно покоится на религіозныхъ началахъ. Тамъ и здѣсь преимущественно церковное пѣніе трактуется, какъ одинъ изъ важныхъ предметовъ школьнаго преподаванія. Со стороны композиціи восточная и западная церкви держались каждая своихъ традицій.

О постановкѣ астрономіи мы мало знаемъ относительно западныхъ школъ и еще менѣе относительно восточныхъ. Что касается того матеріала, изъ котораго слагался курсъ астрономіи, то въ этомъ пунктѣ, кажется, не было существеннаго различія между восточными и западными школами. Тамъ и здѣсь небесная астрономія пользовалась большимъ уваженіемъ сравнительно съ физической. О сходствѣ или различіи въ методахъ преподаванія нельзя даже и заводить рѣчи, когда для западныхъ школъ относительно этого пункта мы слишкомъ мало знаемъ, а изъ восточныхъ буквально ничего.

Переходимъ къ сравненію постановки діалектики въ тѣхъ и другихъ школахъ. Въ этомъ пунктѣ можно стоять на болѣе твердой почвѣ, въ виду существованія для восточныхъ и западныхъ школъ учебниковъ. Мы уже сдѣлали разборъ руководствъ Алкуина и Іоанна Дамаскина. Остается частнѣе указать сходство и различіе между ними. Что касается перваго, то оно слишкомъ очевидно. Какъ Алкуинъ, такъ и Іоаннъ Дамаскинъ при составленіи своихъ учебниковъ имѣли въ виду дать пособіе при научномъ изложеніи догматики. Кто изъ нихъ удачнѣе исполнилъ предпріятіе, — это пока другой вопросъ. Для насъ важна самая цѣль, отчасти обусловливавшая появленіе учебниковъ. Какъ Алкуинъ, такъ и Іоаннъ Дамаскинъ не задаются мыслью быть самостоятельными въ своемъ изложеніи. Для того

и другаго Аристотель съ его комментаторами служитъ главнѣйшимъ источникомъ. Сходство въ источникахъ необходимо влекло, при довольно однообразномъ способѣ пользованія ими, къ сходству и въ результатахъ. Какъ Алкуинъ, такъ и Дамаскинъ діалектику считаютъ частію философіи. Послѣднюю они опредѣляютъ, какъ naturarum inquisitio, rerum humanarum divinarumque cognitio, знаніе высшее всѣхъ знаній, искусство всѣхъ искусствъ. У того и другаго подъ понятіе философіи подходятъ всѣ предметы человѣческаго познанія.

Діалектика, какъ познаніе сущаго, должна начинаться онтологіей. И вотъ у Дамаскина на первомъ планѣ мы встрѣчаемъ подробныя разсужденія о такъ называемыхъ vocibus philosophicis, т. е. о понятіяхъ. Совершенно сходна по своему предмету первая часть (isagogae) діалектики Алкуина. И этотъ послѣдній даетъ довольно сжатыя опредѣленія рода, вида, различія, существенныхъ и случайныхъ признаковъ. Какъ вторую часть діалектики, Алкуинъ излагаетъ ученіе о категоріяхъ. Совершенно сходно и въ планѣ и въ развитіи мыслей излагается трактатъ о категоріяхъ въ концѣ труда Дамаскина. Нѣтъ строгаго различія у того и другаго изъ авторовъ въ отдѣлѣ о противоположеніяхъ. Далѣе, какъ Дамаскинъ, такъ и Алкуинъ силлогизмъ трактуютъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ видовъ доказательства. Для того и другаго дедукція, путь отъ общаго къ частному, есть самый надежный способъ изысканія истины, у того и другаго опредѣленіе идетъ путемъ дедукціи.—Такимъ образомъ въ общемъ между діалектикою Дамаскина и учебникомъ по этому предмету Алкуина сходство не можетъ подлежать сомнѣнію. Но при сходствѣ очевидно и различіе. Это послѣднее касается первѣе всего объема того и другаго учебника. Трудъ Дамаскина несравненно обширнѣе произведенія Алкуина. Алкуинъ не затрогиваетъ многаго изъ той области, которой касается Дамаскинъ. Такъ въ учебникѣ Алкуина мы не находимъ столь важныхъ для достиженія обоими ими намѣченной цѣли точныхъ опредѣленій понятій субстанціи, природы, формы, индивидуума, лица, ипостаси, чѣмъ очень долго занимается Дамаскинъ. Упущенъ изъ виду Алкуиномъ и не менѣе важный трактатъ о видахъ единенія, неизбѣжный съ точки зрѣнія Дамаскина при научномъ выясненіи догмата о соединеніи естествъ въ Іисусѣ Христѣ. Но есть и въ учебникѣ Алкуина то, чего, не касается

Дамаскинъ. Алкуинъ долго разсуждаетъ de topicis et de periherminiis, что опускаетъ изъ виду Дамаскинъ. Далѣе, различіе между разобранными нами учебниками касается не предмета содержанія только, но и метода изложенія. Въ то время, какъ Дамаскинъ каждый затронутый вопросъ разбираетъ до мельчайшихъ подробностей, Алкуинъ часто ограничивается одними короткими опредѣленіями, часто не полными, по мѣстамъ не совсѣмъ точными. Достаточно указать на первую часть его діалектики, гдѣ онъ даетъ опредѣленія логическихъ понятій. Въ то время, какъ Дамаскинъ вопросъ о понятіяхъ выясняетъ всесторонне, Алкуинъ ограничивается сжатыми опредѣленіями, далеко неполными, съ присоединеніемъ короткихъ примѣровъ. Впрочемъ этого нельзя сказать о всѣхъ частяхъ учебника Алкуина. По мѣстамъ онъ является на столько же подробнымъ, какъ и Дамаскинъ. Таковъ, напримѣръ, отдѣлъ діалектики о категоріяхъ.

Что касается привнесенія въ программу школьнаго преподаванія другихъ предметовъ, выходящихъ изъ области тривіума и квадривіума, то, конечно, это послѣднее, какъ необязательное дѣло, зависѣвшее отъ чисто случайныхъ причинъ, или отъ индивидуальныхъ особенностей учащихъ и учащихся, на востокѣ и на западѣ обусловливалось частными мотивами. Отсюда, какъ случайное явленіе, постановка тѣхъ или другихъ наукъ, выходящихъ за предѣлы обычной школьной программы, не можетъ быть предметомъ разсужденія по вопросу о сходствѣ и различіи.

Обращаясь къ курсу средняго и низшаго образованія, мы не можемъ въ этомъ случаѣ надолго останавливаться на выясненіи сторонъ сходства и различія. Трудно указать въ этомъ отношеніи какую либо выдающуюся особенность, которая бы такъ или иначе характеризовала восточныя школы въ отличіе ихъ отъ западныхъ. Правда, въ рукахъ иконоборческой партіи средній и низшій курсъ могли бы явиться съ нѣсколько иной окраской. Но вѣдь мы при сравненіи имѣемъ въ виду восточное православное направленіе. Ратовавшіе за чисто церковное образованіе, приверженцы православной партіи могли-ли имѣть хоть какое либо желаніе выйдти изъ предѣловъ этой программы по школьному вопросу? Равнымъ образомъ не видно, чтобы епископскія и монастырскія школы запада преслѣдовали другія цѣли. Такимъ образомъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ,

съ необходимостью должна была выработаться однообразная программа постановки школьныхъ предметовъ средняго и низшаго образованія. Грамотность для чисто церковныхъ цѣлей тамъ и здѣсь выдвигается какъ категорическое требованіе отъ школы. Расширеніе программы обусловливается личнымъ благоусмотрѣніемъ преподавателей. Но и въ этомъ случаѣ чего либо новаго для восточныхъ и западныхъ школъ быть не могло. Тѣ и другія стоятъ подъ непосредственнымъ контролемъ епископовъ и настоятелей монастырей, подъ руководствомъ лицъ духовныхъ, назначенныхъ этими послѣдними. Одинаковое опредѣленіе цѣли жизни, совершенно аналогичныя воззрѣнія на задачи школы дѣлаютъ неизбѣжнымъ для тѣхъ и другихъ школъ расширеніе программы только въ указанномъ направленіи. Восточный православный инокъ ничѣмъ не отличался отъ западнаго въ своихъ воззрѣніяхъ на идеалъ жизни, въ своихъ стремленіяхъ и дѣятельности. Отсюда, и школа, организованная первымъ, не могла представить какого либо выдающагося отличія отъ школы, устроенной послѣднимъ. Различіе во внѣшнемъ положеніи восточныхъ монаховъ, сравнительно съ положеніемъ ихъ собратій на западѣ, могло отозваться по нашему вопросу на количественной сторонѣ школъ, а не качественной. Благоденствіе западнаго инока во времена Карла Великаго представляло хорошее условіе для расширенія программы предметовъ преподаванія, приумноженія числа школъ, учениковъ и т. п. явленій, зависѣвшихъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Восточный инокъ, гонимый и преслѣдуемый за свои религіозныя убѣжденія, не имѣлъ физической возможности благоустроить свою школу. Но лишь только для него открывалась какая либо возможность, онъ сряду же являлся въ состояніи поднять свой институтъ до значительной высоты, и, что всего важнѣе для насъ, съ той же самой программой школьныхъ предметовъ, какіе практикуются въ западныхъ школахъ. Такимъ образомъ временное и внѣшнее различіе въ положеніи главныхъ организаторовъ школъ вело за собою временное и чисто внѣшнее различіе въ благосостояніи этихъ послѣднихъ. Это, можно сказать, было далеко не исключительнымъ явленіемъ даже въ эпоху преобладанія примирительнаго направленія. Въ самомъ дѣлѣ, что имѣло мѣсто въ высшемъ курсѣ, то далеко не рекомендовалось для среднихъ и низшихъ школъ. Если въ первомъ свѣтское образованіе по-

лучаетъ въ нѣкоторомъ родѣ равноправіе съ духовнымъ, то во второмъ послѣднее остается по прежнему преобладающимъ. Мы не можемъ указать ни одного примѣра, чтобы епископскія и монастырскія школы со времени Фотія измѣнили свою программу. Потребности, которымъ удовлетворяли эти послѣднія, скорѣе всего заставляютъ предположить неизмѣнное сохраненіе status quo. Частнѣйшіе пункты по вопросу о сходствѣ и различіи въ постановкѣ предметовъ преподаванія среднихъ школъ неуловимы въ виду скудныхъ свѣдѣній объ организаціи восточныхъ школъ.

По вопросу о различіи организаціи женскихъ школъ не можетъ быть и рѣчи. Мы видѣли, что грамотность женской половины общества на востокѣ и на западѣ могла быть наблюдаема только среди высшихъ классовъ. Вопроса о женскихъ спеціальныхъ школахъ не возбуждали ни на востокѣ, ни на западѣ. Тамъ и здѣсь женщина обречена была на скромную роль матери и хозяйки дома. Если и можно встрѣтить грамотныхъ женщинъ, не отрекшихся отъ міра, такъ это было ихъ частнымъ дѣломъ, обусловленнымъ тѣми или другими семейными обстоятельствами. Монастыри и только они одни на востокѣ и западѣ давали женщинѣ возможность такъ или иначе заявить о себѣ и со стороны образованія. Грамотность, считавшаяся для инокинь дѣломъ первой важности, побуждала игуменій монастырскихъ подумать и о школахъ. Но какъ на востокѣ, такъ и на западѣ эти послѣднія не часто возвышались надъ программою низшихъ школъ.

Такимъ образомъ, начиная съ высшихъ школъ и кончая низшими, между востокомъ и западомъ времени Карла Великаго существовала замѣчательная солидарность, тѣсное родство, самая близкая аналогія. Чѣмъ объяснить это? Франкская монархія во времена Карла Великаго не стояла въ непосредственной связи съ Византіей. Антагонизмъ и вражда скорѣе всего могутъ характеризовать отношенія между обоими государствами. На церковной почвѣ вопросъ объ иконопочитаніи разъединилъ франкскій западъ отъ греческаго востока. Отсюда уже можно видѣть, что непосредственное перенесеніе съ востока на западъ школьной организаціи являлось дѣломъ немыслимымъ. Да къ тому же современныя Карлу греческія школы не были столь блестящими, чтобы ихъ копировать. Мысль о непосредственномъ пересаживаніи на западъ изъ Греціи школьной органи-

зацiи не имѣетъ за себя рѣшительно никакихъ основанiй. Правда, греческiе монахи, гонимые и преслѣдуемые иконоборцами, во множествѣ переселялись въ Римъ, Италiю и другiя страны западной Европы. Нѣтъ сомнѣнiя, что они захватывали съ собою рукописи и книги и, какъ люди знакомые съ наукою, естественно могли имѣть вліяніе и на организацію западныхъ школъ. Но въ школахъ Карла Великаго мы не видимъ дѣятелей изъ греческой нацiи. При дворѣ жилъ, правда, какой-то грекъ, Елисей, но онъ преподавалъ только греческiй языкъ и едва ли имѣлъ какое либо замѣтное вліяніе на благоустройство школъ. Школы Карла организованы благодаря трудамъ Алкуина. Послѣдній всего менѣе склоненъ былъ пересаживать школы Грецiи, о которыхъ самъ имѣлъ скудныя свѣдѣнiя. Мы ужъ знаемъ, что идеаломъ для него были школы его родины, организованныя давно уже извѣстнымъ архiепископомъ Ѳеодоромъ.

Если такъ, то гдѣ же мы должны искать причинъ сходства западныхъ школъ времени Карла съ школами восточными ему современными? Обратимся и поищемъ ихъ въ отношенiяхъ тѣхъ и другихъ школъ къ школамъ классическимъ.

IV.

Гармоническое развитіе индивидуальности составляло для грека во всѣ времена задачу и цѣль воспитанія. Быть καλὸς κ' ἀγαθός т. е., быть мужемъ здоровымъ по тѣлу, интеллектуально развитымъ и практически опытнымъ съ древнѣйшихъ временъ считалось идеаломъ образованія[1]). Само собою разумѣется, что не во всѣ времена практиковались одинаковыя средства къ осуществленію идеала. Въ героическую эпоху центръ тяжести воспитанія находился безъ сомнѣнія на сторонѣ тѣлеснаго ухода. Но перевѣсъ тѣлеснаго воспитанія надъ духовнымъ образованіемъ былъ неестественнымъ явленіемъ для даровитаго отъ природы грека. Стремленіе уравновѣсить тѣлесный и духовный элементы проявляется еще въ раннюю эпоху, и этотъ подъемъ греческаго духа, пробужденіе его психическихъ силъ совершается подъ иностраннымъ вліяніемъ. Сношенія съ азіатскими народами, у которыхъ уже давно начала развиваться культура, выселенія греческихъ племенъ изъ Азіи въ Европу—все это вело грековъ къ ознакомленію съ плодами образованія и науки. Практическіе разсчеты даютъ чувствовать нужду первѣе всего въ элементарномъ образованіи. Умѣнье читать, писать и считать является настоятельною необходимостію при торговыхъ сношеніяхъ съ иностранцами. Финикійцы предлагаютъ грекамъ свой алфавитъ, и такимъ образомъ очень рано у грековъ появляются школы [2]).

---

[1]) Τῶν πολιτῶν θ', οὓς μεν ἴσμεν εὐγενεῖς καὶ σώφρονας
᾽Ανδρας ὄντας καὶ δικαίους καὶ καλοὺς τε κ'αγαθοὺς
Καὶ τραφέντας ἐν παλαίστραις καὶ χοροῖς καὶ μουσικῇ,
Προσελοῦμεν . . . .

(Aristoph. Βάτραχοι. v. 727 ff. 132 p. ed. Kock. Berlin. 1868 г. B. 3).

[2]) Геродотъ разсказываетъ, что въ Хіосѣ однажды обрушилась крыша школы, и изъ 120 дѣтей, которымъ преподавались элементарныя познанія, спасся только одинъ (Herod. VI, 27). Ἡνίκα τῆς θαλάσσης ἤρξαν οἱ Μιτυληναῖοι,

Разъ пробужденный греческій духъ не могъ остановиться на полъпути. Подъ вліяніемъ сношеній съ болѣе образованными народами востока расширяется значительно кругозоръ греческой мысли, проявляется прирожденная греку пытливость. Можно думать, что подъемъ пытливаго духа грека ведетъ его первѣе всего къ скепсису относительно старыхъ его воззрѣній, какъ они передавались поэтами, и это было причиною появленія первыхъ самостоятельныхъ попытокъ построить разсудочное міровоззрѣніе болѣе достовѣрное и удовлетворительное, чѣмъ то, въ которое вѣровали съ незапамятныхъ временъ, и которое, съ нѣкоторыми необходимыми видоизмѣненіями, передавалось отъ предковъ къ потомкамъ въ видѣ священныхъ завѣтовъ старины и откровеній боговъ. Является Θалесъ (род. около 640 г. до Р. Хр.) съ своею попыткою изъ воды вывести происхожденіе всѣхъ вещей. За нимъ слѣдуетъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ греческихъ философовъ, преслѣдовавшихъ одну идею—объяснить начало всѣхъ вещей, показать ихъ сущность. Всѣ философы перваго періода пробужденія греческой мысли были натуръ-философами. Все ихъ вниманіе сосредоточивается на внѣшней природѣ. Изъ нея они объясняютъ и человѣческій духъ. Но обращая вниманіе на внѣшнюю природу, они тѣмъ самымъ полагаютъ начало научному знакомству съ нею. Ихъ идеи распространяются въ обществѣ и такимъ образомъ то, что было достояніемъ немногихъ, считается необходимымъ для всякаго, кто хотѣлъ прослыть за образованнаго человѣка. Появляются школы съ спеціальною задачею высшаго образованія. По большей части философы являются организаторами школъ. Сами они, при помощи ближайшихъ своихъ послѣдователей, занимаются и преподаваніемъ наукъ. Такова, напр., была школа Пиѳагора. Конечно, это была скорѣе религіозная община, устроенная философомъ по образцу египетскихъ жреческихъ школъ,

---

повѣствуетъ Эліанъ, τοῖς ἀφισταμένοις τῶν συμμάχων τιμωρίαν ἐκείνην ἐπήρτησαν, γράμματα μὴ μανθάνειν τοὺς παῖδας αὐτῶν μηδὲ μουσικὴν διδάσκεσθαι, πασῶν κολάσεων ἡγησάμενοι βαρυτάτην εἶναι ταύτην, ἐν ἀμαθίᾳ καὶ ἀμουσίᾳ καταβιῶναι (Aeliani Variae histor. l. VII, c. 15), и это, конечно, свидѣтельствуетъ, насколько высоко цѣнилось у грековъ образованіе за цѣлыхъ 200 лѣтъ до персидскихъ войнъ. Само собою разумѣется, что мѣстами первоначальнаго появленія школъ были острова и морскія побережья, какъ пункты прежде всего пришедшіе въ столкновеніе съ иностранцами.

чѣмъ высшеобразовательное заведеніе въ нашемъ мыслѣ. Но для насъ важно, что въ этой общинѣ обращено было серьезное вниманіе на научное образованіе. Въ школѣ Пиѳагора была общая аудиторія, въ которой онъ читалъ свои лекціи. За элементарнымъ образованіемъ, имѣвшимъ цѣлью подготовить ученика къ слушанію высшаго курса, слѣдовалъ этотъ послѣдній. Математика въ ея подраздѣленіи на ариѳметику, геометрію, музыку и астрономію составляла высшій курсъ наукъ. Это и понятно въ виду того значенія, которое имѣли числа въ міровоззрѣніи Пиѳагора. Вмѣстѣ съ математическими уроками читали древнихъ поэтовъ. Рука объ руку съ этимъ шли грамматическія изслѣдованія. Наконецъ, въ школѣ Пиѳагора мы находимъ слѣды діалектики [1]): Пиѳагору принадлежатъ ученія о доказательствахъ, объ опредѣленіяхъ и раздѣленіи. Словомъ, въ курсѣ наукъ, преподававшихся въ школѣ Пиѳагора, мы находимъ: математику съ ея разновидностями, грамматику и діалектику. Но это высшій пунктъ, до котораго достигла греческая наука на островахъ и морскихъ побережьяхъ. Дальнѣйшему ея развитію поставлены были непреодолимыя преграды въ политическихъ обстоятельствахъ. Чужеземное азіатское иго, лишивши островитянъ-грековъ свободы, этого перваго двигателя научнаго образованія, появленіе тирановъ, борьба за власть—все это гаситъ загорѣвшійся свѣточъ знаній. Мало-по-малу острова теряютъ свое значеніе. На мѣсто ихъ выдвигается материкъ, и именно свободная Аттика съ ея Аѳинами. Не учавствовавшая сначала въ общемъ подъемѣ греческаго образованія, Аттика скоро почувствовала пробѣлъ въ умственной жизни. Начинается пересаживаніе греческаго образованія съ острововъ на материкъ. Аристократизмъ, господство эвпатридовъ, кровавые законы Дракона, закрѣпившіе кабалу низшихъ класовъ въ пользу высшихъ и возникшія отсюда волненія задерживали развитіе аѳинянъ. Но лишь только улаженъ былъ политическій строй, уничтожена кабала, какъ падаютъ тѣ узы, которыя задерживали греческій духъ. Солону, этому знаменитому греческому законодателю, Аѳины обязаны первымъ толчкомъ къ научному образованію. Самъ образованный, разширившій свои познанія

---

[1]) Cramer. Gesch. d. Erzieh. und Unterr. im Alterthume. Elberfeld. 1838 г. B. 2. 144 S.

путешествіями по Египту, Кипру и Малой Азіи, Солонъ вполнѣ могъ оцѣнить значеніе научнаго образованія, а потому и въ своемъ законодательствѣ не мало приложилъ заботъ о его распространеніи среди своихъ согражданъ. Средоточнымъ пунктомъ всѣхъ педагогическихъ узаконеній было прекрасное распоряженіе Солона, что если родители нерадятъ объ образованіи своихъ дѣтей, то и не должны разсчитывать на попеченіе о себѣ со стороны послѣднихъ [1]). Вѣроятно Платонъ устами Сократа указываетъ на эти законы, „которые предписали, чтобы твой отецъ научилъ тебя музыкѣ и гимнастикѣ“ [2]). И Витрувій этотъ же законъ имѣетъ въ виду, когда говоритъ: „законы всѣхъ грековъ принуждаютъ дѣтей питать своихъ родителей, а законы аѳинянъ не всѣхъ, но только тѣхъ, которые обучили ихъ свободнымъ искусствамъ“ [3]). Солономъ были формулированы и болѣе частныя постановленія относительно школъ. Такъ онъ предписалъ, чтобы всѣ школы открывались не ранѣе восхода солнца и закрывались не прежде захода. Далѣе, онъ же постановилъ, что никто изъ взрослыхъ, за исключеніемъ родственниковъ учителя, подъ опасеніемъ смертной казни, не смѣетъ посѣщать школы во время преподаванія Рабы не имѣли права посѣщать гимназій [4]).

Заботы Солона о распространеніи образованія не остались безъ результатовъ. Любовь къ наукамъ проявляется не только въ средѣ высшихъ и среднихъ сословій, жителей городовъ, но и у жителей деревень. Извѣстный софистъ Протагоръ начинаетъ свою учительскую профессію въ качествѣ деревенскаго школьнаго учителя [5]). Колбасникъ во „Всадникахъ“ Аристофана говоритъ: „я ничего не смыслю въ искусствахъ музъ кромѣ чтенія; да и то чрезвычайно плохо“ [6]). Сложилась даже

[1]) Bernhardy. Grundriss. d. Griech. Litter. 1-e пр. 84. S.

[2]) Krit. 50. ἦ οὐ καλῶς προσέταττον ἡμῶν οἱ ἐπὶ τούτοις τεταγμένοι (νόμοι). παραγέλλοντες τῷ πατρὶ τῷ σῷ σε ἐν μουσικῇ καὶ γυμναστικῇ παιδεύειν (40 p. ed. Didot. Parisiis 1856 г.).

[3]) Vitruv. praef. l. VI. 3, Omnium graecorum leges cogunt parentes ali a liberis; Atheniensium non omnes nisi eos qui liberos artibus erudissent (у Bernhardy. cit. lib. 85 S.).

[4]) Schmidt. Gesch. d. Pädag. 1, 151 S. ср. Bernhardy. Grundr. d. Gr. Litt. 85. S. δοῦλον μὴ γυμνάζεσθαι μηδὲ ξηραλοιφεῖν.

[5]) Schmidt. Gesch. d. Erziehung und Unterr. 28 S.

[6]) Aristoph. Ἱππεις. 188. οὐδὲ μουσικὴν ἐπίσταμαι, πλὴν γραμμάτων, καὶ ταῦτα μέντοι κακὰ κακῶς. 183 p. ed. Kusteri. Amst. 1710 г.

пословица для обозначенія неспособнаго человѣка, указывающая на такое же широкое распространеніе грамотности, какъ и умѣнья плавать. „Онъ не умѣетъ ни читать, ни плавать“, обыкновенно говорили о такомъ человѣкѣ [1]). Но Аттика съ ея Аѳинами сдѣлалась не только мѣстомъ сравнительно наибольшаго распространенія грамотности, но и пріютомъ наукъ высшаго курса. Острова передали свое наслѣдіе Аѳинамъ. Ни одно греческое племя не оказалось на столько способнымъ воспринять завѣщанное островитянами наслѣдство, какъ племя аттическое. Но получивъ, оно не скрыло въ землѣ научнаго сокровища, довѣреннаго ему, а возрастило и во сто кратъ увеличило. Особенно замѣтный подъемъ аттическаго духа проявляется со времени благополучнаго исхода персидскихъ войнъ (490 г. до Р. Хр.). Въ тѣ дни, когда греки въ битвахъ подъ Мараѳономъ и при Саламинѣ отстояли свою свободу отъ деспотизма варваровъ, когда Мильтіадъ и Ѳемистоклъ украсили свое чело лавровыми вѣнками, вся Грецiя торжествовала не только сохраненіе своей свободы отъ азіатскаго рабства, но и спасеніе всего греческаго образованія. И всѣмъ этимъ обязаны были греки умственному образованію, наукѣ. Понятно, какъ должно было подняться мнѣніе о достоинствѣ и силѣ наукъ. Аѳиняне, гордые и торжествующіе побѣду, перетянули теперь къ себѣ и политическій и умственный центръ тяжести. Аѳины дѣлаются фокусомъ всей греческой жизни, παίδευσις τῆς Ἑλλάδος, по прекрасному выраженію Перикла или еще шире—κοινὸν παιδευτήριον πᾶσιν ἀνθρώποις, какъ пишетъ Страбонъ [2]). Съ этого времени начинается тотъ знаменитый періодъ греческой жизни, который носитъ названіе классическаго.

„Свободная Эллада не знала учебныхъ заведеній съ оффиціально поставленными учителями“ [3]). Всѣ ея школы были частными учрежденіями, начиная съ низшихъ и кончая высшими. Учителемъ могъ быть всякій, кто чувствовалъ себя способнымъ къ педагогической дѣятельности и желалъ заняться дѣломъ школьнаго преподаванія. Правительство, не принимавшее участія въ назначеніи учителей, конечно, не задавалось и

---

[1]) Bernhardy. Gr. d. Gr. Litt. 1, 89 S. μήτε γάμματα μήτε νεῖν ἐπίστασαι.
[2]) Strabo XIII, 27.
[3]) Bernhardy. Grundr. d. gr. Litt. 82 S.

мыслію объ ихъ обезпеченіи [1]). Это было, впрочемъ, естественнымъ слѣдствіемъ того государственнаго строя, по которому на всѣхъ почти постахъ государственной службы не назначалось опредѣленнаго жалованья [2]). Однако правительство, безпечное по отношенію къ соціальному положенію и матеріальному обезпеченію учителей, не отказывалось отъ надзора за школами и образованіемъ. Законы Солона удержались во всей силѣ и въ классическій періодъ. Было точно опредѣлено, съ какого времени и какъ долго дѣти могутъ посѣщать школу, съ какого времени и до какого должны быть открыты школы, кто можетъ ихъ посѣщать и т. под. Правительство иногда указывало для школъ опредѣленныя зданія, большею частію за чертою городскихъ стѣнъ [3]). Особенно это нужно сказать о гимназіяхъ и палестрахъ, предназначенныхъ для гимнастическихъ упражненій. Въ періодъ блестящаго состоянія наукъ, какимъ былъ классическій періодъ, гимназіи [4]) измѣняютъ свое

[1]) Преподаваніе оплачивалось частнымъ образомъ, по взаимному соглашенію между учителями и родителями дѣтей и было до крайности скудно. Этимъ объясняется то, что учители въ глазахъ аристократовъ стояли наравнѣ съ наемнымъ слугою. Изъ знатныхъ фамилій никто не хотѣлъ избрать для своей дѣятельности профессію школьнаго учителя. Это считалось низкимъ. Демосѳенъ ставитъ въ упрекъ своему знаменитому сопернику, Эсхину, то, что онъ «выросъ въ страшной бѣдности, торчалъ съ отцомъ своимъ въ школѣ, теръ чернила, чистилъ лавки, подметалъ школу», словомъ, былъ на положеніи раба, а не свободнаго человѣка (Ордынскій. Занятія молодаго аѳинянина. Пропилеи, 1, 164 стр.). Этимъ объясняется и то, что учители элементарныхъ школъ не пользовались уваженіемъ среди общества. Количество учительскаго гонорара обусловливалось количествомъ учениковъ. Послѣднее далеко не одинаково было для различныхъ школъ. Силачъ съ острова Астипалеи, не получивши на игрищахъ желанной награды и вслѣдствіе этого помѣшавшись, раскачалъ колонну, поддерживавшую кровлю училища въ Астипалеѣ и такимъ образомъ убилъ 60 мальчиковъ (Becker. Charicles. Bilder altgr. Sitt. Zweit Auflag. B. II, 30 S. ed. Leipzig). Но были и другаго рода школы, въ родѣ, напр., той, о которой сохранился довольно остроумный анекдотъ: въ школѣ было десять статуй да два ученика. На вопросъ, сколько въ школѣ учениковъ, учитель отвѣчалъ: «по милости боговъ—двѣнадцать», или «съ богами—двѣнадцать»—σὺν τοῖς θεοῖς δώδεκα (Пропил. 1, 165 стр.). Жалованье учителямъ платилось по мѣсяцамъ. Въ случаѣ упущеній, изъ него вычиталось или условленное количество платы или даже произвольное. Не только штрафовались вычетомъ жалованья упущенія со стороны учителя, но и непосѣщеніе школы учениками также неблагопріятно отзывались на учительскомъ гонорарѣ (Becker. Charicles II, 29 S.).

[2]) Ткачевъ. Истор. Греціи и Рима. 1, 81 стр.

[3]) Matter. Histoire de l'ecole d'Alexandrie. Paris. 1840 г. I. 39 р.

[4]) Таковы, напр., роскошныя зданія: Академія, Лицей, Киносаргосъ и др.

первоначальное назначеніе и становятся не только мѣстомъ для гимнастическихъ упражненій, но и средоточнымъ пунктомъ преподаванія наукъ. Здѣсь устраиваются роскошныя залы и аудиторіи съ каѳедрами для риторовъ и философовъ [1]).

Отношенія правительства къ преподавателямъ высшаго курса наукъ аналогичны съ отношеніемъ его къ учителямъ низшихъ школъ. Правительство держитъ себя въ сторонѣ отъ всякаго контроля и заботъ о высшихъ школахъ и ихъ преподавателяхъ. Каждый софистъ и каждый философъ могъ преподавать свой курсъ гдѣ ему хотѣлось и какъ хотѣлось. Убѣжденные въ томъ, что добродѣтели нельзя научиться, въ комъ ея отъ природы нѣтъ, аѳиняне сквозь пальцы смотрѣли на всякаго рода идеи, проповѣдываемыя преподавателями высшей мудрости. Но осужденіе Сократа за мнимое развращеніе аѳинской молодежи, за введеніе новыхъ боговъ, послужило поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ правительства къ учителямъ высшей мудрости. Конечно, Сократъ былъ тутъ не причемъ, и преступленія, взведенныя на него, были болѣе фиктивными, чѣмъ дѣйствительными; но важно то, что правительство начинаетъ оцѣнивать достоинство высшей науки съ точки зрѣнія полезности ея или по крайней мѣрѣ относительной безвредности для государства и общественныхъ нравовъ. Становится не безопаснымъ открытое преподаваніе всякаго рода идей. Платонъ въ своей академіи уже долженъ былъ читать двоякаго рода лекціи: публичныя и частныя или лучше секретныя, на которыя допускались только избранные ученики [2]). Тоже мы знаемъ и объ Аристотелѣ, которому указали лицей, какъ мѣсто преподаванія его мудрости. Онъ такъ же имѣлъ эсотерическія и экзотерическія лекціи [3]). Но правительство, подчинивъ своему контролю публичныхъ преподавателей высшей мудрости, не озаботилось и теперь обезпеченіемъ ихъ опредѣленнымъ жалованьемъ. Учителя

Это были большія, часто весьма сложныя строенія, въ которыхъ находилось множество отдѣленій для разныхъ игръ и упражненій, равно какъ и для того, чтобы было гдѣ раздѣваться, намазываться, купаться, прохаживаться и отдыхать (Страшкевичъ. Краткій очеркъ греческ. древностей. Кіевъ. 1874 г. 457 р.).

1) Matter. Histoire de l'ecole d' Alex. I. 26 p.

2) Matter. cit. lib. 1. 24—25 p.

3) Журн. Мин. Нар. Просв., часть XXXVII, отд. V. 4 стр.

должны были собирать деньги съ своихъ слушателей за право слушанія и тѣмъ оплачивали свой трудъ. Конечно, такіе учители мудрости, какъ Сократъ и Платонъ, преподавали мудрость по любви къ ней, а не за деньги. Но въ иномъ направленіи шла преподавательская дѣятельность софистовъ. Имѣвшіе въ виду болѣе всего личное благосостояніе, софисты озабочены были болѣе этимъ послѣднимъ, чѣмъ мудростію, а потому не имѣли ни малѣйшаго желанія трудиться даромъ. Двѣ поговорки, постоянно повторявшіяся софистами: „рука руку моетъ“ и „дай нѣчто, и получишь нѣчто“ буквально выполнялись ими. Каждое слово ихъ цѣнилось на вѣсъ золота [1]).

Ограничивая вышеизложеннымъ нашъ обзоръ внѣшняго состоянія школъ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію внутренней ихъ организаціи. Начнемъ съ низшихъ школъ.

„Едва дитя начинаетъ понимать слова, какъ и кормилица, и мать, и педагогъ, и самъ отецъ о томъ только и хлопочутъ, чтобы оно было самымъ отличнымъ (ὅπως ὡς βέλτιστος ἔσται): поэтому они учатъ и вразумляютъ его каждымъ словомъ и дѣломъ, что вотъ это справедливо, а то несправедливо, это похвально, а то постыдно, это свято, а то нечестиво, это дѣлай, а того не дѣлай. И если дитя повинуется—хорошо; а когда не повинуется, то исправляютъ его угрозами и побоями (πληγαῖς), какъ искривившееся и худое дерево. Послѣ этого посылаютъ дѣтей въ школу и убѣдительно просятъ учителей заботиться болѣе объ ихъ благонравіи, чѣмъ о грамотности (εὐκοσμίας τῶν παίδων ἢ γραμμάτων) и игрѣ на цитрѣ. Учители дѣйствительно заботятся объ этомъ, и едва дѣти начинаютъ разбирать и понимать написанное, какъ прежде понимали звуки, даютъ имъ читать на скамьяхъ и заучивать стихотворенія лучшихъ поэтовъ, въ которыхъ много назидательнаго, многое разсказывается о древнихъ добродѣтельныхъ мужахъ и прославляются ихъ подвиги, чтобы дитя изъ соревнованія подражало имъ и само старалось сдѣлаться такимъ же. Къ этой же самой цѣли, между прочимъ, стремятся и гитаристы (κιθαρισταὶ), заботясь о благовоспитанности (σωφροσύνη) и удерживая ихъ отъ шалости. Сверхъ этого, выучившись играть на цитрѣ, юноши тотчасъ затверживаютъ творенія другихъ хорошихъ поэтовъ, чтобы пѣть ихъ

[1]) Cramer. Gesch. d. Erz. und Unterr. im Alterth. II. 196—197. S.

подъ звуки инструмента и, пріучивъ свою душу къ ритму и гармоніи, исполнить ее кротости, созвучія и согласія, а чрезъ это доставить ей пользу въ словѣ и дѣлѣ, потому что и вся жизнь человѣческая нуждается въ ритмѣ и гармоніи. Послѣ этого родители отправляютъ дѣтей въ гимназію, чтобы они, развивъ свое тѣло, приготовили въ немъ лучшее орудіе для мысли... Такъ поступаютъ особенно тѣ, которые могутъ; а могутъ особенно тѣ, которые богаты. Дѣти ихъ раньше всѣхъ возрастомъ начинаютъ посѣщать школу и позднѣе всѣхъ оставляютъ ее. Наконецъ, какъ скоро юноши вышли изъ школы, общество тотчасъ же заставляетъ ихъ изучать законы и жить по ихъ предписанію, чтобы они не дѣлали ничего сами собою, произвольно. Какъ дѣтямъ, еще не умѣющимъ писать, грамматисты начертываютъ буквы грифелемъ (τῇ γραφίδι) и приказываютъ выводить фигуру ихъ; такъ и юношамъ общество предписываетъ законы“ [1]). Въ такихъ чертахъ Платонъ изображаетъ ходъ элементарнаго образованія. Съ семи лѣтняго возраста [2]) дитя мужескаго пола освобождается отъ исключительнаго надзора матери, кормилицы и няньки [3]). Теперь ему дается въ руководители педагогъ, который становится неразлучнымъ спутникомъ мальчика до 16-ти-лѣтняго возраста [4]). Одѣтый въ длинный гиматій, плотно застегнутый поверхъ нижней одежды, въ высокихъ мѣховыхъ сапогахъ, съ кривымъ посохомъ въ рукѣ, педагогъ сопровождаетъ мальчика на рынокъ и въ школу, несетъ за нимъ книги, доску, цитру и т. под. [5]). Въ обязанность ему вмѣнено смотрѣть за выполненіемъ со стороны мальчика всѣхъ установившихся правилъ приличія и благопристойности. Но въ то время, какъ педагоги руководили мальчиками и обучали ихъ правиламъ благоповеденія, элементарнымъ образованіемъ завѣдывали грамматисты.

---

[1]) Protag. 325, 326. c. XV. 1. 244 p. изд. Didot. Parisiis.

[2]) Возрастъ, съ котораго дѣти поступали въ школы, указываетъ Платонъ. Ὁπόταν δὲ εἰς τὴν ἑπταετίαν ἀφίκηται πολλοὺς πόνους διαντλῆσαν, παιδαγογοὶ καὶ γραμματισταὶ καὶ παιδοτρίβαι τυραννοῦντες (Axioch. 366. II, 559 p. Почти то же относительно этого говоритъ Аристотель (Polit. VII, XV. 1, 623 p. Ed. Didot. Par.).

[3]) Страшкевичъ. Кр. оч. греч. древн. 455 стр.

[4]) Ордынскій. Пропилеи. 1. 163 стр.

[5]) Leges. lib. II. 808 ἄνευ ποιμένος δὲ οὔτε πρόβατα οὔτ' ἄλλο οὐδὲν πω βιωτέον, οὐδὲ δὴ παῖδας ἄνευ τινῶν παιδαγογῶν. II, 389 p.

Какъ всегда и вездѣ элементарное образованіе въ школахъ грамматистовъ начиналось съ обученія чтенію и письму. Единственнымъ методомъ, конечно, былъ методъ силлабическій. Дѣти, заучивъ названіе буквъ алфавита, ихъ изображеніе и произношеніе, переходили къ складамъ и словамъ [1]). Обычные недостатки этого метода, которые послужили главною причиною устраненія его изъ школьной практики только въ недавнее время, были замѣчены и въ разсматриваемый нами періодъ. Тогда еще являлись попытки облегчить, сдѣлать по возможности нескучнымъ сухое заучиваніе элементовъ. Къ такимъ попыткамъ можно отнести грамматическую теорію Калліаса (400 до Р. Хр.) въ формѣ трагедіи [2]). Прологъ ея составляетъ алфавитъ буквъ въ стихахъ [3]). Затѣмъ выступаютъ въ стихахъ же β, γ, δ и т. д. согласныя буквы въ ихъ соединеніи съ гласными. Семнадцать согласныхъ, соединяясь съ семью гласными, образуютъ 17 антистрофическихъ пѣсней. Такъ напр.

---

[1]) «Когда мы, говоритъ Діонисій Галикарнасскій, изучаемъ грамматику, то затверживаемъ сначала названія буквъ (στοιχεῖα τῆς φωνῆς, т. е. γράμματα) потомъ формы и значенія ихъ (τύπους καὶ δυνάμεις), далѣе слоги и все, что съ этимъ связано (καὶ τὰ περὶ ταῦτα πάθη) и, наконецъ, части рѣчи и разныя совершаемыя съ ними перемѣны, какъ-то: сокращенія, растяженія, краткость, долготу, острыя и тяжелыя ударенія, склоненія, число, падежъ и многое тому подобное (ὀνόματα καὶ ῥήματα καὶ συνδέσμους καὶ τὰ συμβεβηκότα τούτοις, συστολὰς, ἐκτάσεις, ὀξύτητας, βαρύτητας, πτώσεις, ἀριθμούς, ἐγκλίσεις καὶ τὰ ἄλλα παραπλήσια τούτοις). Потомъ мы начинаемъ читать и писать, сперва по складамъ и тихо, пока не достигнемъ настоящей твердости, а послѣ уже въ связи и въ томъ порядкѣ, какъ мы мыслимъ» (De admiranda vi dicendi in Demosthene c. 52).

[2]) Нѣкоторымъ побужденіемъ къ драмматическому представленію буквъ и складовъ могло послужить чисто внѣшнее обстоятельство, именно то, что ко времени Калліаса, при архонтѣ Эвклидѣ, введенъ былъ въ употребленіе новый или іонійскій алфавитъ вмѣсто прежде практиковавшагося финикійскаго или кадмейскаго. Въ новомъ алфавитѣ было увеличено число буквъ прибавленіемъ двухъ долгихъ гласныхъ, трехъ двойныхъ согласныхъ и трехъ придыхательныхъ. Всѣмъ школьнымъ учителямъ вмѣнено было въ обязанность ввести въ употребленіе новый алфавитъ. Увеличенный на цѣлыхъ девять буквъ, новый алфавитъ могъ казаться сравнительно труднымъ для дѣтской памяти. Продолжительное время заучиванія элементовъ могло наводить скуку. Калліасъ пытался оживить сухое и однообразное преподаваніе элементовъ.

[3]) Въ началѣ у Калліаса хоръ поетъ:

Ἔστ' ἄλφα, βῆτα, γάμμα, δέλτα, θεοῦ πάρ εἶ
Ζῆτ', ἦτα, θῆτ', ἰῶτα, κάππα, λάβδα, μῦ
Νῦ, ξῦ, το οὖ, πῖ, ῥῶ, τὸ σάν, τα ὗ ὗ, παρόν,
Φῖ, χῖ τε τῷ, ψῖ το ὦ.

(Becker. Charicles. Bild. altgr. Sitte. Zw. Aufl. II, 33 S.

βῆτα ἄλφα βα
βῆτα ε βε
βῆτα ῆτα βη
βῆτα ἰῶτα βι
и т. д.

Затѣмъ γάμμα ἄλφα γα и т. д., δέλτα ἄλφα δα и т. д. За хоромъ слѣдуетъ рѣчь. Къ каждой гласной присоединяется какой нибудь парафразъ: — Ἄλφα μόνον, ὦ γυναῖκες... Далѣе идетъ въ такомъ же родѣ дѣленіе гласныхъ на долгія и короткія, согласныхъ по ихъ классамъ и т. п. [1]). Но это еще далеко не все. Платонъ уже требуетъ при первоначальномъ обученіи сознательнаго элемента, который можетъ заинтересовать дѣтей. При обученіи чтенію, по его мнѣнію, должно представлять и матеріалъ для мыслительной дѣятельности чрезъ сравненіе однихъ элементовъ съ другими. Переходя отъ однихъ къ другимъ нужно обращаться къ первымъ и показывать сходство и различіе ихъ, такъ чтобы дѣтямъ ясно было чрезъ это сравненіе сходство изучаемыхъ съ одними и различіе съ другими [2]). Для письма употреблялись покрытыя воскомъ дощечки и грифели. Дѣтямъ, не умѣвшимъ еще писать, сперва прописывали буквы грифелемъ; а они копировали написанное [3]). Письму обучали если не одновременно съ элементами, то по крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ самаго легкаго знакомства съ ними. По Платону, первоначальное обученіе связывается съ чтеніемъ и письмомъ [4]). За обученіемъ чтенію и письму слѣдовало обученіе счету. Разумѣется, для элементарныхъ школъ всѣ начальныя правила ариѳметики ограничивались умѣньемъ считать по пальцамъ и щетамъ для чисто житейскихъ потребностей [5]). Платонъ, этотъ передовой педагогъ своего времени, совѣтуетъ учить по яблокамъ и другимъ подобнымъ предметамъ, чтобы заохотить дитя [5]).

Болѣе важнымъ предметомъ школьнаго преподаванія счи-

---

[1]) Cramer. Gesch. d. Erz. und Unter. II. 210—211.
[2]) Politic. 278. I. 590 p.
[3]) Leges VII. 810; Protag. 326.
[4]) Leges VII. 810.
[5]) Aristoph. Σφηκ. 654. καὶ πρῶτον μὲν λόγισαι φάυλως, ἢμη ψήφοις, ἀλλ' ἀπὸ χειρός. 302 p. ed. 1710 r.
[6]) Leges VII. 810.

тались стихотворенія поэтовъ. „Древніе, говоритъ Страбонъ, считали поэтическія творенія за первоначальную философію, вводящую насъ, молодыхъ людей, въ жизнь и обучающую пріятнымъ образомъ нравамъ, подвигамъ и дѣятельности; да и по словамъ нашихъ философовъ, одинъ лишь поэтъ мудръ; поэтому-то въ эллинскихъ городахъ дѣтей съизмала уже заставляютъ изучать стихотворенія, не съ тѣмъ однако, чтобы пріятно занимать ихъ, а съ тѣмъ, чтобы внушить имъ добрые нравы“ [1]). Поэты считаются учителями религіи и нравственности. Уже по этому одному произведенія ихъ должны были найти широкое распространеніе въ школахъ. Но независимо отъ этого, поэтическія творенія мыслились, какъ одно изъ лучшихъ средствъ въ дѣлѣ развитія всѣхъ психическихъ способностей. Заучиваніе ихъ, думалъ грекъ, изощряетъ память, развиваетъ разсудокъ, смягчаетъ сердце, пробуждаетъ чувства приличія и скромности и возбуждаетъ къ великимъ и благороднымъ дѣяніямъ.

Между поэтами даже въ элементарныхъ школахъ первое мѣсто занималъ Гомеръ. Одиссея и Иліада его считались необходимою принадлежностію всякой школы. Алкивіадъ далъ пощечину одному школьному учителю за то, что не нашелъ у него Гомера [2]). Это и понятно при высокомъ уваженіи грека къ Гомеру. Гомеръ былъ идеаломъ мудрости [3]). Аристофанъ хотѣлъ скорѣе не знать законовъ Солона, чѣмъ произведеній Гомера. Алкивіаду казалось страннымъ, что учитель не имѣетъ самой учительной книги. Конечно, въ элементарныхъ школахъ по весьма понятнымъ причинамъ не могли читать Гомера сполна. Какъ Гомеръ, такъ и другіе поэты читались въ отрывкахъ. Выборъ мѣстъ изъ произведеній поэтовъ опредѣлялся благоусмотрѣніемъ учителей. Но главнѣйшее вниманіе послѣднихъ было обращено на мѣста съ нравоучительнымъ характеромъ и на разныя полезныя для жизни изреченія. Этимъ, быть можетъ, мы обязаны тому, что дошедшія до насъ нѣкоторыя изъ произведеній поэтовъ состоятъ изъ разнородныхъ нравственныхъ сентенцій, почти ничѣмъ между собою не связанныхъ. Вѣроятно мы имѣемъ только выборку изъ нихъ для

[1]) Strabo. 1, 2, 3.
[2]) Cramer. Gesch. d. Erz. und Unterr. I. 282.
[3]) Plato. Lysis. 213.

школъ [1]). На ряду съ Гомеромъ въ элементарныхъ школахъ читался Эзопъ. Не читавшій и не знавшій Эзопа считался невѣждою [2]). Солонъ, оставившій по себѣ незабвенную славу законодателя и поэта, а слѣдовательно учителя свободной Эллады, былъ также предметомъ школьнаго преподаванія. Въ низшихъ школахъ читали даже Гезіода, Симонида и Пиндара, поэзія которыхъ отличалась разнообразнымъ содержаніемъ и богатствомъ формъ [3]). Но такъ какъ поэзія составляла одинъ изъ важныхъ предметовъ дальнѣйшаго образованія молодаго грека, то естественно не спѣшили и не задавались мыслію о всестороннемъ и полномъ знакомствѣ съ поэтами въ элементарныхъ школахъ. Отрывки изъ поэтовъ заучивались большею частію со словъ учителей, а не по книгамъ. Особенно это нужно сказать о бѣдныхъ школахъ, не имѣвшихъ средствъ на покупку рукописей. Рукописи были еще очень рѣдки. Перепискою ихъ занимались немногіе. По свидѣтельству Платона, въ его время стыдились писать, чтобы не прослыть софистами [4]). Только при ученикахъ его въ Аѳинахъ открытъ былъ книжный рынокъ. Но какъ рѣдкія, книги цѣнились очень дорого [5]). Понятно, что какъ школьные учители на свое скудное жалованіе, такъ и родители дѣтей не всегда имѣли возможность снабжать школьниковъ книгами. Для нагляднаго представленія содержанія стиховъ были въ употребленіи рисунки и карты [6]).

Одновременно съ обученіемъ грамотѣ шло и музыкальное образованіе, которымъ завѣдывали гитаристы. Самое обученіе грамотѣ было нѣкоторымъ родомъ музыкальнаго образованія. Дѣти должны были дѣлать замѣтнымъ долготу и краткость, повышеніе и пониженіе слоговъ. Чтеніе походило болѣе на пѣніе и никакимъ образомъ не должно было быть монотоннымъ. Поэтическая натура грека вездѣ и во всемъ искала гармоніи. Не стремился и не желалъ быть грекъ виртуозомъ въ музыкѣ, но искалъ музыкальнаго образованія настолько, на-

---

[1]) Ордынскій. Пропилеи. I, 169 стр.
[2]) Cramer. Gesch. d. Erz. I. 282 S.
[3]) Bernhardy. Grundr. d. gr. Litt. I. 455 S.
[4]) Plato. Phaedr. 257. I. 720 p.
[5]) Cramer. Gesch. d. Erz. II. 413 S.
[6]) Bernhardy. Grundr. d. gr. Litt. I. 87 S.

сколько, по прекрасному выраженію Платона, „ритмъ и гармонія особенно внѣдряются въ душу, весьма сильно трогаютъ ее и дѣлаютъ благопристойною“, насколько „воспитанный этимъ по надлежащему живо чувствуетъ, какъ скоро что упущено или неловко сдѣлано, или нехорошо произведено“ [1]). Въ музыкѣ грекъ видѣлъ одно изъ важныхъ средствъ къ умственно-нравственному и эстетическому образованію. Не увеселеніемъ и забавою только служила она для грека, но средствомъ къ развитію мысли и чувства слуха, умѣренности въ практической жизни, самообладанію и, наконецъ, средствомъ къ пониманію поэтовъ [2]). Если мы прибавимъ къ этому значеніе музыки πρὸς τε θεῶν τιμήν, ея приложеніе въ общественной и семейной жизни (хороводы, застольныя пѣсни и т. д.), то легко поймемъ тѣ побужденія, которыя заставляли грека съ юныхъ лѣтъ съ такою настойчивостію преслѣдовать музыкальное образованіе. Не даромъ Сократъ считаетъ философію только завершеніемъ музыки, а Платонъ называетъ самую философію музыкой [3]). Не даромъ, наконецъ, нелюбовь и непониманіе музыки грекъ относилъ къ признакамъ варварской грубости [4]). Общеупотребительнымъ инструментомъ была гитара (кибара или цитра) и лира [5]). Пытались было ввести въ употребленіе и флейту, но неудачно [6]).

Рука объ руку съ музыкой стояло пѣніе. Дѣти заучивали наизустъ множество пѣсенъ, которыя пѣлись подъ акомпаниментъ музыки. Одни изъ этихъ пѣсенъ были въ употребленіи при религіозныхъ торжествахъ, другія играли большую роль при пиршествахъ. Гитаристъ сначала подсказывалъ дѣтямъ са-

---

[1]) Платонъ. Политика или государство въ русск. переводѣ Карпова 172—173 стр.

[2]) Bernhardy. Gr. d. gr. Litt. I. 83—84 S.

[3]) Plato. Phaed. 61.

[4]) Во времена Платона, а особенно къ концу классическаго періода, замѣтенъ упадокъ въ музыкальномъ образованіи. Аристотель, когда у него заходитъ рѣчь о музыкѣ, различаетъ старое и новое время. Въ наше время, говоритъ онъ, занимаются музыкою просто для удовольствія, теперь царятъ относительно ея самые неустойчивые взгляды, многіе разсуждаютъ о ней, какъ о средствѣ къ забавамъ, увеселеніямъ и танцамъ; но древніе смотрѣли на нее какъ на отрасль юношескаго образованія (Политика Арист. въ русск. перев. Скворцова, кн. V).

[5]) Becker. Charicles. Excurs zur erst. Scen. II. 38 S.

[6]) Schmidt. Gesch. d. Pädag. I, 237—238 S.

мыя простыя пѣсни, и они должны были запомнить ихъ и говорить наизустъ. Потомъ имъ надлежало изучить обычные, хоральные напѣвы [1]).

На ряду съ предметами изъ области μουσική дѣти съ раннихъ лѣтъ занимались гимнастикой. Для гимнастическихъ упражненій, назначенныхъ собственно для дѣтей, правительство озабочивалось постройкою палестръ, назначеніемъ гимнастовъ, педотрибовъ, софронистовъ, олиптовъ и т. под. должностныхъ лицъ, имѣвшихъ различныя спеціальныя назначенія при гимнастическихъ упражненіяхъ. Гимнастическими упражненіями имѣли въ виду сообщить тѣлу возможную красоту, гибкость, стройность, проворство, здоровье, чтобы человѣкъ въ юности обладалъ спокойной энергіей, въ мужскомъ возрастѣ способенъ былъ ко всякой практической дѣятельности и въ старости болѣе удобно переносилъ недуги преклонныхъ лѣтъ. Но не одно это только имѣлось въ виду при гимнастическихъ упражненіяхъ. Греки лучше всѣхъ народовъ міра понимали, что здоровый духъ живетъ въ здоровомъ тѣлѣ. Рано они сознали, что гимнастика предохраняетъ душу отъ изнѣженности, наполняетъ ее мужествомъ, пріучаетъ къ воздержанію, самообладанію и цѣломудрію. Все это заставило и правительство и общество о палестрахъ и гимназіяхъ заботиться гораздо болѣе, чѣмъ о школахъ.

На 15 или 16 году отъ роду для молодаго аѳинянина заканчивался курсъ элементарнаго школьнаго образованія. Для многихъ, которые не имѣли ни времени, ни средствъ для даль-

---

[1]) Что касается школьныхъ порядковъ и благоустройства школъ, то относительно этого сохранилось мало положительныхъ данныхъ. О школьной мебели мы знаемъ только, что дѣти сидѣли на скамьяхъ (βάθρα), а учители на особомъ возвышенномъ мѣстѣ (θρόνος). Учебные часы начинались съ ранняго утра (Plato. Leges. 808. — ἡμέρας δε ὄρθρᾳ τε ἐπανιόντων παῖδας μεν πρὸς διδασκάλους ποῦ τρέπεσθαι χρεών). Ходили въ школу, кажется, два раза: утромъ и вечеромъ; занимались въ школѣ грамматистовъ дѣти не цѣлый день. Извѣстное число часовъ назначалось для гимнастическихъ упражненій. Элементарную школу дѣти посѣщали до 16 лѣтъ (Ордынскій. Пропилеи. I. 165 стр.) Относительно дисциплины школьной извѣстно, что она была строга (Aristoph. Νεφελ. 967 ff. 151 S. ed. Kock. 1862 г.). У школьниковъ были, какъ кажется, каникулы. По крайней мѣрѣ, въ праздники не полагалось занятій (Becker. Charicles. II, 29 S.). Но были и въ собственномъ смыслѣ школьные праздники (Μουσεῖα ἐν τοῖς διδασκαλείοις, Ἑρμαῖα ἐν ταῖς παλαίστραις — Plato. Lysis 206).

нѣйшаго образованія, умѣнье читать, писать и считать, а также знакомство съ поэтами, хотя далеко не глубокое и всестороннее, считалось совершенно достаточнымъ для практической жизни. Но для столькихъ же, если не большаго числа молодыхъ людей, въ разсматриваемый нами періодъ, періодъ блестящаго развитія науки, элементарное школьное образованіе казалось далеко неудовлетворительнымъ. Соціальная и политическая жизнь, формы судовъ, различныя государственныя должности, со времени персидскихъ войнъ, требуютъ людей научно-подготовленныхъ. Всѣмъ хорошо былъ знакомъ примѣръ Перикла, который игралъ такую важную роль въ государствѣ. И чему онъ былъ обязанъ такимъ вліяніемъ, какъ не своему образованію. Особенно послѣ пелопонесскихъ войнъ, когда государственный строй проявился въ формѣ неукротимой демократіи, когда открылся путь необузданному честолюбію и властолюбію, играть роль передоваго вождя въ народномъ собраніи, демагога той или другой партіи, или занимать какой либо выдающійся постъ на общественно-государственной службѣ было немыслимо безъ формальнаго реторическаго образованія. Только хорошій ораторъ, увлекательный краснобай могъ направить расходившіяся народныя страсти въ свою пользу. Словомъ, потребность въ реторикѣ чувствовалась всѣми. И вотъ, изобрѣтенная въ Сициліи, она переносится въ Аѳины. Софисты, первые учители краснорѣчія, наводняютъ города Греціи, ходятъ изъ одного пункта въ другой, всюду увлекая за собою толпы молодыхъ грековъ. Мастера доказывать и опровергать одновременно одно и тоже, извращать мысли, говорить увлекательно и съ лоскомъ, софисты какъ нельзя болѣе пришлись по вкусу молодымъ грекамъ. Но реторика, какъ высшая наука, требовала значительной подготовки. Недостаточно было выслушать курсъ реторики, чтобы быть хорошимъ ораторомъ. Кромѣ грамматики, знакомства съ поэтами, требовалось знакомство съ исторіей и географіей. Мало этого,—математика считается однимъ изъ средствъ формальнаго образованія ума и потому требуется въ числѣ предметовъ пропедевтическаго курса. Но напрасно стали бы мы искать у софистовъ строго выработанной и точно опредѣленной программы подготовительнаго курса. Поверхностно знакомые со всѣмъ, они готовы были преподавать все и, смотря по личнымъ вкусамъ и разсчетамъ, одни

помѣщали въ программѣ пропедевтическаго курса одни предметы, другіе—совсѣмъ иные.

Въ то самое время, какъ софисты являлись въ средѣ аѳинской молодежи преподавателями мудрости, на ряду съ ними выступаютъ философы, съ проповѣдью о философіи, какъ высшей мудрости. Выставляя философію въ качествѣ высшей науки, эти послѣдніе необходимо должны были такъ или иначе опредѣлить кругъ подготовительныхъ наукъ. Но и у знаменитыхъ представителей философской мысли того времени мы не находимъ однообразнаго, опредѣленно-сложившагося представленія о наукахъ пропедевтическаго курса. Требуя музыкальнаго образованія, Сократъ не придаетъ большаго значенія математикѣ. Въ ней онъ не видитъ ничего болѣе, какъ средство къ удовлетворенію потребностей практической жизни. Сократъ не одобрялъ, если геометріей, напр., занимались болѣе, чѣмъ требуется для того, чтобы съ точностію вымѣрить земельный участокъ. Изслѣдованія о разстояніи и движеніи свѣтилъ онъ считалъ безцѣльными, потому что они требуютъ много времени и отвлекаютъ отъ иныхъ полезныхъ занятій [1]). Въ противоположность Сократу, Платонъ ставитъ знаніе математики необходимымъ условіемъ для вступленія въ его академію [2]). Будучи едва-ли не первымъ геометромъ своего времени, какъ изобрѣтатель геометрическаго метода, Платонъ естественно и отъ желавшихъ слушать курсъ высшей мудрости требовалъ полнаго знакомства съ математикой. Въ своей „Политикѣ“ Платонъ называетъ ее преддверіемъ къ философіи, а въ „Тимеѣ“ математическимъ элементамъ данъ у него такой просторъ, что всѣ стихіи міра перелагаются на математическій языкъ. По смерти Платона его школа является по преимуществу философско-математическою. Въ своихъ сочиненіяхъ Платонъ многосторонне обозрѣваетъ важность и значеніе математическихъ наукъ. Математика важна для практической жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ она служитъ лучшею подготовкою для философскаго образованія. Ариѳметика, геометрія и астрономія суть такія науки, которыя отъ чувственнаго ведутъ къ духовному, указываютъ вѣчные законы бытія [3]). Ариѳметика по существу своему

[1]) Schmidt. Gesch. d. Pädag. I. 275 S.
[2]) Matter. Hist. de l'ecol d'Alexandr. II. 59 p.
[3]) Civitas. VII, 522—528, 531. Leges VII, 817—819.

наука теоретическая. Она имѣетъ дѣло съ числами. Каждое изъ другихъ искусствъ и знаній, а особенно музыка и военное искусство, должны пользоваться ея примѣненіемъ; но въ высшей своéй части она переходитъ отъ міра явленій къ истинѣ и къ міру идей [1]). Если бы человѣкъ лишенъ былъ понятія о числѣ, то онъ никогда не достигъ бы ни мудрости, ни добродѣтели, ибо существо, не умѣющее отличить двухъ отъ трехъ, четъ отъ нечета, и вообще неспособное вычислять, никогда не было бы въ состояніи обозначить связь и соотношенія чувственныхъ ощущеній и представленій. Правда, и безъ знанія чиселъ можно достигнуть добродѣтели, мужества и умѣренности, но, не вникая въ сущность вещей, нельзя быть мудрымъ, а безъ послѣдняго нельзя быть счастливымъ [2]). Наконецъ, великая польза ариѳметики заключается въ томъ, что она пробуждаетъ отъ природы вялый и непонятливый умъ и способствуетъ къ тому, что, не смотря на свою тупость, онъ, какъ бы при посредствѣ Божьей силы, легко постигаетъ, хорошо усвоиваетъ и изощряется [3]). Геометрія занимается измѣреніемъ всего, что имѣетъ длину, ширину и глубину. Она по преимуществу наука о площадяхъ и плоскостяхъ; но къ ней присоединяется и ученіе о кубѣ и ученіе о всемъ томъ, что имѣетъ глубину [4]). Низшая геометрія примѣняется въ зодчествѣ, торговлѣ и въ военномъ искусствѣ. Гораздо выше задача высшей геометріи. Она влечетъ умъ въ міръ идей, даетъ знаніе сущаго [5]). Астрономія имѣетъ дѣло съ звѣздами и планетами, ихъ положеніемъ и движеніемъ. Она, какъ и геометрія, распадается на высшую и низшую. Низшая астрономія занимается неподвижными звѣздами и планетами, ихъ движеніемъ,

[1]) Civitas. VII. 525. «Она (ариѳметика) принадлежитъ къ тѣмъ наукамъ, какихъ мы ищемъ, ибо военному человѣку необходимо знать ее для распорядка войскъ, а философу—для достиженія сущности. Поэтому эту науку нужно утвердить закономъ и убѣдить тѣхъ, которые намѣреваются занять въ городѣ высокія должности, чтобы они упражнялись въ наукѣ счисленія ... для войны и самой души, чтобы облегчить ей обращеніе отъ вещей преходящихъ къ истинѣ и сущности (ἕνεκα πολέμου τε καὶ αὐτῆς τῆς ψυχῆς ῥᾳστώνης μεταστροφῆς ἀπὸ γενέσεως ἐπ' ἀλήθειαν τε καὶ οὐσίαν) II. 131 p.

[2]) Epinomis. 977 d.

[3]) Civitas VII. 226. II. 132 p.

[4]) Civitas VII, 528 и Leges VII, 819.

[5]) Civitas VII, 527. 132—133 p.

[6]) Timaeus. 40

взаимнымъ сближеніемъ и т. п. [1]). Она же указываетъ намъ на то, что Творецъ создалъ солнце, луну и свѣтила для опредѣленія числовыхъ отношеній времени [2]). Высшая астрономія имѣетъ дѣло съ сверхчувственнымъ. Она разсматриваетъ вселенную въ цѣломъ, въ ея существѣ, въ идеѣ [3]). Астрономія имѣетъ приложеніе и въ практической жизни. При помощи ея мы правильно опредѣляемъ календарное счисленіе. „Она осязательно представляетъ чувству и времена года, и мѣсяцы, и годы, что нужно не только для земледѣлія и кораблеплаванія, но не менѣе и для военачальствованія“ [4]). Вотъ науки, которыя Платонъ считаетъ совершенно достаточными въ качествѣ пропедевтическаго курса для дальнѣйшаго высшаго образованія, именно философіи. Для него излишними кажутся и грамматическія изслѣдованія, и реторика, и глубокое всестороннее знакомство съ поэтами.

Иначе ставитъ дѣло Аристотель. Стоя на почвѣ опыта, восходя отъ явленій міра конкретнаго къ послѣднимъ крайнимъ его основамъ, Аристотель путемъ индукціи выводитъ всеобщія положенія изъ совокупности данныхъ фактовъ. Важнѣйшимъ орудіемъ для такого познанія у Аристотеля служитъ логика, которая для него есть формальный органъ науки. Придавая такое значеніе логикѣ, Аристотель естественно долженъ былъ высоко цѣнить грамматику. Помимо того, что грамматика полезна для многихъ практическихъ цѣлей, ее нужно изучать ради широкаго знакомства съ языкомъ [5]). Съ грамматикою тѣсно связывается реторика. Она имѣетъ своею задачею въ каждомъ предметѣ разсмотрѣть то, что убѣдительно и, при помощи общепринятыхъ предложеній, доводить до убѣжденія слушателей. Какъ дополненіе къ грамматикѣ и риторикѣ Аристотель требуетъ чтенія и изученія поэтовъ, становясь въ этомъ случаѣ въ оппозицію съ Платономъ. Въ то время какъ Платонъ считаетъ математическія науки крайне важными въ преподаваніи, такъ какъ онѣ составляютъ переходъ отъ чувственнаго къ духовному, Аристотель ставитъ ихъ въ дѣлѣ преподаванія довольно низко. Не отвергая совсѣмъ значенія матема-

[1]) Leges VII, 821 и 822.
[2]) Civitas. VII, 530.
[3]) Civit. VII, 527 d.
[4]) Cramer. Gesch. d. Erz. und Unterr. im Alterth. B. II. 489 S.

тики въ практической жизни, онъ не хочетъ допустить, чтобы она вела къ міру сверхчувственному [1]). Графику или рисовальное искусство нужно изучать для того, чтобы умѣть вѣрно судить о произведеніяхъ художниковъ, и юноши обучаются искусству рисовать не ради только непосредственно практической пользы, но еще болѣе потому, что искусствомъ этимъ образуется и изощряется чутье тѣлесной красоты [2]). Діалектика полезна въ трехъ отношеніяхъ: для упражненія собственнаго ума, для сношеній съ другими въ виду убѣжденія ихъ и для изученія философскихъ наукъ, чтобы легче отличать истину отъ лжи.

Вотъ кругъ наукъ пропедевтическаго курса по Аристотелю. Этотъ послѣдній, какъ завершитель всего того, къ чему стремился греческій духъ и чего онъ достигъ, пополнилъ программу общеобразовательнаго курса, начертанную Платономъ. Въ лицѣ двухъ знаменитыхъ дидактологовъ своего времени опредѣлился тотъ самый кругъ наукъ, который въ Александрійскій періодъ составилъ собою такъ называемый Ἐγκύκλιος παιδεία.—Такимъ образомъ только къ концу классическаго періода выработалась опредѣленная программа общеобразовательныхъ предметовъ. Конечно, это не значитъ, что аѳинская молодежь прежде не была знакома съ разными предметами изъ области этой программы. Напротивъ, какъ мы уже замѣчали, софисты были учителями разнородныхъ общеобразовательныхъ предметовъ. Въ то время какъ Протагоръ былъ нравоучителемъ, другіе софисты, по его словамъ, „обременяютъ юношей науками, заставляя ихъ учиться ариѳметикѣ, астрономіи, геометріи и музыкѣ“ [3]). Горгій училъ риторикѣ и политикѣ, Продикъ—грамматикѣ и т. под. Въ силу своего основнаго принципа воспитанія и образованія, именно строгаго равновѣсія, первѣе всего, между тѣломъ и духомъ, а потомъ между различными психическими способностями, грекъ не любилъ и не преслѣдовалъ строгой спеціализаціи наукъ. Онъ не искалъ быть знатокомъ одной какой либо науки въ ущербъ другой, но стремился къ равномѣрному по возможности ознакомленію со всѣмъ богатствомъ умственной жизни.

---

[1]) Ibid.

[2]) Полит. Арист. въ русск. пер. Скворцова, кн. V, 2 и 3.

[3]) Protag. 318 c.

Этотъ основной принципъ по отношенію къ интеллектуальному образованію сохранился и въ блестящія времена классическаго періода, когда пелопонезскія войны, Сократъ и софисты успѣли нарушить равновѣсіе между тѣломъ и духомъ, когда очевидно умственное образованіе выдвинуто было на первый планъ въ ущербъ гимнастическимъ упражненіямъ, имѣвшимъ въ виду развитіе тѣла. Теорія передовыхъ дидактологовъ и оставалась теоріей, туго прививаясь къ практикѣ. Въ то время какъ Сократъ проповѣдуетъ необходимость ближайшаго ознакомленія съ внутреннимъ человѣкомъ, игнорируя, напр., такія науки, какъ математика, а Платонъ выдвигаетъ на первый планъ эту послѣднюю, и Аристотель отдаетъ очевидное предпочтеніе грамматикѣ, риторикѣ и діалектикѣ, молодые люди искали ознакомиться съ тѣмъ и другимъ. Личный вкусъ и индивидуальныя наклонности могли предрасположить каждаго къ предпочтительному занятію той или другой наукою. Но отъ образованнаго грека, неспеціалиста, въ классическій періодъ требовалось, чтобы онъ былъ знакомъ съ своими родными поэтами, музыкой, грамматикой, риторикой, діалектикой и математикой.

Изученіе поэтовъ составляло продолженіе элементарнаго курса низшихъ школъ. Фрагментарное знакомство съ поэтами въ низшихъ школахъ пополнялось теперь болѣе широкимъ, всестороннимъ изученіемъ ихъ. Кромѣ того, что творенія тѣхъ поэтовъ, съ которыми знакомился грекъ въ низшихъ школахъ, читались теперь по болѣе широкой программѣ, можно сказать, сполна, число поэтовъ значительно увеличилось. На ряду съ вышеуказанными поэтами въ общеобразовательномъ курсѣ читали творенія Тирцея (550 л. до П. Х.), Продика и др. Къ концу періода творенія греческихъ драматурговъ сдѣлались любимымъ предметомъ чтенія молодежи [1]). И нужно сказать, греки въ знаніи своихъ отечественныхъ поэтовъ достигали значительнаго совершенства. Никратъ въ Ксенофонтовомъ пиру хвалится своимъ знакомствомъ съ поэтами. „Отецъ мой, говоритъ онъ, заботясь о томъ, чтобы изъ меня вышелъ дѣльный человѣкъ, заставлялъ меня твердить всѣ пѣсни Гомера, и теперь я знаю наизустъ всю Иліаду и Одиссею“ [2]). Что всякій

[1]) Cramer. Gesch. d. Erz. und Unterr. im Alt. I. 285.

[2]) Symp. 3, 5.

образованный грекъ имѣлъ многостороннюю начитанность въ отечественныхъ поэтахъ, это можно видѣть изъ частыхъ ссылокъ на нихъ, особенно у ораторовъ и философовъ. Послѣ того, какъ образованный грекъ, вслѣдствіе общей порчи нравовъ, пришелъ въ разладъ съ своими вѣрованіями, со всѣмъ тѣмъ, что передавалось поэтами о богахъ, послѣ того какъ Ксенофанъ публично заявилъ, что „Гезіодъ и Гомеръ на боговъ наклепали поступки, какіе и людямъ вмѣняются въ срамъ и позоръ“, и что „никто ничего не позналъ достовѣрно и не узнаетъ о богахъ“ [1]), должно было подорваться высокое уваженіе къ поэтамъ. Авторитетъ ихъ непогрѣшимости падаетъ. Софисты, въ силу принциповъ своей философіи, первые начали подвергать критическому разбору сказанія поэтовъ. И самъ Сократъ, этотъ жаркій противникъ „учителей мудрости“, столь горячо ратовавшій противъ нововведеній софистовъ не устоялъ противъ потребностей и духа времени. И онъ съ своими учениками безъ критическаго разбора не принимаетъ на вѣру сказаній поэтовъ. Въ Платонѣ замѣтно холодное равнодушіе къ нимъ. Критическое отношеніе и разборъ произведеній поэтовъ есть явленіе новое въ методѣ преподаванія поэзіи въ средне-учебномъ курсѣ.

При чтеніи поэтовъ останавливаются долго на внѣшней формѣ ихъ произведеній въ интересахъ грамматики. Потребность краснорѣчія, чрезвычайно быстрое его развитіе влекли за собою и оживленіе грамматики. Это было какъ нельзя болѣе естественнымъ явленіемъ въ виду тѣсной органической связи названныхъ наукъ. Софисты и въ этомъ случаѣ оказали услугу наукѣ. Они обратили вниманіе на существовавшіе методы преподаванія грамматики и внесли замѣтное улучшеніе въ эту область. Далѣе, они занялись этимологіей языка, синонимами, какъ Продикъ Кеосскій и т. п. [2]). Но въ этой-то области менѣе всего сдѣлали софисты. Грамматика классическаго періода во всякомъ случаѣ не можетъ похвалиться совершенствомъ, количествомъ открытій и серьезныхъ изслѣдованій. Если не считать грамматическихъ трудовъ Аристотеля,

---

[1]) Schmidt. Gesch. d. Pädag. I. 249 S.

[2]) Риттеръ. Исторія философіи въ русск. перев. I, 481 стр.

то честь болѣе серьезныхъ грамматическихъ работъ принадлежитъ ученымъ александрійскаго періода.

Ариѳметика, считавшаяся однимъ изъ предметовъ преподаванія низшихъ школъ, ограничивалась въ нихъ, какъ было замѣчено въ своемъ мѣстѣ, чисто практическими цѣлями, не выходя за предѣлы умѣнья считать. Въ общеобразовательномъ курсѣ средне-учебныхъ заведеній ариѳметика преслѣдуетъ чисто теоретическія цѣли, имѣя въ виду болѣе всего формальное образованіе умственныхъ способностей. Для обозначенія численныхъ величинъ въ разсматриваемую нами эпоху пользовались буквами алфавита, напр. $\alpha = 1$, $\beta = 2$, $\gamma = 3$ и т. д, $\alpha_{,} = 1000$, $\beta_{,} = 2000$, $\gamma_{,} = 3000$ и т. д. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла являлись большія трудности, которыя слишкомъ много тормозили дѣло развитія ариѳметики. Только геній греческаго духа могъ отчасти устранить препятствія чрезъ употребленіе геометрическихъ конструкцій и при помощи ихъ достигнуть такихъ результатовъ, которымъ можно лишь подивиться. Уже Пиѳагоръ занимался образованіемъ чиселъ изъ факторовъ, слагающихъ его. У слѣдующихъ математиковъ мы находимъ знакомство съ пропорціями и прогрессіями, квадратнымъ и кубическимъ счисленіемъ, у Платона и его учениковъ—знакомство съ геометрическимъ рѣшеніемъ равенствъ первой и второй величины.

До Платона греческая молодежь знакомилась съ геометріей по изобрѣтеніямъ Ѳалеса, Пиѳагора и Гиппократа. Со времени Платона и его учениковъ предѣлы геометріи значительно расширились, благодаря ученымъ трудамъ какъ самаго Платона, такъ и его учениковъ: Менеха, Аристея, Эвдокса и др.

По астрономіи въ классическій періодъ учащаяся молодежь могла знакомиться съ теоріями о сферической формѣ земли, о сущности и величинѣ солнца, земли и луны, о величинѣ угла наклоненія эклиптики къ экватору, о тропикахъ, равноденствіи, движеніи планетъ и т. п. Но при всемъ томъ, что астрономія входила въ кругъ общеобразовательныхъ предметовъ, и на нее употреблено было много труда и занятій, теоріи были неполны, наблюденія невѣрны. Чувствовался большой недостатокъ въ инструментахъ, съ помощію которыхъ можно было-бы производить болѣе точныя изслѣдованія. Особенно физическая астро-

номія требовала еще болѣе серьезнаго научнаго обоснованія [1]).

Логическіе вопросы въ первый разъ высказаны были болѣе или менѣе отчетливо мыслителями элеатской школы въ древней Греціи. Діалектическій элементъ занимаетъ въ философствованіи этой школы столь же видное мѣсто, какъ и ученіе догматическое. Зенонъ элеатскій представляется въ исторіи искуснымъ и неутомимымъ діалектикомъ, защищающимъ принципы своей школы путемъ споровъ и словесныхъ состязаній, въ которыхъ онъ по преимуществу опровергалъ противные принципы. Сила его діалектики удивляла современниковъ и послѣдующихъ мыслителей. Изъ Платонова „Парменида“ мы узнаемъ и методъ преподаванія діалектики. Престарѣлый философъ, именемъ котораго у Платона названъ діалогъ, преподаетъ юному Сократу уроки методическихъ пріемовъ изслѣдованія истины. Онъ совѣтуетъ ему начинать изысканіе истины чрезъ словесное состязаніе, научаться выводить слѣдствія изъ постановленныхъ гипотезъ, равно какъ и ставить самыя гипотезы, если нѣтъ таковыхъ [2]). Софисты, такъ хорошо умѣвшіе и другихъ учившіе съ равною убѣдительностію говорить за и противъ, конечно, должны были прибѣгать къ діалектикѣ. Часто употребляемый ими методъ преподаванія — эристическій, т. е. способъ преподаванія посредствомъ хитроумныхъ словопреній, въ ихъ рукахъ получилъ широкое развитіе. Но разработанная діалектика, служившая образцомъ для цѣлыхъ столѣтій послѣдующаго времени, вышла изъ-подъ пера Аристотеля.—Что касается исторіи, то она, при взглядѣ грека на весь негреческій міръ, какъ на варварскій, слѣдовательно, недостойный того, чтобы съ нимъ серьезно знакомиться, не могла получить широкой разработки. Однако греческій геній и въ этой области выставилъ такихъ замѣчательныхъ представителей, какъ Геродотъ, Фукидидъ и Ксенофонтъ, равныхъ которымъ нельзя указать въ послѣдующую эпоху [3]).

Вотъ съ чѣмъ могъ знакомиться молодой грекъ въ классическій періодъ, періодъ энергически продуктивной умственной

[1]) Matter. Histoire de l'ecole d'Alexandrie II, 170—171 p.
[2]) Parmenides. 627—57 p. ed. Didot. Parisiis. t. I.
[3]) Matter. Hist. de l'ec. d'Alex. II. 383 p.

дѣятельности грековъ. Мы, не имѣя въ виду писать исторіи наукъ этого періода, представили бѣглый очеркъ ихъ съ тою цѣлью, чтобы показать приблизительно, съ какимъ запасомъ знаній могъ молодой грекъ оканчивать общеобразовательный курсъ. За отсутствіемъ школьныхъ учебниковъ отъ того времени, по необходимости пришлось приблизительно, по догадкамъ, судить о предѣлахъ и методѣ преподаванія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ тѣхъ самыхъ наукъ, очеркъ развитія которыхъ мы выше представили [1]).

По окончаніи общеобразовательнаго курса молодой грекъ могъ приступить къ болѣе спеціальному занятію реторикой или философіей. Реторика, сдѣлавшаяся потребностію того времени, пріобрѣла къ себѣ наибольшее вниманіе молодежи. Софисты положительно были окружены бродившею за ними толпою юношей, жаждавшихъ научиться говорить изящно, убѣдительно и увлекательно. Софистовъ можно назвать спеціальными учителями краснорѣчія. Исократъ, одинъ изъ лучшихъ софистовъ, считаетъ реторику вѣнцомъ образованія [2]). По убѣжденію или по личнымъ разсчетамъ того же мнѣнія держатся Горгіасъ, Продикъ, Иппій, которые, по словамъ Сократа, бро-

---

[1]) Рука объ руку съ интеллектуальнымъ образованіемъ грека шла гимнастика. Юноши посѣщали уже не палестры, а гимназіи, гдѣ подъ надзоромъ и руководствомъ гимнастовъ, гимназіарховъ, косметовъ, софронистовъ и гипософронистовъ занимались гимнастическими упражненіями. Къ концу разсматриваемаго нами періода гимнастика начинаетъ падать. Исключительное сосредоточеніе вниманія на предметахъ образованія изъ области μουσική, нарушеніе принципа равновѣсія между духомъ и тѣломъ, произведенное еще Сократомъ и софистами, чрезвычайно неблагопріятно отзываются на предметахъ изъ области φυσική. Порча нравовъ, изнѣженность и роскошь, охватившія не только высшіе классы, но и свободныхъ горожанъ, окончательно добиваютъ гимнастику. Послѣдняя кажется слишкомъ утомительною и трудною. Палестры и гимназіи не посѣщаюття. Рынки, цирульны предпочитаются послѣднимъ. Въ гимназіи ходятъ не для упражненій, а для бесѣды или слушанія уроковъ философа или софиста. Аристофанъ уже горько жаловался въ своихъ «Облакахъ» на то, что безвозвратно прошло то время, когда «отнюдь не слыхать было крика буйныхъ дѣтей», когда «отроки въ школу чинно по улицѣ шли въ легкой одеждѣ, хотя бы мятель на дворѣ бушевала», когда «въ палестрахъ мальчики, на пескѣ отдыхая, должны были ноги прикрыть по колѣна, благочинье храня предъ публикой», когда «въ этой школѣ готовилось племя Марѳеонскихъ героевъ» (Νεφελ. 973 ff. 152—4 p. ed. Kock).

[2]) Cramer. Gesch. d. Erz. und Unterr. im Alt. I, 298 S.

дятъ изъ города въ городъ, убѣждая юношей обратиться къ нимъ въ надеждѣ за деньги получить искомой мудрости [1]). Не много было въ средѣ софистокъ такихъ благородныхъ личностей, какъ Исократъ, для котораго реторика служила средствомъ для высшей цѣли. Своими декламаціями, практически составленною реторикою и внушительными доводами Исократъ стремился настроить умы своихъ учениковъ къ добру и возбудить ихъ противъ зла, чтобы такимъ путемъ образовать не только вліятельныхъ ораторовъ, но и также нравственно честныхъ людей и полезныхъ гражданъ [2]).

Для большинства софистовъ реторика была сама въ себѣ высшею цѣлью, или лучше средствомъ для низкихъ корыстныхъ цѣлей [3]). Но такъ или иначе реторика, какъ главный предметъ преподаванія софистовъ, должна была получить въ ихъ рукахъ широкое развитіе. Не говоря уже о томъ, что они выработали много новыхъ пріемовъ и правилъ, они постарались сгруппировать всѣ правила и обработать учебники для школьной практики [4]). Кромѣ этого софисты занимаются разработкою отдѣльныхъ реторическихъ вопросовъ [5]). Въ своемъ преподаваніи реторики софисты пользовались болѣе всего способомъ непрерывнаго изложенія и эпидиктическою формою. Впрочемъ они часто прибѣгали также къ діалогической формѣ и подготовили такимъ образомъ сократо-платоновскій методъ преподаванія [6]). Протагоръ и Горгій славились умѣніемъ оди-

---

[1]) Plato. Apolog. Socratis. 19 и 20.

[2]) Schmidt. Gesch. d. Päd. I, 285 S.

[3]) Прекрасно характеризуетъ софистовъ въ этомъ случаѣ Платонъ. «Оставить ли въ покоѣ Тизіаса и Горгіаса, которые открыли, что правдоподобное надобно предпочитать истинному, которые силою слова могутъ маловажное представить какъ великое, а великое какъ маловажное, которые о новомъ умѣютъ говорить, какъ о старомъ, а о старомъ, какъ о новомъ, которые нашли способъ разсуждать о всемъ и коротко и до безконечности продолжительно?» (Phaedrus. 267. 1,727 p.).

[4]) Эвенъ Паросскій составилъ нѣчто въ родѣ учебника въ стихахъ (Praedr. 267). Надъ составленіемъ подобныхъ же руководствъ трудились извѣстные софисты: сициліецъ Тизіасъ, Фразимахъ Халкидонскій и Ѳеодоръ Византійскій (Cramer. Gesch. d. Erz. und Unterr. im Alt. II. 209 S.).

[5]) Такъ Протагоръ и Горгій разрабатываютъ вопросъ о такъ называемыхъ общихъ мѣстахъ (communes loci) и о противорѣчіяхъ (Ars contradicendi). (Sophist. 232).

[6]) Cramer. Gesch. d. Erz. und Unterr. 1, 163—164 S.

наково хорошо преподавать какъ тѣмъ, такъ и другимъ методомъ [1]). Особенно часто софисты примѣняли къ дѣлу методъ эристическій, о которомъ Аристотель отзывается, какъ объ увлекательномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гимнастическомъ средствѣ для образованія ума [2]).

Въ преподаваніи софистовъ, какъ уже замѣчено выше, нужно различать два курса: подготовительный, состоявшій въ знакомствѣ съ предметами средне-образовательнаго курса, въ грамматическихъ изслѣдованіяхъ, въ декламаторскихъ упражненіяхъ, и спеціальный, при которомъ юноши произносили уже рѣчи, сначала подражая образцамъ учителя, а потомъ самостоятельно [3]).

Съ тѣхъ поръ какъ Анаксагоръ первый противопоставилъ духъ природѣ, греческая философія вступила въ новый періодъ своего развитія. Вниманіе философовъ останавливалось теперь исключительно на человѣкѣ, какъ на существѣ разумно-нравственномъ. Внѣшняя природа, потерявши свое первенствующее значеніе, объясняется теперь изъ противополагаемаго ей духа. Переходъ отъ перваго періода философской мысли грека ко второму совершили софисты. Высказавъ ясно и опредѣленно мысль, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, софисты тѣмъ самымъ подняли личность человѣка до безусловнаго значенія въ отношеніи къ познанію и дѣятельности. Сократъ, столь сильно ратовавшій противъ софистовъ, придаетъ значеніе человѣческой природѣ не меньше, чѣмъ софисты, но не съ случайными особенностями индивидуума, а лишь на сколько есть между людьми общаго. Сократъ въ то время, когда разрушительный потокъ новаго направленія, вызваннаго софистами, все глубже и глубже проникалъ въ общество, выступаетъ учителемъ нравственности. На площадяхъ, рынкахъ, гимназіяхъ и въ частныхъ домахъ—онъ всюду настойчиво проводитъ основной принципъ своей философіи: „познай самаго себя“. Глав-

---

[1]) Plato. Euthyd. 277, ср. Phaedr. 267.

[2]) Какое широкое примѣніе въ школьномъ преподаваніи получилъ этотъ методъ, можно видѣть уже изъ того, что въ школѣ грамматиста Діонисія два мальчика горячо спорили о философскихъ вопросахъ и небесныхъ явленіяхъ, ставя вопросы какъ другъ другу, такъ и учителю (Plato. Amatores. 132).

[3]) Cramer, cit. lib. 1, 301 S.

нымъ предметомъ его бесѣдъ служили религія и нравственность. Предъ своими слушателями, которые, нужно сказать, постоянно смѣнялись и представляли собою контингентъ людей всякаго званія и состоянія, онъ разбиралъ понятія о благочестіи и безбожіи, о благородствѣ и подлости, трусости и храбрости и т. п. Къ этому присоединилось чтеніе и разборъ твореній поэтовъ и писателей. Что касается другихъ предметовъ и взгляда на нихъ Сократа, то, какъ уже выше замѣчено, онъ не высоко ставилъ науки, не относящіяся непосредственно къ познанію внутренняго человѣка.

Личность Сократа была слишкомъ замѣчательна, чтобы не обратить на себя вниманіе окружающаго его міра. Восьми лѣтъ, проведенныхъ Платономъ вблизи Сократа, было совершенно достаточно для того, чтобы этотъ геніальный умъ своего времени вполнѣ могъ усвоить себѣ всѣ идеи любимаго учителя, воплотить ихъ въ своей жизни и дѣятельности. Роль общественнаго учителя, которая довела Сократа до насильственной смерти, не могла быть безопасною и для Платона, еслибы онъ вздумалъ дѣйствовать въ томъ же направленіи. Да къ тому же и не безопасно было проводить идей, напр., о совершенномъ или идеальномъ государствѣ, о совершенныхъ законахъ въ такомъ обществѣ, которое жило среди постоянной борьбы аристократіи съ демократіей, съ значительнымъ перевѣсомъ послѣдней. Аристократъ по происхожденію, слѣдовательно болѣе сочувствовавшій аристократіи, Платонъ однако не могъ одобрить ея честолюбивыхъ замысловъ. Находясь по своимъ убѣжденіямъ въ разладѣ съ существовавшимн политическими порядками, Платонъ окончательно устраняетъ отъ себя мысль о какой либо роли политическаго дѣятеля. На 40 году своей жизни, послѣ путешествій въ Мегару, Кирену, Египетъ, Великую Грецію и Сицилію, онъ открываетъ въ Аѳинахъ философскую школу. Вокругъ него быстро образовался кружокъ слушателей и почитателей. Многіе изъявили желаніе жить вмѣстѣ съ учителемъ. Располагая средствами, Платонъ купилъ близъ академіи свой домъ, гдѣ и помѣстился съ своими учениками. Слава о знаменитомъ философѣ быстро распространилась среди образованнаго міра. Число слушателей со дня на день увеличивалось. Платонъ, не имѣя возмож-

ности удовлетворить лично всѣмъ, изъ болѣе способныхъ учениковъ своихъ избралъ помощниковъ себѣ. Эти послѣдніе вѣроятно занялись преподаваніемъ пропедевтическаго курса наукъ. Мы имѣли уже случай замѣчать о томъ, какія науки относилъ Платонъ къ общеобразовательному курсу. Музыка и математика съ ея подраздѣленіемъ на ариѳметику, геометрію и астрономію служили, по мнѣнію Платона, совершенно достаточной подготовкою для слушанія высшей науки—философіи. Если выше названныя науки лишь „грезятъ объ истинѣ, не будучи въ силахъ созерцать ее дѣйствительно“, то „освобожденіе отъ узъ, направленіе отъ тѣней къ образамъ и свѣту, обратное восхожденіе изъ той пещеры на солнце“ можетъ произвести только діалектика или философія [1]). Математика составляетъ, такъ сказать, приступъ, начало того закона, который кратко Платонъ опредѣляетъ, какъ „силу дать и принять основаніе (δοῦναι τὲ καὶ ἀποδέξασθαι λόγον)“ [2]), т. е. діалектики. Этотъ послѣдній можетъ быть созерцаемъ только умомъ. Усматриваніе вещей, подлежащихъ чувствамъ, есть ничто иное, какъ копія, подражаніе дѣятельности діалектической, посредствомъ которой душа, отрѣшившись отъ тѣлесныхъ чувствъ, возносится къ созерцанію самой природы вещей и не прежде отступаетъ отъ изслѣдованія истины, какъ постигнувъ однимъ мышленіемъ идею блага, и такимъ образомъ восходитъ до послѣднихъ предѣловъ міра мыслимаго. Только одна философія можетъ открыть эту идею, и другой науки для этого не существуетъ [3]).

Методъ преподаванія Платона, безъ сомнѣнія, былъ Сократовскій, нѣсколько видоизмѣненный и расширенный [4]). Платонъ предпочиталъ форму бесѣдъ непрерывному изложенію мыслей [5]). Есть основаніе думать, что онъ свои бесѣды велъ изустно, считая книги недостаточными для передачи знанія [6]).

Въ то время, какъ Платонъ путешествовалъ въ Сицилію,

---

[1]) Политика или государство Платона, въ русск. пер. Карпова. VII, 532 *b* и 533 *c*.

[2]) Ibid., 531 *e*.

[3]) Ibid., 533 *d*.

[4]) Льюисъ. Исторія философіи въ русск. перев. 209 стр.

[5]) Излюбленная форма его произведеній—діалогическая.

[6]) Phaedrus. 275 и 276. 1,734 p.

въ Аѳины, городъ наукъ и искусствъ, прибылъ изъ Стагиры семнадцати-лѣтній юноша—Аристотель. Жажда знанія влекла его въ тотъ городъ, гдѣ такъ недавно еще публично училъ знаменитый Сократъ, гдѣ успѣлъ уже заявить о себѣ Платонъ. По возвращеніи Платона, Аристотель вступаетъ въ число его учениковъ и дѣлается, по выраженію Платона, душею его школы. Цѣлыхъ 17 лѣтъ Аристотель слушалъ уроки Платона, не ограничиваясь впрочемъ Платоновой философіей и даже не вполнѣ соглашаясь съ ней. Приглашенный ко двору Филиппа Македонскаго въ качествѣ воспитателя его сына, Александра, Аристотель оставался съ послѣднимъ довольно долгое время. По возшествіи на престолъ Александра, онъ возвратился въ Аѳины, гдѣ принятъ былъ съ почестями, приличными наставнику Александра и первому философу своего времени. Аѳиняне, которымъ Филиппъ, ради Аристотеля, оказалъ много различныхъ милостей, указали Аристотелю лицей для открытія его школы. Слава о знаменитомъ философѣ привлекаетъ къ нему толпы учениковъ и слушателей. Такъ какъ между учениками безъ сомнѣнія могли оказаться недостаточно подготовленные къ слушанію философіи, то Аристотель открываетъ такъ называемыя экзотерическія лекціи, имѣвшія своимъ предметомъ болѣе популярные предметы и быть можетъ болѣе популярное изложеніе самой философіи. Можно думать, что Аристотель даже не считалъ удобнымъ раскрывать предъ случайными посѣтителями школы всего того, что говорилось въ болѣе тѣсномъ кружкѣ слушателей. Это было не безопасно. Вѣдь нашлись же между его слушателями такіе, которые обвинили его въ безбожіи, и онъ долженъ былъ удалиться въ Халкиду, гдѣ и умеръ въ 322 году до Р. Хр. Кружокъ близкихъ учениковъ допускался къ такъ называемымъ акроаматическимъ или акроатическимъ лекціямъ, читаннымъ обыкновенно по утрамъ. Эти послѣднія, въ отличіе отъ первыхъ, читанныхъ въ послѣ-обѣденное время, имѣли своимъ предметомъ діалектику, піитику и вообще философію. Сохранилось преданіе, что Аристотель преподавалъ свое ученіе не стоя или сидя спокойно на одномъ мѣстѣ, но постоянно ходилъ въ сопровожденіи своихъ учениковъ взадъ и впередъ по аллеямъ лицея, почему, кажется, ученики его назывались прогуливающимися философами-перипатетика-

ми [1]). Мы уже указали взглядъ Аристотеля на науки общеобразовательнаго курса, которыя служатъ подготовкою къ философіи. Эта послѣдняя является средствомъ для высшаго человѣческаго образованія и благополучія. Мудрецъ долженъ знать все. Философъ тотъ, кто въ состояніи познать трудное и не легко познаваемое человѣкомъ. Такъ какъ чувственное воспріятіе обще всѣмъ, то оно легко и не дѣлаетъ человѣка мудрецомъ. Философъ проникаетъ въ сущность вещей, умѣя точно указать причины явленій. Методъ, которымъ возможно достигнуть знанія сущности вещей, есть методъ индукціи. Естественный методъ изслѣдованія, говоритъ Аристотель, состоитъ въ собраніи всѣхъ фактовъ или частностей и въ выводѣ изъ нихъ общихъ причинъ всѣхъ вещей и ихъ дѣйствій. Эта задача рѣшается посредствомъ наведенія, которое Аристотель называетъ дорогою отъ частностей къ общему. Общее или универсалы лежатъ въ основаніи науки. Но, вопреки Платону, Аристотель утверждаетъ, что универсалы имѣютъ чисто субъективное существованіе.

Въ заключеніе обзора состоянія школъ въ классическій періодъ, сдѣлаемъ коротенькое замѣчаніе о женскомъ образованіи. На существованіе женскихъ учебныхъ заведеній въ свободной Элладѣ мы не находимъ даже намека. Посѣщеніе школы вмѣнилось бы пожалуй въ позоръ свободно рожденной дѣвицѣ [2]). Даже такіе передовые люди своего времени, какъ Платонъ и Аристотель, не могли отрѣшиться отъ господствовавшихъ воззрѣній на женщину и кругъ ея дѣятельности. Однѣ только гетеры, въ родѣ Аспазіи, могли достичь высшаго умственнаго образованія [3]).

Время Платона и Аристотеля было самою блестящею эпохою въ развитіи греческаго образованія и наукъ. Въ этихъ двухъ представителяхъ науки сосредоточилось, какъ въ фокусѣ, все то, надъ чѣмъ трудился и что выработалъ греческій геній. Но съ этого-то кульминаціоннаго пункта начинается поворотъ къ худшему, къ упадку наукъ и образованія. Много сложилось

---

[1]) Журн. Министр. Нар. Просв. 1843 г. XXXVII часть, V отд., 3 стр.
[2]) Becker. Charicles. II. 37 S.
[3]) Schmidt. Gesch. d. Päd. 152 S.

неблагопріятныхъ обстоятельствъ для дальнѣйшаго процвѣтанія наукъ. Лишеніе свободы и политической независимости сопровождалось потерею свободы слова и письменности, столь необходимыхъ для преуспѣянія наукъ. Борьба партій, порча нравовъ, роскошь и изнѣженность—все это привноситъ свою долю вліянія на упадокъ науки. Знакомство съ варварскимъ міромъ пробудило въ грекахъ стремленіе къ торговымъ спекуляціямъ и наживѣ. Это отвлекаетъ вниманіе грека отъ научныхъ занятій. Широкое распространеніе греческой цивилизаціи между восточными народами, соединенное съ разселеніемъ грековъ изъ родной земли по разнымъ пунктамъ, ослабляетъ умственную энергію послѣднихъ. Экстенсивность греческаго образованія неблагопріятно отражается на его интенсивности. Наконецъ, соперничество въ наукахъ съ греческими городами новооснованныхъ на востокѣ пунктовъ, соперничество, часто далеко неблагопріятное для Греціи, наноситъ также чувствительный ударъ процвѣтанію наукъ въ Аттикѣ. Конечно, всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, отчасти только объясняютъ намъ фактъ быстраго упадка греческой культуры. Но что то непонятное, необъяснимое изъ внѣшнихъ причинъ производитъ этотъ упадокъ. Тѣ же неблагопріятныя обстоятельства существовали и во времена Платона и Аристотеля, и однако это не помѣшало изумительной продуктивности греческаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, порча нравовъ давно уже заявляла о себѣ. Еще Аристофанъ такъ горько жаловался на безвозвратно прошедшія лучшія времена греческой жизни. Свобода письменности и слова были не безопасны со времени Сократа. Политическія и административныя неурядицы, борьба партій начались еще съ Пелопонезскихъ войнъ. Соперничество племенъ было столь обычнымъ явленіемъ въ жизни греческихъ городовъ, что оно постоянно повторяется въ исторіи Греціи. Торговыя спекуляціи производились правильно со всѣми окрайнами, даже отдаленными, трехъ частей Стараго свѣта. Страсть къ наживѣ, роскошь давно нашли себѣ пріютъ въ свободной Элладѣ. И при всемъ томъ, въ этой странѣ такъ неожиданно, одинъ за другимъ, появлялись величайшіе геніи и на поприщѣ наукъ, искусствъ, поэзіи и всей вообще культуры. Тѣ же обстоятельства, нѣсколько осложнившіяся, производятъ, въ слѣдующій такъ назы-

ваемый Александрійскій періодъ, періодъ упадка творческой дѣятельности греческаго духа. Этотъ послѣдній, какъ бы утомленный удивительнымъ напряженіемъ въ предшествующую эпоху, вдругъ впадаетъ въ застой. Онъ какъ бы боится, не слишкомъ ли далеко зашелъ онъ въ своей продуктивной дѣятельности. Послѣ непродолжительной паузы онъ обращаетъ свое вниманіе на прожитое, стремится собрать, сгруппировать добытые результаты. Эти послѣдніе служатъ для него предметомъ удивленія и изумленія. Онъ дорожитъ, благоговѣетъ предъ образцами замѣчательныхъ представителей греческой культуры классическаго періода и всю свою дѣятельность сосредоточиваетъ на усвоеніи и подражаніи этимъ образцамъ. Подъ вліяніемъ стремленія систематизировать добытые результаты въ науки вносится педантизмъ. Появляются программы, точно вырабатывается кругъ общеобразовательныхъ наукъ и т. под. Словомъ, формальная регулирующая дѣятельность преобладаетъ теперь надъ творческою. Такими чертами характеризуется Александрійскій періодъ.

Но, въ замѣнъ интенсивности, названный періодъ ознаменовываетъ себя экстенсивностію. Это было время широкаго распространенія греческаго образованія и наукъ. Если прежде первоначальное пробужденіе греческаго духа произведено было иностраннымъ вліяніемъ, то теперь происходитъ совершенно обратное явленіе. Греція становится общимъ училищемъ отдаленнаго востока и крайняго запада. Не остается безучастнымъ къ греческому образованію и африканскій сѣверъ, давно уже начавшій пересаживать на свою почву результаты трудовъ ученыхъ мужей свободной Эллады.

Для насъ особенный интересъ имѣетъ вліяніе греческаго образованія на знаменитый въ исторіи Римъ. Греціи суждено было потерпѣть желѣзное иго господства римлянъ, но въ замѣнъ этого подчинить послѣднихъ своему умственно-нравственному вліянію.

Въ своей первоначальной исторіи римлянинъ выступаетъ предъ нами съ инымъ характеромъ, чѣмъ грекъ. Принужденный на первыхъ же порахъ вести борьбу за право существованія, римлянинъ развиваетъ въ себѣ необыкновенную отвагу, храбрость, стойкость, предпріимчивость и горячій патріотизмъ.

Всѣ эти качества ложатся въ основу народнаго характера, и для послѣдующаго времени измѣрителемъ внутренняго достоинства римлянина является virtus, доблесть, характеризующая скорѣе всего внѣшнюю дѣятельность, чѣмъ нравственно-интеллектуальное совершенство индивидуума. Борясь съ внѣшними врагами и природою, изыскивая средства для борьбы не въ одной только численности и физической силѣ, но также и въ разсчетливости, сообразительности, римлянинъ, конечно, болѣе всего способенъ былъ развить въ себѣ умъ, разсудокъ въ ущербъ чувству, сердцу. Такъ какъ основнымъ мотивомъ дѣятельности его неминуемо должна была выступить полезность, то римлянинъ, въ противоположность идеалисту греку, является предъ нами разсчетливымъ практикомъ, реалистомъ. Практически разсудочная дѣятельность съ ея основнымъ принципомъ полезности ложится въ основу всей внутренней государственной жизни. Принципъ полезности опредѣляетъ внѣшнюю политику римскаго государства, на немъ покоятся всѣ государственныя учрежденія, нравы и обычаи, онъ, наконецъ, обусловливаетъ собою постановку воспитанія и образованія. Все въ Римѣ направляется къ одной цѣли — процвѣтанію и преуспѣянію римскаго государства. Римлянинъ ничего не хочетъ знать помимо государства. Онъ цѣнитъ себя на столько, на сколько онъ живетъ и дѣйствуетъ въ государствѣ. Дитя ростетъ, воспитывается и получаетъ образованіе въ интересахъ послѣдняго, и только его одного [1]). Римское воспитаніе и образованіе не было, какъ у грека, гармоническимъ развитіемъ всѣхъ тѣлесныхъ и душев-

[1]) Прекрасно характеризуетъ принципъ римскаго образованія въ противоположность греческому Цицеронъ: «У грековъ, говоритъ онъ, иные всею душею предаются изученію поэтовъ, другіе обращаются къ геометрамъ, или къ музыкантамъ, нѣкоторые же, какъ діалектики, открываютъ себѣ новый кругъ дѣятельности и все свое время, всю свою жизнь посвящаютъ искусствамъ, изобрѣтеннымъ для того, чтобы образовать духъ юноши для гуманности и добродѣтели». «Дѣти же римлянъ воспитываются съ тою цѣлью, чтобы со временемъ могли быть полезными отечеству и потому они должны получать образованіе сообразно съ государственнымъ строемъ и съ учрежденіями предковъ. Отечество породило и воспитало насъ съ условіемъ, чтобы мы на пользу ему посвятили бо́льшую часть лучшихъ силъ нашего духа, дарованія и ума; поэтому намъ слѣдуетъ изучать искусства, которыми мы могли бы принести пользу государству, ибо это я считаю высшею мудростію и высшею добродѣтелью» (Cicero. De oratore III. 15. Cramer. Gesch .d. Erz. I, 416 S.).

ныхъ способностей. Они болѣе всего направлялись къ внѣшней цѣли и прилаживались къ потребностямъ государства. Государство же не хотѣло и не стремилось къ водворенію въ своихъ предѣлахъ собственно научнаго образованія. Ему нужны были храбрые солдаты, бойцы за отечество и ради выгодъ его, а не ученые и образованные люди. Живя среди постоянныхъ войнъ и ради войнъ, потому что „Римъ никогда не долженъ былъ начинать войны безъ того, чтобы не извлекать изъ нея средствъ для новой войны", государство менѣе всего озабочено было мыслію о школахъ. Умственное образованіе было предоставлено личному благоусмотрѣнію каждаго и тѣмъ самымъ, въ виду своеобразнаго представленія римлянина о вполнѣ совершенной и счастливой жизни только въ сферѣ государственной дѣятельности, оно отстранено было на задній планъ. Уже въ силу одного игнорированія римскимъ правительствомъ школъ и ихъ благоустройства, римлянинъ научился не уважать и не высоко цѣнить умственное образованіе. Одинаковость постановки дѣла народнаго образованія у грековъ и римлянъ приводитъ къ далеко неодинаковымъ результатамъ. Въ то время, какъ въ свободной Элладѣ правительственное невмѣшательство въ положеніе школъ ведетъ къ процвѣтанію наукъ, въ Римѣ оно подаетъ поводъ къ рѣшительной задержкѣ ихъ развитія. Существовавшій только для государства, римлянинъ въ правительственномъ отказѣ брать на себя заботу объ образованіи народа нашелъ поводъ думать, что для государства образованные люди не нужны, слѣд. и ему, какъ члену и дѣятелю государства, не зачѣмъ задаваться широкими цѣлями образованія. Это не значитъ, конечно, что римляне не знали и не имѣли школъ. Школы и въ Римѣ суть явленіе довольно раннее. По крайней мѣрѣ ближайшее знакомство римлянъ съ этрусскою культурою привело ихъ къ мысли о школахъ [1]). Но какъ практически

[1]) Впервые о римскихъ школахъ въ древній періодъ Рима упоминается по поводу насилія Аппія Клавдія надъ Виргиніей. Ливій, передавая этотъ разсказъ, замѣчаетъ, что на форумѣ были школы (Livius. III, 44). Онъ же сообщаетъ, что когда Камиллъ съ своимъ войскомъ вошелъ неожиданно въ Тускулумъ (377 до Р. Хр.), граждане были заняты своими мирными дѣлами и въ школахъ раздавались голоса находившихся тамъ учениковъ (Ibid. VI, 25).

разсчетливый, привыкшій цѣнить все съ точки зрѣнія полезности, римлянинъ и къ школамъ приложилъ эту мѣрку. Умѣнье читать, писать и считать, конечно, нужно было для чисто практическихъ цѣлей. И вотъ римлянинъ долгомъ считаетъ научить своего сына, будущаго государственнаго дѣятеля, этому искусству. Все, что выходило за программу элементарнаго образованія, то, конечно, не могло непосредственно относиться къ нуждамъ и потребностямъ государства, а потому не могло быть предметомъ юношескаго образованія. И въ этомъ нельзя не видѣть, при сходствѣ предметовъ элементарнаго курса преподаванія, различія между Римомъ и Греціей въ цѣли. Грекъ хотѣлъ быть грамотнымъ потому, что это непосредственно относилось къ образованію внутренняго человѣка, римлянинъ преслѣдовалъ эту цѣль ради потребности государства, съ практически утилитарною цѣлью. Грекъ желалъ видѣть образованнымъ человѣка безъ всякой мысли о приложимости образованія къ государственнымъ нуждамъ, римлянинъ искалъ только образованнаго гражданина, на сколько онъ дѣятель въ государствѣ и только гражданина, игнорируя его какъ человѣка.

Въ 474 году по основаніи Рима (280 до Р. Хр.) произошло весьма важное для латинской культуры событіе, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ ближайшее знакомство римлянъ съ греческимъ образованіемъ. Это была высадка Пирра въ Италіи. Съ момента позорнаго удаленія Пирра изъ греческой Италіи римляне впервые лицомъ къ лицу видятъ плоды греческаго образованія. Одно уже это не могло остаться безъ вліянія на римскія понятія и нравы. Наплывъ въ Римъ грековъ, изъ которыхъ очень многіе были образованными людьми, сряду же ставитъ этихъ послѣднихъ въ качествѣ учителей римлянъ и, первѣе всего, по греческому языку. Уже давно чувствовалась потребность въ знакомствѣ съ тѣмъ діалектомъ, который сдѣлался всемірнымъ языкомъ дипломатіи и торговли. И вотъ римляне спѣшатъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и, если не самимъ, то своимъ дѣтямъ сообщить знакомство не только съ греческимъ языкомъ, но и греческими науками [1]). Со времени

[1]) Такъ мы знаемъ, что Ливій Андроникъ, военнопл'ѣнный грекъ М. Ливія Салинатора, является учителемъ дѣтей своего патрона и вмѣстѣ съ тѣмъ за-

второй пунической войны, когда побѣдители Аннибала перенесли свое оружіе на Македонію, Грецію, Сирію и Египетъ, и когда эти послѣднія сдѣлались провинціями римскими, римляне получили возможность еще больше и ближе познакомиться съ греческою культурою. Наплывъ богатствъ изъ восточныхъ провинцій давалъ возможность римлянамъ собирать произведенія греческаго искусства и науки. Упадокъ прежней простоты нравовъ и обычаевъ, явившійся съ одной стороны какъ результатъ гордаго сознанія побѣдителей вселенной, а съ другой какъ слѣдствіе возможности жить роскошно на средства, вывозимыя съ покоренныхъ провинцій, мало по малу начинаетъ подрывать изстари сложившійся основной принципъ государственной жизни — жить въ обществѣ и только для общества. Личность выступаетъ все болѣе, въ ущербъ интересамъ государства. При такомъ оборотѣ дѣла греческое образованіе получаетъ возможность безпрепятственно дѣйствовать первѣе всего на отдѣльныя личности. Послѣднія являются распространителями его между своими собратіями, и такимъ образомъ незамѣтно весь высшій классъ проникается любовью, если не къ наукѣ вообще, то къ греческому образованію. Напрасно такіе ревнители старины, какъ Фабій Максимъ и М. Катонъ всѣми мѣрами старались удалять изъ Рима все греческое съ его искусствомъ и наукою. Напрасно Катонъ распространялъ самыя невыгодныя мнѣнія относительно грековъ и ихъ образованія. Тщетны, наконецъ, были мѣры строгости и насилія по отношенію къ грекамъ и ихъ почитателямъ изъ римлянъ [1]). Голосъ ревнителей старины

нимается преподаваніемъ греческаго языка въ другихъ семействахъ. Отъ природы даровитый Ливій освоивается скоро съ латинскимъ языкомъ и вмѣстѣ съ греческимъ преподаетъ и этотъ послѣдній. Преподавательская дѣятельность приводитъ его къ мысли перевести Одиссею на латинскій языкъ. По ней онъ начинаетъ обучать римлянъ грамотѣ и языку. Какъ иностранецъ Ливій, конечно, не могъ проникнуть въ духъ латинскаго языка. Его переводъ, сдѣланный большею частію близко къ греческому подлиннику, страдалъ обычными недостатками переводовъ иностранцевъ на чужіе имъ языки (Модестовъ. Лекціи по ист. рим. литер. Спб. 1876 г. I, 94). Не смотря однако на это, переводъ разомъ является школьною книгою. Не говоря уже о времени переводчика, онъ ко времени еще Горація сохраняетъ такое же значеніе (Epist. II, 1, 69).

[1]) Катонъ выгналъ изъ города греческихъ философовъ, закрылъ школы

былъ голосомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Мѣры строгости ни къ чему не приводили. Греческій духъ бурно напиралъ на римлянъ и не было никакой возможности противостать этому напору. Быстро самыми тѣсными узами соединяется онъ съ римскимъ и рѣшительнымъ образомъ подчиняетъ послѣдній своему вліянію. „Побѣжденная Греція побѣдила суроваго побѣдителя и внесла искусства въ грубый лаціумъ“ [1]). Греческія книги во множествѣ перевозятся сюда и наполняютъ собою библіотеки римлянъ [2]). Римская молодежь цѣлыми тысячами отправляется во многіе греческіе города [3]) съ спеціальною цѣлью изученія греческихъ наукъ [4]). Этого мало, — изъ Греціи въ Римъ пересаживаются и учебныя заведенія. Потребность въ знакомствѣ съ греческимъ языкомъ, заявлявшая о себѣ уже давно, могла быть удовлетворена скоро, благодаря большему наплыву въ Римъ грековъ. Но знакомясь дома и въ практической жизни съ греческимъ языкомъ, скоро отъ эмпирическаго изученія его стали переходить къ литературному. Явились учебныя заведенія, поставившія для себя задачею обученіе римскаго юношества греческимъ наукамъ. Греческій языкъ дѣлается языкомъ школы, по крайней мѣрѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Предметы греческаго общеобразовательнаго и высшаго курсовъ пересаживаются на римскую почву [5]). Конечно, рим-

---

ораторовъ и наказалъ, какъ соблазнителей, Спиціоновъ, заступниковъ Эннія, историка Полибія и стоическаго философа Панеція.

[1]) Horat. Epist. II. I, 156. Graecia capta ferum victorem cepit, et artes intulit agresti Latio.

[2]) Эмилій Павелъ пріобрѣтаетъ для себя въ Македоніи множество рукописей. Сулла разграбилъ книжныя сокровища Аѳинъ и пріобрѣлъ въ свою собственность библіотеку Аристотеля. Лукуллъ ограбилъ литературныя сокровища Понта и Азіи (Schmidt. Gesch. d. Päd. I. 435 S.). Конечно, это были не единственные въ своемъ родѣ примѣры.

[3]) Pauly. Real-Encycl. d. class. Alterthumwiss. III, 39 S.

[4]) Cellarius. Dissert. de stud. roman. litt. in urbe et prov. ed. Nov. thes. antiqu. roman. t. III, 1244 p.

[5]) Въ энциклопедіи Катона предметами неспеціальнаго преподаванія значатся: нравоученіе, краснорѣчіе, сельскохозяйственная, юридическая, военная и врачебная науки. Не забудемъ, что Катонъ былъ поборникъ стараго римскаго направленія († 149 г. до Р. Хр.). Въ «Школьныхъ наукахъ» Варрона (род. 116 г. до Р. Хр.). въ качествѣ предметовъ общеобразовательнаго курса являются: грамматика, астрономія, музыка, медицина и архитектура (Schmidt. Gesch. d. Päd. 1, 402—403 S.).

скій принципъ полезности успѣлъ заявить себя и въ этомъ случаѣ [1]).

Съ того времени, какъ римляне познакомились съ греками, когда, подъ вліяніемъ послѣднихъ, развился вкусъ къ образованію и наукамъ, забота объ обученіи дѣтей выступаетъ на первый планъ. До семи вѣроятно лѣтъ не начинали обученія, хотя Квинтиліанъ, сообщая объ этомъ, требуетъ, чтобы даже среди игръ полагались основныя начала знанія и умѣнья [1]). Съ семилѣтняго возраста начиналось элементарное обученіе въ школѣ грамматиста, литератора (literator). Какъ вездѣ, преподаваніе открывалось заучиваніемъ буквъ алфавита въ порядкѣ ихъ Лучшій представитель дидактики нѣсколько позднѣйшаго времени, Квинтиліанъ, рекомендуетъ и положительно даже настаиваетъ на нѣкоторомъ измѣненіи постановки дѣла. По нему, гораздо полезнѣе одновременно изучать и названіе и форму буквъ и притомъ не въ порядкѣ алфавита [3]). Одновременно съ обученіемъ чтенію или спустя нѣкоторое время послѣ ознакомленія съ слогами и складами, приступали къ обученію письму. Для этой цѣли существовали прописи, съ которыхъ дѣти копировали, или учители чертили слегка на вощенныхъ дощечкахъ грифелемъ (stilus) и заставляли ученика водить по готовымъ чертамъ. Когда ученикъ навыкалъ читать и писать, то приступали къ чтенію поэтовъ. Читался вслухъ какой-нибудь отрывокъ, разбиралось содержаніе его и объяснялись свойства языка. Поучительныя изреченія заучивались наизустъ [4]). Такимъ образомъ постепенно доходили до чтенія и объясненія легкихъ поэтическихъ произведеній, при чемъ болѣе всего настаивали на вѣрномъ удареніи и благозвучномъ выговорѣ [5]).

[1]) Чтеніе, напр., и изученіе поэтовъ у римлянъ преслѣдуетъ нѣсколько другія цѣли, чѣмъ у грековъ. Римлянинъ смотритъ на нихъ не болѣе, какъ на образцы хорошаго стиля и читаетъ ихъ для того, чтобы запастись обиліемъ словъ и выраженій для ораторскаго искусства. Какъ практическая наука, грамматика у римлянъ болѣе прививается, чѣмъ, напр., діалектика. Правда, Павелъ Эмилій Цицеронъ и другіе съ великою похвалою отзываются о философіи, какъ наукѣ по преимуществу, но и на нее они смотрятъ съ практической точки зрѣнія. Та же окраска налагается и на реторику.

[2]) Quintilianus. l. I, c. 1.

[3]) Ibid.

[4]) Cicero. De oratore I, 44 discebamus pueri XII, ut carmen necessarium.

[5]) Schmidt. Gesch. d. Päd. I, 405 S.

Языкомъ школы по большей части былъ языкъ латинскій. Но во многихъ школахъ наряду съ латинскимъ шло преподаваніе греческаго, въ нѣкоторыхъ же прежде всего принимались за греческій языкъ на томъ основаніи, что изученіе латинскаго языка, какъ природнаго, не составитъ большаго труда. По крайней мѣрѣ лучшіе дидактологи того времени рѣшительно настаиваютъ на такой постановкѣ дѣла [1]). Этого естественно нужно было ожидать, когда дальнѣйшее образованіе все покоилось на греческихъ образцахъ. Самою распространенною школьною книгою былъ переводъ Одиссеи Ливія Андроника [2]). Для тѣхъ же школъ, гдѣ обученіе начиналось съ греческаго, предлагался подлинникъ ея. На ряду съ Гомеромъ были въ большомъ употребленіи басни Эзопа, которыя Квинтиліанъ рекомендуетъ для умственныхъ упражненій [3]). На ряду съ грамматическимъ курсомъ стояло обученіе счету. Послѣдній производился по пальцамъ или при помощи камешковъ и счетной дощечки. Элементарнымъ школамъ того времени былъ извѣстенъ и способъ взаимнаго обученія. Учителя пользовались, смотря по надобности, старшими, значитъ болѣе свѣдущими учениками частію для надзора за дисциплиною, а главное въ качествѣ помощниковъ въ преподаваніи. Помощники изъ учениковъ были чѣмъ-то въ родѣ, такъ еще недавно вышедшихъ изъ употребленія въ нашихъ школахъ, авдиторовъ. Ихъ обязанностію было выспрашивать данный урокъ, исправлять диктантъ и т. под. На ряду съ ними, смотря по количеству учениковъ и степени ихъ развитія, были извѣстны hypodidascali, subdoctores или proscholi [4]).

Не ранѣе двѣнадцатилѣтняго возраста для мальчика кончался элементарный курсъ. Дальнѣйшее образованіе продолжалось въ школѣ литерата (literatus) или грамматика и направлялось главнымъ образомъ къ дальнѣйшему ознакомленію съ языкомъ, къ объясненію поэтовъ и писателей [5]). Если прежде не

[1]) Quintilianus. I, 1, A Graeco sermone puerum incipere malo: quia latinus, qui pluribus in usu est, vel nobis nolentibus se praebet: simul quia disciplinis quoque Graecis prius instituendus est, unde et nostra fluxerunt.

[2]) Horat. Epist. l. II, 1, 69 ff.

[3]) Quintil. 1, IX.

[4]) Cramer. Gesch. d. Erz. und Unterr. im Alt. I, 437 S.

[5]) Quintil. II, 4. Grammaticis autem poëticas dedimus.

во всѣхъ еще элементарныхъ школахъ имѣлъ мѣсто греческій языкъ, то относительно школъ литератовъ можно положительно утверждать, что греческое образованіе здѣсь стояло на первомъ планѣ. Гомеръ въ подлинникѣ является первою школьною книгою [1]). За нимъ слѣдуютъ Менандръ, Эврипидъ, Софоклъ и историки. Означенные авторы считались фундаментомъ для дальнѣйшаго образованія [2]). Когда римская литература пріобрѣла образцовыя произведенія національныхъ писателей, то изъ нихъ также для школьнаго чтенія на первое мѣсто ставили Виргилія [3]). Читались, разумѣется, и прозаики, какъ Цицеронъ. Грамматическое образованіе болѣе всего преслѣдовалось этими школами [4]). Научить правильно и изящно выражать мысли устно и письменно считалось высшею задачею школы литерата. Отсюда, орѳоэпія и орѳографія трактовались, какъ особенно выдающіеся предметы школьнаго преподаванія. Этимологическая часть грамматики занимала, кажется, первое мѣсто. Но на ряду съ этимъ знакомились и съ правилами синтаксиса. Важнымъ пособіемъ при изученіи правилъ орѳографіи считали практическія упражненія подъ диктовку. Далѣе, слѣдовали упражненія въ переводахъ съ одного языка на другой, переложенія поэзіи въ прозу, объясненія разнаго рода фигуръ и троповъ и т. п. Конечно, въ виду отсутствія какихъ либо строго опредѣленныхъ программъ, преподаватели грамматическаго курса, смотря по ихъ способностямъ и познаніямъ, заходили иногда въ область предметовъ высшихъ школъ [5]). Отсюда являлись предметами школьнаго преподаванія исторія, элементарное краснорѣчіе, т. е. обученіе пріемамъ и правиламъ его, упражненіе въ произношеніи образцовъ и критическій разборъ поэтовъ [6]).

Собственно грамматическимъ образованіемъ заканчивался курсъ общеобразовательныхъ предметовъ. Для многихъ, не имѣв-

---

[1]) Plinius. Ep. II, XIV—pueros auspicari ab Homero in scholis.

[2]) Cellarius. Dissert. de studiis roman. litter. in urbe et provinc. 1243 p.

[3]) Cramer. cit. lib. I, 435.

[4]) Seneca. Ep. I. 88. Grammaticus circa curam sermonis versatur et si latius evagari vult, circa historiam: jam ut longissime fines suos proferat, circa carmina.

[5]) Eckstein. Lateinischer Unterricht. У Schmidt. Encyclop. d. ges. Erz. und Unterrichtswenens. B. XI, 489 S.

[6]) Cramer. Gesch. d. Erz. und Unterr. im Alt. I, 444 S.

шихъ въ виду занимать какихъ либо высшихъ постовъ въ государствѣ, на этомъ и останавливалось все образованіе. Съ облеченіемъ въ togam virilem каждый молодой человѣкъ занятъ былъ уже вопросомъ о выборѣ той или другой практической дѣятельности. Но такая далеко не сложная научная подготовка къ жизни могла быть удовлетворительною развѣ только во времена Катона. При столкновеніи же съ греками, когда римляне познакомились съ образцами греческаго краснорѣчія, живо почувствовалась нужда въ научно-теоретическомъ обоснованіи реторики. Не даромъ молодые римляне цѣлыми толпами отправлялись на востокъ для изученія собственно ораторскаго искусства. Не даромъ въ самомъ Римѣ быстро появились школы риторовъ [1]). Это и понятно, если принять во вниманіе бурныя времена конца римской республики. Ни одинъ видъ научнаго познанія не связанъ столь тѣсными узами съ тѣмъ или другимъ политическимъ состояніемъ общества, какъ ораторское искусство. Оно обыкновенно ростетъ, поднимается и понижается вмѣстѣ съ уровнемъ политической жизни. Широкое развитіе свободы, борьба между олигархіей и демократіей какъ нельзя болѣе способствовали широкому развитію ораторскаго искусства во времена конца римской республики. Въ лицѣ лучшихъ представителей его реторика достигла апогея своего совершенства. Въ этотъ періодъ римское краснорѣчіе становится на національную почву. Напыщенность и многословіе, отличительныя качества реторики азіатской, крайняя трезвость, отсутствіе всякихъ украшеній, особенность ново-аттическаго направленія реторики, въ лицѣ и подъ перомъ Цицерона объединяются въ новое строго-аттическое направленіе, образцомъ котораго служили ораторы классическаго періода.

Какъ и въ Греціи римскіе риторы въ своихъ школахъ преподаютъ два курса риторики. Первый, какъ подготовительный,

---

[1]) Уже въ 161 году до Р. Хр. въ Римѣ существовали учебныя заведенія, въ которыхъ подъ руководствомъ грековъ упражнялись въ декламаціяхъ. Въ 92 году цензоры: Домицій Аэнобарбъ и Лициній Крассъ воздвигли гоненіе противъ риторовъ, а чрезъ два года открыта была въ самомъ Римѣ ораторская школа Луціемъ Плоціемъ Галломъ. Юлій Цезарь предоставилъ риторамъ права гражданства (Svetonius. Jul. Caesar. c. 42) и тѣмъ облегчилъ путь къ возникновенію риторскихъ школъ.

предлагался приступающимъ къ изученію ея. Кругъ предметовъ этого курса во времена конца римской республики былъ довольно разнообразенъ. Риторы учили первѣе всего правиламъ произношенія рѣчей. Имѣлось въ виду болѣе всего пріучить говорить бойко, ясно и цвѣтисто. Сюда присоединялось требованіе говорить обо всемъ съ одинаковымъ искусствомъ. Послѣднее требованіе дѣлало необходимымъ возможно широкое знакомство съ разнообразными науками. Отсюда риторъ, стремясь удовлетворить послѣднему, предпринималъ чтеніе замѣчательныхъ произведеній литературы съ многосторонними объясненіями ихъ, сообщая при этомъ свѣдѣнія изъ исторіи, географіи, астрономіи и т. п. [1]). Такимъ образомъ изъ подготовительнаго курса ритора молодой римлянинъ выходилъ съ значительными свѣдѣніями по разнымъ наукамъ, съ большимъ запасомъ сентенцій, умѣя въ изящной формѣ излагать устно и письменно свои мысли и ознакомясь съ ораторскими пріемами. Дальнѣйшій курсъ имѣлъ своею задачею примѣненіе пріобрѣтеннаго запаса свѣдѣній къ практической жизни. Во времена конца римской республики естественно болѣе всего должно было обратить вниманіе на это послѣднее. Реторика тогда непосредственно прилагалась къ государственнымъ и общественнымъ потребностямъ. Предметомъ ея служили самые жизненные вопросы. Неудивительно поэтому, если вниманіе лучшихъ людей того времени было обращено на научную разработку ораторскаго искусства.

Языкомъ школы риторовъ былъ языкъ греческій, но не исключительно. Особенно это нужно сказать о времени широкаго развитія римской литературы, а слѣдовательно и языка. Но во всякомъ случаѣ даже и для этого времени греческій языкъ въ риторикѣ имѣлъ широкое приложеніе [2]).

Къ предметамъ высшаго спеціальнаго образованія относилось право. Послѣднее стояло въ обратномъ отношеніи къ реторикѣ по своему значенію. Чѣмъ шире развивалась реторика,

---

[1]) Eckstein. cit. lib. 492—493 S.

[2]) Цицеронъ о себѣ самомъ говоритъ: «я часто упражнялся въ декламаціи, то вмѣстѣ съ Пизономъ, то съ Помпеемъ, и это дѣлалъ multum etiam latine, sed graece saepius, потому что греческая рѣчь plura ornamenta suppeditans, consuetudinem similiter latine dicendi adferebat (Bruto XC) Cellarius. cit. lib. 1243 p.

тѣмъ ниже цѣнилось право. Во время блестящаго развитія римскаго краснорѣчія, въ вѣкѣ Цицерона, юриспруденція стояла ниже реторики. Честолюбивый Сервій Сульпицій, когда увидѣлъ, что онъ не можетъ превзойти въ краснорѣчіи Цицерона, сталъ усердно заниматься изученіемъ права, предпочитая быть первымъ въ наукѣ втораго ранга, чѣмъ вторымъ—въ первой [1]).

Философія, какъ предметъ высшаго образованія, къ концу римской республики только, что называется, стала входить въ моду, благодаря такимъ любителямъ и почитателямъ ея, какъ Павелъ Эмилій и Цицеронъ. Старое предубѣжденіе противъ философіи, по которому она считалась несовмѣстимою со степенностію и важностію римскаго характера, не могло быть скоро оставлено. Только во времена имперіи, при перемѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, философія преобрѣтаетъ права гражданства въ кругу предметовъ высшаго образованія [2]).

---

[1]) In secunda arte primum esse, quam in prima secundum. Cellarius. Diss. de stud. rom. litt. in urb. et prov. 1243 p.

[2]) Что касается внѣшняго положенія школъ, то въ виду нашей цѣли достаточно ограничиться короткимъ замѣчаніемъ о матеріальномъ обезпеченіи учителей и о школьныхъ порядкахъ. Соціальное положеніе учителей, ихъ матеріальное благосостояніе въ римской республикѣ было весьма схоже съ положеніемъ ихъ въ Греціи. Обезпеченіе учителей стояло внѣ сферы какихъ либо заботъ правительства (Фридлендеръ. Картины изъ исторіи нравовъ отъ Августа до послѣдн. изъ Антониновъ въ русск. перев. I, 152 стр.). Учителя занимались преподаваніемъ за частную плату, получаемую въ слишкомъ ограниченныхъ размѣрахъ (Juvenal. VII, 243). И все это вполнѣ приложимо какъ къ преподавателямъ низшихъ школъ, такъ и къ грамматикамъ (см. Светонія о грамматикахъ: Помпиліѣ Андроникѣ, Валеріѣ Катонѣ, Целіѣ Гигинѣ и Орбиліѣ). Только риторы, благодаря всеобщему увлеченію краснорѣчіемъ, могли изъ этого обстоятельства извлекать для себя значительныя выгоды (Фридлендеръ. I, 156 стр.). Хотя трудъ учителей былъ скудно оплачиваемъ, однако требованія, предъявляемыя имъ со стороны родителей учащейся молодежи, были значительны. Учитель долженъ былъ открывать свою школу съ ранняго утра, еще до восхода солнца (Марціалъ называетъ школьныхъ учителей нарушителями ночнаго спокойствія. Ювеналъ сообщаетъ, что занимались при свѣтѣ лампъ). Прекращались занятія не ранѣе, кажется, захода солнца. Въ школу дѣти ходили два раза въ день, т. е. до обѣда и послѣ обѣда (pransus revertor iterum ad scholam, invenio praelegentem—римская поговорка). Являться въ школу они должны были негрязными, причесанными и чисто одѣтыми, занимать свое мѣсто безъ шума и гама. Нарушеніе этихъ правилъ вело за собою тѣлесное наказаніе. Тому же подвергались ученики за лѣность, ошибки въ чтеніи и всякаго рода ненамѣренныя погрѣш-

Съ такими-то образовательными заведеніями вступилъ Римъ въ новый фазисъ своей государственной жизни, съ такими существовалъ онъ и при императорахъ перваго столѣтія. Римская республика съумѣла воспользоваться всѣми плодами греческаго образованія и довести свою культуру до значительной высоты. Имперія явилась достойною преемницей научныхъ сокровищъ республики, особенно въ лицѣ ея перваго императора. Ни въ одну эпоху римской исторіи не сосредоточивалось въ Римѣ столько геніальности и таланта, ни въ одну эпоху римская образованность не проявлялась въ такомъ стройномъ величіи, какъ въ этотъ прославленый вѣкъ римской исторіи. Августъ украсилъ, перестроилъ Римъ, Меценатъ собралъ ко двору его ученыхъ: философовъ, поэтовъ, историковъ, риторовъ и т. под. [1]). Слава правленія Августа, надежда наградъ и почестей привлекали въ Римъ интеллектуальную силу со всѣхъ концовъ обширной имперіи. Самъ образованный, Августъ умѣлъ цѣнить науку и, по примѣру своего дяди Цезаря, покровительствовалъ ей [2]). Эта любовь къ наукамъ, соединенная съ меценатствомъ перешла и къ его преемникамъ [3]). Даже такой мракобѣсъ, какъ Калигула, котораго Сенека называетъ гибелью и поношеніемъ человѣческаго рода, и тотъ разрѣшилъ обнародованіе прежде запрещенныхъ сочиненій, устраивалъ состязанія въ краснорѣчіи на латинскомъ и греческомъ языкахъ [4]). Неронъ любилъ поэзію, музыку и пѣніе [5]). Веспасіанъ прославляется Светоніемъ, какъ покровитель наукъ. Онъ, по Светонію, первый начинаетъ выдавать изъ государственной казны жалованье учителямъ краснорѣчія [6]). По крайней мѣрѣ при немъ Квинтиліанъ первый открылъ въ Римѣ публичную

ности (Schmidt. Gesch. d. Päd. I, 398 S.). Но и во времена суровой дисциплины находились противники палки, какъ двигателя науки и образованія (Феррій Флаккъ, учитель дворцовой школы при Августѣ и нѣсколько позднѣе Квинтиліанъ, I, 3).

[1]) Модестовъ. Лекціи по истор. р. лит. 2, 14 стр.

[2]) Svetonius. Oct. Caes. Aug. c. 42.

[3]) Журн. Мин. Народ. Просв. 1878 г. Ноябрь. 132 стр.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

[6]) Svetonius. Vespasianus. c. 18 ingenia et artes vel maxime fovit: primus e fisco latinis et graecisque rhetoribus annua centena constituit.

правительственную школу и съ титуломъ professor eloquentiae сталъ получать жалованье изъ государственной казны [1]). Учебныя заведенія достигли блестящаго состоянія при Адріанѣ и Антонинахъ [2]).

Грецiя, которая во время республики, по выраженію Цицерона, была страною quae fama, quae gloria, quae doctrina, quae plurimis artibus, quae etiam imperio floruit, откуда humanitas, doctrina, religio, fruges, jura, leges, artes [3]), оставалась и во времена императоровъ въ той же роли [4]). Греческое образованіе при первыхъ императорахъ сохраняетъ свое прежнее значеніе. Оно также считается необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка, какъ и во времена конца римской республики. Греческій языкъ остается по прежнему преобладающимъ языкомъ школы. Императоры и другія высшія лица предпочитаютъ говорить и писать по гречески [5]). Сильно заинтересованные въ греческомъ образованіи, императоры берутъ подъ свою защиту греческую науку и ея процвѣтаніе. Положеніе греческой земли въ научномъ отношеніи замѣтно улучшается [6]).

---

[1]) Cramer. Gesch. d. Erz. und Unt. im Alt. 2, 657 S. Титулъ «профессора» вошелъ уже отчасти въ употребленіе со временъ Августа, когда жилъ Порцій Латронъ, риторъ, который, по Квинтиліану, былъ знаменитымъ профессоромъ (Schmidt. Gesch. d. Päd. I, 445 S.).

[2]) Адріанъ кромѣ открытыхъ имъ школъ въ провинціяхъ основалъ въ Римѣ на Капитолійскомъ холмѣ «Атеней» въ качествѣ учебнаго заведенія для свободныхъ искусствъ (Cramer. Gesch. d. Erz. I, 458 S.). Антонинъ Пій увеличилъ число школъ, назначивъ по всѣмъ провинціямъ риторовъ и философовъ съ постояннымъ окладомъ жалованья (Weber. Commentatio de academia literaria Atheniensium seculo secundo post Christ. const. Marb. 1858 г. 9 и 10 р.). Маркъ Философъ открылъ много новыхъ школъ съ хорошимъ обезпеченіемъ преподавателей (ibid.). Въ лицѣ преемниковъ Марка Философа наука вообще и въ частности школы лишились на время покровительства правительства. Такой человѣкъ, какъ императоръ Коммодъ, терпѣвшій въ свитѣ своей только дураковъ и актеровъ, ненавидѣвшій всякаго образованнаго человѣка, какъ своего личнаго врага, уже конечно, этимъ самымъ долженъ былъ дать почувствовать себя благосостоянію школъ (Cramer. cit. lib. I, 463 S.). Геліогабалъ, второй преемникъ недостойнаго Каракаллы, снова напомнилъ времена Коммода. Но въ лицѣ Александра Севера правительство снова принимаетъ образованіе подъ свое покровительство.

[3]) Изъ рѣчи за Флакка.

[4]) Kämmel. Sophisten der römischen Kaiserzeit. У Schmid. Enzycl. d. gesammten Erz. und Unterrichtswesens. t. VIII, 881 S.

[5]) Журн. М. Нар. Просв. 1878 г., ноябрь. 133 стр.

[6]) Hertzberg. Gesch. Griechenlands. B. 1, 14 S. Gotha. 1876 г.

Особенно благопріятны для Греціи въ этомъ отношеніи были времена императоровъ: Адріана, Антонина Пія и Марка Аврелія, которые питали очень теплыя симпатіи ко всему греческому. Адріанъ, другъ грековъ, окружалъ себя греческими учеными и награждалъ ихъ [1]). Въ Аѳинахъ онъ учредилъ библіотеку, открылъ каѳедру свободныхъ наукъ [2]) съ постояннымъ окладомъ жалованья [3]). Отцовскую любовь къ греческому образованію и наукамъ вполнѣ унаслѣдовалъ сынъ Адріана, Антонинъ Пій. Подобно отцу онъ стремится поддержать значеніе знаменитѣйшихъ центровъ процвѣтанія греческой науки, предоставляетъ профессорамъ школъ иммунитетъ, предписываетъ всѣмъ городамъ, смотря по ихъ достоинству и положенію въ государствѣ, имѣть опредѣленное число врачей, риторовъ и грамматиковъ [4]). Маркъ философъ нетолько оставилъ неприкосновенными всѣ права и вольности профессоровъ, но и старался расширить ихъ. Особенно это нужно сказать относительно Аѳинъ [5]). Благодаря такому покровительственному отношенію римскихъ императоровъ къ Греціи и ея образованію, послѣднее быстро возвышается. И въ этомъ отношеніи время императоровъ можно назвать блестящею эпохою греческой науки по сравненію съ ея прошлымъ послѣ классическаго періода. Въ самомъ дѣлѣ, римская республика занята была болѣе пересаживаніемъ науки съ греческой почвы на римскую, предоставивъ Грецію самой себѣ въ дѣлѣ развитія наукъ. Имперія, наслѣдовавъ отъ республики греческія науки, стремится поддержать ихъ въ самомъ первоисточникѣ, въ ихъ отечествѣ. Погромъ римскаго завоеванія неблагопріятно отразился на благосостояніи греческихъ школъ; поэтому благопріятное вмѣшательство императоровъ въ судьбу образовательныхъ заведеній Гре-

---

[1]) Bernhardy. Grundr. d. griech. Litt. I, 600 S. Spartian. Hadr. 16. omnes professores et honoravit et divites fecit.

[2]) Weber. Comment. de acad. liter. Athen. 4 p.

[3]) Bernhardy. cit. loc.

[4]) Для небольшихъ городовъ назначалось пять врачей и по три ритора и грамматика, для среднихъ—семь врачей и по четыре профессора грамматики и реторики и, наконецъ, самые большіе города, метрополіи, по предписанію Пія, должны были имѣть 10 врачей, по пяти риторовъ и по такому же числу грамматиковъ (Bernhardy. Grundr. d. Gr. Litt. 607 S.).

[5]) Weber. Comm. de ac. lit. Ath. 4 p.

ціи было какъ нельзя болѣе кстати. Присоедините къ этому покровительство наукамъ префектовъ провинцій, часто соперничавшихъ между собою въ патронатствѣ, окружавшихъ себя учеными, содѣйствіе частныхъ лицъ, какъ напр. Ирода Аттика въ Аѳинахъ—все это поднимаетъ народный духъ, возбуждаетъ грековъ къ образованію. Города одинъ за другимъ основываютъ, возстановляютъ школы, вызываютъ лучшихъ профессоровъ. Правительственные профессора не могутъ удовлетворить пробудившимся потребностямъ образованія. Коммуны на свои средства открываютъ новыя каѳедры. Кромѣ этого появляются цѣлыя толпы перехожихъ учителей, которые всюду собираютъ около себя любителей науки и образованія.

Съ того времени, какъ императоры приняли живое участіе въ судьбѣ учебныхъ заведеній, проявившееся на первыхъ порахъ въ обезпеченіи опредѣленнаго числа профессоровъ жалованьемъ отъ казны, ясно начинаетъ выдѣляться θρόνος βασιλικός, каѳедра, оплачиваемая отъ государственной казны отъ θρόνος πολιτικὸς — каѳедры общественной [1]). Такъ какъ профессура правительственная была довольно видною и прибыльною карьерою, дававшею вмѣстѣ съ иммунитетомъ довольно значительный окладъ жалованья [2]) и доступъ къ высшимъ должностямъ [3]),

---

[1]) Bernhardy. Gr. d. gr. Litt. I, 608 S.

[2]) Philostrat. Vita Sophist. II, 11, 1 αἱ μύριαι; II, 2. αἱ ἐκ βασιλέως μύριαι, т. е. 10,000 драхмъ. Иногда это количество уменьшалось (Philostrat. II, 20, 1). При этомъ нужно принять во вниманіе, что, кромѣ постояннаго оклада, профессора получали подарки отъ студентовъ. Отецъ Ирода Аттика далъ за образованіе сына Скопеліану пятнадцать талантовъ, къ каковой суммѣ самъ Иродъ прибавилъ столько же (ibid. I, 21, 7).

[3]) Общественное положеніе профессоровъ было очень высоко. Иродъ Аттикъ происходилъ изъ консульской фамиліи и, кромѣ своего высокаго положенія въ Аѳинахъ, былъ правителемъ многихъ азіатскихъ городовъ (Philostrat. II, I, 1—3). Лолліанъ и Ѳеодотъ получили преторское достоинство, отправляя различныя должности въ магистратѣ (ibid. I, 23, 1; II, 2, 1). Аполоній, оставившій профессуру, назначенъ былъ первымъ архонтомъ и стратегомъ, а подъ старость былъ іерофантомъ при храмѣ Элевзинской Деметры (ibid. II, 20). Никаноръ былъ посломъ къ импер. Филиппу и при элевзинскихъ играхъ отправлялъ роль герольда (ibid. II, 33). Олимпіодоръ былъ главнымъ распорядителемъ при олимпійскихъ играхъ (Kämmel. Soph. d. röm. Kaiserzeit. У Schmidt. Encyclop. t. VIII, 888 S.), Музоній—викаріемъ Азіи съ титуломъ «magister officiorum» (Hertzberg. Gesch. Griechenlands unter d. Herschaft d. Römer. Der Untergang d. Hellen. 333 S.). Одно то, что похороны профессо-

то естественно претендентовъ на нее являлось много. Кромѣ личныхъ достоинствъ въ этомъ случаѣ имѣли огромное значеніе протекціи [1]). Часто пускались въ ходъ интриги и подкупы [2]). Это обстоятельство, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ причинъ, нерѣдко влекло за собою вражду и раздоры между профессорами, къ каковымъ явленіямъ не оставались безучастными и студенты [3]).

ровъ часто сопровождались пышными процессіями (Philostrat. II, 1, 15), въ честь ихъ писали лестныя эпитафіи и ставили статуи (ibid. I, 23, 2), можетъ свидѣтельствовать о высокомъ уваженіи всего общества къ профессорскому достоинству.

[1]) Филискъ софистъ былъ назначенъ на профессорскую каѳедру М. Антониномъ по просьбѣ Юліи, матери послѣдняго (Philostrat. II, 30, 1).

[2]) Hertzberg. D. Untergang d. Hellenism. 326—328 S.

[3]) Правительственные профессора соперничали и враждовали между собою рѣже по мотивамъ матеріальнаго свойства. Но для профессоровъ, содержимыхъ на средства коммунъ, существовало нѣсколько больше причинъ къ недружелюбнымъ отношеніямъ въ одномъ уже томъ, что самое матеріальное обезпеченіе ихъ было неодинаково. Сюда присоединялись студенческіе подарки. Лучше обезпеченный профессоръ всегда могъ вызвать недоброжелательство къ себѣ другаго менѣе обезпеченнаго. Но особенно это нужно сказать о частныхъ профессорахъ, не связанныхъ никакими отношеніями ни къ правительству, ни къ обществу. Болѣе способный профессоръ, умѣющій привлечь къ себѣ большое число слушателей, являлся врагомъ менѣе способнаго, врагомъ, покушающимся на матеріальное обезпеченіе послѣдняго. Вражда и ссоры профессоровъ переходили и на студентовъ. Это и понятно, если принять во вниманіе характеръ отношеній между профессорами и студентами. Эти послѣднія были очень дружественны, фамиліярны, каковы, напр., отношенія къ студентамъ Ирода Аттика (Philostrat. V. S. II, 10, 1) и другихъ (Weber. 25 p.). О какой либо дисциплинѣ не могло быть и рѣчи. Таковыя отношенія были вполнѣ нормальнымъ явленіемъ въ виду комплекта университетскихъ слушателей. Въ то время, когда всюду царило широкое увлеченіе философіей и риторикой, профессоровъ университета собирались слушать люди пожилые. Студентовъ, посѣщавшихъ университеты въ сопровожденіи педагоговъ, было слишкомъ мало (Hertzberg. 117 S.). За дружелюбныя отношенія профессоровъ къ студентамъ послѣдніе платили имъ взаимнымъ расположеніемъ, особенно если профессора пріобрѣтали себѣ авторитетъ своею профессорскою дѣятельностію. Раздѣляясь на партіи (χοροί), во главѣ съ какимъ либо профессоромъ, каждая всегда и вездѣ готова была защищать своего вождя и всѣхъ членовъ. Своими протестами, часто выходящими за предѣлы правилъ приличія и благоразумія, студенческія корпораціи могли достигать преслѣдуемую ими цѣль, была ли то защита ихъ вождя отъ нападковъ другаго профессора, или другіе какіе либо случаи, какъ городскіе выборы на каѳедры. Конечно, при существованіи многихъ корпорацій, неминуемы были столкновенія между самими студентами. Ссоры и распри студенческія рѣшались различнымъ

Со времени преемниковъ Александра Севера начинается замѣтный поворотъ къ худшему въ благосостояніи школъ. Дурное правительство въ лицѣ такихъ императоровъ, какъ Максиминъ, гражданскія войны, нападенія внѣшнихъ враговъ — готовъ и персовъ, истощаютъ государственную казну. Весьма частыя конфискаціи имуществъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ, своеволіе областныхъ правителей, громадные налоги, общественныя бѣдствія — все это разстроиваетъ благосостояніе коммунъ. Дѣло образованія естественно должно было падать. Профессорамъ не выдаютъ жалованья ни императорская казна, ни коммуны. Обѣднѣвшіе граждане не имѣютъ средствъ платить вознагражденіе частнымъ профессорамъ. Къ счастію, только уже въ лицѣ Діоклетіана и Константина Великаго имперія получаетъ правительство, для котораго забота объ образованіи и процвѣтаніи наукъ составляетъ предметъ большой важности. Діоклетіанъ утверждаетъ за профессорами иммунитетъ и всѣ права и привиллегіи, дарованныя имъ прежними императорами. покровителями наукъ. Константинъ Великій расширилъ права и вольности профессоровъ, распространивъ ихъ и на членовъ семьи послѣднихъ [1]). Послѣ смерти Константина, начавшееся, подъ конецъ его правленія, неблагопріятное отношеніе къ язычникамъ [2]) дѣти его доводятъ до значительныхъ размѣровъ [3]). Не смотря однако на то, что профессора университетовъ по большей части являются защитниками и поборниками старой вѣры, императоры не посягаютъ ни на ихъ жалованье, ни на права и привиллегіи. Хотя объявить войну богамъ значило вмѣстѣ съ тѣмъ — объявить ее и профессорамъ, однако ближайшіе преемники Константина покровительствуютъ послѣднимъ [4]). Эвнапій и Ливаній живутъ при дворѣ императоровъ

образомъ и далеко не исключали кулачныхъ расправъ. Физическая сила часто имѣла рѣшающее значеніе въ пользу той или другой партіи (Hertzberg. 351 S.).

[1]) Cod. Theodosianus, l. XIII, tit. 3. 1, 3.

[2]) Эвнапій въ жизни Эдезія свидѣтельствуетъ, что философы разныхъ школъ должны были хранить таинственное молчаніе, поелику Κωνσταντῖνος ἐβασίλευσε τὰ τε τῶν ἰδῶν ἐπιφανέστατα καταστρέφων, καὶ τὰ τῶν χριστιανῶν ἀνεγείρων οἰκήματα. Evnapii. Aedesius. 33 p. ed. 1616 r.

[3]) Chastel. Histoire de la destruction du paganisme dans l'empire d'orient. Paris. 1850 r. 78 p.

[4]) Ibid. 99 p.

и, быть можетъ, съ замираніемъ сердца, составляютъ панегирики и цохвальныя рѣчи въ честь ихъ. Кратковременное царствованіе Юліана всѣмъ поклонникамъ стараго культа подавало надежды на возстановленіе послѣдняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на возвышеніе науки, служившей органомъ старой вѣры. И дѣйствительно, другъ всѣхъ философовъ и риторовъ, Юліанъ обратилъ серьезное вниманіе на благосостояніе университетовъ [1]). Но христіанское правительство послѣ Юліана въ своихъ отношеніяхъ къ язычеству снова возвращается къ политикѣ дѣтей Константина Великаго. Преслѣдуя старую вѣру, оно оставляетъ неприкосновенными всѣ права и привиллегіи университетскихъ профессоровъ. Такъ Ѳеодосій, хотя запретилъ въ видахъ централизаціи власти частное преподаваніе, однако за государственными профессорами утвердилъ прежнія права и привиллегіи [2]). Такое отношеніе правительства къ преподавателямъ наукъ продолжается до Юстиніана. Этотъ послѣдній, какъ завершитель политики всѣхъ предшествующихъ императоровъ и по вопросу о централизаціи власти [3]) и по отношенію къ язычеству [4]), въ силу однихъ этихъ принциповъ является гонителемъ съ одной стороны всякихъ самобытныхъ проявленій общественной жизни, а съ другой всего языческаго. Язычество, продолжавшее существовать еще подъ сѣнью высшеучебныхъ заведеній, дало Юстиніану поводъ закрыть эти послѣднія. Аѳинскій университетъ прежде всѣхъ другихъ подвергся опалѣ. На первыхъ листахъ извѣстнаго кодекса Юстиніана аѳиняне прочитали императорскій декретъ о запрещеніи преподавать въ ихъ

---

[1]) Bernhardy. Gr. d. gr. Litt. I, 648 S.

[2]) Еще въ 414 году Ѳеодосій издалъ эдиктъ, по которому профессорамъ вмѣстѣ съ членами ихъ семьи дарованъ былъ иммунитетъ и привиллегіи (Cod. Theod. l. XIII, tit. 3, 16). Въ 425 году онъ издалъ декретъ, точно опредѣляющій число профессоровъ Константинопольскаго университета, оплачиваемыхъ отъ казны. По этому декрету изъ числа 31 профессора одинъ былъ философъ; латинскій языкъ, литературу и краснорѣчіе преподавали 3 ритора и 10 грамматиковъ; для греческаго языка и греческаго краснорѣчія поставлено былъ 5 риторовъ и 10 грамматиковъ и, наконецъ, право читали два профессора (ibid. l. XIV, tit. 9, 3).

[3]) Надлеръ. Юстиніанъ и партіи цирка въ Византіи. 29 стр. Харьковъ. 1876 г.

[4]) Ibid. 30 стр.

родномъ университетѣ право. Но это было еще далеко не все. Новымъ декретомъ отъ 529 года было предписано закрыть музей. Наконецъ, чрезъ 12 лѣтъ, именно въ 541 году, было воздвигнуто гоненіе на профессоровъ аѳинскаго университета, заставившее послѣднихъ покинуть городъ и искать спасенія въ Персіи [1]). Подобное императорское veto простиралось и на преподаваніе нѣкоторыхъ наукъ и въ другихъ университетахъ. Такъ Юстиніанъ предписалъ, чтобы право исключительно преподавалось только въ Беритѣ, Римѣ и Константинополѣ. Этого мало, — онъ ограничивалъ, а чаще совсѣмъ лишалъ профессоровъ жалованья [2]).

Таковы отношенія императоровъ къ школамъ со времени Константина Великаго до Юстиніана. Повидимому немного произошло перемѣнъ въ нихъ. По примѣру языческихъ императоровъ христіанское правительство считало нужнымъ покровительствовать наукѣ и образованію. Профессора по прежнему получаютъ обезпеченіе отъ государственной власти. Но реформа въ духѣ централизаціи императорской власти отражается и на судьбѣ учебныхъ заведеній. Константинъ Великій уничтожаетъ различіе между профессорами императорскими и коммунальными, обезпечивъ тѣхъ и другихъ опредѣленнымъ жалованьемъ, назначеннымъ самимъ императоромъ, но выплачиваемымъ изъ градскихъ средствъ [3]). Но что важнѣе, такъ это

[1]) Hertzberg. Der Unterg. d. Hellenism. 533—543.

[2]) «Врачей и профессоровъ наукъ, пишетъ Прокопій въ своей тайной исторіи, онъ, т. е. Юстиніанъ, лишилъ того, что было необходимо для ихъ жизни, ибо онъ отнялъ у нихъ жалованье, которое они прежде получали изъ государственной казны» (у Keuffel. Hist. or. ac. progr. schol. 121 p.). Тоже сообщаетъ объ Юстиніанѣ и позднѣйшій историкъ, Іоаннъ Зонара. «Не только этотъ (храмъ Софіи), но и другіе очень многіе храмы, пишетъ Зонара, выстроилъ онъ; при постройкѣ же ихъ, когда онъ нуждался въ деньгахъ, по совѣту префекта, отнялъ жалованье у учителей свободныхъ наукъ, нѣкогда назначенное имъ по всѣмъ городамъ и вакантныя мѣста ихъ наводнилъ невѣжественными людьми» (Annal. i. XIV, 6. Migne, t. 134, 1336 col.).

[3]) Hertzberg. Der Unterg. d. Hell. 313—314 S. Жалованье выплачивалось отчасти натурою: хлѣбомъ, виномъ, масломъ, мясомъ и солью (Gutherius. De offic. domus. Augustae l. III, c. 18). Въ Константинополѣ и другихъ городахъ государства профессорамъ выдавалось жалованье такъ называемыми «діэтами». Простая діэта называлась анноною и цѣнилась то въ 4, то въ 5 солидовъ. Это приблизительно составляло отъ 19 до 24 р. сер. на наши деньги. Смотря по обстоятельствамъ аннона увеличивалась и иногда очень значительно (Hertzberg. 318 S.).

окончательное подчиненіе университетовъ императорскому контролю. Этотъ послѣдній проявлялся въ правѣ императоровъ утверждать избраннаго кандидата въ званіи профессора университета [1]), въ широкомъ участіи при самомъ избраніи [2]), въ наблюденіи за нравственнымъ поведеніемъ профессоровъ [3]) и, наконецъ, въ строгомъ надзорѣ за студентами [4]).

---

[1]) Въ этомъ отношеніи Юліанъ допустилъ исключеніе только по отношенію къ аѳинскому университету, предоставивъ гражданамъ свободу избранія профессоровъ. Но подобное явленіе обусловливалось личными симпатіями Юліана къ Аѳинамъ, какъ пріюту древне-языческаго культа. По отношенію къ другимъ университетамъ государства Юліанъ практиковалъ уже выработавшееся правило окончательнаго утвержденія кандидатовъ на профессуру. Sed quia singulis civitatibus, писалъ Юліанъ, adesse ipse non possum, jubeo quisquis docere vult, non repente nec temere prosiliat ad hoc munus, sed judicio ordinis probatus decretum Curialium mereatur, optimorum conspirante concessu. Hoc enim decretum ad me tractandum referetur, ut altiore quodam honore, nostro judicio studiis civitatum accedant (Cod. Theod. XIII, 3, 5).

[2]) Представителемъ императорской власти въ университетахъ былъ кураторъ, обыкновенно префектъ провинціи. Онъ игралъ первостепенную роль при избраніи профессоровъ. Съ IV вѣка началъ распространяться обычай оставлять при университетахъ молодыхъ людей въ качествѣ доцентовъ, помощниковъ профессоровъ. Эти послѣдніе въ случаѣ смерти или выбытія профессора могли занимать мѣсто послѣдняго, но не иначе, какъ послѣ длинной процедуры избранія. Обыкновенно являлось нѣсколько конкуррентовъ. Нужно было сдѣлать изъ нихъ выборъ. Относительно аѳинскаго университета, это происходило такъ: изъ числа всѣхъ претендентовъ на каѳедру выдѣлялись кандидаты, т. е. имѣвшіе всѣ права на избраніе, быть можетъ, получившіе уже ученую степень софиста. Выборъ производился по указанію проконсула Ахайскаго, считавшагося кураторомъ университета, хотя формально право это принадлежало аѳинскому совѣту (Bernhardy. I, 661 S.). Кандидатамъ назначалось испытаніе чаще всего въ театрѣ при огромномъ стеченіи публики. Каждый изъ нихъ говорилъ на данную тему, по назначенію куратора. Совѣтъ, знатные граждане и кураторъ послѣ испытаній избирали достойнаго (Hertzberg. 315—317 S.). Кураторъ вручалъ избранному корону и торжественно провожалъ его въ домъ (Weber. 15 p.). Избраніе утверждалось императоромъ.

[3]) Magistros studiorum doctoresque excellere oportet moribus primum, deinde facundia, писалъ Юліанъ (Cod. Theod. XIII, 3, 5), и это наблюдалось не только при избраніи профессора, но и во все время его преподавательской дѣятельности. Нравственныя качества лица считались условіемъ, безъ котораго немыслимо было ни полученіе, ни продолженіе профессуры. Наблюденіе за жизнію и поведеніемъ профессоровъ поручалось обыкновенно кураторамъ университета.

[4]) Какой строгій надзоръ за студентами практиковался въ IV вѣкѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго декрета императоровъ Валентиніана, Валента и Граціана на имя Олибрія, префекта города Рима: «тѣ, которые приходятъ въ городъ съ намѣреніемъ учиться, прежде всего пусть являются къ магистру

Что касается отношеній общества къ судьбѣ высшеучебныхъ заведеній, то, при новыхъ порядкахъ, неминуемо должны были произойти и въ этомъ отношеніи значительныя перемѣны. Уничтоженіе коммунальныхъ профессоровъ лишаетъ гражданъ возможности принимать живѣйшее участіе въ судьбѣ университетовъ. Правда, право избранія профессоровъ, формально предоставленное общинамъ, не перестаетъ еще такъ или иначе возбуждать интересъ и волновать мирныхъ гражданъ. Пробныя лекціи кандидатовъ стекались еще слушать цѣлыя тысячи горожанъ. При избраніи, пожалуй, раздѣлялись еще на партіи, изъ которыхъ каждая отстаивала своего кандидата. Шумные

ценза провинціальныхъ судей, отъ котораго должно быть дано позволеніе войти, и пусть приносятъ съ собою такого рода свидѣтельства, чтобы обозначены были и родной городъ ихъ, и родители, и прежнія заслуги. Потомъ въ это же время пусть заявляютъ, какими науками они намѣрены заниматься. Въ третьихъ, канцелярія чиновниковъ должна точно знать ихъ квартиру, въ которой они занимаются тѣмъ дѣломъ, какому, по ихъ заявленію, они посвятили себя. Эти же чиновники пусть надзираютъ и за тѣмъ, чтобы всѣ и въ обществѣ являлись такими, какими они должны быть и именно, чтобы они считали нужнымъ избѣгать гнусной и худой молвы, не часто бы посѣщали зрѣлища и не присутствовали бы на народныхъ пиршествахъ. Въ случаѣ, если кто изъ нихъ не такъ себя ведетъ въ городѣ, какъ того требуетъ достоинство свободныхъ наукъ, то, подвергнутый публично тѣлесному наказанію (publice verberibus adfectus), на корабляхъ высылается изъ города и возвращается на родину. Посвятившіе себя по призванію наукѣ пусть живутъ въ городѣ до двадцатилѣтняго возраста. Послѣ этого срока тѣ, которые не хотятъ добровольно выбраться изъ города, властію префекторской высылаются на родину вопреки ихъ желанію. И чтобы не судили легко о всемъ сказанномъ, твоя высокая искренность (praecelsa sinceritas tua) должна увѣдомить канцелярію цензуры относительно того, что она должна каждый мѣсяцъ составлять отчетъ о студентахъ, кто они, откуда прибыли, каковы, и отмѣчать тѣхъ, которые, по прошествіи назначеннаго времени, должны быть отосланы въ Африку или другія провинціи, за исключеніемъ тѣхъ, которые подвержены тѣлеснымъ недостаткамъ. Пусть ежегодно подобный отчетъ представляютъ и въ нашу канцелярію, дабы мы, зная достоинство и успѣхи всѣхъ, могли судить, полезны ли они для нашей службы и когда именно» (Cod. Theodosianus XIV, 9, 1). Изъ этого указа мы видимъ, что за студентомъ на каждомъ шагу надзирали чиновники. Ихъ вѣденію подлежало не только поведеніе студентовъ въ университетѣ, въ обществѣ, но и даже въ частныхъ квартирахъ. Все это предписывалось относительно студентовъ столичныхъ университовъ. Но не легче жилось учащейся молодежи и въ провинціяхъ. Такъ, въ аѳинскомъ университетѣ полицейскій надзоръ за студентами исполнялъ кураторъ. Но такъ какъ онъ жилъ въ Коринѳѣ, и слѣд. не имѣлъ физической возможности лично наблюдать за поведеніемъ студентовъ, то онъ возложилъ эту обязанность на

споры кончались иногда дракою [1]). Но всѣ подобнаго рода споры и ссоры теперь ни къ чему не приводили. Все дѣло зависѣло отъ куратора, уполномоченнаго императорской власти. Одно это могло охлаждать симпатіи мирныхъ гражданъ къ университетамъ. Но съ V вѣка число причинъ, вызвавшихъ упадокъ интереса и вниманія общества къ судьбѣ университетовъ, значительно увеличивается. Неблагопріятныя отношенія правительства къ язычеству, распространеніе христіанства въ массы, поддержка профессорами университетовъ языческаго культа—все это вмѣстѣ взятое поселяетъ въ народѣ предубѣжденіе противъ высшеучебныхъ заведеній. На нихъ начинаютъ смотрѣть, какъ на разсадники нечестія и языческихъ заблужденій. Особенно это нужно сказать о западной половинѣ имперіи. Здѣсь университетскія науки, пересаженныя съ греческой почвы, поддерживались только непосредственнымъ покровительствомъ высшей власти. Лишь только эта послѣдняя прекращала свой бдительный надзоръ и попеченія о школахъ, какъ послѣднія быстро начинали падать. Не было частныхъ лицъ, готовыхъ поддержать науку. Правда, обломки высшихъ классовъ еще чувствовали потребность въ высшихъ школахъ, имѣли интересъ къ научному образованію; но, обезсиленные, обѣднѣвшіе, давно лишившіеся всякаго вліянія на общество, ничего не могли сдѣлать для науки и школъ.

Нѣчто другое мы видимъ на востокѣ. Вышеуказанныя причины производятъ и здѣсь аналогичныя явленія въ отношеніяхъ общества къ университетамъ. И здѣсь масса, столѣтіе тому

доцентовъ. Послѣдніе слѣдили за поведеніемъ студентовъ въ зданіи университетовъ и въ ихъ частной жизни (Hertzberg. 348 S.). Съ одной стороны вышеописанныя стѣсненія, а съ другой внѣшнее положеніе государства, далеко не обезопашеннаго отъ нападеній варваровъ, грабежа и насилій, внутреннія безпорядки и нестроенія лишали многихъ возможности располагать средствами, столь необходимыми для высшаго образованія. Все это вмѣстѣ взятое должно было вести къ сокращенію числа студентовъ и къ измѣненію комплекта ихъ. Если прежде въ университетахъ мы видѣли въ числѣ студентовъ большинство людей зрѣлаго возраста, то теперь оно исключительно состоитъ изъ молодыхъ юношей. Съ измѣненіемъ комплекта студентовъ измѣнялись и отношенія профессоровъ къ студентамъ и дисциплина (Bernhardy. 663 S.).

[1]) Достаточно вспомнить побоище, случившееся при избраніи Профезія, а подобныя явленія были далеко не рѣдкостію.

назадъ такъ сильно интересовавшаяся смѣною и замѣщеніемъ профессорскихъ каѳедръ, теперь холодно относится къ подобнымъ явленіямъ. Самая наука не занимаетъ уже горожанъ. Университеты пустѣютъ. Но для образованныхъ любителей науки, безъ различія вѣроисповѣданія, святилища наукъ, даже такія, въ которыхъ пріютился старый культъ, энергично защищаемый профессорами, по старому остаются предметомъ любви и горячихъ симпатій. Для Григорія Богослова, уже пожилаго епископа, въ ту пору, когда онъ говорилъ похвальное слово при гробѣ умершаго своего друга и университетскаго товарища, Василія Великаго, Аѳины были еще „золотыми Аѳинами, обителью наукъ“ [1]). Въ самой массѣ далеко не замѣчается такого неблагопріятнаго, враждебнаго отношенія къ университетамъ, какъ то было на западѣ. Греческая почва по сравненію съ римскою оказалась болѣе удобренною для того, чтобы наука пустила глубже корни. Трудно было вырвать ихъ. Нужна была желѣзная рука Юстиніана, чтобы дать толчокъ къ упадку науки и образованія.

Обращаемся къ внутренней организаціи высше-учебныхъ заведеній [2]). Римская имперія по отношенію къ нашему во-

---

[1]) Рѣчь 43-я. Твор. ч. IV, 63 стр.

[2]) Низшія и среднія учебныя заведенія не представляютъ ничего новаго по сравненію съ эпохою конца римской республики. Ни положеніе учителей, ни внѣшніе порядки школъ не измѣнились замѣтно. Какъ и прежде учители элементарныхъ школъ и литераты или грамматики получали скудное жалованье, такъ и теперь оно незначительно. По тарифу Діоклетіана maximum мѣсячной платы за ученика не превышалъ самыхъ скромныхъ размѣровъ. За преподаваніе греческаго языка платили 200 денаріевъ, за ариѳметику 75, а за чтеніе и письмо 50 денаріевъ (Фридлендеръ. Картины изъ истор. римскихъ нравовъ въ русск. перев. 1, 154 стр.). Учить дѣтей считалось и въ самомъ дѣлѣ было, что называется, чернымъ хлѣбомъ. Правительство, заботившееся о процвѣтаніи высшеучебныхъ заведеній, игнорируетъ низшія.—Если обратимъ вниманіе на внутреннюю организацію школъ, то и здѣсь найдемъ мало новаго. Къ первоначальному обученію приступали, какъ и во времена республики, съ 7 лѣтъ. Въ элементарныхъ школахъ обучали чтенію, письму и счету. При чтеніи обращали особенное вниманіе на чистоту, вѣрность и ясность произношенія. Стихи затверживались наизустъ и разбирались метры, дабы подготовить такимъ образомъ къ чтенію поэтовъ. Учитель самъ часто читалъ вслухъ произведенія поэтовъ и объяснялъ ихъ по содержанію и формѣ. Для этого выбирались поэты съ нравоучительнымъ содержаніемъ. Матеріаломъ для чтенія служили Гомеръ въ подлинникѣ, а для западныхъ школъ въ переводѣ Ливія Андроника и произведенія другихъ поэтовъ. Съ уроками чтенія

просу унаслѣдовала отъ республики въ высшей степени развитое стремленіе къ риторическому образованію. Время же первыхъ императоровъ увеличило и потребность въ изученіи философіи. Римская молодежь читаетъ Сенеку и увлекается имъ. Квинтиліанъ, свидѣтельствуя о всеобщемъ увлеченіи сочиненіями Сенеки, объясняетъ это испорченностію литературнаго вкуса [1]). Но позднѣйшій историкъ найдетъ иныя причины для объясненія этого явленія. Изученіе философіи было внутреннею потребностію людей того времени. Съ одной стороны политическій гнетъ, дѣлавшій жизнь человѣка игрушкою деспотизма, а съ другой крайняя распущенность нравовъ, при которой потерянные люди цѣлью жизни ставили всевозможныя грубыя наслажденія, вызвали въ избранной части общества такое сильное влеченіе къ философіи, какого мы не замѣчаемъ ни прежде, ни послѣ въ римской исторіи [2]). Привлекши къ себѣ общественное вниманіе еще въ вѣкъ Цицерона и сдѣлавшись однимъ изъ важныхъ предметовъ образованія въ вѣкъ Августа, философія вступаетъ во всѣ свои права при слѣдующихъ императорахъ. Сообразно съ условіемъ времени главнымъ направленіемъ ея является теперь стоицизмъ, важнѣйшимъ представителемъ котораго былъ Сенека. Такимъ образомъ, не испорченность литературнаго вкуса, а болѣе существенныя причины лежали въ основаніи столь сильно развившагося интереса къ философскимъ наукамъ.

Послѣдніе дни римской республики и время императоровъ до конца третьяго вѣка были блестящею эпохою въ исторіи римскаго права [3]). Въ этотъ періодъ устанавливается точная

соединялось письмо. Обученіе счету производилось практически. Цѣлью преподаванія грамматиковъ или литераторовъ считалось: обученіе грамматикѣ, метрикѣ и навыкъ писать хорошимъ слогомъ. Объясненіе поэтовъ, причемъ лучшія мѣста затверживались наизустъ, въ связи съ метрикою, упражненіемъ въ слогѣ, критикою и разборомъ темныхъ мѣстъ составляло у грамматиковъ основу преподаванія (Schmidt, Gesch. d. Päd. 441 S.). Языкомъ этого рода школъ былъ языкъ греческій на востокѣ, греческій и латинскій на западѣ.

[1]) Quint. X. 1 (въ концѣ).

[2]) Философы и поэты-моралисты во вр. римск. имперіи, К. Марта, въ русск. перев. 14 стр. Москва. 1880 г.

[3]) Гиббонъ. Историческое обозрѣніе римск. права въ русск. пер. 1835 г. 26 стр.

система законовъ, открываются спеціальныя школы юриспруденціи [1]). Для каждаго образованнаго человѣка знакомство съ правомъ является столь же важнымъ и необходимымъ предметомъ, какъ и изученіе краснорѣчія и философіи [2]). Что касается Греціи, то въ ней еще со времени классическаго періода риторическое образованіе считалось высшимъ. Для философіи Греція была отечествомъ, очагомъ и мѣстомъ пріюта. И послѣ классическаго періода Аѳины продолжаютъ быть центромъ различныхъ философскихъ школъ. Съ ними соперничаютъ въ этомъ отношеніи и другіе города. Когда Греція сдѣлалась провинціей римской имперіи, изученіе права становится и для ея обитателей также предметомъ настоятельной необходимости. Такимъ образомъ какъ на западѣ, такъ и на востокѣ реторика, философія и право считались предметами высшаго образованія. Съ основаніемъ университетовъ эти предметы раздѣляются по факультетскимъ спеціальностямъ. Какъ ни высоко цѣнилось у древнихъ формальное образованіе, однако стремленіе къ положительнымъ знаніямъ имѣло мѣсто и у нихъ. Отсюда изъ числа профессоровъ краснорѣчія выдѣляются іатрософисты, спеціальною задачею которыхъ было изложеніе блестящимъ языкомъ теоріи медицины [3]). Этого мало,—потребность въ знакомствѣ съ исторіей, математикой и естественными науками обусловливаетъ собою появленіе профессоровъ спеціалистовъ и по этимъ предметамъ [4]). Но во всѣхъ наукахъ, даже положительныхъ, преобладала собственно формальная сторона—блестящій подборъ словъ и выраженій, гармонія періодовъ и т. п. Реторика уважалась болѣе всего. Неудивительно поэтому, если II и III вѣка продолжали быть блестящею эпохою ея процвѣтанія. При всеобщемъ увлеченіи реторикой, профессора ея пріобрѣли особенный авторитетъ. Со II вѣка они получили древнее названіе софистовъ, и это имя, по свидѣтельству Лукіана, всегда было τὸ σεμνότατον καὶ πάνδημον ὄνομα [5]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid., 30 стр.

[3]) Kämmel. Sophisten. d. röm. Keiserzeit y Schmid. Encycl. B. VIII, 881 S.

[4]) Bernhardy. Grundr. d. gr. Litt. 641—642 S.

[5]) Bernhardy. Grundr. d. gr. Litt. 611—612 S.

Выдающимся пунктомъ процвѣтанія софистики со II вѣка были Аѳины. Сюда собирались софисты изъ разныхъ странъ то ради того, чтобы въ этомъ городѣ наукъ и искусствъ блеснуть ораторскимъ талантомъ, то для занятія профессорскихъ каѳедръ, императорскихъ или городскихъ, то, наконецъ, для частной профессуры, которая въ Аѳинахъ была гораздо прибыльнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Такъ было до основанія Константинопольскаго университета. Съ этого же времени, времени замѣтнаго упадка софистики, лучшіе представители науки, знаменитые профессора стремятся въ столичный университетъ. Личная безопасность отъ внѣшнихъ враговъ, болѣе веселая сравнительно съ провинціальною столичная жизнь и болѣе удобныя ученыя занятія при богатыхъ библіотекахъ—все это отвлекало отъ Аѳинъ, этого центра ораторства, часто безсодержательнаго, лучшія интеллектуальныя силы и заставляло ихъ переселяться въ Константинополь. Западъ, такъ сильно подражавшій востоку, не отставалъ отъ него въ этомъ отношеніи. Лучшіе западные университеты конкуррировали съ восточными. Города Галліи, Карѳагенъ славились процвѣтаніемъ реторики. Объединеніе востока и запада подъ одною высшею властію, общераспространенность греческаго языка, мирная внутренняя жизнь имперіи до половины III вѣка представляли благопріятное условіе для широкаго развитія софистики. Большое число частныхъ профессоровъ бродило изъ города въ городъ, съ востока на западъ и обратно, не рискуя быть непонятыми и не принятыми гдѣ либо. Софисты всюду были дорогими гостями. День прибытія ихъ былъ днемъ праздничнымъ [1]). Останавливая вниманіе на томъ всеобщемъ увлеченіи софистикою и характеризуя ее, какъ безсодержательное, пустое, безжизненное искусство, дѣлаютъ заключеніе о внутренней пустотѣ интеллектуальной жизни того времени. Насколько вѣрны таковые выводы, мы не беремся рѣшать. Но для насъ важно представить въ надлежащемъ свѣтѣ софистику того времени, потому что это

---

[1]) Какимъ уваженіемъ и почетомъ на западѣ пользовались софисты, можно видѣть изъ того, что въ Римѣ Проэрезію воздвигли статую съ надписью: «ἡ βασιλεύουσα Ῥώμη τὸν βασιλεύοντα λόγων»—Eunapii Proaeresius 123 p. ed. 1 16 года.

прольетъ свѣтъ и на постановку реторики въ школахъ, на методъ ея преподаванія и на предѣлы его.

Ораторское искусство Марка софиста Филостратъ сравниваетъ съ разнообразіемъ цвѣтовъ радуги [1]). Скопеліанъ, обладавшій многосторонними познаніями, съ каѳедры говорилъ такъ изящно, что и другіе, и самъ онъ сравнивалъ себя съ тимпаномъ [2]). Характеристическую черту реторики Лолліана составляла искусственность въ изобрѣтеніи матеріала, живость и энергія въ выраженіяхъ, простота и естественность въ расположеніи. Въ общемъ рѣчь производила весьма пріятное впечатлѣніе. Нѣкоторыя мѣста выходили особенно изящны по внѣшней обработкѣ [3]). Рѣчь софиста Никиты отличалась обиліемъ словъ, глубиною аргументовъ, изяществомъ выраженій, пріятное впечатлѣніе отъ которыхъ Филостратъ сравниваетъ со сладостію меда [4]). Въ этомъ же родѣ Филостратъ дѣлаетъ характеристику рѣчей многихъ другихъ софистовъ. Вполнѣ сочувствуя духу и направленію мысли того времени, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ ставитъ въ заслугу софистамъ ихъ заботу о внѣшней отдѣлкѣ рѣчей. Если вообще древнему человѣку болѣе пришлась по вкусу внѣшняя формальная сторона наукъ, чѣмъ внутреннее содержаніе ихъ, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о наукѣ софистовъ. Внѣшняя изящная форма была душею всей ихъ мудрости. Но мы далеко были бы не правы, если бы помимо внѣшней формы въ софистическомъ искусствѣ того времени не видѣли ничего болѣе. Внѣшность преобладала, часто въ ущербъ внутреннему содержанію, — это вѣрно. Но нельзя этого утверждать относительно всѣхъ рѣчей софистовъ. Одно то, что съ профессорской каѳедры софисты часто переходили на государственную службу, отправляли должности пословъ, были дипломатами и съ успѣхомъ исполняли обязанности службы говоритъ въ пользу того, что ради внѣшней формы ими не игнорировалось окончательно внутреннее содержаніе. Внѣшняя

[1]) Παράδειγμα τοῦ λόγυ τὴν Ἶριν ἐποιήσατο, καὶ ἥρξατο τῆς διαλέξεως ὧδε· ὁ τὴν Ἶριν ἰδὼν ὡς ἐν χρῶμα, οὐκ εἶδεν ὡς χρὴ θαυμάσαι, ὁ δὲ ὅσα χρώματα, μᾶλλον εθαύμασεν» (1, 24, 1).

[2]) Ibid. 1, 21, 5.

[3]) Διαφαίνονται δε τοῦ λόγυ καὶ λαμπρότητες, λήγυσαι ταχέως ὥσπερ τὸ τῆς ἀστραπῆς σέλας (1, 23, 2).

[4]) 1, 19, 1.

форма въ духѣ того времени съ успѣхомъ прилагалась къ практическимъ цѣлямъ. Софисты не всегда были только беззавѣтными говорунами, не выходящими за предѣлы внѣшности, но и учеными ораторами, умѣвшими пользоваться своимъ искусствомъ въ практической жизни. Между софистами того времени мы находимъ спеціалистовъ врачей, историковъ, политиковъ, философовъ и др.—и все это ясно говоритъ, что краснорѣчіе времени Филострата не было такъ безпочвенно и безжизненно, какъ часто думаютъ. Правда, реторика софистовъ не имѣла и не могла имѣть такого широкаго приложенія къ жизни, какое она имѣла, напр., въ Греціи во времена политической самостоятельности, или во дни римской республики, но въ этомъ вина не софистовъ.

Второй и третій вѣка были временемъ процвѣтанія реторики. Но съ этого времени начинается ея упадокъ. Сошедшая съ политической сцены, реторика заключается въ тѣсныя рамки школьной практики. Предметы изъ области жизни замѣняются темами отвлеченнаго характера [1]). Все вниманіе софистовъ обращается исключительно на форму. Эффектное сопоставленіе словъ и мыслей, щегольство изысканными, необыкновенными выраженіями и словами, мелочная отдѣлка каждой фразы, часто неумѣстное остроуміе, ненужное обращеніе къ древнимъ, игра разными фигурами и тропами и какой-то страхъ предъ естественностію мысли и выраженія — вотъ отличительныя черты тогдашняго краснорѣчія. Возьмите любую рѣчь лучшихъ со-

---

[1]) «Я не понимаю, говоритъ Синезій, впослѣдствіи епископъ Птолемаидскій, о современныхъ ему риторахъ, какое удовольствіе находятъ они въ прославленіи добродѣтелей Мильтіада, или Кимона, или многихъ другихъ, неизвѣстныхъ по имени, въ разсужденіи о богатомъ и бѣдномъ... Я видѣлъ старцевъ спорящихъ въ театрѣ объ этомъ предметѣ. Они показывали философскую важность.... Но ихъ важность не препятствовала имъ, продолжая свои разговоры, браниться, сердиться, непристойно размахивать руками. Я воображалъ, что они спорятъ о дѣлѣ какого нибудь родственника; но каково же было мое удивленіе, когда послѣ я узналъ, что личности, которыхъ они защищали, вовсе не были изъ ихъ семейства, даже не существуютъ, никогда не существовали и не могли существовать... Недостатокъ мыслей, обиліе словъ—вотъ что характеризуетъ этихъ людей, всегда готовыхъ долго говорить, хотя бы не было, о чемъ говорить»—De Insomniis. Migne. Patrolog. S. gr. t. 66, 1317—20 col. А. Остроумовъ. Синезій. Москва. 1879 г. 181 стр.

фистовъ IV и V вѣковъ и вы увидите въ каждой обиліе словъ, громкихъ фразъ и скудость мысли [1]). И это было особенностію не однихъ только греческихъ риторовъ, но и западныхъ [2]). Правда, читая письма Сидонія Аполлинарія, человѣка выдающагося своею литературною дѣятельностію, можно было бы подумать, что въ V вѣкѣ въ западной половинѣ имперіи риторическое образованіе стояло на высотѣ вѣка Цицерона. Клермонтскій епископъ не задумывается современныхъ ему риторовъ ставить въ параллель съ Демосѳеномъ, Цицерономъ и Квинтиліаномъ [3]). Но всѣ эти эпитеты, которыми риторы V вѣка величаютъ другъ друга, свидѣтельствуютъ только объ одномъ, что чѣмъ болѣе было паденіе реторики, тѣмъ болѣе чувствовалась потребность взаимными похвалами, круговой порукой удивленія и восторга скрыть отъ другихъ и отъ самихъ себя настоящее положеніе дѣла. А это положеніе было слишкомъ печально. Старческимъ безсиліемъ и въ то же время дѣтствомъ, въ которое впадаютъ иногда отживающіе народы, отзываются произведенія риторовъ и ораторовъ. Если свѣжая, сильная мысль пробивалась часто сквозь риторическую оболочку, то эта мысль возникла не изъ древней науки, не изъ языческаго сознанія,—она явилась извнѣ, порождена христіанствомъ [4]).

Изъ этой короткой характеристики ораторскаго искусства можно видѣть, чего требовали софисты, какъ профессора краснорѣчія, отъ студентовъ. Выше всего цѣня внѣшнюю форму, они, конечно, въ своемъ преподаваніи ставили эту послѣднюю на первомъ планѣ. Главнѣйшею заботою ихъ въ этомъ случаѣ было пріучить учениковъ излагать мысль, какова бы она ни была по своему содержанію, въ изящной формѣ, бойко, цвѣ-

---

[1]) Schlosser. Universalhistorische Uebersicht d. Gescht d. alt. Welt und ihrer Cultur. Th. 3-й—55 S. Frankfurt im Mein. 1832.

[2]) Ешевскій. Аполинарій Сидоній, изд. Солдатенкова. Москва. 1870 г. Ч. 3-я, 38 стр.

[3]) Вьенскаго ритора, Сапауда, Сидоній, истощивъ запасъ сравненій съ современниками и ближайшими предшественниками, ставитъ рядомъ съ Квинтиліаномъ (Sidon. Epist. t. V, 10. Sirmondi, t. I, 983 p.). Клермонтскому ритору Іоанну, по словамъ Сидонія, потомство должно поставить статую, какъ Демосѳену и Цицерону (Epist. l. VII, 2. Ibid. 1052 p.).

[4]) Такъ характеризуетъ западную реторику V вѣка Ешевскій. Апол. Сидоній. 41 стр.

тисто, убѣдительно и сопровождать надлежащими жестами. Конечно, совершенство въ этомъ отношеніи требовало не мало времени и труда. Явилась настоятельная нужда въ долгой и основательной подготовкѣ. Отсюда у софистовъ, какъ и у прежнихъ риторовъ, дѣлается необходимымъ первый, подготовительный, пропедевтическій курсъ въ отличіе отъ втораго высшаго. Въ этомъ курсѣ прежде всего имѣло мѣсто широкое грамматическое образованіе. Въ университетахъ, гдѣ существовали самостоятельныя грамматическія каѳедры, студенты, вѣроятно, обязаны были предварительно выслушать если не спеціальный, то подготовительный курсъ грамматики, на сколько этого требовалъ переходъ къ риторикѣ. У частныхъ профессоровъ краснорѣчія студенты выслушивали курсъ грамматики или у нихъ самихъ, или у профессоровъ спеціалистовъ, носившихъ особое названіе — κριτικοὶ τῶν λόγων [1]). То, что сообщалось юношамъ въ школахъ грамматистовъ и литераторовъ, въ первомъ курсѣ софистовъ расширялось дальнѣйшимъ чтеніемъ поэтовъ и всестороннимъ разборомъ ихъ произведеній. Софистъ Скопеліанъ съ своими слушателями читалъ и разбиралъ древнія трагедіи. Гомеръ былъ у него настольною книгою [2]). Лонгинъ съ студентами въ качествѣ подготовительнаго курса проходитъ грамматику и читаетъ древнихъ авторовъ [3]). Гомеръ и Менандръ считались вообще основными столпами пропедевтическаго курса. И это практиковалось не только на востокѣ, но и на западѣ. Авзоній въ своемъ посланіи сообщаетъ намъ планъ школьныхъ занятій, по которому Гомеръ и Менандръ должны быть прочитаны сполна, а затѣмъ уже слѣдовали Горацій, Виргилій и Теренцій [4]). Сидоній читаетъ съ своимъ сыномъ Менандра и Теренція [5]). Далѣе, Гезіодъ, Ибикъ, Алькманъ, Стезоферъ, Сапфо, Архилогъ, Симонидъ, Пиндаръ, Теокритъ и лучшіе поэты александрійскаго періода имѣли также важное

[1]) Филостратъ сообщаетъ намъ имена слѣдующихъ софистовъ, занимавшихся преимущественно преподаваніемъ грамматики: Минуція Траллійскаго (1, 25, 7), Теогена Клодійскаго (II, 1, 14) и Полидевка (II, 12, 2).

[2]) Philostrat. V. S. 1, 21, 5.

[3]) Evnapii. Porphyrius 16—17 p. ed. 1616 r.

[4]) Ad nepotem Ausonium protrepticon de studio puerili (у Ешевскаго, 43 стр.).

[5]) Sidon. Epist. l. IV, 12. Sirmondi I, 947 p.

значеніе въ этомъ курсѣ [1]). Понимали ли хорошо поэтовъ, входили-ли въ духъ древности и возвышались-ли до пониманія красотъ истинной поэзіи — это другой вопросъ, на который скорѣе можно отвѣчать отрицательно. Но важно то, что ораторы разсматриваемой нами эпохи щеголяютъ широкимъ знакомствомъ съ поэтами, начитанностію въ нихъ [2]). Всесторонній разборъ поэтовъ съ необходимостію предполагалъ знакомство съ другими школьными предметами. Мы мало знаемъ о выборѣ предметовъ преподаванія, но вѣроятно, весь кругъ наукъ, завѣщанный древностію, имѣлъ мѣсто въ пропедевтическомъ курсѣ софистовъ. Какъ на подготовительныя работы къ усовершенствованію въ реторикѣ смотрѣли на упражненія въ критикѣ, разборѣ рѣчей и образцовъ. Иногда разбирались и плохія рѣчи, причемъ студенты не только сами должны были указать недостатки, но и исправить ихъ [3]).—Такой порядокъ подготовки былъ болѣе обычный. Конечно, личный вкусъ профессора, его симпатіи къ той или другой наукѣ измѣняли программу. Чего либо опредѣленнаго, служившаго мѣрою и нормою въ этомъ случаѣ, не могло быть. Унивеситетскіе профессора, частные учители краснорѣчія равно располагали полною свободою своихъ чтеній. О какомъ либо контролѣ надъ ихъ занятіями не могло быть и рѣчи. Университеты не знали ни совѣтовъ, ни ректоровъ и декановъ, которые бы такъ или иначе заявляли о себѣ въ дѣлѣ преподаванія наукъ. Даже въ ту пору, когда университеты подчинены были контролю кураторовъ, эти послѣдніе не вмѣшивались въ ту или другую постановку предмета. Свобода чтеній была неприкосновенною [4]). Пропедевтическій курсъ заканчивался, такимъ образомъ, знакомствомъ съ древними писателями, навыкомъ въ изящномъ изложеніи мыслей, умѣньемъ критически относиться къ письменнымъ и устнымъ рѣчамъ, запасомъ свѣдѣній изъ области различныхъ наукъ.

Второй курсъ преподаванія реторики имѣлъ своимъ предметомъ обученіе краснорѣчію въ собственномъ смыслѣ. Дѣло

---

[1]) Hertzberg. Der Unterg. d. Hell. 119 S.

[2]) Schlosser. Universalhist. Uebersicht. d. Gesch. d. alt. Welt. Th. 3, 57 S.

[3]) Kämmel. Soph. d. röm. Keis. y Schmid. Encycl. VIII, 888 S.

[4]) Hertzberg. D. Unterg. d. Hellenism. 317 S.

софиста въ этомъ случаѣ было научить пользоваться пріобрѣтеннымъ запасомъ знаній для самостоятельнаго труда. Объясненіе ораторскихъ пріемовъ, правила расположенія рѣчи, употребленіе фигуръ и троповъ, средства для достиженія эффекта— словомъ вся внѣшняя сторона краснорѣчія была предметомъ реторики. Главнымъ средствомъ изученія ея были школьныя декламаціи, т. е. сочиненія, написанныя на извѣстную тему, съ цѣлью впрочемъ не столько развитія мысли, сколько доведенія формы до возможной степени совершенства. Въ этомъ случаѣ наблюдалась строгая постепенность. Сначала профессоръ излагалъ предъ студентами правила реторики. Самимъ студентамъ вмѣнялось въ обязанность приложить къ дѣлу выслушанныя правила въ своихъ декламаціяхъ. Для ознакомленія съ теоретическими правилами ораторскаго искусства нѣкоторые профессора рекомендовали ими самими составленныя руководства. Такъ Лолліанъ издалъ учебникъ реторики, имѣвшій широкое распространеніе въ школахъ [1]). Для западныхъ высшихъ риторическихъ школъ могли рекомендоваться сочиненія Цицерона и Квинтиліана. Многіе изъ софистовъ предпочитали всякимъ руководствамъ свои правила. Считая себя самихъ образцовыми ораторами, они, конечно, менѣе всего хотѣли обращаться къ письменнымъ пособіямъ своихъ собратовъ. Относительно каждой рѣчи, въ силу установившихся правилъ реторики, имѣлись въ виду слѣдующіе пять моментовъ: a) надобно было придумать содержаніе рѣчи (εὕρεσις, inventio); b) слѣдовало расположить матеріалъ въ извѣстномъ порядкѣ (τάξις, dispositio); c) составить рѣчь и обработать слогъ ея (λέξις, elocutio); d) запомнить (μνήμη, memoria), и e) произнести (ὑπόκρισις, actio). Изъ всѣхъ частей ораторской рѣчи особенное вниманіе обращалось на ту, въ которой приводились доказательства. Но само собою разумѣется, что изученіе системы было дѣломъ сравнительно легкимъ, а потому въ риторскихъ школахъ не считалось особенно важнымъ [2]). Профессора спѣшили перейти къ главнѣй-

[1]) Philostrat. V. S. 1, 23, 2.

[2]) Еще во времена процвѣтанія реторики находились люди, полагавшіе, что можно обойтись вовсе безъ заучиванія этой системы, если только заняться, какъ слѣдуетъ, упражненіями. Впрочемъ лучшіе представители реторики, какъ Квинтиліанъ, рѣшительно отвергали подобное мнѣніе (11, 10, 2. Уссингъ. Воспитаніе и обученіе у грековъ и римлянъ въ русск. пер. 157 стр.).

шему виду подготовки—декламаціямъ. Въ виду образцовъ для декламацій первѣе всего они предлагали вниманію студентовъ ими самими составленныя рѣчи. Переходя послѣдовательно, профессора выдавали темы и планъ для каждой, предоставляя студентамъ выполненіе его. Профессоръ при этомъ бралъ на себя обязанность выправлять устныя рѣчи и письменныя упражненія студентовъ [1]). Затѣмъ выборъ темы и разработка плана происходили при общемъ участіи профессора и студентовъ. Наконецъ, то и другое на послѣдней ступени подготовки предоставлялось самимъ студентамъ. Рѣчи на данную тему и по свободному выбору подвергались разбору первоначально со стороны товарищей. Каждый изъ нихъ долженъ былъ указать въ произведеніи своего товарища достоинства и недостатки, предложить лучшую, по его мнѣнію, постановку дѣла. Профессоръ, выслушавъ мнѣніе студентовъ, подвергалъ прочитанное произведеніе или произнесенную рѣчь критикѣ. Кромѣ занятій съ профессоромъ, студенты упражнялись въ декламаціяхъ на своихъ квартирахъ, по одиночкѣ или группами [2]). Къ числу домашнихъ же занятій принадлежала переписка профессорскихъ лекцій [3]).

По своему предмету декламаціи студенческія были трехъ родовъ: a) хвалебныя или доказательныя (γένος ἐπιδεικτεικόν laudativae или demonstrativae), b) совѣщательныя или обсуждательныя (γένος συμβουλευτικὸν, svasoriae s. deliberativae). Къ обоимъ этимъ родамъ относились темы болѣе легкія для разработки, приступъ которыхъ былъ кратокъ, изложеніе просто [4]). Содержаніе ихъ было разнообразно и заимствовалось часто изъ исторіи [5]). Такъ декламаторы являлись въ роли спартанца, который убѣждаетъ своихъ согражданъ къ постройкѣ городской стѣны, въ роли Перикла, который требуетъ продолженія войны съ Спартою, или въ роли Демосфена, являющагося предъ со-

---

[1]) Schmidt. Gesch. d. Päd. 1, 442 S.

[2]) Philostrat. V. S. II, 21, 3.

[3]) Weber. Comment. de acad. litt. Ath. 36 p.

[4]) Schmidt. Gesch. d. Päd. 443 S.

[5]) Διελέγετο δε περὶ δικαιότητος, ἡρώων τε περὶ καὶ θεῶν, καὶ ὅπη ἀπεσχημάτισται ἡ ἰδέα τοῦ κόσμου· ἡ δὲ μέτ' ἐκείνην, ἣν οὐχὶ νέαν, ἀρχαία γὰρ' δευτέραν δὲ μᾶλλον προσρητέον, τοὺς πένητας ὑπετυπώσατο, καὶ τοὺς πλουσίους, καὶ τοὺς ἀριστέας, καὶ τοὺς τυράννους, καὶ τὰς ἐς ὄνομα ὑποθέσεις, ἐφ' ἃς ἡ ἱστορία ἄγει (Philostrat. De v. soph. 1, prooemium. 481 p. по изд. Lipsiae 1719 г.).

вѣтомъ послѣ Херонейской битвы и др. [1]). Студентовъ часто заставляли писать и похвальныя рѣчи въ честь знаменитыхъ мужей, или же порицать людей дурныхъ. Иногда предлагали на обсужденіе общіе вопросы теоретическаго характера, напр. „почему амуръ изображается мальчикомъ", или практическаго, въ родѣ вопроса „должно-ли предпочитать сельскую жизнь городской", „должно ли вступать въ бракъ" и т. п. [2]). Далѣе предметомъ декламаціи служили темы философскія [3]). При всемъ разнообразіи темъ, всѣ рѣчи имѣли одно общее свойство—не любовь къ простотѣ и естественности и постоянное исканіе аффектовъ.

Декламаціи судебныя (γένος δικανικὸν, judiciales) имѣли своимъ предметомъ болѣе трудныя темы, заимствуемыя большею частію изъ жизни. Такъ какъ онѣ служили подготовкою къ непосредственной практической дѣятельности, то чаще разработывали вопросы изъ области гражданской государственной жизни, изъ области морали и т. под. Въ лучшія времена софистики этого періода на такого рода декламаціи обращено было особенное вниманіе [4]) Существовали даже профессора, имѣвшіе своимъ спеціальнымъ занятіемъ приготовленіе студентовъ къ государственной службѣ, учившіе ихъ произносить рѣчи, содержаніемъ которыхъ были исключительно вопросы изъ гражданской жизни [5]). Но съ теченіемъ времени, когда, подъ вліяніемъ государственнаго строя, отводилось все меньше и меньше мѣста живому слову, реторика все болѣе и болѣе становилась предметомъ школы. Реторическія декламаціи лишались практической почвы. Теоріи обогащались правилами и тѣмъ обильнѣе, чѣмъ менѣе простора слову было въ практической жизни. Недостатокъ содержанія хотѣли прикрыть формою и потому добивались искусственности въ рѣчахъ и поэ-

---

[1]) Kämmel. Sophisten d. röm. Kaiserzeit. bei Schmid. Encycl. VIII, 896 S.

[2]) Уссингъ. Воспитаніе и обученіе у грековъ и римлянъ въ русск. пер. 1878 г. 158 стр.

[3]) Weber. Comm. de ac. lit. Ath. 36 p.

[4]) Philost. V. S. II, 2.

[5]) Таковъ былъ, напр., Θеодотъ, который ἐπέκρινε τοῖς νέοις, ἀγωνιστὴν τῶν πολιτικῶν προσειπὼν λόγων, καὶ ῥητορικῆς ὄφελος (ibid.).

тическихъ оборотахъ, чтобы очаровывать слушателей изяществомъ выраженій.

Мы уже имѣли случай замѣтить о горячихъ симпатіяхъ риторовъ разсматриваемой нами эпохи къ древнимъ. По свидѣтельству Діонисія Галикарнскаго еще въ I-мъ вѣкѣ по Р. Хр., когда впервые императорская власть дала себя чувствовать, замѣтными становятся эти симпатіи [1]). Отъ простаго удивленія предъ трудами древнихъ переходятъ къ подражанію имъ. Но нигдѣ такъ сильно не обнаруживалось это стремленіе къ подражанію, какъ въ языкѣ ораторскихъ рѣчей. Языкъ обыденной жизни и языкъ риторической школы, языкъ софистики имѣли большое различіе между собою. Въ ту пору, какъ языкъ разговорный, съ распространеніемъ греческаго діалекта по всѣмъ концамъ римской имперіи, подвергся измѣненіямъ, даже очень значительнымъ, языкъ риторовъ былъ чуждъ порчи, потому что идеаломъ его былъ языкъ древнихъ, лучшихъ писателей классическаго періода [2]). Какъ профессора краснорѣчія, такъ и студенты, хотя бы были уроженцами разныхъ земель и странъ, говорившими въ обыденной жизни на разныхъ нарѣчіяхъ, въ школѣ считали обязательнымъ практиковать языкъ древне-греческій, языкъ классическихъ писателей. Софисту Павзанію Каппадокійскому Филостратъ ставитъ въ особенную заслугу то, что онъ не отступалъ отъ древнихъ образцовъ (οὐκ ἁμαρτάνει τοῦ ἀρχαίου) [3]). Въ Аѳины стекалось множество молодыхъ людей изъ разныхъ странъ, говорящихъ на различныхъ діалектахъ. Въ школѣ софистовъ, въ зданіи университетовъ на лекціяхъ профессоровъ декламировали на языкѣ древне-аттическомъ [4]). Для западныхъ университетовъ наряду съ греческимъ языкомъ былъ обязателенъ и языкъ латинскій.

Заканчивая обзоръ организаціи риторическаго образованія, мы сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній о факультетскихъ порядкахъ по отношенію къ студентамъ. Успѣхи студентовъ оцѣ-

---

[1]) Dionys. Halic. Діонисій указываетъ и причину этого явленія въ господствѣ Рима. Αἰτία δ' οἶμαι καὶ ἀρχὴ τῆς τοσαύτης μεταβολῆς ἐγένετο ἡ πάντων κρατοῦσα Ρώμη... (у Bernhardy. 582 S.).

[2]) Kämmel. Sophisten d. röm. Kais. bei Schmid. Encycl. VIII, 881 S.

[3]) Philostrat. V. S. II. 13.

[4]) Ibid. II, 1, 7.

нивались профессорами, кромѣ частыхъ выспрашиваній во время лекцій и декламаторскихъ занятій, на публичныхъ испытаніяхъ, при которыхъ присутствовали не только профессора, но и частныя знатныя лица [1]).—Что касается учебнаго времени, то оно не простиралось на цѣлый годъ [2]). Въ учебное время лекціи читались утромъ и вечеромъ [3]), но какъ распредѣлены были занятія, т. е. чѣмъ занимались по утрамъ и въ послѣобѣденное время, относительно этого нѣтъ никакихъ извѣстій.— Что сказано относительно времени студенческихъ занятій и другихъ порядковъ, практиковавшихся у профессоровъ краснорѣчія, это самое имѣло широкое приложеніе и на другихъ факультетахъ: философскомъ, юридическомъ и медицинскомъ. Относительно же внутренней организаціи этихъ послѣднихъ мы имѣемъ гораздо менѣе свѣдѣній, чѣмъ объ организаціи реторическаго факультета.

Въ западныхъ университетахъ, не смотря на увеличившійся интересъ къ философіи съ I-го вѣка, послѣдняя не получала широкаго развитія [4]). Стоицизмъ съ его практическимъ направ-

---

[1]) Plutarch. Quaest. Symp. IX, 1. Ἀμμώνιος Ἀθήνησι στρατηγῶν ἀπόδειξιν ἔλαβε τῷ Διωγενίῳ τῶν γράμματα καὶ γεωμετρίαν καὶ τα ῥητορικὰ καὶ μουσικὴν μανθανόντων ἐφήβων· καὶ τοὺς εὐδοκιμήσαντας τῶν διδασκάλων ἐπὶ δεῖπνον ἐκάλεσε. Bernhardy 610 S. Особенно это должно было имѣть мѣсто съ тѣхъ поръ, какъ императоры стали требовать для себя ежегодные отчеты объ успѣхахъ студентовъ (см. выше декретъ Валентиніана и Валента). Конечно какой либо опредѣленной нормы и предписаній относительно студенческихъ экзаменовъ едва ли существовало. По крайней мѣрѣ мы нигдѣ не находимъ указаній относительно времени этихъ испытаній, обстановки, при которой они производились и т. п.

[2]) Самымъ обычнымъ временемъ чтенія лекцій въ университетахъ и преподаванія частныхъ профессоровъ были зима, осень и весна. Вмѣстѣ съ лѣтомъ, когда наступалъ цѣлый рядъ праздниковъ, до осени лекціи прекращались (K ä m m e l. Sophisten der römischen Kaiserzeit. bei Schmid. Encycl. VIII. 898 S.). Кромѣ того непрерывное чтеніе лекцій могло нарушаться и случайными непредвидѣнными обстоятельствами, къ числу которыхъ могло быть отнесено нападеніе внѣшнихъ враговъ, гражданскія внутреннія волненія, личныя неудовольствія профессоровъ съ студентами (ibid.).

[3]) W e b e r. Comment. de acad. litt. Ath. 12 p.

[4]) «Большинство людей, говорилъ въ свое время Діонъ Хризостомъ, питаетъ такое же отвращеніе къ философамъ, какъ и къ врачамъ; подобно тому какъ лѣкарства покупаются только при серьезной болѣзни, и философіей пренебрегаютъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ слишкомъ большаго несчастія (у М а р т а. Филос. и поэты-морал. во вр. р. импер. 16 стр.).

леніемъ болѣе всего привился на римской почвѣ, хотя были извѣстны и другія ученія [1]). Въ восточныхъ университетахъ, изъ которыхъ Аѳинскій занималъ въ этомъ случаѣ первое мѣсто, отъ временъ классическихъ непрерывно до III-го вѣка продолжали существовать школы: Платона, Аристотеля, эпикурейская и стоическая. Императоръ Маркъ Философъ для каждой изъ этихъ школъ назначилъ по два профессора, съ жалованьемъ отъ государственной казны. Общею особенностію всѣхъ этихъ школъ было стремленіе разъяснять, комментировать труды своихъ знаменитыхъ предшественниковъ [2]). Только академики еще сохранили нѣкоторую силу продуктивности не въ примѣръ другимъ школамъ [3]). По обстоятельствамъ времени, съ половины III-го столѣтія, когда для имперіи настало трудное время внѣшней борьбы и внутреннихъ волненій, когда философскія каѳедры перестали оплачиваться и увлеченіе философіей значительно ослабѣло, когда, наконецъ, христіанство заявило о себѣ такъ сильно въ борьбѣ съ языческой философіей, эпикуровой философіи не было болѣе мѣста. Эпикуреизмъ падаетъ, и на его развалинахъ все болѣе и болѣе укрѣпляется стоицизмъ, который въ годину бѣдствій пришелся по вкусу и восточнымъ жителямъ. Но торжество стоицизма было непродолжительно. Въ Александріи уже успѣло заявить о себѣ новое направленіе философіи неоплатониковъ. Мало по малу это послѣднее пересаживается и въ Аѳины. Академики и перипатетики сливаются въ новомъ направленіи, и стоицизмъ получаетъ рѣшительный ударъ. Съ водвореніемъ новаго направленія въ Аѳинахъ научная разработка философіи въ смыслѣ изученія философскихъ системъ древности изъ Аѳинъ исчезаетъ. Здѣсь остаются представители неоплатонизма, ученики

---

[1]) Даже въ V вѣкѣ въ городахъ Галліи Платонъ и Аристотель дѣлили между собою мѣстныхъ философовъ. Учитель Сидонія, Евсевій, объяснялъ въ Ліонѣ и, какъ кажется, на греческомъ языкѣ категоріи Аристотеля, и Сидоній не находитъ словъ для выраженія внутреннихъ качествъ его лекцій (Apol. Sidon. Epist. l. IV, 1. Sirmondi t. 1, 929 p.). Представителемъ платонизма былъ Маммертъ Клавдіанъ, вьенскій священникъ (Ibid. Ep. IV, II, 942—3 p.).

[2]) Chastel. Histoire de la destruction du paganisme dans l'empire d'orient 103 p.

[3]) Hertzberg. Der Unterg. d. Hell. 94 S.

Порфирія: Ямвлихъ и ученики послѣдняго. Но неоплатонизмъ не представляетъ теперь уже научной философской теоріи. Это скорѣе аггрегатъ отрывковъ платонизма въ соединеніи съ доктринами востока, кабалистическими, мистическими и теургическими элементами. Неоплатоники были не философы въ строгомъ смыслѣ этого слова, а скорѣе жрецы и носители отживающаго свой вѣкъ язычества [1]). Понятно, что христіанское правительство, хорошо знавшее духъ новаго направленія философіи, не поддерживало и не могло поддерживать его представителей. Уже Константинъ Великій отнялъ жалованье у нѣкоторыхъ профессоровъ философіи въ Аѳинскомъ университетѣ и приказалъ уничтожить произведенія Порфирія [2]). Правда, на короткое время неоплатонизмъ оживляется, благодаря энергическимъ усиліямъ Юліана, но это однако не спасаетъ его отъ рѣшительнаго упадка въ скоромъ будущемъ. Преемники Юліана далеко не были столь гуманны по отношенію къ неоплатонизму. О какой-либо поддержкѣ его со стороны правительства не могло быть и рѣчи. Правда, являются частныя лица, которыя на время умѣютъ еще поддержать философское образованіе въ духѣ указаннаго направленія. Нѣкто Прискъ основываетъ философскую школу. Его продолжаетъ Плутархъ [3]). Но важнѣе ихъ былъ Проклъ. Отъ всей души преданный наукѣ, онъ работалъ безъ устали дни и ночи. Своею ученостію, своими неутомимыми трудами онъ на время поддержалъ славу Аѳинскаго университета. Въ Аѳины еще стекаются отовсюду любители философскаго образованія. Слава профессоровъ Аѳинскаго университета, традиціи относительно Аѳинъ, какъ мѣста наукъ, а главнѣе всего, какъ мѣста, гдѣ древніе боги нашли себѣ и долѣе чѣмъ гдѣ-либо имѣли своихъ почитателей, влечетъ еще сюда многихъ поклонниковъ древняго культа [4]). Однако, не смотря на усилія частныхъ лицъ, славное прошлое для Аѳинъ было только дорогимъ воспоминаніемъ. Синезій, сравнивая прежнее величіе Аѳинъ съ современнымъ ему положеніемъ ихъ, въ одномъ письмѣ изъ Аѳинъ своему брату

---

[1]) Hertzberg cit. lib. 343—344 S.

[2]) Chastel. Hist. de la destr. du pagan. 111 p.

[3]) Hertzberg. cit. lib. 492.

[4]) Weber. Comm de acad. litt. Ath. 26.

говоритъ о рѣшительномъ упадкѣ философіи въ этомъ центрѣ философскаго образованія прежнихъ временъ [1]). Конечно, это отзывъ посторонняго наблюдателя, путешественника, остановившагося въ Аѳинахъ на короткое время [2]), который поэтому не могъ всего видѣть и изучить, но тѣмъ не менѣе въ основѣ его лежитъ глубокая истина. Университетъ падалъ со дня на день. Не говоря о софистикѣ, которая еще ранѣе философіи здѣсь отжила свой вѣкъ, и эта послѣдняя въ лицѣ своихъ представителей неоплатониковъ со всѣми ихъ симпатіями къ язычеству и мистеріями казалась анахронизмомъ для того времени.

Изъ этого краткаго очерка исторіи философіи разсматриваемой нами эпохи ясно, что лучшее время преподаванія ея падаетъ на II и III вѣка. Время упадка должно было отразиться и на знаніи высшемъ всѣхъ другихъ знаній. Въ лучшую эпоху философія, какъ предметъ университетскаго преподаванія, раздѣлялась на физику, метафизику и мораль [3]). Это высшій курсъ философіи, которымъ заканчивалось собственно философское образованіе. Но философы, подобно софистамъ, преподавали и пропедевтическій курсъ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно положительно утверждать, что тотъ кругъ наукъ, начало которому было положено въ классическій періодъ и который въ Александріи получилъ полное и законченное развитіе съ именемъ ἐγκύκλιος παιδεία, обнималъ собою теперь всю группу предметовъ пропедевтическаго курса

[1]) Epist. 135. Migne. t. 66, 1524 col. «Ты хочешь знать, писалъ Синезій, какую пользу получилъ я въ Аѳинахъ? Я думаю, что я уже сдѣлался на одну ладонь или палецъ ученѣе.... Да погибнетъ тотъ злополучный кормчій, который привелъ меня сюда! Ибо Аѳины не имѣютъ ничего почетнаго, кромѣ славныхъ именъ мѣстъ. Какъ отъ закланной жертвы ничего болѣе не остается, кромѣ кожи, какъ знака нѣкогда существовавшаго животнаго, такъ, послѣ того какъ философія исчезла отсюда, путешественнику остается только удивляться академіи и лицею, а также тому разнообразному портику, отъ котораго философія Хризиппа получила свое названіе, но который теперь уже не разнообразенъ... Аѳины, которыя были нѣкогда государствомъ—жилищемъ мудрыхъ, нынѣ славятся только приготовителями меда. Прибавь къ нимъ еще пару мудрыхъ Плутархиковъ (ἡ ξυνωρὶς τῶν σοφῶν (σοφιστῶν) Πλουταρχείων), которые привлекаютъ молодыхъ людей въ театръ не славою своихъ рѣчей, но сосудами съ гиметскимъ медомъ». А. Остроумовъ. Синезій. 45 стр.

[2]) Hertzberg. D. Unterg. d. Hell. 490 S.

[3]) Weber. Comment. de acad. lit. Ath. 34 p.

въ школахъ философовъ. Этого и нужно было ожидать отъ строгихъ подражателей и поклонниковъ древнихъ основателей философскихъ школъ. Мы видѣли, знакомство съ какими предметами Пиѳагоръ, Платонъ и Аристотель считали необходимымъ для высшаго философскаго образованія. По традиціи и ихъ ученики предъявляютъ для студентовъ подобныя же требованія. Св. Іустинъ Философъ, разсказывая о своихъ переходахъ отъ одного философа къ другому, пишетъ слѣдующее о пиѳагорейскомъ философѣ его времени: „когда я объявилъ ему (пиѳагорейцу) о своемъ желаніи сдѣлаться его слушателемъ и ученикомъ, онъ спросилъ меня: „а учился ли ты музыкѣ, астрономіи и геометріи? или думаешь, можно понять что-нибудь изъ науки, ведущей къ счастію, если ты прежде не занимался основательно тѣмъ, что отвлекаетъ душу отъ чувственнаго и приготовляетъ ее къ умственному, такъ, чтобы она была способна созерцать красоту и добро въ ихъ сущности“ [1]). Ученикъ и послѣдователь Пиѳагора, почти восемь вѣковъ спустя, предъявляетъ тѣ же самыя требованія, что и его учитель, относительно предметовъ подготовительнаго курса. Та же устойчивость въ этомъ отношеніи характеризуетъ школы послѣдователей и продолжателей Платона и Аристотеля. Неоплатонизмъ, объединившій старый платонизмъ съ философіей перипатетиковъ, не могъ отступиться отъ подобныхъ же требованій. Извѣстно, что Скевзиппъ, непосредственный ученикъ Платона, первый точно опредѣлилъ для платонической школы кругъ общеобразовательныхъ предметовъ въ числѣ семи свободныхъ наукъ [2]), и этотъ кругъ наукъ позднѣйшими представителями школы считается обязательнымъ для всякаго, искавшаго философскаго образованія въ ихъ школѣ. Почти 700 лѣтъ спустя неоплатоникъ Ямвлихъ въ числѣ образовательныхъ предметовъ, служившихъ подготовкою къ занятіямъ философіей, перечисляетъ тѣ же самые предметы [3]). Климентъ и Оригенъ, христіанскіе философы, примѣняясь къ воззрѣніямъ современныхъ философскихъ школъ, семь свободныхъ наукъ, какъ

[1]) Разговоръ съ Трифономъ въ русск. пер. 2 гл. 145 стр.

[2]) Cramer. Gesch. d. Erz. und Unterr. in den Niederlanden. Stralsund. 1843 г. 6 S.

[3]) Ibid. 9 S.

увидимъ ниже, трактуютъ, какъ подготовительныя науки къ философіи. Извѣстная и знаменитая женщина-философъ, Ипатія, въ Александрійской школѣ преподавала, по замѣчанію Сократа, „всѣ философскія науки“ [1]), т. е. курсъ философіи со всѣми подготовительными предметами. Ея ученикъ, Синезій, не можетъ представить себѣ, чтобы философія могла существовать отдѣльно отъ другихъ знаній. Философія, по нему, обнимаетъ все общее въ каждой наукѣ. Она господствуетъ надъ всѣми науками и есть какъ-бы ихъ царица. Чтобы достигнуть философіи, необходимо упражненіе въ свободныхъ наукахъ. Музы, какъ показываетъ самое ихъ названіе (ὄμου οὖσαι), существуютъ не по одиночкѣ, но въ общей совокупности составляютъ нераздѣльный хоръ подъ предводительствомъ Аполлона. Заниматься какою-либо одною изъ свободныхъ наукъ, находящихся подъ покровительствомъ этихъ музъ, значило бы раздѣлять то, что не можетъ быть раздѣляемо [2]). Какъ преподавались предметы пропедевтическаго курса, въ какомъ объемѣ, по какимъ методамъ—относительно этого не сохранилось никакихъ положительныхъ извѣстій. Можно думать, что въ основныхъ чертахъ все это по возможности старались удержать на высотѣ завѣщаннаго стариной.

Не яснѣе для насъ вопросъ объ объемѣ и методѣ преподаванія высшаго курса философіи. И въ этомъ случаѣ возможны только сужденія вѣроятныя, по аналогіи. Мы знаемъ, что для философскихъ школъ этого періода произведенія ихъ первоначальныхъ основателей казались образцовыми, идеаломъ совершенства. Ихъ изучали, объясняли и комментировали. Можно думать, что и основные вопросы изъ области физики, метафизики и морали рѣшались на основаніи, въ духѣ и по методу древнихъ философовъ, основателей той или другой школы.

Изученіе права въ университетахъ и преподаваніе его должно было усилиться съ тѣхъ поръ, какъ въ основу государственной жизни со времени Августа положены были новыя начала централизаціи, систематически и настойчиво проводи-

---

[1]) Ц. исторія. VII, 15.

[2]) А. Остроумовъ. Синезій еп. Птолемаидскій. 170 стр.

мыя въ жизнь его дальнѣйшими преемниками, особенно Діоклетіаномъ и Константиномъ Великимъ и завершенныя Юстиніаномъ. Хотя профессора юриспруденціи существовали во всѣхъ университетахъ, однако особенно выдающимися пунктами преподаванія права были: Римъ, Константинополь и Беритъ. Первые два, какъ столичные города, естественно должны были быть по преимуществу разсадниками и мѣстомъ приготовленія ученыхъ юристовъ. Послѣдній особенно съ III вѣка сталъ служить мѣстомъ юридическаго образованія для чиновниковъ восточныхъ областей. Григорій Чудотворецъ въ своемъ панегирикѣ Оригену называетъ Беритъ πόλις ῥωμαϊκωτέρα πως, καὶ τῶν νόμων τούτων εἶναι πιστευθεῖσα παιδευτήριον“ [1]). Позднѣе Эвнапій именуетъ Беритъ матерью юридическихъ наукъ [2]). Юстиніанъ, запретивъ преподаваніе права въ другихъ городахъ, оставилъ незакрытыми каѳедры юриспруденціи въ Беритѣ. Еще прежде Юстиніана, независимо отъ указаннаго запрещенія, названные три города были выдающимися пунктами юридическаго образованія и поэтому Юстиніанъ, запрещая преподаваніе права въ другихъ мѣстахъ, могъ справедливо замѣтить, что jam a retro principibus ita constitutum fuisse [3]).

Относительно плана, объема преподаванія права сохранились отрывочныя извѣстія. Такъ въ Беритѣ, по примѣру другихъ факультетовъ, для юристовъ предлагался нѣкоторый подготовительный курсъ. Новички, обыкновеннымъ названіемъ которыхъ было dupondii, знакомились съ нѣкоторыми науками, имѣющими отношеніе къ праву. На второй годъ студенты приступали къ изученію этого послѣдняго и упражнялись въ толкованіи и объясненіи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ изъ области юриспруденціи. Отсюда ихъ названіемъ было — edictales. Въ третій годъ студенты слушали responsorium Papiniani, почему и назывались papinistares. Четвертый годъ посвящался изученію произведеній знаменитыхъ юристовъ въ родѣ „отвѣ-

[1]) Gr. Thavmat. Oratio paneg. in Orig. n. 5, Migne. t. X, gr. s. 1065 col.

[2]) Evnapii. Proaeresius 117 p. ed. 1616 г. Разсказывая о финикійцѣ Анатоліѣ, приближенномъ ко двору императора, Эвнапій замѣчаетъ, что къ знакомству съ другими науками онъ присоединилъ знаніе права, ὡς ἂν πατρίδα ἔχων τὴν Βηρυτὸν, ἡ τοῖς τοιούτοις μήτηρ ὑποκάλληται παιδεύμασι.

[3]) Conringius. Dissert. de stud. lit. urb. R. et C. 1204 p. t. III Nov. thesaur.

товъ Павла“ и толкованія ихъ. Отсюда и греческое названіе ихъ—lytae. Въ пятый годъ студенты читали и изучали узаконенія императоровъ и поэтому назывались пролитами [1]). Юстиніанъ измѣнилъ эту программу, опредѣливъ, чтобы въ первый годъ студенты съ наименованіемъ justinianei novi проходили первыя четыре книги digestorum. Для остальныхъ четырехъ курсовъ названія оставлены прежнія, но предметъ и порядокъ занятій измѣнены. Во второй годъ читали семь книгъ о судахъ и восемь о дѣлахъ; въ третій—двадцать или двадцать одну книгу digestorum. Въ четвертый годъ проходились остальныя книги digestorum. Пятый годъ назначенъ былъ для преподаванія кодекса [2]). Языкомъ школы юристовъ былъ латинскій [3]).

Что касается медицины, то ею особенно занимались въ Александрійскомъ университетѣ. Разсматриваемый нами періодъ не можетъ похвалиться богатыми научно-практическими трудами. Медицина вращалась на почвѣ теософіи, магіи, теургіи, астрологіи и алхиміи [4]). Представителями медицины въ университетахъ были іатрософисты. Послѣдніе своею задачею ставили блестящее изложеніе теоріи медицины и по своимъ пріемамъ и методу вполнѣ напоминали софистовъ того времени.

Такова внутренняя организація университетовъ времени императоровъ до Юстиніана. Почти пять вѣковъ существовали они, начиная съ блестящей эпохи Антониновъ и кончая временемъ Юстиніана, временъ ихъ упадка, подготовленнаго гораздо ранѣе Юстиніана многими историческими факторами.

---

[1]) Keuffel. Hist. orig. ac. progr. schol. 92—95 p.
[2]) Ibid.
[3]) Гиббонъ. Истор. обозр. рим. права. 37 стр.
[4]) Bernhardy. Gr. d. gr. Litt. 626 S.

V.

Изъ представленнаго нами обзора школъ классическихъ и учебныхъ заведеній послѣдующаго времени легко можно убѣдиться въ томъ, что прекрасное, вышеуказанное нами, замѣчаніе Страбона о Греціи, какъ „общемъ училищѣ всѣхъ“ культурныхъ народовъ древняго міра, есть глубокая историческая истина. Греція, или частнѣе Эллада, была общимъ училищемъ не только для всѣхъ эллинскихъ племенъ, но и для племенъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ нею. Ея науки переживаютъ ее саму и распространяются въ средѣ народовъ, способныхъ къ культурѣ. Въ Греціи впервые зародилась европейская наука, въ свободной Элладѣ она достигла своего блестящаго развитія, и отсюда, какъ изъ центра, пересажена была въ Александрію, на востокъ и западъ. Греція довела свои школы до значительной степени совершенства. Тамъ впервые выработался кругъ наукъ общеобразовательнаго курса, положены основанія той постановки предметовъ, которая царила во всѣхъ школахъ послѣдующаго времени. Правда, ни въ теоріи знаменитыхъ дидактоловъ классическаго періода, ни въ школьной практикѣ того времени мы не находимъ строго и точно установившейся однообразной программы наукъ общеобразовательнаго курса; но это свидѣтельствуетъ только о свободѣ греческаго духа, который не любилъ стѣснять себя какими бы то ни было формальностями, узкими рамками. Свободный грекъ учился всему, что нужно было знать образованному человѣку. Всѣ семь свободныхъ наукъ, составившія въ Александрійскій періодъ такъ называемое Ἐγκύκλιος παιδεία, были обычными предметами общеобразовательнаго курса классическихъ школъ. Реторика или философія выдвигалась особенно, какъ завершеніе всякаго образованія. Римъ, пересадившій на свою почву

греческія науки, въ организаціи своихъ школъ остается вѣренъ греческимъ традиціямъ. Школы конца римской республики и учебныя заведенія блестящаго времени Антониновъ являются предъ нами только копіями школъ классическихъ. Предметы школьнаго преподаванія, ихъ постановка, внутреннее содержаніе наукъ школьныхъ,—все это нейдетъ далѣе простаго пересаживанія древней науки на новую почву.

Обращаемся къ христіанскимъ школамъ VIII и IX вв. „Постыдная лѣность учащихся не должна служить отплатой за благодѣянія учителя, и если многіе весьма сочувственно отнесутся къ извѣстнымъ вашимъ заботамъ о наукѣ, то во Франціи, быть можетъ, явятся новыя Аѳины, гораздо даже превосходнѣйшія ихъ, поелику эта наша славная преподаваемая мудрость Христа Господа превосходитъ всякую мудрость академической науки. Эта послѣдняя, образовавшаяся изъ наукъ платоническихъ, славилась семью искусствами; наша же сверхъ того надѣленная сполна семью дарами Св. Духа, превосходитъ въ своемъ достоинствѣ свѣтскую мудрость“ [1]). Такъ писалъ Алкуинъ, знаменитый организаторъ западныхъ школъ времени Карла, къ своему покровителю и ученику, и въ этихъ короткихъ словахъ выразилъ свое воззрѣніе на славное прошлое греческой науки, на ея значеніе въ христіанскомъ государствѣ. Академія Платона является въ воображеніи Алкуина верхомъ совершенства, котораго когда-либо достигала свѣтская наука. Онъ ничего большаго съ этой стороны и не желалъ бы, еслибы только во Франціи явилась школа съ такою блестящею организаціей свѣтскаго курса, съ какою онъ представлялъ себѣ академію Платона. Безъ сомнѣнія, школа христіанская, какъ христіанская, въ которой богословіе занимаетъ первое мѣсто въ числѣ предметовъ школьнаго преподаванія, уже по этому самому стоитъ настолько выше школы языческой, насколько вообще мудрость божественная неизмѣримо выше человѣческой. Но если игнорировать эту послѣднюю специфическую особенность христіанскихъ школъ времени Карла, которую Алкуинъ ставитъ, какъ признакъ ихъ сравнительнаго превосходства, то въ остальномъ всѣ симпатіи западнаго органи-

[1]) Alc. Epist. ad dom. regem 86. Migne t. 100. 282 col.

затора тяготѣютъ къ школѣ древне-греческой. Для него она является идеаломъ. Замѣчательно, что такъ разсуждаетъ западный инокъ, поклонникъ церковно-іерархическаго образованія. Что-же сказать о греческой націи, для которой языческое славное прошлое было все же своимъ роднымъ достояніемъ, завѣщеннымъ отъ предковъ? Не даромъ и въ эпоху упадка образованія являются поборники классической науки. Неудивительно, что величавый іерархъ греческой церкви, Фотій, и его царственный воспитанникъ, Левъ Мудрый, питаютъ самыя горячія симпатіи къ древней наукѣ. Даже тѣ, которые, повидимому, порвали всякія связи съ міромъ и тѣмъ болѣе съ языческимъ наслѣдіемъ, не хотятъ забыть этого послѣдняго. И для нихъ оно, конечно далеко не во всемъ объемѣ, является дорогимъ матеріаломъ образованія, приложимымъ къ нуждамъ и потребностямъ ихъ времени и примиримымъ съ ихъ взглядами на жизнь и на дѣятельность христіанина. Для насъ важно это тяготѣніе людей VIII и IX вѣковъ къ древнему міру, ихъ возвышенное представленіе о наукѣ языческой и ея приложимости къ своимъ нуждамъ. Мы увидимъ послѣ, что это не было плодомъ мысли людей этого именно времени. Связующимъ звѣномъ, посредникомъ между древнимъ міромъ съ его наукой и этими послѣдними были христіанскія школы первыхъ вѣковъ, практически рѣшившія вопросъ объ отношеніи древне-греческаго образованія къ христіанству и теоретическое обоснованіе его въ устахъ отцовъ и учителей церкви того времени. Хорошо и то, что люди VIII и IX вѣка не забываютъ этихъ традицій. Конечно, являются личности, крайне ригористически настроенныя ко всему языческому, хотя-бы оно и было общечеловѣческимъ, но это въ своемъ родѣ исключенія, какъ и крайніе поклонники классическаго образованія въ христіанскій VIII и IX вѣка. Большинство, лучшіе люди своего времени умѣютъ оцѣнить языческую науку и указать ей по своей мѣркѣ опредѣленную роль въ христіанскомъ образованіи.

Уже одно это тяготѣніе къ древней наукѣ дѣлало вполнѣ естественнымъ то явленіе, которое нами указано въ первыхъ двухъ главахъ. Свѣтская наука занимаетъ довольно видное мѣсто въ восточныхъ и западныхъ школахъ времени Карла. Могла-ли эта послѣдняя достигнуть какого-либо процвѣтанія,—

это другой вопросъ, на который дадимъ отвѣтъ въ своемъ мѣстѣ. Важно то, что свѣтское образованіе вносится въ христіанскія школы и, что всего замѣчательнѣе, цѣликомъ, безъ измѣненій съ внѣшней стороны. Греческій классическій міръ выработалъ предметы общеобразовательнаго курса, точно формулированные въ александрійскій періодъ. Семь свободныхъ наукъ еще въ школѣ ученика Платона, Скевзиппа, составляли собою кругъ пропедевтическихъ наукъ къ высшему курсу. Римскія школы, какъ мы видѣли, остаются вполнѣ вѣрными греческимъ школьнымъ традиціямъ. Обращаемся къ христіанскимъ школамъ времени Карла и наблюдаемъ замѣчательное явленіе: какъ на востокѣ, такъ и на западѣ въ курсѣ наукъ свѣтскаго образованія онѣ ставятъ тѣ же семь свободныхъ искусствъ, съ которыми мы познакомились въ школахъ Греціи и Рима. Этого мало. Названныя науки получаютъ точно такую же постановку, какую онѣ имѣли въ школахъ языческихъ. Если грекъ и римлянинъ знакомился съ грамматикой, риторикой, діалектикой и математикой съ тѣмъ, чтобы перейти, послѣ знакомства съ ними, къ высшему курсу образованія, то и воспитанники христіанскихъ школъ VIII и IX вв. занимаются ими въ видахъ наилучшаго пониманія богооткровеннаго кодекса. Короче сказать, тамъ и здѣсь науки общеобразовательнаго курса были не сами по себѣ цѣль, но средства къ достиженію высшей цѣли. Если грекъ и римлянинъ только по окончаніи общеобразовательнаго курса приступалъ къ изученію высшей мудрости, то и ученикъ Алкуина и воспитанникъ византійской школы переходили къ основѣ всѣхъ наукъ, богословію не прежде, какъ послѣ надлежащаго знакомства съ предметами тривіума и квадривіума. Высшая мудрость требовала себѣ на служеніе низшія науки. Конечно, относительно тожества въ постановкѣ предмета высшаго образованія не могло быть и рѣчи. Люди VIII и IX вв. были и считали себя христіанами. Развѣ возможно было для нихъ представить себѣ какую-либо другую науку, кромѣ кодекса богооткровенныхъ истинъ, какъ цѣль и завершеніе образованія. Если язычникъ всею душею могъ привязаться къ реторикѣ или философіи, то это понятно. У него не было болѣе возвышенныхъ объектовъ для мысли, болѣе почтенныхъ предметовъ изученія. Христіанинъ совсѣмъ въ

иномъ положеніи. Для него возвѣщена неземная истина. Искать чего-либо помимо ея для него могло быть признакомъ невѣрія. Вся задача воспитанника школъ VIII и IX вѣка ограничивалась стремленіемъ понять, объяснить данныя откровенія. Къ этой цѣли направляется вся система образованія. Мы видѣли, что въ этомъ духѣ разсуждаютъ представители западной учености во времена Карла Великаго. Положительно сходный взглядъ на этотъ предметъ высказываютъ и передовые люди востока, современники западныхъ мыслителей времени Карла. И здѣсь, какъ во всемъ другомъ, человѣкъ VIII и IX вв. мыслитъ несамостоятельно. Традиціи христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ оказываютъ неотразимое вліяніе на восточныхъ и западныхъ дидактологовъ позднѣйшаго времени. Мы увидимъ послѣ, что люди начала среднихъ вѣковъ зашли далѣе въ указанномъ направленіи, по сравненію съ мыслителями первыхъ вѣковъ. Конечно, для этого были свои причины и, первѣе всего, упадокъ образованія на востокѣ и западѣ. Упадокъ отражается на всѣхъ наукахъ, но гораздо болѣе на свѣтскихъ. Когда человѣку стала не по силамъ широкая область науки, онъ производитъ сокращенія ея. Понятно, что свѣтское образованіе, какъ не необходимое для главной цѣли жизни христіанина, скорѣе всего должно было подвергнуться измѣненіямъ въ духѣ новыхъ потребностей. Если язычникъ смотрѣлъ на себя только какъ на гражданина міра земнаго и въ образованіи видѣлъ средство приготовить изъ себя или вообще человѣка извѣстнаго общества, или частнѣе государственнаго дѣятеля, то христіанинъ среднихъ вѣковъ заходитъ въ другую крайность. Онъ игнорируетъ себя какъ члена государства. Его мысль останавливается болѣе на представленіи себя гражданиномъ царства небеснаго. Монашество, по идеѣ отрекшееся отъ міра со всѣми его соблазнами, успѣваетъ распространить свои идеи и въ массу. Это тѣмъ болѣе было легко сдѣлать, что иноки какъ на востокѣ, такъ и на западѣ считались и въ самомъ дѣлѣ были сравнительно болѣе образованнымъ классомъ. Наука и образованіе сосредоточивались въ ихъ рукахъ. Школы, особенно западныя, пріютились внутри монастырскихъ стѣнъ, или близъ нихъ, а также при епископскихъ каѳедрахъ. Монахи являются учителями и начальниками учебныхъ заве-

деній. Совершенно въ порядкѣ вещей, если они настроятъ все образованіе на духовный ладъ, если не усмотрятъ въ немъ иной задачи, кромѣ приготовленія членовъ царства небеснаго. Тутъ не можетъ быть различія между посвятившими и непосвятившими себя на служеніе церкви. Тѣ и другіе равно суть дѣти одного Отца. Тѣ и другіе равно члены царства небеснаго. Неудивительно поэтому, если восточная и западная школа VIII и IX вв. стремилась облечь своего питомца, не взирая на его будущую дѣятельность, во всеоружіе возможнаго по тому времени знанія, но не ради этого послѣдняго, не для примѣненія его къ потребностямъ практической жизни, а для высшей цѣли, для разумнаго пониманія божественныхъ истинъ, для ихъ защиты,—словомъ, для религіозно-нравственныхъ потребностей человѣка. Такимъ образомъ, по своимъ задачамъ христіанскія школы VIII и IX вв. являются предъ нами совершенно отличными отъ школъ языческихъ. Первыя преслѣдуютъ цѣль, намѣченную христіанскими учителями, цѣль довольно одностороннюю, но тѣмъ не менѣе неуклонно преслѣдуемую на западѣ и, съ небольшими уклоненіями въ лицѣ иконоборческой партіи, на востокѣ. Вторыя, за едва замѣтными исключеніями, заняты внѣшнимъ человѣкомъ, насколько онъ гражданинъ міра сего. Очевидно въ томъ и другомъ случаѣ крайности, которыя слишкомъ ярко проявляютъ себя въ нашемъ вопросѣ Если въ языческомъ мірѣ всѣ науки, начиная съ низшихъ и кончая высшими, стремились къ одной цѣли—къ образованію человѣка, какъ дѣятеля въ обществѣ. то отсюда вполнѣ понятна та тѣсная связь пропедевтическихъ наукъ съ предметами высшаго курса. Уже одно то, что всѣ они преслѣдовали однообразныя задачи, роднило ихъ, ставило въ близкія отношенія другъ къ другу. Надпись на дверяхъ академіи Платона: „не знающій геометріи не долженъ входить сюда“ имѣла весь свой смыслъ. Подобную этой вывѣску могъ сдѣлать всякій философъ и всякій софистъ. Далеко не то въ христіанскихъ школахъ. Предметы ихъ преподаванія раздѣляются на двѣ разнородныя группы, между которыми не существуетъ такого отношенія, какъ между высшими и низшими науками въ языческихъ школахъ. Группа наукъ божественныхъ стоитъ неизмѣримо выше группы наукъ чело-

вѣческихъ. Если въ языческой школѣ невозможно разъединить философію съ математикой, поелику первая въ соединеніи съ послѣднею только и составляетъ философію, равно какъ реторику отдѣлить отъ наукъ пропедевтичекаго курса, то въ христіанской школѣ возможно мыслить науку богословскую и отдѣльно отъ свѣтской. Если нельзя было сдѣлаться хорошимъ философомъ и риторомъ безъ широкаго знакомства съ пропедевтическими науками, то возможно изучить библію безъ помощи математики, реторики и діалектики. Правда, нельзя было игнорировать науки общеобразовательнаго курса, какъ помогающія усвоенію высшаго предмета, но излишнею считалась широкая постановка ихъ. Вспомнимъ взглядъ Рабана Мавра на скромную роль свѣтскихъ наукъ въ христіанской школѣ. Такъ мыслилъ не одинъ только названный богословъ. Это было общимъ воззрѣніемъ ученыхъ людей VIII и IX вв.

Одно уже это различіе въ опредѣленіи задачъ и цѣлей образованія двухъ міровъ, христіанскаго и языческаго, обусловливало собою неодинаковую внутреннюю организацію курса свѣтскихъ наукъ. Въ то время, какъ въ языческихъ школахъ, даже въ эпоху упадка образованія, свѣтскія науки ставятся по широкой программѣ, въ христіанскихъ VIII и IX вв. такая программа является неумѣстною. „Если и изъ языческихъ писателей можемъ мы получить какую-нибудь пользу, то это не запрещено. Будемъ только искусными мѣнялами, принимая настоящее и чистое золото, а поддѣльное отбрасывая“. Вотъ критерій, съ какимъ обращаются къ группѣ наукъ свѣтскихъ. Изъ нихъ выбираютъ, ихъ сокращаютъ по мѣркѣ приспособленія къ высшей цѣли. Въ полномъ ихъ объемѣ имъ нѣтъ мѣста въ христіанскихъ школахъ. Свѣтскимъ наукамъ дается право на существованіе въ школахъ постольку, поскольку онѣ служатъ пособіемъ при объясненіи Св. Писанія. Понятно, что такая программа не могла имѣть благотворнаго вліянія на процвѣтаніе свѣтскаго образованія въ школахъ. Она стѣсняла, подавляла всякую самодѣятельность въ этой области. Мало этого,—она вела къ сокращенію, искаженію добытыхъ результатовъ во времена славнаго прошлаго науки. А такая программа, такое отношеніе къ свѣтскому образованію были общими какъ для восточныхъ, такъ и для западныхъ школъ времени

Карла. Мы видѣли, что Алкуинъ и Рабанъ Мавръ оцѣниваютъ сравнительное достоинство свѣтскихъ наукъ по ихъ отношенію и приложимости къ пониманію св. Писанія. Все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ этой цѣли, опускается, выбрасывается, какъ недостойное имени науки. Немного лучше относятся къ трудамъ своихъ предковъ представители восточнаго образованія. Являясь „искусными мѣнялами, принимающими только настоящее и чистое золото, а поддѣльное отбрасывающими", эти послѣдніе допускаютъ произвольное распоряженіе съ богатымъ наслѣдіемъ древности. Труды классической и позднѣйшей учености подвергаются сокращеніямъ. Многое не только изъ поддѣльнаго золота, но и настоящаго терпитъ одинаковую участь. Такимъ образомъ, изъ этой краткой характеристики отношенія восточныхъ и западныхъ представителей науки времени Карла Великаго къ древне-языческому образованію яснымъ становится слѣдующее: съ одной стороны образованный человѣкъ VIII и IX вв. съ глубокимъ уваженіемъ смотритъ на языческое образованіе. Онъ хорошо понимаетъ, что наука стояла въ древнемъ мірѣ на высотѣ желаннаго идеала. Но съ другой стороны онъ вырабатываетъ себѣ свою мѣрку отношеній къ этому послѣднему. Для христіанина этихъ вѣковъ языческое образованіе, помимо всѣхъ другихъ причинъ, казалось неприложимымъ въ его цѣломъ видѣ въ христіанскомъ обществѣ по тому уже одному, что оно было языческое, слѣд. противоположное христіанскому. Отсюда, какъ поклонникъ науки, онъ стремится пересадить на свою почву, ввести въ программу образованія науки древности. Но какъ христіанинъ, человѣкъ съ извѣстнымъ взглядомъ на задачи и цѣли здѣшней жизни, онъ дозволяетъ себѣ вторгнуться въ предѣлы внутренняго содержанія наукъ, произвести здѣсь перемѣны, но не въ смыслѣ привнесенія чего-либо новаго, приумноженія научныхъ результатовъ,—нѣтъ, но въ духѣ сокращенія, передѣлки по узкой программѣ установившагося воззрѣнія на задачи и цѣль образованія. Слѣдствіемъ этого было то, что съ внѣшней стороны христіанская школа является копіей съ школы древнихъ. Въ ней мы встрѣчаемъ одинаковый курсъ общеобразовательныхъ предметовъ, одинаковую ихъ постановку по отношенію къ выс-

шему курсу образованія. Но за то производится коренная реформа во внутренней организаціи школы. Все свѣтское образованіе освящается колоритомъ христіанскимъ. Въ этомъ духѣ производятся перемѣны во внутреннемъ содержаніи каждой науки. Мы уже видѣли, какъ рельефно начертилъ планъ свѣтскаго образованія Рабанъ Мавръ. Какая изъ семи свободныхъ наукъ не подверглась передѣлкѣ по мѣркѣ ея пригодности въ виду высшей христіанской науки? И это взглядъ Алкуина, только развитый Рабаномъ. А восточные мыслители развѣ не передѣлываютъ программу каждой свѣтской науки въ духѣ подобныхъ-же взглядовъ? Грамматика, реторика и діалектика съ математикой опредѣляются на служеніе богословію. Понятно, что подобныя отношенія къ завѣщанному научному сокровищу неминуемо влекутъ за собою упадокъ науки. Программа свѣтскихъ наукъ христіанской школы, близко соприкасаясь съ программою языческой школы со стороны внѣшней, съ внутренней должна была остаться далеко назади ея. Высказанное нами общее замѣчаніе можно провѣрить частнѣе. Мы видѣли, на какихъ началахъ покоилось грамматическое образованіе въ восточныхъ и западныхъ школахъ времени Карла съ одной стороны и въ языческихъ съ другой. Въ первыхъ, кромѣ сжатаго сокращенія трудовъ древности, трудно найти что-либо новое. По идеѣ грамматика еще преслѣдуетъ довольно широкія цѣли. Она опредѣляется, какъ наука толкованія поэтовъ и историковъ, какъ искусство писать и говорить правильно [1]). Но на практикѣ въ первой своей части она трактуетъ объ элементарныхъ правилахъ этимологіи. Орѳографія имѣетъ видъ безсвязнаго сборника словъ, имѣющихъ неодинаковое правописаніе. Метрика предлагаетъ элементарныя правила просодіи. Такъ поставлена была грамматика въ восточныхъ и западныхъ школахъ времени Карла. Въ школахъ языческихъ, особенно послѣ классическаго періода, грамматика дѣйствительно была наукою толкованія поэтовъ и историковъ. Все грамматическое образованіе покоилось на чтеніи и объясненіи различныхъ авторовъ. Даже въ элементарныхъ школахъ, едва дитя научится

[1]) R. Mauri de cler. instit. l. III, c. 18. Grammatica est scientia interpretandi poetas atque historicos et recte scribendi loquendique ratio.

разбирать буквы, ему даютъ стихотворенія для грамматическаго образованія, настаивая преимущественно на орѳографіи и орѳоэпіи, выясненіи словъ и предложеній. А въ среднемъ и высшемъ курсѣ предѣлъ грамматики расширялся до знакомства съ литературой. Оканчивая курсъ школы грамматика, молодой человѣкъ выходилъ съ значительнымъ запасомъ свѣденій по различнымъ наукамъ, не исключая даже математики, а главное дѣйствительно начитаннымъ. Въ противоположность ему, воспитанникъ школы времени Карла заканчивалъ грамматику, твердо заучивъ всѣ восемь частей рѣчи, научившись склонять и спрягать и еще усвоивъ два-три правила синтаксиса. Правда, онъ читалъ при этомъ поэтовъ, но не болѣе какъ въ его христоматіяхъ, составленныхъ подъ вліяніемъ христіански настроеннаго чувства. Онъ читалъ и прозаиковъ, но также въ сокращеніяхъ, да притомъ и въ ограниченномъ количествѣ. Такимъ образомъ, и здѣсь съ внѣшней стороны христіанская школа напоминаетъ языческую. Она согласна признать и признаетъ правильность задачъ грамматическаго образованія, точно опредѣленныхъ языческою школою, готова сохранить эту постановку. Но точное выполненіе программы грамматическаго образованія языческой школы является для нея дѣломъ непосильнымъ. Опредѣленіе задачъ его, списанное Рабаномъ у грамматиковъ языческой школы, есть простое pium desiderium почтеннаго дѣятеля на поприщѣ школьнаго преподаванія. На практикѣ грамматика христіанской школы не задается широкими цѣлями руководства при чтеніи и пониманіи поэтовъ и историковъ. Задача ея гораздо скромнѣе — научить правильно говорить и писать. Она, по Алкуину, есть custos bene dicendi et scribendi, и при этомъ самое „bene dicendi et scribendi“ понимается слишкомъ узко, только въ смыслѣ этимологической правильности.

Если обратимся къ риторикѣ, то и относительно ея постановки мы должны сказать тоже, что замѣчено о грамматикѣ. Съ одной стороны мы замѣчаемъ въ школахъ VIII и IX вв. сильное уваженіе къ реторическому образованію по образцамъ древнихъ. Фотій долженъ былъ разубѣждать Георгія, митрополита Никомидійскаго, въ его крайнемъ увлеченіи риторикою древнихъ. Учебники риторики, практиковавшіеся въ греческихъ

школахъ, были компиляціей въ сокращеніяхъ реторическихъ руководствъ древнихъ. Алкуинъ въ своемъ руководствѣ къ реторикѣ не идетъ далѣе сокращенія трудовъ западныхъ риторовъ. Но если въ языческихъ школахъ, начиная съ классическаго періода, реторическое образованіе всегда относилось къ предметамъ высшаго курса, а потому и разрабатывалось всесторонне, то въ христіанскихъ оно низошло на степень одного изъ общеобразовательныхъ предметовъ. Отсюда необходимымъ слѣдствіемъ явилось сокращеніе ея подъ перомъ такихъ риторовъ, какъ Алкуинъ. Послѣдній въ опредѣленіи задачъ риторики остается вполнѣ вѣренъ традиціямъ лучшихъ представителей науки древняго времени. По нему, она—наука практическая, примѣнимая къ государственнымъ и общественнымъ потребностямъ. Конечно, такою реторика была въ лучшія эпохи своего развитія, подъ перомъ и въ устахъ Демосѳена, Эсхина, на западѣ — въ вѣкъ Цицерона, но ни какъ въ вѣкъ Карла и подъ перомъ Алкуина. Почтенный авторъ руководства какъ-бы забываетъ то, что онъ живетъ въ VIII в., а не въ I до Рожд. Хр., забываетъ, что не существовало въ монархіи Карла ни „безсмертныхъ боговъ, ни республики“. Отсюда ясно, что преподаватель христіанской школы VIII и IX вв. преклоняется предъ авторитетомъ древней реторической учености. Онъ не только не ищетъ усовершенствованія ея въ какомъ-либо отношеніи, напротивъ, стремится пересадить ее на свою почву, не справляясь съ нуждами и потребностями своего времени. Но о перенесеніи на христіанскую почву языческой реторики въ цѣломъ ея видѣ не могло быть и рѣчи. Ненужными являются въ христіанской школѣ декламаціи, этотъ необходимѣйшій видъ реторическаго образованія въ языческой школѣ. Не видимъ также въ ней блестящей постановки пропедевтическаго курса. Одна лишь грамматика съ ея элементарными правилами этимологіи предшествовала изученію реторики. Это и естественно. Хотя по идеѣ реторика Алкуина должна была преслѣдовать практическія задачи, значитъ, приготовлять государственныхъ ораторовъ, однако въ дѣйствительности она была продолженіемъ грамматики, руководила въ навыкѣ bene scribendi со стороны логической. Такая постановка напоминаетъ намъ школы римскихъ грамматиковъ, вторгавшихъ-

ся въ своемъ преподаваніи въ область пропедевтическаго курса риторовъ. Такъ было въ западныхъ школахъ. Не лучше того поставлена была реторика и въ восточныхъ. Здѣсь довольствовались сокращеніемъ учебника Афтонія. Правда, во времена Константина Порфирогенета на риторическое образованіе въ школахъ было обращено особенное вниманіе, но чѣмъ сопровождалось подобное явленіе собственно для постановки реторики, объ этомъ умалчиваетъ историкъ, сообщившій намъ самый фактъ. Если и вышло отсюда какое-либо улучшеніе, то, вѣроятно, оно простиралось на количественную сторону предмета, а не на качественную. Быть можетъ, постарались расширить сжатое указанное руководство, присоединивъ къ нему извлеченія изъ другихъ пособій, но о какомъ-либо новомъ усовершенствованіи предмета не могло быть и рѣчи. Древность была слишкомъ учена для византійца среднихъ вѣковъ. Прибавить къ ней что-либо было дѣломъ необычайнымъ, непосильнымъ. Да не только это,—усвоить всего не было никакой возможности. Отсюда необходимость сокращеній и измѣненій въ духѣ выработанной программы постановки школьныхъ предметовъ, по идеалу установившихся воззрѣній на образованіе. Біографъ патр. Никифора ставитъ въ особенную заслугу послѣднему то, что онъ, какъ риторъ, изгонялъ изъ своей рѣчи все изысканное и многословное и все, что отзывается пустыми софистическими вымыслами и текучестію рѣчи. Фотій, при всемъ своемъ уваженіи къ образованію древнихъ, настаиваетъ на измѣненіи духа реторики. По нему, образцами краснорѣчія являются уже христіанскіе писатели. Апостолъ Павелъ стоитъ нисколько не ниже древнихъ риторовъ. Слогъ позднѣйшихъ отцовъ церкви образцовый въ риторическомъ отношеніи. Фотій не сочувствуетъ реторикѣ софистовъ, не преклоняется онъ и предъ ораторскимъ талантомъ греческихъ геніевъ. Для него является „изящнымъ, естественнымъ и полезнымъ то краснорѣчіе, которое возвѣщаетъ мудро, учитъ общепонятно, прежде всего назидаетъ, одно убѣждаетъ и посредствомъ сродныхъ мыслей, знаменательно объясняетъ сущность вещей“, короче сказать, реторика христіанская, полная содержанія, по формѣ далеко уступающая краснорѣчію древнихъ. Это—новое явленіе въ христіанской школѣ сравнительно съ языческою, вполнѣ

обусловленное новымъ порядкомъ вещей. И это не было только особенностію греческихъ школъ. Рабанъ Мавръ опредѣленіе задачь реторики, какое встрѣчается у Алкуина, считаетъ только приложимымъ ad mundanam sapientiam и настаиваетъ на иной ея постановкѣ. По его взгляду, характеръ ея содержанія исключительно долженъ быть церковный. Терминъ praedicator замѣняетъ собою orator въ древнемъ слыслѣ. Такимъ образомъ, внѣшняя сторона реторическаго образованія стоитъ еще подъ большимъ вліяніемъ древняго краснорѣчія. Въ восточныхъ и западныхъ школахъ пробавляются равно богатымъ наслѣдіемъ предковъ. Учебники тамъ и здѣсь представляютъ компиляцію съ трудовъ предковъ, мало приспособленную къ нуждамъ и потребностямъ своего времени. Правда, древняя реторика является негармонирующею съ новыми принципами жизни, не согласуется съ воззрѣніями на задачи образованія. Предъявляются новыя требованія на коренное измѣненіе ея постановки. Но требованія и остаются только требованіями. Не въ состояніи былъ дидактологъ VIII и IX вв. отрѣшиться отъ образцовъ древности. И вотъ онъ незамѣтно для себя самаго впадаетъ въ противорѣчія, колебанія между двумя противоположностями. Съ одной стороны онъ оцѣниваетъ достоинство всѣхъ наукъ съ точки зрѣнія приложимости ихъ при изученіи свящ. Писанія, слѣдовательно, и за реторикою признаетъ значеніе постольку, поскольку она является пособіемъ при изученіи главнѣйшаго предмета школы. Отсюда выходятъ требованія на измѣреніе ея характера, заявленія относительно новой постановки. Но лишь только приступаютъ къ практикѣ, начинаютъ ея преподаваніе, какъ неминуемо преклоняются предъ авторитетомъ риторовъ древности.

Если въ указанныхъ наукахъ зависимость отъ древняго образованія была велика, то что сказать о тѣхъ предметахъ, которые составляли собою группу наукъ, извѣстныхъ подъ именемъ квадривіума. Какъ въ восточныхъ, такъ и западныхъ школахъ эти науки считались въ нѣкоторомъ смыслѣ роскошью въ образованіи. За исключеніемъ музыки, математика, можно сказать, находилась въ забвеніи. Введенная въ школу по традиціи, она и поддерживалась только при помощи этой послѣдней. Это и понятно. Неуваженіе къ опыту, характеристическая

особенность среднихъ вѣковъ, должно было наложить свою печать и на постановку математики. Ясно, что при такомъ отношеніи восточная и западная школа времени Карла Великаго не вела и не могла вести къ какой-либо самостоятельной разработкѣ математики. Этимъ и не задавались. Трудовъ древности въ этой области было такъ много, что средневѣковая школа не могла обойтись безъ громадныхъ сокращеній. Послѣднее простерлось прежде всего на ту сторону математики, которая вращалась въ опытѣ и имѣла къ нему ближайшее примѣненіе. Ариѳметика въ христіанской школѣ мыслится, какъ наука, съ помощію которой можно ad sacrae scripturae notitiam pervenire. Игнорирована практическая примѣнимость ея въ жизни. Трудно было видоизмѣнить въ этомъ духѣ геометрію, какъ науку по преимуществу опытную. И вотъ средневѣковые дидактологи сводятъ предметъ ея до minimum'а, ограничивая все ея содержаніе краткимъ замѣчаніемъ о геометрическихъ элементахъ. Физическая астрономія, наука основанная исключительно на опытѣ, нашла себѣ слишкомъ скромное мѣсто въ школѣ времени Карла. Оставалась одна сторона математики, которая еще въ древности снискала себѣ большое уваженіе, какъ напр. въ школѣ Пиѳагора, — мистическая, по которой она должна была разъяснять таинственное значеніе чиселъ и различныхъ величинъ. По условіямъ своего времени, средневѣковый человѣкъ привязался болѣе всего къ этой сторонѣ ея. Онъ ищетъ въ ней средства къ объясненію таинственнаго смысла нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія. Трудно сказать, средневѣковая мистика ушла-ли впередъ сравнительно съ древнею. Скорѣе и въ этомъ случаѣ средневѣковая школа пробавлялась тѣмъ, что было извѣстно въ древности.

Но если гдѣ, то въ главнѣйшемъ предметѣ изъ круга свѣтскихъ наукъ преподаватели школъ времени Карла Великаго обнаружили всѣ свои симпатіи къ древности. Мы разумѣемъ философію. Если въ языческихъ школахъ философія мыслилась, какъ завершеніе всякаго образованія, то, конечно, въ христіанскихъ вѣнцомъ его является божественная философія, св. Писаніе, богословіе. Это было въ порядкѣ вещей. Новыя идеи, внесенныя въ міръ, новыя богооткровенныя истины, разъяснявшія человѣку то, надъ чѣмъ онъ такъ безплодно трудился

прежде, дѣлали излишнимъ спеціально философское образованіе въ тѣсномъ смыслѣ послѣдованія той или другой школѣ.

„Съ той поры, какъ само Слово низошло съ неба, намъ нѣтъ болѣе надобности посѣщать человѣческія школы (ἐπ' ἀνθρωπίνην ἰέναι μὴ χρῆναι διδασκαλίαν), отправляться ради науки въ Аѳины, остальную Грецію и Іонію. Ибо если учитель нашъ Тотъ, Кто все наполняетъ святою силою, домостроительствомъ, спасеніемъ, благоволеніемъ, закономъ, пророчествомъ и ученіемъ, то мы всему научены, благодаря Ему, т. е. Слову. Теперь все стало Аѳинами, все Греціей" [1]). Такъ говорилъ въ свое время Климентъ Александрійскій, такъ разсуждалъ впослѣдствіи Іоаннъ Дамаскинъ, Ѳеодоръ Студитъ, Алкуинъ и Рабанъ Мавръ. Но если философія въ языческомъ духѣ и направленіи была вытѣснена изъ христіанскихъ школъ, то въ общемъ, широкомъ смыслѣ она входитъ въ общее употребленіе. Философское образованіе ставится во главѣ всего свѣтскаго образованія. Біографъ патріарха Никифора называетъ философію госпожею другихъ свѣтскихъ наукъ. Іоаннъ Дамаскинъ величаетъ ее почтеннымъ титломъ τῆς ἀρχῆς πάσης τέχνης. Она для него есть τέχνη τεχνῶν καὶ ἐπιστήμη ἐπιστημῶν. Для Кедрина она также глава всѣхъ наукъ. Алкуинъ относительно философіи почти буквально повторяетъ то, что высказываетъ Дамаскинъ. И по нему философія omnium virtutum magistra, naturarum inquisitia, rerum humanarum divinarumque cognitio. Терминомъ философіи обозначается вся совокупность предметовъ познанія. Всѣ предметы школьной программы, знанія, касающіяся практической жизни,—все это мыслится, какъ части философіи, и это—явный знакъ неотразимаго вліянія на ученыхъ людей VIII и IX вв. старыхъ философскихъ традицій. Въ древности философское образованіе состояло въ широкомъ знакомствѣ со всѣми предметами знанія. Въ VIII и IX вв. сократили научную область и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи; но это не помѣшало не только выработавшуюся программу предметовъ познанія именовать философіей, но и перечислять при опредѣленіи ея тѣ науки, которыя вытѣснены были изъ школъ и не составляли собою предметовъ школьнаго препода-

[1]) Cohortatio ad gentes. c. XI. Migne. t. 8, 229 col.

ванія. Такъ было въ теоріи. На практикѣ область философіи понималась гораздо уже. Подъ философскимъ образованіемъ разумѣли собственно знакомство съ діалектикой. Замѣчательно, что Іоаннъ Дамаскинъ и Алкуинъ въ введеніи къ своимъ учебникамъ по діалектикѣ разсуждаютъ о предметѣ философіи по широкой программѣ, подъ вліяніемъ традицій. Приступая къ выполненію труда, оба они ограничиваютъ ея область одною только ея частію—именно діалектикою. Біографъ Ѳеодора Студита ясно и опредѣленно высказывается, что свѣдущіе люди діалектику называютъ философіей. Діаконъ Игнатій госпожею всѣхъ наукъ называетъ діалектику, отожествляя ее вообще съ философіей. Тѣ возвышенные отзывы о значеніи философіи, какъ науки, которые мы встрѣчаемъ у Іоанна Дамаскина и Алкуина, Рабанъ Мавръ переноситъ на діалектику. Словомъ, при древнемъ опредѣленіи философіи, предметъ ея сокращенъ значительно. Мораль, которая составляла въ древнихъ философскихъ школахъ важный предметъ преподаванія, вытѣснена теперь изъ круга предметовъ философіи. Это и понятно въ виду безусловнаго превосходства христіанской морали предъ языческо-философскою. О политикѣ, экономіи и пр., какъ предметахъ школьнаго преподаванія, не могло быть и рѣчи. Только традиціи древности заставили еще Іоанна Дамаскина и Алкуина раздѣлить философію на теоретическую и практическую. Въ дѣйствительности-же оставлена была одна теоретическая и совсѣмъ исключена практическая. Но и эта послѣдняя, госпожа всѣхъ наукъ свѣтскихъ, въ христіанскихъ школахъ поставлена была въ служебное положеніе по отношенію къ наукамъ высшаго курса, т. е. богословію. Правда, и въ древнихъ философскихъ школахъ діалектика служила средствомъ къ отысканію истины, методомъ философствованія, но тамъ содержаніе ея было неотдѣлимо отъ содержанія самой философіи. Въ христіанскихъ школахъ пользуются діалектикою только для того, чтобы въ научныхъ формахъ представить положительную, богооткровенную истину. Сообразно съ этимъ явилась нужда въ радикальной перемѣнѣ содержанія древней логики. Характеръ измѣненій опредѣляется данными богословія. Формы мышленія, въ которыя не могло уложиться содержаніе христіанской догматики, выбрасываются, необходимѣйшія измѣняются при-

мѣнительно къ потребностямъ. Только подъ вліяніемъ роковой необходимости ученые нашей эпохи рѣшились на таковое отношеніе къ труду великаго философа, предъ которымъ преклонялись. Въ какихъ пунктахъ логика Аристотеля потерпѣла измѣненія, будетъ указано ниже. Въ данномъ случаѣ для насъ важно указать только на обнаруживающееся тяготѣніе средневѣковыхъ дидактологовъ къ философіи древнихъ и въ особенности къ философіи Аристотеля, каковое явленіе было предвѣстникомъ крайняго увлеченія ею въ послѣдующее время. Указанное тяготѣніе проявляется первѣе всего въ глубокомъ уваженіи къ философскому образованію, въ преклоненіи предъ трудами знаменитѣйшихъ представителей философской мысли классическаго періода. Средневѣковый человѣкъ сознавалъ свое безсиліе на поприщѣ философскаго мышленія. Труды древности были слишкомъ величественны. Мысль создать что-либо новое ему и въ голову не приходила. Оставалось изучать готовое. Но новые принципы жизни дѣлали невозможнымъ попытку пересадить на христіанскую почву языческую философію цѣликомъ, въ томъ видѣ, какой она имѣла въ академіи Платона, или въ лицеѣ Аристотеля. Одинаковое направленіе и духъ образованія, въ обоихъ половинахъ христіанскаго міра сходство въ опредѣленіи его задачъ и цѣлей дѣлали совершенно естественнымъ то явленіе, что приблизительно одинаково пользуются трудами древности. Какъ въ восточныхъ, такъ и въ западныхъ школахъ производятся измѣненія и сокращенія въ духѣ новыхъ потребностей христіанскаго образованія. Тамъ и здѣсь діалектика, съ титломъ философіи, поступаетъ на служеніе богословію. Сообразно съ ея новымъ положеніемъ, она передѣлывается на востокѣ и западѣ. Какъ удачно выполняется трудъ передѣлки примѣнительно къ указанной цѣли, это, конечно, обусловливалось талантами взявшихся за дѣло. Но важно то, что тамъ и здѣсь преслѣдуютъ одну цѣль. Такимъ образомъ, и въ этомъ, главнѣйшемъ предметѣ школьной программы, восточныя и западныя школы времени Карла Великаго одинаково тяготѣютъ къ древнимъ школамъ, пробавляются наслѣдіемъ старины, сокращая и измѣняя его сообразно съ потребностями своего времени.

При всемъ сходствѣ восточныхъ и западныхъ школъ по во-

просу объ ихъ отношеніяхъ къ классическимъ учебнымъ заведеніямъ, можно замѣтить и различіе ихъ въ этомъ пунктѣ. Восточныя и западныя школы равно пробавляются наслѣдіемъ отъ классическаго періода. Но для тѣхъ и другихъ это наслѣдіе доходитъ различными путями. Для восточныхъ школъ завѣщанное наслѣдіе является своимъ роднымъ, дошедшимъ отъ предковъ. Западныя школы берутъ его изъ вторыхъ рукъ, изъ переводовъ и передѣлокъ подъ перомъ римскихъ писателей. Поэтому въ школахъ восточныхъ, если наука, по обстоятельствамъ времени, не двигалась впередъ, то хоть добытое и завѣщанное стариною могло ставиться по болѣе широкой программѣ, чѣмъ въ школахъ западныхъ. Для послѣднихъ находилось большое препятствіе къ широкому пользованію завѣщаннымъ наслѣдіемъ въ незнаніи греческаго языка, который, хотя преподавался въ школахъ, но не въ такой степени, чтобы чтеніе греческихъ авторовъ не составляло уже труда для учащихся. Отсюда необходимость прибѣгать къ латинскимъ переводамъ и переработкамъ, что, конечно, не остается безъ вліянія на содержаніе руководствъ и школьныхъ пособій. Лучшее доказательство этого имѣемъ пока въ діалектикѣ. Тщетно мы стали-бы искать самостоятельной обработки въ учебникѣ Алкуина. Конечно, трудно это найти и въ діалектикѣ Дамаскина. Но какая громадная разница въ этомъ отношеніи между первымъ и вторымъ авторами. Въ то время какъ Дамаскинъ пользуется первоисточниками, Алкуинъ имѣетъ подъ руками передѣлку, значитъ, пользуется матеріаломъ изъ вторыхъ рукъ и притомъ не всегда надежныхъ [1]). Кажется, этимъ обусловливалось несовершенство учебника Алкуина по сравненію съ діалектикой Дамаскина.

Что низшія школы времени Карла Великаго на востокѣ и западѣ имѣли самую близкую аналогію съ школами восточными, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Одинаковыя по-

[1]) Алкуинъ въ своей діалектикѣ пользуется главнымъ образомъ трудомъ Исидора Севильскаго, то буквально выписывая изъ него, то съ небольшими сокращеніями. Въ ученіи о категоріяхъ отступаетъ отъ Исидора и пользуется трактатомъ «о десяти категоріяхъ», приписывавшимся блаженному Августину (подробное сличеніе у M o n n i e r. Alcuin et son influence litt., relig. et politique chez les Francs).

требности и нужды въ грамотныхъ людяхъ всегда и вездѣ могли сопровождаться одинаковыми послѣдствіями—стремленіемъ удовлетворить имъ. Если въ классическихъ школахъ важнѣйшимъ средствомъ признано было преподаваніе элементарныхъ предметовъ, то, конечно, не могло быть иной постановки и въ позднѣйшихъ христіанскихъ. Насколько хороша была въ нихъ постановка элементарныхъ предметовъ, какъ и по какимъ методамъ велось преподаваніе, насколько широка была программа каждаго изъ обычныхъ предметовъ элементарныхъ школъ,—это другой вопросъ. Тутъ все обусловливалось не школьными предметами, а тѣми или другими установившимися въ данное время правилами и требованіями дидактики. Если-бы мы стали сравнивать низшія школы востока и запада съ таковыми-же школами классическаго періода, или съ элементарными школами конца римской республики, то, конечно, школы времени Карла Великаго явились-бы предъ нами въ жалкомъ, сравнительно съ первыми, видѣ. Нѣтъ въ нихъ той широкой программы преподаванія обычныхъ предметовъ элементарной школы. О чтеніи поэтовъ не могло быть и рѣчи. Правда, школы времени Карла Великаго, какъ школы христіанскія, организованы были въ иномъ духѣ, который рѣшительно исключалъ необходимость знакомства съ древними поэтами. Пусть такъ. Но какой-же смыслъ имѣло чтеніе поэтовъ въ древнихъ греческихъ школахъ, если не религіозно-нравственный? Поэтовъ считали учителями религіи и нравственности, а потому такъ спѣшили давать дѣтямъ заучивать творенія ихъ. Какое религіозно-нравственное вліяніе могли производить на воспитанника древне-языческой школы творенія поэтовъ,—это другой вопросъ. Но если игнорировать сущность религіи, такъ или иначе опредѣляющую внутреннее содержаніе религіозно-нравственнаго образованія, и посмотрѣть на дѣло съ чисто внѣшней стороны, то нельзя не сознаться, что программа языческихъ школъ въ этомъ отношеніи была шире и полнѣе по сравненію съ программою христіанскихъ элементарныхъ школъ времени Карла Великаго. Тоже самое нужно сказать и о другихъ предметахъ. Обученіе чтенію въ классическихъ школахъ не ограничивалось только имъ однимъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Мы видѣли въ нихъ уже переходъ къ грамматическому образованію. Въ школахъ

предлагали и объяснительное чтеніе, которое знакомило дѣтей съ разнообразными предметами. Ничего подобнаго не находимъ мы въ элементарныхъ школахъ времени Карла Великаго. Самые методы преподаванія тѣхъ и другихъ школъ разнятся между собою. Въ то время какъ школы классическія имѣли разнаго рода приспособленія для облегченія и оживленія сухаго и скучнаго заучиванія элементовъ, въ родѣ грамматики Калліаса, знакомы были и съ принципомъ нагляднаго обученія, школа времени Карла Великаго знала одинъ только силлабическій методъ въ его первобытной формѣ. Гимнастика, какъ предметъ школьнаго преподаванія, давнымъ давно изгнана была изъ христіанскихъ школъ. Не существовала она въ восточныхъ и западныхъ школахъ времени Карла Великаго.

Таковы отношенія христіанскихъ школъ VIII и IX вв. къ классическимъ. Съ перваго взгляда можетъ казаться довольно непонятнымъ то, какимъ образомъ христіанскія школы такой эпохи, которая во всякомъ случаѣ не можетъ похвалиться процвѣтаніемъ наукъ, являются съ организаціей, близко напоминающей школы языческія? Если школы римскія не шли далѣе простаго копированія школъ классическихъ, такъ это является вполнѣ понятнымъ. Языческая Грецiя передаетъ свои науки языческому-же Риму. Послѣднему не приходилось задуматься надъ вопросомъ о приложимости древняго образованія къ религіозно-нравственнымъ потребностямъ членовъ общества. Далеко не въ такомъ положеніи явился членъ христіанской общины. Для него вопросъ объ отношеніи греческаго образованія къ христіанству былъ вопросомъ большой важности. Тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ его обусловливалась та или другая организація христіанскихъ школъ. Благопріятное рѣшеніе вопроса сопровождается появленіемъ чисто христіанскихъ школъ, но съ постановкою наукъ языческихъ въ качествѣ наукъ пропедевтическаго курса. Отрицательный отвѣтъ на поставленный вопросъ ведетъ къ изгнанію изъ христіанской школы всего того, что могло напоминать собою о язычествѣ, хотя-бы это послѣднее обнаруживалось даже тѣми только своими сторонами, въ которыхъ стушевывается, исчезаетъ языческій культъ со всѣмъ его религіознымъ колоритомъ. Въ разсматриваемую нами эпоху вопроса объ отношеніи языческаго образованія къ хри-

стіанскому не ставятъ въ ряду вопросовъ, требующихъ того или другаго рѣшенія. Какъ на востокѣ, такъ и на западѣ его считаютъ уже давно рѣшеннымъ. Для восточныхъ и западныхъ дидактологовъ весьма важнымъ является вопросъ о томъ, какъ приспособить ту, или другую науку древности къ высшей цѣли христіанскаго образованія, но не вопросъ о законности введенія древняго курса наукъ въ программу предметовъ преподаванія христіанской школы. Языческая наука на христіанской почвѣ—это давно рѣшенный вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Задумываться надъ нимъ было дѣломъ излишнимъ, неумѣстнымъ, въ виду авторитета рѣшившихъ его. Другое дѣло—частности, виды наукъ, ихъ объемъ и т. п., что обусловливалось условіями эпохи. Въ вопросѣ о нихъ каждое время, каждый вѣкъ можетъ рекомендовать свои воззрѣнія. Съ послѣдними мы познакомились для эпохи VIII и IX вв. Общее рѣшеніе вопроса объ отношеніи языческаго образованія къ христіанству было высказано въ первые вѣка христіанства. Теоретически рѣшили его отцы и учители церкви первыхъ четырехъ вѣковъ, практически христіанскія школы того времени. Теорія и практика знаменитыхъ христіанскихъ учителей имѣла неотразимое вліяніе на представителей науки нашей эпохи. Христіанскія школы первыхъ вѣкомъ были связующимъ звѣномъ между школами классическими и христіанскими времени Карла Великаго, мостомъ, по которому языческія науки перешли въ христіанскія школы VIII и IX вв. Въ виду этого является для насъ необходимымъ разсмотрѣніе того, какъ въ теоріи и на практикѣ рѣшенъ былъ вопросъ объ отношеніи языческой науки къ христіанству въ это время.

VI.

Христіанство появилось въ то благопріятное для развитія наукъ время, когда Греція, при перемѣнившихся въ ея судьбѣ къ лучшему обстоятельствахъ, проявляетъ на время подавленный и задержанный, но всегда присущій греку, геній, когда Римъ, подлинно великій и физически сильный, успѣвшій уже познакомиться съ плодами образованія, все болѣе и болѣе входитъ во вкусъ послѣдняго. Замѣтное и сравнительно широкое распространеніе христіанства падаетъ на блестящую эпоху процвѣтанія наукъ при Антонинахъ. Къ этому времени христіанская община, имѣвшая въ средѣ своихъ членовъ людей всякаго званія, состоянія и образованія, успѣла уже стать въ самыя неблагопріятныя отношенія къ языческому обществу и не разъ уже подвергалась преслѣдованіямъ со стороны послѣдняго. Не гарантированные отъ насилій, оскорбленій и всякаго рода лишеній, христіане этого времени не имѣли физической возможности заботиться много о школахъ. Если всегда и вездѣ вопросъ о нихъ находится въ тѣсной зависимости отъ матеріальнаго благосостоянія общества, то для христіанъ первыхъ вѣковъ, людей безправныхъ, нетерпимыхъ въ государствѣ за одно только имя христіанъ, этотъ вопросъ никакимъ образомъ не могъ быть рѣшенъ благопріятно. Если исключить Александрію и нѣсколько другихъ отдаленныхъ отъ центра пунктовъ, въ другихъ многолюдныхъ и богатыхъ языческими школами городахъ имперіи мы не встрѣчаемъ учебныхъ заведеній въ христіанскомъ духѣ. Огласительныя училища христіанъ, имѣвшія своею спеціальною задачею знакомить новообращающихся съ истинами христіанской вѣры, были частнымъ дѣломъ предстоятелей общинъ и существовали только для людей взрослыхъ. Образованіе дѣтей предоставлено было попеченію родителей.

Болѣе обезпеченные могли имѣть для своихъ дѣтей домашнихъ учителей, бѣдные посылаютъ ихъ въ языческія школы. Посѣщеніе послѣднихъ христіанскими дѣтьми было явленіемъ столь обычнымъ, что объ этомъ не возбуждали даже вопроса. Чувствовалась нужда въ образованіи, въ своей общинѣ трудно было получить его — и вотъ христіанскій мальчикъ, на ряду съ дѣтьми язычниковъ, идетъ въ школу грамматиста, а христіанскій юноша — въ школу грамматика и ритора. Христіанскіе учители были слишкомъ рѣдки, а учителей языческихъ было достаточно не только въ городахъ, но и въ деревняхъ. Къ нимъ за извѣстную плату былъ открытъ доступъ всѣмъ. Потребность съ одной стороны и удобство съ другой заставляли христіанскихъ родителей, озабоченныхъ образованіемъ своихъ дѣтей, пользоваться услугами языческихъ преподавателей. Такимъ образомъ, не затронутый еще въ теоріи, вопросъ объ отношеніи языческаго образованія къ христіанству практически былъ рѣшенъ. Молчаливо, безъ споровъ христіанская община первыхъ вѣковъ покончила съ нимъ весьма благопріятно для языческаго образованія.

Но этотъ, практически рѣшенный, вопросъ долженъ былъ скоро сдѣлаться предметомъ теоретическихъ разсужденій. Уже христіанскіе апологеты заняты рѣшеніемъ его. Конечно у нихъ нельзя найти полнаго и обстоятельнаго разъясненія вопроса. Это не входило непосредственно въ программу ихъ апологій. Касаясь только стороною, апологеты и рѣшали его, такъ сказать, мимоходомъ.

У апологетовъ мы встрѣчаемъ уже двоякое рѣшеніе вопроса объ отношеніи греческаго образованія къ христіанству. Одни изъ нихъ, подвергнувъ критикѣ языческую науку, усматриваютъ въ ней нѣкотораго рода достоинства, то, что нейдетъ въ разрѣзъ съ богооткровенной истиной. Другіе, наоборотъ, безусловно порицаютъ греческое образованіе, не хотятъ видѣть въ немъ ни малѣйшаго достоинства и отсюда готовы сдѣлать выводъ о неприложимости его въ христіанствѣ.

Св. Іустинъ Философъ, обратившись ко Христу, не могъ отказаться отъ философіи „Философія, говоритъ онъ, есть подлинно величайшее стяжаніе, самое драгоцѣннѣйшее предъ Бо-

гомъ, къ Которому она одна приводитъ насъ и покоряетъ: и какъ счастливы тѣ, которые устремили свой умъ къ философіи. Но многіе забыли, что такое философія и для какой цѣли она ниспослана людямъ, въ противномъ случаѣ не было бы ни платониковъ, ни стоиковъ, ни перипатетиковъ, ни теоретиковъ, ни пиѳагорейцевъ, поелику знаніе есть одно". Разнообразіе философскихъ системъ есть случайное слѣдствіе историческаго развитія философіи [1]). Философія стоитъ въ тѣсной связи съ христіанствомъ, съ божественнымъ откровеніемъ [2]). Истины, которыя по частямъ можно находить въ философскихъ ученіяхъ, заимствованы изъ откровенія [3]). И если я, говоритъ св. Іустинъ, перешелъ отъ философіи къ христіанству, то „не потому, что ученіе Платона совершенно различно отъ Христова, но потому, что не во всемъ сходно съ нимъ, равно какъ и ученіе другихъ, какъ то: стоиковъ, поэтовъ и историковъ" [4]). Разность ука-

---

[1]) Dialog. cum Thryplone judaeo n. 2. Migne gr. s. VI, 476 col.

[2]) Apolog. 1 pro Christ. n. 20—22, 357—364 col. Когда мы говоримъ, пишетъ св. Іустинъ, ὑπὸ Θεοῦ πάντα κεκοσμῆσθαι καὶ γεγενῆσθαι, Πλάτωνος δόξομεν λέγειν δόγμα, когда утверждаемъ, что міръ сгоритъ, Στωϊκῶν, и когда учимъ, что души злодѣевъ и по смерти, сохраняя чувствованіе, будутъ наказаны, а души добродѣтельныхъ людей, свободныя отъ наказаній, будутъ жить въ блаженствѣ, то ποιηταῖς καὶ φιλοσόφοις τὰ αὐτὰ λέγειν δόξομεν. Утверждая, что людямъ не подобаетъ поклоняться низшему, Μενάνδρῳ τῷ κωμικῷ, καὶ τοῖς ταῦτα φήσασι, ταὐτὰ φράζομεν (n. 20). Если мы говоримъ, что Слово, которое есть первородный Божій, Іисусъ Христосъ, учитель нашъ, родился безъ смѣшенія, и что Онъ распятъ, умеръ и воскресъ, вознесся на небо, οὐ παρὰ τοὺς παρ' ὑμῖν λεγομένους υἱοὺς τῷ Διὶ καινόν τι φέρομεν.... (n. 21).

[3]) Apolog. 2, n. 13 οὐχ ὅτι ἀλλότρια ἐστι τὰ Πλάτωνος διδάγματα τοῦ Χριστοῦ, ἀλλ' ὅτι οὐκ ἐστι πάντη ὅμοια, ὥσπερ οὐδὲ τὰ τῶν ἄλλων, Στωϊκῶν τε, καὶ ποιητῶν, καὶ συγραφέων. Это такъ и должно быть, когда ἕκαστος γάρ τις, ἀπὸ μέρους τοῦ σπερματικοῦ θείου λόγου τὸ συγγενὲς ὁρῶν, καλῶς ἐφθέγξατο.... Ὅσα οὖν παρὰ πᾶσι καλῶς εἴρηται, ἡμῶν τῶν χριστιανῶν ἐστι. 465 col. cp. ibid. n. 8 и 10. Ὅσα γὰρ καλῶς ἀεὶ ἐφθέγξαντο καὶ εὗρον οἱ φιλοσοφήσαντες ἢ νομοθετήσαντες, κατὰ λόγου μέρος εὑρέσεως καὶ θεωρίας ἐστὶ πονηθέντα αὐτοῖς. 460 col. и Apolog. 1. n. 46 οἱ μετὰ λόγου βιώσαντες χριστιανοί εἰσι κἂν ἄθεοι ἐνομίσθησαν, какъ Сократъ, Гераклитъ и другіе, а среди варваровъ (ἐν βαρβάροις) Авраамъ, Ананія, Азарія, Мисаилъ и Илія. 397 col. et ibid. n. 44. Πρεσβύτερος γὰρ Μωσῆς καὶ πάντων τῶν ἐν Ἕλλησι συγγραφέων· καὶ πάντα ὅσα περὶ ἀθανασίας ψυχῆς, ἢ τιμωριῶν τῶν μετὰ θάνατον, ἢ θεωρίας οὐρανίων, ἢ τῶν ὁμοίων δογμάτων, καὶ φιλόσοφοι καὶ ποιηταὶ ἔφασαν παρὰ τῶν προφητῶν τὰς ἀφορμὰς λαβόντες, καὶ νοῆσαι δεδύνηνται καὶ ἐξηγήσαντο· ὅθεν γαρ παρὰ πᾶσι σπέρματα ἀληθείας δοκεῖ εἶναι. 396 col.

[4]) Apolog. 2. n. 13.

званную св. Іустинъ объясняетъ частію способомъ созерцанія божественнаго Слова, частію способомъ заимствованія [1]).

Изъ такихъ возвышенныхъ понятій о греческой философіи св. Іустинъ могъ бы сдѣлать самый благопріятный выводъ при рѣшеніи вопроса объ отношеніи ея къ христіанству. Но имѣя въ виду совершенно другія задачи, онъ не сказалъ ничего о томъ, нужна ли она христіанину и какое ея мѣсто въ наукѣ христіанской.

Нѣсколько ниже смотрѣли на философію Аѳинагоръ и Ѳеофилъ [2]). Рѣшительнымъ же противникомъ и порицателемъ ея явился ученикъ св. Іустина, Таціанъ. Онъ хотя и раздѣляетъ мысль своего учителя относительно заимствованія греческими философами, поэтами и другими писателями нѣкоторыхъ частицъ истины отъ философовъ изъ варваровъ, однако никакъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы заимствовавшіе умѣли хорошо воспользоваться похищеннымъ [3]). Ему кажется, что не

---

[1]) Что хорошаго когда нибудь сказано и открыто философами и законодателями, κατὰ λόγου μέρος εὑρέσεως καὶ θεωρίας ἐστὶ πονηθέντα αὐτοῖς. Ἐπειδὴ δὲ οὐ πάντα τὰ τοῦ Λόγου ἐγνώρισαν, ὅς ἐστι Χριστὸς, καὶ ἐναντία ἑαυτοῖς πολλάκις εἶπον. Apolog. 2. n. 10. 460 col. и Apolog. 1. n. 44. «Кажется, отъ нихъ (пророковъ) разсѣяны между всѣми сѣмена истины. Ἐλέγχονται δὲ μὴ ἀκριβῶς νοήσαντες, ὅταν ἐναντία αὐτοὶ ἑαυτοῖς λέγωσιν. 396 col.

[2]) Athenagorae phil. Legatio pro Christ. n. 5. Καὶ ποιηταὶ μὲν καὶ φιλόσοφοι οὐκ ἔδοξαν ἄθεοι ἐπιστήσαντες, περὶ Θεοῦ. Migne t. VI. (900 col.), но ὡς καὶ τοῖς ἄλλοις ἐπέβαλλον στοχαστικῶς, κινηθέντες μὲν, κατὰ συμπάθειαν τῆς παρὰ τοῦ Θεοῦ πνοῆς, ὑπὸ τῆς αὐτὸς αὐτοῦ ψυχῆς ἕκαστος ζητῆσαι, εἰ δυνατὸς εὑρεῖν καὶ νοῆσαι τὴν ἀληθείαν (n. 7, 904 col.) cp. S. Theophili ad Avtolicum l. 2. n. 8. Μύθους γὰρ μᾶλλον καὶ μωρίας συνεταξαν (поэты и философы) περὶ τῶν κατ' αὐτοὺς θεῶν. Οἱ γὰρ ἀπέδειξαν αὐτοὺς θεοὺς, ἀλλὰ ἀνθρώπους, οὓς μὲν μεθύσους, ἑτέρους πόρνους καὶ φονεῖς. Ἀλλὰ καὶ περὶ τῆς κοσμογονίας ἀσύμφωνα ἀλλήλοις καὶ φαῦλα ἐξεῖπον (1060 col.) n. 12. Δοκεῖ δέ τὰ ὑπὸ τῶν φιλοσόφων ἢ συγγραφέων καὶ ποιητῶν εἰρημένα ἀξιόπιστα μὲν εἶναι, παρὰ τὸ φράσει κεκαλλωπίσθαι· μωρὸς δὲ καὶ κενὸς ὁ λόγος αὐτῶν δείκνυται, ὅτι πολλὴ μὲν πληθὺς τῆς φλυαρίας αὐτῶν ἐστι· τὸ τυχὸν δὲ τῆς ἀληθείας ἐν αὐτοῖς οὐχ εὑρίσκεται (1069 col.).

[3]) Tatiani oratio adversus graecos n. 1. Μὴ πάνυ φιλέχθρως διατίθεσθαι πρὸς τοὺς βαρβάρους, ὦ ἄνδρες Ἕλληνες, μηδὲ φθονήσητε τοῖς τούτων δόγμασι. Ποῖον γαρ ἐπιτήδευμα παρ' ὑμῖν τὴν σύστασιν οὐκ ἀπὸ βαρβάρων ἐκτήσατο (804 col.). Но заимствованное все искажено, обезображено. Ῥητορικὴν μὲν γὰρ ἐπ' ἀδικίᾳ καὶ συκωφαντίᾳ συνεστήσασθε, μισθοῦ πιπράσκοντες τῶν λόγων ὑμῶν τὸ αὐτεξούσιον· καὶ πολλάκις τὸ νῦν δίκαιον, αὖθις οὐκ ἀγαθὸν περιστῶντες· ποιητικὴν δὲ, μάχας ἵνα συντάσσητε, καὶ θεῶν ἔρωτας καὶ ψυχῆς διαφθοράν (col. 805).

только греческая литература, но и самый языкъ носятъ на себѣ слѣды такого искаженія, что варвару трудно уже найти между еллинами настоящаго грека [1]). Науки и изящныя искусства свои греки употребили, какъ средство для безнравственныхъ цѣлей [2]). Особенно вооружается Таціанъ противъ философовъ современныхъ ему [3]) и древнихъ [4]). Онъ видитъ однѣ только противорѣчія въ ихъ системахъ [5]). Они разсуждаютъ какъ слѣпой съ глухимъ. Спрашиваютъ, что такое Богъ, и не видятъ, что у нихъ подъ ногами и зѣвая на небо, упадаютъ въ яму [6]). Не видитъ Таціанъ никакой пользы въ аттическомъ стилѣ, философскихъ соритахъ, силлогистическихъ доказательствахъ, измѣреніяхъ земли, опредѣленіяхъ положенія звѣздъ и теченія солнца [7]). Повѣрю ли я тому, кто говоритъ, что солнце есть сплошная масса свѣта и луна — земля [8])? Такъ далеко идетъ Таціанъ въ упрекахъ греческому образованію. Безъ сомнѣнія, на вопросъ, противорѣчитъ ли оно духу христіанства и христіанскому образованію, Таціанъ отвѣтилъ бы „да“. Но этого вопроса и онъ не задавалъ себѣ.

Въ томъ же духѣ, какъ бы продолжая Таціана, написалъ Ермій свое „Gentilium philosophorum irrisio“ [9]).

1) У васъ, греки, много написано, но λαβυρίνθοις ἐοίκασιν ὑμῶν τῶν βιβλίων αἱ ἀναθέσεις, οἱ δὲ ἀναγινώσκοντες τῷ πίθῳ τῶν Δαναΐδων. n. 26, 861 col. τὰ τῶν ὑμετέρων λόγων ἐπιτηδεύματα κατὰ τὸν ἀμετροεπῆ Θερσίτην γίνεται n. 27, 865 col. Греки тщеславятся изяществомъ рѣчи. Но кто же признаетъ это изящество? Варваръ слышитъ между ними различныя произношенія. Каждое племя считаетъ свой діалектъ настоящимъ греческимъ. Στάσεως δὲ οὔσης τοσαύτης παῤ οἷς οὐκ ἐχρῆν ἀπορῶ τίνα με δεῖ καλεῖν Ἕλληνα n. 1, 805 col. Таціанъ осмѣиваетъ обычай ученыхъ грековъ при научныхъ занятіяхъ и въ школѣ пользоваться древне-аттическимъ языкомъ. Παύσασθε λόγους ἀλλοτρίους θριαμβεύοντες, καὶ ὥσπερ ὁ κολοιὸς οὐκ ἰδίοις ἐπικοσμούμενοι πτεροῖς. n. 26. 861 col.

2) n. 1, 22—24.

3) n. 25. Τί μέγα καὶ θαυμαστὸν οἱ παῤ ὑμῖν ἐργάζονται φιλόσοφοι; Θατέρου γὰρ τῶν ὤρων ἐξαμελοῦσι, κόμην ἐπιειμένοι πολλὴν, πωγωνοτρωφοῦσιν, ὄνυχας θηρίων περιφέροντες, καὶ λέγοντες μὲν δεῖσθαι μηδενός.... Ὦ ζηλῶν ἄνθρωπε τὸν κύνα τὸν Θεὸν οὐκ οἶδας, καὶ επὶ τὴν ἄλογον μίμησιν μεταβέβηκας. 860 col.

4) n. 2. Τὶ γὰρ σεμνὸν φιλοσοφοῦντες ἐξηνέγκατε; отвѣтъ слѣдуетъ отрицательный. 805 col.

5) n. 25.

6) n. 26.

7) n. 27.

8) ibid. πῶς πεισθήσομαι τῷ λέγοντι μόδρον τόν ἥλιον, καὶ τὴν σελήνην γῆν.

9) Не касаясь почти истинъ христіанства, Ермій исключительно занимается различными системами языческой философіи и съ живою ироніей, остроум-

Полнѣе и гораздо лучше развитъ въ отрицательномъ направленіи вопросъ объ отношеніи греческаго образованія къ христіанству у Тертулліана. Катастрофа паденія, по его мнѣнію, разстроила духовную природу человѣка. Стремленіе дѣйствовать отъ себя и по себѣ, вопреки волѣ Божіей, явилось въ людяхъ, какъ необходимый результатъ послушанія голосу злыхъ духовъ. Эти послѣдніе не перестаютъ внушать людямъ мысль о противленіи Богу. Средства, избранныя ими для этой цѣли, суть искусства [1]), различныя изобрѣтенія, имѣющія своимъ назначеніемъ удовлетвореніе низшихъ потребностей человѣка и для христіанина отнюдь не позволительныя [2]). Отрицая открытія, изобрѣтенія, низшія искусства и художества, какъ недостойныя имени христіанина, Тертулліанъ вооружается

нымъ сарказмомъ представляетъ ихъ взаимныя противорѣчія и несостоятельность. Начиная словами апост. Павла: «премудрость міра сего есть глупость предъ Богомъ», онъ выходитъ изъ того положенія, что языческая философія обязана своимъ происхожденіемъ падшимъ духамъ, и затѣмъ доказываетъ исторіей философскихъ системъ безплодность ихъ попытокъ—рѣшить важнѣйшіе вопросы человѣческаго духа, сопоставляя другъ другу главнѣйшихъ представителей философіи съ ихъ противорѣчивыми мнѣніями о душѣ человѣческой, о видимомъ мірѣ и о Богѣ (свящ. Преображенскій. Предисловіе къ русскому переводу «Осмѣянія языческихъ философовъ»).

[1]) Начало всѣмъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ въ области искусствъ положили злые духи. Quod nascitur, opus Dei est; ergo quod fingitur, diaboli negotium est (de cultu faemin. l. II. c. 5. M i g n e, l. s. t. I. 1321 col. Artes crutem per angelos peccatores inductae sunt (ibid. c. 10).

[2]) Если всѣ искусства суть произведенія духовъ злобы, то Divino operi satanae ingenia superducere quam scelestum est! De adversario enim ejus, in cujus manu sis, aliquid usui postulare transgressio est. Christianus a malo illo adjuvabitur in aliquo? nescio an hoc nomen ei perseveret. „Erit enim ejus, de cujus doctrinis instrui concupiscit (ibid. c. 5). Съ особенною силою вооружается Тертулліанъ противъ сценическаго искусства. Онъ доказываетъ, что театральныя зрѣлища носятъ на себѣ печать идолопоклонства, а послѣднее отъ діавола, слѣдов. отъ него и драматическое искусство. Quid erit summum ac praecipuum, in quo diabolus et pompae et angeli ejus censeantur, quam idolatria? Igitur si ex idolatria universam spectaculorum paraturam constare constiterit,, indubitate praejudicatum erit etiam ad spectacula pertinere renuntiationis nostrae testimonium in lavacro, quae diabolo et pompae et angelis ejus sint mancipata, scilicet per idolatriam (de spectaculis c. 4 t. I, 635 col. cp. c. 5—7). Tragoediae et comoediae scelerum et libidinum auctrices, cruentae et lascivae, impiae et prodigae: nullius rei atrocis, aut vilis, commemoratio melior est: quod in facto rejicitur, etiam in dicto non est recipiendum (c. 18).

также и противъ умственной самодѣятельности [1]). Научныя изслѣдованія, по нему, рѣшительно не совмѣстимы съ достоинствомъ христіанина. Онѣ послѣ вѣры суть явные признаки невѣрія [2]). Философія, какъ плодъ умственной самодѣятельности, результатъ внушенія падшаго духа, не заключаетъ въ себѣ и доли истины. Изученіе ея не прибавитъ ничего къ знанію христіанина, для котораго не знать ничего противнаго истинамъ вѣры, значитъ знать все [3]). Знаніе естественное не возможно, а потому нѣтъ его и у философовъ. Если они и говорили что нибудь истинное, то заимствовали его у пророковъ и исказили по своему [4]). Всѣ философы были ересіархами [5]). Философъ и христіанинъ—два человѣка діаметрально противоположные другъ другу, между которыми нѣтъ ничего общаго [6]).

Таково мнѣніе Тертулліана о поставленномъ нами вопросѣ. Западный апологетъ развилъ свой взглядъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ борьбы съ гностицизмомъ [7]). У него мы видимъ крайность противъ крайностей. Въ то время, какъ гно-

---

1) Doctrinam saecularis litteraturae, ut stultitiae apud Deum deputatam, aspernamur (c. 18).

2) «Если я увѣровалъ въ то, во что дѣйствительно долженъ былъ увѣровать и если послѣ того воображаю, что мнѣ еще искать должно, то стало быть я надѣюсь найти еще что нибудь; а надѣяться могу только потому, что подъ личиною вѣры дѣйствительно не вѣрилъ, или же пересталъ вѣрить. Но отрекшись отъ вѣры, я отступникъ. Однимъ словомъ, если я все ищу, то это знакъ, что еще не нашелъ, или уже потерялъ» (Прещенія противъ еретиковъ II, 1 ч. 159 стр. по русск. перев.).

3) Ibid. «Вы, ищущіе всегда и не находящіе ничего, обратите вниманіе на то, что вы ищете чего-то тамъ, гдѣ ничего нельзя найти. Вы, стучащіеся всегда, и никто вамъ не отворяетъ, знайте, что вы стучитесь тамъ, гдѣ никого нѣтъ».

4) Apologeticus c. 47. Христіанская мудрость древнѣе языческой. Quis poëtarum, quis sophistarum, qui non de prophetarum fonte potaverit? Inde igitur philosophi sitim ingenii sui rigaverunt. Но заимствовавшіе искажаютъ то, что случайно узнаютъ ex divino thesauro, такъ что in incertum miscuerint etiam quod invenissent certum. Inventum enim solummodo, Deum non ut invenerant disputaverunt, ut de qualitate et de natura ejus et de sede disceptent. Alii incorporalem asseverant, alii corporalem, alii ex atomis, alii ex numeris.... Nec mirum, si vetus instrumentum ingenia philosophorum interverterunt.... 515—519 col.

5) Прещ. противъ еретиковъ 7, 154 стр. въ русск. пер.

6) Apologeticus c. 46. Philosophi non Christiani cognominantur. Nomen hoc philosophorum daemonia non fugat (502—3 col.).

7) Труды К. Д. Акад. Акад. 1860 г. I, 105 стр.

стики выставляютъ на первый планъ умъ, не ограничивая его положительнымъ началомъ вѣры, у Тертулліана встрѣчаемъ рѣшительное подавленіе его самодѣятельности. У гностиковъ γνῶσις признается источникомъ всѣхъ духовныхъ совершенствъ, Тертулліанъ считаетъ его началомъ зла и всякаго несовершенства. У первыхъ знаніе есть нѣчто божественное, у послѣдняго—діавольское.

Въ другомъ смыслѣ высказались по нашему вопросу, подъ вліяніемъ также борьбы съ гностицизмомъ, представители александрійской школы. Александрія въ первые вѣка христіанства была средоточнымъ пунктомъ всемірнаго движенія, гдѣ приходили въ соприкосновеніе между собою люди всѣхъ вѣрованій и націй. Здѣсь смѣшивались символы и преданія всѣхъ народовъ. Древнѣйшія религіи Персіи и Египта, іудейство и греческая философія — все это, подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда эклектическаго направленія мысли, такъ или иначе объединялось. Изъ разрозненныхъ элементовъ существовавшихъ тамъ доктринъ и философскихъ преданій надѣялись возстановить утраченную истину. Безъ сомнѣнія стремленіе къ сближенію и соглашенію между собою разрозненныхъ элементовъ такъ или иначе отозвалось и на представителяхъ александрійской христіанской науки. Подъ вліяніемъ его рѣшается вопросъ объ отношеніи греческаго образованія къ христіанству. „До пришествія Господа, пишетъ Климентъ Александрійскій въ своихъ „Строматахъ“, философія необходима была еллинамъ для справедливости (εἰς δικαιοσύνην); теперь она полезна для богопочтенія (πρός θεοσέβειαν) тѣмъ, которые усвоиваютъ вѣру чрезъ доказательства (προπαιδεία τις οὖσα τοῖς τὴν πίστιν δι' ἀποδείξεως καρπουμένοις). „Нога твоя, говоритъ Писаніе, не споткнется, если ты все будешь относить къ божественному Промыслу, будетъ ли то еллинское или наше, ибо Богъ есть виновникъ всѣхъ благъ, но иныхъ первѣе всего (κατὰ προηγούμενον), какъ ветхаго и новаго завѣтовъ, а другихъ послѣ (κατ' ἐπακολούθημα), какъ философіи. Можетъ быть и еллинамъ философія дана была прежде, чѣмъ Господь воззвалъ ихъ, поелику она также для еллиновъ была пестуномъ во Христа (παιδαγώγει εἰς Χριστόν), какъ законъ для евреевъ. Итакъ философія предуго-

товляла тѣхъ, которыхъ Христосъ призвалъ къ совершенству" [1]). Философы суть посланники Божіи. Произведенія ихъ не суть только результатъ чисто человѣческой мыслительной способности, но имѣютъ свое высшее основаніе въ откровеніи, въ божественномъ словѣ. Это Слово, Господь Іисусъ Христосъ, научалъ всѣхъ людей многочастнымъ и многообразнымъ способомъ [2]). Но такъ какъ народы варварскіе были древнѣе грековъ, то мы у нихъ прежде всего находимъ разныя изобрѣтенія, открытія и философію [3]). Книги Моисея были первоисточникомъ для греческой философіи. Изъ нихъ заимствованы и разсѣяны въ философской литературѣ грековъ разнообразныя истины [4]). Если въ греческую философію вошли противорѣчія истинной философіи, то виновникъ этого былъ одинъ и тотъ же, какъ и для христіанскихъ ересей—сѣятель плевеловъ [5]). Такимъ образомъ философія греческая, наслѣдовавъ истину, хотя и не всю, пролагаетъ путь къ высшей истинѣ, предуготовляя къ принятію

---

[1]) Stromat. l. I, c. 5. Migne gr. s. t. VIII, 717 col.

[2]) Stromat. l. VI, c. 7. Всякій философъ, всякій простой человѣкъ можетъ получить познаніе о предметахъ не иначе, какъ при пособіи учителей. «Клеанѳъ называетъ своимъ учителемъ Зенона, Ѳеофрастъ—Аристотеля, Митродоръ—Эпикура и Платонъ—Сократа. Обращусь ли я къ Пиѳагору, Ѳерекиду, Ѳалесу и первымъ мудрецамъ, я не перестаю спрашивать объ ихъ учителѣ. Если ты назовешь египтянъ, или индійцевъ, или вавилонянъ, или самихъ маговъ, οὐ παύσομαι τὸν τούτων διδάσκαλον ἀπαιτῶν. Ἀνάγω δέ σε καὶ ἐπὶ τὴν πρώτην γένεσιν ἀνθρώπων· κ' ακεῖθεν ἄρχομαι ξητεῖν τίς ὁ διδάσκαλος· Никто изъ людей, οὐδέπω γὰρ μεμαθήκεσαν, но ни одинъ изъ ангеловъ: οὐδὲ γαρ ὡς μηνύουσιν οἱ ἄγγελοι, καθὸ ἄγγελοι, οὕτως ἀκούουσιν ἄνθρωποι· οὐδ' ὡς ἡμῖν τὰ ὦτα, οὕτως ἐκείνοις ἡ γλῶττα. Но допустимъ, что ангелы открыли истину людямъ. Кто же былъ ихъ учителемъ? Ἐπεὶ δὲ ἓν μὲν τὸ ἀγέννητον ὁ παντοκράτωρ Θεὸς, ἓν δὲ καὶ τὸ προγέννηθὲν δι' οὗ τὰ πάντα ἐγένετο.... Σοφία δὲ οὗτος εἴρηται πρὸς ἁπάντων τῶν προφητῶν· οὗτος ἐστιν ὁ τῶν γεννητῶν ἁπάντων διδάσκαλος.... Ὁ δὲ ἄνωθεν, ἐκ πρώτης καταβολῆς κόσμου, πολυτρόπως καὶ πολυμερῶς πεπαίδευκε τε καὶ τελειοῖ.... t. IX, 280 col.

[3]) Strom. l. I, c. 21. δι ὧν (т. е. чрезъ разсужденіе περὶ τῶν κατὰ Μωυσέα χρόνων) δειχθήσεται ἀναμφηρίστως πάσης σοφίας ἀρχαωτάτη ἡ κατὰ Ἑβραίους φιλοσοφία t. VIII, 820 col.

[4]) Stromat. l. V, c. 14. Ἐκ τῆς βαρβάρου φιλοσοφίας ἑλληνικὴν κλοπὴν σαφέστερον ἤδη παραστατέον, и вотъ Климентъ предпринимаетъ трудъ сравнить ученія философовъ съ священными книгами и показать отношеніе между ними. t. IX, 129—206 col. ср. l. VI, c. 3 и 4.

[5]) Ibid. l. VI, c. 8.

ея [1]). Она была своего рода завѣтомъ [2]). Господь даровалъ еллинамъ философію въ качествѣ закона, чтобы и живущіе внѣ закона не были преданы произволу страстей и не лишились бы понятія о предметахъ божественныхъ [3]).

Такъ возвышенны понятія Климента о философіи и философахъ. Ясно, какой долженъ былъ отсюда сдѣлать выводъ высокопросвѣщенный учитель церкви по вопросу, поставленному нами. Такой выводъ дѣйствительно мы и находимъ у него. Если законъ Моисея, служившій прообразомъ имѣющаго прійти Слова, не утратилъ своего значенія съ пришествіемъ Христа на землю, то и философія, которая ставится Климентомъ наравнѣ почти съ послѣднимъ, должна имѣть значеніе и въ христіанствѣ [4]). Но какая же роль философіи въ христіанствѣ?

---

1) Ibid. l. VI, c. 6. Ἀλλ' ὡς κατὰ καιρὸν ἦκει τὸ κήρυγμα νῦν, οὕτω κατὰ καιρὸν ἐδόθη νόμος μὲν καὶ προφῆται βαρβάροις, φιλοσοφία δὲ Ἕλλησι, τὰς ἀκοὰς ἐθίζουσα πρὸς τὸ κήρυγμα. 265 col.

2) «Мы не погрѣшимъ, говоритъ Климентъ, если скажемъ, τὴν φιλοσοφίαν, καὶ μᾶλλον Ἕλλησιν οἷον διαθήκην οἰκείαν αὐτοῖς δεδόσθαι ὑποβάθραν οὖσαν τῆς κατὰ Χριστὸν φιλοσοφίας» и, если еллинскіе философы къ истинѣ примѣшали заблужденія, то на это были свои причины, о которыхъ выше сказано. l. VI, c. 8, 288 col.

3) Stromat. l. VI, c. 17. Прекрасно развиваетъ свои мысли въ этомъ духѣ Климентъ по поводу возраженія противъ философіи, что будто многіе только благодаря ей совратились въ ересь, изъ чего заключали, что она есть произведеніе діавола. Πῶς οὖν οὐκ ἄτοπον, восклицаетъ Климентъ, τὴν ἀταξίαν καὶ τὴν ἀδικίαν προσνέμοντας τῷ διαβόλῳ, ἐναρέτου πράγματος· τοῦτον τῆς φιλοσοφίας δοτῆρα ποιεῖν; можетъ показаться, что діаволъ по отношенію къ грекамъ явился болѣе благодѣтелемъ, чѣмъ божественный Промыслъ. А мнѣ думается, продолжаетъ Климентъ, что каждая вещь имѣетъ свое спеціальное отправленіе: φύσις τοῦ ἀγαθοποιοῦ τὸ ἀγαθοποιεῖν· ὡς τοῦ πυρὸς τὸ θερμαίνειν, καὶ τοῦ φωτὸς τὸ φωτίζειν. Добрый не произведетъ злаго, свѣтъ—тьмы, огонь—холода, какъ, напротивъ, зло (ἡ κακία) не создастъ чего нибудь добраго, потому что ἐνέργεια αὐτῆς τὸ κακοποιεῖν, οὐ τοίνυν κακίας ἔργον ἡ φιλοσοφία ἐναρέτους ποιοῦσα, λείπεται δὴ Θεοῦ, οὗ μόνον τὸ ἀγαθύνειν ἔργον ἐστιν· καὶ πανθ' ὅσα παρὰ Θεοῦ δίδοται, καλῶς δίδοταί τε και λαμβάνεται. Ναὶ μὴν ἡ χρῆσις τῆς φιλοσοφίας οὐκ ἔστιν ἂν κακῶν, ἀλλ' ἥ τοῖς ἀρίστοις τῶν Ἑλλήνων δέδοται· δῆλον καὶ ὅθεν δεδώρηται, παρὰ τῆς κατ' ἀξίαν τὰ προσήκοντα ἑκάστοις ἀπονεμούσης δηλονότι προνοίας. Εἰκότως οὖν Ἰουδαίοις μὲν νόμος, Ἕλλησι δὲ φιλοσοφία μέχρι τῆς παρουσίας, ἐντεῦθεν δὲ ἡ κλῆσις ἡ καθολικὴ εἰς περιούσιον δικαιοσύνης λαὸν, κατὰ τὴν ἐκ πίστεως διδασκαλίαν, συνάγοντος δι ἑνὸς τοῦ κυρίου, τοῦ μονου ἑνὸς ἀμφοῖν Θεοῦ ἑλλήνων τε καὶ βαρβάρων, μᾶλλον δὲ παντὸς τοῦ τῶν ἀνθρώπων γένους t. IX, 392 col.

4) Позволительно ли назвать безполезною, непригодною въ христіанствѣ ту науку, о которой можно сказать, что она ζήτησιν ἔχειν περὶ ἀληθείας καὶ τῆς τῶν ὄντων φύσεως'.... τὴν τε αὖ προπαιδείαν τῆς ἐν Χριστῷ ἀναπαύσεως, γυμνά-

Климентъ прекрасно разъясняетъ этотъ вопросъ. Она, по нему, находится въ служебномъ отношеніи къ богословію, къ данной положительной, откровенной истинѣ [1]). Послѣдняя цѣль жизни истиннаго мудреца есть гносисъ [2]). Это идеалъ, къ которому душа приходитъ по ступенямъ, начиная съ низшихъ ощущеній. Изъ двухъ факторовъ слагается полный гносисъ. Первый это вѣра. Какъ не возможна жизнь безъ четырехъ элементовъ, такъ не мыслимо знаніе безъ вѣры [3]). Но что такое самая вѣра [4])? Со стороны психологической вѣра есть свободное воспріятіе, предшествующее всякому разсудочному понятію, перцепція того, что выше всякаго доказательства [5]). На вѣрѣ покоятся всѣ принципы знанія [6]). Ей мы обязаны познаніемъ высшихъ истинъ. Вѣра необходимо предполагаетъ актъ воли [7]). Она начинается нѣкоторымъ духовнымъ томленіемъ, желаніемъ истины и стремленіемъ къ свѣту. Отсюда вѣра есть даръ, особенная Божія милость [8]). Какъ таковая она уже на первой ступени связываетъ насъ съ Богомъ. Но

ζειν τὸν νοῦν, καὶ διεγείρειν τὴν σύνεσιν, ἀρχίνοιαν γεννῶσαν ζητητικὴν διὰ φιλοσοφίας ἀληθοῦς, ἣν εὑρόντες, μᾶλλον δὲ εἰληφότες, παρ᾽ αὐτῆς τῆς ἀληθείας ἔχουσιν οἱ μύσται. Str. l. I, c. 5. 728 col.

[1]) Stromat. l. I, c. 5. Ἔστι γὰρ ἡ μὲν φιλοσοφία ἐπιτήδευσις σοφίας, ἡ σοφία δὲ ἐπιστήμη θείων καὶ ἀθρωπίνων, καὶ τῶν τούτων αἰτίων. Κυρία τοίνυν ἡ σοφία τῆς φιλοσοφίας, ὡς ἐκείνη τῆς προπαιδείας. 721 col. Климентъ поясняетъ отношеніе этихъ двухъ предметовъ вѣденія аллегорическимъ толкованіемъ исторіи Сарры и Агари.

[2]) Stromat. l. VI, c. 22.

[3]) Stromat. l. II, c. 6. 968 col.

[4]) Sur ce point, la pensée de saint Clément, bien qu'obscure et incertaine, est très remarquable. Vacherot. Histoire critique de l'ecole d' Alexandr. t. I, 251 p. Paris. 1846 an.

[5]) Stromat. l. II, c. 2. Πίστις δὲ, ἣν διαβάλλουσι κενὴν καὶ βάρβαρον νομίζοντες Ἕλληνες, πρόληψις ἑκούσιος ἐστι, θεοσεβείας συγκατάθεσις, ἐλπιζομένων ὑπόστασις, πραγμάτων ἔλεγχος οὐ βλεπομένων. 490 col. La foi est l'intuition des principes, la perception de ce qui est supérieur à la demonstration. Vacherot. ibid. no Str. 432 p. ed. Potter.

[6]) Strom. l. II, c. 4. Κυριώτερον οὖν τῆς ἐπιστήμης ἡ πίστις, καὶ ἔστιν αὐτῆς κριτήριον. 944—48 col.

[7]) Климентъ не называетъ иначе вѣру, какъ πρόληψιν ἑκούσιον. 940 col., ὑπόληψιν ἑκούσιον καὶ πρόληψιν εὐγνώμονος προκαταλήψεως. 964 col. Это и естественно, когда προηγεῖται πάντων τὸ βούλεσθαι, когда αἱ λογικαὶ δυνάμεις τοῦ βούλεσθαι διάκονι πεφύκασι· θέλε, говоритъ (писаніе) καὶ δυνήσῃ. 1016 col.

[8]) Str. l. II, c. 6. Φημὶ τοίνυν τὴν πίστιν, εἴτε ὑπὸ ἀγάπης θεμελιωθῇ, εἴτε καὶ ὑπὸ φόβου, ἣ φάσιν οἱ κατήγοροι, θεῖον τι εἶναι. 965 col.

впослѣдствіи, когда все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ дѣйствовать благодать Божія, вѣра переходитъ въ любовь къ Богу [1]). На этой ступени вѣра является дѣятельною [2]). Вѣра для Климента не мыслима безъ дѣлъ. Познаніе съ дѣятельностію, теорія съ практикой должны быть не разрывны [3]). Вотъ субъективный факторъ гносиса. Объективнымъ источникомъ всякой истины является для Климента божественное писаніе [4]) и церковное преданіе [5]). Отсюда новая задача для дѣятельности гностика. Хотя вѣрующій обладаетъ какъ бы нѣкоторымъ особливымъ чутьемъ истины по отношенію къ божественнымъ вещамъ, такъ что ему открывается то, что отъ невѣрующаго сокрыто; но одного внутренняго чувства истины не достаточно.

[1]) Str. l. II, c. 6. Ἡ πρώτη πρὸς σωτηρίαν νεῦσις ἡ πίστις ἡμῖν ἀναφαίνεται, μεθ' ἣν φόβος τε καὶ ἐλπὶς καὶ μετάνοια, σὺν τε ἐγκρατείᾳ καὶ ὑπομονῇ προκόπτουσαι, ἄγουσιν ἡμᾶς ἐπί τε ἀγάπην ἐπί τε γνῶσιν. 965 col.

[2]) Если подобное познается подобнымъ, то вѣра, какъ органъ познанія, должна быть органически связана μετὰ ὀρθῆς πολιτείας, потому что иначе нельзя понять и узнать воли Божіей, какъ только исполняя ее. Ποιοῦντες γὰρ τὸ θέλημα τοῦ Θεοῦ, τὸ θέλημα γινώσκομεν. Str. l. I, c. 7. 733 col. Вѣра—это высшая добродѣтель, чрезъ которую Богъ даетъ намъ знать о Себѣ. Vacherot. I, 252 p.

[3]) Str. l. III, c. 5. Οἷος ὁ λόγος, τοῖος ὁ βίος. ἀπὸ δὲ τῶν καρπῶν τὸ δένδρον, οὐκ ἀπὸ των ἀνθῶν καὶ πετάλων γνωρίζεται. Истинная мудрость въ плодахъ и поведеніи, а не въ цвѣтахъ—въ ученіи. Гносисъ не есть только ученіе, но божественная мудрость,—тотъ свѣтъ, который возникаетъ въ душѣ ἐκ τῆς κατὰ τὰς ἐντολὰς ὑπακοῆς, τὸ πάντα κατάδηλα ποιοῦν, τά τε ἐν γενέσει, αὐτόν τε τὸν ἄνθρωπον, ἑαυτόν τε γινώσκειν παρασκεύαζον, καὶ τοῦ Θεοῦ ἐπήβολον καθίστασθαι διδάσκον. t. VIII, 1148 col.

[4]) Str. l. VII, c. 16. Ἀλλ' οἱ πονεῖν ἕτοιμοι ἐπὶ τοῖς καλλίστοις οὐ πρότερον ἀποστήσονται ζητοῦντες τὴν ἀλήθειαν, πρὶν ἂν τὴν ἀπόδειξιν ἀπ' αὐτῶν λάβωσι τῶν γραφῶν. t. IX, col. 529. Подъ вліяніемъ борьбы съ гностиками Климентъ особенно настаиваетъ на мысли, что священное писаніе есть совершеннѣйшій источникъ истины, что никто не имѣетъ права произвольно сокращать и искажать его. Оно для Климента высшій пунктъ τῶν ἀποδείξεων; имъ, говоритъ Климентъ, πρὸς τὴν τῶν πραγμάτων εὕρεσιν χρώμεθα κριτηρίῳ. 532 col. Поэтому ὁ γνωστικὸς ἄρα ἡμῖν μόνος, ἐν αὐταῖς καταγηράσας ταῖς Γραφαῖς, τὴν ἀποστολικὴν καὶ ἐκκλησιαστικὴν σώζων ὀρθοτομίαν τῶν δογμάτων κατὰ τὸ εὐαγγέλιον ὀρθότατα βιοῖ τὰς ἀποδείξεις, ὡς ἂν ἐπιζητήσῃ, ἀνευρίσκει, ἀναπεμπόμενος ὑπὸ τοῦ κυρίου, ἀπό τε νόμου καὶ προφητῶν. 544 col.

[5]) Священное преданіе Климентъ считаетъ также основою христіанства, вѣрнымъ руководствомъ христіанскаго гносиса. Разногласію и новизнѣ гностическихъ системъ онъ противополагаетъ единомысліе вселенской церкви и древность ея ученія, какъ самое наглядное доказательство ея истинности. l. VII, c. 17. 552 col. Истинный гносисъ основывается на ученіи церкви. Всякій другой есть гносисъ лжеименный, еретическій.

Нужно разумное усвоеніе истинъ писанія [1]). Начатое вѣрою разрѣшается знаніемъ. Средствомъ, съ помощію котораго можно почерпать изъ божественнаго источника знаніе, по мнѣнію Климента, служитъ философія, научное образованіе [2]). Устраняя возраженіе, что будто откровеніе является какъ бы недостаточнымъ источникомъ истины, если при немъ необходимы еще внѣшняя наука и свѣтское образованіе, Климентъ точнѣе опредѣляетъ значеніе свѣтскаго образованія, философіи въ христіанствѣ. „Если для тѣхъ, которые склонны къ порицанію, говоритъ онъ, нужно точно опредѣлить, что мы разумѣемъ, когда называемъ философію вспомогательною и содѣйствующею причиною (συναίτιον φιλοσοφίαν καὶ συνεργόν) истиннаго разумѣнія, то мы скажемъ, что считаемъ ее предварительнымъ руководствомъ (προπαιδείαν) къ вѣденію, причиною вспомогательною, а не главною, содѣйствующею, а не производящею. Это не означаетъ того, что безъ философіи не могло бы и быть истины; поелику самая большая часть изъ насъ не получили энциклопедическаго, научнаго образованія и не изучали эллинской философіи, а нѣкоторые даже не умѣютъ ни читать, ни писать, но, подвигшись божественнымъ любомудріемъ (τῇ θείᾳ καὶ βαρβάρῳ κινηθέντες φιλοσοφίᾳ), которое возвѣстили люди необразованные, а наученные премудрости Божіей, они силою вѣры усвоили ученіе о Богѣ... Итакъ ученіе Спасителя само въ себѣ совершенно и самодовольно, какъ сила и премудрость Божія, и привходящая эллинская философія не дѣлаетъ истины сильнѣе, но дѣлаетъ только безсильными софистическіе нападки, отвращаетъ враждебные подкопы подъ истину и потому

---

[1]) Str. l. II, c. 11. πιστὴ ἡ γνῶσις, ἥτις ἂν, εἴη ἐπιστημονικὴ ἀπόδειξις τῶν κατὰ τὴν ἀληθῆ φιλοσοφίαν παραδιδομένων. 984 col.

[2]) Отрицающихъ пользу научнаго образованія, всей еллинской мудрости Климентъ называетъ неразумными. «Нѣкоторые, пишетъ онъ, εὐφυεῖς οἰόμενοι εἶναι, не хотятъ и коснуться ни философіи, ни діалектики, не хотятъ учиться естественному созерцанію (μηδὲ τὴν φυσικὴν θεωρίαν ἐκμανθάνειν), но ищутъ одной простой вѣры: не употребивши никакой заботы о виноградной лозѣ, уже хотятъ получать съ нея грозды. Подъ образомъ виноградной лозы аллегорически представляется намъ Господь; съ нея мы должны заботливо и во время снять плодъ. Нужно окопать ее, перевязать, подрѣзать и все остальное сдѣлать; нужно употребить и серпъ и заступъ и другія земледѣльческія орудія, чтобы виноградникъ произрастилъ намъ обильный плодъ. Str. l. I, c. 9, t. VIII, 740 col.

можетъ быть названа оплотомъ и огражденіемъ виноградника“ [1]). Сама по себѣ философія — это дикая маслина съ непріятными и неудобоваримыми соками. Если оживить ее вѣрою, то она сдѣлается питательною и плодотворною [2]).

Идеи знаменитаго учителя Александрійской школы почили и на еще болѣе извѣстномъ его ученикѣ. Оригенъ, подобно Клименту, имѣетъ возвышенныя понятія о греческой философіи. Философія имѣетъ много общихъ съ христіанствомъ истинъ [3]). Это вполнѣ естественно, если всѣ истины обязаны своимъ происхожденіемъ одному и тому же источнику [4]). Да

---

[1]) Str. l. I, c. 20, t. VIII, 816—818 col.

[2]) Ibid. l. VI, c. 15, t. IX, 341 col. Высказывая общую потребность въ научномъ образованіи, Климентъ касается и порознь нѣкоторыхъ частныхъ сторонъ его, какъ напр., краснорѣчія, діалектики, грамматики и т. п. Мы будемъ имѣть случай познакомиться съ его взглядами на эти науки и ихъ приложимость въ христіанствѣ, когда станемъ говорить о внутренней организаціи александрійской школы.

[3]) Прекрасно высказывается по этому вопросу Оригенъ въ XIV гомиліи на книгу Бытія (гл. 26, 27—28 ст.). «И рече имъ (Авимелеху царю съ его спутниками) Исаакъ: вскую пріидосте комнѣ; вы же возненавидѣсте мене, и отсласте мя отъ себе. Они же рѣша: видѣвше узрѣхомъ, яко бѣ Господь съ тобою и рѣхомъ: буди клятва между нами и между тобою, и завѣщаемъ съ тобою завѣтъ». Iste Abimelech, ut video, non semper pacem habet cum Isaac, sed aliquando dissidet, aliquando pacem requirit. Si meministis quomodo in superioribus diximus de Abimelech, quod personam teneat studosorum et sapientium saeculi, qui per eruditionem philosophiae multa etiam ex veritate comprehenderunt; intelligere potestis quomodo hic cum Isaac, qui verbi Dei, quod in lege est, tenet figuram, neque in dissensione semper potest esse, neque semper in pace. Philosophia enim neque in omnibus legi Dei contraria est, neque in omnibus consona. Multi enim philosophorum unum esse Deum, qui cuncta creaverit, scribunt. In hoc consentiunt legi Dei. Aliquanti etiam hoc addiderunt, quod Deus cuncta per Verbum suum effecerit, et regat, et Verbum Dei sit, quo cuncta moderentur. In hoc non solum legi, sed etiam Evangeliis consona scribunt. Moralis vero et physica, quae dicitur philosophia, pene omnia quae nostra sunt sentiunt (in Genesim homil XIV. Migne, t. XII, 237—238 col.).

[4]) Апостолъ Павелъ говоритъ περὶ τίνων ἐν Ἕλλησι σοφῶν ἐν οἷς ἀληθευούσιν. ὅτι «γνόντες τὸν Θεὸν, οὐχ ὡς Θεὸν ἐδόξασαν..... καὶ μαρτυρεῖ αὐτοὺς ἐγνωκέναι Θεὸν· λέγει δὲ καὶ τοῦτ' οὐκ ἀθεεὶ αὐτοῖς γεγονέναι ἐν οἷς γράφει τό· «ὁ Θεὸς γὰρ αὐτοῖς ἐφανέρωσεν» (Contra Celsum l. III, n. 47, t. XI, 981 col.). Одно уже это обстоятельство съ необходимостію заставляло греческихъ мудрецовъ высказывать истины, согласныя съ истинами христіанства. Съ другой стороны нельзя игнорировать и тотъ фактъ, что τὸν αὐτὸν Θεὸν, ἅπερ ἐδίδαξε διὰ τῶν προφητῶν καὶ τοῦ Σωτῆρος, ἐγκατεσπαρκέναι ταῖς ἁπάντων ἀνθρώπων ψυχαῖς (Ibid.

къ тому же греческіе философы дозволяли себѣ заимствованія изъ книгъ евреевъ, написанныхъ гораздо ранѣе временъ развитія эллинской философіи [1]). Греческая философія предлагаетъ такимъ образомъ только отрывки истины, полнѣйшая же совокупность ея, по мысли Оригена, находится въ священномъ Писаніи и священномъ Преданіи [2]). Но если священное Писаніе и Преданіе заключаютъ въ себѣ совершеннѣйшую и законченную истину, то нужно ли для христіанина еще свѣтское образованіе, изученіе философіи со всѣми сродными ей науками? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить съ одной стороны научное образованіе самого Оригеиа и его занятія философіей [3]), а съ другой школьная преподавательская его дѣятельность.

Такимъ образомъ до IV в. было высказано два противоположныхъ взгляда на поставленный нами вопросъ.

Переходя къ IV и V вв. мы встрѣчаемся съ совершенно аналогичнымъ явленіемъ. Положительное и отрицательное рѣшенія вопроса идутъ рука объ руку.

Свой взглядъ на языческую науку и ея приложимость въ христіанствѣ св. Василій Вел. развилъ въ „бесѣдѣ къ юно-

---

l. I, n. 4, 661 col.), что omnis sapientia a Deo sit (In numer. homil. XVIII, 3. t. XII, 714 col.).

[1]) Contra Celsum l. VII, n. 30.

[2]) Разногласіе мнѣній, изъ которыхъ каждое готово было прикрыться авторитетомъ писанія, разномысліе не только относительно второстепенныхъ, но и главнѣйшихъ вопросовъ побудило Оригена искать непоколебимую основу для испытывающаго разума, предѣлъ, за который невозможно было выйти безъ опасности уклоненія отъ истины, въ св. Писаніи, cujus eruditio atque industria incoparabilibus omnes reliquas disciplinas supereminet modis (περὶ ἀρχῶν l. I, c. 4, t. XI, 156 col.), которое a Spiritu Sancto inspirata est (ibid. c. 3. и l. IV. n. 1—8. На ряду съ Писаніемъ ставится и преданіе. Quoniam ergo multi ex his, qui Christo credere se profitentur, non solum in parvis et minimis discordant, verum etiam in magnis et maximis: id est vel de Deo vel de Domino Jesu Christo, vel de Spiritu Sancto.... propter hoc necessarium videtur prius de his singulis certam lineam manifestamque regulam ponere.... Servetur vero ecclesiastica praedicatio per successionis ordinem ab apostolis tradita, et usque ad praesens in Ecclesiis permanens: illa sola credenda est veritas, quae in nullo ab ecclesiastica et apostolica discordat traditione. Ibid. praefat. n. 2, t. XI, 115—116 col. Это непогрѣшимая граница между областію человѣческихъ мнѣній съ одной стороны и догматомъ съ другой. Въ ея предѣлахъ невозможно никакое колебаніе.

[3]) «Когда я, говоритъ самъ Оригенъ, прилежно занимался Словомъ Божі-

шамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями“ [1]). „Не удивляйтесь, говоритъ св. отецъ, если вамъ, которые каждый день ходите къ учителямъ и бесѣдуете съ уважаемыми мужами древности посредствомъ оставленныхъ ими сочиненій, скажу, что самъ собою нашелъ я нѣчто болѣе полезнымъ. Относительно этого-то и хочу дать вамъ совѣтъ“ [2]). „Не должно, однажды навсегда передавъ этимъ мужамъ кормило корабля, слѣдовать за ними, но заимствуя у нихъ все, что есть полезнаго, надобно умѣть иное и отбросить“ [3]). Цѣль нашей жизни не ограничивается земными благами. Мы готовимся къ другой, будущей, загробной. „Въ эту жизнь вводятъ насъ, конечно, священныя Писанія, воспитывающія насъ посредствомъ таинственныхъ ученій“. Но не излишне при этомъ и свѣтское образованіе, знакомство съ языческими авторами, лишь бы только оно направлялось къ указанной цѣли [4]). Установивъ

имъ, и молва о моихъ познаніяхъ далеко распространилась, тогда стали приходить ко мнѣ то еретики, то любители еллинскихъ наукъ, а особенно философы; посему я рѣшился изслѣдовать и ученія еретиковъ и мнѣнія философовъ объ истинѣ, и сдѣлалъ это, вопервыхъ, по примѣру Пантена.... и Иракла.... (Евсевій, Церк. истор. VI, 19). Порфирій въ своемъ сочиненіи «противъ христіанъ» такъ характеризуетъ Оригена, какъ христіанскаго ученаго: «въ жизни онъ велъ себя по-христіански, — противозаконно, а въ понятіи о вещахъ и божествѣ держался взгляда эллинскаго, и эллинское смѣшивалъ съ чуждыми баснями. Онъ постоянно обращался съ Платономъ, много занимался книгами Нуменія и Кронія, Апполофана, Лонгина и Модерата, Никомаха и знатнѣйшихъ пиѳагорейцевъ; пользовался также сочиненіями стоиковъ: Херемона и Корнута и, изучивъ у нихъ способъ аллегорическаго объясненія греческихъ таинствъ, приложилъ его къ писаніямъ іудеевъ» (ibid).

1) Πρὸς τοὺς νέους, ὅπως ἂν ἐξ ἑλληνικῶν ὠφελοῖντο λόγων. S. P. N. Basilii op. omn. t. III orat. XXII. Migne. t. 31, 564—590 col.

2) n. 2, 365 col. Твор. т. 8, ч. 4-я, 345 стр.

3) Ibid.

4) Ibid. Εἰς δὴ τοῦτον (βίον) ἄγουσι μὲν ἱεροὶ λόγοι, δι᾽ ἀπορρήτων (δογμάτων) ἡμᾶς ἐκπαιδεύοντες· но пока, по возрасту, не можемъ изучать глубину смысла ихъ, мы и въ другихъ (сочиненіяхъ). не вовсе отъ нихъ далекихъ (ἐν ἑτέροις οὐ πάντῃ διεστηκόσιν), упражняемъ на время духовное око, какъ въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зеркалахъ, подражая упражняющимся въ военномъ искусствѣ.... Мы должны держаться той мысли, что намъ предстоитъ подвигъ, важнѣйшій изъ всѣхъ, подвигъ, для котораго все должны сдѣлать, для приготовленія къ которому надобно трудиться по мѣрѣ силъ καὶ ποιηταῖς, καὶ λογοποιοῖς, καὶ ῥήτορσι, καὶ πᾶσιν ἀνθρώποις ὁμιλητέον, отъ кого только можетъ быть какая либо польза πρὸς τὴν τῆς ψυχῆς ἐπιμέλειαν.... Конечно, достоинство дерева—

то начало, что свѣтскія науки имѣютъ приложеніе въ христіанствѣ, Василій Великій точнѣе опредѣляетъ выборъ наукъ. Принципомъ для оцѣнки достоинства ихъ является у него ихъ содержаніе. „Всѣ почти сколько нибудь заслуживающіе вниманія по мудрости, каждый по мѣрѣ силъ, въ сочиненіяхъ своихъ болѣе или менѣе распространялись въ похвалу добродѣтели: имъ должно вѣрить и въ самой жизни стараться выразить ихъ ученія“ [1]). Отсюда поэты, историки и философы должны обратить на себя вниманіе христіанскаго юноши, но только подъ условіемъ указаннаго принципа пользованія ими [2]).

Совершенно одинаковыхъ воззрѣній на поставленный нами вопросъ держался другъ Василія Великаго, Григорій Богословъ [3]).

изобиловать зрѣлыми плодами; но оно носитъ на себѣ и нѣкоторое украшеніе—листы, колеблющіеся на вѣтвяхъ. И въ душѣ истина есть преимущественный плодъ, но не лишено пріятности и то, если она облечена внѣшнею мудростію, какъ листами.... Поэтому говорится, что и тотъ славный Моусей, котораго имя за мудрость у всѣхъ людей было весьма велико, сперва упражнялъ умъ египетскими науками, а потомъ приступилъ къ созерцанію Сущаго... О Даніилѣ повѣтствуется, что онъ въ Вавилонѣ изучилъ халдейскую мудрость, и тогда уже коснулся божественныхъ уроковъ (565—568 col.). Твор. 346—347 стр.

[1]) Ibid. 573 col. Твор. 352 стр.

[2]) Ibid. У поэтовъ не на всемъ по порядку надобно останавливаться умомъ, но, когда передаютъ вамъ дѣянія или изреченія мужей добрыхъ, надобно ихъ любить, соревновать имъ и, по возможности стараться быть такими же. А когда доходитъ у нихъ рѣчь до людей злонравныхъ, должно избѣгать подражанія имъ. Не будемъ хвалить поэтовъ; когда они злословятъ, насмѣхаются, представляютъ влюбленныхъ и упивающихся, или когда ограничиваютъ блаженство обильнымъ столамъ и разгульными пѣснями. Всего же менѣе будемъ внимать имъ, когда говорятъ что нибудь о многихъ богахъ.... Тоже самое могу сказать и объ историкахъ, особенно когда пишутъ они исторію для развлеченія слушателей. И ораторамъ не буду подражать въ искусствѣ лгать... Лучше заимствуемъ у нихъ тѣ мѣста, гдѣ они восхваляли добродѣтель и порицали порокъ. Какъ для другихъ наслажденіе цвѣтами ограничивается, благовоніемъ и пестротою красокъ, а пчелы собираютъ съ нихъ и медъ: такъ и здѣсь, кто гоняется не за одною сладостію и пріятностію сочиненій, тотъ можетъ изъ нихъ запастись для души нѣкоторою пользою. Поелику до нашей жизни надобно достигать съ помощію добродѣтели, а въ похвалу ей много сказано поэтами, историками и еще болѣе философами, что τοῖς τοιούτοις τῶν λόγων μάλιστα προσεκτέον. 668—572 col. Твор. 348—349 стр.

[3]) Εἰς τὸν μέγαν Βασίλειον, ἐπίσκοπον Καισ. Καππαδ., ἐπιτάφιος. Opp. omn. t. II, orat. 43. Migne s. gr. t. XXXVI, 493—606 col. Твор. ч. IV, съ 63 стр. «Полагаю я, говоритъ Григорій Богословъ, что всякій имѣющій умъ признаетъ, что παίδευσιν τῶν παρ' ἡμῖν ἀγαθῶν εἶναι τὸ πρῶτον, и не только это благороднѣйшее и наше образованіе, которое, презирая всѣ украшенія и блескъ

Нѣсколько ригористичнѣе относится къ свѣтскому образованію св. Іоаннъ Златоустъ. Не отдѣляя строго педагогики отъ аскетизма, взглянувъ на дѣло воспитанія и образованія съ точки зрѣнія послѣдняго [1]), этотъ святой мужъ на первый планъ выдвигаетъ христіанское образованіе, обязательное, по нему, уже для дѣтей ранняго возраста [2]). Монастыри въ глазахъ его служатъ самыми лучшими мѣстами христіанскаго воспитанія и образованія [3]). Но при всемъ томъ Іоаннъ Златоустъ считаетъ вполнѣ позволительнымъ общее литературное свѣтское образованіе. Преподавая наставленіе о христіанскомъ образованіи дѣтей, онъ прибавляетъ: „говорю это не съ тѣмъ, чтобы запрещать тебѣ сообщить своему сыну литературное образованіе, но только хочу предупредить тебя, чтобы не оно одно было предметомъ твоей заботливости“. Выставляя монастыри лучшими

рѣчи, μόνης ἔχεται τῆς σωτηρίας, καὶ τοῦ κάλλους τῶν νοουμένων· ἀλλὰ καὶ τὴν ἔξωθεν, которымъ многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злонамѣреннымъ, опаснымъ и удаляющимъ отъ Бога. Небо, землю, воздухъ и все, что на нихъ, не должно презирать за то, что нѣкоторые худо уразумѣли и вмѣсто Бога воздали имъ божеское поклоненіе. Напротивъ того, мы, воспользовавшись въ нихъ тѣмъ, что полезно для жизни и наслажденія, будемъ избѣгать всего опаснаго и не станемъ съ безумцами тварь возставлять противъ Творца, но отъ созданія будемъ заключать о Создателѣ, какъ говоритъ божественный Апостолъ, плѣняюще всякъ разумъ во Христа (2 Кор. 10, 5)... Въ наукахъ мы заимствовали изслѣдованія и умозрѣнія, но отбросили все то, что ведетъ къ демонамъ, къ заблужденію и во глубину погибели. Мы извлекли изъ нихъ полезное даже для самаго благочестія чрезъ худшее научившись лучшему и слабость ихъ обративъ въ твердость нашего ученія... Поэтому не должно унижать образованіе, какъ разсуждаютъ объ этомъ нѣкоторые; напротивъ, надобно признать глупыми и не образованными (σκαιοὺς καὶ ἀπαιδεύτους ὑπολῃπτέον) тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжествѣ (n. II, 508 col.).

[1]) Подробно развиты мысли Іоанна Златоуста объ этомъ предметѣ въ статьѣ «избранныя мѣста о воспитаніи» І. Злат., Христ. Чтеніе за 1838 г., ч. 3.

[2]) Христіан. Чтен. 1838 г., 3 ч. 255 стр. «Первый возрастъ есть возрастъ невѣденія; но оно дѣлается болѣе глубокимъ и болѣе опаснымъ отъ обычая давать дѣтямъ въ числѣ первыхъ книгъ исторіи героевъ, которымъ учатъ его удивляться, не смотря на то, что эти же герои были преданы всякимъ страстямъ и потому требуютъ себѣ противуядія». Такимъ является способъ воспитанія по примѣру Анны, которая принесла своего сына въ храмъ. Ср. Модзалевскій. Очерки истор. воспитан. и образ. 208—211 стр.

[3]) Модзалевскій, указ. книг. и стр.

воспитательными и образовательными заведеніями, онъ замѣчаетъ: „не слѣдуетъ ли изъ этого, что должно ниспровергать разсадники науки? Я не говорю этого. Я требую только, чтобы не ниспровергалась добродѣтель. Когда приложена уже забота о самомъ необходимомъ для дѣтей, тогда можно позаботиться и о наставленіи ихъ въ наукахъ“ [1]).

Совершенно одинакаго мнѣнія съ Златоустомъ относительно свѣтскихъ наукъ былъ и блаженный Іеронимъ. Свѣтское образованіе онъ отстраняетъ на задній планъ [2]), хотя и не является рѣшительнымъ его противникомъ [3]).

Гораздо мрачнѣе взглядъ на приложимость свѣтскаго образованія въ христіанствѣ блаженнаго Августина. Это и понятно. Бурно проведенная молодость, увлеченія и паденія во всю жизнь служили для Августина предметомъ горькаго раскаянія и великихъ слезъ. Виня во всемъ язычество, онъ свое отвращеніе къ нему готовъ былъ перенести и на языческія науки. Широкая область, отнесенныхъ имъ къ категоріи суевѣрныхъ, наукъ совсѣмъ воспрещается христіанину [4]). Изъ несуевѣрныхъ, относящихся непосредственно къ практической жизни, рекомен-

---

[1]) Ibid.

[2]) Свой взглядъ на свѣтское образованіе блаженный Іеронимъ развилъ въ письмѣ къ Летѣ, супругѣ Токсоція. S. Hieronymi, Opera omnia t. I. Migne l. s. t. XXII, Epist. 107, 867—878 col. Твор. блаж. Іерон. т. 2-й, 433—448 стр.

[3]) «Если кто, говоритъ блаж. Іеронимъ, знаетъ грамматику или діалектику, такъ что имѣетъ возможность хорошо говорить и различать ложное отъ истиннаго, того мы не не одобряемъ. Геометрія, ариѳметика и музыка имѣютъ также in sua scientia veritatem. Но это знаніе не есть знаніе благочестія. Послѣднее есть знать законъ, понимать пророковъ, вѣрить въ Евангеліе, не не знать апостоловъ» (у Keuffel. Hist. orig. ac. progres. schol. inter. Christ. 13—15 p.). «Если когда нибудь мы вздумаемъ вспомнить о временныхъ наукахъ и поучиться изъ нихъ чему нибудь, что нѣкогда опустили, то это дѣло не нашего произвола, но, какъ я сказалъ, величайшей необходимости, такъ что мы одобряемъ знаніе того, что предсказано св. пророкомъ, а также науки греческія и латинскія» (ibid. 15—16 p.).

[4]) De doctrina christiana l. II. Эти plenae superstitionum науки суть слѣдующія: ad facienda at colenda idola pertinentes, vel ad colendam sicuti Deum creaturam partem ve illam creaturae. Сюда относятся: магія, гаданія и millia inanissimarum observationum (c. 20), труды математиковъ и физиковъ (c. 21), и omnes artes hujusmodi vel nugatoriae vel noxiae superstitionis, ex quadam pestifera societate hominum et daemonum, quasi pacta quaedam infidelis et dolosae amicitiae constituta, penitus sunt repudianda et fugienda christiano (c. 23. Migne, t. 34, 50—53 col.).

дуются только самыя необходимыя [1]). Другая группа наукъ, извѣстная у Августина подъ именемъ „quas animadverterunt homines jam perfectas aut divinitus institutas". Изъ нихъ дозволяется христіанину изучать исторію, реторику и діалектику [2]). Остальное все воспрещается, какъ безполезное [3]). Рѣшительнѣе Августина въ этомъ отношеніи былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, папа Григорій Великій [4]), который настаиваетъ на прекращеніи всякой научной связи съ языческимъ міромъ [5]). Достойно вниманія и то, что еще за полтора вѣка до Григорія отцы карѳагенскаго собора 436 года уже постановили, что „епископу не подобаетъ читать книги

---

[1]) Практическія науки съ суевѣрными составляютъ одну группу наукъ, извѣстную у Августина подъ именемъ «quas instituerunt homines». Между первыми онъ различаетъ: «partim superflua luxuriosaque, partim commoda et necessaria. Къ категоріи излишнихъ относятся произведенія искусства (in picturis vero et statuis caeterisque hujusmodi simulatis operibus, maxime peritorum artificium) и поэзіи (millia fictarum fabularum et falsitatum), къ необходимымъ относятся quae ed usum vitae necessarium proficiunt (c. 25, 54 col.).

[2]) Ibid., c. 28—38.

[3]) In caeteris autem doctrinis, quae apud gentes inveniuntur, praeter historiam rerum.... et prater rationem disputationis et numeri, nihil utile esse arbitror. Но и по отношенію ко всѣмъ дозволеннымъ нужно твердо помнить «ne quid nimis» (39, 62 col.).

[4]) Schröck. Christl. Kirchengesch. B. 16, 65 S.

[5]) Весьма характеристично въ этомъ отношеніи письмо Григорія къ одному епископу (кажется къ Дезидерію Вьенскому—Шерръ. Истор. цивилиз. въ Герм.). «Намъ такъ много хорошаго говорили о вашихъ занятіяхъ, и въ сердцѣ нашемъ потому родилась столь великая радость, что она непозволила бы отказать вамъ въ томъ, о чемъ вы (fraternitas vestra) просите. Но потомъ дошло до насъ, и о чемъ мы не можемъ вспомнить безъ стыда, а именно, что ты (fraternitas tua) обучаешь кого-то грамматикѣ. Извѣстіе объ этомъ поступкѣ, къ которому мы чувствуемъ великое презрѣніе, произвело на насъ впечатлѣніе очень тяжелое, такъ что все то, о чемъ я говорилъ выше, обратилось для меня въ горе и печаль: одними устами нельзя воздавать хвалу Христу вмѣстѣ съ хвалами Юпитеру (quia in uno se ore cum Jovis laudibus, Christi laudes non capiunt). Ты самъ подумай, какъ преступно и неприлично поступаютъ епископы, воспѣвающіе то, что не согласится воспѣвать даже свѣтскій набожный человѣкъ. И хотя любезнѣйшій нашъ сынъ, пресвитеръ Кандидъ, впослѣдствіи прибывшій сюда, старался опровергнуть тотъ слухъ и своими тонкими разсужденіями хотѣлъ оправдать васъ, но все же я еще не успокоился, потому что, если чувствуешь сильное отвращеніе, слушая такіе разсказы о священнослужителѣ, то необходимы и сильныя доказательства, чтобы окончательно удостовѣриться въ ихъ несправедливости. Итакъ, если вы докажете ясно, что все разсказанное о васъ ложно, что вы не занимаетесь вздорными свѣтскими науками, тогда мы будемъ прославлять Господа нашего, который не допустилъ осквернить устамъ вашимъ бого-

языческія, а книги еретиковъ только по необходимости и при случаѣ“ [1]).

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны прежде всего замѣтить, что вопросъ объ отношеніи греческаго языческаго образованія къ христіанству, поставленный на теоретическую почву, одними изъ отцовъ и учителей церкви рѣшается въ положительномъ смыслѣ. Свѣтское образованіе признается совмѣстнымъ съ христіанствомъ своею общечеловѣческою стороною и даже необходимымъ для высшаго христіанскаго образованія. Оно мыслится самостоятельнымъ въ области естественнаго и раціональнаго, но подчиняется божественному откровенію въ области знаній, превышающихъ естественныя силы человѣческаго ума. Другіе изъ отцовъ высказываются противъ свѣтскаго образованія. Нельзя не замѣтить того, что не одинаковое рѣшеніе вопроса обусловливалось національными особенностями взявшихся за его рѣшеніе. Мы видимъ, что восточные отцы и учители, греки по происхожденію, почти всѣ высказываются за свѣтское образованіе. Поэтически-идеальная натура грека не могла низойти и въ этомъ вопросѣ на путь узко практическихъ разсчетовъ. Славное прошлое греческой литературы, цѣлые вѣка служившее богатымъ умственнымъ капиталомъ, произведенія великихъ умовъ Греціи, на которыхъ воспитывался всякій образованный грекъ, составлявшія національную гордость его, не могли быть отринуты изъ новой области истинъ неземнаго происхожденія. Грекъ скорѣе попытался примирить ихъ съ этими послѣдними, чтобы тѣмъ спасти первыя. Только варваръ по происхожденію, Таціанъ, не умѣвшій глубоко вникнуть въ духъ греческой науки и знанія, могъ такъ безпощадно осмѣивать послѣднія и находить ихъ безполезными въ христіанствѣ. Не то мы видимъ на западѣ. Привыкшій все оцѣнивать съ точки зрѣнія полезности, римлянинъ и на христіанство взглянулъ съ этой точки зрѣнія. Богооткровенныя истины ведутъ къ спасенію, къ вѣчному блаженству. Свѣтская наука разсчитана на временныя, скоропре-

---

хульною хвалою такого, о чемъ нельзя и молвить. Въ такомъ только случаѣ спокойно и безъ сомнѣній мы подумаемъ о разрѣшеніи вамъ того, о чемъ вы просите (Стасюлевичъ. Исторія средн. вѣковъ. Т. I, 398—9 стр.).

[1]) Concilium Carthag. 436 an. 15 c. ed. Binii. t. I, 553 p Ut episcopus gentilium libros non legat, haereticorum autem pro necessitate et tempore.

ходящія блага, которыя христіаниномъ считаются за ничто. Ясно, что послѣдняя противоположна первымъ. Поэтому свѣтская наука можетъ задержать, воспрепятствовать душѣ всецѣло предаться божественной истинѣ. Какъ препятствующая, тормозящая дѣло спасенія, она должна быть безусловно отвергнута, исключена изъ круга наукъ христіанина. Практическій римлянинъ не далъ себѣ труда остановиться надъ вопросомъ о примиреніи съ христіанствомъ свѣтскаго образованія. Онъ безусловно отвергъ послѣднее въ силу того одного, что одними устами нельзя воздавать хвалу Христу вмѣстѣ съ хвалами Юпитеру.

Практическое примѣненіе теоретическихъ взглядовъ восточныхъ отцовъ и учителей церкви на отношенія греческаго образованія къ христіанству впервые было сдѣлано въ школѣ александрійской.

Древнѣйшее христіанское училище въ Александріи, извѣстное подъ именемъ огласительнаго, обязано своимъ происхожденіемъ и первоначальнымъ характеромъ заповѣди Іисуса Христа: „идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ“ (Матѳ. 28, 19—20 ст.). Ученіе или оглашеніе, предшествующее крещенію, строго соблюдалось въ древней церкви. На первыхъ порахъ обычною формою его было общеніе ново-обращающихся съ тѣми христіанами, которые хотѣли быть ихъ воспріемниками. Только съ тѣхъ поръ, какъ въ лоно церкви стали переходить ученые язычники, явилась потребность въ болѣе правильной организаціи обученія оглашенныхъ. Если при быстрыхъ успѣхахъ христіанской вѣры, предстоятели церквей не успѣвали лично заниматься съ обращающимися ко Христу, то съ другой стороны они не могли предоставлять руководства ихъ каждому вѣрующему безъ разбора. Они возлагали эту обязанность на членовъ клира, или на мірянъ, заявившихъ свою способность къ этому дѣлу и даже на діакониссъ [1]). Особенныя обстоятельства, въ которыхъ находилась въ то время Александрія, содѣйствовали основанію въ этомъ городѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ, христіанскаго учи-

---

[1]) Redepenning, у Herzog'a Real Enc. fur protest. Theolog. und K. B. I, 240 S.

лища съ правильною школьною организаціей. Ни въ одномъ городѣ не было столь большаго числа представителей разнообразныхъ философскихъ школъ и сектъ, нигдѣ не обращалось ко Христу столь большаго числа ученыхъ людей, какъ въ Александріи. Оглашеніе подобныхъ личностей всего удобнѣе было поручать людямъ опытнымъ, знакомымъ съ наукою, потому что бесѣды обыкновенныхъ клириковъ едва ли могли бы имѣть большой успѣхъ [1]). Первоначально организованная для оглашенія обращающихся ко Христу, Александрійская школа быстро переступила предѣлы первоначальной программы и явилась въ качествѣ высшаго христіанскаго учебнаго заведенія. Ученые, опредѣляя характеръ Александрійской школы, ея задачи и цѣль, не сходятся между собою во мнѣніяхъ относительно этого предмета. Одни хотятъ видѣть въ ней богословскую семинарію, или академію, съ спеціальною задачею приготовленія будущихъ пастырей церкви и учителей христіанскихъ школъ [2]). Другіе находятъ её учрежденіемъ, предназначеннымъ съ одной стороны для оглашенія язычниковъ, а съ другой стороны для образованія христіанскихъ дѣтей [3]). Нѣкоторые видятъ въ александрійской школѣ копію съ александрійскаго музея, съ тѣми же задачами и цѣлями, которыя преслѣдовались послѣднимъ [4]) и, наконецъ, огласительное христіанское училище съ разширенною программою до обоснованія богословія, какъ науки [5]).

[1]) Palmer, у Schmid. Encyclopäd. B. I, подъ титл. Alexandrinische Katechetenschule. 57—58 S.

[2]) Matter. Hist. de l'écol d'Alexandrie t. I, 288 p. Dirigèe, depuis les Antonins par un philosophe, l'école jusque-là destinèe à la jeunesse devint un centre d'etudes philosophiques et philologiques pour les prêtres et les chefs des etablissements chrétiens. Ср. Keuffell, hist. orig. ac. progres. schol. inter Christ. который главною заботою преподавателей александрійской школы ставитъ, ut in schola sua futuros ecclesiae doctores sacrae sapientiae praeceptis imbuerent. 27 p.

[3]) Neander. Algem. Gesch. d. Christl. Relig. und Kirche. Vierte Aufl. II. B., 248 S.

[4]) Guerike. De schola quae Alexandriae floruit catechetica. 1824 г. Halis Saxonum 20 p.

[5]) О. Никифоръ Калогеръ, въ своемъ сочиненіи: «Ἀλεξανδριναὶ θεολογικαὶ καὶ φιλοσοφικαὶ μελέται». Пештъ, 1867 г., такъ опредѣляетъ задачу школы за все время ея существованія». Сказавъ, что ἡ Σχολὴ κατὰ τὴν ἀρχαίαν αὐτῆς ἐποχὴν τὰ ἁπλᾶ καὶ σταχειώδη τῆς πίστεως διδάγματα ἐδίδασκε, προϊόντος δὲ τοῦ χρόνου καὶ ὑψηλοτέρας θεολογικὰς ἐπιστήμας προσέλαβε, καὶ τὰ θύραθεν μαθήματα προσεδέξατο, οἴκοθεν δῆλον ὅτι τὰ κατὰ τὴν διδασκαλίαν ἐν

Самыми обычными наименованіями александрійской школы были: „училище священнаго Писанія“ (τὸ διδασκαλεῖον τῶν ἱερῶν λόγων), „училище вѣрныхъ“ (ἡ τῶν πιστῶν διατριβή), „огласительное училище“ (τὸ τῆς κατηχήσεως διδασκαλεῖον, ἡ τοῦ κατηχεῖν διατριβή) [1]), „духовное училище священныхъ наукъ“ (τὸ ἱερὸν διδασκαλεῖον τῶν ἱερῶν μαθημάτων) [2]). У латинскихъ писателей александрійская школа называется ecclesiastica schola, catechizandi magisterium [3]).

Нельзя не сознаться, что различныя наименованія школы довольно неопредѣленны, чтобы на основаніи ихъ можно было сдѣлать какой либо выводъ относительно характера школы, ея задачъ и цѣлей. Для рѣшенія вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ необходимо ближайшее знакомство съ устройствомъ школы и ея организаціей въ періодъ времени ея историческаго существованія.

Благочестивое преданіе основаніе школы приписываетъ св. евангелисту Марку [4]). Но историческую извѣстность она пріобрѣтаетъ со времени Пантена [5]). Если и существовала школа до Пантена, то, вѣроятно, это было въ строгомъ смыслѣ огласительное училище, преслѣдовавшее одну опредѣленную и довольно узкую задачу приготовленія къ крещенію обращающихся ко Христу. Преподавательская дѣятельность Пантена измѣняетъ характеръ ея направленія [6]).

αὐτῇ εἰς δύο περιόδους διεκρίναμεν· καὶ ἐν μὲν τῇ πρώτῃ ἁπλοῦν κατηχητικὸν χαρακτῆρα αὐτῇ ἀπεδώκαμεν, ἐν δὲ τῇ δευτέρᾳ ἐπιστημονικὸν θεολογικόν, προσθέντες σύναμα, ὅτι καὶ κατὰ τὴν δευτέραν ταύτην περίοδον διετήρησε τὸν ἀρχικὸν αὐτῆς κατηχητικὸν χαρακτῆρα. § 29, 56 σελ.

[1]) Euseb. Pamph. hist. ecclesiast. V, 10; VI, 3, 6.

[2]) Sozom. Hist. eccles. III, 15.

[3]) Guerike cit. hbr. 9 p. Разнообразныя наименованія Александрійской школы, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ христіанскихъ писателей, приведены у о. Никифора Калогера въ его: «Ἀλεξανδριναὶ θεολ. καὶ φιλοσοφ. μελ» 18 σελ.

[4]) О. Калогеръ, на основаніи Евсевія и блаж. Іеронима (catalog. c. 36, усиливается утвердить это преданіе, какъ историческій фактъ (§ 1—16).

[5]) Euseb. Hist. eccles. V, 10. Хотя Евсевій говоритъ о Пантенѣ ἐξ ἀρχαίου ἔθους διδασκαλείου τῶν ἱερῶν λόγων παρ᾽ αὐτοῖς συνεστῶτος, однако это ἐξ ἀρχαίου ничего не даетъ для разъясненія того, чѣмъ была школа до Пантена. Филиппъ Сидетъ утверждаетъ, «τοῦ διδασκαλείου τοῦ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ Ἀθηναγόρας πρῶτος ἡγήσατο» (Калог. 36 σελ.).

[6]) Климентъ Александрійскій въ числѣ своихъ учителей въ христіанствѣ отмѣчаетъ особенно одного—ὑστάτω δὲ περιτυχὼν (δύναμει δὲ οὗτος πρῶτος ἦν) ἀνεπαυσάμην ἐν Αἰγύπτῳ.... Σικελικὴ τῷ ὄντι ἡ μέλλιττα· προφητικοῦ τε καὶ ἀποστολικοῦ λειμῶνος τὰ ἄνθη δρεπόμενος, ἀκήρατόν τι γνώσεως χρῆμα ταῖς τῶν ἀκρο-

Какъ организованная первоначально по иниціативѣ епископовъ, школа находилась подъ ихъ непосредственнымъ вѣденіемъ. Въ такомъ же точно положеніи мы застаемъ школу и въ лучшія времена ея существованія. Епископы назначаютъ предстоятелей школъ [1]). Послѣдніе, по своему усмотрѣнію, избираютъ себѣ помощниковъ [2]). Какого либо обезпеченія преподавателей опредѣленнымъ жалованьемъ не было. Какъ клирики, нѣкоторые получали вѣроятно опредѣленную часть цер-

---

ωμένων ἐνεγέννησε ψυχαῖς... (Strom. l. I, c. 1. Migne, t. VIII, 700 col.). И подъ этимъ знаменитымъ ὑστάτῳ не безъ основаній разумѣютъ Пантена, который, по Евсевію, ἠγεῖτο τηνικαῦτα τῆς τῶν πιστῶν αὐτόθι διατριβῆς (V, 10). Климентъ, также по свидѣтельству Евсевія, въ книгѣ ὑποτυποσέων ὡστὰν διδασκάλου τοῦ πανταίνου μέμνηται, τοῦτόν δε αὐτὸν καὶ τῶν στρωματέων ἐν πρώτῳ συγράμματι αἰνίττεσθαί μοι δοκεῖ.... прибавляетъ Евсевій (V, 11). Для насъ важно это предположеніе Евсевія, принятое наукою (Migne, t. VIII, 38 примѣчаніе на 700 col. Ср. Neander, cit. lib. 250 S.). Самъ Климентъ увѣряетъ, что въ своихъ «Строматахъ» онъ намѣренъ изложить только то, что передано ему называемыми имъ учителями, сохранившими ученіе святыхъ апостоловъ Петра, Іакова, Іоанна и Павла (Str. cit. loc.). Если это вѣрно, то, судя по характеру книги, можно думать, что преподаваніе Пантена, которое онъ велъ ζώσῃ φωνῇ καὶ διὰ συγγραμμάτων (Euseb. V, 10), не было уже только простымъ сообщеніемъ элементарныхъ истинъ вѣры оглашеннымъ, но научное обоснованіе ихъ, попытка соглашенія вѣры съ разумомъ. Бо́льшую вѣроятность пріобрѣтетъ наше предположеніе, если принять во вниманіе слова Оригена, приводимыя имъ въ свое оправданіе отъ упрека въ занятіяхъ философіей (Euseb. VI, 19). «Когда я прилежно занимался словомъ Божіимъ и молва о моихъ познаніяхъ далеко распространилась, тогда стали приходить ко мнѣ то еретики, то любители эллинскихъ наукъ, а особенно философы; поэтому я рѣшился изслѣдовать и ученія еретиковъ и мнѣнія философовъ объ истинѣ. Τοῦτο δὲ πεποιήκαμεν μιμησάμενοί τε τὸν πρὸ ἡμῶν πολλοὺς ὠφελήσαντα Πάνταινον». Ясно, что Пантенъ, научно образованный катехетъ, съ широкими задачами апологіи христіанскаго вѣроученія на научной почвѣ.

[1]) Euseb. Hist. eccl. VI, 3. Примѣры назначенія епископами на должность предстоятелей и начальниковъ школъ можно читать у Герике. Cit. lib. 108—109 p.

[2]) Позднѣйшіе писатели за все время процвѣтанія александрійской школы считаютъ постоянно по одному начальнику школы. Филиппъ Сидетъ въ такомъ порядкѣ перечисляетъ начальниковъ школы: четвертымъ по счету предстоятельствовалъ Оригенъ, послѣ него Ираклъ, за нимъ Діонисій, затѣмъ Піерій, послѣ послѣдняго Ѳеогностъ, далѣе Серапіонъ, затѣмъ Петръ, Макарій, Дидимъ и Родонъ (Guerike, 110 p.). Но уже Климентъ имѣлъ у себя помощникомъ Оригена; послѣднему помогалъ въ дѣлѣ преподаванія наукъ Ираклъ. Ахиллъ одновременно съ Піеріемъ и Ѳеогностомъ отправлялъ должность преподавателя школы и Родонъ помогалъ Дидиму (ibid.). У о. Калогера представлена таблица предстоятелей школы съ ихъ помощниками, при чемъ обозначается и періодъ времени предстоятельства того или другаго лица. Въ числѣ предстоятелей является и Арій (139 сел.).

ковныхъ доходовъ, кромѣ того могли быть, разумѣется, и частные подарки [1]).

Что касается студентовъ, то комплектъ ихъ состоялъ большею частію изъ людей взрослыхъ [2]), по вѣроисповѣданію отчасти язычниковъ, отчасти христіанъ, искавшихъ христіанскаго образованія. По степени умственнаго развитія, по мѣрѣ знакомства съ христіанскимъ вѣроученіемъ, практиковалось дѣленіе студентовъ на три класса. Первый низшій классъ составляли призываемые къ вѣрѣ во Христа, второй—принявшіе вѣру, но еще не пріобрѣвшіе навыка въ новой жизни, не освоившіеся съ кругомъ новыхъ идей и истинъ. Къ третьему классу принадлежали совершенные, т. е. вполнѣ подготовленные къ высшему христіанскому гносису [3]). Сообразно съ такимъ дѣленіемъ нужно было ожидать и различной постановки предметовъ для того, или другаго класса. Слушателямъ перваго класса всего приличнѣе было элементарное христіанское образованіе въ связи съ полемикою противъ различныхъ философскихъ воззрѣній на религіозныя истины. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ классъ слушателей состоялъ изъ людей еще не убѣжденныхъ въ истинности христіанства, людей сжившихся съ традиціями той или другой философской школы, того или другаго вѣрованія. Для таковыхъ всего необходимѣе былъ критическій разборъ ихъ вѣрованій и воззрѣній, сравненіе послѣднихъ съ христіанскими истинами. Само собою разумѣется, что для людей не научныхъ преподаваніе ограничивалось только сообщеніемъ элементарныхъ христіанскихъ истинъ. Второй классъ слушателей продолжаетъ дальнѣйшее христіанское образованіе, по преимуществу нравственное, какъ увидимъ ниже, не возвы-

---

[1]) Euseb. Hist. eccl. VI, 3.

[2]) Евсевій передаетъ, какъ необыкновенный случай, что Оригенъ еще юношей слушалъ бесѣды Климента (VI, 6).

[3]) Основаніемъ для такого дѣленія студентовъ школы на классы служитъ съ одной стороны аналогія съ сочиненіями Климента (см. введеніе), а съ другой мы имѣемъ прямыя указанія въ сочиненіяхъ Климента на практику дѣленія студентовъ по классамъ. Сюда относится, напр., слѣдующее мѣсто изъ «Стромать»: «Педагогъ, раздѣленный нами на три книги, τὴν ἐκ παίδων ἀγωγήν τε καὶ τροφὴν παρέστησεν, τοῦτ' ἔστιν ἐκ κατηχήσεως συναύξουσαν τῇ πίστει πολιτείαν, καὶ προπαρασκεύαζουσαν τοῖς εἰς ἄνδρας ἐγγραφομένοις ἐνάρετον τὴν ψυχήν, εἰς ἐπιστήμης γνωστικῆς παραδοχήν. l. VI, c. 1. t. IX, 203 col.). Оригенъ также практиковалъ дѣленіе слушателей на классы (Eusel. VI, 3. 15).

шаясь впрочемъ до научнаго его обоснованія. Это были слушатели, питавшіеся, по прекрасному выраженію Климента, молокомъ [1]). Третій курсъ имѣлъ задачею научное христіанское образованіе. Здѣсь всего умѣстнѣе было преподаваніе пропедевтическаго курса свѣтскихъ наукъ.—Климентъ и Оригенъ придавали большое значеніе этому курсу, имѣвшему своей задачею подготовленіе къ высшему богословскому образованію. Мы уже видѣли, какія возвышенныя понятія имѣли эти знаменитые предстоятели александрійской школы о философіи, какъ съумѣли они совмѣстить философское образованіе съ христіанскимъ, подчинивъ первое послѣднему. Какъ христіанскіе философы—преподаватели, Климентъ и Оригенъ понимаютъ философію не въ смыслѣ изученія какой либо опредѣленной системы, взятой по личному расположенію и вкусу [2]), но широкую область свѣтскаго знанія, со всѣми его свободными науками и практическими свѣденіями. По Клименту, нельзя раздѣлять того, что соединено между собою отношеніями госпожи и служанки. Если философіи и отведено служебное мѣсто по отношенію къ богословію, то въ свою очередь она является госпожею наукъ низшихъ [3]). Климентъ осуждаетъ тѣхъ, которые, остановившись на предварительныхъ наукахъ, всю жизнь посвящаютъ спеціальному изученію какой либо изъ нихъ. Нѣкоторые, говоритъ онъ, прельщенные чародѣйнымъ напиткомъ служанокъ, презрѣли госпожу ихъ, философію, и одни посѣдѣли въ музыкѣ, другіе въ геометріи, а иные въ грамматикѣ, бо́льшая же часть въ реторикѣ. Но этого не должно быть. Всѣ эти науки не суть философія, но только ведутъ къ ней [4]). Полно образованный человѣкъ и особенно научный христіанинъ, гностикъ, долженъ знать все. Какъ въ медицинѣ, разсуждаетъ Климентъ, тотъ съ пользою учился, кто познакомился съ различными науками, предлагающими способы лучшаго распознаванія болѣзней и излеченія ихъ, такъ и здѣсь считаю образованнымъ прекрасно и съ пользою того, кто собираетъ все, чтобы составить полный образъ истины и чтобы, извлекая все

---

[1]) Stromat. l. V, c. 10.

[2]) Clement. Stromat. l. I, c. 7. t. VIII, 732 col.

[3]) Strom. l. I, c. 5. «τὰ ἐγκύκλια» μαθήματα συμβάλλεται πρὸς φιλοσοφίαν τὴν δέσποιναν αὐτῶν. 721 col.

[4]) Str. l. VI, c. 11. συνεργὰ τοίνυν φιλοσοφίας τὰ μαθήματα. 312 col.

полезное изъ геометріи, и музыки, и грамматики, и самой философіи, соблюсти вѣру безопасно [1]). Для совершеннаго христіанина, или гностика главное дѣло—знаніе всѣхъ вещей. Онъ устремляется на все то, что споспѣшествуетъ познанію, заимствуя изъ каждой науки, что относится къ истинѣ: въ музыкѣ изучая симметрію въ гармоническомъ сочетаніи звуковъ, въ ариѳметикѣ—умноженіе чиселъ, ихъ взаимное соотношеніе между собою и отношеніе къ дѣйствительнымъ предметамъ, большею частію подчиненнымъ пропорціи чиселъ, въ геометріи—созерцая самую геометрическую сущность въ себѣ самой и, пріучая себя къ ней, воспринимаетъ умомъ нѣкоторое непрерывное пространство и неподвижную сущность, столь отличную отъ тѣлъ. Въ астрономіи онъ возвышается умомъ отъ земли и созерцаетъ божественную гармонію вещей. Далѣе, гностикъ пользуется діалектикой, подмѣчая дѣленіе родовъ на свои виды и проводя дѣленіе существующаго до тѣхъ поръ, пока не получитъ перваго и простаго [2]). На ряду съ этими науками Климентъ ставитъ агрономію, науку мореплаванія и архитектуру, какъ науки полезныя въ томъ или другомъ отношеніи [3]). Умственныя способности каждаго индивидуума, даже самаго даровитаго отъ природы, требуютъ многаго и долгаго образованія, чтобы ему, наконецъ, доступенъ былъ міръ религіознаго вѣденія. Онѣ бываютъ сначала грубы, склонны къ чувственной дѣятельности. Препедевтическія науки очищаютъ ихъ отъ чувственности, утончаютъ [4]). Онѣ, упражняя умъ, пробуждаютъ понятливость, сообщаютъ разсудку строго-логическое образованіе, которое не допуститъ обойти себя поверхностными мнѣніями и софизмами [5]). Ученый безъ труда отличаетъ поддѣльное золото отъ настоящаго, ереси и толки отъ самой истины, какъ отличаетъ софистику отъ философіи, искусство наряжаться отъ гимнастики, краснорѣчіе отъ діалектики и поваренное искусство отъ медицины [6]). Наука имѣетъ благодѣтельное вліяніе и на нравственность человѣка. Она сосредоточиваетъ человѣ-

---

[1]) Str. l. I. c. 9. t. VIII, 740—741 col.
[2]) Str. l. VI, c. 10, t. IX, 300—301 col.
[3]) Ibid. c. 11, 312 col.
[4]) Str. l. I, c. 6, t. VIII, 728 col.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid. l. I, c. 9, t. VIII, 740 col.

ческій духъ на самомъ себѣ, пріучаетъ его къ самообладанію, къ самонаблюденію и самопознанію. Не природа, а ученье дѣлаетъ людей честными и добрыми, точно также какъ оно дѣлаетъ людей медиками и правителями [1]). Толкованіе св. Писанія, столь необходимое для христіанина и въ особенности для преподавателя христіанской школы, который постоянно долженъ доказывать то, что говоритъ, особенно, если слушающіе его ученые греки, требуетъ многаго и долгаго изученія науки. Въ Писаніи встрѣчаются обоюдности и двусмысленности: надобно отличить ихъ, объяснить и истолковать. Что же сдѣлаетъ въ этомъ случаѣ человѣкъ неученый? [2]) Подобно тому, какъ земледѣльцы орошаютъ землю, такъ и мы орошаемъ почву нашихъ учениковъ напиткомъ греческихъ наукъ, чтобы приготовить удобную для воспріятія почву, которая можетъ принести обильный плодъ [3]). Посмотри на эту одежду; сперва это было ничто иное, какъ волна, потомъ эта волна разсчесана, затѣмъ обратилась въ нити, ткань и, наконецъ, одежду. Итакъ нужно подготовить душу и разнообразно воздѣлать, прежде чѣмъ она сдѣлается лучшею [4]).

Въ своемъ воззрѣніи на роль и значеніе свѣтскихъ наукъ Оригенъ не расходится съ своимъ учителемъ. Въ письмѣ къ своему ученику, Григорію Чудотворцу, Оригенъ пишетъ слѣдующее: „Твоя врожденная способность могла сдѣлать тебя хорошимъ римскимъ правовѣдомъ, и какимъ нибудь еллинскимъ философомъ, послѣдователемъ одной изъ извѣстныхъ школъ. Но я желалъ бы, чтобы ты всѣми силами твоего таланта совершенно предался христіанскому вѣроученію, какъ такой цѣли, для достиженія которой ты воспользовался бы и греческой философіей и ἐγκύκλια μαθήματα, или пропедевтическій курсъ послужили бы для тебя пособіемъ къ христіанскому ученію и изъ геометріи и астрономіи ты извлекъ бы полезное для объясненія св. Писанія (χρήσιμα ἐσόμενα εἰς τὴν τῶν ἱερῶν γραφῶν δήγησιν). Какъ ученики философовъ говорятъ о геометріи, музыкѣ, грамматикѣ, реторикѣ и астрономіи, какъ о служанкахъ философіи, такъ и мы скажемъ объ этой самой философіи по отношенію

[1]) Ibid. l. I, c. 6, 729 col.
[2]) Ibid. t. I, c. 9. cit. col.
[3]) Str. l. I, c. 1. 708 col.
[4]) Strom. l. VI, c. 11, t. IX, 312 col.

къ христіанскому ученію (τοῦθ' ἡμεῖς εἴπωμεν καὶ περὶ αὐτῆς φιλοσοφίας πρός χριστιανισμὸν"). [1]) Высоко цѣня значеніе общаго энциклопедическаго образованія для христіанской науки, Оригенъ преподаванію его въ школѣ отводилъ широкое мѣсто. Григорій Чудотворецъ въ своемъ похвальномъ словѣ Оригену нарисовалъ намъ образъ Оригена, какъ школьнаго преподавателя. Прежде чѣмъ приступить къ преподаванію, Оригенъ испытывалъ своихъ учениковъ, стараясь съ одной стороны узнать ихъ способности, а съ другой устранить замѣченные недостатки. Этимъ онъ предварительно располагалъ и подготовлялъ ученика къ принятію истины, а затѣмъ уже, какъ земледѣлецъ, благовременно засѣвалъ хорошо удобренную и подготовленную почву, которая обѣщала хорошій плодъ [2]). Затѣмъ Оригенъ приступалъ къ реторикѣ и діалектикѣ, имѣя въ виду прежде всего упражненія мыслительной способности ученика [3]). Съ діалектикой тѣсно соединялась собственно философія. Оригенъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы ученики его занимались философіей [4]). О философіи и любителяхъ ея онъ говоритъ съ большими похвалами, утверждая, что они только одни могутъ хорошо жить и устроять жизнь по началамъ разума. Потомъ убѣждалъ онъ, что прежде всего нужно стремиться къ добру и избѣгать зла, порицая при этомъ тѣхъ, которые цѣль жизни поставляютъ во внѣшнихъ наслажденіяхъ. Много говорилъ онъ о необходимости „быть господиномъ себя". „Я не могу и ска-

[1]) Orig. epist. ad. Gregorium n. I, Migne t. XI, 88 col. О положеніи философіи въ христіанствѣ Оригенъ ясно и опредѣленно высказывается также въ 14-й гомиліи на книгу Бытія, при объясненіи 27 и 28 стиха 26-й главы. Авимелехъ пришелъ къ Исааку въ сопровожденіи Охозафа и Фихола. Interpretatur autem Ochozath, tenens, et Phicol os omnium. Ipse autem Abimelech, pater meus rex. Qui tres, ut ego arbitror, imaginem totius philosophiae tenent, quae apud eos in tres partes dividitur, logicam, physicam, ethicam, id est rationalem, naturalem, moralem.... Hi ergo omnes in hujuscemodi eruditionibus instituti veniunt ad legem Dei et dicunt: videntes vidimus quia est Dominus tecum.... t. XII, 238 col.

[2]) Greg. Thaumaturgi in Orig. oratio paneg. n. 7. Migne t. X, 1073 col. Нельзя не указать, что Оригенъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ въ духѣ Климента, который также совѣтуетъ преподавателю на основаніи предварительнаго опыта основывать свои сужденія о способностяхъ учениковъ. Str. l. I, c. 1, t. VIII, 696 col.

[3]) Ibid. n. 7 и 8.

[4]) n. XI, οὗτός με πρῶτος καὶ μόνος καὶ τὴν ἑλλήνων φιλοσοφίαν φιλοσοφεῖν προυτρέψατο. 1081 col.

зать всего, какъ много говорилъ онъ намъ, убѣждая насъ къ философіи". Ему казалось, что не прилично, не благочестиво предъ Господомъ (ὅλως γὰρ οὐδ' εὐσεβεῖν εἰς τῶν ὅλων Δεσπότην) человѣку, надѣленному разумомъ, этому господину природы, обходиться безъ философіи [1]). Съ особеннымъ сочувствіемъ Оригенъ относился къ нравственной философіи. Главною заботою его было обратить ученика къ самопознанію, пріучить заботиться болѣе всего о собственномъ духовномъ совершенствѣ [2]). Съ философіей у Оригена тѣсно связывалось естествовѣденіе. Онъ обращалъ вниманіе своихъ учениковъ на отдѣльные предметы, на части ихъ, измѣненія и соотношенія частей, разсматривалъ предметы по группамъ, поступая такъ съ тою цѣлію, чтобы ясностію изложенія и изслѣдованіемъ основаній каждаго явленія вызвать въ ученикѣ вмѣсто неразумнаго разумное удивленіе предъ вселенной и предъ высочайшимъ совершенствомъ природы [3]). „Нужно ли воспоминать о священныхъ математическихъ наукахъ: геометріи всѣмъ любезнѣйшей и точнѣйшей и астрономіи, имѣющей дѣло съ небесными явленіями (μετεωροπόρον)? Каждую изъ нихъ порознь онъ запечатлѣлъ въ душахъ нашихъ, или уча, или напоминая, или уже и не знаю, что лучше сказать, поставляя при этомъ точнѣйшую геометрію какъ бы фундаментомъ ихъ, самымъ надежнымъ базисомъ, а чрезъ астрономію приводя къ самой вершинѣ, какъ по нѣкоторой лѣстницѣ, касающейся небесъ, приготовивъ такимъ образомъ намъ удобный путь къ небу (βατὸν ἡμῖν τὸν οὐρανὸν παρασκευάσας" [4]). Затѣмъ Оригенъ читалъ съ своими учениками произведенія древнихъ философовъ и поэтовъ, за исключеніемъ однако тѣхъ, которые отвергали Бога или Провидѣніе и потому не могли гармонировать съ благочестиво настроеннымъ чувствомъ вѣрующаго [5]). Впрочемъ онъ желалъ, чтобы ученики его познакомились со всевозможными рѣшеніями основныхъ вопросовъ философскаго мышленія. „Онъ знакомилъ насъ не съ однимъ только методомъ философіи, но проводилъ

---

[1]) n. VI, 1069 col.

[2]) n. XI—убѣждалъ онъ насъ ἑαυτοὺς γινώσκειν ἐθέλειν τε καὶ πειρᾶσθαι· τοῦτο δὴ τό ἄριστον φιλοσοφίας ἔργον. 1084 col.

[3]) n. VIII, 1077 col.

[4]) Ibid.

[5]) n. XIII, 1088 col.

чрезъ всѣ, не допуская насъ быть несвѣдущими въ какомъ либо греческомъ ученіи (οὐδενός ἀπειράστους εἶναι θέλων δόγματος ἑλληνικοῦ). Но при этомъ онъ самъ шелъ рядомъ съ нами и велъ насъ за руку, какъ бы во время путешествія; если встрѣчалось что либо ошибочное, невѣрное или обманчивое, какъ опытный художникъ (τεχνίτης), которому, при продолжительномъ занятіи наукою, не было ничего уже новаго, необычнаго и неизвѣстнаго, самъ оставаясь на твердой высотѣ, онъ простиралъ руку другимъ, извлекалъ какъ бы потопавшихъ и спасалъ. Такъ выбиралъ онъ у философовъ все, что было полезнаго и предлагалъ намъ, отдѣляя то, что было ложно, и знакомилъ насъ со всѣмъ, но преимущественно съ тѣмъ, что способствуетъ благочестію“ [1]). Такъ велъ дѣло преподаванія Оригенъ въ Кессарійской школѣ. Невѣроятно, чтобы это было новымъ явленіемъ сравнительно съ преподавательскою дѣятельностію его въ Александріи [2]). Такимъ образомъ при Климен-

---

[1]) n. XIV. 1092—3 col.

[2]) У Евсевія можно прочитать свидѣтельство, противорѣчащее нашему мнѣнію. Вотъ что пишетъ онъ объ Оригенѣ въ своей церковной исторіи. l. VI, c. 3. «Когда онъ увидѣлъ, что число учениковъ все болѣе и болѣе увеличивается, между тѣмъ какъ училище огласительное отъ предстоятеля церкви, Димитрія, ввѣрено было ему одному, ἀσύμφωνον ἡγησάμενος τὴν τῶν γραμματικῶν λόγων διδασκαλίαν τῇ πρὸς τὰ θεῖα παιδεύματα ἀσχήσει, μή μελλήσας ἀπορρήγνυσιν ἅτε ἀνωφελῆ καὶ τοῖς ἱεροῖς μαθήμασιν ἐναντίαν τὴν τῶν γραμματικῶν λόγων διατριβήν. Безъ сомнѣнія это взглядъ не Оригена. Онъ противорѣчитъ его основнымъ воззрѣніямъ на греческое образованіе и философію, идетъ въ разрѣзъ со всею его педагогическою дѣятельностію и расходится съ другимъ свидѣтельствомъ самого же Евсевія, который, какъ бы забывъ сказанное имъ въ 3-й главѣ, въ 18 пишетъ слѣдующее: «Къ Оригену приходили многіе ученые мужи, привлекаемые отовсюду разнесшеюся славою его имени и желали удостовѣриться въ его обширныхъ познаніяхъ въ священныхъ наукахъ. Ревностно внимало ему безчисленное множество еретиковъ и не малое число знаменитѣйшихъ философовъ, учась у него не только божественной, но и внѣшней мудрости. Тѣхъ своихъ слушателей, въ которыхъ были замѣтны хорошія дарованія, Оригенъ вводилъ въ кругъ наукъ философскихъ, преподавалъ имъ геометрію, ариѳметику и другія пропедевтическія науки, знакомилъ ихъ съ различными системами философовъ и объяснялъ написанныя ими сочиненія, дѣлая на каждое изъ нихъ свои замѣчанія и взгляды, такъ что у самихъ язычниковъ прослылъ философомъ. Многихъ же менѣе способныхъ заставлялъ онъ изучать τὰ ἐγκύκλια γράμματα, говоря, что эти знанія доставятъ имъ не малое облегченіе въ уразумѣніи и изъясненіи божественныхъ Писаній». Наконецъ указанное свидѣтельство Евсевія противорѣчитъ и словамъ самого Оригена: Contra Cels. l. III, n. 58. εἰ δὲ παρα-

тѣ и Оригенѣ въ Александрійской школѣ въ качествѣ пропедевтическаго курса къ высшему богословскому образованію, о которомъ у насъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ, служили тѣже самые предметы, которые преподавались въ современныхъ имъ школахъ риторовъ и философовъ. Направленіе и организація школы, получившія свое полное развитіе при упомянутыхъ преподавателяхъ, сохранились на нѣкоторое время и послѣ. Изъ Александрійской школы выходили такіе высокопросвѣщенные мужи и знатоки свѣтской литературы, какъ слѣпецъ Дидимъ, бывшій позднѣе преподавателемъ и предстоятелемъ школы [1]). Что касается объема преподаванія свѣтскихъ наукъ, то относительно этого мы имѣемъ слишкомъ мало свѣденій, на основаніи которыхъ можно было бы высказать положительное сужденіе. Можно думать, что всѣ свѣтскія науки стояли не ниже, чѣмъ они были поставлены въ школахъ философовъ и риторовъ того времени. Какъ и у риторовъ, въ христіанской Александрійской школѣ грамматическое образованіе состояло въ широкомъ знакомствѣ съ поэтами и древними авторами Григорій Чудотворецъ объ Оригенѣ по крайней мѣрѣ положительно утверждаетъ, что онъ въ этомъ отношеніи не стѣснялъ своихъ учениковъ узкими рамками выбора авторовъ, исключивъ изъ программы только явныхъ атеистовъ. По отношенію къ реторикѣ Климентъ настаиваетъ на заботливости не объ изящной формѣ, а о содержаніи. Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, больше заботиться объ одеждѣ, чѣмъ о здоровьѣ тѣла. Рѣчь излишне витіеватую, какъ роскошныя и вредныя для здоровья увеселенія, мы отвергаемъ, какъ лакедемоняне отвергали благовонныя мази и пурпурныя одежды [2]). Что касается геометріи и астро-

---

στήσεις μοι, говоритъ Оригенъ Цельсу, διδασκάλους πρὸς προπαιδεύοντας καὶ ἐν φιλοσοφίᾳ γυμνάζοντας, οὐκ ἀποτρέψω μὲν ἀπὸ τούτων τοὺς νέους, πειράσομαι δὲ προγυμνασαμένους αὐτοὺς ὡς ἐν ἐγκυκλίοις μαθήμασι καὶ τοῖς φιλοσοφουμένοις ἀναβιβάσαι въ высшей христіанской философіи (t. XI, 997 col.).

[1]) Историкъ Сократъ о Дидимѣ пишетъ, что будучи съ дѣтства весьма способенъ и имѣя прекрасную душу, онъ опередилъ тѣхъ, у которыхъ кромѣ способностей было еще острое зрѣніе. Дидимъ легко изучилъ правила грамматики, а риторикѣ научился еще скорѣе. Перешедши же къ наукамъ философскимъ, онъ дивно усвоилъ діалектику, ариѳметику, музыку, вообще всѣ науки философовъ слагалъ въ душѣ, такъ что легко могъ противостоять тѣмъ, которые изучали ихъ при помощи глазъ (Ц. Ист. IV, 25). Ср. Созомена III, 15.

[2]) Stromat. l. I, c. 10, 745 col. t. VIII.

номіи, то кромѣ вышеприведенныхъ похвалъ этимъ наукамъ въ устахъ Климента и Григорія Чудотворца, о постановкѣ ихъ мы ничего не знаемъ. Ариѳметика для преподавателей Александрійской школы имѣла особенное значеніе не какъ практическая наука, а какъ руководство къ объясненію таинственнаго смысла чиселъ. Изображеніе чиселъ, количество, величина—все это должно быть перетолковано и выяснено въ таинственномъ смыслѣ [1]). Музыка, по Клименту, содѣйствуетъ улучшенію нравовъ. Но это церковная музыка, псалмопѣніе, которое Климентъ рекомендуетъ даже въ частной жизни [2]). Что касается царицы свѣтскихъ наукъ, философіи, то она понималась въ очень широкомъ смыслѣ [3]). Учители Александрійской школы были эклектики. Для Климента въ каждой системѣ философіи есть извѣстная доля истины [4]). Оригенъ „постоянно обращался съ Платономъ, много занимался книгами Нуменія и Кронія, Аполлофона, Лонгина и Модерата, Никомаха и знатнѣйшихъ пиѳагорейцевъ; пользовался также сочиненіями стоиковъ Херемона и Корнута“ [5]). Въ своемъ преподаваніи Кли-

---

[1]) Str. l. VI, c. 11. Καθάπερ οὖν ἐπὶ τῆς ἀστρονομίας ἔχομεν ὑπόδειγμα τὸν Αβραὰμ, οὕτως ἐπὶ τῆς ἀριθμητικῆς τὸν αὐτὸν Αβραάμ. Ἀκούσας γὰρ ὅτι αἰχμάλωτος ἐλήφθη ὁ Λὼτ, τοὺς ἰδίους οἰκογενεῖς τιή ἀριθμήσας καὶ ἐπεξελθὼν, πάμπολυν ἀριθμὸν τῶν πολεμίων χειροῦται. Φασὶν οὖν εἶναι τοῦ μὲν κυριακοῦ σημείου τύπον κατὰ τὸ σχῆμα τὸ τριακοσιοστὸν στοιχεῖον τὸ δὲ ἰῶτα καὶ τὸ ἦτα τοὔνομα σημαίνειν τό σωτήριον.... ἡ δεκὰς δε ὁμολογεῖται παντέλειος εἶναι. t. IX, 304—5 col.

[2]) Ibid. Ἀπτέον ἄρα μουσικῆς εἰς κατακόσμησιν ἤθους καὶ καταστολὴν· Ἀμέλει καὶ παρὰ πότον ψάλλειν ἀλλήλοις προπίνομεν.... τὸν Θεὸν δοξάζοντες ἐπὶ τῇ ἀφθόνῳ τῶν ἀνθρωπείων ἀπολαύσεων δωρεᾷ... περιττὴ δε μουσικὴ ἀποπτυστέα, ἡ κατακλῶσα τὰς ψυχὰς..... 312 col.

[3]) См. выше опредѣленіе философіи Климентомъ.

[4]) Str. l. I, c. 13. Какъ ни очевидно разногласіе философскихъ школъ, при внимательномъ наблюденіи, однако, можно замѣтить, что и онѣ иногда приближаются къ истинѣ, какой либо стороной, или какъ часть, или какъ видъ, или какъ родъ. Въ музыкальномъ инструментѣ высшая струна противоположна низшей, и однако же одновременное сотрясеніе ихъ производитъ гармонію. Равное число отлично отъ неравнаго, но въ ариѳметикѣ они соединяются.... Чрезвычайно разнородны части вселенной, но онѣ сохраняютъ свое отношеніе къ цѣлому. Οὕτως οὖν ἥ τε βάρβαρος, ἥ τε Ἑλληνικὴ φιλοσοφία, τὴν ἀΐδιον ἀλήθειαν σπαραγμόν τινα, οὐ τῆς Διονύσου μυθολογίας, τῆς δὲ τοῦ λόγου τοῦ ὄντος ἀεὶ θεολογίας πεποίηται· Ὁ δὲ τὰ διῃρημένα συνθεὶς αὖθις, καὶ ἑνοποιήσας, τέλειον τὸν λόγον ἀκινδύνως εὖ ἴσθ' ὅτι κατόψεται, τὴν ἀλήθειαν. t. VIII, 753—756 col.

[5]) Euseb. Hist. eccles. l. IV, c. 19. Десять книгъ «Строматъ» Оригена, какъ описываетъ ихъ блаж. Іеронимъ, были дѣломъ ученаго эклектизма, потому что это было сочиненіе, въ которомъ были сопоставлены между собою

ментъ разсматриваетъ системы критически [1]). Его методу вполнѣ вѣрнымъ остался и Оригенъ [2]).

Относительно метода преподаванія всѣхъ свѣтскихъ наукъ въ александрійской школѣ замѣтимъ только, что онъ былъ двоякій. Болѣе употребительнымъ былъ методъ монологическій, способъ непрерывнаго изложенія мыслей. Григорій Чудотворецъ, описывая преподавательскую дѣятельность Оригена, всюду почти называетъ рѣчи (*λόγοι*), какъ обычный методъ преподаванія его. Но у него же мы находимъ указаніе относительно того, что Оригенъ практиковалъ и методъ сократическій, разговорный [3]). Самъ Оригенъ упоминаетъ объ этомъ методѣ [4]). Изученіемъ свѣтскихъ наукъ заканчивался второй курсъ. На очереди стояло изученіе высшаго предмета школьнаго преподаванія. Ученики являлись вполнѣ подготовленными. Какъ организованъ былъ этотъ курсъ, какіе предметы имѣли въ немъ мѣсто, объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ настоящемъ случаѣ для насъ имѣетъ важное значеніе тотъ фактъ, что третій классъ составляли ученики, извѣстные подъ именемъ совершенныхъ. Безъ сомнѣнія число ихъ было значительно. Въ отличіе отъ студентовъ первыхъ двухъ курсовъ, они носили имя исотериковъ. Что въ александрійской школѣ практи-

---

мнѣнія христіанъ и философовъ и всѣ догматы нашей вѣры подтверждены изъ Платона, Аристотеля, Нуменія и Корнута» (письмо 65 къ великому оратору города Рима въ р. пер. т. 2-й, 253 стр.).

[1]) Cohortatio ad gentes. c. V—VI. Всѣ философскія системы Климентъ подраздѣляетъ на три группы: къ первой онъ относитъ тѣхъ философовъ, которые ἄθεοι μὲν δὴ καὶ οὗτοι σοφίᾳ τινὶ ἀσόφῳ τὴν ὕλην προσεκύνησαν. Сюда относятся: Θалесъ, Анаксименъ, Парменидъ, Гераклитъ, Эмпедоклъ и др. Ко второй категоріи Климентъ причисляетъ тѣхъ философовъ, ὅσοι τὰ στοιχεῖα ὑπερβάντες ἐπολυπραγμόνησάν τι ὑψηλότερον καὶ περιττότερον, какъ Анаксименъ, Анаксагоръ, Архелай, Левкиппъ и др. Сюда же относятся стоики и перипатетики. Третью группу составляютъ тѣ, которые подобно Платону, о Богѣ говорили: τὸν γὰρ Πατέρα καὶ ποιητὴν τοῦδε τοῦ παντὸς εὑρεῖν τε ἔργον, καὶ εὑρόντα εἰς ἅπαν ἐξειπεῖν ἀδύνατον. Кромѣ Платона къ этой группѣ философовъ могутъ быть причислены Антисѳенъ, ученикъ Сократа, Клеанѳъ и Пиѳагоръ.

[2]) Greg. Theumaturg. Orat. paneg. in Orig. n. XIV, πᾶν μὲν ὅτι χρήσιμον φιλοσόφων ἑκάστων καὶ ἀληθὲς ἦν, ἀναλέγων, καὶ παρατιθέμενος ἡμῖν,—такъ обращался съ философскими сочиненіями Оригенъ.

[3]) Ἐρωτῶν καὶ προτείνων καὶ ἀποκριναμένων ἀκούων, говоритъ объ Оригенѣ Григорій Чудотворецъ (Orat. paneg. n. VII).

[4]) Origenes. Contra Celsum. l. IV, 10. Ἄλλοις δὲ, ὅση δύναμις, ἀποδεικτικῶς δι' ἐρωτήσεων καὶ ἀποκρίσεων προσερχόμεθα. Migne t. XI, 1305 col.

ковалось дѣленіе учащихся на эксотериковъ и исотериковъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Климентъ находитъ себѣ оправданіе такого дѣленія въ томъ, что и Господь открылъ истину не многимъ, способнымъ принять и усвоить ее [1]). Говорить обо всемъ предъ непосвященными значитъ дать дитяти въ руки ножъ [2]). Мудрый апостолъ для іудеевъ былъ іудей, для грековъ—грекъ [3]). Оригенъ опирается на авторитетъ Моусея и апостола Павла. О нервомъ говорится: и з ы д е М о у с е й и г л а г о л а л ю д е м ъ (Числ. II, 24) и этимъ дается знать, „что пока Моусей поучался отъ Бога высшимъ тайнамъ, то пребывалъ внутри, въ божественномъ святилищѣ, а когда говорилъ народу, толпѣ, которая не можетъ проникать во святилище, то выходилъ вонъ... Такъ точно всякій преподаватель и учитель церкви, если онъ говоритъ что нибудь о глубокихъ тайнахъ, если излагаетъ тайное нѣчто и секретное между совершенными, то до тѣхъ поръ, пока онъ вращается въ этихъ глубинахъ, долженъ назваться находящимся внутри, во святилищѣ. Когда же говоритъ къ толпѣ и излагаетъ то, что полезно находящимся во внѣ, что можетъ слушать народъ, то находится онъ внѣ, и говоритъ къ народу слова Божіи. Такъ поступалъ и Павелъ...“ [4]). Также точно разсуждаетъ Оригенъ въ сохранившемся отрывкѣ изъ шестой книги „Строматъ“, по поводу приведеннаго имъ мѣста изъ республики Платона, въ которомъ говорится, что ложь, немыслимая въ Богѣ, можетъ однако имѣть мѣсто въ отношеніяхъ людей между собою: „И Богъ, говоритъ Оригенъ, когда требуетъ того польза слушающаго, говоритъ словами двусмысленными, загадочными, чтобы и достоинство истины сохранить и скрыть подъ покровомъ то, что будучи высказано явно, могло бы быть вредно. Человѣкъ же, которому предстоитъ не-

---

[1]) Str. l. I, c. 1. Господь οὐ πολλοῖς ἀπεκάλυψεν ἃ μὴ πολλῶν ἦν, ὀλίγοις δὲ οἷς προσήκειν ἠπίστατο, τοῖς οἵοις τε ἐκδέξασθαι καὶ τυπωθῆναι πρὸς αὐτά, t. VIII, 701 col.

[2]) Ibid. 704 col.

[3]) Ibid. 705 col.

[4]) O r i g e n e s. In. Num. homil. VI. Omnis doctor, et magister ecclesiae si de profundioribus mysteriis aliquid moveat, si a r c a n u m q u i d e t r e c o n d i t u m de Dei sapientia p r o f e r a t i n t e r p e r f e c t o s, donec in profundis sensibus versatur, intus esse, et in interioribus consistere dicendus est... t. XII, 607 col.

обходимость сказать ложное, пусть имѣетъ въ виду, чтобы ложью воспользоваться, какъ нѣкоторою приправою и медикаментомъ, лишь бы только сохранилась мѣра ея и она не преступала бы границъ, которыми воспользовалась Іудифь противъ Олоферна“ [1]). Указаніями примѣровъ Эсфири и патріарха Іакова, какъ для нихъ ложь послужила во спасеніе, оканчивается отрывокъ. Предполагаютъ, что Оригенъ въ дальнѣйшемъ развивалъ мысль Климента о необходимости для христіанскаго учителя высказываться ясно и опредѣленно относительно многихъ истинъ только предъ совершенными [2]).

Уже изъ представленной характеристики организаціи александрійской школы при знаменитыхъ ея представителяхъ, Климентѣ и Оригенѣ, кажется, не безъ основанія можно сдѣлать выводъ о характерѣ этого учрежденія. Это былъ институтъ, организованный по примѣру и образцу философскихъ и риторическихъ школъ, поставившій своею задачею преподаваніе божественнаго Писанія, какъ божественной мудрости, высшей философіи. Многое напоминаетъ намъ въ александрійской школѣ школы философовъ и риторовъ. Постановка предметовъ пропедевтическаго курса, цѣликомъ перенесенная изъ философскихъ школъ, исотерическое и эксотерическое преподаваніе и другіе порядки школы — все это представляетъ рѣшительную копировку школъ философскихъ. Александрійское училище было высшею христіанскою школою, но не духовною академіей, или семинаріей, съ узкою программою подготовленія достойныхъ кандидатовъ на высшія іерархическія должности, или преподавателей школъ. Это и не музей въ смыслѣ общества и союза любителей науки и, наконецъ, не училище, предназначенное только для оглашенныхъ и христіанскихъ дѣтей. Александрійская школа была христіанскою философскою школою, преслѣдовавшею прямую и опредѣленную задачу— высшее научное философско-христіанское образованіе. Это яснѣе высту-

---

[1]) Origenes. Ex libro VI Stromatorum. Sin autem commodum audientis exegerit, verbis loquitur (Deus) ambiguis, et per aenigmata, quae vult profert, ut et veritatis apud eum dignitas conservetur; et quod noxium esse poterat si nudum proferretur in vulgus, quodam tectum velamine proferatur. Homo autem cui incumbit necessitas mentiendi, diligenter attendat, ut sic utatur interdum mendacio, quomodo condimento atque medicamine... t. XI, 101—102 col.

[2]) О. Малеванскій. Тр. К. Д. Ак. 1870 г. I, 125 стр.

питъ, когда мы познакомимся съ постановкою богословія въ александрійской школѣ.

Въ то самое время, какъ Оригенъ жилъ и дѣйствовалъ въ Александріи, александрійская школа достигла апогея своего процвѣтанія. Но съ удаленіемъ его начинаютъ мало по малу выдвигаться и другія школы, и во-первыхъ кесарійская, организованная самимъ Оригеномъ. Мы уже познакомились изъ выше приведенной характеристики преподавательской дѣятельности Оригена, подъ перомъ Григорія Чудотворца, съ организаціей кесарійской школы. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эта послѣдняя была копіей съ школы александрійской [1]). Хотя дальнѣйшая исторія школы мало извѣстна, однако можно предположить, что и послѣ довольно долго школа сохраняла подобную же организацію. Этого и нужно было ожидать, когда предстоятелями школы являлись такіе поклонники и почитатели Оригена, какъ мученикъ Памфилъ [2]).

Нѣсколько позднѣе на дальнемъ востокѣ появляются подобныя же христіанскія школы. Между ними мы можемъ упомянуть о низибійской и эдесской. Первая была вполнѣ организована епископомъ города Низибіи Іаковомъ. Ефремъ Сиринъ нѣкоторое время былъ въ ней преподавателемъ сирскаго языка [3]). Въ 350 году, вслѣдствіе нападенія персовъ, школа покончила свое существованіе. Ефремъ Сиринъ переселяется въ Эдессу и здѣсь основываетъ школу [4]). При Равулѣ эта послѣдняя получаетъ прочную организацію [5]). Мы встрѣчаемъ въ ней

---

[1]) О. Калогеръ. Ἀλεξανδριναὶ θεολ. καὶ φιλοσ. μέλεται. 116 σελ.—Μηδεὶς ὑποτιθέσθω ὅτι ὁ Ὠριγένης ἐν τῇ ἐν Καισαρείᾳ Σχολῇ ἀλλοίαν ὁδὸν ἐν τῷ διδάσκειν ὥδευεν, ἢ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ.

[2]) Assemanus. Bibliotheca orientalis t. III, pars 2-я, 622 p.

[3]) Kurtz. Handb. d. allg. Kirchengesch. 458 S.

[4]) Ibid. Однако еще прежде Ефрема въ Эдессѣ sacras Scripturas interpretabatur Macarius S. Luciani Presbyteri et martyris magister (Assemanus. Bibl. orient. t. III, pars 2-я 624 p.).

[5]) Assemanus. cit. lib. 624 p. Авторъ жизни св. Александра Acoemetae о школѣ эдесской при Раввулѣ пишетъ слѣдующее: Erectae in ea urbe sunt jam olim divino nutu linguae Syriacae scholae in vicinarum civitatum commodum. Nam viri principes atque alii locupletes liberos suos eo institutionis gratia ablegant. Sacrum igitur principatum adeptus Rabulas, studuit, cooperante Spiritu Sancto, omnes in veram et stabilem fidem adunare. И нѣсколько ниже авторъ продолжаетъ: Exteros gentitium filios bis in mense e schola ad se evocabat, eosque verbum veritatis docebat. Школу посѣщаютъ на ряду съ христіанами и язычники. Это явный знакъ, что въ школѣ преподаются свѣтскія науки.

преподаваніе общаго пропедевтическаго курса съ священнымъ Писаніемъ во главѣ [1]). Но при императорѣ Зенонѣ школа была закрыта [2]). Выходцы же изъ Эдессы переселяются въ Низибію, гдѣ реставрируютъ школу [3]). Эта послѣдняя достигаетъ значительнаго блеска, такъ что является въ нѣкоторомъ отношеніи образцовою [4]). Подобныя школы на востокѣ далеко бы-

---

Историкъ Сократъ о Евсевіѣ Эмесскомъ, уроженцѣ Эдессы, замѣчаетъ, что «съ малолѣтства читалъ онъ священное Писаніе, потомъ у одного прибывшаго тогда въ Эдессу учителя слушалъ греческія науки (по Созомену «посѣщалъ бывшихъ въ той странѣ наставниковъ» и это, кажется, вѣрнѣе), а наконецъ изучалъ толкованія свящ. Писанія» (Церк. Ист. II, 9). Созоменъ III, 6.

[1]) Томассинъ (Vetus et nova eccles. discipl. t. II. 584 p. ed. Magunt. 1787 г.) утверждаетъ, на основаніи Θеодорита, что эдесская школа основана Протогеномъ и что при немъ она хотя не могла достигнуть блеска александрійской школы, однако по возможности стремилась къ этому. Ассеманъ заявляетъ, что названный ученый введенъ въ заблужденіе. Протогенъ руководилъ школою въ Антиноѣ, а не въ Эдессѣ, что дѣйствительно ясно изъ свидѣтельства Θеодорита (hist. eccl. t. III, IV, 15; Migne t. 82, 1157 col.). По недосмотру вмѣсто Θеодора (чтеца), Томмасинъ напечаталъ Θеодорита, а первый non de Antinoi schola loquitur, neque de quacumque alia Edessena, sed de illa, quae Persicae gentis dicta est (Biblioth. orient. 626 p.).

[2]) Assemanus, на основаніи словъ Θеодора чтеца — Zeno imperator scholam, quae Persarum vocabatur, in urbe Edessa sitam sustulit atque evertit, utpote quae Nestorii ac Theodori doctrinam auditoribus insinuaret cit. lib. 626 p.

[3]) Si vero qui Edessa pulsi fuere, in regionem Persarum sese receperunt, ubi et episcopatum obtinuere.... Narses vero leprosus Nisibi scholam instituit (ibid. 627 p.).

[4]) Кассіодоръ, горько сожалѣя о томъ, что въ Римѣ scripturis divinis magistri publici deessent, cum mundani auctores celeberrima procul dubio traditione pollerent, входитъ въ сношеніе съ папою Агапитомъ, чтобы, sicut apud Alexandriam multo tempore fuisse traditur i stitutum, nunc etiam in Nisibi civitate Syrorum ab Hebraeis Sedulo fertur exponi, въ столичномъ городѣ открыты были публичныя школы христіанской богословской науки (De institut. divin. litterarum praefatio. Migne l. s, t. LXX. 1105 col.). Въ этомъ свидѣтельствѣ обращаетъ на себя вниманіе выраженіе ab Hebraeis. Какую школу въ Низибіи разумѣетъ Кассіодоръ? Адольфъ Францъ, авторъ «Aurelius Cassiodorius senator» Breslau 1872 г., измѣнивъ чтеніе въ «Hebraeis», заявляетъ: ich verstehe unter der schola in Nisibis nicht die Christliche (nestorianische) Schule, sondern die dortige Rabbinenschule, von welcher Cassiodorius ganz gut Kunde haben konte. 24 S., примѣчан. 2-е. Въ Низибіи nec Christiani tantum, sed et Hebraei scholam per idem tempus habuere, de qua Cassiodorus in praefat. inquit.... (Assemanus. Bibl. or. 628 p.). Такимъ образомъ и Ассеманъ увѣряетъ, что Кассіодоръ имѣлъ въ виду еврейскія синагоги. Но Keuffel (Hist. orig. ac progr. schol. inter christ. 127 p.), основываясь на текстѣ Кассіодора и сопоставленіи школы Низибійской съ Александрійскою, хочетъ видѣть въ Низибійской школѣ школу христіанскую.

ли не рѣдкостью [1])—Но изъ всѣхъ восточныхъ школъ, суждено было ознаменовать себя своимъ особымъ методомъ изученія высшей мудрости, составлявшимъ прямую противоположность съ направленіемъ и методомъ александрійской школы, школѣ антіохійской. О ея судьбѣ въ первые три вѣка мы имѣемъ слишкомъ мало свѣденій. Обыкновенно ея начало относятъ ко временамъ Ѳеофила [2]). Позднѣе мы встрѣчаемъ здѣсь высокообразованнаго преподавателя свѣтскихъ наукъ въ лицѣ пресвитера Мальхіона, извѣстнаго противника Павла Самосатскаго [3]). Школа получила организацію при пресвитерѣ Лукіанѣ († 311 г.). Съ этого времени она является предъ нами, какъ высшая богословская школа.—Таковы школы христіанскія первыхъ вѣковъ.—Не смотря на внѣшнія неблагопріятныя для христіанъ обстоятельства, эта эпоха для христіанскихъ школъ была самою блестящею. Съ IV в. христіанство объявляется господствующею религіею. Нужно было бы ожидать новыхъ, болѣе благопріятныхъ условій для процвѣтанія школъ. Въ дѣйствительности было далеко не такъ. Хри-

---

Мы съ своей стороны прибавимъ болѣе важное,—это свидѣтельство Юнилія Африкана, который перевелъ лекціи одного изъ учителей этой школы, Павла. Кассіодоръ хорошо зналъ это сочиненіе, потому что пользовался имъ при своихъ научныхъ трудахъ (de instit. div. litt. c. 10). Не удивительно, что школа, восхваляемая Юніліемъ, для Кассіодора показалась образцовою для будущей школы на римской почвѣ, о которой мечталъ онъ. Минь въ примѣчаніи къ цитованному нами мѣсту представляетъ выдержку изъ сочиненія Юнилія и тѣмъ даетъ понять, что онъ согласенъ видѣть въ Кассіодоровыхъ словахъ указаніе на христіанскую низибійскую школу. Что касается текста цитованнаго мѣста, то Минь не сдѣлалъ никакого исправленія. Думается, лучше будетъ замѣнить чтеніе ab Hebraeis въ hebraeice. Кассіодоръ только хотѣлъ указать на языкъ школьнаго преподаванія, но не на лицъ, трудившихся въ качествѣ учителей. Но если и сохранить процитованное чтеніе, то можно думать, что Кассіодоръ считалъ преобладающимъ элементомъ интеллигентнаго населенія Сиріи евреевъ, такъ что не усумнился въ силу этого обозвать всѣхъ представителей низибійской-христіанской школы евреями.

[1]) Assemanus. cit. lib. 619—624 p.

[2]) Kihn. Die Bedeutung. d. Antioch. Schule 41 S. Wir glauben, dass sich bereits um Theophilus ein weiterer Kreis von Schülern zum theologischen Unterrichte versammelt hat.

[3]) Euseb. Hist. eccl. l. VII, c. 29. Мальхіонъ, по Евсевію, былъ ἀνὴρ τά τε ἄλλα λόγιος, καὶ σοφιστοῦ τῶν ἐπ' Ἀντιοχείας ἑλληνικῶν παιδευτηρίων διατριβῆς προεστώς. Προεστὼς значитъ предстоятель, ректоръ. Но здѣсь, кажется лучше, учитель. Пресвитеръ преподаватель свѣтскихъ наукъ, конечно, въ христіанской школѣ (Kihn. cit. lib. 45 S., пр. 1).

стіанское правительство не беретъ школъ подъ свое непосредственное покровительство. Миръ и тишина церкви, наступившіе съ объявленіемъ христіанства господствующею религіей государства, нарушаются внутренними волненіями по поводу ересей. И гражданское правительство, и церковныя власти, сосредоточивши вниманіе на послѣднихъ, игнорируютъ школы. Мало этого, школы являются для многихъ подозрительными, опасными для чистоты и неповрежденности православія. Александрійская школа подвергается нареканію. Забыты прежнія заслуги для церкви ея славныхъ представителей, забыты ихъ прежніе труды для христіанскаго вѣроученія. Одно выставляютъ на видъ, что въ Александріи преподавалъ и трудился Оригенъ, сочтенный теперь виновникомъ ересей. Не принято было въ соображеніе то, что на сочиненіяхъ этого великаго учителя церкви образовались такіе авторитеты богословской мысли и знаменитые отцы церкви, какъ Григорій Неокесарійскій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій и др. Оригенъ осужденъ, и осужденіе его было равносильно закрытію александрійской школы. Изъ Антіохіи вышелъ Ѳеодоръ Мопсуетскій и самъ Несторій. Этого достаточно было, чтобы подорвать всякое довѣріе къ названной школѣ. Эдесская школа покончиваетъ свое существованіе также среди несторіанскихъ волненій. Такимъ образомъ внутреннія волненія въ церкви неблагопріятно отражаются на состояніи школъ. Послѣднія находятъ для себя пріютъ въ монастыряхъ и при епископскихъ каѳедрахъ. Нельзя не отдать должнаго уваженія въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ настоятелямъ обителей, которые свои школы сдѣлали разсадниками науки. Но само собою разумѣется, что восточное монашество съ его проповѣдью объ отреченіи отъ міра привнесло съ своей стороны не мало препятствій къ развитію свѣтскаго школьнаго образованія. Языческая наука казалась для многихъ изъ монашествующей братіи слишкомъ опасною для чистоты вѣры [1]). И только благопріятное рѣшеніе вопроса объ отношеніи греческаго образованія къ христіанству въ устахъ отцовъ и учителей церкви даетъ возможность еще любителямъ науки обращаться въ языческія

[1]) Историкъ Сократъ свидѣтельствуетъ, что въ его время многіе говорили, что «языческія науки, въ которыхъ преподается многобожіе, служатъ христіанамъ ко вреду» (l. III, c. 16).

школы [1]). Теперь входитъ въ обычай элементарное христіанское образованіе получать въ кругу семьи, или въ монастырѣ, или, наконецъ, въ христіанской школѣ, а дальнѣйшее литературное у языческихъ риторовъ и философовъ [2]). Василій Великій, Григорій Богословъ, Діодоръ Тарсійскій слушаютъ полный курсъ свѣтскихъ наукъ въ Аѳинахъ. Іоаннъ Златоустъ, пресвитеръ Евагрій, Ѳеодоръ Мопсуетскій и Максимъ Селевкійскій посѣщаютъ школы ритора Ливанія и философа Андрагаѳія [3]). Закончивъ свѣтское образованіе всѣ названные мужи приступаютъ къ богословію. Златоустъ съ названными его товарищами и другими „ревнителями добродѣтельнаго житія“ [4]) группируются около извѣстнаго пресвитера Діодора, который былъ настоятелемъ одного изъ антіохійскихъ монастырей. Самъ Діодоръ богословское образованіе получаетъ подъ руководствомъ Флавіана [5]). Съ теченіемъ времени, когда языческія школы приходятъ къ упадку, а потребности въ свѣтскомъ образованіи еще даютъ себя чувствовать, самимъ христіанамъ приходится подумать и о курсѣ свѣтскихъ наукъ въ своихъ школахъ. Само собою разумѣется, что о широкой постановкѣ предметовъ этого курса не могло быть и рѣчи уже потому одному, что пріютомъ школъ являются монастыри, а учителями благочестивые иноки, подъ вліяніемъ которыхъ все образованіе получаетъ колоритъ односторонней церковности.

Что касается приходскихъ школъ, то онѣ являются предъ нами съ характеромъ элементарныхъ богословскихъ училищъ. За все почти это время школы были огласительными училищами, съ спеціальными задачами элементарнаго христіанскаго образованія обращающихся ко Христу. Только съ теченіемъ времени, когда язычество все болѣе и болѣе отодвигалось на задній планъ и языческія элементарныя школы становились все рѣже и рѣже, христіанамъ самимъ предстояло подумать объ учрежденіи своихъ школъ для дѣтей младшаго возраста. Съ быстрымъ распространеніемъ христіанства огласительныя

---

[1]) Assemanus. Bibl. orient. B. III, pars. 2, 623 p. Молодые люди sacras literas a christianis doctoribus, profanas ab ethnicis hauriebant.

[2]) Socrat. h. c. l. II, c. 9, cp. Sozom. III, 6.

[3]) Socrat. VI, 3.

[4]) Ibid.

[5]) Kihn. Die Bedeutung d. Antioch. Schule. 55 S.

училища мало по малу начинаютъ измѣнять свою программу. На ряду съ христіанскими истинами въ нихъ преподаются элементарные школьные предметы. Учителями являются по большей части лица духовныя. Ясно, что по своему духу и направленію этого рода школы являются съ другимъ характеромъ по сравненію съ языческими элементарными школами. Если въ послѣднихъ широкое мѣсто отводилось чтенію поэтовъ, то теперь вмѣсто ихъ читаютъ книги священнаго Писанія.

Въ иномъ видѣ по сравненію съ восточными являются предъ нами за этотъ періодъ школы западныя. Практически разсчетливый римлянинъ проявилъ черты своего національнаго характера и въ христіанствѣ. Не теоретически-научные, а практическіе вопросы, вопросы, касающіеся церковной дисциплины, занимали умъ западнаго мыслителя [1]). Само собою разумѣется, что подобное отношеніе къ научному образованію не могло имѣть какого либо благотворнаго вліянія на школы. Если въ самомъ Римѣ еще въ первые вѣка христіанской эры встрѣчается христіанское учебное заведеніе, то оно организовано не римляниномъ по націи. Есть преданіе, что святый Іустинъ Философъ въ Римѣ основалъ школу, въ которой преподавалъ даже свѣтскія науки [2]). Но вѣроятно, при отсутствіи сочувствія къ школѣ со стороны римскихъ христіанъ, она скоро пришла къ рѣшительному упадку. Кассіодоръ прямо заявляетъ, что въ его время христіанскихъ школъ не существовало въ Римѣ [3]).

Счастливое сравнительно исключеніе въ этомъ отношеніи составляла Африка. Блаженный Августинъ озабоченъ образованіемъ клириковъ своей епархіи. Но какъ человѣкъ довольно

---

[1]) Италія, говоритъ Адольфъ Францъ, по отношенію къ научной разработкѣ богословія является предъ нами на заднемъ планѣ. Всѣ труды ея, на которые можно бы указать, принадлежатъ выходцамъ изъ другихъ церквей, такъ что, кажется, Богъ отличилъ восточныя и африканскія церкви отъ римской и италійскихъ даромъ вѣденія, сообщивъ при этомъ римской несравненно большій даръ церковнаго руководительства (Kirchenleitung). A. Crassiod. 22 S.

[2]) Евсевій (H. eccl. l. V, c. 13) сообщаетъ о нѣкоторомъ Родонѣ, который обучался въ римской школѣ у Таціана, преемника св. Іустина. *Сквор-цовъ.* Филос. отц. учит. церкви, 4 стр.

[3]) De instit. div. litt. praef. см. выше.

односторонне понимавшій сущность христіанскаго образованія, Августинъ ограничиваетъ спеціальныя задачи учрежденной имъ семинаріи узкими цѣлями практическаго приготовленія достойныхъ кандидатовъ на церковно-іерархическія мѣста. Семинарія блаженнаго Августина—это община съ епископомъ во главѣ. Подобно инокамъ, каждый членъ ея долженъ былъ, при поступленіи, отказаться отъ всякой собственности и жить въ полномъ послушаніи своему епископу [1]). Обычнымъ занятіемъ клириковъ блаженнаго Августина было богослуженіе, молитва, чтеніе книгъ и т. под. Научныя занятія опредѣлялись самою цѣлью учрежденія семинаріи. Если имѣлось въ виду приготовить достойныхъ пастырей церкви, то, конечно, главнымъ образомъ обращалось вниманіе на священное Писаніе [2]). За нимъ слѣдовало практическое знакомство съ различными чинами христіанскаго богослуженія. Такова семинарія Августина. Ясно, что это было церковное учрежденіе съ практическими задачами приготовленія опытныхъ пастырей церкви, но не учебное христіанское заведеніе съ широкими планами научнаго обосованія христіанскаго знанія. Правда, въ семинаріи не только читаютъ, но изучаютъ Писаніе, комментируютъ его, самъ Августинъ не только рекомендуетъ, но и составляетъ руководства по нѣкоторымъ предметамъ пропедевтическаго курса [3]), но все это ставится по узкой программѣ, въ виду узко понятой и опредѣленной задачи школы. Изъ семинаріи Августина выходили практически опытные церковные дѣятели, но не ученые богословы [4]). Семинарія блаженнаго Августина послужила

[1]) Nostis omnes, пишетъ блаженный Августинъ, sic nos vivere in ea domo, quae dicitur domus episcopii, ut, quantum possumus, imitemur eos sanctos, de quibus loquitur liber Actuum Apostolorum. Nemo dicebat aliquid proprium, sed erant illis omnia communia.... Ecce quomodo vivimus. Nulli licet in societate nostra habere aliquid proprium.... Spero enim bona omnes mihi libenter obediunt. Sermo 355. De vita et morib. cler. suor. 2. 6. 7. у Theiner'a Gesch. d. geistlichen Bildungsanstalten. Mainz. 1835 г. 15—21 S.

[2]) Съ именемъ Августина, какъ автора, мы имѣемъ пособіе къ изученію свящ. Писанія, съ которымъ познакомимся ниже.

[3]) Съ именемъ Августина дошли до насъ руководства по грамматикѣ, риторикѣ и діалектикѣ (Migne. t. 32 in appendice), но относительно принадлежности нѣкоторыхъ изъ нихъ Августину идетъ споръ, который часто рѣшаютъ въ отрицательномъ смыслѣ; а грамматика составлена Августиномъ въ Медіоланѣ не за долго до крещенія, когда онъ не думалъ еще всею душею предаться высшей христіанской наукѣ.

[4]) Что семинарія Августина не достигла желанной организаціи высшаго

однако образцомъ для учрежденія подобныхъ же институтовъ при многихъ епископскихъ каѳедрахъ. По крайней мѣрѣ самъ Августинъ еще при жизни своей озабоченъ былъ распространеніемъ ихъ въ Африкѣ. Въ письмахъ къ епископамъ Аврелію, Павлину и Поссидію онъ не можетъ достаточно нахвалиться тѣми блестящими успѣхами, какіе дѣлаетъ его семинарія. Онъ совѣтуетъ и имъ завести подобныя, чему, какъ онъ говоритъ, „по милости Божіей, имѣю сочувствующихъ, которыхъ я убѣдилъ моимъ посредничествомъ“ [1]). Относительно Италіи не извѣстно, существовали ли здѣсь подобнаго рода заведенія.—Нѣсколько въ иномъ положеніи находилась Галлія, издавна по преимуществу страна наукъ и искусствъ западной Европы [2]). Конечно, и здѣсь не задавались мыслію объ учрежденіи высшихъ христіанскихъ школъ, съ чисто научною программою. Но традиціи славнаго прошлаго науки производили совсѣмъ иное впечатлѣніе на подвижную натуру кельта, чѣмъ на практически разсчетливаго римлянина. Галлъ не можетъ и въ христіанствѣ покончить съ языческою наукою. Подобно греку онъ съумѣлъ въ теоріи совмѣстить языческое образованіе съ христіанскимъ. Маммертъ Клавдіанъ, вьенскій пресвитеръ, на взирая на свой санъ, преподаетъ философію Платона [3]). Мало этого, съ горькимъ прискорбіемъ онъ заявляетъ о своемъ намѣреніи „оплакать печальной эпитафіей смерть науки“, потому что „я вижу, сѣтуетъ онъ, какъ римляне не только пренебрегаютъ, но какъ будто стыдятся латинскаго языка. Грамматика почти варварская; но и ту гонятъ соллецизмами и варваризмами, отталкиваютъ ногою; діалектики боятся, какъ амазонки съ обнаженнымъ мечемъ, стремящейся на битву; риторика, какъ знатная госпожа, не находитъ пріема въ убогомъ жилищѣ; отъ музыки, геометріи и ариѳметики отворачиваются, какъ отъ трехъ фурій; наконецъ, философію считаютъ едва ли

христіанскаго учебнаго заведенія, съ какою являлись предъ нами восточныя школы, это ясно изъ того, что Кассіодоръ ищетъ образцовъ для своей школы на дальнемъ востокѣ и игнорируетъ такъ распространенныя семинаріи Августина.

[1]) Theiner. cit. lib. 15 S.

[2]) Ampére. Histoire litteraire de la France avant le douziem siècle. Paris. 1839 г. t. I, 99 p.

[3]) Sid. Apol. epist. l. IV, ep. 11, см. выше, 3-е примѣч. къ 251 стр.

не за какое нибудь зловѣщее животное“ [1]). Такія жалобы на упадокъ свѣтской науки высказываетъ христіанскій священникъ строго-подвижнической жизни. Менѣе дальновиденъ и менѣе чувствителенъ къ печальному состоянію образованія клермонтскій епископъ Аполлинарій Сидоній († 488 г.) [2]). Но и на его душѣ болѣзненно отзываются симптомы замирающей науки и онъ жалуется на то, что paucі studia nunc honorent, что школы остаются пустыми [3]). Среди заботъ и широкой дѣятельности церковной и гражданской этотъ образованный епископъ не прекращаетъ своихъ литературныхъ занятій, переписывается съ представителями науки тогдашняго времени и занятъ научнымъ образованіемъ сына. Указанные любители науки далеко не единственные въ своемъ родѣ [4]). И если они съ такими высокими понятіями о наукѣ и образованіи не въ силахъ были организовать христіанскихъ высшихъ школъ, то виною этого было политическое состояніе страны, бывшей мѣстомъ ихъ дѣятельности. Еще съ III в. варвары все ближе и ближе подвигались къ предѣламъ Галліи. Въ 418 году готы первые открыли путь въ страну галло-римлянъ. За ними потянулись свевы, аланы, бургунды и позднѣе франки. Изъ всѣхъ варваровъ готы были болѣе другихъ образованы. Живя въ предѣлахъ восточной имперіи, при частыхъ сношеніяхъ съ греками, они приняли христіанство, познакомились отчасти съ греческимъ образованіемъ, а потому умѣли цѣнить его. Въ Галліи, какъ и въ Италіи, они по отношенію къ наукѣ явились очень гуманными [5]) и, въ силу этого, въ непродолжитель-

[1]) Ешевскій. Сид. Апол. 53 стр.

[2]) См. выше, 251 ст.

[3]) Epist. l. IV, 17; V, 10; VIII, 2, 6.

[4]) Епископъ Эннодій высоко цѣнитъ науку. Его взглядъ выраженъ въ Paraenesis didascalica—письмѣ къ Амвросію и Беату (Sirmondi Opper. t. I, 1707—1715 р.). Своему внуку Парфенію онъ старается сообщить научное образованіе (ibid. t. I, 1493 р. примѣчаніе).

[5]) Sagemann. Die Gesch. d. freien. Künste und Wissenschaften in Italien. Leipzig. 1777 г. В. 2, 432 S. Въ Италіи Теодорихъ Великій, лично видѣвшій въ Константинополѣ блескъ образованія, научился цѣнить науки и покровительствовалъ имъ. Члены его семьи выступаютъ предъ нами, какъ научно-образованные люди (Cassiod. Variar. liber. XI, c. 1). Изъ писемъ Ап. Сидонія мы узнаемъ о нѣкоторыхъ готскихъ князьяхъ, любителяхъ науки. Въ письмѣ къ князю Аброгасту, жившему на берегахъ Мозеля, онъ благодаритъ послѣдняго за то, что при его дворѣ сохраняются слѣды древней науки, которая всюду падаетъ (Ampére. Hist. litteraire de la France t. II, 266 р.).

ный періодъ ихъ господства, образованіе слишкомъ замѣтно не падало. Но въ короткое время Галлія дѣлается достояніемъ дикихъ франковъ. Невѣжественные, коснѣвшіе еще въ язычествѣ, появившись на сѣверныхъ окраинахъ Галліи, они быстро распространяютъ свое господство до Альпъ. Одни изъ прежнихъ обитателей были вытѣснены, большая же часть подчинены новымъ варварамъ. Ни одна страна въ Европѣ, на столь сравнительно сжатомъ пространствѣ земли, не получала столь разнообразнаго населенія, какъ Галлія, и все это должно было объединиться, такъ или иначе ассимилироваться. При разнородности населенія, а слѣдовательно, при значительной смѣси началъ цивилизаціи, конечно, нельзя было ожидать скораго сглаженія противоположностей, быстрой ассимиляціи разнородныхъ элементовъ. Вліянію римскаго образованія каждое племя могло противопоставить свои препятствія. Оттого то, если гдѣ, то именно во Франціи, побѣжденныя романскія племена, стоявшія въ интеллектуальномъ отношеніи несравненно выше побѣдителей, мало оказали вліянія на послѣднихъ, а скорѣе должны были подчиняться имъ въ этомъ отношеніи, усвоивая нравы и обычаи побѣдителей. Понятно, чего нужно было ожидать по нашему вопросу отъ такихъ политическихъ переворотовъ страны. Только 50 лѣтъ отдѣляютъ годъ смерти Аполлинарія Сидонія отъ года рожденія другаго знаменитаго писателя своего времени Григорія, епископа Турскаго (род. 539 г.). А какое различіе между этими двумя эпохами! Кажется, не полвѣкомъ, а нѣсколькими столѣтіями отдѣлено время жизни названныхъ писателей. Какъ гальскій аристократъ, Григорій, правда, еще не могъ слишкомъ ригористически взглянуть на свѣтское образованіе. Для него послѣднее является еще предметомъ желанія и зависти [1]). Самъ Григорій, кажется, знакомъ съ римскими классиками, но крайней мѣрѣ цитуетъ нѣсколько разъ Виргилія [2]), Саллустія [3]), Плинія и Геллія [4]). Но онъ не преминулъ засвидѣтельствовать по-

---

[1]) Löbell. Gregor. von Tours und seine Zeit. Leipz. 1869 г., изд. 2-е. 309 S.

[2]) Historia Francorum l. IV, c. 30.

[3]) lib. IV, c. 13.

[4]) Praef. vitae Patrum.

томству о крайнемъ упадкѣ науки и образовательныхъ заведеній его времени. Въ предисловіи къ своему историческому труду Григорій пишетъ слѣдующее: „Такъ какъ въ Галліи науки впали въ небреженіе, даже совершенно погибли, то не нашлось ни одного ученаго, который обладалъ бы достаточнымъ даромъ слова, чтобы въ прозѣ или стихахъ описать все, что случилось на нашихъ глазахъ. А между тѣмъ совершилось много добраго и худаго... Кто-то уже не разъ жаловался на такой порядокъ вещей и говорилъ: горе нашему времени! Науки погибли и въ народѣ не найдется никого, кто бы могъ описать совершающееся. Такъ какъ я нерѣдко слышалъ подобныя сожалѣнія, то чтобы сохранить воспоминанія о прошедшемъ и передать настоящее потомству, рѣшился изобразить насилія людей безбожныхъ и жизнь правдивыхъ, хотя, быть можетъ, рѣчь моя будетъ слишкомъ проста и безъискусственна. Впрочемъ я утѣшался тѣмъ, что мнѣ, къ величайшему изумленію, приходилось часто выслушивать отъ нашихъ, а именно, что въ наше время весьма немногіе понимаютъ ученаго и образованнаго писателя, а писатель, излагающій простымъ языкомъ, доступенъ многимъ“ [1]). Самъ Григорій, не смотря на свою богословскую начитанность, на знакомство съ классическими писателями, лишенъ былъ филологически-реторическаго школьнаго образованія. Онъ жалуется на свою слабость въ грамматикѣ [2]). И это жалобы одного изъ ученѣйшихъ людей своего времени! Если такъ рѣдки стали ученые, то, конечно, трудно встрѣтить и учебныя заведенія, сколько нибудь удовлетворявшія потребностямъ образованія. Правда, по мѣстамъ еще можно находить остатки свѣтскихъ учебныхъ заведеній [3]),

---

[1]) Стасюлевичъ. Исторія ср. вв. т. I.

[2]) Sed prius veniam a legentibus precor, пишетъ онъ въ предисловіи къ своей исторіи франковъ, si aut in litteris, aut in syllabis grammaticam artem excessero, de qua adplene non sum imbutus. Illud tantum studens, ut quod in Ecclesia credi praedicatur, sine aliquo fuco aut cordis haesitatione retineam.

[3]) Конечно, правительственныхъ школъ съ профессорами, обезпеченными на счетъ государственной казны не могло существовать. Но нѣкоторые любители образованія даютъ пріютъ преподавателямъ свѣтскихъ наукъ—грамматики, реторики и права. Иногда цѣлые города на общія средства содержатъ у себя профессоровъ (Ampére. Hist. litt. de la France 2, 276 p.). Кёммель приводитъ интересную выдержку изъ одного тулузскаго грамматика, Виргилія Маро, относительно того, что тогда въ этомъ городѣ обращали осо-

но они съ ихъ языческою наукою дѣлаются предметомъ подозрѣнія и недовѣрія въ ревнителяхъ истиннаго христіанскаго благочестія [1]). Само духовенство въ лицѣ весьма немногихъ дѣятелей на епископскихъ каѳедрахъ озабочено еще образованіемъ если не народа [2]), то по крайней мѣрѣ своихъ преемниковъ и вообще клира [3]). Нужды въ достойныхъ служителяхъ алтаря были значительны,— и вотъ на многихъ соборахъ являются постановленія, чтобы епископы и пресвитеры заботились о приготовленіи достойныхъ себѣ преемниковъ [4]). По воз-

---

бенное вниманіе на грамматическія науки. Грамматикъ разсказываетъ объ одномъ диспутѣ, который продолжался 14 дней и столько же ночей по вопросу о томъ, имѣетъ ли личное мѣстоименіе ego звательный падежъ, имѣютъ ли слова, означающія время, множественное число? Несмотря на такое воодушевленіе къ грамматическимъ наукамъ, грамматикъ однако жалуется на хулителей, которые смѣются надъ людьми, занимающимися такими предметами. Онъ утверждаетъ, что вѣроятно неизвѣстно этимъ хулителямъ, quod latinitas tanta sit et tam profunda, ut multis modis et fanis faris (?) sensibus explicare necesse sit, praesertim quum latinitatis ipsius genera duodecim numero habeantur et unum quodque genus multas in se complectatur artes (K ä m m e l. Mittelalt. Schulwes. bei Schmid. Encyclopäd. B. 4. 778 S.). Конечно, такая премудрость не могла прійтись всѣмъ по вкусу! Въ Клермонтѣ школы существовали до VII в. (K ä m m e l. ibid.).

[1]) Уже Эннодій, этотъ любитель науки, высказываетъ свой взглядъ на свѣтскія науки, далеко неблагопріятный для послѣднихъ. Въ своемъ письмѣ къ Аратору, иподіакону римской церкви, онъ между прочимъ замѣчаетъ: nam si quae mihi sit sententia flagites (т. е. о свободныхъ наукахъ): ego ipsa studiorum liberalium nomina jam detestor (lib. IX, ep. 1, Sirmondi op. t. I, 1566 p.). Прежнія увлеченія науками служатъ для него предметомъ нѣкотораго раскаянія (Eucharisticum. S i r m o n d i. t. I, 1702—3 p.). Исидоръ Севильскій запрещаетъ клирикамъ чтеніе классическихъ писателей, за исключеніемъ грамматиковъ. По нему, «лучше не знать полныхъ опасности сокровищъ, чѣмъ вслѣдствіе знанія ихъ впасть въ заблужденіе» (F r a n z. Cass. 39 S.). Святой Кэнъ (Qaen), арх. Руа, въ прологѣ къ жизни св. Эгилія высказывается противъ всякихъ fumos grammaticorum (Kämmel. Mitt. Schulwes. Schmid. Encyclop. B. 4, 780 S.).

[2]) Западъ въ эпоху, описываемую нами, былъ мало озабоченъ образованіемъ мірянъ. Грамотность до времени Карла Великаго мыслилась, какъ ars clericalis, какъ спеціальная принадлежность духовенства.

[3]) Григорій Турскій повѣствуетъ о многихъ епископахъ, учредившихъ для клириковъ своихъ епархій mensam canonicorum. Таковы напр. Этерій (Hist. Franc. l. VI, c. 36, lib. X, c. 12), св. Патроклъ (Vit. patrum c. 9.) и св. Леобардъ (c. 20). Иларій, еп. арльскій, по примѣру Августина живетъ вмѣстѣ съ своими клириками (T h e i n e r. Gesch. d. geistl. Bildungsanst. 27 S.).

[4]) Такъ напр. соборъ Везонскій (Vesionensis) въ 529 году постановляетъ: Hoc enim placuit, ut omnes presbyteri, qui sunt in parochiis constituti, secundum consvetudinem, quam per totam Italiam satis salubriter teneri cognovimus,

можности эти постановленія приводятся въ исполненіе. Мы уже упомянули о дѣятельности Этерія, Иларія, Патрокла и Леобарда [1]). О Мартинѣ Турскомъ біографъ его разсказываетъ, что „изъ его учрежденія (семинаріи) позднѣе мы видимъ многихъ епископами“ [2]). Григорій Турскій объ одномъ епископѣ орлеанскомъ передаетъ, что когда король Гунтрамъ (около 540 года) въѣзжалъ въ Орлеанъ, названный епископъ встрѣтилъ его съ толпою мальчиковъ, привѣтствовавшихъ короля стихами на латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ и сирійскомъ языкахъ [3]). Такимъ образомъ въ началѣ господства франковъ, по мѣстамъ, особенно въ южной Галліи, встрѣчаются епископскія школы. Какъ онѣ были организованы, относительно этого предмета мы не имѣемъ достаточныхъ свѣденій [4]). Съ вѣроятностію можно сказать, что въ Галліи въ этомъ случаѣ копируются такъ или иначе семинаріи блаженнаго Августина. Отсюда, главнымъ предметомъ епископскихъ школъ является священное писаніе и практическая подготовка къ священнослуженію. Но въ Галліи скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно было ожидать болѣе сравнительно широкаго примѣненія классическаго образованія къ епископскимъ школамъ. Епископы, вышедшіе изъ патриціанскихъ родовъ, слѣдовательно знакомые съ классическими науками, естественно старались поддержать ихъ и въ своихъ школахъ. По крайней мѣрѣ здѣсь гораздо рѣже

---

juniores lectores, quantoscunque sine uxore habuerint, secum in domo, ubi ipsi habitare videntur recipiant et eos quomodo boni patres spiritaliter nutrientes, psalmos parare, divinis lectionibus insistere et in lege Domini erudire contendant, ut et sibi dignos successores provideant et a Domino praemia aeterna recipiant (can. 1). На соборѣ Толедскомъ 530 г. было постановлено слѣдующее: «О тѣхъ, которыхъ воля родителей съ перваго возраста поручила надзору клира, постановляемъ наблюдать слѣдующее: когда они (дѣти), постриженные будутъ приведены in ministerio lectorum, должны обучаться въ церковномъ домѣ, подъ епископскимъ надзоромъ отъ особо поставленнаго препозита» (Keuffel. Hist. orig. schol. 137 p.).

[1]) См. выше.

[2]) Theiner. Gesch. d. geistl. Bildungsanst. 28 S.

[3]) Hist. Franc. l. V, c. 45.

[4]) Почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно почерпать данныя, изображающія состояніе школъ, служатъ житія святыхъ. Но эти свѣденія, къ сожалѣнію, носятъ отрывочный характеръ, чрезвычайно сжаты и большею частію ограничиваются только указаніемъ на существованіе школъ безъ всякихъ разъясненій относительно ихъ внутренней организаціи (Kämmel. c. l. bei Schmid. Encyclop. B. 4. 779 S.).

встрѣчаются протесты противъ соединенія свѣтскаго образованія съ христіанствомъ. Епископъ Рима считалъ нужнымъ сдѣлать выговоръ гальскому епископу за то, что онъ много занимается „вздорными свѣтскими науками“. Какія изъ свѣтскихъ наукъ поставлены были въ епископскихъ школахъ, объ этомъ мало что извѣстно. Вѣроятно здѣсь все обусловливалось личнымъ вкусомъ епископовъ, предстоятелей школъ. Конечно, о постановкѣ полнаго курса классическихъ наукъ въ епископскихъ школахъ не могло быть и рѣчи. Для этого недоставало ни средствъ, ни благопріятныхъ условій; да этого и не предполагалось въ виду прямой задачи епископскихъ школъ. Иногда курсъ всѣхъ наукъ могъ возвышаться до тривіума съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ изъ области квадривіума, какъ-то пѣнія и ариѳметики. Чаще всего изъ предметовъ тривіума брался только одинъ — грамматика. Эта послѣдняя, музыка (церковное пѣніе) и счисленіе были, послѣ священнаго писанія, самыми обычными предметами преподаванія епископскихъ школъ. Изученіе грамматики сопровождалось чтеніемъ классическихъ авторовъ [1]).

Гораздо въ лучшемъ положеніи были школы при монастыряхъ. Западное монашество первоначально имѣло нѣсколько иной характеръ сравнительно съ восточнымъ. Здѣсь рѣже, чѣмъ на востокѣ, встрѣчаемъ мы анахоретовъ и отшельниковъ. Западный монахъ хотѣлъ жить среди своихъ согражданъ, трудиться на пользу общества, того самого, въ которомъ началось и замѣтно обнаружилось нравственное разложеніе, соціальное и политическое разстройство. Вкравшіеся впослѣдствіи въ монашескую жизнь недостатки привели св. Бенедикта къ мысли реорганизовать монашество. Въ 528 году является на свѣтъ знаменитый его уставъ, основная мысль котораго въ немногихъ словахъ можетъ быть выражена такъ: монахъ не долженъ быть праздныхъ ни на одну минуту. Otiositas inimica est animae; et ideo certis temporibus occupari debent fratres in labore manuum, certis iterum horis in lectione divina [2]). Заповѣдь о трудѣ, въ

[1]) Schmidt. Gesch. d. Päd. B. II, 150—151 S.

[2]) Время, посвящаемое чтенію, по предписанію св. Бенедикта распредѣляется такъ: «съ Пасхи до перваго октября занимаются чтеніемъ съ четвертаго часа почти до шестаго. Съ перваго октября до начала поста иноки занимаются чтеніемъ до втораго часа. Во дни поста они должны читать съ утра

связи съ мыслію о трудѣ на пользу общества, чѣмъ отличалось прежнее монашество, естественно заставляетъ монаховъ бенедиктинскихъ монастырей трудиться вмѣстѣ съ тѣмъ для ближнихъ. При жизни уже самого Бенедикта знатные римляне отдаютъ ему на воспитаніе своихъ дѣтей. Мавръ и Плацидій, дѣти римскихъ аристократовъ, дѣлаются любимѣйшими учениками его. Требованіе, чтобы каждый поступившій, хотя бы на время, въ монастырь былъ грамотенъ, съ необходимостію ведетъ къ мысли заводить въ монастыряхъ школы. Но эти послѣднія не возвышались и не могли возвыситься до предѣловъ программы высшихъ христіанскихъ училищъ, какія, напримѣръ, были на востокѣ. Св. Бенедиктъ завѣщаетъ инокамъ чтеніе, но не научное образованіе. Выходя изъ принципа, что монахъ не долженъ быть празднымъ, реорганизаторъ западнаго монашества чтеніе ставитъ въ параллель съ рукодѣліемъ. Чтеніе смѣняетъ трудъ физическій. Но это было въ полномъ смыслѣ слова чтеніе ради того только, чтобы не быть празднымъ, а не наука. Святый Бенедиктъ не искалъ и не завѣщалъ научнаго образованія своимъ инокамъ.

Съ другимъ направленіемъ по нашему вопросу явились монастырскія школы, организованныя Кассіодоромъ. Прекрасно по тому времени образованный, Кассіодоръ даже среди заботъ и попеченій о государственныхъ дѣлахъ, уже входилъ въ сношенія съ папою Агапитомъ относительно основанія высшей христіанской школы [1]). Но продолжительныя и кровавыя вой-

---

до третьяго часа. Въ эти дни всѣ получаютъ изъ библіотеки книги, которыя они будутъ читать въ порядкѣ и до конца. Книги должны быть выдаваемы въ началѣ поста. Особенно должно выбирать одного или двухъ старшинъ, чтобы обходить монастырь въ часы, когда братія занята чтеніемъ и пусть они смотрятъ—не встрѣтятъ ли какого нибудь нерадиваго брата, который предается отдыху или разговору, или вовсе не прилежитъ чтенію, и который не только безполезенъ самому себѣ, но еще совращаетъ и другихъ. Если найдутъ такого, то ему нужно дать выговоръ одинъ, или два раза; если онъ не исправится, то подвергнуть его наказанію по правилу, такъ чтобы устрашить и другихъ. По воскресеніямъ пусть всѣ занимаются чтеніемъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые назначены для различныхъ дѣлъ. Если кто небреженъ и лѣнивъ до того, что не хочетъ, или не можетъ ни размышлять, ни читать, то ему назначать работу для того, чтобы онъ не остался безъ всякаго дѣла (Уставъ св. Бенед., гл. 48 у Гизо. Истор. цивилизац. во Франціи, въ русск. перев. Стасюлевича, ч. I, 355—356 стр.).

[1]) De institut. div. litt. praef. Migne. t. 70, 1105 col.

ны, борьба и соперничество князей [1]) и другіе политическіе и общественные безпорядки [2]) дѣлаютъ невозможнымъ приведеніе въ исполненіе плановъ Кассіодора. Тихая монашеская жизнь была въ то время, конечно, гораздо болѣе безопаснымъ пріютомъ науки. И вотъ государственный сановникъ и знаменитый дѣятель при дворѣ готскихъ королей [3]) оставляетъ свой постъ, отправляется на сѣверъ Италіи и здѣсь на берегу моря, въ своемъ имѣніи [4]), основываетъ монастырь Vivarium. Основнымъ принципомъ монастырской жизни по уставу Кассіодора [5]) полагается постоянный трудъ. Подобно Бенедикту, Кассіодоръ заповѣдуетъ монахамъ: Nolite amare desidiam, quam Domino cognoscitis odiosam [6]). Но если Бенедиктъ завѣщалъ инокамъ своихъ монастырей цѣнить физическій трудъ въ равной степени съ чтеніемъ, заниматься тѣмъ и другимъ ради того, чтобы не быть празднымъ, то Кассіодоръ во всѣхъ случаяхъ предпочитаетъ умственный трудъ труду физическому [7]). Далѣе онъ ре-

---

[1]) Sagemann. Die Gesch. d. freien Künste und Wiss. in Italien. B. 2, 438—444 S.

[2]) Cassiodor. Ibid. 1106 col. Самъ Кассіодоръ заявляетъ, что онъ propter bella ferventia et turbulenta nimis in Italico regno certamina desiderium suum nullatenus valuisset implere, quoniam non habet locum res pacis temporibus inquietis.

[3]) In Variar. lib. IX, epist. 24—25, t. 69, 791—795 col.

[4]) A. Franz. Aur. Cassiod. 26 S.

[5]) Мнѣнія ученыхъ относительно того, что такое былъ уставъ Кассіодора, передѣлка ли это правилъ св. Бенедикта, или самостоятельная разработка принциповъ монашеской жизни, не сходны (см. Franz. Aur. Cassiod. 28—34 S.).

[6]) De institut. div. litt. c. 32, t. 70, 1147 col.

[7]) Ср. 48, пр. Бенедикта (см. выше примѣч.) съ 28—33 гл. inst. div. litt., въ которыхъ Кассіодоръ излагаетъ подробно правила монашеской жизни. На первомъ планѣ выступаетъ у него занятіе научное: — festinate in Scripturis sanctis proficere научаетъ Кассіодоръ иноковъ (с. 33). Высказавъ основной принципъ монастырской жизни—избѣгать праздности, онъ прибавляетъ: Praesto vobis sunt sanctarum scripturarum instrumenta dogmatica cum expositoribus suis, qui vere sunt florigeri campi, coelestis paradisi poma suavia, unde et fideles animae salubriter imbuantur, et linguae vestrae non caduco, sed fructifero nimis instruantur eloquio. Quapropter desideranter introite mysteria Domini.... (с. 32). Кромѣ этого рекомендуются въ числѣ средствъ къ научному изученію Писанія свѣтскія науки (с. 28). И только si alicui fratrum «frigidus obstiterit circum praecordia sanguis» (Виргилій), ut nec humanis nec divinis litteris perfecte possit erudiri, aliqua tamen scientiae mediocritate suffultus, eligat certe quod sequitur.... quia nec ipsum est a monachis alienum hortos colere, agros exercere, et pomorum fecunditate gratulari.... (с. 28).

комендуетъ не простое только чтеніе, но научное занятіе. Это слишкомъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ правилами иноческой жизни св. Бенедикта. Послѣдній не былъ поборникомъ научныхъ занятій иноковъ, ни врагомъ ихъ. Въ правилахъ святаго Бенедикта этотъ вопросъ игнорированъ [1]). Кассіодоръ, какъ любитель науки, болѣе всего обращаетъ вниманіе на эту сторону дѣятельности монаховъ. Хорошо сознавая вліяніе монастырей на общество, Кассіодоръ желалъ, чтобы монастыри были хранилищемъ научныхъ сокровищъ, училищемъ всѣхъ желавшихъ и искавшихъ образованія, разсадникомъ высшей христіанской науки. Богатыя средства монастыря, личные труды Кассіодора и его образованность ручались за успѣхъ предпринятаго имъ дѣла. Въ монастырѣ Vivarium впервые на западѣ появляется высшая христіанская школа съ опредѣленною программою научныхъ занятій [2]).

Организація школы Кассіодора ничѣмъ не разнится отъ тѣхъ, которыя въ глазахъ его рисовались, какъ образцовыя. Организаторъ школы не желалъ ничего болѣе, какъ создать такой институтъ, въ которомъ бы высшая неземная мудрость преподавалась, какъ наука, какъ знаніе, не ограничиваясь узкими рамками простой вѣры. Иначе говоря, Кассіодоръ вполнѣ подражаетъ представителямъ Александрійской и Низибійской школъ, искавшихъ научнаго гносиса. Понятно, что Священное Писаніе, какъ высшая мудрость, должно было сдѣлаться главнымъ, краеугольнымъ предметомъ школьнаго преподаванія. Задача и цѣль жизни инока—знать и понимать Писаніе [3]).

---

[1]) Не смотря однако на это, горячій поклонникъ Бенедикта Мабилльонъ въ своемъ Tractatus de studiis monasticis (переведенъ на латинскій языкъ въ 1702 г.) выставляетъ Бенедикта, какъ поборника научныхъ занятій иноковъ, ссылаясь между прочимъ на то, что бенедиктинскіе монастыри ознаменовали себя научною дѣятельностію, исполняя завѣщаніе своего основателя. Но Францъ (Aur. Cassiod. 42 S.) думаетъ, что скорѣе всего бенедиктинцы послѣдовали примѣру Кассіодора, включивъ въ кругъ своей дѣятельности научныя занятіи.

[2]) Западное монашество до Кассіодора не включало принципіально въ область своихъ задачъ научное образованіе. Счастливое и рѣдкое исключеніе въ этомъ отношеніи представляли нѣкоторые монастыри южной Галліи, гдѣ пріютилась наука. Таковъ напримѣръ монастырь Леринскій (Mabillon. Tract. de stud. monast. 209 p. и Conringius. De antiqu. acad. 62—63 p.).

[3]) Felix quidem anima quae tanti muneris secretum (начитанность въ Писаніи) memoriae sinibus, Domino largiente, condiderit; sed multo felicior,

Средства къ этому довольно многочисленны. Къ числу первыхъ Кассіодоръ, въ подражаніе Кассіану [1]), рекомендуетъ молитву и особенную нравственную чистоту, какъ условія высшаго озаренія, столь необходимаго для познанія божественныхъ таинъ [2]). Но Кассіодоръ далекъ отъ мысли ставить въ безусловную зависимость отъ аскезиса познаніе божественнаго. Для него это значило бы искушать Господа Бога, уподобляться тому лукавому и прелюбодѣйному роду, который ищетъ знаменія [3])... Гармоническое соединеніе молитвы и чистаго сердца съ научнымъ образованіемъ, по Кассіодору, есть необходимое условіе пониманія божественнаго Писанія. Но если первыя были освящены авторитетомъ уважаемыхъ подвижниковъ, то противъ втораго высказываются эти самые авторитеты. Правда, въ этомъ случаѣ возможна была косвенная ссылка на западныхъ отцевъ, на то, что они были образованные люди, но не на ихъ завѣщаніе относительно необходимости свѣтскаго научнаго образованія. Для Кассіодора поэтому была необходимость доказывать мысль о правахъ общечеловѣческаго знанія въ кругу предметовъ преподаванія христіанской школы. Доказательства его можмо подвести подъ три категоріи: а) книги священнаго Писанія съ внѣшней стороны суть памятникъ литературный. Въ нихъ можно находить всѣ роды образцоваго краснорѣчія

---

quae vias intelligentiae vitali indagatione cognoverit (De inst. d. litt. praef. 1107 col.).

[1]) Преп. Кассіанъ высказывается противъ необходимости какихъ либо научныхъ средствъ къ пониманію Писанія. Aliud est facilitatem oris et nitorem habere sermonis, et aliud venas ac medullas coelestium intrare dictorum ac profunda et abscondita sacramenta purissimo cordis oculo contemplari, quod nullatenus humana doctrina, nec eruditio saecularis, sed sola puritas mentis per illuminationem Sancti Spiritus abtinebit (Collatio XIV, c. 9. Migne t. 49, 969 col.). Въ этомъ случаѣ Кассіанъ ссылается на авторитетъ аббата Ѳеодора, который, на вопросъ братіи о средствахъ къ пониманію священнаго Писанія, отвѣчалъ: monachum ad scripturarum notitiam pertingere cupientem nequaquam debere labores suos erga commendatorum libros impendere, sed potius omnem mentis industriam et intentionem cordis erga emundationem vitiorum carnalium detinere. Quibus expulsis confestim cordis oculi, sublato velamine passionum, sacramenta Scripturarum velut naturaliter incipient contemplari.... (De coenobiorum instit. lib. V, c. 34, t. 49, 250—3 col. ср. collat. XV, c. 10).

[2]) Кассіодоръ въ этомъ случаѣ ссылается на примѣры изъ сочиненій I. Кассіана и блаженнаго Августина (De instit. div. litt. praef. t. 70, 1108 col.).

[3]) Втор. VI, 16 и Мѳ. XII, 39, 1109 col.

и всякіе литературные пріемы [1]). Отсюда знакомство съ этими послѣдними, знакомство, сообщаемое общеобразовательнымъ курсомъ наукъ, весьма полезно при объясненіи Писанія [2]). б) Нѣтъ ничего погрѣшительнаго и противохристіанскаго въ изученіи свѣтскихъ наукъ, когда эти послѣднія получили свое начало въ священномъ Писаніи. Свѣтскіе авторы явились похитителями не только внутренняго содержанія своихъ мыслей, но и внѣшней формы [3]). в) Отцы церкви своимъ примѣромъ освятили правоспособность свѣтской науки въ христіанскомъ образованіи [4]).

Кассіодоръ полагаетъ точный и опредѣленный кругъ свѣтскихъ наукъ. Семь свободныхъ искусствъ ad plenum исчерпываютъ всю программу свѣтскаго образованія его школы. Кассіодоръ однако не хочетъ сознаться, что въ этомъ случаѣ сказалось вліяніе классическихъ школъ. Онъ скорѣе готовъ оправ-

---

[1]) De instit. div. litt. c. 27. Illud commonendum esse credimus, quoniam tam in sacris litteris quam in expositoribus doctissimis multa per schemata, multa per definitiones, multa per artem grammaticam, multa per artem rhetoricam, multa per dialecticam, multa per disciplinam arithmeticam, multa per musicam, multa per disciplinam geometricam, multa per astronomicam intelligere possumus. t. 70, 1140 col.

[2]) Ibid. Est enim rerum istarum т. е. свѣтскихъ наукъ procul dubio utilis et non refugienda cognitio, quando eam in litteris sacris tanquam in origine generalis perfectaeque sapientiae ubique reperis esse diffusam. Nam cum ibi reddita fuerint atque monstrata, sensus vester ad intelligendum modis omnibus adjuvatur. 1141 col. Quiquid autem in Scripturis divinis de talibus rebus (свободныхъ наукъ) inventum fuerit, praecedenti notitia melius probatur intelligi. 1108 col.

[3]) Въ этомъ случаѣ Кассіодоръ идетъ гораздо далѣе представителей александрійской школы. Писаніе prosa incipit, versu labitur, pedestri sermone finitur, omnesque leges dialecticae propositione, assumptione, confirmatione, conclusione determinat. Quod si ita est, nec aliter esse potest quam quod tanti viri celebrat auctoritas (т. е. блаж. Іеронима), ubi sunt qui dicunt artem dialecticam a Scripturis sanctissimis non coepisse? (с. VI, 1118 col.). Не только діалектика, но и всѣ свѣтскія науки заимствованы свѣтскими авторами изъ Писанія. Constat enim quasi in origine spiritalis sapientiae (въ св. Писаніи) rerum istarum (свѣтскихъ наукъ) indicia fuisse seminata, quae postea doctores saecularium litterarum ad suas regulas prudentissime transtulerunt (1108 col.).

[4]) Nec illud Patres sanctissimi decreverunt, ut saecularium litterarum studia respuantur, quia exinde non minimum ad Sacras Scripturas intelligendas sensus noster instruitur. Примѣры образованности Кипріана, Лактанція, Викторина, Оптата, Иларія, Амвросія, Августина и Іеронима приводятся, какъ доказательства законности введенія свѣтскихъ наукъ въ кругъ предметовъ христіанскаго образованія (с. 28, 1142 col.).

дать нормальность такой постановки авторитетомъ священнаго Писанія. Число седмеричное въ глазахъ его есть число совершенное [1]). Кассіодоръ не только завѣщалъ воспитанникамъ своихъ школъ знакомство съ седмью свободными науками, но и составилъ руководства, которыя пережили самого автора. Эти послѣднія достаточно знакомятъ насъ съ программою, по которой проходились свѣтскія науки въ школахъ Кассіодора и методомъ ихъ преподаванія [2]). Грамматику Кассіодоръ опредѣляетъ, какъ науку правильно говорить на основаніи знаменитыхъ поэтовъ и ораторовъ [3]). Ея задача научить безошибочно составлять прозаическую и стихотворную рѣчь [4]). Слѣдуя Донату, Кассіодоръ насчитываетъ десять частей грамматики [5]) и восемь частей рѣчи. Имя есть часть рѣчи, означающая тѣло, или предметъ (corpus aut rem). Въ именахъ нужно различать: количество, сравненіе, родъ, число, падежъ и схему (figuram, σχῆσμα).

---

[1]) De artibus ac disciplinis liberal. litter. praefat. t. 70, 1149 col. Кассіодоръ приводитъ нѣсколько текстовъ изъ Писанія, въ которыхъ упоминается число седмь, хотя безъ всякаго отношенія къ наукамъ. Но тутъ является ему на помощь методъ аллегорическаго толкованія Писанія, по которому возможно было приспособить въ пользу своей мысли всѣ подобныя мѣста.

[2]) При составленіи своихъ учебниковъ, Кассіодоръ не желалъ быть самостоятельнымъ. Sit ergo antiquorum labor opus nostrum, ut quod illi latius plurimis codicibus ediderunt, nos brevissime secundo volumine (т. е. въ сочин. de artibus ac discipl. lib. litt.) collecta pandamus (de inst. div. litt. c. 27, 1141 col). Моньё (M o n n i e r), авторъ «Alcuin et son influence literaire, religieuse et politique chez les Francs. Paris. 1853 an. 21 p. такъ характеризуетъ учебники Кассіодора: «Въ своемъ трудѣ de inst. d. litt. и de art. ac disc. Кассіодоръ стремится составить полный сборникъ всѣхъ наукъ и ничего не прибавлять отъ себя. Что касается формы, то онъ придерживается Филона, Боэція и Маркіана Капеллы. Въ грамматикѣ онъ сокращаетъ Доната. Риторика его есть извлеченіе изъ Цицерона. Діалектику Кассіодоръ составляетъ по Варрону и особенно по Боэцію. То, что онъ говоритъ о математическихъ наукахъ, извлекаетъ изъ книги грека Никомаха, изъ переводовъ Апулея и Боэція; для музыки онъ пользуется трактатомъ Гавденція; онъ знаетъ также contra paganos Климента Александрійскаго. Въ геометріи Кассіодоръ слѣдуетъ Варрону, Сенсорію, Эвклиду, переведенному Боэціемъ. Наконецъ, въ астрономіи онъ пользуется опять Боэціемъ.

[3]) Grammatica est peritia pulchre loquendi ex poëtis illustribus, oratoribus collecta (c. I, 1152 col.).

[4]) Officium grammaticae est sine vitio dictionem prosalem metricamque componere (ibid.).

[5]) Грамматика должна трактовать de voce articulata, de littera, de syllaba, de pedibus, de accentibus, de posituris seu distinctionibus, de partibus orationis octo, de schematibus, de etymologiis, de orhographia (ibid.).

Окончанія именъ бываютъ различныя, и каждому падежу соотвѣтствуетъ свое особое. Въ глаголахъ Кассіодоръ различаетъ части: наклоненія, роды, спряженія, времена, числа, схемы и лица. Къ сожалѣнію, грамматика Кассіодора по изданію Migne заканчивается раздѣленіемъ глагола на спряженія, и именно замѣчаніями объ особенностяхъ втораго спряженія. Но и поэтому отрывку можно отчасти судить о достоинствѣ грамматики. Коротка, сжата его грамматика, многаго въ ней не достаетъ, даже очень существеннаго. Но мы не должны опускать изъ виду, что Кассіодоръ, предназначая свою грамматику для школьнаго употребленія, постоянно отсылаетъ читателя къ Донату, Августину, Присціану и др., какъ къ весьма распространеннымъ учебникамъ. Поэтому вѣроятно Кассіодоръ свой обычный методъ составленія учебниковъ по отношенію къ грамматикѣ довелъ до крайности, сокращая до minimum'а указанныя пособія. — Риторикѣ Кассіодоръ придаетъ особенное значеніе. Для него нѣтъ ничего лучше, какъ умѣть при помощи слова заправлять умами людей, ихъ волею, желаніями и стремленіями [1]). Однако это не помѣшало Кассіодору представить самый сжатый, весьма не полный экстрактъ имѣвшихся у него подъ руками пособій. Кассіодоръ различаетъ два рода рѣчи: непрерывный (perpetuum) и краткій (concisum). Первый составляетъ характеристическую особенность риторики, второй—діалектики. Отношеніе между ними такое же, какое между распростертою ладонью и сжатымъ кулакомъ [2]). Три вещи преслѣдуетъ ораторъ: онъ учитъ, убѣждаетъ и услаждаетъ (docet, movet et delectat). Чтобы достигнуть всего этого нужно умѣнье, знаніе, опытъ. Риторика всему этому научаетъ. Предметъ ея краснорѣчіе. Область послѣдняго—гражданскіе вопросы [3]). Части риторики: inventio, dispositio, elocutio, memoria et pronuntiatio. Первое имѣетъ своею спеціальною задачею изобрѣтеніе матеріала рѣчи; второе занимается приведеніемъ въ порядокъ послѣдняго. Elocutio трак-

[1]) Variar. l. VI, form. V. Et., ut ait Tullius, magister eloquentiae, nihil praestabilius videtur quam posse dicendo tenere hominum mentes, allicere voluntates, impellere quo velit, unde tautem velit deducere. t. 69, 685—6 col.

[2]) t. 70, 1157 col.

[3]) Ars autem rhetorica est, sicut magistri tradunt saecularium litterarum, bene dicendi scientia in civilibus quaestionibus. 1160 col.

туетъ о правилахъ подбора надлежащихъ словъ. Memoria — воспріимчивость души къ заготовленному матеріалу и, наконецъ, pronuntiatio учитъ пріемамъ произношенія рѣчи. По своему предмету рѣчь можетъ быть трехъ родовъ: a) demonstrativum genus имѣетъ въ виду похвальныя рѣчи, или—противоположнаго свойства; b) deliberativum задается мыслію убѣжденія или разубѣжденія и c) judiciale—обвиняетъ, или оправдываетъ, или защищаетъ. Послѣ короткаго замѣчанія о такъ называемыхъ statibus et generibus causarum, Кассіодоръ переходитъ къ частямъ ораторской рѣчи, дѣлая короткія замѣчанія de exordio, narratione, partitione, confirmatione, reprehensione и conclusione. Сравнительно больше мѣста занимаетъ вопросъ о rhetorica argumentatione.

Въ діалектикѣ [1]) Кассіодоръ придаетъ особенное значеніе силлогизмамъ и только по традиціи обѣщаетъ изложить нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній [2]). Философію онъ опредѣляетъ какъ уподобленіе Богу, насколько это возможно для человѣка [3]), какъ divinarum humanarumque rerum probabilis scientia, искусство высшее всѣхъ искусствъ, знаніе лучшее всѣхъ знаній. Кассіодоръ раздѣляетъ философію на теоретическую и практическую. Первая въ свою очередь распадается на физику, логику и богословіе, а вторая — на мораль, экономію и политику. Послѣ этого раздѣленія Кассіодоръ переходитъ къ трактату de Isagoge Porphyrii, въ которомъ даетъ короткія опредѣленія рода, вида, различія, частнаго признака (ἴδιον) и акциденцій, присоединяя непосредственно къ названному трактату опредѣленія десяти категорій Аристотеля и краткій экстрактъ его сочиненій de interpretatione. Хотя подробное разсужденіе о силлогизмахъ предполагается впереди, однако Кассіодоръ считаетъ нужнымъ указать различныя формулы силлогизмовъ. Это и понятно, когда на очереди стоитъ трактатъ de definitione, которое ставится въ непосредственную зависимость отъ силлогизмовъ. Замѣчанія о формахъ сужденій составляютъ переходъ

---

[1]) Migne. t. 70, 1167—1203 col.

[2]) Sed priusquam de syllogismis dicamus, ubi totius dialecticae utilitas et virtus ostenditur, oportet de ejus initiis, quasi quibusdam elementis, pauca disserere. 1168 col.

[3]) Philosophia est assimilari Deo secundum quod possibile est homini. 1167 col.

къ главнѣйшей части діалектики — силлогизмамъ. Послѣдній трактуется, какъ заключеніе отъ общаго къ частному. Индукція представляетъ обратный путь выводовъ. Кассіодоръ преимущество въ доказательствахъ признаетъ за силлогизмами, потому что индукція ведетъ только къ заключеніямъ вѣроятнымъ. Эту мысль доказываетъ онъ тѣмъ, что приложеніе силлогизма видитъ во всѣхъ доказательствахъ, при всемъ разнообразіи ихъ формъ. Topica трактуются, какъ argumentorum sedes, fontes sensuum, origines dictionum. Отъ силлогизмовъ Кассіодоръ отличаетъ паралогизмы, нелѣпыя заключенія, указывая примѣры ихъ образованія. Въ заключеніе діалектики иллюстрируется связь реторики съ діалектикой. — Такъ заканчиваются науки тривіума [1]), т. е. та часть курса, которая считалась болѣе необходимою въ системѣ общеобразовательныхъ предметовъ.

Предметы квадривіума обозначаются у Кассіодора однимъ общимъ именемъ—математики. Во главѣ этой категоріи школьныхъ наукъ стоитъ ариѳметика, какъ fons et mater по отношенію къ другимъ предметамъ группы. Ариѳметика опредѣляется, какъ disciplina quantitatis numerabilis secundum se. Она, по Кассіодору, имѣетъ дѣло съ абстрактными числами и ихъ отношеніями. Числа могутъ разсматриваться въ слѣдующихъ видахъ: par numerus, которое можетъ дѣлиться на двѣ равныя части; impar numerus—не дѣлится на таковыя; pariter par numerus, которое можетъ дѣлиться на два до единицы; pariter impar numerus, которое только одинъ разъ дѣлится на два, какъ 10, 14, 18 и др., impariter par numerus — дѣлится нѣсколько разъ на два, но однако не доходитъ до единицы, напр. 24; primus et simplex numerus можетъ дѣлиться только само на себя; secundus et compositus numerus допускаетъ одно дѣленіе, въ частномъ котораго получается недѣлимое на другія числа. Далѣе числа различаются между собою, какъ superflui, indigentes и perfecti. Superflui — это тѣ числа, которыхъ сумма част-

[1]) Отъ Кассіодора остался еще небольшой трактатъ съ характеромъ школьнаго пособія «commentarium de oratione et de octo partibus orationis», въ которомъ помѣщены короткія замѣчанія о рѣчи и составныхъ ея частяхъ. Довольно подробно замѣчается объ именахъ, ихъ окончаніяхъ, склоненіи, падежахъ и родахъ и гораздо короче разсуждается объ остальныхъ частяхъ рѣчи. 1219—1240 col.

ныхъ, по дѣленію ихъ до единицы, даетъ бо́льшее число, напр. 12 : 2, 3, 4, 6 и 12 = 6, 4, 3, 2 и 1. Сумма частныхъ равна 16; indigentes—для которыхъ тотъ же процессъ даетъ противоположный результатъ. У perfectos numeros сумма частныхъ равняется самому числу. Затѣмъ числа могутъ разсматриваться или сами въ себѣ, или въ отношеніи къ другимъ. Въ послѣднемъ случаѣ получаются æquales numeri, majores, multiplices, submultiplices и т. д. Наконецъ, числа различаются по количеству единицъ, какъ 3 отъ 4, 5 отъ 6 и какъ числа: continentes, superficiales и solidi. Это геометрическія числа, употребляемыя для обозначенія различныхъ геометрическихъ фигуръ, какъ квадрата, куба, призмы, пирамиды и т. п.

Музыка опредѣляется у Кассіодора, какъ disciplina, quae de numeris loquitur, qui ad aliquid sunt his qui inveniuntur in sonis. Въ музыкѣ слѣдуетъ различать части: гармонику, ритмику и метрику; въ музыкальныхъ инструментахъ — металлическіе, духовые и хордовые. Симфоніи бываютъ шести видовъ: prima, secunda, tertia, quarta, quinta и sexta, а тоны — шестнадцати, которые различаются между собою степенью высоты.

Геометрія опредѣляется, какъ disciplina magnitudinis immobilis et formarum и не представляетъ ничего болѣе, кромѣ сухихъ и короткихъ опредѣленій геометрическихъ фигуръ. Астрономія, по Кассіодору, есть disciplina, quae cursus coelestium siderum et figuras contemplatur omnes, а также положеніе звѣздъ по отношенію другъ къ другу и землѣ. Кассіодоръ насчитываетъ около пятнадцати частей астрономіи, изъ которыхъ каждой онъ даетъ короткое опредѣленіе. Въ заключеніе онъ касается отчасти и физической астрономіи, сообщая свѣденія о климатахъ [1]).

---

[1]) Кассіодоръ былъ страстный любитель книгъ. Его трудамъ обязана своимъ существованіемъ богатая монастырская библіотека (Franz. 76—92). Книги пріобрѣтались благодаря перепискѣ трудами иноковъ монастыря. Понятно, что Кассіодоръ долженъ былъ обратить вниманіе на правильность и тщательность переписки. Въ качествѣ пособія онъ предложилъ извлеченія правилъ орѳографіи изъ разныхъ авторовъ, предоставивъ такимъ образомъ желающимъ возможность знакомства съ трудами этихъ писателей, которые Кассіодоръ пріобрѣлъ для своей библіотеки (Praef. ad orthograph. t. 70, 1242 col.). Кромѣ того онъ составилъ руководство, все содержаніе котораго исчерпывается замѣчаніями о переходѣ и замѣнѣ въ словахъ однѣхъ буквъ другими, съ отмѣткою долгихъ и короткихъ гласныхъ.

Сжаты, сухи и неудовлетворительны учебники Кассіодора; но мы не должны забывать, что руководства Кассіодора не шли далѣе намѣченной имъ цѣли — сообщить элементарныя свѣдѣнія по наукамъ, столь необходимымъ при объясненіи Священнаго Писанія.

Переходя къ монастырскимъ школамъ Галліи, мы должны принять во вниманіе то единство, которое существовало между Италіей и Галліей по всѣмъ вопросамъ теоріи и практики [1]). Это обстоятельство имѣло своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ одинаковость устройства монастырей, сходство и съ половины VI вѣка тожество ихъ уставовъ [2]). Понятно, что монастырскія школы Галліи не могли явиться съ иною организаціей сравнительно съ школами монастырей итальянскихъ. Если иноку Италіи вмѣнено было въ обязанность чтеніе Писанія, то это настоятельно требовалось также и отъ монаха Галліи. Если свѣтская наука не нашла себѣ до Кассіодора мѣста въ стѣнахъ монастырей Италіи, то для нея были закрыты двери и гальскихъ обителей. Въ нѣкоторомъ смыслѣ счастливое исключеніе представляли только незначительное число монастырей южной Галліи [3]). Правда, и въ другихъ обителяхъ требованіе устава, чтобы инокъ былъ грамотнымъ съ необходимостью вызывало возникновеніе школъ, но эти послѣднія не претендовали на имя благоустроенныхъ учебныхъ заведеній, по крайней мѣрѣ хоть такихъ, какія, напримѣръ, мы видѣли въ монастырѣ Кассіодора. Это были скорѣе элементарныя школы съ узкою программою обученія чтенію и письму. Съ того времени, какъ уставъ св. Бенедикта включилъ въ кодексъ своихъ правилъ обязательность для монаховъ научныхъ занятій, это правило оказалось не выполнимымъ на дѣлѣ. Настали смутныя политическія обстоятельства, война и междоусобія, разрушительныя для всей Галліи вообще и въ частности для монастырей [4]). Не

---

[1]) Ешевскій. Аполлинарій Сидоній, гл. III, 247 стр. и далѣе.

[2]) По всѣмъ гальскимъ монастырямъ вводится уставъ св. Бенедикта (см. выше, въ перв. гл.).

[3]) См. выше, 2-е примѣч. къ 340 стр.

[4]) По смерти Клодвига его обширная монархія въ теченіе еще VI в. два раза была раздѣлена между членами фамиліи Меровинговъ, и каждый разъ такой раздѣлъ сопровождался кровавыми междоусобіями. Особенно жестоки были междоусобія, начавшіяся съ 562 года и продолжавшіяся непрерывно и въ VII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ первой четверти его.

до школъ съ ихъ науками было всѣмъ. И монахъ не гарантированный отъ обидъ и оскорбленій, озабоченъ былъ болѣе мыслію о личной безопасности, о цѣлости монастырскаго имущества, чѣмъ о наукѣ [1]). Если присоединить къ этому повсюду проникшую нравственную деморализацію, то вполнѣ объяснятся причины такого низкаго уровня образованія, который мы застаемъ въ эпоху до Карла Великаго. Погрязавшіе въ порокахъ, представители и учители нравственности, высшія іерархическія лица [2]) не имѣли ни способности, ни охоты, ни расположенія хоть сколько нибудь позаботиться объ образованіи и школахъ. Послѣднія годъ отъ году рѣдѣютъ. Оставшіяся неудовлетворяютъ самымъ скромнымъ желаніямъ [3]).

На ряду съ епископскими и монастырскими школами нельзя не упомянуть объ епархіальныхъ, приходскихъ. Мы можемъ встрѣчать ихъ какъ въ Италіи, такъ и въ Галліи [4]). Организація низшихъ школъ была очень несложна. Въ домъ пресвитера собирались дѣти мужскаго пола, по волѣ родителей, или по другимъ обстоятельствамъ, предназначавшіяся къ духовному

---

[1]) Только въ нѣкоторыхъ монастыряхъ сохранялись еще слѣды если не научнаго образованія въ строгомъ смыслѣ, то по крайней мѣрѣ не узкой грамотности, проявлявшейся даже въ авторской дѣятельности, а именно въ хроникахъ, біографіяхъ, слѣдовательно, въ самыхъ простѣйшихъ видахъ письменности. Testes esse possunt Fontenellensis sub Sancto Vandrillo et S. Ansberto; Floriacensis, sub magisterio beati Mummoli, illustrata deinceps per Adlebaldum, Abbonem et alios.... (Mabillon. Tractat. de stud. monast. 109 p.).

[2]) Епископы изъ древнихъ патриціанскихъ родовъ давно уже сошли со сцены. Мѣста ихъ заняты или франками, или огрубѣвшими и ассимилировавшимися съ ними въ нравахъ и обычаяхъ галло-римлянами, которые въ большинствѣ случаевъ оказывались недостойными не только высшихъ іерархическихъ степеней, но и низшихъ духовныхъ должностей. Стоитъ только почитать «Исторію франковъ» Григорія Турскаго, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ низко еще въ его время пала нравственность среди духовенства. Неумѣренность въ употребленіи вина, клятвопреступленія, конкубинатъ, даже убійства были весьма частымъ явленіемъ среди духовенства не только низшаго, но и высшаго (l. IV, c. 12; V, 28, VI, 36).

[3]) Какъ рѣдко стало образованіе, можно заключать изъ того, что въ VIII вѣкѣ имя «грамматика», т. е. грамотнаго человѣка стало разомъ означать оратора, поэта и даже философа (Ampère. Hist. litt. de la France 1,146 p.).

[4]) См. выше, прим. 4-е къ 335 стр. Отцы Везонскаго собора 529 года, вмѣняя въ обязанность пресвитерамъ заботу о приготовленіи достойныхъ служителей алтаря, указываютъ на примѣръ Италіи, гдѣ распространены были епархіальныя школы.

званію и здѣсь учились читать, писать и пѣть. Чтеніе священныхъ книгъ считалось совершенно достаточнымъ для занятія мѣста приходскаго священника, или низшаго клирика.

Заканчивая обзоръ христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на отношеніе восточныхъ и западныхъ школъ между собою, тѣхъ и другихъ къ классическимъ и къ христіанскимъ времени Карла Великаго.

Если мы сопоставимъ западныя школы съ восточными, то не можемъ не замѣтить повторенія того явленія, которое такъ наглядно обнаружилось во времена послѣ классическаго періода. Въ тѣ времена греческая языческая наука, созданная геніемъ греческихъ мудрецовъ, цѣликомъ была пересажена на западъ, вытѣснила мѣстную науку, проникла въ школы и частные дома и сдѣлалась высшимъ предметомъ образованія. Древняя Греція была учительницею Рима. Сильный завоеватель народовъ подчинился неотразимому вліянію мощнаго духомъ грека. Христіанскій востокъ очень рано организовалъ свои школы. Высшая неземная мудрость стала преподаваться въ нихъ какъ наука. Практическій западъ долго остается равнодушнымъ зрителемъ научнаго образованія востока и только изрѣдка посылаетъ туда своихъ сыновъ въ интересахъ знанія. Положеніе не нормальное. Опытъ убѣждалъ въ пользѣ научнаго образованія. Нужды и потребности въ немъ заявлялись все сильнѣе и сильнѣе. Разсчетливый римлянинъ попытался было своими силами удовлетворить нуждамъ. Но скоро оказалось, что, при всей практичности и полезности мѣстныхъ учрежденій, они не могли явиться пріютомъ науки. Кассіодоръ первый пришелъ къ сознанію необходимости христіанскихъ школъ для запада и первый организовалъ ихъ. Что же новаго въ своей организаціи по сравненію съ восточными представляли школы Кассіодора? Ничего. Эти послѣднія явились копіями школъ восточныхъ. Не желалъ Кассіодоръ быть самостоятельнымъ въ предпринятомъ имъ на себя трудѣ. Его уму предносились постоянно знаменитыя школы востока: Александрійская и Низибійская. Самыми высшими его желаніями было пересадить на западную почву порядки названныхъ школъ восточныхъ. И дѣйствительно общая группировка предметовъ учебнаго курса, ихъ взаимное отношеніе и частнѣе—методъ преподаванія высшаго предмета школы, какъ увидимъ послѣ, все это заим-

ствуется изъ программы школъ восточныхъ. Кассіодоръ копируетъ послѣднія. Но какъ и на сколько удачно была выполнена Кассіодоромъ копія, это ясно изъ вышепредставленнаго нами обзора организаціи свѣтскаго курса въ тѣхъ и другихъ школахъ. Кассіодоръ не имѣлъ рѣшительно никакой возможности поставить свои школы на ту высоту, которой достигла, напримѣръ, школа Александрійская. Причины понятны. Нужно помнить, что наступила уже вторая половина VI вѣка, когда Кассіодоръ приступилъ къ организаціи своей школы. Упадокъ образованія сталъ замѣтенъ уже и на востокѣ, не говоря о западѣ. Широкая программа свѣтскаго курса являлась непосильною. Къ тому же Кассіодоръ былъ одинокъ въ своей дѣятельности. Столь широкій замыслъ, какъ организація высшеучебнаго заведенія, не по силамъ единичной личности.

Нужно-ли говорить подробно объ отношеніи христіанскихъ восточныхъ школъ первыхъ вѣковъ къ школамъ классическимъ? Мы видѣли, какъ прекрасно воспользовались для своихъ цѣлей языческою наукою представители христіанской учености, какъ съумѣли они организовать христіанскую философскую школу въ Александріи съ тою же программою свѣтскаго общеобразовательнаго курса, какую мы видѣли въ школахъ современныхъ имъ философовъ и риторовъ, занятыхъ болѣе всего мыслію не отступать отъ образцовъ древности. Здѣсь можно наблюдать сполна то отмѣченное нами для христіанскихъ школъ востока и запада VIII и IX вв. явленіе, что христіанская школа тяготѣетъ къ языческой классической. Христіане первыхъ вѣковъ съумѣли совмѣстить съ высшимъ христіанскимъ образованіемъ и свѣтское по широкой программѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно стояло въ современныхъ имъ школахъ языческихъ. Древне-классическія школы въ этомъ отношеніи для тѣхъ и другихъ являются равно образцовыми. Языческій философъ и риторъ первыхъ вѣковъ христіанства и христіанскій преподаватель равно ищутъ идеалъ свѣтски образованнаго человѣка въ древнемъ грекѣ временъ Платона и Аристотеля. Правда, свѣтская наука въ силу того уже одного, что она вносится въ христіанскую школу и прилаживается къ потребностямъ христіанскаго образованія, должна была терпѣть перемѣны. Но замѣчательно, мы не видимъ и не можемъ наблюдать здѣсь тѣхъ безцеремонныхъ отношеній къ научному

наслѣдію древности, съ какими мы встрѣчались въ христіанскихъ школахъ времени Карла Великаго. Оригенъ, какъ преподаватель свѣтскихъ наукъ, нисколько не отстаетъ отъ современнаго ему преподавателя и организатора какой либо языческой школы. Если въ его преподаваніи болѣе полно содержаніе, то виною этого новый порядокъ вещей, наступившій съ пришествіемъ Христа на землю. Преподаватель христіанской школы располагаетъ кодексомъ готовыхъ богооткровенныхъ истинъ. Съ этой стороны онъ обезпеченъ. Излишними являлись всякія усилія къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ истины, чѣмъ такъ сильно занятъ былъ современный ему философъ, переходившій изъ одной школы въ другую съ душевнымъ томленіемъ и жаждою истины. Заботою христіанскаго учителя было преподать готовое, развить и объяснить его, оградить отъ нападковъ и подкоповъ со стороны враговъ. Слишкомъ цѣлесообразна была для этой цѣли языческая наука. И вотъ христіанскій преподаватель вноситъ её въ программу своей школы, но распоряжается ею съ своей точки зрѣнія, примѣнительно къ задачамъ своей школы. Конечно, это налагаетъ особую окраску на языческія науки въ христіанской школѣ. Но это не ведетъ съ необходимостію къ широкой реформѣ внутренняго содержанія программы языческихъ школъ. Можно было цѣликомъ ввести ее и въ христіанскую школу, указавъ только ей опредѣленное мѣсто, на какое она имѣла всѣ права въ христіанской школѣ. Такъ и поступаютъ знаменитые предстоятели Александрійской школы. Энциклическія науки всѣ сполна пересаживаютъ они въ христіанскую школу, но отводятъ имъ низшее мѣсто, не исключая даже философіи, этой госпожи всѣхъ наукъ въ языческихъ школахъ. Если въ послѣднихъ она мыслилась, какъ завершеніе всего образованія, какъ наука всѣхъ наукъ, то въ христіанской школѣ такую роль играетъ высшій и спеціальный предметъ школы—христіанская философія. Языческая ставится въ служебное положеніе по отношенію къ христіанской. Въ этомъ все различіе христіанской школы первыхъ вѣковъ отъ современной и классической школы философовъ. Что касается другихъ предметовъ, то какъ въ языческихъ школахъ, такъ равно и въ христіанскихъ они мыслятся какъ науки пропедевтическія, подготовительныя, низшія по отношенію къ спеціальному предмету языческой школы и къ высшему

изъ свѣтскихъ, но низшему по сравненію съ спеціальнымъ предметомъ христіанской школы. Что энциклическія науки со втораго мѣста перенесены на третье въ христіанской школѣ, это не вело и не могло вести къ необходимому и неизбѣжному сокращенію и измѣненію внутренняго содержанія программы ихъ преподаванія. Мы не можемъ наблюдать этого явленія въ христіанскихъ школахъ первыхъ вѣковъ, не имѣемъ права даже предположить его въ виду ясныхъ свидѣтельствъ противоположнаго свойства. Климентъ и Оригенъ равно настаиваютъ на постановкѣ свѣтскаго курса по широкой программѣ. Что касается частностей и подробностей относительно методовъ, программъ преподаванія каждой свѣтской науки, то мы уже сдѣлали предположеніе, что все это едва ли чѣмъ либо разнилось отъ постановки ихъ въ современныхъ имъ школахъ философовъ и риторовъ. Да и могло ли быть иначе, когда преподавателями школъ являлись спеціалисты, удивлявшіе своимъ познаніемъ современныхъ имъ мудрецовъ. Итакъ, христіанская школа первыхъ вѣковъ съумѣла самымъ наилучшимъ образомъ воспользоваться дорогимъ наслѣдіемъ науки отъ временъ классическихъ, внести его безъ ощутительныхъ измѣненій и искаженій его содержанія на служеніе своему спеціальному предмету.

Сопоставляя между собою христіанскія школы востока и запада временъ Карла Великаго съ христіанскими школами первыхъ вѣковъ, мы наблюдаемъ то замѣчательное явленіе, что первыя копируютъ планъ послѣднихъ. Если школы первыхъ вѣковъ христіанства все свѣтское образованіе ставятъ въ служебное положеніе къ высшему и спеціальному предмету школы, то ту же постановку его мы наблюдаемъ въ учебныхъ заведеніяхъ временъ Карла Великаго. Если первыя трактуютъ энциклическія науки, какъ необходимыя для пониманія, преподаванія, защиты и огражденія истинъ христіанскаго богословія, то восточные и западные дидактологи VIII и IX вв. не находятъ иной цѣли ихъ изученія. Словомъ, въ общемъ планѣ, въ опредѣленіи задачъ и цѣлей образованія, его идеаловъ восточныя и западныя школы временъ Карла В. остались по идеѣ вѣрными традиціямъ христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ: послѣднія служили образцомъ для первыхъ. Но что касается реализаціи идеи, выполненія плановъ и задачъ образованія, то, при очевидномъ сходствѣ, нельзя не замѣтить и громаднаго

различія. Черты сходства касаются слѣдующихъ пунктовъ: а) христіанскія школы временъ Карла Великаго вносятъ въ свои школы тѣже седмь свободныхъ искусствъ, преподаваніе которыхъ мы видѣли въ христіанскихъ школахъ первыхъ вѣковъ; б) тѣ и другія равно тяготѣютъ къ школамъ классическимъ, видятъ въ нихъ идеалъ законченнаго свѣтскаго образованія и в), наконецъ, тѣ и другія производятъ совершенно одинаковую реформу въ внѣшнемъ видѣ программы свѣтскихъ наукъ, поставивъ философію переходною ступенью къ высшему, спеціальному предмету. Различіе касается внутренняго содержанія программы предметовъ свѣтскаго курса. Въ то время, какъ христіанскія школы первыхъ вѣковъ стоятъ близко къ идеалу желаннаго совершенства, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это возможно было для людей 2-го и 3-го вв., насколько совершенство это практиковалось въ современныхъ имъ языческихъ школахъ, школы VIII и IX вв. мы застаемъ съ тою неполнотою, съ тѣмъ несовершенствомъ программъ, съ какими мы познакомились выше. Прекрасная организація свѣтскаго курса христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ являлась въ VIII и IX вв. непосильною. Нельзя сказать, чтобы для нашей эпохи такое совершенство было внѣ всякихъ желаній. Но желанія такъ и оставались желаніями, реализировать которыя не въ состояніи была христіанская школа времени Карла Великаго.

VII.

Знакомство съ внутренней организаціей христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ, а также восточныхъ и западныхъ времени Карла Великаго показало намъ, что свѣтскія науки во всѣхъ христіанскихъ школахъ заняли служебное положеніе по отношенію къ богословію. Предстоятели школъ и отцы первыхъ вѣковъ, школьные дѣятели послѣдующей эпохи съ удивительнымъ согласіемъ высказываются за нормальность и необходимость такой постановки. Если для Климента и Оригена христіанство казалось высшею философіей, высшимъ, неземнымъ предметомъ знанія, то и для Іоанна Дамаскина, Ѳеодора Студита, Фотія, Алкуина и Рабана Мавра оно является верхомъ всякой мудрости, высшимъ предметомъ вѣденія, идеаломъ образованія. Знать Писаніе, понимать смыслъ его, трактовалось во всѣхъ христіанскихъ школахъ, какъ цѣль всякаго образованія, краеугольный камень, на которомъ покоится всякая наука, позволительная христіанину. Въ школахъ VIII и IX вв. повторяютъ только то, что освящено древнею христіанскою школою, въ лицѣ общечтимыхъ и уважаемыхъ ея авторитетовъ. Практика христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ, теоретическіе взгляды отцовъ церкви на богословіе, какъ науку высшую, идеальную, были совершенно достаточны для того, чтобы школы послѣдующей эпохи только на этомъ основаніи могли создать извѣстную намъ школьную организацію. Для того времени, когда благоговѣніе предъ авторитетами доходило до крайностей, когда попытки самостоятельныхъ взглядовъ и изслѣдованій не существовали даже въ области благочестивыхъ желаній, когда верхомъ всякаго знанія считалось возможно большее знакомство съ дорогимъ наслѣдіемъ христіанской древности, — для такого времени не могло и появиться вопроса объ иной школь-

ной организаціи. Ни на востокѣ, ни на западѣ не разсуждаютъ въ теоріи о томъ, какимъ образомъ и по какому праву богословіе должно остаться высшимъ предметомъ школы. Слишкомъ много было писано объ этомъ, много говорено святыми мужами, чтобы еще подымать объ этомъ вопросъ. Такъ было въ старину, такъ должно остаться и теперь.

Не въ такомъ положеніи дѣло было въ первые вѣка. Не авторитеты, а потребности и нужды времени возвысили богословіе на степень знанія, на пьедесталъ высшей науки. Само собою разумѣется, что въ первый вѣкъ христіанства не существовало и не могло существовать христіанской богословской науки. Слишкомъ свѣже было преданіе о христіанской доктринѣ. Апостолы и ихъ ближайшіе ученики своею устною проповѣдію дѣлали излишнимъ всякое научное изслѣдованіе о предметахъ вѣры. Сомнѣніямъ и колебаніямъ не было мѣста. Авторитетъ боговдохновенныхъ провозвѣстниковъ Евангелія былъ слишкомъ убѣдителенъ для всякаго увѣровавшаго. Въ самой церкви только изрѣдка появляются враги, которые подкапываются подъ основы вѣры; но эти послѣднія встрѣчаютъ непоколебимыхъ защитниковъ христіанской истины и борцовъ за нее противъ враговъ въ лицѣ самихъ же апостоловъ. Но вотъ сходятъ со сцены боговдохновенные провозвѣстники евангелія и ихъ ближайшіе преемники, появляется и распространяется новозавѣтная письменность. Мало по малу евангелія и посланія дѣлаются достояніемъ христіанскихъ общинъ разныхъ странъ. Не могли они укрыться и отъ языческихъ представителей науки. Безпощадная критика со стороны послѣднихъ преслѣдуетъ христіанскія боговдохновенныя книги. Онѣ дѣлаются предметомъ злыхъ насмѣшекъ. Евангельская исторія заподозривается во лжи. Многія христіанскія истины объявляются похищенными у язычниковъ. Этого мало, — многія кажутся для язычниковъ невѣроятными, даже безбожными. Могъли христіанскій апологетъ равнодушно смотрѣть на эти столь несправедливыя нареканія со стороны языческихъ ученыхъ, нареканія, клеймившія позорнымъ именемъ столь дорогіе для христіанъ источники ихъ вѣроученія? Уже первые апологеты не обходятъ своимъ вниманіемъ защиты нѣкоторыхъ пунктовъ этого послѣдняго отъ нападокъ язычниковъ. Для насъ важенъ въ этомъ случаѣ методъ ихъ защиты. Не могъ бы удовлетво-

риться язычникъ полемистъ, если бы христіанскій апологетъ сталъ только указывать на памятникъ христіанской новозавѣтной письменности, какъ на самый авторитетный, вполнѣ убѣдительный, поелику объ этомъ шелъ еще вопросъ. Нужно было обосновать защищаемое то или другое положеніе на научной почвѣ, которая была точкою опоры въ рукахъ нападающаго. И вотъ христіанскій апологетъ ищетъ въ языческой письменности, въ произведеніяхъ авторитетныхъ для самихъ язычниковъ подобнаго же ученія, аналогичной истины [1]). Этого мало,— онъ пользуется соображеніями здраваго смысла, пособіями діалектики и другихъ наукъ. Такимъ образомъ незамѣтно истина, принятая христіаниномъ на вѣру, дѣлается предметомъ знанія, науки. Лично христіанинъ не сомнѣвался въ боговдохновенной авторитетности истинъ, излагавшихся въ его новозавѣтныхъ памятникахъ письменности. Но обстоятельства времени натолкнули его на мысль объединить вѣру съ знаніемъ, подкрѣпить принятое на вѣру соображеніями здраваго смысла. И это было сдѣлано первѣе всего въ видахъ огражденія христіанской истины отъ нападокъ со стороны враговъ. „Ученіе Спасителя, говоритъ Климентъ Александрійскій, само по себѣ совершенно и самодовольно, какъ сила и мудрость Божія, и привходящая эллинская философія не дѣлаетъ истины сильнѣе, но дѣлаетъ только безсильными софистическія нападки, отвращаетъ враждебные подкопы подъ истину и потому можетъ быть названа оплотомъ и огражденіемъ виноградника“ [2]). Безъ сомнѣнія не одинъ Климентъ разсуждалъ въ то время подобнымъ же образомъ. Всѣ христіанскіе ученые его времени признавали ученіе Спасителя „самодовольнымъ“, но всѣ видѣли рѣшительную необходимость въ научномъ обоснованіи его. Далѣе, чѣмъ чаще христіанскимъ учителямъ приходилось бесѣдовать съ учеными язычниками о предметахъ вѣры, тѣмъ болѣе становилось необходимымъ научное ихъ обоснованіе. „Въ началѣ вѣры, пишетъ бл. Іеронимъ, образованный въ ученіи философовъ, т. е. язычниковъ, я не зналъ догматовъ христіанскихъ и думалъ видѣть у апостоловъ то, что читалъ у Пиѳагора, Платона и Эмпедокла“ [3]). Такъ пишетъ сынъ христіанскихъ родителей, жившій

[1]) Iustin. Apolog. 1 pro Christ. n. 20—22, См. выше примѣч. 2-е къ стр. 289.
[2]) Strom. l. I, c. 20: См. выше къ стр. 229.
[3]) Epist ad Pamm.. et Ocean. n. 6 по Migne 83, t. 22, 748 col.

въ эпоху преобладанія христіанства надъ древнимъ язычествомъ. Что же сказать о языческихъ послѣдователяхъ Пиѳагора, Платона и Эмпедокла, которые въ школѣ языческаго философа если не пріобрѣли убѣжденія въ истинности доктрины своего учителя, послѣдователя извѣстнаго авторитета философской мысли, то по крайней мѣрѣ получили навыкъ убѣждаться въ истинѣ не иначе, какъ при помощи научнаго систематическаго мышленія. Могла-ли быть сколько нибудь успѣшною пропаганда христіанства среди такихъ мыслителей, если бы христіанское вѣроученіе было имъ предложено въ томъ видѣ, какъ оно сообщалось обращающимся ко Христу изъ среды людей некнижныхъ. Не отвергъ-ли бы языческій философъ съ презрѣніемъ евангелія, предложеннаго ему въ качествѣ высшаго аргумента для его убѣжденія? Евангельскія истины, облеченныя въ форму науки, только и могли обращать ко Христу мудрецовъ міра сего. Тѣмъ, для кого дороги были интересы христіанства, кто всею силою своей души предавался мысли о его распространеніи и проявлялъ самую энергическую дѣятельность на этомъ поприщѣ, предстояло возвысить богооткровенныя истины на степень науки. Только это могло обезпечить успѣхъ распространенія христіанства среди образованныхъ язычниковъ [1]).

Инымъ путемъ, но къ подобнымъ же результатамъ могла вести борьба христіанъ съ іудеями. Эти послѣдніе, оставаясь вполнѣ солидарными съ христіанами въ своихъ воззрѣніяхъ на боговдохновенность ветхозавѣтнаго откровенія, не придавали съ одной стороны никакого значенія переводу LXX, исказившему будто бы сущность откровенія [2]), а съ другой не при-

---

[1]) Orig. Contra Celsum l. I. n. 2. Ὅτι ἀπὸ ἑλληνικῶν τις δογμάτων καὶ γυμνασίων ἐλθὼν ἐπὶ τὸν λόγον οὐ μόνον κρίνοι ἂν αὐτὰ ἀληθῆ, ἀλλὰ καὶ ἀσκήσας κατασκευάσαι ἄν, καὶ τὸ δοκοῦν ἐλλιπὲς, ὡς πρὸς ἑλληνικὴν ἀπόδειξιν, ἀναπληρώσαι κατασκευάζων τὴν χριστιανισμοῦ ἀληθότητα.... Migne. t. XI, 656 col.

[2]) Въ своемъ письмѣ къ Африкану Оригенъ, указывая на мотивы, побудившіе его къ рецензіи перевода LXX и сравненію его съ еврейскимъ текстомъ, между прочимъ упоминаетъ и о томъ, что чрезъ такое сравненіе у евреевъ будетъ отнятъ всякій предлогъ къ насмѣшкамъ надъ увѣровавшими изъ язычниковъ и, слѣд., пользующимися исключительно греческимъ переводомъ свящ. книгъ: τοιαύτης γὰρ οὔσης ἡμῶν τῆς πρὸς αὐτοὺς ἐν ταῖς ζητήσεσι παρασκευῆς т. е. сличенный текстъ, οὐ καταφρονήσουσιν οὐδ' ὡς ἔθος αὐτοῖς, γελάσονται τοὺς ἀπὸ τῶν ἐθνῶν πιστεύοντας, ὡς τ'

знавали боговдохновенности за новозавѣтными книгами. Въ борьбѣ съ ними христіанскимъ ученымъ приходилось отстаивать авторитетность греческаго перевода LXX-ти, а главнѣе всего доказывать боговдохновенность новозавѣтныхъ книгъ, ихъ неземное происхожденіе. Въ виду послѣдней цѣли нужно было обращаться къ ветхому завѣту, сближать его съ новымъ, указывать исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ на лицѣ І. Христа,—словомъ, строить научную систему богооткровенныхъ истинъ на почвѣ самаго откровенія.

Но если іудеи не признавали божественной авторитетности только за книгами Новаго Завѣта, то гораздо безцеремоннѣе относились ко всему откровенію еретики, вышедшіе изъ среды христіанъ. Это другая категорія враговъ церкви, враговъ внутреннихъ, не менѣе, если только не болѣе, для нея опасныхъ. Стоя на почвѣ разсудочнаго мышленія по принципамъ той или другой философской системы, они подвергаютъ разбору священныя книги и несогласныя съ ихъ взглядами отвергаютъ, принимая только тѣ, которыя, если не прямо, то въ нѣсколько измѣненномъ видѣ могли подкрѣплять ихъ доктрину. Принятая та или другая священная книга комментируется по правиламъ общераспространенныхъ въ той или другой философской школѣ началъ герменевтики. Этого мало,—въ своихъ интересахъ еретики дозволяютъ себѣ безграничную свободу въ обращеніи съ тою или другою принятой ими книгой. Многія мѣста, прямо противорѣчащія ихъ доктринѣ, выбрасываются, другія искажаются по принципамъ той же доктрины. Чтобы оградить неприкосновенность священныхъ книгъ, нужно было съ одной стороны доказать ихъ подлинность, ихъ древность, съ другой представить исправный текстъ, на которомъ долженъ былъ покоиться экзегесисъ. Для перваго важно было преданіе церкви, для втораго исправленіе текста на основаніи древнихъ точныхъ и вѣрныхъ списковъ оригиналовъ, а также древнихъ переводовъ. Но этимъ еще не совсѣмъ обезпечивался успѣхъ полемики съ еретиками. Нужно было выработать опредѣленные принципы герменевтики, которые были бы, такъ сказать, общею нормою комментированія, были бы обязательными для той

ἀληθῆ καὶ παὰ αὐτοῖς ἀναγεγραμμένα ἀγνοοῦντας. Origenis epist. ad Afric. de historia Susannae n. 5, по Mignet. XI, 61 col.

и другой изъ полемизирующихъ сторонъ. Вотъ и поводъ къ появленію научнаго экзегесиса.

Указанныхъ причинъ было достаточно если не для широкаго развитія, то по крайней мѣрѣ для зарожденія богословія, какъ науки. Но и среди вѣрныхъ сыновъ церкви было не мало обстоятельствъ, которыя такъ или иначе вызывали потребность въ богословской наукѣ. Мы уже упоминали о томъ, что замѣтно широкое распространеніе христіанства падаетъ на блестящую для науки эпоху Антониновъ. Въ эту пору христіанское общество среди своихъ членовъ видѣло людей разнаго званія и состоянія, людей съ различнымъ образованіемъ. Прозелитами его были философы и риторы, представители тогдашней учености. Сдѣлавшись христіанами, часто ревностнѣйшими, они не могли покончить со всѣмъ прошлымъ. Привычка — вторая природа. Навыкъ изслѣдовать по началамъ логики, разсудочнаго мышленія съ необходимостію проявлялъ себя и въ христіанствѣ. Стремленіе найти опору для принятаго на вѣру, подкрѣпить покоющееся на чувствѣ и сердцѣ разсудочнымъ мышленіемъ, внѣшними доказательствами, всегда остается присущимъ христіанскому философу. Онъ скорѣе всего готовъ былъ взглянуть на самое христіанство, какъ на философскую систему совершеннѣйшую и во всѣхъ частяхъ законченную. Для Климента и Оригена богооткровенный кодексъ есть философія, истинное знаніе, наука высшая всѣхъ наукъ [1]). Еще св. Іустинъ противопоставлялъ философіи Платона ученіе Христа и, сравнивая послѣднее съ первымъ, какъ двѣ системы, оказывалъ преимущество христіанской доктринѣ [2]). Эта послѣдняя могла быть подведена подъ категорію философскихъ системъ со стороны своего содержанія. Христіанское ученіе разрѣшало такіе вопросы, которые издавна составляли предметъ величайшихъ усилій человѣческаго ума, усилій безплодныхъ, попытокъ, не увѣнчавшихся успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе замѣчательныхъ въ своемъ родѣ. Правда, оно по внѣшней формѣ изложено не такъ, какъ излагались системы философовъ, но за то по внутреннему своему содержанію превосходитъ неизмѣримо эти послѣднія. Оставалось только придать ему научную форму, и явилась-бы полная философская система, система совершен-

[1]) Clem. Strom. l. VI, c. 16. ср. Orig. Epist. ad. Gregor. n. 1.
[2]) Apolog. I, n. 44, 46 и др.

нѣйшая, предлагающая неземное рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ.

Всѣ изложенные нами мотивы къ возникновенію богословія, какъ науки, существовали на лицо въ Александріи, гдѣ впервые зародился христіанскій гносисъ и достигъ широкаго развитія. Здѣсь со всею рѣзкостію языческаго философа ученіе Христа и жизнь христіанъ подвергаются осмѣянію и нападкамъ со стороны Цельса. Въ Александріи съ другой стороны болѣе, чѣмъ гдѣ либо, философы являлись расположенными къ принятію христіанства. Господствовавшій тамъ эклектизмъ облегчалъ путь ко Христу философски образованнымъ язычникамъ. Философы христіанскіе въ Александріи чаще, чѣмъ гдѣ либо вращались въ кругу представителей языческой учености, вели съ ними бесѣды религіознаго характера и такимъ образомъ разсѣевали сѣмена вѣры. Александрійскіе іудеи давно уже познакомились съ греческою философіей и по началамъ ея обращались съ закономъ. Врожденная ненависть къ христіанству заставляла и этихъ либеральныхъ эллинистовъ дѣлать нападки на христіанъ. Какъ ученые, они сводятъ борьбу на научную почву. Переводъ 70-ти подвергается съ ихъ стороны осмѣянію и сарказмамъ. Экзегесисъ, основанный на греческомъ переводѣ, не имѣетъ въ ихъ глазахъ никакого авторитета. Сама христіанская община въ Александріи, не имѣвшая никакой возможности отрѣшиться отъ научныхъ традицій прошлаго, скорѣе всего способна была привести въ связь вѣру и знаніе, устроить компромиссъ между христіанскою доктриною и языческою формою. Бывшіе до обращенія эклектиками, христіанскіе философы и остались таковыми послѣ вступленія въ церковь. Если каждая философская система, какъ разсуждалъ Климентъ, содержала въ себѣ извѣстныя доли истины, той самой, которая возвѣщена І. Христомъ въ совершенной степени, то ясно, что между христіанствомъ и языческими системами есть внутреннее родство. Отсюда, при существованіи этого внутренняго родства, всего законнѣе было связать ихъ и со стороны внѣшней, со стороны формы. Богооткровенные провозвѣстники истины всего менѣе заняты были этою послѣднею, предоставивъ трудъ меньшей важности на долю даровитыхъ людей изъ числа послѣдователей Христа. Эклектикъ христіанинъ не могъ игнорировать языческую ученость. Если въ ней не высоко было

по сравненію съ христіанствомъ внутреннее содержаніе, то возвышенна и величественна форма. По крайней мѣрѣ съ этой стороны языческій міръ долженъ былъ заплатить дань христіанству. И вотъ въ Александріи скорѣе, чѣмъ гдѣ либо являются опыты построенія научной христіанской системы. Чѣмъ другимъ мотивировались литературныя произведенія Климента Александрійскаго, писанныя имъ для руководства студентовъ школы, какъ не мыслію, что христіанская доктрина можетъ быть изложена въ научной формѣ? Что другое представляетъ намъ извѣстное Оригеново „περὶ ἀρχῶν", какъ не христіанскую философскую систему, выполненную по принципамъ философскихъ системъ? Въ лицѣ Климента мы встрѣтимъ христіанскаго философа, занятаго мыслію рѣшить на почвѣ Откровенія всѣ главнѣйшіе вопросы, которые интересовали современныхъ ему мудрецовъ вѣка сего. Оригенъ является предъ нами систематикомъ богословомъ съ широкими философскими тенденціями. Его „περὶ ἀρχῶν" претендуетъ на христіанскую богословскую систему, но форма его чисто научная, практиковавшаяся въ системахъ языческихъ философовъ. Что эта система возросла на почвѣ христіанства, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Авторъ ея ревностнѣйшій исповѣдникъ Христова имени, сынъ христіанина и воспитанный въ христіанской семьѣ. Предназначалась она не для ученыхъ язычниковъ, оказывавшихъ расположеніе вступить въ лоно церкви, но для христіанскихъ гностиковъ, людей закончившихъ курсъ энциклическихъ наукъ. Но что на системѣ Оригена отразилось вліяніе современной ему философіи, это также очевидно. Мы не говоримъ о болѣе глубокомъ вліяніи философіи на Оригена, въ силу котораго онъ привнесъ въ христіанскую систему много заимствованнаго изъ философіи, не мирящагося съ христіанскимъ ученіемъ. Для насъ важна въ этомъ случаѣ только формальная, внѣшняя сторона. Христіанскій философъ для своей неземной высшей философіи считаетъ нужнымъ заимствовать форму изъ системъ языческихъ мудрецовъ. Нѣтъ ни сомнѣній, ни колебаній, не ставится даже вопроса о законности такой постановки дѣла. „Illuminate vobis lumen scientiae" (Осіи X, 12) говоритъ Писаніе [1]), и для Оригена этого достаточно, чтобы

[1]) Περὶ ἀρχῶν n. 10. 121 col. ср. Contra Celsum l. VI, n. 7, гдѣ Оригенъ изслѣдованіе Писанія называетъ заповѣдію Іисуса Христа (ἡ ἐντολὴ τοῦ Ἰησοῦ

взглянуть на христіанскую доктрину, какъ на философію, тѣмъ болѣе, что апостолы преднамѣренно о многомъ умолчали, чтобы тѣмъ доставить возможность любителямъ истины, надѣленнымъ дарами краснорѣчія, мудрости и знанія, проявить плодъ своего ума, добыть истину путемъ науки [1]).

При такихъ обстоятельствахъ возродилось богословіе, какъ знаніе, на почвѣ города, славившагося процвѣтаніемъ наукъ и искусствъ, среди христіанъ, вышедшихъ изъ школъ философовъ, людей, для которыхъ дороги были научные интересы. Эти же самыя обстоятельства во многомъ вліяли и на первичныя формы его постановки въ школѣ. Послѣдняя должна была съ одной стороны защитить и оградить христіанство отъ нападокъ язычества, а съ другой содѣйствовать его распространенію. Въ случаѣ успѣха школа брала на себя обязанность религіозно-нравственнаго воспитанія христіанскаго гностика. Но этимъ еще далеко дѣло не заканчивалось. Школа должна была образовать изъ своихъ питомцевъ научныхъ людей, христіанскихъ философовъ, которые могли бы быть противопоставлены мудрецамъ міра сего. Удовлетворяя всѣмъ этимъ запросамъ, Александрійская христіанская школа успѣла уже подраздѣлить спеціальный, высшій предметъ своего преподаванія на отдѣльныя отрасли знанія, богословской науки. Уже при Климентѣ и Оригенѣ преподаются въ разныхъ классахъ школы слѣдующія вѣтви богословія: а) полемическая апологетика, б) нравственное и в) догматическое богословіе и г), наконецъ, экзегесисъ. Знаменитые предстоятели школы защищаютъ христіанство предъ студентами перваго курса, какъ религію богооткровенную, высшую и совершеннѣйшую. Студенты втораго курса поучаются истинамъ нравственнаго богословія, правиламъ христіанской жизни и поведенія. Перешедшихъ въ третій курсъ учители хотятъ сдѣлать христіанскими философами систематиками и научными экзегетами.

Апологетика въ рукахъ преподавателей Александрійской школы должна была получить нѣсколько иной видъ сравнительно съ произведеніями этого рода, вышедшими изъ-подъ

ἐστι ζητεῖν τὴν διάνοιαν τῶν Γραφῶν, καὶ αἰτεῖν περὶ αὐτῶν ἀπὸ τοῦ Θεοῦ, κα κρούειν αὐτῶν τὰ κεκλεισμένα) 1300 col.

[1]) Περὶ ἀρχῶν p. 3. 116 col.

пера первыхъ апологетовъ. Если послѣдніе среди крайнихъ нападокъ на христіанство со стороны языческой партіи должны были болѣе доказывать родство христіанства съ язычествомъ, указывать на то, что христіанство только развило и полнѣе раскрыло извѣстное отчасти міру языческому, то для первыхъ явились уже новые запросы отъ ихъ апологій. Философія языческая сама не преминула сблизиться съ христіанствомъ, включивъ послѣднее, конечно, какъ низшій видъ, въ кругъ прецедентовъ истиннаго откровенія. Христіанству грозила опасность быть смѣшаннымъ съ философіей. Отсюда александрійскіе апологеты вопросъ о родствѣ христіанства съ языческой философіей отодвигаютъ на задній планъ, выставляя на первомъ коренное различіе между ними, разнородность въ источникѣ и результатахъ. Такъ ставитъ дѣло Климентъ. Предъ студентами перваго курса, людьми непросвѣщенными еще свѣтомъ вѣры, онъ старается показать всю несостоятельность языческихъ вѣрованій, культа со всею его обрядностію и языческой наукою. Въ устахъ Климента сами язычники говорятъ противъ себя. Масса выдержекъ изъ языческихъ авторовъ всего лучше могла засвидѣтельствовать въ глазахъ слушателей справедливость безпощадной критики язычества въ устахъ знаменитаго христіанскаго учителя. Результатомъ критики является картина жалкаго состоянія язычества, потерявшаго истину, лишившагося средствъ спасенія. Въ противоположность язычеству христіанство является обладающимъ истиною и средствами спасенія. Отсюда дѣлается выводъ о необходимости для всѣхъ обращенія ко Христу [1]).

---

[1]) Такъ изложено извѣстное «Cohortatio ad gentes» Климента. «По древнему преданію Амеіонъ Ѳивскій и Аріонъ Меѳимнійскій, начинаетъ Климентъ, славились такимъ искусствомъ пѣнія, что одинъ своею музыкою привлекалъ рыбъ, а другой оборонялъ Ѳивы. Другой нѣкоторый искусникъ изъ Ѳракіи укрощалъ пѣніемъ дикихъ звѣрей, заставлялъ деревья и фиги перемѣнять свои мѣста»... Этимъ пѣвцамъ, о которыхъ повѣствуютъ языческія басни, Климентъ противопоставляетъ хоръ святыхъ пророковъ и того божественнаго Пѣвца, Вѣчное Слово Отца, Сына Божія, Который отвлекъ людей отъ служенія идоламъ, изгналъ демоновъ, своимъ воплощеніемъ соединилъ небо съ землею и научилъ людей истинной религіи. Какъ совершеннѣйшему неземному пѣвцу Ему всѣ должны внимать (с. 1). Чтобы для языческаго слушателя могъ показаться болѣе убѣдительнымъ выводъ Климента, онъ предпринимаетъ на себя трудъ начертить картину языческаго культа, изъ которой ясно откроется

Не представляетъ большаго различія сравнительно съ методомъ апологіи Климента методъ преподаванія этого предмета въ устахъ Оригена. По свидѣтельству Григорія Чудотворца, этотъ послѣдній, какъ опытнѣйшій руководитель, читалъ съ своими учениками произведенія философовъ языческихъ, „отдѣ-

---

вся его нелѣпость, полнѣйшее нечестіе. Съ ироніей указываетъ Климентъ на оракулы: Ѳеспротейскій котелъ (λέβης Θεσπρωταῖος), на треножникъ Циррейскій, мѣдный звонокъ Додоны и др., не обходитъ своимъ вниманіемъ авгуровъ, оруспиковъ, прорицателей, яркими красками рисуетъ культъ Діониса и Діаны, останавливается на теогоніяхъ и такимъ образомъ выставляетъ на видъ безобразіе язычества во всей его наготѣ. Изумленному, сконфуженному язычнику Климентъ сейчасъ же указываетъ и причины возникновенія языческаго культа, идолослуженія. Семь такихъ причинъ выставляетъ онъ: а) удивленіе предъ величіемъ звѣзднаго неба могло привести людей къ поклоненію ему, какъ Богу. б) Плодородіе земли внушило мысль обожать хлѣбъ и вино подъ образами Діониса и Діаны. в) Страхъ предъ наказаніями за порочную жизнь породилъ фурій и злыхъ демоновъ. г) Поэты и философы многіе аффекты души олицетворили въ образѣ боговъ, а нѣкоторые воздвигли даже алтари безчестію и безстыдству. д) Многіе возвели людей на степень божествъ е) и создали тѣхъ двѣнадцать, о происхожденіи которыхъ написалъ Гезіодъ свою теогонію и которыхъ Гомеръ отличаетъ отъ боговъ. ж) Наконецъ послѣдняя причина указывается Климентомъ въ томъ обстоятельствѣ, что люди, получая благодѣянія отъ Бога, при незнаніи истиннаго источника ихъ, отнесли все это на счетъ благодѣтелей (σωτῆρας) Діоскуровъ, Геркулеса, избавителя отъ бѣдъ (ἀλεξίκακον) и врача Эскулапа. Если таковы причины появленія боговъ, то по нимъ можно судить, какими должны быть и сами боги. Насчитываютъ трехъ Зевсовъ, пять Аѳинъ, шесть или болѣе Аполлоновъ и т. под. Что же указываютъ въ нихъ особеннаго, чѣмъ бы они отличались отъ людей? Ничего. Говорятъ объ ихъ происхожденіи, рожденіи, образѣ жизни и указываютъ даже ихъ могилы. Все это еще обыкновенно, свойственно всѣмъ людямъ. Но язычники приписываютъ своимъ богамъ и богинямъ такіе пороки, которыхъ стыдятся люди. Таковы боги. Не менѣе позорны и тѣ тринадцать тысячъ демоновъ, которыхъ Гезіодъ называетъ хранителями (φύλακες) смертныхъ людей (с. 2). А храмы, жертвоприношенія—все это изобрѣтеніе позднѣйшихъ временъ: древность не знала ихъ. Не имѣютъ за собою авторитета древности и изображенія боговъ (статуи). Древніе поклонялись деревьямъ, камнямъ, щитамъ, копьямъ и т. п., и только позднѣе вошло въ обычай дѣлать изображенія боговъ. Что же находитъ язычникъ въ своихъ идолахъ? — Безчувственные куски металла или дерева, безъ движенія и жизни. Въ этомъ отношеніи они хуже животныхъ, птицъ и могутъ быть поставлены на ряду съ землею, которую мы научились попирать ногами. Далѣе, продолжаетъ Климентъ, какія божества вымыслили ваши художники въ лицѣ сиренъ, сатировъ? Какихъ демоновъ ваши маги заставили служить себѣ? Вы приписали имъ такія дѣянія, о которыхъ христіанину даже неприлично и слушать.—Изъ вышеизложенной картины языческаго культа дѣлается тотъ выводъ, что все язычество съ его богами и обрядами достойно презрѣнія. Должно чтить Единаго Бога, Творца всего (до 5 гл.). — Критикою языческаго культа

ляя все то, что въ нихъ было ложно“ [1]). Ясно, значитъ, что Оригенъ подвергалъ критическому разбору произведенія древней философской науки и все, что было несостоятельно въ язычествѣ предъ судомъ здравой христіанской критики, отвергалъ, какъ недостойное знанія христіанина. Борьба съ язычествомъ могла быть успѣшною на почвѣ самаго язычества. Знаніе послѣдняго было дѣломъ необходимости. Климентъ, вышедшій изъ школъ языческихъ, конечно, былъ прекрасно знакомъ со всею его доктриною. Оригену, какъ сыну христіанина, воспитанному въ строгомъ христіанскомъ благочестіи, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ пришлось изучать системы философовъ и для чего? „Когда я прилежно занимался Словомъ Божіимъ и молва о моихъ познаніяхъ далеко распространилась, говоритъ Оригенъ, тогда стали приходить ко мнѣ то еретики, то любители еллинскихъ наукъ, а особенно философы; посему я рѣшился изслѣ-

---

однако далеко не заканчивалось еще дѣло полемики. Нужно было взглянуть въ тѣ тайники язычества, на которыхъ созидался самый культъ, — это доктрины философовъ и поэтовъ. Мы уже видѣли, къ какимъ выводамъ приходитъ Климентъ относительно языческихъ философовъ Только немногіе изъ нихъ высказали приближающіяся къ истинѣ понятія о Богѣ, что отчасти можно находить также и у поэтовъ (до 7 гл.).—Итакъ и наука языческая, это лучшее созданіе естественнаго ума человѣка, не привела и не могла привести къ истинѣ. Не дала она и средствъ къ спасенію Въ противоположность язычеству полнѣйшая истина находится у пророковъ, вдохновленныхъ Духомъ Святымъ. Устами Сивиллы, Іереміи, Исаіи, Моисея, Амоса, Давида и Соломона Богъ отвлекалъ людей отъ идолослуженія и научалъ истинной религіи (гл. 8). Этого мало,—Богъ благоволилъ насъ назвать своими чадами. Неужели и послѣ этого, спрашиваетъ Климентъ, мы не поспѣшимъ воспользоваться Его благодѣяніями, неужели не пожелаемъ назваться первородными сынами Его, написанными на небесахъ? Вдвойнѣ виновенъ тотъ, кто и теперь не откликнется на призывъ милосердаго Бога Отца (гл. 9). Умѣстенъ ли еще отказъ подъ тѣмъ предлогомъ, что неприлично и несправедливо измѣнять обычаямъ предковъ? Сколько перемѣнъ испытываетъ въ своей жизни человѣкъ, а самое необходимѣйшее является неприличнымъ, несправедливымъ! Съ глубокимъ сожалѣніемъ Климентъ указываетъ на религіознаго язычника, стоящаго въ молитвенномъ настроеніи предъ статуей. И этотъ несчастный не хочетъ внять голосу всеблагаго Бога, Который призываетъ къ Себѣ всѣхъ и обѣщаетъ за послушаніе великія блага. Верхъ любви Божіей къ несчастному роду человѣческому проявился въ томъ, что Сынъ Божій принялъ на Себя плоть и Своею смертію избавилъ насъ отъ рабства грѣху и вѣчной смерти. Заканчивая свое увѣщаніе къ язычникамъ, Климентъ еще разъ призываетъ ихъ ко Христу, убѣждаетъ оставить нечестіе, идолослуженіе и всякій порокъ, въ чемъ одномъ видитъ средство къ спасенію.

[1]) См. выше.

довать и ученія еретиковъ и мнѣнія философовъ объ истинѣ“ [1]) и, безъ сомнѣнія, въ видахъ полемики съ ними. Таже цѣль руководила Климентомъ и Оригеномъ въ ихъ преподавательской дѣятельности. Учениками являлись тѣже ученые язычники, которые яростно нападали на христіанство и послѣ въ силу какихъ либо внѣшнихъ обстоятельствъ, или внутренняго расположенія сердца, а часто въ видахъ полемики обращались къ христіанскимъ учителямъ. Всего умѣстнѣе было подобнаго рода слушателямъ представить несостоятельность, пустоту ихъ вѣрованій, стоя на почвѣ самаго язычества.

Какъ оглашенные, имѣвшіе вступить въ лоно церкви чрезъ таинство крещенія, студенты перваго класса знакомились съ основными догматами христіанства. Это послѣднее было связано неразрывно съ системою полемики. За критикою язычества слѣдуетъ положительное ученіе христіанской вѣры, теоретическая сторона его. Въ замѣнъ неудовлетворявшей религіознымъ потребностямъ доктрины язычества христіанскій учитель предлагалъ христіанское вѣроученіе, какъ совершеннѣйшую истину неземнаго происхожденія.

Крещеніемъ оглашенныхъ заканчивался актъ приготовленія. Изъ перваго класса слушатели переходили во второй. Новопросвѣщеннымъ, еще не успѣвшимъ познакомиться съ принципами нравственной дѣятельности и правилами жизни сообразно съ требованіями новаго положенія, христіанскій учитель предлагаетъ „педагога“, какъ руководителя въ жизни, предписывающаго всѣ правила поведенія христіанина. Принявшимъ вѣру, начинаетъ Климентъ „Παιδαγωγὸν“, всего приличнѣе исправить и улучшить свой образъ жизни. Къ этой цѣли ведетъ „педагогъ“, главную задачу котораго составляетъ — улучшить душу, а не научить (βελτιῶσαι τὴν ψυχὴν, οὐ διδάξαι). Воспитатель христіанъ есть никто иной, какъ Сынъ Божій, вѣчный, безгрѣшный, воплотившійся по волѣ Отца. Онъ для насъ εἰκὼν ἡ ἀκηλίδωτος, идеалъ совершенства. Цѣль всей нашей жизни составляетъ стремленіе уподобить Ему нашу душу (τούτῳ παντὶ σθένει πειρατέον ἐξαμοιοῦν τὴν ψυχὴν). И мы въ этомъ случаѣ небезпомощны: нашъ Педагогъ имѣетъ власть исцѣлять всѣ недуги души, поелику Онъ есть Богъ. Онъ со-

[1]) Евсевій. Церк. ист. VI, 19.

здалъ человѣка по образу Своему. Отсюда у Него такая любовь къ людямъ, что ради ихъ Онъ принялъ на себя человѣческую плоть. Всякій полъ и всякій возрастъ—всѣ равно Его дѣти. Писаніе неоднократно называетъ насъ этимъ именемъ. Однако такое имя для многихъ составляетъ предметъ соблазна. Если всѣ христіане дѣти, то и все ихъ ученіе дѣтское, несовершенное. Христіанское дѣтство, объясняетъ Климентъ, начинается съ принятія св. крещенія. Но послѣднее дѣлаетъ насъ совершенными. Мы дѣти по порокамъ, но совершенны разумомъ и ученіемъ. Если апостолъ (Павелъ) говоритъ о молокѣ, какъ наилучшей пищѣ для христіанъ еще слабыхъ, то это значитъ только то, что онъ рекомендуетъ самую лучшую, здоровую и полезную пищу, каково молоко. Впрочемъ христіанинъ и не претендуетъ на абсолютное совершенство. Крещеніе дѣлаетъ насъ совершенными, но въ относительномъ смыслѣ. Одинъ Христосъ, Сынъ Божій, есть абсолютно совершеннѣйшее Существо. Онъ нашъ педагогъ, высшій и совершеннѣйшій всѣхъ извѣстныхъ въ мірѣ педагоговъ. Онъ — воспитатель ветхозавѣтныхъ патріарховъ и всего народа еврейскаго, а теперь и насъ, христіанъ. Одно могло казаться въ дѣятельности высшаго неземнаго Педагога негармонирующимъ съ Его благостію и любовью къ людямъ—это угрозы и наказанія, о которыхъ повѣствуетъ Писаніе. Не нужно забывать, говоритъ въ объясненіе этого Климентъ, что нашъ Педагогъ не только благъ, но и справедливъ. Всѣ преступные получаютъ отъ него воздаяніе по своимъ заслугамъ. Но съ другой стороны только близорукому человѣческому глазу можетъ казаться жестокимъ то, что направлено къ нашему благополучію. Кого любитъ, того и наказуетъ нашъ Педагогъ. Его угрозы, увѣщанія, наказанія суть средства къ отвращенію отъ грѣховъ, медикаменты къ уврачеванію недуговъ души, слѣдовательно опять характеризуютъ нашего Педагога, какъ благаго и любвеобильнаго. Онъ благой пастырь, Который полагаетъ душу свою за овцы. Онъ нашъ Творецъ, Спаситель и Воспитатель. Наше дѣло только исполнять Его заповѣди, устроять свою жизнь сообразно съ этими послѣдними.—Какъ же можетъ устроить свою жизнь подъ руководствомъ Педагога каждый христіанинъ? Климентъ слишкомъ подробно излагаетъ правила христіанской жизни и поведенія. Явленія об-

щественной и семейной жизни обращаютъ на себя его вниманіе [1]). Руководящимъ принципомъ дѣятельности христіанина всюду является умѣренность. Не предписываетъ Климентъ аскетическаго воздержанія въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ, супружескихъ отношеніяхъ и т. п., но вооружается противъ злоупотребленій всѣмъ этимъ. Во всѣхъ наставленіяхъ Климента ясно проглядываетъ та мысль, что наше поведеніе должно отличаться достоинствомъ и разумнымъ тактомъ, но не крайнимъ напряженіемъ. Нельзя удивляться тому, что во многихъ случаяхъ наставленія Климента мелочны, слишкомъ обыденны. Его ученики только-что успѣли выйдти изъ круговорота языческой жизни. Если съ трудомъ преодолѣваются привычки и склонности прежней жизни, то, конечно, слишкомъ мало былобы указать только на общій принципъ христіанской жизни безъ подробныхъ разъясненій болѣе частныхъ пунктовъ изъ кодекса морали.

Нельзя встрѣтить замѣтной разности и въ преподаваніи нравственныхъ правилъ Оригеномъ. Не указываемъ на его гомиліи, какъ имѣвшія мѣсто въ церкви, при общественномъ богослуженіи. Для насъ важно въ этомъ случаѣ свидѣтельство ученика Оригена, Григорія Чудотворца, который заявляетъ, что Оригенъ съ особеннымъ сочувствіемъ относился къ нравственной философіи, убѣждая учениковъ болѣе всего заботиться о нравственномъ совершенствѣ, объ умѣньи устроять свою жизнь по началамъ разума, подъ руководствомъ дѣятельной вѣры [2]). Правда, Григорій быть можетъ говоритъ о занятіяхъ Оригена съ совершенными, т. е. проходившими послѣдній высшій курсъ школы; но въ этомъ случаѣ едва ли можетъ возникнуть какое

---

[1]) Во второй книгѣ своего «Педагога» Климентъ даетъ наставленія относительно употребленія пищи, питія, домашней утвари, поведенія въ собраніяхъ, говоритъ о смѣхѣ, неприличныхъ разговорахъ, о поведеніи въ сообществѣ съ другими, объ употребленіи вѣнцовъ и коронъ, о снѣ, супружескихъ отношеніяхъ, о нарядахъ и дорогихъ украшеніяхъ. Третья книга служитъ непосредственнымъ продолженіемъ второй. Климентъ представляетъ здѣсь дальнѣйшее выясненіе правилъ поведенія христіанина, — сообщаетъ понятіе объ истинной красотѣ, вооружается противъ тщеславія въ нарядахъ и убранствѣ женщинъ, говоритъ о томъ, какъ должно вести себя въ баняхъ и ради какой нужды ходить въ нихъ, какія изъ тѣлесныхъ упражненій позволительны христіанину, почему можетъ назваться христіанинъ богачемъ и т. п.

[2]) См. выше, 350 стр.

либо сомнѣніе въ томъ, что основная мысль его нравственной доктрины не измѣнялась для слушателей втораго класса.

Знакомые съ элементарными истинами христіанства, узнавшіе основные принципы христіанской жизни и дѣятельности, слушатели переходили въ третій классъ, причислялись уже къ числу избранныхъ, исотериковъ, акроатовъ высшей науки, высшаго гносиса. Мы видѣли, какіе предметы рекомендовались совершеннымъ въ качествѣ пропедевтическаго курса къ высшей христіанской философіи, ознакомились съ взглядами знаменитыхъ предстоятелей александрійской школы на значеніе энциклическихъ наукъ. Обратимся теперь къ тому, какъ преподавалась въ школѣ высшая мудрость, та наука, изученіе которой составляло главнѣйшую задачу школы.

Опредѣляя христіанство, какъ высшую философію, александрійскіе учители должны были и взглянуть на постановку этого предмета съ точки зрѣнія общепринятаго тогда метода преподаванія его въ философскихъ школахъ. Но къ чему стремилась современная Клименту и Оригену философія? Неоплатонизмъ отнюдь не претендовалъ исключительно на степень отвлеченной философской системы. Его задачею было удовлетворить всѣмъ нуждамъ, потребностямъ и запросамъ своего времени. Древній міръ былъ близокъ къ разложенію и упадку. Индефферентизмъ въ религіи, скептицизмъ въ философіи, нравственная распущенность въ семейной и общественной жизни—вотъ черты, которыми можно характеризовать языческое общество того времени. Полный надеждъ на исправленіе и радикальное измѣненіе всѣхъ сторонъ жизни, неоплатонизмъ прежде всего ищетъ единенія, связи философіи съ религіей. Философскому скептицизму и религіозному индефферентизму онъ противопоставляетъ философски-религіозную систему,—результатъ изученія и примиренія всѣхъ прежнихъ системъ съ одной стороны, а съ другой примиренія всѣхъ вѣрованій и религіозныхъ традицій не только греко-римскихъ, но и другихъ національностей. Путемъ эклектизма неоплатонизмъ надѣется создать религіозно-философскую систему, которая должна была удовлетворить всѣмъ запросамъ человѣческаго духа. Ученый философъ, религіозный язычникъ, государственный дѣятель и всякій образованный грекъ — всѣ въ одинаковой степени должны были найти въ новой системѣ удовлетвореніе своимъ потребностямъ. Его ближайшая задача—

улучшить жизнь людей, сдѣлать ихъ счастливыми. Отсюда, отводится широкое мѣсто въ системѣ вопросамъ о практической дѣятельности, ея принципахъ и средствахъ такъ или иначе ведущихъ къ цѣли—счастію. Не тогоже-ли самаго искали и домогались на закатѣ дней своего существованія и стоицизмъ и эпикуреизмъ? Словомъ, въ эту эпоху философія мыслилась по преимуществу, какъ наука практическая, наука, ведущая человѣка къ счастію. Она одна въ состояніи доставить человѣку благополучіе на землѣ и желанную участь въ будущемъ.

Обращаясь къ философіи христіанской, какъ высшему предмету школы, мы встрѣчаемъ удивительно сходныя представленія о ней въ умахъ преподавателей христіанской школы съ понятіями языческихъ философовъ. Христіанство есть высшая философія, система богооткровенныхъ истинъ, но не теоретическаго только характера, но и нравственно-практическихъ. Для Климента теорія съ практикой, вѣра и знаніе съ дѣятельностію связаны неразрывными узами. „Каково ученіе, такова и жизнь“,—въ глазахъ Климента, девизъ философа. Истинная мудрость не есть только гносисъ теоретическій, но и та божественная мудрость, которая возникаетъ отъ исполненія заповѣдей. Итакъ христіанская философія, какъ высшій предметъ преподаванія школы, должна научить исотерика не только высшимъ истинамъ теоретическаго характера, но и сдѣлать его мудрецомъ въ общеизвѣстномъ тогда смыслѣ, христіанскимъ гностикомъ. Отчасти эта задача преслѣдовалась и въ первыхъ двухъ курсахъ. Но мы знаемъ уже, что предстоятели Александрійской школы въ своемъ преподаваніи студентамъ первыхъ двухъ курсовъ не задавались широкими планами. Ихъ ближайшею задачею было просвѣтить свѣтомъ истины обращающихся ко Христу, познакомить съ элементарными свѣденіями изъ области нравственнаго кодекса христіанства. Теперь, въ третьемъ курсѣ, имѣется въ виду другая цѣль, болѣе широкая и сложная. Предстоятели школы надѣются приготовить борцевъ за истину противъ нападокъ языческихъ философовъ и еретиковъ, разумно обосновать положительную богооткровенную истину, освѣтить ее предъ сознаніемъ путемъ науки и вывести изъ нея слѣдствія, непосредственно относящіяся къ жизни христіанскаго гностика. Слѣд. съ одной стороны имѣется въ виду теорія, съ другой—практика. Та и другая идутъ рука

объ руку въ преподаваніи учителей александрійской школы. Послѣдніе преподаютъ и назидаютъ. Въ ихъ устахъ и подъ ихъ перомъ христіанская философія является системою религіозно-философскою. Она должна съ одной стороны изложить догматы вѣры, рѣшить всѣ запросы человѣческаго ума, а съ другой удовлетворить потребностямъ чувства и воли. Вотъ общій планъ христіанской философіи. Есть громадное различіе въ выполненіи этого плана подъ перомъ Климента и Оригена. Въ то время какъ Климентъ какъ-бы преднамѣренно избѣгаетъ системы [1]). Оригенъ стремится къ ней. Климентъ создаетъ „узорчатые ковры“, въ которыхъ рѣчь постоянно перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, внезапно прерывается и предлагаетъ совсѣмъ не то, чего бы слѣдовало ожидать по связи, которые самъ Климентъ сравниваетъ съ цвѣтущимъ, но нерасплапированнымъ садомъ, гдѣ цвѣты и деревья разныхъ сортовъ растутъ въ естественномъ безпорядкѣ [2]). Оригенъ группируетъ истины, сводитъ ихъ къ одному центру. Но это внѣшняя сторона. Со стороны же внутренняго содержанія Оригенъ дополняетъ Климента.

Въ первой книгѣ своихъ „Строматъ“ Климентъ рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи языческой науки къ христіанству. Теперь мы уже далеко не видимъ въ Климентѣ того ригориста, того безпощаднаго критика всего язычества, какимъ мы встрѣчали его въ „Cohortatio ad gentes“. Это и понятно. Климентъ имѣетъ дѣло съ слушателями совершенными, исотериками, людьми вполнѣ подготовленными къ христіанскому гносису. Только изрѣдка проглядываетъ въ немъ сомнѣніе, какъ-бы не бросить бисера предъ свиньями [3]). Но это мимолетное чувство живо смѣняется надеждою, что слушатели его уже „σοφοί“, т. е. записаны въ число совершенныхъ. Такимъ слушателямъ можно было откровенно высказать свои воззрѣнія на христіанство, его значеніе, изложить предъ ними ученіе положительное, обоснованное на вѣрѣ и освѣщенное разумомъ. Всякое знаніе отъ Бога. Языческая философія также причастна Божественному Логосу. Въ ней разсѣяна истина по частямъ. Въ силу

[1]) Strom. l. III, c. 2.
[2]) Str. l. VII, c. 18.
[3]) Str. l. I, c. 12.

этого она пригодна и для христіанъ. Ея роль служебная по отношенію къ высшей христіанской наукѣ. Туже роль могутъ играть и тѣ низшія по сравненію съ философіей науки, которыя такъ давно уже сложились въ опредѣленный кругъ общеобразовательныхъ предметовъ школы. Законность такой постановки свѣтской науки по отношенію къ богословію Климентъ объясняетъ тѣмъ, что вся языческая мудрость заимствована отъ варваровъ, т. е. неэллиновъ по происхожденію. Моисей былъ древнѣе всѣхъ языческихъ мудрецовъ. Истина только въ священныхъ книгахъ. Онѣ руководятъ нами къ познанію Бога, указывая въ вѣрѣ самый надежный путь къ познанію. Вѣра— это даръ Божій, но не результатъ естественныхъ предрасположеній души, или случайныхъ явленій, какъ утверждаютъ нѣкоторые еретики. Вѣра должна быть дѣятельною. Отсюда, гностикъ не только знаетъ, но и исполняетъ. Норма для дѣятельности указана въ законѣ. Моисей и на этотъ разъ послужилъ источникомъ для нравственныхъ доктринъ языческихъ философовъ. Конечно, далеко не всѣ остались вѣрны принципу нравственной дѣятельности, указанному Моисеемъ. Климентъ разбираетъ мнѣнія философовъ о высшемъ благѣ. Удовольствіе, выставленное многими философами въ качествѣ принципа для дѣятельности, нѣкоторыми сводилось къ отношенію половъ. Поэтому Климентъ разсматриваетъ понятія о бракѣ и вступаетъ въ полемику не только съ философами, но и еретиками. Исходнымъ пунктомъ своего воззрѣнія онъ ставитъ ученіе о бракѣ ап. Павла. Затѣмъ, указавъ дальнѣйшій ходъ мыслей своихъ книгъ, Климентъ переходитъ къ выясненію понятія гностика. Гностикъ по своему познанію подобенъ ангеламъ, по своимъ добродѣтелямъ онъ выше всего земнаго. Ничто не привязываетъ его къ земнымъ вещамъ. Отсюда онъ не дорожитъ своею жизнію за убѣжденія, за правую вѣру и за Христа. Это непосредственно наводитъ Климента на мысль о мученичествѣ, причемъ онъ опровергаетъ два крайнихъ воззрѣнія на этотъ предметъ, изъ которыхъ одно самоубійство причисляло къ мученичеству, а другое всякое мученичество считало ненавистнымъ Богу. Какъ преданный Богу, имѣющій цѣлью своей жизни Его Одного, истинный гностикъ презираетъ богатства. Онъ „нищій“ духомъ, бѣдный о Христѣ. Послѣдовательно Климентъ объясняетъ остальныя заповѣди блаженства и съ особен-

нымъ вниманіемъ останавливается на той, которая гласитъ: „блаженны изгнанные правды ради“. Къ этой категоріи блаженныхъ онъ подводитъ всѣхъ мучениковъ. Умирающій за Христа умираетъ ради своего спасенія и братомъ Господа называется. Тѣхъ, которые отвергаютъ мученичество, онъ называетъ непонимающими истинныхъ началъ жизни, незнающими того, что благочестивымъ послѣ смерти обѣщаны награды. Это Климентъ подтверждаетъ не только авторитетомъ свящ. Писанія, но и свидѣтельствомъ языческихъ писателей. Такъ какъ въ христіанствѣ мужчины и женщины, рабы и свободные — всѣ равно суть члены церкви,—суть философы,—то всѣ должны, безъ различія пола, быть украшенными добродѣтелями. Женщины наравнѣ съ мужчинами за Христа сподобляются мученическаго вѣнца. Описавъ еще нѣсколько видовъ добродѣтели, какими долженъ украшаться христіанинъ, Климентъ опредѣляетъ принципъ дѣятельности гностика. Послѣдній избѣгаетъ зла, дѣлаетъ добро только по внутреннимъ мотивамъ и стремится къ созерцанію Бога. Душа его уподобляется Богу, на сколько это возможно для человѣка. Она свободна отъ всякихъ волненій, всегда невинна и безпорочна. Ничто земное не привлекаетъ ее къ себѣ. Она всецѣло занята стремленіемъ къ Богу и къ познанію Его. Важнѣйшимъ средствомъ для послѣдняго является вѣра, которая можетъ быть названа краеугольнымъ камнемъ всякаго познанія. Съ вѣрою непосредственно связываются знаніе, надежда и любовь. Наилучшими средствами къ познанію Бога Климентъ признаетъ чистое сердце, молитву, усердіе и т. п. Но всѣ естественныя средства ведутъ только къ познанію Бога со стороны отрицательной. Мы не можемъ знать о Богѣ, что такое Онъ, но можемъ сказать, что не есть Богъ. Св. Писаніе открываетъ намъ положительное вѣденіе о Богѣ, насколько такое возможно для человѣка. Отсюда знать и понимать Писаніе дѣло большой важности. Если языческіе авторы пользуются символическимъ способомъ выраженія своихъ мыслей, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о священныхъ писателяхъ. Пониманіе и изъясненіе символовъ и аллегорій составляютъ предметъ занятій гностика. Въ пониманіи таинственнаго смысла свящ. Писанія заключается самое надежное средство къ познанію высшихъ истинъ. Оно одно только и можетъ вести, напр., къ познанію Бога. Впрочемъ послѣднее

при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ограничивается только „гаданіемъ“ о Богѣ: полное вѣденіе, созерцаніе Бога лицомъ къ лицу возможно въ будущей жизни. И св. Писаніе и всѣ свидѣтельства лучшихъ языческихъ философовъ сводятся къ тому, что трудно постигнуть Бога ограниченнымъ умомъ человѣческимъ и еще труднѣе назвать, описать Его. Однако христіанинъ находится въ лучшемъ положеніи сравнительно съ язычникомъ. Богъ благоволилъ открывать Себя много разъ и различнымъ образомъ, а на послѣдокъ дней въ лицѣ Единороднаго Своего Сына. Правда, и язычники не остались совсѣмъ безучастными божественному откровенію. Они воспользовались Писаніемъ евреевъ и заимствовали изъ него нѣкоторыя свѣденія о Богѣ, но заимствованное, по худому разумѣнію, искажено. Эту мысль Климентъ подтверждаетъ многочисленными выдержками изъ языческихъ авторовъ. Хотя въ системахъ философовъ истина искажена, но части ея въ нихъ ясно обнаруживаются. Отсюда для гностика предстоитъ необходимость знакомиться съ этими системами. Климентъ ведетъ долгую полемику съ противниками философскаго образованія христіанъ. Онъ доказываетъ рѣшительную необходимость его. Кромѣ образованія гностику необходимо упражненіе въ добродѣтели. Онъ и съ этой стороны долженъ быть въ возможной степени совершенъ. Знаніе безъ дѣлъ мертво. Для Климента оно и немыслимо. Гносисомъ только и можетъ быть названъ дѣятельный гносисъ. Только добродѣтельный человѣкъ при посредствѣ знанія можетъ находиться въ общеніи съ Богомъ, только ему одному будетъ доступно вѣденіе Отца, Сына и Духа Святаго. Еретики, хвастающіеся своимъ гносисомъ, въ дѣйствительности не имѣютъ его. Они лишены даже возможности когда либо достигнуть познанія Бога, такъ какъ неправильно пользуются главнѣйшимъ источникомъ религіознаго вѣденія, далеко расходясь съ церковнымъ преданіемъ и произвольно комментируя св. Писаніе. Упрекнувъ еретиковъ въ неправильномъ методѣ объясненія Писанія, Климентъ рекомендуетъ нѣсколько руководящихъ правилъ, которыя всѣ главнымъ образомъ могутъ быть сведены къ требованію таинственнаго пониманія Писанія. Затѣмъ, выставивъ на видъ превосходство христіанской философіи по сравненію съ языческой и еретической, Климентъ снова опредѣляетъ, какимъ долженъ быть гностикъ. Уподобленіе Бо-

гу—цѣль его жизни. Въ этомъ отношеніи большое различіе между христіанствомъ и язычествомъ. Христіанинъ стремится быть подобнымъ Богу, язычникъ ищетъ сообщить своимъ богамъ образъ человѣка. Его боги являются низшими по сравненію съ человѣкомъ. Различіемъ представленія о Богѣ, о цѣли жизни и спасеніи объясняется и различіе въ средствахъ къ достиженію цѣли. Въ язычествѣ для угожденія богамъ приносятся жертвы, воздвигаются алтари, рекомендуются омовенія и тому подобныя внѣшнія средства. Въ христіанствѣ самая высшая жертва Богу чистое сердце и святая душа. Гностикъ подобенъ ангеламъ: незлобивъ, терпѣливъ, добродѣтеленъ, скроменъ, умѣренъ, святъ. Три ступени указываетъ Климентъ для такого совершенства: переходъ отъ язычества къ христіанству начинается вѣрою; въ христіанствѣ послѣдняя необходимо связывается съ знаніемъ. Эти двѣ ступени ведутъ къ любви. Для язычниковъ казалось соблазнительнымъ въ христіанствѣ существованіе ересей. Климентъ объясняетъ это явленіе. Оно обычно и въ философскихъ школахъ. Для христіанства оно предсказано Христомъ. Причины ересей, по мнѣнію Климента, заключаются въ гордости и самомнѣніи нѣкоторыхъ, которые не хотятъ подчиниться авторитету церкви. Истинное ученіе находится тамъ, гдѣ древнее преданіе церкви, гдѣ пользуются Писаніемъ по опредѣленнымъ правиламъ герменевтики, не допуская произвола въ толкованіи и искаженія [1]).

---

[1]) Въ седьмой книгѣ Климентъ обѣщаетъ продолжить свой трудъ и замѣчаетъ, что разсужденія противъ іудеевъ и язычниковъ можно вести не иначе, какъ устранивъ напередъ нѣкоторыя препятствія, и въ самомъ концѣ послѣдней главы прибавляетъ, что въ слѣдующей книгѣ онъ выйдетъ изъ инаго начала (ἀπ' ἄλλης ἀρχῆς). Между тѣмъ восьмая книга начинается уже заявленіемъ, что препятствія устранены и можно уже приступить къ гностическому толкованію. Препятствія, о которыхъ заявляетъ Климентъ, заключаются въ діалектическихъ толкованіяхъ Распутать ихъ въ состояніи только логика. Поэтому Климентъ предпринимаетъ трудъ познакомить своихъ слушателей съ основными положеніями логики Аристотеля. Книга заканчивается трактатомъ о понятіяхъ и именно «de diversis generibus». Невѣроятно, чтобы всѣ изложенныя логическія опредѣленія оставались безъ всякаго приложенія къ вопросамъ богословскимъ. Въ дѣйствительности же этого недостаетъ. Отсюда, судя по пропуску въ началѣ и по неожиданному концу, можно заключить, что большая часть книги потеряна. Что она существовала въ древности, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться въ виду ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ Евсевія (τοῦ δὲ Κλήμεντος στρωματεῖς οἱ πάντες ὀκτὼ παρ' ἡμῖν σώζονται. hist. eccl. l. VI, c. 13), Іеронима (Feruntur ejus insignia volumina plenaque

Вотъ система христіанской философіи. Подобно тому какъ современная Клименту языческая философія стремилась путемъ эклектизма къ высшему единству, система христіанскаго философа указываетъ также это высшее единство, изъ котораго, какъ изъ исходнаго пункта, развиваются дальнѣйшія мысли. Это единство полагается въ христіанскомъ гносисѣ, который кратко можетъ быть опредѣленъ, какъ дѣятельно-научная вѣра, или итогъ, результатъ научной вѣры. Если неоплатонизмъ былъ много занятъ вопросомъ о благѣ жизни, то и Климентъ выдвигаетъ этотъ вопросъ на видное мѣсто. Неоплатонизмъ рекомендуетъ научное образованіе, какъ важное средство для достиженія цѣли, и христіанскій гностикъ подаетъ руку примиренія языческимъ наукамъ. Во имя единства, примиряющаго всѣ направленія и разрѣшающаго всѣ противорѣчія, Климентъ переступаетъ даже границы законнаго предѣла при опредѣленіи отношенія философіи къ христіанству. Если въ неоплатонизмѣ теоретическая сторона доктрины почти на первыхъ порахъ же замѣтно отступала на задній планъ по сравненію съ областію практическихъ вопросовъ, то и въ системѣ Климента вопросамъ изъ области метафизической отведено не широкое мѣсто. Основныхъ догматовъ христіанства Климентъ касается стороною и всколзь. Напрасно стали бы мы искать у него полнаго и обстоятельнаго раскрытія ихъ. Его болѣе занимаетъ судьба человѣка. Онъ ищетъ выяснить идеалъ жизни христіанскаго философа, цѣль его стремленій и всей дѣятельности. Словомъ, Климентъ является предъ нами христіанскимъ философомъ, занятымъ разрѣшеніемъ вопроса современной ему языческой философіи на почвѣ богооткровеннаго ученія, при свѣтѣ естественнаго разума. При принятомъ нами предположеніи о тѣсной связи сочиненій Климента съ преподавательскою дѣятель-

---

eruditionis et eloquentiae, tam de Scripturis divinis, quam de saecularis litteraturae instrumento. E quibus illa sunt: Στρωματεῖς, libri octo....) и Фотія, который въ своей «библіотекѣ» заявляетъ, что «Строматы» Климента состоятъ изъ осьми книгъ (οἱ δὲ Στρωματεῖς εἰσι μὲν καὶ αὐτοὶ ἐν ὀκτὼ λογοις.... εἰσενηνεγμένοι), но что начало осьмой неодинаково: въ однѣхъ рукописяхъ оно озаглавливается «τὶς ὁ σωζόμενος πλούσιος», а въ другихъ «Ἀλλ᾽ οὐδὲ οἱ παλαίτατοι τῶν φιλοσόφων», т. е. такъ, какъ теперь въ печатныхъ изданіяхъ. Ясно, что ко временамъ Фотія часть осьмой книги «Строматъ» была уже потеряна и что на мѣсто ея часто ставили отдѣльное сочиненіе Климента—«какой богачъ спасется».

ностію его въ школѣ, мы, на основаніи „Стромать", можемъ приблизительно охарактеризовать методъ преподаванія Климента. Практическіе вопросы въ его преподаваніи преобладали надъ теоретическими. Климентъ болѣе назидалъ, поучалъ, чѣмъ преподавалъ. Онъ стремился образовать изъ своихъ слушателей христіанскихъ гностиковъ въ широкомъ смыслѣ слова, опредѣляемаго самимъ Климентомъ. Это, конечно, не могло исключать необходимости болѣе широкой постановки теоретическихъ вопросовъ, которые въ „Строматахъ" Климента затрогиваются только стороной. Вѣроятно, въ устномъ преподаваніи, которое Климентъ предпочиталъ письменному, христіанская догматика являлась если не съ болѣе широкою программою, то съ значительно расширеннымъ воззрѣніемъ на намѣченные пункты ея, съ болѣе полнымъ обоснованіемъ ихъ.

Въ противоположность Клименту, Оригенъ является предъ нами по преимуществу какъ теоретикъ богословъ-философъ. Уже одно это влекло его умъ въ область метафизическихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что практическая постановка богословія въ устахъ и подъ перомъ Климента оставляла пробѣлы съ стороны спекулятивной, теоретической. Ближайшею задачею Оригена было пополнить труды Климента. Въ предисловіи къ „περὶ ἀρχῶν" Оригенъ представилъ свои воззрѣнія на основные принципы христіанской богословской науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ помѣстилъ и планъ системы, намѣтилъ главнѣйшіе вопросы, какими должно заниматься христіанское богословіе. Церковное преданіе, преемственно сохраняемое отъ временъ апостоловъ въ церкви, полагается краеугольнымъ камнемъ, на которомъ созидается система [1]). Въ силу своеобразнаго представленія о неполнотѣ апостольской проповѣди [2]), Оригенъ отво-

---

[1]) n. 2. servetur vero ecclesiastica praedicatio per successionis ordinem ab apostolis tradita, et usque ad praesens in ecclesiis permanens: illa sola credenda est veritas, quae in nullo ab ecclesiastica et apostolica discordat traditione.—См. выше, прим. 3, къ 301 стр.

[2]) n. 3. Illum autem scire oportet, quoniam sancti apostoli fidem Christi praedicantes, de quibusdam quidem quaecunque neccessaria crediderunt, omnibus etiam his qui pigriores erga inquisitionem divinae scientiae videbantur, manifestissime tradiderunt, rationem scilicet assertionis eorum reliquentes ab his inquirendam, qui Spiritus dona excellentia mererentur, et praecipue sermonis, sapientiae et scientiae gratiam per ipsum Spiritum sanctum percepissent; de aliis vero dixerunt quidem, quia sint; quomodo autem, aut unde sint, siluerunt,

дитъ слишкомъ широкое мѣсто разуму. Программа догматическихъ вопросовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Вотъ то, что ясно содержится въ апостольской проповѣди [1]): а) Единъ есть Богъ, Который создалъ все... Богъ всѣхъ праведныхъ... пославшій Господа нашего Іисуса Христа... Богъ ветхаго и новаго завѣта. б) Іисусъ Христосъ рожденъ отъ Отца прежде всего, напослѣдокъ дней, содѣлавшись человѣкомъ, воплотился, пребывая Богомъ, страдалъ, воскресъ изъ мертвыхъ... г) Духъ Святый соединенъ съ Отцомъ и Сыномъ честію и достоинствомъ... Онъ вдохновлялъ каждаго изъ святыхъ пророковъ и апостоловъ... д) Душа есть субстанція, имѣющая жизнь сама въ себѣ.... За земною жизнію послѣдуетъ воскресеніе и жизнь вѣчная съ ея наградами и наказаніями... е) Душа разумна и надѣлена свободною волею... ж) Существуютъ діаволъ и ангелы его... з) Было начало и будетъ конецъ міра... и) Писанія священныя вдохновлены Св. Духомъ... і) Существуютъ ангелы Божіи... но когда они созданы, какими и какимъ образомъ созданы, это не выясняется... О солнцѣ же, лунѣ и звѣздахъ, одушевлены-ли они, или нѣтъ manifeste non traditur“ [2]). Вотъ предметы догматической системы Оригена. Очевидно, вопросы теоретическаго характера имѣютъ для Оригена преобладающее значеніе. Интересенъ методъ построенія системы въ устахъ и подъ перомъ Оригена. Заканчивая свое предисловіе къ „περὶ ἀρχῶν“, онъ послѣ исчисленія догматовъ вѣры, точно и неточно опредѣленныхъ церковію, заявляетъ: „всякому, кто желаетъ получить стройную и цѣльную систему изъ всѣхъ этихъ истинъ, нужно пользоваться элементами и основаніями этого рода (т. е. апостольскимъ церковнымъ преданіемъ) по заповѣди, которая гласитъ: просвѣтите себѣ свѣтъ вѣденія, такъ чтобы истина изслѣдовалась на основаніи ясныхъ и необходимыхъ подтвержденій и система созидалась на основаніи доводовъ и свидѣтельствъ изъ св. Писанія, или выводилась изъ послѣдователь-

---

profecto ut studiosiores quique ex posteris suis qui amatores essent sapientiae exercitium habere possent, in quo ingenii sui fructum ostenderent, hi videlicet, qui dignos se et capaces ad recipiendam sapientiam praepararent. 116—117 colt.

[1]) n. 4. Species vero eorum per praedicationem apostolicam manifeste traduntur, istae sunt.... t. XI, 117 col.

[2]) n. 4—10, 117—121 col.

ности мыслей и правильности ихъ“ [1]). Оригенъ остается вѣрнымъ такому заявленію. Дѣйствительно, каждый догматъ онъ старается обосновать прежде всего на свящ. Писаніи. Но онъ далеко не удовлетворяется этимъ. Стремленіе логически и послѣдовательно развить мысль, при отсутствіи опредѣленныхъ и ясныхъ свидѣтельствъ Писанія, заводитъ Оригена въ область философскихъ умозрѣній. Несчастная мысль уяснить вопросы „quomodo, aut unde sint“ [2]), о чемъ намѣренно умолчали апостолы, заставила Оригена внести въ христіанскую богословскую систему многое изъ современной ему философіи. И этотъ человѣкъ, не разъ заявлявшій объ ограниченности человѣческаго ума [3]), рѣшившійся создать науку богословія на прочномъ основаніи церковнаго преданія, не устоялъ на этой почвѣ, увлекся довѣріемъ къ разуму и далъ ему преобладающее значеніе въ своей системѣ. Отсюда, послѣдняя явилась скорѣе философскою системою, чѣмъ строго богословскою. Къ морали Климента Оригенъ присоединилъ только метафизику, изъ трудовъ обоихъ явился цѣльный образъ христіанской философіи.

Въ своемъ преподаваніи богословія Оригенъ не стѣсняетъ учениковъ своимъ авторитетомъ. При рѣшеніи многихъ вопросовъ онъ предлагаетъ два-три мнѣнія, предоставляя имъ право свободнаго выбора. О многомъ говоритъ предположительно, въ надеждѣ, что найдется кто либо болѣе остроумный, болѣе способный рѣшить вопросъ научно. Часто не стѣсняясь заявляетъ о своемъ безсиліи рѣшить вопросъ окончательно [4]). Прекрасно

---

[1]) n. 10. Oportet igitur velut elementis ac fundamentis hujusmodi uti secundum mandatum quod dicit: illuminate vobis lumen scientiae», omnem qui cupit seriem quandam et corpus ex horum omnium ratione perficere ut manifestis et necessariis assertionibus de singulis quibusque quid sit in vero rimetur, et unum, ut diximus, corpus efficiat exemplis et affirmationibus, vel his quas in sanctis Scripturis invenerit, vel quas ex consequentiae ipsius indagine ac recti tenore repererit. 121 col.

[2]) n. 3. см. выше, прим. 2 къ 378 стр.

[3]) Περὶ ἀρχῶν l. I, c. 6, n. 4; II, 2, 2; 9, 8 и др.

[4]) l. II, c. 3, n. 7. Высказавъ три мнѣнія de fine omnium, Оригенъ прибавляетъ: his igitur tribus opinionibus de fine omnium et de summa beatitudine prout sentire potuimus adumbratis, unusquisque legentium apud semet ipsum deligentius et scrupulosius judicet si potest aliqua harum probari vel eligi (Hieron. interpretatio—triplex ergo suspicio nobis de fine suggeritur, equibus quae vera et melior sit, lector inquirat) col. 197; l. I, c. 6. n. 4. Alius fortasse dicet, quoniam in illo fine omnis substantia corporalis ita pura erit at-

характеризуетъ въ этомъ случаѣ методъ преподаванія Оригена ученикъ и защитникъ его, св. мученикъ Памфилъ: „Мы часто видимъ, пишетъ Памфилъ, что онъ (Оригенъ) высказывается съ великимъ страхомъ Божіимъ и со всякимъ смиреніемъ и проситъ снисхожденія (veniam), если при разъясненіи и изслѣдованіи Писанія его уму встрѣтится недоумѣніе: когда что либо излагаетъ онъ, часто прибавляетъ, что онъ не выдаетъ своего мнѣнія за нѣчто опредѣленное, не называетъ его догматомъ, но по мѣрѣ силъ только изслѣдуетъ и объясняетъ смыслъ Писанія и не говоритъ, что онъ объясняетъ его совершеннымъ образомъ, но только старается проникнуть какъ можно болѣе, хотя не увѣренъ, достигъ-ли онъ желаннаго совершенства. Относительно многаго онъ колебался, принимался за рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ и однако не давалъ рѣшенія ихъ, но со всякимъ смиреніемъ и искренностію не стыдился заявить, что этого рѣшить онъ не въ силахъ. Часто мы слышали отъ него, чего теперь даже эти сами невѣжественнѣйшіе порицатели его не пренебрегли бы сказать (quod hodie ne isti quidem ipsi imperitissimi omnium obtrectatores ejus dicere dedignantur), что если кто лучшее выскажетъ или изложилъ относительно того, о чемъ онъ разсуждалъ, то должно скорѣе принять мнѣніе того, кто высказалъ лучшее, чѣмъ мнѣніе его самого. Кромѣ того мы знаемъ, что онъ предлагалъ различныя рѣшенія какого либо вопроса и тѣмъ, которые знакомы съ Писаніемъ, со всякимъ уваженіемъ (reverentia) предлагалъ избрать и держаться того, что благоразумный читатель найдетъ болѣе правильнымъ: и это, конечно, въ силу того, что онъ не скрывалъ, что не все, чего онъ касался и о чемъ разсуждалъ, они должны считать за вѣрное и рѣшительное, потому что въ священныхъ книгахъ многое изложено таинственно и сокрыто въ тайнѣ“ [1]).

---

que purgata, ut aetheris in modum et coelestis cujusdam puritatis atque sinceritatis possit intelligi. Certius tamen qualiter se habitura sit res, scit Solus Deus. 170 col; l. II, c. 8. n. 5—haec prout potuimus de rationabili anima discutienda magis a legentibus quam statura ac definita protulimus. 125 col., l. I, c. 7, n. 1. Haec quidem superius disseruimus (о концѣ мира), generali nobis sermone digesta sint, per consequentiam magis intellectuum quam definito dogmate pertractata atque discussa de rationabilibus naturis. 170 col.

[1]) Apologia Pamph. Martyr. pro Origene. Praefantio. Orig. t. VII. Migne. t. XVII, 543—4 col.

Конечно, это отзывъ объ Оригенѣ, какъ преподавателѣ, его почитателя. Быть можетъ объективный изслѣдователь доктрины Оригена найдетъ въ немъ преувеличенія; но едва ли кто станетъ отрицать, что въ основѣ его лежитъ фактъ. Такъ было поставлено богословіе въ школѣ. Не видимъ мы въ этой постановкѣ большаго совершенства. Александрійскіе преподаватели не возвысились еще до понятія о догматическомъ богословіи, какъ наукѣ самостоятельной, знаніи, покоющемся исключительно на базисѣ богооткровенной истины. Климентъ не задавался даже мыслію о выдѣленіи его какъ самостоятельной вѣтви въ ряду другихъ богословскихъ наукъ. Повидимому такая идея зародилась въ головѣ геніальнаго Оригена. Но и этому послѣднему не удалось на практикѣ дать своей системѣ желанную форму. Пылкая натура Оригена не могла устоять противъ увлеченія господствовавшимъ направленіемъ мысли того времени. Въ результатѣ явилась не богословская система, а система христіанской философіи. Климентъ не мечталъ объ иной постановкѣ дѣла. Оригенъ не смогъ привести въ исполненіе задуманной мечты. Оказалось, что Оригенъ инымъ путемъ, но пришелъ къ той же цѣли. Онъ пополнилъ, выяснилъ недосказанное Климентомъ. То, что у послѣдняго затронуто мимоходомъ, рѣшено неясно, у Оригена выступаетъ въ полномъ свѣтѣ, и благодаря этому „Строматы“ Климента и „περὶ ἀρχῶν“ Оригена, вмѣстѣ взятыя, представляютъ величественный образъ христіанской философіи. Не только вѣковые вопросы и запросы человѣческаго ума, издавна неудовлетворительно рѣшавшіеся различными пріемами мышленія и въ концѣ концовъ, въ александрійскій періодъ философіи, возобновленные для рѣшенія съ новой энергіей, но и болѣе частные пункты, касавшіеся вопросовъ обыденной жизни, въ новой философіи, стоящей на почвѣ Откровенія, рѣшены возможно лучшимъ образомъ. Подобная система, примѣнительно къ обстоятельствамъ своего времени, едвали не бо́льшую принесла пользу, чѣмъ какую могла принести чистая и совершенная догматическая система, о которой мечталъ Оригенъ. Но ради пользы христіанства, поставленнаго, по волѣ Провидѣнія, въ критическія обстоятельства, страдалъ интересъ научный.

Переходя къ обзору постановки послѣдняго изъ группы предметовъ богословской науки, выдѣлившихся въ александрій-

ской школѣ, мы не можемъ не замѣтить, что сравнительно съ другими отраслями богословской науки этотъ предметъ получилъ гораздо большее развитіе, успѣлъ сложиться въ опредѣленное направленіе, надолго пережившее самую школу. Это направленіе мы можемъ характеризовать, какъ аллегорическое, мистическое, таинственное, въ противоположность историко-логически-грамматическому методу объясненія Писанія Антіохійской школы. Много сложилось обстоятельствъ, способствовавшихъ развитію аллегорическаго метода толкованія Писанія. Аристовулъ и Филонъ давно еще отзывались о немъ, какъ самомъ надежномъ, самомъ лучшемъ при объясненіи недовѣдомыхъ уму человѣческому тайнъ. У Филона это было естественнымъ слѣдствіемъ его представленія о діаметральной противоположности, глубочайшей пропасти между Богомъ и міромъ. Логосъ долженъ былъ привести въ связь эти два противоположныхъ міра и такимъ образомъ открыть человѣку познаніе о предметахъ для него непостижимыхъ. Но для человѣка, облеченнаго въ грубую матерію, существа чувственнаго, можно было сообщить познаніе о высшихъ предметахъ не иначе, какъ подъ оболочкою чувственныхъ формъ. Отсюда истина явилась подъ покровомъ исторіи и внѣшнихъ обрядовъ. Для духовнаго человѣка эти внѣшнія формы суть тѣнь (σκιά), ничто, значеніе имѣетъ только скрытый подъ оболочкою смыслъ. Задача мудреца открыть этотъ послѣдній. Неоплатонизмъ въ этомъ отношеніи не представляетъ существеннаго различія по сравненію съ теоріей Филона. Для него матерія, вся внѣшность также служатъ нежелательнымъ покрываломъ объективно-реальной истины. И для неоплатоника было дѣломъ большой важности вызнать за формою идею, скрытую сущность. Гностики, претендовавшіе на высшее знаніе, не стѣсняли себя также никакимъ положительнымъ правиломъ вѣры и чрезъ фантастическія умозрѣнія и аллегорическое толкованіе Писанія думали познать высшія истины. Такимъ образомъ Александрія была пріютомъ, очагомъ аллегорическаго метода толкованія. Имъ пользуются одинаково люди противоположныхъ лагерей. Язычникъ, іудей и отщепенецъ отъ церкви въ равной мѣрѣ только ему одному придаютъ особенную важность и значеніе. Нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что всѣ эти партіи становятся въ оппозицію съ христіанствомъ. Церкви приходится бороться съ

ними. Могла-ли она противопоставить аллегористу іудею, философу и гностику другой какой либо методъ кромѣ того самаго, который такъ сильно уважали враги ея? Цельсъ обвиняетъ христіанъ въ невѣжествѣ въ силу того, что они такъ привязаны ко внѣшности. Оригенъ, опровергая его, указываетъ на то, что среди христіанъ найдется много людей разумныхъ, которые понимаютъ аллегорію [1]). Если подобная ссылка была убѣдительна для языческаго философа, то не менѣе она имѣла силы въ борьбѣ съ іудеемъ и гностикомъ. Климентъ, вооружаясь противъ фантастически-аллегорическихъ пріемовъ толкованія Писанія со стороны гностиковъ [2]), отнюдь не рекомендуетъ, въ противовѣсъ имъ, другаго метода, какъ лучшаго. Онъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что аллегорическій пріемъ толкованія Писаній наилучшій, но вооружается только противъ крайняго произвола, до наглости безцеремоннаго обращенія съ текстомъ, буквою. Климентъ однако только указалъ пріемы толкованія, но не создалъ никакой научной теоріи, не указалъ подробныхъ руководящихъ правилъ экзегиса [3]). Это сдѣлалъ

---

[1]) Consra Celsum l. I. n 27. Ἀλλὰ μὴ βληθεὶς ταῦτα ὁ Κέλσος κατανοήσαι, τὴν τοῦ λόγυ φιλανθρωπίαν καὶ φθάνυσαν ἐπὶ πάσαν ψυχὴν ἀνατολῆς ἡλίυ, οἴεται εἶναι ἰδιωτικὴν, καὶ διὰ τὸ ἰδιωτικὸν, καὶ οὐδαμῶς ἐν λόγοις δυνατὸν, ἰδιωτῶν μόνων κρατήσασαν. Καίτοι οὐδ' αὐτὸς ἰδιώτας μόνυς φησὶν ὑπὸ τοῦ λόγυ προσῆχθαι τῇ κατὰ Ἰησοῦν θεοσεβείᾳ· ὁμολογεῖ γὰρ καὶ μετρίυς καὶ ἐπιεικεῖς, καὶ συνετούς τινας, καὶ ἐπ' ἀλληγορίαν ἑτοίμυς εἶναι ἐν αὐτοῖς. Migne. Patrolog. t. XI, 712—713 col.

[2]) Str. l. VII, c. 16.

[3]) Въ борьбѣ съ гностиками Климентъ намѣчаетъ опредѣленный принципъ экзегесиса. Ἡ ἀλήθεια δὲ οὐκ ἐν τῷ μετατιθέναι τὰ σημαινόμενα εὑρίσκεται· — οὕτω μὲν γὰρ ἀνατρέψυσι πᾶσαν ἀληθῆ διδασκαλίαν·—ἀλλ' ἐν τῷ διασκέψασθαι τί τῷ Κυρίῳ καὶ τῷ Παντοκράτορι Θεῷ τελείως οἰκεῖόν τε καὶ πρέπον, κἀν τῷ βεβαιοῦν ἕκαστον τῶν ἀποδεικνυμένων κατὰ τὰς Γραφὰς ἐξ αὐτῶν πάλιν τῶν ὁμοίων Γραφῶν (Str. l. VII, c. 16. 533 col.). Нужно смотрѣть на то, предлагаемое толкованіе будетъ ли согласно съ священнымъ Писаніемъ, выразитъ ли оно то, что приличествуетъ Господу и Всемогущему Богу. Но какъ обращаться съ Писаніемъ, поставленнымъ въ качествѣ критерія истины? Климентъ подробно этого не развилъ, но намѣтилъ очень ясные пункты и сдѣлалъ указанія. Οὔτε γὰρ ἡ προφητεία, οὔτε ὁ Σωτὴρ αὐτὸς, ἁπλῶς οὕτως ὡς τοῖς ἐπιτυχοῦσιν εὐάλωτα εἶναι, τὰ θεῖα μυστήρια ἀπεφθέγξατο, ἀλλ' ἐν παραβολαῖς διελέξατο. Λέγυσι γοῦν οἱ ἀπόστολοι περὶ τοῦ Κυρίυ, ὅτι «πάντα ἐν παραβολαῖς ἐλάλησε, καὶ οὐδὲν ἄνευ παραβολῆς ἐλάλει αὐτοῖς». Εἰ δὲ «πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο, καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο, οὐδὲ ἕν», καὶ ἡ προφητεία, ἄρα καὶ ὁ νόμος δι' αὐτοῦ τε ἐγένετο, καὶ ἐν παραβολαῖς ἐλαλήθησαν δι' αὐτοῦ... παραβολικὸς γὰρ ὁ χαρακτὴρ ὑπάρχει τῶν Γραφῶν (ibid. l. VI, c. 15, 348—349 col.). Таковъ характеръ всего священнаго Писанія. Кто хочетъ уразумѣть истинный смыслъ его, тотъ долженъ въ каждомъ мѣстѣ

его ученикъ, Оригенъ. Четвертая книга „περὶ ἀρχῶν“ посвящена вопросу о боговдохновенности Писанія и о руководящихъ правилахъ его объясненія [1]). Для насъ имѣетъ интересъ послѣдняя половина трактата. Оригенъ развиваетъ, дополняетъ Климента и во многомъ идетъ гораздо далѣе его. Онъ различаетъ въ Писаніи троякій смыслъ: буквальный или историческій, нравственный и таинственный. „У Соломона въ Притчахъ мы находимъ нѣчто относящееся къ написаннымъ божественнымъ догматамъ: *„и ты напиши я себѣ трижды* (τρισσῶς), *на совѣтѣ и смыслѣ и разумѣ... на отвѣты словесемъ истиннымъ предлагаемымъ тебѣ“* [2]). Слѣдовательно трояко должно начертать въ душѣ своей разумѣніе священнаго Писанія, чтобы и самый простой назидался какъ бы отъ тѣла Писанія (οἰκοδομῆται ἀπὸ τῆς οἱονεὶ σαρκὸς τῆς Γραφῆς),—такъ мы называемъ этотъ простой способъ. Оказавшій успѣхъ мо-

---

его видѣть образы, тропы и фигуры, подъ оболочкою которыхъ скрытъ смыслъ высшій, таинственный. Конечно, только τοῖς ἐκλεκτοῖς τῶν ἀνθρώπων доступенъ смыслъ таинственный. Только они одни умѣютъ разоблачить истину, сокрытую подъ оболочкою притчи. А масса, простые вѣрующіе, непосвященные въ тайны науки? Для нихъ полезенъ и нравоучителенъ смыслъ буквальный. «Неужели, говоритъ Климентъ, Добродѣтель, явившаяся Эрмѣ въ видѣніи въ образѣ церкви, дала ему списать книгу, чтобы возвѣстить ее только избраннымъ? Τοῦτο δὲ μετεγράψατο πρὸς γράμμα, φησί, μὴ εὐρίσκων τὰς συλλαβὰς τελέσαι. Ἐδήλωσε δ' ἄρα τὴν μὲν Γραφὴν πρόδηλον εἶναι πᾶσι, κατὰ τὴν ψιλὴν ἀνάγνωσιν ἐκλαμβανομένην, καὶ ταύτην εἶναι τῇ πίστιν στοιχείων τάξιν ἔχουσαν, δι' ὃ καὶ «ἡ πρὸς τὸ γράμμα ἀνάγνωσις» ἀλληγορεῖται (ibid. 356 col.).

[1]) Περὶ τοῦ θεοπνεύστου τῆς θείας Γραφῆς, καὶ πῶς ταύτην ἀναγνωστέον καὶ νοητέον· Внѣшнимъ побужденіемъ для составленія четвертой книги περὶ ἀρχῶν было, по заявленію самаго Оригена, то обстоятельство, что ἐπειδὴ περὶ τηλικούτων ἐξετάζοντες πραγμάτων, οὐκ ἀρκούμενοι ταῖς κοιναῖς ἐννοίαις καὶ τῇ ἐναργείᾳ τῶν βλεπομένων, προσπαραλαμβάνομεν εἰς τὴν φαινομένην ἡμῖν ἀπόδειξιν τῶν λεγομένων μαρτύρια τὰ ἐκ τῶν πεπιστευμένων ἡμῖν εἶναι θείων Γραφῶν.... то, конечно, при предположеніи высшаго божественнаго авторитета, нужно было доказать этотъ послѣдній. Этою стороною четвертая книга связывается съ тремя первыми. Внутреннимъ мотивомъ для Оригена могло служить желаніе дать своимъ ученикамъ руководящія правила при объясненіи священнаго Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, Оригенъ не довольствуется тѣмъ только, чтобы доказать боговдохновенность свящ. Писанія, что занимаетъ сравнительно небольшую часть книги (1—7 пп.), но выработываетъ еще нормы пользованія Писаніемъ, обязательныя для экзегетовъ, каковые пункты едва ли могли стоять въ строгой логической связи съ догматикой. Если бы Оригенъ хотѣлъ указать только какъ онъ пользовался Писаніемъ, то, конечно, трудно было бы ожидать такой широкой постановки вопроса (8—26 пп.).

[2]) Притч. XXII, 20, 21.

жетъ назидаться какъ бы отъ самой души его (ἀπὸ τῆς ὡσπερεὶ ψυχῆς αὐτῆς), совершенный же и подобный тѣмъ, о которыхъ говоритъ Апостолъ: „мудрость же мы проповѣдуемъ между совершенными, но мудрость не вѣка сего и не властей вѣка сего преходящихъ; но проповѣдуемъ премудрость Божію, тайную, сокровенную, которую предназначилъ Богъ прежде вѣковъ къ славѣ нашей“ [1]), назидается отъ самаго духовнаго закона, имѣющаго тѣнь будущихъ благъ ἀπὸ τοῦ πνευματικοῦ νόμου σκιὰν ἔχοντος τῶν μελλόντων ἀγαθῶν). Какъ человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа, такъ и Писаніе, даро-ванное отъ Бога для спасенія людей. Поэтому мы точно также скажемъ и о написанномъ въ книгѣ „Пастырь“, которую нѣкоторые отрицаютъ, относительно того, что приказано было Эрмѣ написать двѣ книги и послѣ этого возвѣстить пресвитерамъ церкви то, что онъ узналъ отъ Духа. Читается мѣсто такъ: напишешь ты двѣ книги и дашь одну Клименту, и одну Граптѣ. Грапта будетъ учить вдовицъ и сиротъ, Климентъ пошлетъ въ города внѣшніе, а ты возвѣстишь пресвитерамъ церкви“. Грапта, поучающая вдовицъ и сиротъ, есть буквальный смыслъ (αὐτὸ φιλόν ἐστι τὸ γράμμα), поучающій дѣтскія души, которыя не могутъ познать Бога, какъ Отца и потому называются сиротами... Климентъ, удалившійся отъ буквы, посылается во внѣшніе города къ тѣмъ, такъ сказать, душамъ, которыя внѣ тѣла, но ниже духа. Самъ же ученикъ Духа, наставленный не чрезъ букву, но живымъ голосомъ получаетъ повелѣніе проповѣдать пресвитерамъ всей церкви Божіей, убѣленнымъ сѣдинами разума (πεπολιωμένοις ὑπὸ φρονήσεως)“ [2]). Совершенно ясна мысль Оригена о сравнительномъ достоинствѣ пріемовъ толкованія. Буквальный смыслъ Писанія приличенъ только начинающимъ, толпѣ, неспособной возвыситься до духовнаго пониманія свящ. книгъ. Простые люди, но не гностики, способны извлечь изъ него для себя назиданіе. На сколько Оригенъ низко смотритъ на историко-грамматическій методъ объясненія Писанія, на столько онъ возвышаетъ аллегорическій [3]). Послѣдній въ глазахъ его является единственно

---

[1]) 1 Кор. II. 6, 7.
[2]) n. 11, t. XI, 364—5 col.
[3]) n. 9.

достойнымъ и надежнымъ для пониманія бездны премудрости, скрытой въ Писаніи [1]). Служители Слова, пророки и апостолы, были просвѣщены Духомъ Святымъ. Но такъ какъ они имѣли дѣло съ людьми, облеченными плотію, то не иначе могли передать истину, какъ подъ покровомъ различныхъ образовъ и аллегорій [2]). Ветхозавѣтные пророки и новозавѣтные провозвѣстники Откровенія имѣли одну цѣль — благовѣствовать о Христѣ и его царствѣ. Ветхій завѣтъ есть часть евангелія [3]). Отсюда, какъ пророки пользовались для выраженія своихъ мыслей фигурами и образами, такъ точно и апостолы. Новый Завѣтъ написанъ точно такимъ же образомъ, какъ и Ветхій [4]). Поэтому, если Ветхій Завѣтъ служилъ прообразомъ будущихъ благъ, то такую же роль играетъ и Новый [5]). При существо-

---

[1]) n. 26. Verum in his omnibus sufficiat nobis sensum nostrum regulae pietatis optare, et ita sentire de Sancti Spiritus verbis, quod non secundum humanae fragilitatis eloquium nitet sermo compositus, sed sicut scriptum est «Omnis gloria regis intrinsecus est» et divinorum sensuum thesavrus intra fragile vasculum vilis litterae continetur inclusus. И ап. Павелъ восклицалъ: «О бездна богатства, и премудрости, и вѣденія Божія! Какъ непостижимы судьбы Его, и неизслѣдимы пути Его!» (Рим. XI, 33).

[2]) n. 14.

[3]) n. 13. Яснѣе эта мысль развивается Оригеномъ въ предисловіи къ первому тому комментарій на Евангеліе Іоанна. Что Ветхій Завѣтъ есть часть Евангелія, эта мысль опирается на 8 гл. 32, 35 ст. Дѣяній. «Какимъ образомъ, пишетъ Оригенъ, Филиппъ, начавъ отъ пророка, проповѣдуетъ Христа, если Исаія не былъ какою либо частію начала Евангелія? Вмѣстѣ съ тѣмъ сказанное нами въ началѣ относительно того, что все божественное Писаніе можно назвать Евангеліемъ, можетъ быть подтверждено и слѣдующимъ: ибо если благовѣстникъ проповѣдуетъ благо, то всѣ благовѣствовавшіе прежде пришествія Христа на землю, благовѣствовали о Христѣ, Который есть высшее благо, слѣд. слова ихъ суть часть Евангелія (n. 15. Migne t. XIV, 48 col.).

[4]) n. 10. Καὶ τί δεῖ λέγειν περὶ τῶν προφητειῶν, ἃς πάντες ἴσμεν αἰνιγμάτων καὶ σκοτεινῶν πεπληρῶσθαι λόγων· κἂν ἐπὶ τὰ εὐαγγέλια δὲ φθάσωμεν...., то и здѣсь найдемъ бездну премудрости, въ тайнѣ сокровенную. Тоже и въ посланіяхъ. И по отношенію къ новозавѣтнымъ Писаніямъ для желающаго разумѣть смыслъ ихъ нуженъ ключь разумѣнія, о которомъ сказалъ Спаситель, что онъ находится у законниковъ (Лук. XI, 52) ср. n. 18.

[5]) n. 25. Какъ въ В. З. былъ данъ законъ и второзаконіе, такъ и въ Новомъ будетъ второе пришествіе Христа, когда Онъ возвѣститъ вѣчное евангеліе, по отношенію къ которому настоящее есть тѣнь будущихъ благъ. Sicut nunc adveniens legem replevit eam quae umbram habet futurorum bonorum, ita et per illum gloriosum adventum implebitur et ad perfectum adducetur hujus adventus umbra.... cum scilicet ab Evangelio temporali dignius omnes San-

ваніи въ томъ и другомъ Завѣтѣ сходства въ цѣли, назначеніи и внѣшней формѣ неизбѣжно должно быть единство и въ объясненіи. Какъ для Ветхаго Завѣта аллегорическій методъ толкованія есть самый надежный, такъ точно и для Новаго [1]). Все священное Писаніе in corpore имѣетъ таинственный смыслъ, но не все буквальный [2]). Какъ ни низко цѣнилъ Оригенъ значеніе историко-грамматическаго метода объясненія Писанія, однако долженъ былъ признать и за нимъ права гражданства по отношенію къ нѣкоторымъ мѣстамъ священныхъ книгъ [3]). Онъ въ этомъ случаѣ намѣчаетъ совершенно ясныя и опредѣленныя руководящія правила, указываетъ тѣ пункты, на которые простирается буквальное пониманіе и по отношенію къ которымъ если не невозможно совсѣмъ аллегорическое, таинственное, то и не такъ необходимо, чтобы безъ него нельзя было обойтись. Кратко основное положеніе Оригена о примѣненіи буквальнаго смысла въ Писаніи можно формулировать такъ: всѣ нравственныя правила и предписанія, касающіяся внутренняго совершенства человѣка, можно понимать буквально [4]). Буквальный смыслъ должно придавать нѣкоторымъ историческимъ повѣствованіямъ о событіяхъ, мѣстностяхъ и т. п. [5]). Но если и здѣсь возможны еще колебанія [6]),

---

ctos ad Evangelium aeternum transferet, secundum quod Ioannes in Apocalipsi de aeterno Evangelio designavit.

[1]) n. 18.

[2]) n. 20. Διακείμεθα γὰρ ἡμεῖς περὶ πάσης τῆς θείας Γραφῆς, ὅτι πᾶσα μὲν ἔχει τὸ πνευματικόν, οὐ πᾶσα δὲ τὸ σωματικόν.

[3]) n. 19. λεκτέον ὅτι σαφῶς ἡμῖν παρίσταται περί τινων τὸ τῆς ἱστορίας εἶναι ἀληθές.

[4]) n. 19. Κρομѣ немногихъ историческихъ повѣствованій πολλῷ γὰρ πλείονά ἐστι τὰ κατὰ τὴν ἱστορίαν ἀληθευόμενα τῶν προσυφανθέντων γυμνῶν πνευματικῶν. Πάλιν τὲ αὖ τίς οὐκ ἂν εἴποι τὴν λέγουσαν ἐντολήν· «Τίμα τὸν πατέρα καὶ τὴν μητέρα, ἵνα εὖ σοι γένηται», χωρὶς πάσης ἀναγωγῆς χρησίμην τυγχάνειν καὶ τηρητέαν γε, особенно когда и апостолъ Павелъ повторяетъ эту заповѣдь въ такихъ же словахъ. Τί δὲ δεῖ λέγειν περὶ τοῦ· «οὐ μοιχεύσεις, οὐ φονεύσεις, οὐ κλέψεις, οὐ ψευδομαρτυρήσεις»; Καὶ πάλιν ἐν τῷ Εὐαγγελίῳ ἐντολαί εἰσι γεγραμμέναι οὐ ζητούμεναι, πότερον αὐτὰς κατὰ τὴν λέξιν τηρητέον ἢ οὔ...

[5]) Ibid. Нельзя отрицать буквальнаго пониманія такихъ мѣстъ Писанія, ὅτι Ἀβραὰμ ἐν τῷ διπλῷ σπηλαίῳ ἐτάφη ἐν Χεβρὼμ, καὶ Ἰσαὰκ, καὶ Ἰακὼβ, καὶ ἑκάστη τούτων μία γυνή· καὶ ὅτι Σίκημα μερὶς δέδοται τῷ Ἰωσὴφ καὶ Ἱερουσαλὴμ μητρόπολίς ἐστι τῆς Ἰουδαίας, ἐν ᾗ ᾠκοδόμητο ὑπὸ Σολομῶντος ναὸς Θεοῦ, καὶ ἄλλα μυρία.

[6]) Ibid. Ὁ μέντοι γε ἀκριβὴς ἐπὶ τινων περιελκυσθήσεται, χωρὶς πολλῆς βασάνου μὴ δυνάμενος ἀποφήνασθαι πότερον ἥδε ἡ νομιζομένη ἱστορία γέγονε κατὰ τὴν λέξιν

то со всей рѣшительностію Оригенъ заявляетъ о непригодности буквальнаго пониманія предписаній, касающихся внѣшности, обрядовой стороны, различныхъ церемоній [1]). Далѣе, не смотря на сдѣланную уступку относительно буквальнаго пониманія нѣкоторыхъ историческихъ событій, Оригенъ почти возводитъ на степень общеобязательнаго правила аллегорическое объясненіе историческихъ фактовъ [2]). Различные города и мѣстности, упоминаемыя въ Писаніи, являются образами духовныхъ неземныхъ мѣстностей [3]). Таковы руководящія правила экзегесиса Оригена. Ясно, что онъ въ принципѣ остался вѣрнымъ Клименту, частности же развилъ яснѣе и опредѣленнѣе. Вездѣ и во всемъ представители Александрійской школы хотѣли видѣть смыслъ таинственный. Задачею гностика, съ ихъ точки зрѣнія, было отыскать „тѣнью и образами какихъ небесныхъ благъ служатъ сущіе по плоти іудеи, прообразъ чего есть весь законъ и не только законъ, но и евангеліе, которое также слу-

---

ἢ οὔ· καὶ τῆςδε τῆς νομοθεσίας τὸ ῥητὸν τηρητέον ἢ οὔ. Διὰ τοῦτο δεῖ ἀκριβῶς τὸν ἐντυγχάνοντα, τηροῦντα τὸ τοῦ Σωτῆρος πρόσταγμα τὸ λέγον «ἐρευνᾶτε τὰς Γραφὰς» ἐπιμελῶς βασανίζειν, πῆ τὸ κατὰ τὴν λέξιν ἀληθές ἐστιν, καὶ μὴ ἀδύνατον, καὶ ὅση δύναμις, ἐξιχνεύειν ἀπὸ τῶν ὁμοίων φωνῶν, τὸν πανταχοῦ διεσπαρμένον τῆς Γραφῆς νοῦν τοῦ κατὰ τὴν λέξιν ἀδυνάτου. Принципомъ при оцѣнкѣ сравнительнаго достоинства того или другаго смысла является для Оригена подобно тому, какъ мы видѣли это и у Климента, достоинство, сообразность съ величіемъ Божіимъ—δεῖν τοῦ Θεοῦ ἄξιον νοῦν εἰς τὰ τοιαῦτα ζητεῖν (n. 15).

[1]) n. 17. Ἐὰν δὲ καὶ ἐπὶ τὴν νομοθεσίαν ἔλθωμεν τὴν Μωσέως, πολλὰ τῶν νόμων τῷ ὅσον ἐπὶ τῷ καθ' ἑαυτοὺς τηρεῖσθαι τὸ ἄλογον ἐμφαίνουσιν, ἕτεροι δὲ τὸ ἀδύνατον. Въ VII гомиліи на Левитъ, Оригенъ, объясняя предписаніе относительно чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, сопоставляетъ эту заповѣдь съ словами Спасителя о тѣлѣ и крови Его и выводитъ замѣчательное наставленіе: «Agnoscite quia figurae sunt, quae in divinis voluminibus scripta sunt, et ideo tanquam spiritales et non tanquam carnales examinate, et intelligite quae dicuntur. Si enim quasi carnales ista suscipitis laedunt vos, et non alunt. Est et in Evangeliis littera quae occidit, non solum in Veteri Testamento occidens littera deprehenditur... n. 5. Migne t. XII, 487 col. Подъ n. 18 четвертой книги περὶ Ἀρχῶν выставленъ цѣлый рядъ примѣровъ этой litterae occidentis, взятыхъ изъ Новаго Завѣта.»

[2]) n. 16 и 23.

[3]) n. 22. Писаніе различаетъ Іерусалимъ небесный отъ Іерусалима земнаго. Εἰ τοίνυν αἱ προφητεῖαι αἱ περὶ Ἰουδαίας καὶ περὶ Ἱερουσαλήμ.... μὴ σαρκίνως ἡμῶν ἐκλαμβανόντων ταῦτα, μυστήρια τοιάδε τινὰ ὑποβάλλουσιν, ἀκόλουθον ἂν εἴη καὶ τὰς προφητείας τὰς περὶ Αἰγύπτου καὶ Αἰγυπτίων, καὶ Βαβυλῶνος καὶ Βαβυλωνίων, καὶ Τύρου καὶ Τυρίων, καὶ Σιδῶνος καὶ Σιδωνίων ἢ τῶν λοιπῶν ἐθνῶν, μὴ μόνον περὶ τῶν σωματικῶν τούτων Αἰγυπτίων καὶ Βαβυλωνίων καὶ Τυρίων καὶ Σιδωνίων προφητεύειν, ἀλλὰ περὶ τῶν νοητῶν.

житъ только символомъ евангелія вѣчнаго-духовнаго". Вообще всѣ книги священнаго Писанія, по прямому и буквальному содержанію своему для гностика составляютъ не послѣднюю высочайшую истину, но только начальные элементы ея, введеніе къ ней, а найти эту послѣднюю—дѣло гностика.

Широкія задачи, невыполнимыя, непосильныя ограниченному уму человѣческому, возлагаютъ Климентъ и Оригенъ на гностика. Не выдерживаетъ здравой критики ихъ взглядъ на все Писаніе, какъ на символъ будущихъ благъ. Многое въ немъ не мирится съ ученіемъ о церкви, какъ хранительницѣ полнѣйшей богооткровенной истины, предъ авторитетомъ которой преклоняется единичный разумъ, хотя бы совершеннѣйшаго гностика. Произвольно предположеніе александрійцевъ о троякомъ методѣ объясненія Писанія. Слишкомъ шатки основанія, на которыхъ покоится подобное предположеніе. Безъ всякой нужды представители александрійской христіанской учености видѣли и искали во всемъ аллегорію. Слишкомъ широкіе предѣлы отвели они мистицизму и напрасно унизили такъ историко-грамматическій методъ объясненія Писанія.—Всѣ подобные упреки справедливо дѣлали александрійцамъ представители другаго направленія экзегесиса, заявившаго о себѣ въ началѣ IV вѣка, въ школахъ Антіохіи и дальняго христіанскаго востока.

Такъ какъ Антіохійская школа не была только научнымъ направленіемъ, въ смыслѣ слѣдованія опредѣленнымъ принципамъ экзегесиса группы людей, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, кромѣ сочувствія извѣстному направленію мысли, но съ IV вѣка является предъ нами христіанскою богословскою школою, въ смыслѣ спеціальнаго высшеучебнаго христіанскаго заведенія [1]), то,

---

[1]) Что Антіохійская школа была богословскимъ училищемъ съ опредѣленными предметами школьнаго преподаванія, это ясно съ одной стороны изъ прекрасной замѣтки Филосторгія (hist. eccl. III, 15) о еретикѣ Аэціѣ, который слушалъ лекціи профессоровъ спеціалистовъ: Аѳанасія, еп. Аназарвскаго, Антонія Тарсійскаго, читавшихъ лекціи по Новому Завѣту, и Леонтія, еп. Антіохійскаго, излагавшаго Ветхій Завѣтъ. Всѣ три спеціалиста вышли изъ Антіохійской школы, и это явный знакъ, что школа была благоустроеннымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ можно было встрѣтить спеціализацію предметовъ. Далѣе, блаж. Іеронимъ заявляетъ, что, путешествуя по востоку, въ Антіохіи онъ слушалъ лекціи Аполлинарія Лаодикійскаго по свящ. Писанію. Въ такой же формѣ Іеронимъ выражается и о Дидимѣ (Ep. ad Pamm.

понятно, мы не имѣемъ права игнорировать постановку въ ней богословія, какъ предмета школьнаго преподаванія.

Антіохійская школа появилась и развилась среди другихъ обстоятельствъ сравнительно съ александрійскою. Основатели ея и продолжатели не имѣли уже въ виду широкой полемики съ язычествомъ. Послѣднее, казалось, отживало свой вѣкъ. Не появляется болѣе со стороны языческихъ философовъ и риторовъ полемическихъ трудовъ, достойныхъ вниманія христіанскаго богослова. Ко времени развитія Антіохійской школы язычество трактуется уже, какъ religio paganorum. Но если было слабо язычество, то имѣли еще силу еретики гностики. Далѣе, не успѣли еще сойти со сцены гностики, какъ въ лонѣ самой церкви, на почвѣ уже не философскихъ воззрѣній, появляется и распространяется аріанство. Сирія представила пріютъ для различныхъ фракцій послѣдняго. Расходясь между собою въ частностахъ, всѣ аріане единодушно и безъ разногласій стремились обосновать свою докрину на свящ. Писаніи. Не дозволяя себѣ произвола въ свободномъ обращеніи съ священными книгами, не сходя въ этомъ случаѣ съ почвы церковнаго преданія, аріане все обосновываютъ на своеобразномъ методѣ объясненія Писанія, томъ самомъ методѣ, который замѣтно привился въ Антіохіи со времени еще пресвитера Лукіана, основателя мѣстной богословской школы. Во всѣхъ такъ называемыхъ соллукіанистахъ ясно обнаруживается одна общая имъ черта — раціонализмъ, стремленіе охватить разумомъ каждую мысль Писанія, желаніе подчинить вѣру контролю разума [1]). Они не вдаются въ аллегоризмъ. На первомъ планѣ является для нихъ буква, мысль, непосредственно выводимая изъ логическаго и грамматическаго расположенія и сочетанія словъ и предложеній. Наконецъ сирійскіе іудеи, незнакомые съ принципами эллинской философіи, строго придерживаются буквы Писанія [2]).

---

et Ocean. n. 3.), и это опять указываетъ на то, что ученый путешественникъ не видѣлъ различія съ внѣшней стороны въ лекціяхъ того и другаго. А тѣ знаменитые монастыри Діодора Тарсійскаго развѣ не имѣли благоустроенныхъ школъ, гдѣ богословіе преподавалось, какъ школьный предметъ по опредѣленнымъ методамъ?

[1]) Лебедевъ. Вселенскіе соборы IV и V вв. Москва, 1879 г. 52 стр.

[2]) Kihn. Die Bedeutung d. Antioch. Schule. 70 S.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, имѣли громадное вліяніе на постановку богословія въ Антіохійской и сродныхъ съ ней школахъ. Время жаркой полемики съ язычествомъ стало достояніемъ давно минувшихъ дней. Въ христіанскую Антіохійскую школу идутъ уже не язычники, ищущіе просвѣщенія вѣрою, не философы, желавшіе послушать въ видахъ полемики доктрину христіанства, а христіанскіе юноши и часто взрослые люди, закончившіе образованіе не только свѣтское, но и общее христіанское, съ прямою и ясно сознанною цѣлью высшаго богословскаго образованія. Это уже были не дѣти во Христѣ, которыхъ мы видѣли во второмъ классѣ александрійскаго училища. Они не имѣли нужды въ столь подробномъ выясненіи принциповъ христіанской нравственности, въ знакомствѣ со многими часто мелочными правилами поведенія, которыя рекомендовались первымъ. Для воспитанныхъ въ христіанской семьѣ, всосавшихъ съ молокомъ матери элементарныя правила христіанской жизни, конечно, „Педагогъ“ Климента во всѣхъ его подробностяхъ могъ казаться несовременнымъ, излишнимъ. Воспитанники Антіохійской школы вполнѣ соотвѣтствовали тѣмъ „совершеннымъ, исотерикамъ“ Александрійской школы, предъ которыми Климентъ развивалъ мысли своихъ „Строматъ“, а Оригенъ читалъ „περὶ ἀρχῶν“. Понятно поэтому, что полемической апологіи христіанства, нравственнаго богословія, какъ предметовъ преподаванія, не существовало въ Антіохійской школѣ. Полемика съ еретиками, стоявшими на почвѣ христіанской доктрины или по крайней мѣрѣ примыкавшими къ ней, могла вести къ развитію полемическаго богословія. Но въ школахъ Антіохіи и сродныхъ съ ней мы не видимъ развитія этой отрасли богословской науки. Всѣ почти видные представители богословской науки, вышедшіе изъ названныхъ школъ, пишутъ полемическіе трактаты, опровергаютъ ереси, но не вырабатываютъ научной системы для борьбы, не указываютъ и не рекомендуютъ опредѣленнаго метода. Ереси и борьба съ ними для антіохійцевъ скорѣе служатъ мотивомъ къ разработкѣ научной системы догматическаго богословія, которую они спѣшатъ противопоставить неправомыслію отщепенцевъ отъ церковной доктрины. Прекрасно выясняетъ это блаж. Ѳеодоритъ въ своемъ введеніи къ „Изложенію божественныхъ догматовъ“. „Сладокъ бываетъ медъ для всѣхъ людей, пишетъ Ѳеодо-

ритъ, если онъ и ни съ чѣмъ не сравнивается: но онъ еще слаще кажется, когда противополагается ему какое либо горькое вещество; и здоровье хотя всѣ находятъ пріятнымъ, но послѣ болѣзни оно бываетъ еще пріятнѣе; да и тишина послѣ бури больше приноситъ удовольствія. Такъ и истина для тѣхъ, кои правильно понимаютъ оную, хотя и сама по себѣ прекрасна, но она бываетъ еще свѣтозарнѣе и божественнѣе, когда сравнивается съ ложью. Итакъ, поелику мы показали гнусность лжи, и разоблачивъ еретическія басни, увидѣли ясно, сколь онѣ нечестивы, отвратительны и лживы, то, сравнивая съ ними евангельское ученіе, покажемъ, какое различіе между свѣтомъ и тьмою, между совершеннымъ здоровьемъ и тягчайшею болѣзнію“ [1]). Вотъ къ чему приводила полемика съ еретиками. Это съ одной стороны. Съ другой, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что стоявшіе на почвѣ христіанства еретики пользуются Писаніемъ, какъ опорою для своихъ лжеученій, въ немъ ищутъ оправданія послѣднихъ, то можемъ понять отчасти, какая была нужда въ научномъ знакомствѣ съ священными книгами. Далѣе, развившееся быстро монашество съ его требованіемъ чтенія священныхъ книгъ, какъ необходимѣйшаго условія для достиженія чистоты и совершенства, лучшихъ людей своего времени влекло не только къ чтенію, но и изученію Писанія. Монастырскія школы являются предъ нами исключительно экзегетическими богословскими. Главнѣйшимъ и почти единственнымъ предметомъ ихъ преподаванія считается священное Писаніе. Широкое и всестороннее знакомство съ нимъ трактуется, какъ идеалъ высшаго образованія. Понятно, что въ школахъ, спеціально назначенныхъ для преподаванія богословской науки, священное Писаніе должно было выдвинуться на первый планъ. Какъ въ Александріи на изученіи свящ. Писанія въ связи съ систематическимъ изложеніемъ христіанской философіи созидался весь третій курсъ, такъ и въ Сирскихъ школахъ исключительно обращаютъ вниманіе на свящ. Писаніе. Можно даже сказать, въ послѣднихъ не пользуется особеннымъ уваженіемъ научная система догматическаго богословія. Она скорѣе трактуется, какъ

---

[1]) Краткое изложеніе Божественныхъ догматовъ въ русск. перев. Спб. 1844 г. 3—5 стр.

часть, отдѣлъ тѣхъ руководствъ, которыя предлагались въ школахъ. Если Климентъ Александрійскій упоминаетъ только мимоходомъ о руководящихъ правилахъ экзегесиса, и Оригенъ отводитъ имъ незначительную часть своей системы, то въ школахъ антіохійскаго направленія рекомендуется иная постановка. На первый планъ, какъ самый главнѣйшій предметъ преподаванія, выдвигается экзегесисъ съ его правилами, разработанными полно и многосторонне и ниже ставится система догматовъ. Замѣчательно, отъ знаменитыхъ представителей Антіохійской школы, получившихъ образованіе подъ руководствомъ такихъ видныхъ учителей, какъ Лукіанъ, Діодоръ Тарсійскій и др., несравненно большую часть научныхъ ихъ трудовъ мы имѣемъ въ видѣ комментаріевъ. Это ясный знакъ, что школа сообщила своимъ воспитанникамъ особенную любовь къ подобнаго рода научной работѣ. Это не значитъ, конечно, того, что въ школѣ не сообщалось навыка къ систематическому изложенію вѣроученія. Представители Антіохійской школы заявили себя и на этомъ поприщѣ. Но ихъ труды въ области догматики имѣютъ характеръ научныхъ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, вопросамъ, составлявшимъ громадный интересъ ихъ времени. Только блаж. Ѳеодоритъ оставилъ по себѣ цѣльную, хотя и краткую систему догматическаго богословія. Но мы уже видѣли, изъ какихъ мотивовъ выходилъ онъ при составленіи ея. Не для школы предназначалъ онъ свою систему и не школа навела его на мысль написать краткое изложеніе божественныхъ догматовъ. Не найдемъ мы и яснаго указанія на то, что система Ѳеодорита привилась къ школѣ, стала учебною книгою въ ней.

Итакъ, главнѣйшимъ предметомъ преподаванія Антіохійскихъ и родственныхъ съ нею школъ было свящ. Писаніе. На изученіе его было обращено серьезнѣйшее вниманіе учащихъ и учащихся. Къ величайшему сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного школьнаго руководства отъ преподавателей Антіохійской школы. Въ силу этого мы должны были бы оставаться въ полнѣйшемъ невѣденіи относительно предѣловъ, общей постановки, программъ и методовъ преподаванія Писанія. Но съ одной стороны знакомство съ общимъ направленіемъ антіохійскаго экзегесиса отчасти замѣняетъ намъ отсутствіе опредѣленныхъ руководствъ, а съ другой свѣденія объ организаціи Низибій-

ской школы, о постановкѣ въ ней свящ. Писанія, какъ предмета школьнаго преподаванія, дають намъ возможность составить приблизительно вѣрное понятіе о преподаваніи свящ. Писанія и въ Антіохійской школѣ. Мы не должны забывать того, что Низибійская школа была дочерью Антіохійской. Послѣдняя для первой служила образцомъ во всей внутренней организаціи.

Обращаясь къ постановкѣ богословія въ Низибійской школѣ, мы встрѣчаемся съ интереснѣйшими свѣденіями о программѣ преподаванія свящ. Писанія. Все священное Писаніе in corpore было раздѣлено на отдѣлы, преподаваемые въ теченіи трехъ лѣтъ [1]). Это былъ курсъ общеобязательный, неспеціальный, по окончаніи котораго только и возможенъ былъ выборъ спеціальностей. Въ первый годъ послѣ изученія псалтири предполагалось пройти общее введеніе въ священное Писаніе и познакомиться съ пятокнижіемъ Моисея. Во второй читали и переписывали пророковъ и др. книги Ветхаго Завѣта. Предметомъ занятій третьяго курса былъ Новый Завѣтъ.—Относительно общаго введенія въ священныя книги мы имѣемъ прекрасный учебникъ въ сочиненіи перса Павла, учителя Низибійской школы [2]).

Все священное Писаніе en masse, какъ источникъ богооткровенной истины, авторъ руководства разсматриваетъ съ двухъ точекъ зрѣнія: со стороны формальной и матеріальной [3]). Какъ литературный памятникъ, съ своей внѣшней стороны Писаніе даетъ возможность различать въ немъ: a) виды изложенія (species dictionis), b) авторитетъ (auctoritatem), c) писателя (conscriptorem). d) стиль (modum) и e) порядокъ (ordinem). Четыре различныхъ вида изложенія можно находить въ священныхъ книгахъ: исторію, пророчество, притчи и нравоученіе. a) Исторія

---

[1]) Assemanus. Biblioth. Orient. t. III, p. II, 939 p. Kihn. Theodor. von Mopsuestia und Iunilius Africanus. Freiburg. 1880 r. 205 S.

[2]) См. введеніе. Названное руководство, извѣстное только въ латинскомъ переводѣ, носило заглавіе—de partibus divinae legis, съ каковымъ оно издано у Migne въ 68 томѣ патрологіи лат. сер. Но такъ озаглавливается только первая глава первой книги. Болѣе вѣрное и болѣе соотвѣтствующее содержанію надписаніе руководства можетъ быть формулировано въ такомъ видѣ: «Instituta regularia divinae legis» (Kihn. Theod. von Mopsuestia 292 S.).

[3]) Una pars ad ipsam speciem dictionis proprie pertinet, alia in rebus est, quas ipsa scriptura nos edocet c. 1.

повѣствуетъ о событіяхъ времени прошедшаго и настоящаго (praeteritarum rerum praesentiumve narratio), куда относятся семнадцать книгъ Ветх. и Нов. Завѣтовъ: пятокнижіе Моисея, книга Іисуса Навина, Судей, Руѳи, четыре книги Царствъ, четыре Евангелія и Дѣянія апостоловъ. Нѣкоторые къ нимъ присоединяютъ еще двѣ книги Паралипоменонъ, Іова, Ездры, Товіи, Юдиѳи, Эсѳири и двѣ Маккавейквія книги, о каноническомъ достоинствѣ которыхъ идетъ большой споръ даже между евреями. Въ историческихъ книгахъ можно встрѣчать также и другіе виды dictionis, однако въ тѣсной связи съ исторіей и въ зависимости отъ нея. Исторія и нравоученіе имѣютъ ту особенность по сравненію съ другими видами, что кажутся по ихъ внѣшнему изложенію не представляющими никакихъ трудностей, тогда какъ въ дѣйствительности имѣютъ много ихъ (quod utraque superficie planae videntur, cum sint intellectu plerumque difficiles). б) Пророчество открываетъ при помощи божественнаго вдохновенія тайныя событія настоящаго, прошедшаго или будущаго времени (rerum latentium praeteritarum aut praesentium aut futurarum ex divina inspiratione manifestatio); сюда принадлежатъ: книги псалмовъ, книги ветхозавѣтныхъ пророковъ и спорная—апокалипсисъ. Пророчества и притчи имѣютъ между собою то общее, что съ внѣшней стороны представляютъ трудности для пониманія, а со стороны внутренней очень много легкаго (habet commune cum proverbiis, quod utraque superficie difficilia sunt, sed pleraque intellectu non ardua). b) Притчи (proverbialis species), въ которыхъ слышится одно, а разумѣется другое, представляютъ нравоученіе, относящееся къ настоящему (figurata, locutio aliud sonans, aliud sentiens et in praesenti commonens tempore). Къ этой группѣ относятся: книга Притчей Соломоновыхъ, Іисуса сына Сирахова, а нѣкоторые присоединяютъ сюда еще книгу Премудрости и Пѣснь Пѣсней, не принадлежащія къ канону. г) Четвертый видъ изложенія Писанія—поученіе (simplex doctrina). Это простѣйшій способъ выраженія мыслей, при помощи котораго мы поучаемся вѣрѣ и нравственности (de fide aut da moribus in praesenti tempore simpliciter edocemur). Сюда относятся семнадцать каноническихъ книгъ: Екклезіастъ, посланія ап. Павла, первое Петра и первое Іоанна. Нѣкоторые присоединяютъ сюда же посланіе Іакова, второе Петра, Іуды и два Іоанна. Если въ этихъ книгахъ

и находятся другіе виды dictionis, но они служатъ только дидактическимъ цѣлямъ.

b) По своему авторитету книги свящ. Писанія раздѣляются на три группы: а) каноническія, общепринятыя, имѣющія за собою полнѣйшій авторитетъ божественности (perfectae auctoritatis), б) признаваемыя за каноническія только нѣкоторыми (mediae auctoritatis), значеніе которыхъ умаляется уже отъ одного того, что не всѣ признаютъ ихъ за каноническія, в) и не имѣющія за собою никакого авторитета (nullius auctoritatis).

c) Писатели свящ. книгъ познаются или по свидѣтельству самихъ о себѣ, какъ писателяхъ, или по надписаніямъ, или, наконецъ, по преданію. Авторитетъ каноническихъ книгъ, какъ органовъ Святаго Духа, не страдаетъ отъ неизвѣстности имени ихъ авторовъ [1]).

d) По стилю всѣ книги распадаются въ подлинникѣ на двѣ категоріи: поэтическія или стихотворныя и прозаическія, но въ переводахъ нельзя было сохранить неприкосновеннымъ этого различія.

e) Что касается ordinis scripturarum, то всѣ свящ. книги распредѣляются по двумъ завѣтамъ: ветхому и новому. Различіе между тѣмъ и другимъ завѣтомъ полагается въ томъ, что первый своими образами и символами указывалъ на новый, а послѣдній побуждаетъ людей къ славѣ вѣчнаго блаженства [2]).

Вотъ все, что сообщаетъ въ своей исагогикѣ Павелъ о священныхъ книгахъ съ ихъ внѣшней стороны. Гораздо важнѣе для него другая сторона Писанія, предметная, вопросъ о томъ, чему учитъ насъ Писаніе (de his qua scriptura nos edocet) [3]). Три важнѣйшихъ пункта ученія Писанія отмѣчаетъ Павелъ: ученіе о Богѣ, о мірѣ и о будущей судьбѣ [4]).

А. О Богѣ. Писаніе говоритъ о Его существѣ, лицахъ, дѣйствіяхъ или сравниваетъ съ тварями.—Существо Божіе указы-

---

[1]) Non auctorum merito, sed Sancti Spiritus gratia tantum culmen auctoritatis obtinuisse noscantur.

[2]) Veteris intentio est novum figuris praenuntiationibusque monstrare, Novi autem ad aeternae beatitudinis gloriam humanas mentes accendere (l. I, c. 10).

[3]) L. I, c. 11—l. II.

[4]) Tria quaedam: nam aut de Deo loquitur aut de presenti saeculo aut de futuro.

вается двояко: прямо (principaliter) и производно (consequenter). Въ первомъ случаѣ—посредствомъ именъ (Богъ, Господь, Адонаи, Саваоѳъ, Элогимъ и др.). Всѣ эти имена указываютъ только на то, что Богъ существуетъ, но не на то, что такое Онъ, потому что существо Божіе непостижимо. Не прямо указываетъ Писаніе на существо Божіе, когда говоритъ о лицахъ, дѣйствіяхъ и отношеніи Бога къ тварнымъ существамъ, какъ Богъ Отецъ, всемогущій, невидимый и т. п.—Тотъ же самый способъ соблюдается въ Писаніи и для обозначенія Лицъ Св. Троицы. Такъ, когда мы говоримъ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый—указываемъ Лица прямо, принципіально. Если же получишь понятіе о Лицахъ при помощи того, чѣмъ обозначается существо, или дѣйствіе, или отношеніе къ тварямъ, то это будетъ производно (consequenter per ea, quibus significatur essentia aut operatio aut ad creaturas collatio). Именемъ Отца обозначается одно Лице Св. Троицы принципіально и производно. Послѣднее выводится изъ указанія отношеній и дѣйствій Бога, изъ имени Сына, потому что, когда говоримъ „Сынъ“, косвенно указываемъ на Отца. О второмъ Лицѣ Св. Троицы Писаніе выражается пятью способами: то говоритъ оно объ одномъ божествѣ Сына и consequenter разумѣется воспринятіе Имъ плоти (carnis adsumptio), то о человѣчествѣ, а божество consequenter подразумѣвается, то о томъ и другомъ вмѣстѣ; иногда сказанное о человѣчествѣ принципіально относится къ божеству, а иногда наоборотъ. Третье Лице Св. Троицы принципіально мы называемъ Духомъ Святымъ и consequenter указываемъ на Него, когда благодать называемъ Духомъ Святымъ, какъ пріимите Духъ Святъ (Іоан. 20, 22), когда называемъ Отца, Сына, то также consequenter разумѣемъ Святаго Духа.—Если мы говоримъ о Богѣ Единомъ, то, указывая на Его существо, дѣйствія и отношенія къ міру, называемъ общія свойства Лицъ. Если же говоримъ о Лицахъ, то обозначаемъ спеціальныя, личныя свойства. Отецъ никогда не называется Сыномъ и Духомъ Святымъ, ни Сынъ, ни Духъ не называются Отцемъ.—Дѣйствія Божіи обозначаются по творенію Имъ всего, когда мы называемъ Его Творцемъ, факторомъ и т. п., по промыслу, когда называемъ Бога помощникомъ, заступникомъ и т. п., изъ предъуготовленія будущихъ благъ для тварей (futurorum circa

creaturas praeparatione), если именуемъ Бога путемъ, надеждою, убѣжищемъ и пр. и, наконецъ, изъ ихъ исполненія (praeparatorum exitu vel eventu),—утѣшеніемъ, радостію и т. п. Сюда же относятся антропоморфическія наименованія Бога, когда мы приписываемъ Ему душевные аффекты, какъ гнѣвъ, или тѣлесныя свойства.—Изъ сравненія съ тварными существами Богъ съ одной стороны, положительной (confessione), описывается такими чертами, которыя несвойственны ничему тварному, и съ другой, отрицательной (negatione),—въ Богѣ не допускается существованіе всего того, что замѣчается нами въ тваряхъ. Этимъ заканчивается у автора изложеніе ученія о Богѣ и вмѣстѣ первая книга.

B. Вторая начинается выясненіемъ ученія свящ. Писанія о настоящемъ мірѣ.—Пять пунктовъ отмѣчаетъ авторъ въ ученіи о мірѣ: a) твореніе его, b) управленіе, c) событія природы, d) проявленія человѣческой воли и e) слѣдствія послѣдней.

Въ ученіи о твореніи Писаніе различаетъ способы творенія: созданное однимъ мановеніемъ воли Божіей, какъ „въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю“, или повелѣніемъ—„да будетъ свѣтъ“, и послѣ свѣта (deliberativa voce) „сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію, или, наконецъ, волею, голосомъ и опредѣленіемъ „раститесь, множитесь...“ Порядокъ творенія даетъ возможность автору говорить на этомъ основаніи о различіи самыхъ тварей. Однѣ изъ нихъ произошли въ полномъ смыслѣ изъ ничего, другія изъ напередъ созданнаго матеріала. Человѣкъ, какъ конечное звѣно въ цѣпи твореній, имѣетъ то преимущество предъ другими тварями, что по тѣлу онъ есть созданіе изъ готоваго матеріала, а по душѣ—изъ ничего. Отсюда его духовныя преимущества.

Управленіе Богомъ міра проявляется въ двухъ видахъ: общемъ и частномъ управленіи. Первое обнимаетъ собою весь міръ въ его цѣломъ, второе—части и особенно разумныя существа. Первое проявляется въ двухъ видахъ: въ постоянной смѣнѣ существъ (successione) и въ неизмѣнномъ положеніи (statu), какъ міровые законы. Частное управленіе бываетъ троякое: отъ Бога по отношенію къ ангеламъ и людямъ, отъ ангеловъ для нихъ самихъ и людей, отъ людей для самихъ себя [1]). Въ пер-

[1]) A Deo fit pro angelis et hominibus aut ab angelis propter se ipsos et homines aut ab hominibus propter se.

вомъ случаѣ управленіе проявляется чрезъ законъ естественный (внутренній), голосъ совѣсти, и во второмъ оно обнаруживается въ двухъ видахъ: въ дѣлахъ, какъ фактическое возмездіе за ту или другую дѣятельность и въ словахъ, какъ та или другая заповѣдь. Возмездіе бываетъ или общею наградою по отношенію къ настоящему времени (per generalem praesentem retributionem), какъ обиліе плодовъ земныхъ, или частною (per specialem...), какъ спасеніе Ноя, или общимъ наказаніемъ, какъ повсемѣстный голодъ, засуха, или частнымъ наказаніемъ, какъ — Каина, Саула. Всѣ эти виды научаютъ людей и ангеловъ, конечно, неодинаковымъ образомъ, къ исполненію закона, цѣль котораго показать различіе добра и зла, будетъ-ли то въ словахъ или дѣлахъ. Этого рода управленіе отправляется или Самимъ Богомъ, или чрезъ ангеловъ, или чрезъ людей, или чрезъ животныхъ. Законъ, какъ заповѣдь, бываетъ двухъ видовъ: или онъ предъявляетъ нѣчто постоянное, навсегда неизмѣнное, или временное. Двѣ вѣчно неизмѣнныя заповѣди указываетъ Писаніе:—это любовь къ Богу и ближнему. Временныя заповѣди соблюдаются или долгое время, или короткое, какъ обрѣзаніе и собираніе манны. Относительно того, какъ управляютъ ангелы сами собою и людьми, Писаніе не говоритъ ясно. Но такъ какъ оно указываетъ на различныя степени между ангелами, на ихъ служеніе людямъ, то можно думать, что они другъ друга поддерживаютъ въ повиновеніи Создателю и въ служеніи людямъ. Люди сами себѣ устрояютъ управленіе общественное, семейное и, наконецъ, единичное (личное).

Къ событіямъ природы относятся состоянія и перемѣны въ сотворенномъ мірѣ, но отнюдь не въ Богѣ.

Воля есть свободная сила души, благодаря которой образуются различныя и противоположныя мысли и дѣянія. Намъ прирождено различеніе добра и зла. Влеченіе къ тому или другому есть результатъ воли, свободнаго выбора.

Слѣдствія воли обнаруживаются въ томъ или другомъ воздаяніи за дѣятельность [1]).

С) По вопросу о будущемъ вѣкѣ авторъ различаетъ четыре

---

[1]) I. II по 13 гл.

пункта: a) призванія, b) прообразы (типы), c) пророчества и d) исполненіе ихъ.

Призванія—это суть особенные знаки милости Божіей по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ или цѣлымъ народамъ, чрезъ которые Онъ благоволилъ привлечь ихъ къ Себѣ болѣе, чѣмъ другихъ. Десять случаевъ призванія отмѣчаетъ авторъ въ Писаніи: призваніе Авраама, Исаака, Іакова и двѣнадцати отъ него рожденныхъ патріарховъ, колѣна Іудина, всего народа въ Египтѣ, Давида, его дома, возвращеніе народа изъ плѣна, призваніе чрезъ принятіе Сыномъ Божіимъ плоти отъ рода Давида, Авраама и Адама, чрезъ которую Онъ совершилъ спасеніе насъ всѣхъ. Послѣднее призваніе совершается чрезъ диспенсацію за воплощеніе Самаго Господа Бога и Спасителя нашего. Хотя и до призванія Авраама были праведники, какъ-то: потомки Сиѳа, Энохъ, Ной и Мельхиседекъ, однако они не пользовались никакимъ призваніемъ. Но очевидно, что всѣ указанныя призванія суть дѣла прошедшаго. Какъ же они относятся къ будущему? Каждая вещь оцѣнивается по результатамъ. И эти призванія, уже совершившіяся, имѣютъ свой смыслъ въ будущемъ, потому что язычники имѣютъ обратиться къ христіанской вѣрѣ въ надеждѣ на вѣчную жизнь, которую Господь чрезъ свое ученіе, чудеса, воскресеніе и вознесеніе на небо показалъ, обѣщалъ и даровалъ. Всѣ прежнія призванія указывали на воплощеніе Христа, утверждали въ людяхъ вѣру въ будущую жизнь. У язычниковъ также есть вѣра въ будущую жизнь; воплощеніе Христа было ради вѣры, ради призванія язычниковъ въ христіанство, чтобы тѣмъ доставить имъ вѣчную жизнь. Отношенія ясны [1]).

Образъ или типъ есть показаніе неизвѣстнаго настоящаго, прошедшаго, или будущаго чрезъ дѣйствія, насколько они суть дѣйствія [2]). Типъ прошедшаго — оглашенные, представляющіе образъ Адама, изгнаннаго изъ рая. Типъ настоящаго—одежда Аарона, на которой вышиты были имена двѣнадцати колѣнъ, будущаго—два сына Авраама, какъ символъ двухъ завѣтовъ.

---

[1]) Igitur si fides gentium pro vita futura, Christi incarnatio pro fide gentium, cetera pro Christi incarnatione sunt gesta, omnis acceptionum series ad futurum saeculum pertinere ex ipsa intentione collegitur. c. 15.

[2]) Typus est praesentium aut praeteritarum aut futurarum rerum ignotarum per opera, secundum id quod opera sunt, manifestatio.

Между послѣднимъ видомъ типовъ и пророчествъ, при существенномъ сходствѣ ихъ, какъ показателей будущихъ событій, то различіе, что въ пророчествахъ событія указываются словами (verbis), а въ типахъ—вещами (rebis). Пророчество есть типъ въ словахъ, и типъ есть пророчество въ вещахъ. Изъ различенія четырехъ видовъ типовъ ясно обнаруживается, что авторъ имѣетъ широкое представленіе о нихъ. Типы не только существовали прежде закона и подъ закономъ, но существуютъ и въ Новомъ Завѣтѣ, какъ одежды крещаемыхъ, облаченія священниковъ и пр. Подобно тому, какъ призванія, типы всѣ указываютъ на блага будущей жизни.

Пророчества суть предсказанія будущихъ событій. По времени различаются: пророчества предъ закономъ, подъ закономъ и подъ благодатію. Первыя касались или всего человѣчества вообще, или указывали, хотя темно, на событія Новаго Завѣта. Пророчества подъ закономъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни исполнились въ В. З., другія въ Новомъ. Первыхъ авторъ насчитываетъ 22; изъ числа вторыхъ 26 исполнились на лицѣ Іисуса Христа, и 17 относятся къ призванію язычниковъ. Пророчества подъ благодатію, числомъ 32, частію уже исполнились, а частію имѣютъ исполниться въ будущемъ.

Что касается исполненія пророчествъ, то съ этой точки зрѣнія авторъ подраздѣляетъ ихъ на три группы: одни исполнились въ В. Завѣтѣ, другія въ Новомъ и, наконецъ, исполненіе нѣкоторыхъ предстоитъ въ будущемъ.

Если всѣ призванія, прообразы и пророчества исполнившіеся относятся къ будущему, то какая нужда Богу, чтобы существовалъ настоящій міръ? [1]) Разумныя существа должны упражнять силы духа и воли, чрезъ познаніе истины побѣждать сомнѣнія и чрезъ постоянную борьбу по заслугамъ получить воздаяніе—вотъ цѣль жизни въ настоящемъ мірѣ. Откуда же намъ узнать истину? Два источника истины доступны разумнымъ существамъ: естественный разумъ и откровеніе, т. е. свящ. книги, имѣющія за собою божественный авторитетъ. Чѣмъ доказать эту послѣднюю мысль? Въ качествѣ признаковъ ихъ неземнаго авторитета авторъ указываетъ: внутрен-

[1]) Si omnia quae in praesenti saeculo gesta sunt, ad futurum respicieḃant, quid opus erat, ut a Deo praesens saeculum fieret?

нюю истинность ихъ (ipsius scripturae veritas), распорядокъ предметовъ (ordo rerum), согласіе, отсутствіе противорѣчій между авторами, безъискусственность выраженія и чистоту словъ. Къ этому присоединяются еще качества авторовъ и проповѣдниковъ истины. Въ самомъ дѣлѣ о божественномъ говорятъ люди, о высокомъ — незнатные (viles), о самомъ трудномъ—необразованные. Развѣ все это было-бы возможно безъ божественнаго просвѣщенія? Далѣе, особенная сила ихъ проповѣди, наполнившей всѣ концы земли, свидѣтельство сивиллъ и философовъ, изгнаніе бѣсовъ (expulsio adversariorum), великія послѣдствія, исполненіе прообразовъ и пророчествъ и, наконецъ, чудеса,—всего этого не достаточно-ли для убѣжденія въ томъ, что свящ. книги написаны по божественному вдохновенію, по внушенію Св. Духа? Если Писаніе есть совершенный источникъ истины, то нужно умѣть еще пользоваться этимъ источникомъ, нужно знать правила его объясненія. Но авторъ не задается мыслію обстоятельно и подробно изложить правила герменевтики. Это и понятно, когда широкое знакомство съ ними составляло предметъ занятій высшаго спеціальнаго курса. Поэтому въ глазахъ его совершенно достаточнымъ являлось одно простое указаніе на слѣдующее: нужно наблюдать историческія и мѣстныя условія, логическую послѣдовательность мыслей, имѣть въ виду цѣль книги, общій ходъ событій и цѣль обоихъ Завѣтовъ [1]). Сюда присоединяется требованіе постоянно помнить основные принципы нравственнаго ученія — заповѣдь о любви къ Богу и ближнему, чтобы объясненіе было въ гармоніи съ этими принципами. Но если умѣющій пользоваться Писаніемъ извлекаетъ изъ него всѣ необходимѣйшія истины, то для чего нужна еще вѣра? Вѣра выше разума (fides nostra super rationem est). Тамъ, гдѣ недостаточны силы разума, она является на помощь. Не то, что ясно и вполнѣ доступно разуму, мы принимаемъ на вѣру, но то, чего разумъ не можетъ постигнуть. Однако принятое на вѣру не должно оставаться безотчетнымъ. Отсюда ясна роль разума. Авторъ требуетъ научной вѣры (non enim utcunque audita credimus, sed

[1]) Ut ea quae dicintur dicenti conveniant, ut a causis pro quibus sunt dicta non discrepent, ut concordet temporibus, locis, ordini, intentioni.

ea quae ratio non inprobat. Quae vero consequi ad plenum non potest, fideli prudentia confitemur) [1]).

Вотъ что сообщалось въ Низибійской школѣ въ первомъ классѣ, когда, такъ сказать, полагались основы къ дальнѣйшему богословскому образованію, или точнѣе къ научному экзегесису свящ. книгъ.

Мы имѣемъ подъ руками другую исагогику [2]), монаха [3]) Адріана. Что авторъ ея жилъ не позднѣе Павла, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія [4]). По своему содержанію она носитъ на себѣ печать Антіохійскаго происхожденія. Что исагогика Адріана предназначена для учителей, это ясно изъ заключительныхъ словъ сочиненія. „Учителямъ нужно преимущественно словамъ по ихъ значенію придавать смыслъ, такъ чтобы самое толкованіе выводилось по буквѣ... [5]) Подобно тому, какъ попавшимъ въ неизвѣстную страну лучше всего распросить путь, по которому нужно идти, у знающихъ и запомнить примѣты, при помощи которыхъ они не собьются съ него, такъ и тотъ, который рѣшился учить другихъ, долженъ прежде всего сообщить ученикамъ понятія о значеніи извѣстныхъ вещей, съ помощію которыхъ они будутъ въ состояніи дать отчетъ о нихъ, потомъ познакомить съ внѣшними особенностями стиля, тропами, фигурами и затѣмъ предложить толкованіе по буквѣ (κατὰ τήν λέξιν), какъ бы нѣкоторые показатели пути, по которому они прямо придутъ къ цѣли“. Авторъ исагогики остается вѣрнымъ намѣченнымъ пунктамъ. Внѣшнія особенности свящ. книгъ занимаютъ его вниманіе. Онъ хочетъ объяснить отдѣльныя слова и выраженія Писанія, указать ихъ значеніе, смыслъ и т. п. Три вида особенностей еврейскаго языка отмѣчаетъ Адріанъ,—это идіотизмы: внутренняго смысла, буквы и сочетанія словъ въ предложеніи. Причиною первыхъ онъ

---

[1]) l. II, c. 14—30.

[2]) Adriani, Isagoge ad sacras scripturas. Migne. gr. s. t. 98. 1273—1312 col.

[3]) Фабрицій (Biblioth. graec. t. X, 687 p.) предполагаетъ, что письмо преподобнаго Нила къ монаху Адріану адресовано именно къ автору исагогики.

[4]) Кассіодоръ упоминаетъ объ исагогикѣ Адріана на ряду съ Юніліемъ (Instit. div. c. X).

[5]) Προσήκει προηγυμένως ταῖς τῶν ῥήσεων ὑποθέσεσι τὴν διάνοιαν ἐφιστᾶν τοὺς μαθητεύοντας, εἶθ' οὕτως αὐτοῖς τὴν κατὰ λέξιν ἑρμηνείαν οἰκείως ταύτην προσάγειν. 1309 col.

выставляетъ простое перенесеніе свойствъ тварныхъ существъ на Бога. Такъ часто приписываются Богу члены, чувства, движенія, аффекты и т. под. Авторъ указываетъ множество примѣровъ подобныхъ идіотизмовъ. Вторая категорія вполнѣ обусловливается особенностями языка, на которомъ часто вмѣсто покажи употребляется научи, вмѣсто дѣятельности или наслажденія чѣмъ либо (τὸ ἀντὶ τῆς πράξεως ἤτοι τῆς ἀπολαύσεως τοῦ πράγματος) употребляется услышать, увидѣть, узнать и т. п. Идіотизмы отъ конструкціи объясняются особенностями писателей. Такъ Давидъ часто опускаетъ: говоря, сказалъ и т. п., допускаетъ повторенія. Есть въ Писаніи и тропы разныхъ видовъ, какъ то: метафора, притча, сравненіе, синекдоха, примѣръ, метонимія, аллегорія, ипербола и множество другихъ.

Разобранные нами два учебника имѣютъ мало общаго между собою по выполненію, но удивительно сходны по задачѣ и направленію. Тотъ и другой авторъ имѣютъ въ виду дать пособіе къ объясненію Писанія. Но въ то время, какъ Павелъ расширяетъ свой учебникъ до предѣловъ системы, Адріанъ ограничиваетъ его разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ словъ и выраженій. Это внѣшнее различіе. Внутреннее сходство ясно обнаруживается въ общемъ направленіи экзегесиса, въ опредѣленіи его сущности и метода. Въ то время, какъ Павелъ рекомендуетъ грамматически-логическій смыслъ Писанія предпочитать всякому другому, Адріанъ исключительно знаетъ этотъ одинъ. Если первый при объясненіи считаетъ нужнымъ прежде всего обращать вниманіе на tempus, locum, ordinem, intentionem, то и второй предписываетъ учителю останавливаться на значеніи словъ, предложеній, вообще на буквальномъ объясненіи.

Для насъ важно это сходство въ направленіи, какъ показатель того, что Низибійская школа вообще оставалась вѣрною традиціямъ Антіохійскаго экзегесиса. Если же принять во вниманіе то обстоятельство, что исагогика Павла по своимъ идеямъ находится въ самой тѣсной связи съ доктриною Ѳеодора Мопсуетскаго, ученика одного изъ самыхъ видныхъ преподавателей Антіохійской школы, Діодора Тарсійскаго [1]), то для насъ

[1]) Kihn. Theodor von Mopsuestia und Junil. Africanus. Dritte Theile 333—464 S.

является возможность предположить сходство и со стороны болѣе формальной. Низибійская школа осталась вѣрна ученію Антіохійцевъ, и въ силу особенныхъ обстоятельствъ, даже крайнихъ по своей доктринѣ. Не сохранила ли она и вида той внѣшней организаціи школы, которая касается не содержанія ученія, его сущности, а только постановки. Трехъгодичный курсъ изученія Писанія, раздѣленіе его на сессіи соотвѣтственно курсамъ, далѣе описанный нами методъ и планъ преподаванія перваго курса, спеціальный высшій курсъ,—не есть ли это все традиціи давно прошедшихъ временъ блестящаго состоянія Антіохійской школы при Діодорѣ? Если можетъ быть вѣроятнымъ предположеніе о сходствѣ въ этихъ пунктахъ, то можно возстановить образъ преподаванія школы Антіохійской. Безъ этого предположенія организація школы остается покрытою мракомъ неизвѣстности. Исагогика Адріана слишкомъ скудна по мысли, сжата по формѣ для такихъ учителей, какъ Діодоръ Тарсійскій, и такихъ учениковъ, какъ Ѳеодоръ Мопсуетскій и Іоаннъ Златоустъ.

Переходя къ постановкѣ предметовъ преподаванія втораго и третьяго годовъ подготовительнаго, общеобязательнаго курса, мы должны сказать, что здѣсь имѣло мѣсто только списываніе, чтеніе и заучиваніе свящ. книгъ. Научное знакомство съ Писаніемъ составляло преимущество богослововъ спеціалистовъ, отдѣлившихся отъ другихъ, посвящавшихъ себя другой какой либо дѣятельности [1]). Какъ былъ организованъ высшій спеціальный курсъ, относительно этого мы должны замѣтить, что вступаемъ въ область предположеній, заключеній по аналогіи. Мы не имѣемъ ни одного школьнаго руководства. Да и трудно предположить существованіе ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, предметомъ занятія студентовъ спеціалистовъ было изученіе книгъ свящ. Писанія, послѣдовательное толкованіе ихъ. Написать учебникъ значило составить комментарій на все свящ. Писаніе. Обширный по необходимости, онъ едва-ли могъ-бы удовлетворить требованіямъ школы, тѣмъ болѣе, что въ существованіи подобнаго рода пособій недостатковъ не оказывалось. Мы уже указывали на то, что представители Антіохійской школы соста-

[1]) Kihn. Theod. von Mopsuest. 205—7 S.

вили себѣ особенную почетную извѣстность своими комментаріями. Отсюда, чтеніе послѣднихъ могло замѣнять всякія спеціальныя руководства. Неудивительно поэтому, если въ школѣ на ряду съ изученіемъ книгъ свящ. Писанія отводилось широкое мѣсто знакомству съ отеческою литературою. Сюда присоединялось требованіе широкаго знакомства съ свѣтскими науками. Такъ было поставлено дѣло въ Низибійской школѣ. Не могло быть иной постановки и въ Антіохійской. И здѣсь мы видимъ съ одной стороны знаніе свѣтской литературы, которое, по обстоятельствамъ времени и установившимся обычаямъ, получаютъ у риторовъ и философовъ, а съ другой широкое знакомство съ твореніями отцовъ церкви, обязательно требовавшееся въ христіанской школѣ. Это и не могло быть иначе, въ виду того уваженія къ авторитетамъ древней христіанской письменности, которое не составляло исключительной особенности Антіохійцевъ. Мы видѣли его уже въ школѣ Александрійской, представители которой ставятъ церковное преданіе нормою вѣры. Ко времени блестящаго развитія Антіохійской школы число авторитетовъ увеличилось, область преданія расширилась. Христіанская церковь видѣла уже вселенскіе соборы, на которыхъ формулированы точныя regulae fidei, символы. Отступить отъ нихъ значило отдѣлиться отъ Церкви. Неудивительно поэтому, если даже такіе свободомыслящіе люди, какъ Ѳеодоръ Мопсуетскій, не могутъ отрѣшиться отъ уваженія къ авторитетамъ и въ нихъ ищутъ опоры для своей доктрины.

О постановкѣ экзегесиса, какъ предмета школьнаго преподаванія, можно заключать отъ общихъ принциповъ экзегесиса Антіохійской школы. Мы видѣли, какія требованія предъявляютъ экзегету Павелъ и Адріанъ. Антіохійцы дѣйствительно являются предъ нами поборниками буквальнаго пониманія свящ. книгъ. Съ ихъ точки зрѣнія объяснять историческія повѣствованія Писанія аллегоріей значитъ низводить Писаніе на степень басней [1]). Не отвергаютъ и не могли отвергнуть антіохійцы совсѣмъ примѣнимости таинственнаго смысла при объясненіи свящ. книгъ, но значительно съузили его предѣлы. Если Оригенъ заявлялъ, что все священное Писаніе имѣетъ

---

[1]) Kihn. Die Bedeutung. d. Ant. Schule 124 S.

таинственный смыслъ, но не все буквальный, то антіохійцы могли формулировать діаметрально противоположный принципъ: все свящ. Писаніе имѣетъ буквальный смыслъ, но не все таинственный. Въ основѣ каждаго мѣста Писанія лежитъ буквальный смыслъ. Не составляютъ на этотъ разъ исключенія типы и пророчества. Типическій или таинственный смыслъ покоится на грамматически-историческомъ. Онъ есть второй смыслъ, выводимый изъ послѣдовательности мыслей и событій, а не отдѣльныхъ словъ [1]). Отсюда—прекрасныя правила антіохійцевъ для объясненія типовъ: 1) Все, что по правиламъ историко-грамматическаго метода относится ко Христу и тайнѣ искупленія и иначе объяснимо быть не можетъ, то очевидно только сюда и относится. 2) Мѣста, удобно примѣнимыя по правиламъ этого метода къ лицамъ и событіямъ В. Завѣта, очевидно не мессіанскія, а слѣд. и не могутъ быть относимы ко Христу, хотя бы видимое сходство уполномочивало на это [2]). Въ глазахъ антіохійцевъ погрѣшности и отступленія отъ того и другаго положенія равно не безопасны. потому что неумѣстная аллегорія вредитъ истинѣ не менѣе, чѣмъ грубый раціонализмъ. Первая подрываетъ всякое уваженіе къ св. Писанію въ глазахъ невѣрующихъ, подавая имъ поводъ къ насмѣшкамъ и упрекамъ, ослабляетъ уваженіе къ таинственному смыслу даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ неизбѣженъ и имѣетъ всѣ свои права; второй разобщаетъ В. Завѣтъ съ Новымъ, уничтожаетъ между ними всякую связь, подрываетъ всякій авторитетъ Ветхаго. Отсюда, оставаясь на почвѣ золотой средины между тою и другою крайностями, экзегетъ, съ точки зрѣнія антіохійцевъ, долженъ изслѣдовать буквальный смыслъ Писанія, такъ какъ онъ, имѣя самую большую силу доказательности, полезенъ не только для вѣрующихъ, но также пригоденъ для борьбы съ невѣрующими. Аллегорическое толкованіе имѣетъ свой смыслъ только тогда, когда оно покоится на разумномъ основаніи и очевидно безъ всякихъ натяжекъ. Если въ глазахъ Оригена это послѣднее толкованіе имѣло несравненно бо́льшую силу доказательства религіозной истины, то для Антіохійцевъ аллегорія почти совсѣмъ не имѣетъ этой силы. Она ведетъ только

---

[1]) Ibid. 128 S.
[2]) Ibid. 130 S.

къ предположеніямъ, догадкамъ и вѣроятнымъ заключеніямъ и имѣетъ болѣе субъективное достоинство, чѣмъ объективное. Обращенная на враговъ вѣры, аллегорія можетъ принести больше вреда, чѣмъ пользы. Если она и допускается при объясненіи, то болѣе для назиданія вѣрующихъ, а отнюдь не для доказательства религіозныхъ истинъ [1]).

Если задачею экзегета было изслѣдованіе буквальнаго смысла Писанія, то понятно, какъ важенъ былъ для антіохійцевъ правильный текстъ Писанія. Это ясно сознавалось еще основателемъ Антіохійской школы, пресвитеромъ Лукіаномъ, который предпринялъ рецензію текста свящ. книгъ [2]). Въ основу имъ былъ положенъ еврейскій текстъ, въ параллель съ которымъ шли переводы. Но у послѣдующихъ экзегетовъ не доставало знанія еврейскаго языка. Имъ по необходимости приходилось пользоваться греческими переводами. Въ качествѣ критерія для оцѣнки сравнительнаго достоинства текста рекомендуется ими сличеніе переводовъ.

Изъ этой короткой характеристики антіохійскаго направленія въ объясненіи священнаго Писанія мы можемъ составить себѣ понятіе о постановкѣ экзегесиса въ школѣ. Учители и ученики озабочены были болѣе всего выясненіемъ прямаго, буквальнаго смысла каждаго мѣста Писанія. Все, что сколько нибудь помогало достиженію цѣли, вводилось въ кругъ пособій. Сюда относились свидѣтельства отцовъ и учителей церкви, свѣденія по различнымъ областямъ небогословскихъ наукъ, параллельныя мѣста, грамматическія и логическія изысканія относительно текста и т. п.

Что касается постановки догматическаго богословія, какъ науки, то относительно этого для антіохійской школы свѣденія очень скудны. Мы уже замѣчали о сравнительно невысокой степени развитія богословія въ школахъ антіохійскаго направленія. Можно думать, что богословіе не выдѣлилось изъ ряда другихъ наукъ, какъ самостоятельная отрасль знанія. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить и зарожденія его, какъ науки. Въ исагогикѣ Павла мы видимъ уже систему, большая часть которой трактуетъ о вопросахъ догматики. Съ внѣшней

---

[1]) Ibid. 134 S.

[2]) Kihn. Theodor von Mopsuestia 9 S.

формальной стороны очевидно Аристотель имѣлъ неотразимое вліяніе на Павла. Не только цѣльность плана, но и постановка частныхъ вопросовъ, послѣдовательное развитіе, ихъ постепенный переходъ отъ общихъ понятій къ частнымъ, отъ рода къ виду обнаруживаются на каждомъ шагу [1]). Это и неудивительно. Аристотель уже давно началъ проникать въ христіанскія школы. Еще Климентъ указалъ дорогу системѣ Стагирита. Но въ Александріи для его философіи почва оказалась неудобренною. За то такъ глубоко эта философія пустила корни въ Антіохіи. Аріанство обязано своимъ возникновеніемъ философскимъ идеямъ Аристотеля [2]). Діодоръ Тарсійскій и Ѳеодоръ Мопсуетскій были рѣшительными поклонниками Стагирита. Въ Сирскихъ школахъ все свѣтское образованіе покоилось на системѣ Аристотеля. Если такъ хорошо привилась философія перипатетиковъ къ христіанскимъ школамъ антіохійскаго направленія, то нельзя было ожидать, чтобы она не оказала никакого вліянія на развитіе въ нихъ системы догматическаго богословія. Привыкшій мыслить по правиламъ строгой логики, антіохіецъ не могъ не приложить этого метода и къ богооткровеннымъ истинамъ. Волненія въ христіанской церкви по поводу ересей, христологическіе споры поддерживали и усилили потребность въ широкомъ примѣненіи діалектики. Невѣроятно, чтобы ученики, воспитывавшіеся на Аристотелѣ, не получали въ школѣ навыка подъ его руководствомъ приводить въ систему и догматы христіанства. Иначе говоря, богословіе, какъ система, была извѣстна школамъ антіохійскаго направленія. Но какое же оно занимало мѣсто? Въ трехъ-ли первыхъ подготовительныхъ курсахъ, или подлѣ и на ряду съ научнымъ экзегесисомъ преподавалось оно? Скорѣе можно предположить первое, чѣмъ послѣднее. Въ самомъ дѣлѣ, исагогика Павла по содержанію своему далеко не соотвѣтствуетъ понятію исагогики. Сравнительно меньшая часть ея трактуетъ о спеціальныхъ предметахъ послѣдней. Большая половина посвящена вопросамъ спеціально богословскимъ. Тутъ мы встрѣчаемъ ученіе о Богѣ Троичномъ въ Лицахъ, о свой-

---

[1]) Подробно выяснено отношеніе исагогики Павла къ діалектикѣ Аристотеля у Kihn. Theod. v. Mopsuest. 337—343 S.

[2]) По свидѣтельству Сократа (Ц. И. II, 35), Аэція привело къ аріанскому образу мыслей чтеніе категорій Аристотеля.

ствахъ Божіихъ общихъ и частныхъ или личныхъ, о Богѣ, какъ Творцѣ міра и Промыслителѣ, о мірѣ и человѣкѣ и пр. Но, предназначивъ свое руководство для учениковъ подготовительнаго курса, Павелъ не выдѣлилъ спеціально догматическихъ вопросовъ изъ ряда другихъ входившихъ въ область прямой его задачи. Для насъ важенъ въ этомъ случаѣ взглядъ Павла на роль догматическаго богословія въ ряду предметовъ общеобразовательнаго курса. Догматика служитъ ступенью къ высшеобразовательному, спеціальному предмету. Она еще не самостоятельная наука.—Такая постановка догматики въ Низибійской школѣ не есть-ли продолженіе или лучше копія съ постановки ея въ антіохійской? Нѣтъ ни одного прямаго и яснаго свидѣтельства, которое заставило бы предположить иную постановку дѣла въ Антіохіи. Что здѣсь имѣли понятіе о системѣ богословія, за это ручаются догматическіе труды представителей антіохійской учености. Но что богословіе проходилось, какъ самостоятельная наука, это вопросъ темный, на который, кажется, скорѣе можно отвѣчать отрицательно.—Такимъ образомъ Александрія выдвинула догматическое богословіе въ видѣ христіанской философіи, обосновала экзегесисъ, Антіохія измѣнила постановку послѣдняго, усовершенствовала методы, образовала новое направленіе, низвела богословіе съ несвойственнаго ему положенія въ качествѣ философской системы, указала новый путь къ разработкѣ его на иныхъ началахъ, но также не возвела догматики на степень самостоятельной отрасли знанія. Отсюда, если Александрійскую школу можно назвать христіанскою философскою школою, то антіохійскую въ отличіе отъ нея—экзегетическою исключительно.

Нѣтъ никакихъ ясныхъ указаній на то, чтобы исторія существовала въ качествѣ самостоятельнаго предмета школьнаго преподаванія. Но потребности въ знакомствѣ съ нею начали уже сказываться. Для ветхозавѣтной исторіи, конечно библія была наилучшимъ пособіемъ. Чтеніе ея вело къ достаточному знакомству съ ветхо-завѣтными событіями. Но событія христіанской церкви? Церковь жила уже около четырехъ вѣковъ. Много событій и перемѣнъ обстоятельствъ втдѣла она. Гоненія смѣнились торжествомъ христіанства. Событія внутренней жизни церкви представляли не только интересъ научный, но и рѣшительную необходимость въ знакомствѣ. Какъ видъ богословской

литературы, церковная христіанская исторія нашла себѣ усердныхъ труженниковъ въ лицѣ Евсевія и его продолжателей; но, какъ предметъ школы, она еще не успѣла выдѣлиться изъ группы другихъ наукъ. Усердное чтеніе христіанской древней письменности считалось лучшимъ средствомъ къ достиженію цѣли. Не только исторія, но и другія знанія не преподавались отдѣльно, но потребности въ знакомствѣ съ ними восполнялись практически, при посредствѣ чтенія.

Таковы высшія школы востока первыхъ вѣковъ христіанства.

Что касается епископскихъ и монастырскихъ, то задачею ихъ было приготовленіе достойныхъ пастырей церкви. Этимъ опредѣлялся и кругъ наукъ школьнаго преподаванія. Отъ пресвитера и клирика, конечно, первѣе всего требовалось знаніе основныхъ правилъ вѣры, знакомство съ богослуженіемъ и различными чинами его, начитанность въ священныхъ книгахъ.— Что касается перваго требованія, то оно легко удовлетворялось при посредствѣ краткихъ катихизисовъ. Какъ на типъ таковыхъ можно указать на извѣстное „Изложеніе вкратцѣ о вѣрѣ“ Анастасія Синаита, антіохійскаго патріарха († 561), изложенное въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ [1]), и на западѣ блаженнаго Августина. — „Enchiridion ad Lavrentium de fide, spe et charitate“ [2]). Знакомство съ богослуженіемъ пріобрѣталось практически среди клира, или братій монастыря, отправлявшихъ богослуженіе въ своихъ монастыряхъ. Чтеніе священныхъ книгъ было спеціальнымъ занятіемъ монашествующей братіи. Оно предписывалось въ уставахъ на ряду съ трудомъ физическимъ, какъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ наполнить свободное время инока, чтобы онъ не оставался безъ дѣла. Во многихъ монастыряхъ къ чтенію присоединялось объясненіе, по крайней мѣрѣ, болѣе трудныхъ мѣстъ [3]).

Переходя къ школамъ западнымъ, мы можемъ остановиться только на семинаріи бл. Августина и на школахъ Кассіодора. Первый, имѣвшій въ виду приготовленіе достойныхъ пастырей церкви и въ силу этого выдвинувшій въ качествѣ основнаго

---

[1]) Издается въ славянскомъ переводѣ обыкновенно при слѣдованныхъ псалтиряхъ.

[2]) Въ русскомъ переводѣ Тодорскаго. Спб. 1795 г.

[3]) Mabillon. Tractatus de studiis monast. c. II, 18 p.

предмета преподаванія въ семинаріи священное Писаніе, конечно, имѣлъ въ виду не простое только чтеніе его, но и объясненіе, изученіе. Въ виду такой постановки, необходимо было дать учащимся пособіе, каковое Августинъ и предложилъ въ извѣстномъ „De doctrina christiana“. Самъ Августинъ рекомендуетъ свое руководство, какъ пособіе для желающихъ и имѣющихъ способность учить и учиться [1]). Сообразно съ этимъ онъ раздѣляетъ свой трудъ на двѣ главныя части. Въ первой излагаются правила, какъ изслѣдовать смыслъ Писанія, а во второй—какъ преподавать его [2]).—Въ первой книгѣ предлагаются довольно общія и короткія разсужденія о догматическихъ вопросахъ, о принципѣ нравственной дѣятельности, о главнѣйшихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, высказываются требованія отъ всякаго желающаго приступить къ чтенію Писанія. Эта часть служитъ общимъ введеніемъ къ правиламъ экзегесиса. Вторая книга начинается указаніемъ причинъ темноты и неясности нѣкоторыхъ мѣстъ Писанія. Между такими на первомъ мѣстѣ ставится символическій языкъ Писанія, разнообразіе языковъ, употребленіе троповъ и фигуръ разнаго рода. Конечно, умѣнье препобѣждать эти трудности великое дѣло, но важнѣе, въ качествѣ степеней къ мудрости, какъ весьма важныя средства къ пониманію свящ. Писанія, выставляются: страхъ Божій, благочестіе, знаніе, чистота сердца и т. п. Кромѣ всего этого Августинъ рекомендуетъ обращеніе къ толкователямъ въ случаѣ недоумѣнныхъ мѣстъ, вниманіе къ тексту, въ которомъ часто необходимая поправка разъясняетъ все дѣло. Въ качествѣ основнаго текста рекомендуется древній переводъ Itala и переводъ LXX-ти. При разрѣшеніи трудныхъ мѣстъ, обусловливающихся идіотизмами, много помогаетъ знаніе языковъ, знакомство съ науками. Послѣднее положеніе развито у Августина довольно подробно, но съ очень узкимъ взглядомъ на кругъ

---

[1]) Prologus n. 1. Sunt praecepta quaedam tractandarum Scripturarum, quae studiosis earum video non incommode posse tradi; ut non solum legendo alios qui divinarum Litterarum operta aperuerunt, sed et aliis ipsi aperiendo proficiant. Haec tradere institui volentibus et valentibus discere.... (Migne. t. 34, 15 col.).

[2]) c. 1. Duae sunt res quibus nititur omnis tractatio Scripturarum, modus inveniendi quae intelligenda sunt, et modus proferendi quae intellecta sunt. 19 col. ср. l. VI, c. 1. 89 col.

предметовъ изъ области свѣтскихъ наукъ [1]). Еще въ первыхъ двухъ книгахъ Августинъ мимоходомъ упомянулъ объ образахъ, какъ весьма важныхъ трудностяхъ при объясненіи Писанія. Здѣсь же онъ подраздѣлилъ ихъ на двѣ категоріи: прямыхъ и переносныхъ. Теперь, въ третьей книгѣ, онъ предлагаетъ руководящія правила, при помощи которыхъ можно избѣгать двусмысленности (ambiguitatem) образныхъ выраженій. Двусмысленность простыхъ образовъ можетъ происходить отъ чтенія, произношенія и отъ распорядка словъ. Во всѣхъ случаяхъ для разрѣшенія, какъ правильнѣе понять текстъ, рекомендуются въ качествѣ нормъ: правила вѣры, контекстъ и въ крайнихъ случаяхъ соображенія самаго читателя. Болѣе трудностей представляютъ обоюдности, происходящія отъ переносныхъ образовъ. Здѣсь первѣе всего нужно остерегаться, чтобы не принять образнаго выраженія въ буквальномъ смыслѣ. Въ этомъ случаѣ буква явится убивающею, каковою она была для іудеевъ. Отсюда рабство (servitus) предъ образами, имѣвшее мѣсто у евреевъ, язычниковъ и не лишенное возможности проявиться у христіанъ, въ случаѣ неправильнаго пониманія образныхъ выраженій. Правила, которыми можно руководиться при различеніи образныхъ и необразныхъ выраженій, могутъ быть формулированы въ слѣдующихъ положеніяхъ: все, что въ Писаніи сказано, какъ побужденіе къ добродѣтели, чистотѣ жизни и нравовъ, или какъ воспрещеніе пороковъ и преступленій, все это нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ. Все недостойное Бога и Его святыхъ, что можно читать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Писанія, должно понимать образно. Нельзя упускать изъ виду и того, что многое въ Писаніи по отношенію къ однимъ говорится буквально, а въ отношеніи другихъ разумѣется переносно. Это послѣднее обстоятельство обусловливается положеніемъ и жизнію людей. Многое въ В. З., имѣвшее прямой буквальный смыслъ, въ Новомъ понимается, какъ образное, аллегорическое. Часто сомнѣніе относительно смысла нѣкоторыхъ мѣстъ разрѣшается параллельными мѣстами, и это лучше, чѣмъ довѣряться своему разумѣнію. Не мало приноситъ пользы въ недоумѣнныхъ случаяхъ знаніе троповъ и фигуръ, такъ часто употребляемыхъ въ свящ.

---

[1]) См. выше 4 примѣч. къ 305 стр. и 1 и 3 къ 306.

книгахъ. Въ заключеніе третьей книги Августинъ прилагаетъ regulae Тихонія донатиста, которыя онъ считаетъ также полезными для желающихъ проникнуть въ тайны Писанія. Такъ заканчивается первая часть, трактующая о правилахъ лучшаго разумѣнія Писанія. Вторая (четвертая книга) предлагаетъ правила наилучшаго способа преподаванія истинъ Писанія. Августинъ начертываетъ идеалъ христіанскаго учителя. Если Писаніе есть послѣдній и совершеннѣйшій источникъ истинъ, то съ другой стороны оно можетъ служить и образцомъ идеальнаго краснорѣчія. Отсюда учителю церкви нѣтъ нужды обращаться къ свѣтскимъ ораторамъ, въ надеждѣ у нихъ узнать правила краснорѣчія. Конечно, молодымъ людямъ, имѣющимъ быть въ будущемъ учителями церкви, не воспрещается элементарное знакомство съ пріемами ораторства, но завершенія его опять таки нужно искать въ священныхъ книгахъ. Однако въ послѣднихъ есть много и темныхъ мѣстъ, которыя сами по себѣ имѣютъ достоинства, но не могутъ служить образцами для христіанскаго оратора, идеалъ котораго говорить ясно, просто и убѣдительно. Три, высказанныя Цицерономъ, правила: — ораторъ долженъ учить, услаждать и склонять—вполнѣ приложимы и къ христіанскому оратору. И то, что всякій ораторъ можетъ говорить parva submisse, modica temperate, magna granditer, если не сполна приложимо ко всякому христіанскому оратору, такъ какъ онъ имѣетъ своимъ предметомъ всегда матерію высокую, то отчасти. И Писаніе и отцы (Кипріанъ и Амвросій) доставляютъ примѣры такого троякаго вида рѣчи. Поэтому у нихъ можно научиться, когда и въ какихъ случаяхъ болѣе приложима та или другая рѣчь. Но всегда и вездѣ христіанскій учитель долженъ помнить, что не ораторъ для словъ, а слова для оратора.

Вотъ короткій обзоръ содержанія руководства, имѣвшаго мѣсто въ семинаріи блаж. Августина. Въ параллель съ прямою задачею семинаріи приготовлять пастырей церкви, разобранное нами руководство преслѣдуетъ только эту цѣль. Августинъ имѣетъ въ виду сдѣлать будущаго пастыря не только самого свѣдущимъ въ Писаніи, но и научить поучать другихъ. О наукѣ самой въ себѣ, безъ отношенія къ практическимъ цѣлямъ, Августинъ не думалъ. Отсюда, его руководство отнюдь не могло претендовать на степень научнаго пособія. Августинъ не основалъ науки экзегесиса. Въ его семинаріи преподавалось Пи-

саніе. Но узко поставленная задача школы не дала возможности возвести это преподаваніе на степень научнаго обоснованія экзегесиса. Изъ школы Августина долженъ былъ выходить практически подготовленный пастырь, а не ученый богословъ-экзегетъ. Понятно, почему такое, повидимому, пространное руководство не удовлетворяетъ Кассіодора и почему онъ относитъ „de doctrina christiana“ Августина къ разряду пособій, и самъ предпочитаетъ пользоваться переводомъ Юнилія.

Организаторъ западныхъ ученыхъ школъ, Кассіодоръ, принявшій за образецъ организацію Низибійской школы, не имѣетъ въ виду иной постановки богословія, какъ предмета преподаванія школы, чѣмъ какъ оно было поставлено въ послѣдней. Для него также высшею мудростію является научное знакомство съ свящ. книгами. Все направляется къ одной цѣли—изученію Писанія. Хорошо сознавая трудность возможно полнаго и совершеннаго знанія свящ. Писанія, Кассіодоръ занятъ былъ вопросомъ о средствахъ, съ какими нужно было приступать къ столь возвышенной наукѣ. Мы уже видѣли, что Кассіодоръ возвысился надъ господствовавшими въ западныхъ монастыряхъ взглядами на чтеніе священнаго Писанія, какъ на подвигъ благочестія. Не чтеніе, а изученіе его рекомендуетъ онъ. И вотъ какъ научное пособіе является на свѣтъ его „de institutione divinarum litterarum“ [1]). Это не болѣе, какъ введеніе въ свящ. книги, трактующее о средствахъ къ ихъ изученію. Въ основу труда положены разобранныя нами „instituta regularia“ Юнилія Африкана. Сходство этихъ двухъ произведеній не только въ общемъ планѣ, но и въ частяхъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Но также несомнѣнно и то, что на Кассіодора имѣли вліяніе и другіе труды предшественниковъ, на которые онъ самъ указываетъ [2]). Этимъ быть можетъ объясняется отсутствіе въ руководствѣ строгой послѣдовательности. Все содержаніе располагается по матеріи при свѣтѣ самой слабой внутренней связи. Иногда порывается и эта послѣдняя и нѣкоторыя главы стоятъ особнякомъ, безъ всякой связи съ предшествующими.—Въ введеніи Кассіодоръ указываетъ научную постановку Писанія, какъ

---

[1]) Вѣрнѣе чтеніе — lectionum, на которое указываетъ и самъ Кассіодоръ въ praef. de artibus ac disciplinis liberalium litterarum.

[2]) С. 10.

предмета школы, рекомендуетъ ordinem lectionis [1]). Первыя десять главъ посвящены перечисленію переписанныхъ Кассіодоромъ кодексовъ различныхъ книгъ свящ. Писанія съ указаніемъ лучшихъ комментаторовъ. Затѣмъ указываются пособія при объясненіи свящ. Писанія. Послѣ изданнаго Кассіодоромъ руководства (post hujus operis instituta) рекомендуются исагогики другихъ авторовъ (redeamus ad introductores Scripturae divinae), комментаріи (ad expositores), книги (libri singuli) отцовъ Церкви, письма ихъ (epistolae diversorum patrum), частныя бесѣды съ старцами (с. 10). Сюда присоединяются, какъ также важное пособіе, regulae ecclesiasticae, правила вѣры, утвержденныя на первыхъ четырехъ вселенскихъ соборахъ (с. 11). Далѣе Кассіодоръ знакомитъ съ мнѣніями Іеронима, Августина относительно раздѣленія Писанія на Завѣты и отдѣльныя книги, указываетъ на дѣленіе по древнему латинскому переводу и LXX (с. 12—14), разъясняетъ правила переписки и исправленія текста (с. 15) и указываетъ въ краткихъ чертахъ предметы ученія всего свящ. Писанія (с. 16). Немаловажнымъ пособіемъ при объясненіи Писанія Кассіодоръ считаетъ также знакомство съ исторіей ветхаго Завѣта и христіанской Церкви (с. 17). Но особенно рекомендуется имъ чтеніе отцовъ, по преимуществу латинской церкви (с. 18—23). Кассіодоръ не совѣтуетъ слѣпо слѣдовать за авторитетами. Слова апостола: „все испытывайте, хорошаго держитесь“ (1 Θесс. V, 21) выставляются имъ, какъ руководящее правило въ отношеніи къ комментаторамъ (с. 24). Полезно знакомство съ географіей, космографіей (с. 25) и другими свѣтскими науками (с. 27). Въ заключеніе Кассіодоръ защищаетъ свой монастырь и то устройство и направленіе, которыя онъ сообщилъ ему, даетъ наставленіе относительно аскетической жизни и заключаетъ молитвою, чтобы Господь благословилъ его начало и труды (28—33).

---

[1]) Hunc debemus lectionis ordinem custodire, ut primum tirones Christi, postquam psalmos didicerint, auctoritatem divinam in codicibus emendatis jugi exercitatione meditentur, donec illis fiat, Domino praestante notissima.... Postquam ergo se milites Christi divina lectione compleverint, et frequenti meditatione firmati, cognoscere coeperint loca librorum notata.... Moderamini ergo, studiosi fratres, sapienter desideria vestra, per ordinem quae sunt legenda discentes, imitantes scilicet eos qui corpoream desiderant habere sospitatem (Migne. t. 70, 1107—8 col). Ср. три подготовительныхъ курса Низибійской школы и предметъ занятій въ нихъ.

Поверхностное даже знакомство съ исагогикою Кассіодора показываетъ намъ тѣсную связь ея съ исагогикой Павла перса и вообще съ направленіемъ Антіохійской школы. Подобно антіохійцамъ, Кассіодоръ рекомендуетъ тотъ же самый порядокъ чтенія и въ числѣ пособій — правильный текстъ Писанія. Конечно, важность этого сознавали и александрійцы, но нѣсколько по инымъ мотивамъ. Кассіодору и антіохійцамъ нуженъ текстъ, какъ главнѣйшее основаніе смысла Писанія. Для александрійцевъ онъ служилъ для другой цѣли, къ болѣе правильной аллегоріи. Оригенъ искалъ къ тексту привязать свою мысль, а антіохіецъ изъ него выводилъ мысль окончательную, боговдохновенную. Далѣе, требованіе широкаго знакомства съ святоотеческою литературою, какъ надежнымъ путемъ къ изслѣдованію божественныхъ таинъ, опять сближаетъ Кассіодора болѣе съ антіохійцами, чѣмъ съ александрійцами. Требованіе знакомства съ географіей и космографіей возможно было только въ устахъ антіохійца, но не александрійца, понимающаго мѣстности, встрѣчающіяся въ Писаніи, въ таинственномъ смыслѣ. А это отнесеніе всѣхъ богословскихъ наукъ къ категоріи только пособій при изученіи Писанія какъ нельзя болѣе напоминаетъ намъ антіохійскую школу, гдѣ не успѣлъ еще выдѣлиться въ самостоятельную науку ни одинъ предметъ богословскаго знанія. Итакъ школа Кассіодора осталась вѣрною тому идеалу, какой начерталъ для нея Кассіодоръ, т. е. воспроизвела организацію восточныхъ школъ антіохійскаго направленія. Можно думать, что и высшій спеціальный предметъ школы не имѣлъ здѣсь иной постановки, чѣмъ какую мы видѣли въ антіохійскихъ школахъ.

Переходимъ къ постановкѣ богословія въ восточныхъ и западныхъ школахъ временъ Карла Великаго. Если всегда и вездѣ школа стремится удовлетворить потребностямъ времени, запросамъ жизни и человѣческаго духа, то и во времена Карла на востокѣ и западѣ она преслѣдовала эти же цѣли. Давно уже прошло то счастливое время, когда образованіе преслѣдовалось ради его самого, было само для себя цѣлію. Отсутствіе узко практической цѣли образованія имѣло своимъ результатомъ по отношенію къ школамъ то указанное выше явленіе, что древне-христіанская школа не выработала точно опредѣленной программы предметовъ школьнаго преподаванія. Для

Александрійской школы потребности времени послужили причиною ея своеобразной организаціи. Но организованная по образцу философскихъ школъ, она и преслѣдуетъ только христіанское философское образованіе. Христіанскій гностикъ долженъ былъ знать все, не стѣсняя себя опредѣленными рамками какой-либо программы и спеціально быть христіанскимъ философомъ. Антіохія преслѣдовала богословское образованіе въ области экзегесиса. Этотъ послѣдній, выставленный самъ по себѣ цѣлью образованія, неминуемо долженъ былъ задержать развитіе формализма въ наукѣ, узкости въ постановкѣ предметовъ. Ученикъ Александрійской и Антіохійской школъ долженъ былъ знать все, такъ или иначе содѣйствующее усвоенію спеціальнаго предмета школы.

Не то мы видимъ въ восточныхъ и западныхъ школахъ времени Карла Великаго. Геній христіанскаго ума какъ бы утомился въ энергической дѣятельности IV—VI вв. За продуктивною дѣятельностію слѣдуетъ формальная. Много, слишкомъ много было сдѣлано въ области христіанской науки. Нужно было обозрѣть результаты, добытые изслѣдованіями, перечитать массу произведеній письменности, распредѣлить по группамъ. И вотъ взамѣнъ творческой дѣятельности является формальная, регулирующая. Удивительно поразительно сходство этой эпохи съ временемъ послѣ классическаго періода. Какъ тамъ греческій духъ, какъ бы подавленный, изумленный громадою и величіемъ своихъ произведеній, вдругъ впадаетъ въ застой, обращается къ болѣе легкой и несложной работѣ систематизаціи, такъ и здѣсь, послѣ золотаго вѣка христіанской богословской литературы, наступаетъ періодъ затишья, періодъ робости мысли, преклоненія предъ авторитетами и боязнь всякой самостоятельности. Но въ замѣнъ этого стремятся сохранить дорогое наслѣдіе предковъ, полнѣе его изучить, привести въ систему. Какъ въ классическій періодъ творчество преобладало надъ формализмомъ науки послѣдующаго времени, такъ и въ христіанскій золотой вѣкъ письменности формальность, внѣшность игнорировалась въ виду болѣе важной стороны — внутренняго содержанія. Тамъ и здѣсь творческій духъ какъ бы не успѣвалъ, не имѣлъ достаточно времени остановиться надъ внѣшнею стороною. Интенсивность, глубина мысли характеризуютъ равно эти двѣ эпохи. Но если такъ называемый александрій-

скій періодъ ознаменовалъ себя экстенсивностію, широкимъ распространеніемъ греческой науки, то этого нельзя сказать относительно эпохи послѣ IV — VI вв. христіанства. Сходясь въ направленіи мысли, въ идеалѣ и задачахъ образованія, въ своихъ отношеніяхъ къ трудамъ предшественниковъ, эти двѣ эпохи имѣютъ, при указанномъ сходствѣ, громадное различіе въ томъ отношеніи, что грекъ VIII — IX вв. не имѣлъ столь благопріятныхъ условій для распространенія и развитія въ указанномъ направленіи своей христіанской науки, какъ грекъ александрійскаго періода. Начало среднихъ вѣковъ для греческой науки было слишкомъ неблагопріятно. Мы не видимъ содѣйствія развитію ея со стороны тѣхъ, которые имѣли для этого болѣе другихъ возможности и силы. Государственная власть не только не беретъ на себя заботу о распространеніи образованія, но и становится рѣшительнымъ тормазомъ для него. Вѣкъ иконоборцевъ характеризуется, какъ вѣкъ упадка наукъ. Если вообще трудно ожидать, чтобы въ эпоху невысокаго уровня образованія, когда послѣднее не цѣнится, не уважается, могли преслѣдовать образованіе ради его самаго, помимо всякихъ практическихъ цѣлей, то подобное явленіе мы наблюдаемъ и въ эпоху иконоборческихъ смутъ. Правительство по своимъ соображеніямъ отказывается отъ школъ и въ лицѣ лучшихъ императоровъ преслѣдуетъ цѣль приготовленія въ нихъ государственныхъ чиновниковъ. Церковь въ лицѣ своихъ представителей стремится организовать такія школы, которыя бы удовлетворяли ея потребностямъ — ищетъ приготовить достойныхъ служителей алтаря. Только со времени правленія Ѳеодоры два направленія сливаются въ одномъ руслѣ, и школа одновременно начинаетъ удовлетворять нуждамъ церкви и государства.

Удовлетворяя потребностямъ своего времени, богословская школа VIII и IX вв., организованная представителями строго-церковной партіи, имѣла въ виду приготовить достойныхъ пастырей церкви. Узко поставленная задача школы неминуемо вела къ съуженію внутренняго содержанія предметовъ преподаванія, при значительномъ расширеніи числа ихъ. Отсутствіе спеціальности ведетъ за собою возвышеніе отдѣльныхъ отраслей знанія на степень равноправныхъ, одинаково необходимыхъ предметовъ школы. Если александрійская и антіохійская шко-

лы, преслѣдовавшія первая философско-христіанское образованіе, вторая экзегетическое, отдѣльныя отрасли наукъ группировали около главнаго предмета преподаванія школы, не выдѣляя ихъ на степень самостоятельныхъ вѣтвей богословскаго знанія, то въ богословскихъ школахъ нашей эпохи связующимъ центромъ, вокругъ котораго группируются отдѣльныя науки, является не предметъ преподаванія школы, а чисто внѣшняя идея, мысль приготовленія достойнаго пастыря. Программа послѣднихъ школъ создается подъ непосредственнымъ вліяніемъ прямо поставленнаго вопроса—„что нужно знать пастырю церкви“? Древне-христіанская школа могла поставить вопросъ — „что нужно знать христіанскому философу и экзегету“, и рѣшительно отвѣчала: „спеціально одно и около этого одного должно группироваться все“. Не могла, по своей прямой задачѣ, такъ отвѣтить на свой вопросъ богословская школа VIII и IX вв. христіанства. Пастырю церкви нужно знать все, относящееся къ его служенію, и изъ этого всего достигнется преслѣдуемая цѣль. Внутренняго объединенія предметовъ школы не могло быть. Связующимъ звѣномъ является не идея науки, а идеалъ пастыря. Послѣднему нужно знать то, что относится до его служенія. Отсюда, широкая съ внѣшней стороны программа предметовъ изученія. Но какъ изучать предметы программы? Спеціализація невозможна. Требованіе знать многое необходимо ведетъ къ сокращенію внутренняго содержанія программы предметовъ школы. Изъ многаго знать немногое, не все сполна, такъ можно характеризовать требованіе отъ школьнаго преподаванія нашей эпохи. Не столько внѣшними, неблагопріятными для процвѣтанія школъ условіями, сколько внутренними потребностями и запросами отъ школы обусловливалась та сравнительно невысокая внутренняя организація богословскаго образованія, съ какою мы встрѣчаемся въ этотъ періодъ. Школы Карла Великаго существовали при иныхъ внѣшнихъ условіяхъ сравнительно съ современными имъ восточными, и однако единство задачъ и цѣлей обусловливаетъ, какъ увидимъ ниже, удивительное сходство въ постановкѣ богословія въ тѣхъ и другихъ школахъ.

Вся группа предметовъ богословскаго характера подводилась подъ рубрику метафизики. Изъ трехъ частей философіи

названная имѣла своимъ предметомъ богословіе [1]). Этимъ, быть можетъ, объясняется то удивительное явленіе, что въ нашихъ источникахъ встрѣчается слишкомъ мало указаній на преподаваніе богословія въ школахъ [2]). Но едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что богословіе составляло центральный предметъ школы. Мы уже познакомились со взглядами представителей науки того времени на сущность образованія. Можно-ли было ожидать, чтобы такой взглядъ оставался только благочестивымъ желаніемъ этихъ ревнителей божественной мудрости и совсѣмъ не реализировался? Этого не было и не могло быть.

Но если преподавалось богословіе, то по какой программѣ? Какіе предметы богословской науки имѣли мѣсто въ восточной школѣ VIII—IX вв.? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только предположительно. Второе правило 7-го вселенскаго собора требуетъ отъ кандидатовъ на епископскія каѳедры знанія псалтири и настаиваетъ на томъ, чтобы митрополитъ испытывалъ „имѣетъ-ли (предназначенный къ посвященію) усердіе съ размышленіемъ, а не мимоходомъ читать священныя правила, и святое евангеліе, и книгу божественнаго апостола и все божественное Писаніе“ [3]). Итакъ отцы выставляютъ какъ pia desideria опредѣленныя требованія относительно предметовъ образованія епископа. Послѣдній обязуется познакомиться а) съ книгами священнаго Писанія на столько, „чтобы знать смыслъ

---

[1]) См. раздѣленіе философіи и предметъ каждой части ея у Дамаскина и Фотія (выше, стр. 162 и 172). Изъ позднѣйшихъ историковъ мы находимъ прекрасное свидѣтельство относительно этого у Киннама. «Если онъ (императоръ Мануилъ), пишетъ историкъ, принимался объяснять что нибудь, то раскрывалъ дѣло съ чрезвычайнымъ искусствомъ, ясностію и простотою выраженія, изъ какой бы части философіи ни взятъ былъ вопросъ, изъ естественныхъ ли наукъ, или изъ богословскихъ, или даже изъ чего другаго» (Киннамъ, въ русск. пер. 281 стр.).

[2]) Ясное и опредѣленное свидѣтельство встрѣчаемъ мы только у біографа Ѳеодора Студита, который говоритъ, что въ школѣ студійской обители «занимались заучиваніемъ наизустъ отеческихъ мыслей» (Жизнь Ѳ. Студ., въ р. пер., 43 стр.). и у Кедрина. Передавая разсказъ о сожженіи Львомъ Исаврянином высшаго константинопольскаго училища, этотъ послѣдній замѣчаетъ, что въ немъ на ряду съ свѣтскими науками (λογικὴ ἐπιστήμη) преподавалось и богословіе (ἐκκλησιαστικὴ θεοσοφία). Hist. Compend. 795 р., см. выше на стр. 83, 2 примѣч.

[3]) См. выше, стр. 128.

каждой", прочитать сознательно, а не механически, изучить ихъ [1]). b) Для епископа считается необходимымъ знаніе священныхъ правилъ. Отсюда ясно, что школа, имѣвшая въ виду приготовленіе пастырей церкви, должна была поставить своимъ предметомъ толкованіе священнаго Писанія и каноническое право. Но отцы далеко не перечислили всего, что было изъ области богословія предметомъ школы. У Θеодора Студита въ его письмахъ мы встрѣчаемъ одно весьма характерное мѣсто, которое указываетъ, что догматическое богословіе къ его времени успѣло выдѣлиться въ особую самостоятельную науку. „Затѣмъ у тебя нѣтъ и такого познанія догматики", пишетъ Θеодоръ Студитъ Севериану, заподозрѣнному въ принадлежности къ иконоборческой ереси, „чтобы умѣть говорить съ точностію, какъ у неучившагося грамматикѣ и философіи, тогда какъ свѣдущіе въ этомъ преподаютъ о Богѣ не какое-либо собственное ученіе, но слѣдуя богоноснымъ" [2]). Θеодоръ Студитъ упрекаетъ Севериана въ невѣжествѣ. Послѣдній, какъ не прошедшій курса грамматики и философіи, не умѣетъ выражать точно своихъ мыслей. Между тѣмъ, въ противоположность неучившемуся свѣтскимъ наукамъ, выставляются свѣдущіе въ нихъ (οἱ τούτων ἐπιστήμονες), которые пользуются своимъ знаніемъ для изложенія ученія о Богѣ богоносныхъ отцовъ. Итакъ образованные люди на основаніи отцовъ, по правиламъ науки, излагаютъ ученіе о божественныхъ предметахъ. Далѣе, Θеодоръ Студитъ, заявляя Севериану относительно того, что у послѣдняго недостаетъ „знанія догматики", называетъ послѣднюю наукою εὐτεχνίας δογματικῆς, т. е. правильно, научно построенной догматической системы и сопоставляя богословіе съ обычными предметами школы, т. е. грамматикой и философіей, тѣмъ самымъ даетъ понять, что и эта εὐτεχνίας δογματικῆς ἐπιστήμη также была предметомъ школьнаго преподаванія. Севериянъ, по словамъ Θеодора, не имѣлъ познанія самыхъ обычныхъ предметовъ школы: грамматики, философіи и догматиче-

---

[1]) По толкованію Зонары. См. выше, примѣч. 1-е, къ стр. 128.

[2]) Epist. l. II, 151. Ἔπειτα, οὐδὲ τοσαύτη σοι εὐτεχνίας δογματικῆς ἐπιστήμη, ὡς εἰδέναι ἀκριβῶς φθέγγεσθαι, μήτε γραμματικῆς, μήτε φιλοσοφίας ἁψαμένῳ· ὁπότε καὶ οἱ τούτων ἐπιστήμονες κατὰ Θεὸν οὐκ ἰδιόν τι δογματίζουσιν, ἀλλ' ἑπομένως τοῖς θεοφόροις. Migne, t. 99, 1472 col.

скаго богословія. Такимъ образомъ является третій предметъ преподаванія богословской школы, разсматриваемой нами эпохи. Далѣе, имѣвшая своею задачею приготовленіе достойныхъ пастырей церкви, школа должна была выпустить въ лицѣ своихъ питомцевъ не только практически подготовленныхъ требоисправителей, но и разумно усвоившихъ смыслъ и значеніе обрядовой стороны богослуженія. Что школа преслѣдовала эту цѣль и имѣла своимъ предметомъ преподаваніе того, что у насъ теперь относится къ группѣ предметовъ пастырскаго богословія и литургики, это ясно изъ того, что для школъ предназначались пособія, спеціально занятыя разъясненіемъ вопросовъ, касающихся богослуженія. Таковое мы имѣемъ, напр., отъ Ѳеодора Студита относительно преждеосвященной литургіи [1]). Вотъ четвертый предметъ богословія, преподававшійся въ школѣ. Что касается другихъ, то есть основаніе для предположенія еще болѣе частнаго развѣтвленія богословія. Такъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что въ монастыряхъ, гдѣ для монаховъ чтеніе рекомендовалось, какъ необходимый предметъ ихъ занятій, знакомство съ исторіей ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви составляло далеко нерѣдкое явленіе. Отъ практическаго изученія исторіи при посредствѣ чтенія слишкомъ было недалеко до теоретическаго обоснованія ея, какъ одного изъ предметовъ школы. Этимъ быть можетъ объясняется появленіе на свѣтъ хронографій, какъ пособій при изученіи исторіи [2]). Можетъ быть имѣло мѣсто въ школахъ преподаваніе даже правилъ церковнаго краснорѣчія, такъ какъ служителямъ алтаря вмѣнялось въ обязанность поученіе мірянъ [3]), но относительно этого возможно только одно предположеніе, безъ достаточныхъ основаній.

Итакъ въ школѣ VIII и IX вв. изъ богословскихъ предметовъ преподавались: а) объясненіе св. Писанія, б) догматиче-

---

[1]) Ἄκουσον δή μοι, τέκνον, καλῶς τὸ πῶς δεῖ τὴν τῶν προηγιασμένων ἐπιτελεῖν τελετήν· Ἐν γάρ τοι ταῖς ἄλλαις ἱερουργίαις ἀνακεκαλυμμένως καὶ ἀνενδοιάστως ἡ ἱερουργία ἐπιτελεῖται· ἐν δέ γε ταύτῃ συνεσκιασμένως καὶ πενθηρῶς· διὸ καὶ μυστικωτέρα εἰς πᾶν ἡ τελετὴ γίνεται.... t. 99, 1688—9 col.

[2]) Таковое мы имѣемъ отъ патріарха Никифора. Migne, t. 100, 1001—1060 col.

[3]) 19-е правило VI вселенскаго собора. Ср. Ѳеодора Студита письмо къ Николаю ученику (Epistol. l. I, 10).

ское богословіе, в) каноническое право, г) пастырское руководство и, вѣроятно, д) исторія. Какъ были поставлены эти предметы, какіе существовали учебники, программы и методы преподаванія?

Общее направленіе мысли того времени прольетъ намъ свѣтъ и на рѣшеніе поставленныхъ нами вопросовъ. Мы уже указали на то, что время VIII и IX вв. было временемъ застоя мысли. Ученые люди этой эпохи обращаютъ свой взоръ къ прошлому, къ трудамъ отцовъ золотаго вѣка христіанской письменности. Быть ученымъ для этой эпохи значило быть свѣдущимъ въ литературѣ прошлаго, многое прочитать, многое заучить. Какъ въ свѣтскомъ образованіи грекъ VIII и IX вв. пробавлялся наслѣдіемъ отъ классическихъ временъ, такъ и въ богословскомъ онъ жилъ завѣщаннымъ знаменитыми отцами и учителями церкви прежней эпохи. Дорогимъ сокровищемъ казалось ему это послѣднее. Сохранить богословскіе труды предковъ, изучить ихъ по возможности полнѣе было его идеаломъ. Столь скромное желаніе по отношенію къ богословской наукѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ крайнее благоговѣніе предъ авторитетами, которые надѣляются эпитетомъ богоносныхъ, боговдохновенныхъ отцовъ и учителей [1]), робость мысли, боязнь за самостоятельность [2]) и рѣшительное неже-

---

[1]) Эпитетъ «Богоносныхъ»(θεοφόρων) сдѣлался общеупотребительнымъ въ VIII и IX вѣкахъ по отношенію къ отцамъ церкви прежней эпохи. Этого мало,—ихъ часто считаютъ боговдохновенными. Такъ Ѳеодоръ Студитъ въ своемъ письмѣ къ архимандриту Готескому о Василіѣ Великомъ пишетъ слѣдующее: «Для чего вы просите насъ отвѣчать, когда вы богопросвѣщенные (ὑμῶν θεοδιδάκτων) имѣете богоначертанную книгу (θεοχάραχτον βίβλον) великаго Василія, которая преподаетъ спасительныя и полезныя правила монашеской общежительной жизни и безъ которой невозможно ни руководить богоугодно, ни руководиться съ пользою, ни начальнику, ни подчиненному. Онъ, спрашиваемый о всѣхъ предметахъ и случаяхъ священной жизни въ монастырѣ, διὰ Πνεύματος ἁγίου ἀποκέκριται· καὶ ὁ ἐκείνῳ στοιχῶν, ἐστοίχησε τῷ ἁγίῳ Πνεύματι· ὁ δ' αὐτῷ ἀπειθῶν, ἠπείθησε τῷ ἐν αὐτῷ φθεγξαμένῳ Χριστῷ (Epistol. l. II, 164. Migne. t. 99, 1520 col.). Если же уставъ монастырской жизни писанъ по внушенію Св. Духа, то что сказать о догматическихъ сочиненіяхъ этого и другихъ отцовъ? Ср. слѣдующее примѣчаніе.

[2]) Замѣчательно, что въ догматическихъ сочиненіяхъ этого времени не только не претендуютъ на самостоятельность, а боятся ея,—самостоятельной мысли не довѣряютъ. Неподтвержденная авторитетомъ отцовъ, она кажется подозрительною. Неизвѣстный авторъ «Panopliae dogmaticae» (VII вѣка), въ

ланіе ея [1]). Но преклоняясь и благоговѣя предъ авторитетами богословской мысли, грекъ VIII—IX вв. не могъ не примѣтить отсутствія въ трудахъ учителей прежней эпохи системы. Отсюда его задачею является не только собрать, но и привести въ порядокъ дорогое наслѣдіе, сообщить ему надлежащую форму. Такъ какъ во времена упадка образованія является дѣломъ величайшей трудности изучать сполна все прежде написанное, то отсюда неизбѣжны сокращенія. Ученые богословы нашей эпохи имѣютъ въ виду извлечь изъ завѣщаннаго сокровища главнѣйшее, примѣнить его къ потребностямъ и нуждамъ своего времени.

Всѣ эти черты направленія богословской мысли VIII и IX вв. имѣютъ неотразимое вліяніе на постановку богословскихъ предметовъ въ школѣ. Христіанская ученость первыхъ шести вѣковъ оставила въ наслѣдіе потомству два опредѣленно формулированныхъ принципа научнаго экзегесиса. Александрійская школа завѣщала предпочтеніе къ аллегорическому, таинственному методу объясненія Писанія, антіохійская — къ историко-грамматическому. Ученымъ преподавателямъ нашей эпохи пред-

---

четвертомъ вопросѣ, изложивъ на основаніи отцовъ православное ученіе объ ипостасномъ соединеніи природъ въ Іисусѣ Христѣ, спѣшитъ увѣрить, что это не его личное мнѣніе, что такъ учили богоносные отцы. Καὶ ταῦτα μὲν, ἐξ ὧν ἠξιώθημεν λαβεῖν ἐλεηθέντες ὑπὸ Θεοῦ ἐκ τῆς διδασκαλίας τῶν θεηγόρων ἡμῶν πατέρων, πρὸς τὸ παραστῆσαι τῶν φύσεων τὴν οὐσιώδη διαφορὰν ἄτρεπτον φυλαχθεῖσαν μετὰ τὴν ἕνωσιν ἐπὶ τοῦ κατὰ Χριστὸν μυστηρίου. ὅτι δὲ οὐκ ἡμῶν τὸ δόγμα τοῦτο, ἀλλὰ τῶν θεοσόφων πατέρων ἡμῶν δίδαγμα, мы подтвердимъ это, приложивъ къ сему изъ ученія ихъ...—слѣдуетъ рядъ подлинныхъ мѣстъ изъ сочиненій Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Амвросія Медіоланскаго, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоуста, Кирилла Александрійскаго и въ заключеніе панегирикъ ученію ихъ: Αὗται τῶν ὀρθοδόξων ἡμῶν πατέρων φωναί, ταῦτα ῥήματα ζωῆς αἰωνίου τοῦ Χριστοῦ μαθητῶν, δι' ὧν καθάπερ ἥλιος τὰς ἰδίας τοῦ φωτὸς ἐφαπλώσαντες ἀκτῖνας, πᾶν τὸ καθ' ἡμᾶς φωτίσαντες τῇ ἑνότητι τοῦ πνεύματος πρὸς ἑαυτοὺς καὶ δι' ἑαυτῶν πρὸς τὸν Θεὸν ἐπανήγαγον (n. 7. ed. Patrum nova bibliotheca. Romae 1844 an. t. II, 630—22 p).

[1]) Очень характерно въ этомъ отношеніи вышеупомянутое нами 19 правило шестаго вселенскаго собора. «Предстоятели церквей, постановили отцы собора, должны по вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ божественнаго Писанія разумѣнія и разсужденія истины, и не преступая положенныхъ уже предѣловъ преданія богоносныхъ отцовъ: и аще будетъ изслѣдуемо слово Писанія, то да не инако изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учители церкви въ своихъ писаніяхъ и сими болѣе да удовлетворяются нежели составленіемъ собственныхъ словъ, дабы при недостаткѣ умѣнія въ семъ не уклонитися отъ подобающаго»....

стоялъ выборъ между этими двумя направленіями. Исторія показала примѣры крайностей и увлеченій въ томъ и другомъ направленіи экзегесиса. Отсюда золотая средина между тѣмъ и другимъ является наиболѣе желанною нормою его. Экзегеты нашей эпохи остаются болѣе вѣрными представителямъ антіохійскаго направленія. Для Ѳеодора Студита наилучшимъ является историко-грамматическій методъ объясненія Писанія [1]). Фотій, хотя строго различаетъ аллегорическій и буквальный смыслъ Писанія [2]), иногда даетъ широкое примѣненіе первому [3]), но, какъ экзегетъ, является предъ нами болѣе сочувствующимъ принципамъ антіохійскаго направленія [4]). Это послѣднее обстоятельство въ связи съ установившимся воззрѣніемъ на задачи и характеръ образованія для школы опредѣляло методъ преподаванія свящ. Писанія въ слѣдующемъ видѣ: Учителя и ученики имѣли въ виду представить объясненіе даннаго мѣста на основаніи отцовъ. Чѣмъ болѣе приведетъ учитель мнѣній изъ отеческихъ твореній, тѣмъ лучше онъ удовлетворитъ требованію и запросамъ отъ экзегета нашей эпохи. Учитель и ученики не искали и не желали самостоятельности. Эта послѣдняя не сообразовалась съ духомъ времени. Въ силу бо̀льшаго предпочтенія къ экзегесису антіохійскаго направленія большимъ сравнительно уваженіемъ пользовались отцы, вышед-

---

[1]) Къ игумену Авксентію Ѳеодоръ Студитъ писалъ слѣдующее: «Относительно мѣстъ Писанія, о которыхъ ты спрашиваешь, мы весьма удивились, почему нужно изъясненіе отъ насъ несвѣдущихъ, и притомъ такихъ мѣстъ, которыя изъяснять свойственно однимъ только богоноснымъ мужамъ, отъ которыхъ и осталось объясненіе, въ особенности буквальное (κατὰ λέξιν) отъ великаго и божественнаго Василія (Epist. l. II, 184. t. 99, 1565 col).

[2]) Διπλαῖς δὲ διανοίαις ἡ ἑρμηνεία μερίζεται. Ἡ μὲν γὰρ πρὸς τὸ γράμμα διαβαίνει καὶ διὰ τῶν αἰσθητῶν ἀπευθύνεται, ἡ δὲ πρὸς θεωρίαν θέλει μᾶλλον ἀνάγεσθαι (Ad Amphiloch. quaestio 59, Migne t. 101, 405 col.).

[3]) См. объясненіе XVI гл. 6 ст. Второзаконія quaestio 294, 1128 col. Ср. таинственное объясненіе ветхозавѣтной манны quaest. 316, 1158 col.

[4]) Въ объясненіи III гл. 21 ст. книги Бытія Фотій является противниковъ аллегорическаго толкованія Оригена.—Quaest. 70. 440—41 col. Между причинами трудности пониманія смысла Писанія Фотій бо́льшую часть указываетъ въ текстѣ, въ словахъ и выраженіяхъ (quaest. 152 и 153, 816—820 col.) и при объясненіи останавливаетъ свое вниманіе на филологическомъ значеніи словъ, требуетъ принимать во вниманіе логическую послѣдовательность мыслей (quaest. 21, 148—164 col.).

шіе изъ этой послѣдней школы [1]). Заимствуемое изъ нихъ часто оставалось безъ всякихъ измѣненій, а часто сокращалось [2]). Это, конечно, не значитъ того, что совсѣмъ игнорировались труды александрійцевъ. Отцы послѣдней школы, жившіе въ эпоху вселенскихъ соборовъ, пользовались также великимъ уваженіемъ, какъ Аѳанасій Великій, Кириллъ Александрійскій и др.

Что касается постановки догматическаго богословія въ школахъ VIII—IX вв., то заслуга нашей эпохи по сравненію съ предшествующей состоитъ въ томъ, что теперь обращаютъ серьезное вниманіе на научную форму его. Внутреннее содержаніе догматики въ предшествующую эпоху было развито великими авторитетами богословской мысли и опредѣлено соборами. Представителямъ богословской учености нашей эпохи оставалось только собрать и изучить внутреннее содержаніе науки, придавъ ей форму. Это послѣднее удовлетворительно выполнили богословы VIII—IX вв. Безъ сомнѣнія лучшій опытъ научнаго изложенія догматики вышелъ изъ-подъ пера св. Іоанна Дамаскина. Но довольно замѣчательныя попытки являлись и ранѣе его. Таковую мы видимъ въ трудѣ неизвѣстнаго автора „Panopliae dogmaticae“ [3]). Авторъ ея взялъ на себя трудъ научно изложить вопросъ христологическій, не касаясь другихъ пунктовъ [4]). Все содержаніе труда было дано въ сочиненіяхъ отцовъ церкви. Авторъ является въ этомъ отношеніи рѣшительнымъ поборникомъ завѣщаннаго ученія. Всякая самостоятельность, на его взглядъ, кажется опасною, и онъ рѣшительно

---

[1]) Herg'enröther. In Amphilochia Photii prolegomena n. 7 у Migne въ 101 томѣ 7 col.

[2]) Ibid.

[3]) Кардиналъ Маи, издатель панопліи, на основаніи внутреннихъ признаковъ сочиненія время жизни автора относитъ къ VI или VII вѣку. Весь трудъ состоитъ изъ 18 вопросовъ, но XII—XVI не изданы, такъ какъ они не найдены издателемъ въ рукописныхъ кодексахъ ватиканской библіотеки. (См. nova patrum bibliotheca t. II, monitum, 595—6 p.).

[4]) На основаніи отцовъ авторъ излагаетъ православное ученіе о воплощеніи І. Христа (вопр. 3), почему Дѣву Марію должно называть Богородицею (4), о двухъ природахъ въ лицѣ Іисуса Христа и ѵпостасномъ соединеніи ихъ (5—6), о единой ѵпостаси (7, 8), что означаетъ имя «Христосъ» (9), ѵпостась Богочеловѣка нужно ли назвать субстанціей или акциденціей (11). Два послѣдніе вопроса (17 и 18) посвящены защитѣ Халкидонскаго собора.

отказывается отъ всякой мысли гдѣ либо проявить ее [1]). Что касается формы, то она дѣлаетъ честь автору. Догматы вѣры у него приведены въ тѣсную связь съ наукою [2]).

Полнѣе и совершеннѣе панопліи является предъ нами „Точное изложеніе православной вѣры“ Іоанна Дамаскина. Такъ какъ его трудъ, вызванный потребностями школы, сталъ въ ней общераспространеннымъ руководствомъ [3]), то мы считаемъ нужнымъ ознакомиться въ короткихъ чертахъ съ его содержаніемъ.

Хотя Самъ Господь сказалъ, что Бога никто не видѣлъ (Іоан. 1, 18), что, слѣд., Богъ по своему существу для насъ непостижимъ, однако Онъ не оставилъ насъ въ совершенномъ невѣденіи относительно Себя. Внутренній законъ, внѣшняя природа и, наконецъ, откровеніе—вотъ главнѣйшіе источники нашего познанія о Богѣ. Конечно, полное познаніе Его для насъ невозможно. Такіе вопросы, какъ вопросъ о существѣ Божіемъ, о воплощеніи Сына Божія и пр. навсегда останутся для насъ тайною. Намъ по необходимости приходится довольствоваться тѣмъ, что „показано, изречено и открыто свыше въ Божественномъ Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта“ (гл. 2). Понятно, что признающіе этотъ источникъ не могутъ сомнѣваться въ истинѣ бытія Божія. Но для нѣкоторыхъ безумцевъ, какъ назвалъ ихъ Давидъ, эта истина является предметомъ сомнѣній и колебаній. — „Апостолы Господни и ихъ преемники силою чудесъ и словомъ благодати просвѣщали омраченныхъ и обращали заблуждающихся; а мы, не получивъ ни дара чудесъ, ни дара учительства, скажемъ теперь нѣчто объ этомъ предметѣ изъ преподаннаго намъ учителями, просвѣщенными благодатію, призвавши на помощь Отца и Сына и св. Духа“ (гл. 13). Вотъ принципъ системы Дамаскина, который онъ настойчиво проводитъ отъ начала и до конца своего труда. Истина бытія Божія доказывается у него трояко: а) Измѣнчивость міра даетъ возможность заключать о существованіи несотвореннаго и неизмѣннаго Виновника его. б) Связь и сохраняемость стихій предполагаетъ ихъ хранителя, Всемогущаго

---

[1]) См. выше, примѣчаніе 1-е къ стр. 425.

[2]) О формѣ панопліи скажемъ ниже.

[3]) См. введеніе.

Бога. в) Цѣлесообразность и гармонія частей міра ведетъ къ заключенію о премудромъ Устроителѣ его. Утвердивъ истину бытія Божія, Дамаскинъ переходитъ къ вопросу о существѣ Божіемъ и, указавъ на непостижимость его, считаетъ за наилучшее слѣдовать отрицательному методу выясненія.—Для вѣрующаго сердца достаточно и Писанія, чтобы убѣдиться, что Богъ Единъ. Для невѣрующаго приводятся доказательства на основаніи разума, но словами Григорія Назіанзина и Григорія Нисскаго. Совершенство Бога и Его безпредѣльность для разума суть достаточныя основанія, чтобы убѣдиться въ истинѣ единства Божія. Но Единый Богъ „не безъ „Слова". Это послѣднее есть существо ѵпостасное, живое и совершенное. Оно рождается отъ Бога и имѣетъ все то, что есть у Отца. Какъ въ Отцѣ есть полное совершенство, такъ оно существуетъ и въ рожденномъ отъ Него Словѣ (с. 6). „Для Слова нужно дыханіе...." И въ Божіемъ естествѣ должно благочестно исповѣдывать бытіе Духа Божія. Но поелику естество Божіе просто и несложно, то неблагочестиво было-бы думать о Духѣ, что Онъ есть что-то чуждое для Бога и отвнѣ приходящее, каково дыханіе у насъ, существъ сложныхъ. Духъ Святый есть Ѵпостась „происходящая отъ Отца и въ Словѣ почивающая", неотдѣлимая ни отъ Бога Отца, ни отъ Слова, „ибо Отецъ никогда не былъ безъ Слова, и Слово—безъ Духа". Такъ отъ разума, на основаніи св. отцовъ, доказывается троичность лицъ въ Богѣ. Разумное убѣжденіе опирается на авторитетѣ Писанія и Преданія. Такимъ образомъ является полное и обстоятельное изложеніе церковнаго ученія о св. Троицѣ. Изложивъ это ученіе, послѣ короткихъ замѣчаній объ именахъ Божіихъ, авторъ переходитъ къ раскрытію ученія о личныхъ свойствахъ Бога. Нерожденность, рожденіе и исхожденіе суть три признака, которыми должно различать Отца, Сына и Духа Святаго. Эти признаки указываютъ не на существо Божіе, но на взаимное отношеніе и образъ бытія лицъ св. Троицы. Этимъ и заканчивается ученіе о Богѣ Троичномъ въ лицахъ. Остается еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно тѣхъ формъ, которыя существуютъ на человѣческомъ языкѣ для обозначенія дѣйствій Божіихъ. Мы часто приписываемъ Богу человѣческія свойства, какъ физической, такъ и духовной природы. Какъ смотрѣть на это? „Если Богу приписывается что-либо тѣлес-

ное, то это говорится символически и имѣетъ высшій смыслъ, потому что Божество просто и безвидно“ (гл. 11). Вотъ значеніе всѣхъ антропоморфическихъ выраженій Писанія. Людямъ, облеченнымъ плотію, существамъ ограниченнымъ невозможно постигнуть и выразить дѣйствій Божіихъ безъ помощи образовъ. Тотъ же смыслъ имѣютъ наши выраженія о мѣстѣ пребыванія Бога. Какъ существо безграничное, Богъ все проникаетъ, все наполняетъ и все содержитъ, и если мы говоримъ объ особенныхъ мѣстахъ присутствія Божія, то этимъ обозначаемъ только мѣста „болѣе причастныя Его дѣйственной силѣ и благодати“.—Еще разъ повторивъ церковное ученіе о субстанціальныхъ свойствахъ Божіихъ, Дамаскинъ заканчиваетъ трактатъ о Богѣ Самомъ въ Себѣ и переходитъ къ изложенію ученія о Его отношеніи къ міру. Первый вопросъ, которымъ, какъ и слѣдовало ожидать, долженъ былъ заняться Дамаскинъ, это вопросъ о твореніи міра. Объяснивъ смыслъ и значеніе слова „вѣки“, Дамаскинъ переходитъ къ изложенію ученія о твореніи, природѣ и служеніи ангеловъ, а затѣмъ трактуетъ о злыхъ духахъ и, наконецъ, занимается вопросомъ о твореніи видимаго міра. Небо съ его свѣтилами занимаетъ долгое время нашего автора. Онъ считаетъ нужнымъ коснуться почти всѣхъ вопросовъ, о которыхъ трактовалось не только у отцовъ, но и у древнихъ писателей. Переходя къ землѣ, Дамаскинъ говоритъ о первоначальномъ состояніи ея, о человѣкѣ и его первоначальномъ жилищѣ. Самъ человѣкъ, это заключительное звѣно въ ряду тварныхъ существъ, созданъ особеннымъ образомъ: душа его есть образъ и подобіе Бога, а тѣло имѣетъ все общее съ другими физическими тѣлами, напередъ его созданными. Такимъ образомъ человѣкъ самъ въ себѣ есть какъ-бы нѣкоторый малый міръ. Какъ живое существо, человѣкъ надѣленъ пятью органами внѣшнихъ чувствъ. Съ психологической стороны онъ также имѣетъ разнообразіе въ состояніяхъ. Первое изъ этой области, на что обращаетъ свое вниманіе Дамаскинъ, это вопросъ объ удовольствіяхъ, между которыми онъ различаетъ: душевныя и тѣлесныя, истинныя и ложныя, естественныя и необходимыя и, въ противоположность имъ, неестественныя и не необходимыя. Противоположное удовольствію состояніе—скорбь съ ея четырьмя видами: горестію, тоскою, завистью и состраданіемъ. Изъ другихъ чувствъ Дамаскинъ обращаетъ вниманіе

на чувство страха и гнѣва съ ихъ подраздѣленіями. На ряду съ послѣдними указывается дѣятельность органовъ внѣшнихъ чувствъ и, какъ противоположность имъ, является вопросъ о способности мышленія, къ которой относятся: „сужденія, согласіе на какой либо поступокъ, стремленіе къ нему и уклоненіе отъ дѣйствія“. На помощь разсудку является память, какъ хранилище представленій. За мыслительною способностію слѣдуетъ желаніе, котораго Дамаскинъ представляетъ довольно подробный анализъ. Выборъ и оцѣнка дѣятельности по нравственнымъ принципамъ есть отличительная способность человѣка, надѣленнаго свободой воли и разумомъ. На этомъ же основаніи свободный выборъ дѣятельности присущъ и ангеламъ. Но, какъ существа ограниченныя, ангелы и люди имѣютъ и ограниченный кругъ свободной дѣятельности. Абсолютная свобода принадлежитъ только Одному Богу. Въ дѣятельности людей многое обусловлено внѣшними причинами, или, иначе говоря, существуютъ дѣйствія несвободныя. Различаетъ Дамаскинъ и среднія состоянія между свободною и несвободною дѣятельностію.

Богъ есть не только Творецъ всего, но и Промыслитель. Его промыслъ, простирающійся на все, особеннымъ образомъ проявился въ отношеніи къ человѣку. „Ухищреніемъ изобрѣтателя зла демона, человѣкъ уловленъ, не соблюлъ заповѣди Творца, лишенъ благодати, потерялъ дерзновеніе къ Богу... осужденъ на смерть и преданъ тлѣнію. Однако не презрѣлъ человѣка милосердый Богъ“ (кн. III, гл. 1). Со времени паденія начался цѣлый рядъ вразумленій, откровеній, и напослѣдокъ дній Слово сдѣлалось плотью. „По согласію св. Дѣвы, Духъ Святый, по слову Господню, возвѣщенному ей Ангеломъ, сошелъ на Нее, очистилъ ее и даровалъ ей способность, какъ принять въ Себя Божество Слова, такъ и родить. Тогда пріосѣнивъ ее, какъ бы Божественное сѣмя, Сынъ Божій, Единосущный Отцу, Ѵпостасная Премудрость и Сила Вышняго Бога, и изъ пречистыхъ и дѣвственныхъ Ея кровей образовалъ Себѣ начатокъ нашего состава. плоть, оживленную душею словесною и разумною, но образовалъ не изъ сѣмени, а творчески, Святымъ Духомъ; образованіе произошло не чрезъ постепенное приращеніе, а въ одно мгновеніе совершилось, Само Слово Божіе стало Ѵпостасію плоти“ (III, 2). Такимъ образомъ два естества во Христѣ сое-

динились между собою непреложно и неизмѣнно, при чемъ какъ Божеское естество не оставило своей простоты и человѣческое ни преложилось въ Божеское, ни обратилось въ небытіе, такъ и изъ двухъ естествъ не произошло одного сложнаго естества. Но оба естества находятся во взаимномъ общеніи свойствъ, по которому „каждое естество передаетъ свойства другому“ и такимъ образомъ является одна ѵпостась (Ш, 4, 5). „И эта ѵпостась имѣетъ въ себѣ какъ характеристическое и отличительное свойство Божественнаго сыновства Бога Слова, по которому отличается отъ Отца и Духа, такъ и характеристическія и отличительныя свойства плоти, по которымъ отличается отъ матери и отъ прочихъ людей. Она имѣетъ въ себѣ и тѣ свойства Божескаго естества, по которымъ соединена съ Отцемъ и Духомъ, и тѣ признаки человѣческаго естества, по которымъ соединена съ матерію и съ нами. А отличается какъ отъ Отца и Духа, такъ и отъ матери и отъ насъ тѣмъ, что одно и тоже Слово есть вмѣстѣ Богъ и человѣкъ, и это мы признаемъ самымъ собственнымъ свойствомъ ѵпостаси Христовой“ (7). „А поэтому одного и того же Господа нашего Іисуса Христа, исповѣдуя совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ, мы говоримъ, что Онъ имѣетъ все, что имѣетъ, кромѣ нерожденности, Отецъ и все, что имѣлъ, кромѣ только грѣха, первый Адамъ т. е. тѣло и душу разумную. Говоримъ также, что Онъ сообразно двумъ естествамъ имѣетъ двоякія естественныя свойства двухъ естествъ: двѣ естественныя воли—Божескую и человѣческую, два естественныя дѣйствованія—Божеское и человѣческое, двѣ естественныя свободы—Божескую и человѣческую, также мудрость и вѣденіе — Божескія и человѣческія“ (13). Вотъ планъ дальнѣйшихъ разсужденій Дамаскина. Долго и подробно останавливается онъ, или лучше выписываетъ мысли папы Льва, св. Максима Исповѣдника и другихъ о двухъ воляхъ во Христѣ, о двухъ дѣйствованіяхъ, о двухъ умахъ и вѣденіяхъ и пр. Затѣмъ, довольно коротко замѣтивъ „о Богомужномъ дѣйствованіи“, Дамаскинъ надолго останавливается собственно на человѣческой природѣ Іисуса Христа. Такъ какъ Второе Лицо Св. Троицы благоволило воспринять всего человѣка и все свойственное человѣку кромѣ грѣха, то естественно ожидать, что въ Немъ могли обнаружиться „естественныя и непредосудительныя“ немощи человѣческія, каковы алканіе, жажда, утомленіе, слезы,

боязнь и т. под. Какъ человѣкъ, Онъ молился, возносилъ умъ Свой къ Отцу, не имѣя въ томъ никакой нужды, какъ Богъ. Какъ человѣкъ, Онъ претерпѣлъ все плотію. Какъ безгрѣшный, Онъ вкусилъ за насъ смерть, за насъ принесъ Себя въ жертву Отцу. Какъ человѣкъ, Онъ умираетъ и святая душа Его разлучается съ тѣломъ; но Божество пребываетъ неразлучно съ обоими, т. е. съ душею и тѣломъ, и такимъ образомъ одна ѵпостась не раздѣлилась на двѣ ѵпостаси, потому что душа и тѣло съ самаго начала равно имѣли бытіе въ ѵпостаси Слова. Обоженная душа Его нисходитъ во адъ для того, чтобы сѣдящимъ во тьмѣ и сѣни смертной возсіялъ свѣтъ (29). По воскресеніи изъ мертвыхъ Христосъ сложилъ съ Себя всѣ немощи, потому что если и вкушалъ Онъ пищу по воскресеніи, то не по требованію природы, такъ какъ Онъ не алкалъ, но по домостроительству нашего спасенія, чтобы увѣрить въ истинѣ воскресенія Своего и показать, что воскресла та же самая плоть, которая страдала (IV, I). По воскресеніи и вознесеніи на небо Іисусъ Христосъ возсѣлъ одесную Бога Отца и пріемлетъ поклоненіе равночестное съ Отцомъ и Духомъ. Такъ заканчивается ученіе о совершенномъ дѣлѣ нашего искупленія. Далѣе, слѣдуетъ цѣлый рядъ отдѣльно поставленныхъ вопросовъ и возраженій, которыя рѣшаются на основаніи общаго принципа системы. Такъ разъясненъ вопросъ о томъ, почему вочеловѣчился Сынъ Божій, а не Отецъ и не Духъ Святый и что совершилъ Онъ своимъ вочеловѣченіемъ (4), сотворена-ли ѵпостась Христа (5), когда Господь принялъ названіе Христа? (6) и пр.... — Совершивъ дѣло нашего спасенія, Господь даровалъ намъ и средства пользоваться ниспосланными намъ благами. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ вѣра, таинства, изъ которыхъ крещеніе считается вратами и дверью въ царство благодати. Крестъ, который для погибающихъ есть юродство, а спасаемымъ намъ — сила Божія, долженъ быть предметомъ поклоненія для всѣхъ вѣрующихъ. Онъ есть щитъ, оружіе противъ діавола и знаменіе побѣды надъ нимъ, печать, предохраняющая насъ отъ ангела смерти (11). Средство для постояннаго нашего общенія со Христомъ предлагается намъ въ таинствѣ евхаристіи (13). Сюда же относится почитаніе Богородицы и святыхъ, а также прилежное чтеніе книгъ св. Писанія, которое „настраиваетъ насъ къ добродѣтельной жизни и чис-

тому созерцанію“ (17).—Сдѣлавъ замѣчаніе о нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ, какъ-то субботѣ противъ іудеевъ, о дѣвствѣ, объ обрѣзаніи, Дамаскинъ заканчиваетъ свой трудъ изложеніемъ ученія о будущей судьбѣ міра. Предъ концомъ міра будетъ проповѣдано евангеліе у всѣхъ народовъ, и явится антихристъ. Тогда будутъ посланы Энохъ и Илія, и наконецъ пріидетъ самъ Господь съ небеси въ томъ же видѣ, въ какомъ апостолы созерцали Его восходящимъ на небо, и убіетъ человѣка беззаконія, сына погибели, духомъ устъ своихъ. Тогда всѣ мертвые воскреснутъ, душа каждаго соединится съ тѣломъ. Тѣла наши сдѣлаются безсмертными и совлекутся тлѣнія,—и мы всѣ предстанемъ предъ страшнымъ судилищемъ Христовымъ. Тогда діаволъ, его демоны, человѣкъ его, т. е. антихристъ, а также всѣ нечестивые и грѣшники преданы будутъ огню вѣчному... а сотворившіе благая просвѣтятся яко солнце со ангелами въ жизни вѣчной, съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, всегда Его созерцая, сами будучи Имъ созерцаемы и въ Немъ почерпая непрестанное веселіе“.

Таково содержаніе догматической системы Іоанна Дамаскина. Для нашей цѣли достаточно и этого короткаго очерка. Отсюда мы узнаемъ, съ какимъ запасомъ свѣденій по догматическому богословію могъ выходить воспитанникъ школы VIII и IX вѣковъ. Основные догматы христіанства въ значительной полнотѣ, сравнительно съ прежними опытами въ этомъ родѣ, были предложены вниманію учащагося юношества. Все, что по нуждамъ предшествующей эпохи церковной жизни возникало или какъ предметъ спора, или какъ особеннаго догматическаго интереса и было уже рѣшено въ извѣстномъ смыслѣ,—все это было введено въ программу учебника. Съ внутренней стороны, со стороны содержанія ни учитель, ни ученики не могли встрѣтить здѣсь чего-либо новаго, неизвѣстнаго въ твореніяхъ мужей прошедшаго времени. Вся система была обоснована на строго выдержанномъ принципѣ свящ. Писанія и Преданія. Это какъ нельзя болѣе было во вкусѣ богослововъ нашей эпохи. Не менѣе дорога была догматика Дамаскина для ученыхъ людей того времени со стороны формы. Точное и большею частію логически распредѣленное содержаніе вполнѣ могло удовлетворить запросамъ систематика. Если ученые нашей эпохи съ благоговѣніемъ относились къ трудамъ христіанской древности, то это

далеко не значитъ, что они не желали и не искали изучать ихъ въ иной формѣ. Послѣдняя была желательна въ виду установившагося направленія въ наукѣ и необходима вслѣдствіе громадной массы письменности, непосильной для изученія. Компиляція, отличительная черта богословскихъ трудовъ нашей эпохи, требовала возможно полнаго изученія твореній отцовъ въ виду извлеченія изъ нихъ самаго существеннаго. Выписанное, заученное въ сокращеніяхъ могло оставаться массою сыраго матеріала, если не сообщить ему извѣстной формы. Всему этому вполнѣ удовлетворилъ Іоаннъ Дамаскинъ. Его трудъ обнаруживаетъ громадную эрудицію, широкое знакомство съ письменностію предшествующей эпохи, и со стороны формы не оставлялъ желать чего-либо лучшаго. Неудивительно поэтому то широкое распространеніе „Точнаго изложенія православной вѣры“, которое оно имѣло между греками въ средніе вѣка. Своимъ „Точнымъ изложеніемъ православной вѣры“ Дамаскинъ предложилъ норму для богословскихъ трудовъ послѣдующаго времени. Методъ догматики Дамаскина на очень долгое время, если не до настоящей поры, пережилъ автора. Изъ нашей эпохи самый видный представитель богословской учености, патріархъ Фотій, вполнѣ остается вѣрнымъ принципамъ автора „Точнаго изложенія православной вѣры“. И для него внутреннее содержаніе богословскихъ сочиненій, то или другое рѣшеніе вопросовъ изъ области богословской науки всецѣло должно покоиться на священномъ Писаніи и преданіи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова [1]). Для самостоятельнаго труда ученаго богослова Фотій оставляетъ форму. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ самъ Фотій чувствовалъ себя свободнымъ, не стѣсняясь широкимъ примѣненіемъ діалектики.

---

[1]) Въ письмѣ къ митрополиту Аквилейскому по поводу возбужденнаго вопроса объ исхожденіи Святаго Духа Фотій раскрываетъ свой взглядъ на принципы богословскихъ изслѣдованій. Какъ и слѣдовало ожидать, свящ. Писаніе ставится на первомъ планѣ. Πρῶτον μὲν γάρ, ὡς εἴρηται, τὴν κυριακὴν ἔχει φωνήν, λαμπροτέραν πάσης λαμπηδόνος ἐξαστράπτουσαν... (n. 8). На ряду съ нимъ ставится хоръ богоносныхъ мужей. Ἐχρῆν γὰρ αὐτοὺς εἰ ζητοῦσι Πατέρων φωνάς, πρὸς τὰς συνοδικὰς ἀναδραμεῖν ψήφους· πρὸς τὰς τῶν ἀρχιερέων τῆς Ρώμης φωνὰς ἀπευθύνεσθαι· πρὸς τῶν ἄλλων ἁγίων καὶ θεοφόρων ἡμῶν Πατέρων τὸν χορὸν καταφεύγειν.... εἶτα τούτοις πάλιν ὡς γνώμονι καὶ κανόνι τῆς πίστεως χρῆσθαι (n. 26. Epistolarum l. I, 24. Migne. t. 102, 793 — 821 col.).

Что касается постановки въ школахъ каноническаго права, то относительно этого мы не можемъ сказать ничего положительнаго. Не сохранилось ни одного извѣстія, которое хотя бы сколько нибудь проливало свѣтъ на методъ его преподаванія. Вѣроятно въ этомъ случаѣ довольствовались чтеніемъ и заучиваніемъ правилъ апостольскихъ, каноновъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, по имѣвшимся подъ руками сборникамъ, въ которыхъ недостатка не было.

Тоже самое мы должны сказать о постановкѣ пастырскаго руководства. Какъ была составлена программа его, на сколько широко стояло теоретическое подготовленіе къ священству, разумное отношеніе къ обрядой сторонѣ христіанскаго богослуженія, — все это вопросы, на которые можно отвѣчать только предположительно. Если вообще слишкомъ невысокія требованія предъявлялись кандидатамъ священства, то и въ этой области едва-ли можно ожидать широкой программы. Ѳеодоръ Студитъ въ упомянутомъ выше объясненіи преждеосвященной литургіи [1]) не считаетъ нужнымъ останавливать вниманіе своихъ учениковъ на другихъ видахъ литургіи въ силу того, что въ нихъ обрядъ несложенъ, мысль ясна и символы понятны съ перваго взгляда. Если таковы отношенія его къ литургіи, то что сказать о прочихъ таинствахъ? Можно подумать, что послѣднія оставались безъ надлежащаго разъясненія.

Знакомство съ другими предметами изъ круга богословскихъ наукъ, если возможно предположеніе объ ихъ выдѣленіи въ качествѣ самостоятельныхъ предметовъ преподаванія школы, восполнялось чтеніемъ святоотеческой литературы. Послѣднее было слишкомъ обычнымъ явленіемъ въ школахъ, чтобы нужно было еще это доказывать. Біографъ Ѳеодора Студита заявляетъ, что въ школѣ монастырской ученики занимались заучиваніемъ наизустъ отеческихъ мыслей [2]). Если предъявлялось требованіе заучивать выдержки изъ твореній св. отцовъ, то тѣмъ болѣе нужно было ожидать требованія относительно чтенія ихъ. Въ такихъ чертахъ можно охарактеризовать постановку богословія въ восточныхъ школахъ нашей эпохи.

Переходя къ западнымъ, мы встрѣчаемся съ удивительно сходною программою предметовъ богословія, преподававшихся

[1]) См. выше, 1-е примѣч. къ 424 стр.

[2]) См. выше, 2-е примѣч. къ 422 стр.

въ высшихъ школахъ. Въ капитуляріѣ «de doctrina clericorum“ отъ 802 года ясно и опредѣленно формулированы научныя богословскія требованія отъ клириковъ. По взгляду Карла служителю алтаря нужно быть знакомымъ съ ученіемъ о православной вѣрѣ, съ канонами, богослуженіемъ, съ твореніями отеческими и пр. [1]). Но въ программѣ Карла Великаго не упомянуто о самомъ главномъ предметѣ преподаванія школы, около котораго концентрировались всѣ свѣтскія науки, и по отношенію къ которому мыслились, какъ подготовительная ступень. Это священное Писаніе, опредѣлившее собою ту группировку предметовъ и ихъ постановку, съ которой мы познакомились выше. Преподаваніе Писанія, какъ самостоятельнаго предмета школы, внѣ всякихъ сомнѣній и не требуетъ доказательствъ. Такимъ образомъ въ западныхъ школахъ времени Карла Великаго, какъ и въ восточныхъ, изъ группы богословскихъ наукъ преподавалось: a) священное Писаніе, b) ученіе о православной вѣрѣ или догматическое богословіе, c) каноны, d) литургика и др. Нѣтъ ничего удивительнаго въ такомъ сходствѣ программы предметовъ богословскаго образованія въ восточныхъ и западныхъ школахъ времени Карла Великаго, когда тѣ и другія школы преслѣдовали одну цѣль.

Обращаемся къ внутренней организаціи богословскаго об-

---

[1]) Вотъ что предписывается изучать клирикамъ:

[1]) Fidem catholicam sancti Athanasii et cetera quaecunque de fide;

[2]) Symbolum etiam apostolicum;

[3]) Orationem dominicam ad intellegendum pleniter cum expositione sua;

[4]) Librum sacramentorum pleniter tam canonem missasque speciales ad commutandum pleniter;

[5]) Exorcismum super caticuminum sive super demoniacos;

[6]) Commendationem animae;

[7]) Paenitentialem;

[8]) Compotum;

[9]) Cantum Romanorum in nocte;

[10]) Et ad missa similiter;

[11]) Euangelium intellegere, seu lectiones libri comitis;

[12]) Omelias dominicis diebus et solemnitatibus dierum ad praedicandum canonem; monachi regulam similiter et canonem firmiliter;

[13]) Librum pastoralem canonici atque librum officiorum;

[14]) Epistulam Gelasii pastoralem;

[15]) Scribere cartas et epistulas.

(Migne. t. 97, 249 col.).

разованія. На сколько полно проходился курсъ богословскихъ предметовъ, по какимъ методамъ и учебникамъ?

Относительно перваго предмета, т. е. свящ. Писанія, мы не имѣемъ опредѣленныхъ указаній о программѣ, методѣ и планѣ его преподаванія въ школахъ. Но общая характеристика научнаго экзегесиса комментаторовъ франкской церкви прольетъ свѣтъ на эти неясные пункты. Авторъ «Libri Carolini", обличая отцовъ втораго Никейскаго собора въ грубомъ истолкованіи Писанія, мимоходомъ замѣчаетъ о руководящихъ правилахъ, которыхъ нужно держаться при объясненіи. Троякій смыслъ можно отыскивать въ Писаніи. Многое можетъ объясняться только въ буквальномъ смыслѣ, какъ заповѣди закона. Есть много такихъ мѣстъ, въ которыхъ заключается два смысла: буквальный и таинственный, какъ изведеніе Моисеемъ изъ камня воды. Наконецъ, многія мѣста Писанія исключительно имѣютъ только одинъ аллегорическій смыслъ, какъ вся книга Пѣснь Пѣсней [1]). Самыя большія симпатіи автора клонятся къ послѣднему. Всюду и вездѣ онъ ищетъ по преимуществу его [2]). Для насъ важно свидѣтельство названной книги въ силу того, что она была разсмотрѣна и одобрена отцами Франкфуртскаго собора 794 года [3]). Это показываетъ, что указанное направ-

---

[1]) l. I, c. 17. Quorum (generum intellegentiae) primum est, per quod quaedam ita accipiuntur historialiter, sepositis aenigmaticis, vel allegoricis figuris, ut est Decalogus Legis. Secundum, per quod quaedam in Scripturis mystice accipiuntur, tam secundum fidem rerum gestarum, quam etiam juxta figuram allegoricum sensuum: sicut petra, ex qua legislator latices elicuit, et historialiter cautis fuit, et aquas evomuit, et allegorice Christi figuram gessit, qui cum sit lapis in fundamento Sion fundatus, melliflуo spiritalis vitae poculo credentium mentes satiat. Tertium genus est, quod tantum spiritaliter accipitur, sicut de Canticis Canticorum, in quibus nil historialiter, sed tantum spiritaliter accipiendum est (ed. Heumanni 100 p.).

[2]) Въ очень многихъ главахъ Lib. Car. можно читать нападки на отцовъ Никейскаго собора (VII-го всел.) и упреки въ грубомъ пониманіи Писанія, которому авторъ противопоставляетъ свое—аллегорическое, какъ болѣе приложимое и умѣстное въ дѣлѣ разумѣнія таинъ откровенія. Для автора quisquis ejus (т. е свящ. Писанія) spiritales potus, et spiritales escas, aliter, quam ille dat, percipit, divinas videlicet Scripturas alio sensu, et non eo, quo a Sancto Spiritu traditae sunt, interpretari nititur, ab ejus pascuis alienus esse conuincitur (l. I, c. 5, 44 p.). Законъ, по Апостолу, духовенъ, а потому и объяснять его нужно не буквально (c. 16, 90 p.).

[3]) Быть можетъ многіе изъ отцовъ принимали даже непосредственное участіе въ ея составленіи.

леніе экзегесиса было общепринятымъ въ франкской церкви, что ученые комментаторы предпочтительно слѣдовали ему. По крайней мѣрѣ болѣе видные экзегеты предпочитаютъ аллегорическое истолкованіе Писанія буквальному. Для Алкуина въ Писаніи бездна премудрости, скрытой подъ простыми словами [1]). Изслѣдовать и прояснить ее невозможно иначе, какъ только по методу аллегорическому, таинственному [2]). Методу учителя остался вполнѣ вѣрнымъ и любимый ученикъ Алкуина, Рабанъ Мавръ [3]). Таково общее направленіе экзегесиса.

Но какъ комментировали свящ. книги? Въ чемъ полагали особенную силу аргументаціи при объясненіи? Авторитетъ отцовъ имѣлъ рѣшающее значеніе при объясненіи трудныхъ мѣстъ. Не только трудныя, но и все вообще Писаніе комментировалось по отцамъ. Всю суть экзегесиса полагали въ томъ, чтобы по поводу достойнаго замѣчанія мѣста Писанія привести выписки изъ нѣсколькихъ древнихъ комментаторовъ, за которыми только признавали всю силу авторитетности [4]). Само-

---

[1]) Alcuini epist. 163. Sermo Domini oculosus est, et undique perforari potest, et alta profunditas mysteriorum Dei. Quis omnia secreta illorum investigare potest? (Migne. t. 100, 244 col.).

[2]) Въ вышеназванномъ письмѣ Алкуинъ представляетъ примѣръ такого изслѣдованія по поводу разъясненія текста Луки 22 гл. 36 ст.

[3]) Лучшее доказательство этого имѣемъ въ сочиненіи Рабана de laudibus Sanctae Crucis, полномъ мистицизма и таинственности.

[4]) Во всѣхъ почти введеніяхъ къ своимъ экзегетическимъ трудамъ Алкуинъ считаетъ нужнымъ предупреждать читателя, что его комментарій составленъ на основаніи отцовъ. Такъ, въ письмѣ къ Гизлѣ, по поводу составленнаго имъ комментарія на евангеліе Іоанна, Алкуинъ сравниваетъ себя съ врачами, которые, составляя лекарства изъ разныхъ веществъ, отнюдь не считаютъ себя изобрѣтателями послѣднихъ, хотя составленное относятъ къ своему авторству. Sic etiam, si forsitan meae devotionis labor aliquid vestrae charitati proficere valet. Nec ex quolibet paternae possessionis prato mihi flores colligendos esse censeo, sed multorum Patrum.... Primoque omnium sancti Augustini... Deinde ex opusculis sancti Ambrossii.... ex homiliis praecipui Patris Gregorii papae, vel ex homiliis beati Bedae presbyteri.... aliorumque sanctorum Patrum (t. 100, 744 col.). Ср. praefatio ad comment. in Ecclesiasten. 667 col. У Рабана Мавра — quanta fuerit observantia erga sanctos Patres docent opera ejus omnia, quae ipse ex eorum sententiis contexuit (Mabillon. Rabani Mauri elogium historicum c. VII, n. 33 Migne. t. 107, 26 col.). Впрочемъ Рабанъ Мавръ мотивировалъ такой методъ комментированія нуждами времени, ut lector pauperculus, qui librorum copiam non habet, aut cui in pluribus scrutari profundos sensus Patrum non licet, saltem in isto (комментарій на евангеліе Матѳея) sufficientiam suae indigentiae inveniat (praefatio ad comment. in Matthaeum. Migne. t. 107, 727 col.).

стоятельность въ трудѣ считалась дѣломъ непосильнымъ, небезопаснымъ, да и излишнимъ въ виду столь богатой сокровищницы трудовъ христіанской древности. Понятно, что преподавалось въ школѣ на классѣ свящ. Писанія, по какому методу и что требовалось отъ учениковъ. Учитель и ученики при объясненіи останавливаются своимъ вниманіемъ на комментаріяхъ св. отцовъ, изъ нихъ извлекаютъ нужныя объясненія. Рабанъ Мавръ свидѣтельствуетъ, что въ Турской школѣ вмѣстѣ съ чтеніемъ свящ. Писанія ученики читали и комментаріи св. отцовъ [1]). Этого и нужно было ожидать, когда мыслями отцовъ только и пробавлялись, когда всю суть экзегесиса полагали въ возможно широкомъ знакомствѣ съ мнѣніями ихъ. Это обстоятельство въ связи съ требованіемъ монастырскаго устава относительно занятія чтеніемъ дѣлаетъ предметомъ рѣшительной необходимости широкую постановку чтенія, какой только можно было ожидать по тому времени. Само собою разумѣется, что къ западному человѣку ближе всего стояли творенія отцовъ западной церкви. Эти послѣднія пользуются предпочтительнымъ вниманіемъ учителей и учениковъ школы [2]). Конечно, и творенія знаменитѣйшихъ отцовъ восточной церкви, особенно тѣхъ, труды которыхъ были уже переведены на латинскій языкъ, тоже нашли себѣ мѣсто въ школѣ. Но многимъ было отказано во всякомъ уваженіи въ силу неизвѣстности ихъ въ латинскихъ переводахъ [3]). Греческій языкъ, преподаваніе котораго было

---

[1]) De universo. Praefatio ad Haymonem. Migne. t. CXI, 11 col. Memor boni studii tui, писалъ Рабанъ, sancte Pater, quod habuisti in puerili atque juvenili aetate (слѣд. во дни образованія подъ руководствомъ Алкуина въ турской школѣ) in litterarum exercitio et sacrarum Scripturarum meditatione, quando mecum legebas non solum divinos libros et sanctorum et Patrum sed etiam сочиненія мудрецовъ вѣка сего.... (Mabillon. R. M. elog. hist. c. II, n. 7.

[2]) Алкуинъ въ своихъ комментаріяхъ довольствуется только западными отцами. См. выше, 4-е примѣчаніе 440 стр. Рабанъ Мавръ, хотя знаетъ о существованіи комментаріевъ на евангеліе Матѳея многихъ отцовъ и учителей восточной церкви, однако при своемъ объясненіи представляетъ сводъ мѣстъ изъ твореній западныхъ (praef. ad Comm. in Matth. t. 107, 727—9 col.).

[3]) Libr. Carol. II, c. 17. Авторъ отказываетъ во всякомъ уваженіи Григорію Нисскому и заявляетъ, что послѣ книгъ свящ. Писанія только illustrium latinorum doctorum, quorum nobis et vita et praedicatio innotuit, sive graecorum, qui et catholici fuerunt, et a catholicis aeque in nostram linguam translati sunt, tantum dogmatibus contenti simus (185 p.).

обязательно для многихъ западныхъ школъ, все же не имѣлъ такого широкаго распространенія, чтобы ученые нашей эпохи могли пользоваться свободно оригиналами. Къ тому же западные отцы, какъ Августинъ и Іеронимъ, Григорій и др., пользовались слишкомъ большимъ авторитетомъ. Отступить отъ нихъ значило поступиться національными интересами, затронуть чувство патріотизма.

По иному методу, но, въ существѣ дѣла, на томъ же принципѣ, велось преподаваніе догматическаго богословія. Писаніе и Преданіе считалось краеугольнымъ камнемъ, на которомъ должна была созидаться вся догматика. Отступить въ чемъ либо отъ отцовъ значило выйти на скользкій путь, по которому неизбѣжны паденія, уклоненія отъ чистоты вѣры [1]). Относительно формы, наша эпоха имѣетъ обработанный учебникъ, въ которомъ догматы вѣры приведены въ связь съ наукою. Мы разумѣемъ Алкуиново сочиненіе „De fide S. Trinitatis“, въ которомъ попытки примѣнить діалектику къ разработкѣ богословскихъ вопросовъ выступаютъ полнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ въ частныхъ его письмахъ [2]). Исходнымъ пунктомъ догматической системы Алкуина является ученіе блаженнаго Августина. Хотя фактъ паденія отразился на человѣческомъ родѣ великими бѣдствіями, разстроивъ весь его внутренній міръ и лишивъ вѣчнаго блаженства, однако людямъ еще присуще стремленіе къ счастію и блаженству. Многіе хотятъ найти его среди шумныхъ удовольствій міра, другіе — въ почестяхъ, славѣ и т. п. Но все это непрочно, временно и скоропреходяще. Писаніе учитъ насъ, что только въ Богѣ и съ Богомъ возможно вѣчное блаженство и спасеніе. Вѣра въ Бога есть первое и

---

[1]) Въ письмѣ къ Феликсу Ургельскому Алкуинъ убѣждаетъ послѣдняго избѣгать всякихъ новшествъ и слѣдовать ученію отцовъ церкви, потому что, объясняетъ Алкуинъ, sanctorum Patrum sententiis non credere impium esse putamus. Nemo sobrius contra veritatem, nemo catholicus contra sanctae et unicae Ecclesiae doctores, nemo pius contra sanctarum testimonia Scripturarum sentit (Migne. t. 101, 125 col.).

[2]) Отъ Алкуина мы имѣемъ такихъ два письма, — къ Арнону, епископу Зальцбургскому и Карлу Великому (Migne. t. 100, Epist. 161 и 162, 417—422 col.). Въ первомъ письмѣ Алкуинъ объясняетъ, какимъ образомъ substantia, essentia, subsistentia et natura de Deo dicantur, во второмъ трактуетъ о различіи между понятіями aeternus и sempiternus, perpetuus и immortalis, saeculum, aevum и tempus.

необходимое условіе спасенія. Безъ нея невозможно угодить Богу. Писаніе же учитъ насъ вѣровать во Единаго Бога Троичнаго въ Лицахъ. Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ засвидѣтельствовалъ о Себѣ, какъ имѣющемъ три лица. При сотвореніи человѣка (Быт. 1. 26) не сказалъ Богъ сотворю человѣка, но сказалъ—сотворимъ, и по образу не моему, но нашему. И ветхозавѣтный евангелистъ, пророкъ Исаія, видѣлъ серафимовъ взывавшихъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ (Ис. 6 гл.). Итакъ нужно вѣровать, что Отецъ, Сынъ и Святой Духъ есть Единъ Богъ во Св. Троицѣ. Субстанція божественная есть одна, полная, вѣчная и совершенная. Божественныя лица указываютъ на отношеніе ихъ между собою. Когда мы говоримъ—Сынъ Божій, то этимъ выражаемъ отношеніе втораго лица Св. Троицы къ Богу Отцу. Тоже нужно сказать и о Св. Духѣ. Называя третье лицо Св. Троицы Духомъ Святымъ, мы указываемъ на вѣчное Его отношеніе къ Богу Отцу и Богу Сыну, а не на субстанцію Его. Отсюда, по единству божественной субстанціи, что по существу говорится объ Отцѣ, то относится и къ Сыну и Св. Духу, такъ что въ этомъ смыслѣ нельзя даже сказать, что Отецъ есть Богъ, какъ будто Сынъ не Богъ, и наоборотъ Сынъ есть Богъ, какъ будто Отецъ не Богъ. Что относится къ ихъ субстанціи, то неотъемлемо отъ обоихъ, и хотя о Сынѣ говорится въ символѣ — Богъ отъ Бога и Свѣтъ отъ Свѣта, но оба они суть Богъ, оба вмѣстѣ Свѣтъ. Тоже нужно сказать и о другихъ субстанціональныхъ свойствахъ. Личныя свойства указываютъ на отношенія Лицъ Св. Троицы между Собою. Предвѣчное рожденіе Сына Божія отъ Отца и исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына суть личныя свойства и потому указываютъ не на божественную сущность ихъ, а на отношеніе ихъ къ Первому Лицу Св. Троицы. Но это отношеніе не есть что-либо временное, а вѣчное и совершенное, какъ вѣченъ и совершенъ Самъ Богъ. Единосущная Троица нераздѣльна не только по существу, но и по лицамъ. Хотя голосъ, говорившій Сыну при крещеніи Его: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, есть голосъ только Отца, а тѣло, принимавшее крещеніе отъ Іоанна, есть тѣло только Сына Божія и Духъ, сходившій на Сына въ видѣ голубя, есть явленіе только Духа Святаго, но все это opera esse totius Sanctae Trinitatis i. e. unius Dei, qui fecit in coelis et in terra visibilia et invisibilia.

Поэтому inseparabilis naturae plenitas non potest separabiles habere personas, и если ты называешь Отца, то означаешь этимъ и Сына и Св. Духа, если называешь Сына, то разумѣешь и Отца и Св. Духа. Такимъ образомъ Св. Троица: ingenitus, genitus, nec ingenitus nec genitus, т. е. Отецъ, Сынъ и Св. Духъ суть tres aeternaliter существующіе, на ряду и подлѣ которыхъ не можетъ быть ничего вѣчнаго. Все прочее сотворено Богомъ. Онъ есть виновникъ всякаго бытія. Этимъ начинается вторая книга de fide S. Trinitatis. По своему существу сотворившій все Богъ отличается отъ всего сотвореннаго. Это ясно выражаетъ и св. Писаніе. Іисусъ Христосъ въ первосвященнической рѣчи Своей, моляся о вѣрующихъ, не сказалъ: одно будутъ съ нами, но въ насъ (Іоан. 17, 21 ст.) и не сказалъ: да будутъ едино Я и они (вѣрующіе), но — да будутъ едино, якоже мы едино есмы. Богъ выше всего и существуетъ надъ всѣмъ и во всемъ. Правда, въ Писаніи, какъ въ молитвѣ Господней, говорится: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ и въ псалмахъ: къ Тебѣ я возведу очи мои, Который живешь на небесахъ, но это нужно понимать духовно. Богъ болѣе всего среди праведныхъ, ибо близъ Господь боящихся Его, и храмъ Божій святъ есть, какъ говоритъ божественный Павелъ. Отсюда справедливо говоритъ Писаніе, что Богъ живетъ на небѣ, т. е. среди святыхъ. Къ святымъ Богъ близокъ и по природѣ и по благодати: по природѣ, поелику Онъ создалъ ихъ людьми, т. е. по образу и подобію Своему, по благодати, поелику оправдалъ ихъ, сущихъ грѣшниковъ; по природѣ — далъ имъ жизнь, по благодати—сдѣлалъ то, что они живутъ свято; по природѣ — устроилъ такъ, что они остаются жить на землѣ только на короткое время, по благодати—Онъ доставляетъ имъ вѣчное царство. Среди нечестивыхъ Богъ пребываетъ только Своимъ всемогуществомъ. Онъ произвелъ ихъ на свѣтъ, одарилъ свободною волею, выборомъ дѣятельности. Отсюда Богъ явится ихъ судьею, ибо si non est liberum arbitrium, quomodo judicabitur mundus? Среди тварныхъ существъ можно наблюдать разныя градаціи по степени ихъ достоинства. Однѣ твари духовныя, другія—тѣлесныя, однѣ—невидимыя, другія — видимыя. Однѣ только сотворены, другія — сотворены и рождены, но лишены чувствъ, какъ: деревья, растенія; иныя и сотворены и рождены и одарены чувствомъ и кромѣ того еще оправданы, какъ

люди. Міръ ангельскій отличенъ отъ міра человѣческаго, какъ послѣдній—отъ міра растительнаго и неорганическаго. Сотворенный по образу и подобію Божію, грѣхопаденіемъ человѣкъ разстроилъ всю свою природу. Явилась нужда въ возстановленіи человѣка, чтобы не погибло въ конецъ дѣло Божіе. И вотъ на землю является воплощенный Сынъ Божій, родившись отъ Дѣвы Маріи. Будучи полнымъ человѣкомъ по тѣлу и душѣ, Богочеловѣкъ по человѣчеству принялъ Св. Духа, Который сообщилъ Ему полное вѣденіе божественнаго. Отсюда всѣ мѣста Св. Писанія, въ которыхъ говорится о незнаніи Сыномъ Божіимъ, напр., дня будущаго суда (Марк. XIII, 32), представляютъ ничто иное, какъ фигуру реторическую, именно фигуру метониміи, ибо hoc genere locutionis nescire dicitur Filius, quia nescientes fecit, quod utile illis fuit nescire i. e. quod non ita sciebat, ut eos scire fecisset. Единый съ Богомъ Отцомъ по существу, Сынъ не только знаетъ все, но и все сотворилъ, ибо вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть (Іоан. 1. 3). Самъ І. Христосъ говорилъ: Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю (V. 17). Какъ Богъ Отецъ имѣетъ животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ, ибо Богъ отецъ родилъ такого Сына, Который in Seipso viveret.

Послѣ краткаго замѣчанія о явленіи ангеловъ и разрѣшенія вопроса, какъ понимать выраженія св. Писанія, въ который говорится, что Богъ facit mirabilia magna Solus, Алкуинъ переходитъ къ изложенію ученія о Св. Духѣ. Единосущный съ Отцомъ и Сыномъ, исходящій отъ Отца и Сына, Духъ Святый завершаетъ дѣло спасенія людей, совершеннаго Сыномъ Божіимъ, являясь donum Dei, Духомъ истины, Утѣшителемъ и т. под. И этому лицу Св. Троицы болѣе всего прилично названіе Donum Dei, поелику оно, въ вѣчномъ своемъ исхожденіи отъ Отца и Сына, было вѣчно donabile, даже когда еще не существовало тварей, способныхъ принять этотъ даръ. Но этотъ даръ въ различной мѣрѣ и видахъ сообщается вѣрующимъ. У однихъ онъ является, какъ даръ премудрости, у другихъ—знанія, вѣры и т. д. Въ лицѣ Іисуса Христа обитала полнота даровъ Св. Духа, почему евангелистъ и называетъ Его исполненнымъ благодати и истины (Іоан. 1. 14). Въ самомъ актѣ воплощенія І. Христа, которое, по ученію символа вѣры, было

отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, проявился даръ Божій, милость и благость Его. Конечно, никто не осмѣлится сказать, что Св. Духъ былъ Отцомъ Сына, иначе Сынъ имѣлъ бы двухъ Отцовъ. Но что же значитъ это наитіе Св. Духа, nisi quod magna Dei gratia commentatur? Человѣчество такъ возвышено въ лицѣ І. Христа, что воспринято было Сыномъ Божіимъ, и это, конечно, не по заслугамъ людей, но по милости и благости Божіей.

Итакъ, только по милости, какъ даръ, послалъ Богъ Отецъ Единороднаго Сына Своего на землю, и Тотъ, Который не считалъ хищеніемъ быть равнымъ Богу, принялъ видъ раба. Въ этомъ послѣднемъ состояніи Онъ въ Писаніи иногда называется меньшимъ Отца. Единосущный и равный съ Отцомъ, въ рабскомъ образѣ Онъ менѣе Его. In forma Dei Онъ aequalis Patri, in forma servi—minor Patre. Духъ Святый, являвшійся въ разныхъ видахъ, то въ видѣ голубя, то огненныхъ языковъ, не можетъ назваться меньшимъ Отца, поелику эти формы не соединялись такъ существенно съ личностію Св. Духа, какъ человѣчество—съ лицомъ Сына Божія.

Явившись на землю, І. Христосъ избавилъ людей отъ грѣха, проклятія и смерти. Онъ принесъ Себя въ жертву, бывъ въ одно и тоже время и приносителемъ и приносимымъ, первосвященникомъ и жертвою, и тѣмъ удовлетворилъ святой правдѣ Божіей. Какъ діаволъ былъ виновникомъ нашей смерти, такъ и І. Христосъ явился виновникомъ нашей жизни и спасенія. Но это тѣло, страдавшее на крестѣ, умершее и воскресшее было неразрывно соединено съ лицомъ Богочеловѣка. Отсюда Св. Дѣва Марія, родившая І. Христа по плоти, должна по справедливости назваться Богородицею, а не Христородицею.

Затѣмъ, еще разъ повторивъ въ общихъ чертахъ ученіе о воплощеніи и о соединеніи естествъ въ лицѣ І. Христа, показавъ значеніе факта крещенія Спасителя Алкуинъ переходитъ къ изложенію ученія о будущемъ судѣ. Воплотившійся насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія, Сынъ Божій явится и нашимъ Судіей, ибо Отецъ далъ Ему власть суда (Іоан. V. 26). Знаменія Его пришествія указаны намъ въ евангеліи: это обращеніе всѣхъ іудеевъ, явленіе антихриста, страшныя преслѣдованія святыхъ и т. под. За симъ послѣдуетъ кончина міра. Всѣ умершіе воскреснутъ, оставшіеся въ живыхъ мгно-

венно измѣнятся. Явятся новое небо и новая земля. Очистительный огонь неодинаково будетъ чувствителенъ для добрыхъ и злыхъ. Подобно отрокамъ, брошеннымъ въ вавилонскую печь, святые, незапятнанные грѣхомъ, будутъ чувствовать въ немъ вѣяніе прохлады. Для грѣшниковъ онъ явится неугасимымъ, всеистребляющимъ пламенемъ. По окончаніи всеобщаго суда праведники будутъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, а грѣшники будутъ наказаны вѣчнымъ мученіемъ. Писаніе даетъ намъ, впрочемъ, возможность различать степени блаженства праведныхъ и мученія злыхъ.

Въ такомъ видѣ преподавалось догматическое богословіе въ школахъ Карла Великаго. Неполна система, многаго, очень важнаго недостаетъ въ ней, но мы не должны забывать, что чтеніе твореній св. отцовъ могло восполнять пробѣлы.

Приготовляя достойныхъ служителей алтаря, школа должна была сообщить своимъ питомцамъ не только практическое умѣнье отправлять различные виды богослуженія, но и теоретическое знаніе, пониманіе его строя, значенія символовъ и обрядовъ. Западныя школы разсматриваемаго нами времени если не по содержанію, то по формѣ довольно высоко поставили ту отрасль богословскаго знанія, какую теперь у насъ составляетъ группа наукъ литургики, пастырскаго руководства и теоріи церковнаго проповѣдничества. Не говоря о трудахъ Алкуина въ этой области, которые не имѣютъ характера школьныхъ руководствъ, но могли служить хорошимъ пособіемъ [1]), мы должны указать на два особенно выдающіяся произведенія Рабана Мавра, которыя имѣли значеніе учебныхъ руководствъ,— это „Liber de sacris ordinibus, sacramentis divinis“ и „De clericorum institutione libri tres“ [2]). Оба руководства составлены по одному шаблону и преслѣдуютъ одну и туже цѣль—ознакомленіе учащагося юношества съ богослуженіемъ въ различныхъ его видахъ, начертываютъ идеалъ пастыря церкви. Въ первомъ изъ названныхъ руководствъ Рабанъ Мавръ первѣе всего даетъ опредѣленіе церкви „единой, католической“. Членовъ церкви онъ раздѣляетъ на три группы: мірянъ, монаховъ и клириковъ.

---

[1]) Таковы сочиненія Алкуина: «Liber sacramentorum». «De psalmorum usu». «Officia per ferias» у Migne t. 101.

[2]) См. введеніе.

Послѣдній классъ играетъ самую видную роль въ церкви, какъ опредѣленный на служеніе Богу. Печатью этого служенія является tonsura clericorum, которое ведетъ свое начало отъ назореевъ и узаконено въ Новомъ Завѣтѣ въ знакъ совлеченія ветхаго человѣка съ дѣяніями его. Самое служеніе Богу проявляется въ совершеніи таинствъ. Отсюда авторъ прямо переходитъ къ ознакомленію съ чиномъ перваго таинства, т. е. крещенія и, сообщивъ короткое опредѣленіе его сущности, занимается подробнымъ изложеніемъ порядка дѣйствій и объясненіемъ ихъ значенія. Таинство евхаристіи обращаетъ на себя особенное вниманіе нашего автора. Онъ излагаетъ порядокъ литургіи, объясняя каждое дѣйствіе священнослужителя. Но это не все,—онъ подробно комментируетъ евхаристійную молитву и молитву Господню. На этомъ обрывается книга. Ясно, что въ ней нѣтъ окончанія [1]).

Совершенно подобный же характеръ имѣетъ другое изъ названныхъ нами сочиненій Рабана—de clericorum institutione. Въ первыхъ двухъ книгахъ трактуется о церкви и ея членахъ, о лицахъ, совершающихъ служеніе, о іерархическихъ степеняхъ, о священныхъ одеждахъ, церковныхъ таинствахъ: крещеніи, муропомазаніи и евхаристіи (l. 1), о временахъ церковныхъ богослуженій и преимущественно о порядкѣ чтеній и молитвъ horae canonicae, о родахъ пищи, милостинѣ, покаяніи, о праздникахъ, церковномъ пѣніи и чтеніи, о церковныхъ книгахъ, символѣ, правилахъ вѣры и о различныхъ ересяхъ (l. 2). Третья книга трактуетъ о способахъ изученія и преподаванія священнаго Писанія. Первѣе всего Рабанъ Мавръ излагаетъ программу научныхъ требованій отъ готовящихся къ священству, высказывается относительно главнѣйшаго предмета познанія клирика, который, какъ и слѣдовало ожидать, полагается въ знаніи свящ. Писанія. Въ ряду средствъ для его разумѣнія первѣе всего рекомендуется страхъ Божій, нравственная чистота и три основныхъ христіанскихъ добродѣтели. За ними слѣдуетъ научная

---

[1]) Издатель трудовъ Рабана Мавра дѣлаетъ замѣтку, что въ кодексѣ Фульдской библіотеки, съ котораго сдѣлано изданіе, дальнѣйшее, кажется, намѣренно выпущено вслѣдствіе буквальнаго повторенія его въ de cleric. instit, потому что iisdem verbis (uti ex titulis apparet) repererentur capita libri primi de institutione clericorum a quarto usque ad vicesimum tertium inclusive (M i g n e. t. 112, 1192 col. примѣч.).

подготовка, знаніе, предметомъ котораго прежде всего долженъ быть самый кодексъ свящ. книгъ. Нужно знать различіе каноническихъ книгъ отъ неканоническихъ. Далѣе, приступивъ къ какой-либо книгѣ, нужно различать прямой и переносный смыслъ. Указавъ средства къ различенію того и другаго, Рабанъ Мавръ излагаетъ мысли о пользѣ свѣтскаго образованія по отношенію къ объясненію свящ. Писанія. Изложеніемъ правилъ преподаванія свящ. Писанія заканчивается книга [1]).

Предложенныя въ качествѣ учебниковъ школы названныя сочиненія Рабана Мавра знакомили ученика и съ церковнымъ уставомъ, и теоріей гомилетики, и литургикой. Со стороны содержанія лучшаго въ этомъ отношеніи трудно было ожидать отъ школъ времени Карла. Относительно формы нельзя не замѣтить, что она вполнѣ обусловливалась нуждами времени. Авторъ учебниковъ спѣшилъ познакомить своихъ питомцевъ со всѣмъ, знаніе чего находилъ нужнымъ для пастыря церкви. Отсюда разнообразіе предметовъ, которые связываются между собою не внутреннею идеею науки, а предначертанною программою или идеаломъ служителя алтаря.

Не смотря на строго выполненную задачу по возможности исчерпать все, что требовалось отъ пастыря, авторъ учебниковъ не затронулъ вопроса о каноникѣ, столь видномъ, по программѣ Карла Великаго, предметѣ изученія клириковъ. Ко времени Рабана Мавра, кругъ предметовъ этой науки былъ значительно широкъ. Церковь имѣла шесть вселенскихъ соборовъ (седьмой не признанъ былъ въ то время Гальскою церковью) и множество помѣстныхъ. Масса соборныхъ опредѣленій представляла сырой матеріалъ, требовавшій научной разработки. Наша эпоха, предъявившая требованія относительно изученія каноновъ, не удовлетворила требованію научнаго обоснованія этого предмета. Вѣроятно, подобно восточнымъ, западныя школы довольствовались чтеніемъ и заучиваніемъ болѣе важныхъ каноновъ по имѣвшимся подъ руками сборникамъ, въ которыхъ недостатковъ во всякомъ случаѣ не было.

---

[1]) Намъ казалось излишнимъ дѣлать болѣе подробный анализъ книги въ виду поразительнаго сходства не только ея содержанія, но и внѣшней формы (многое выписано буквально) съ вышеразсмотрѣннымъ нами сочиненіемъ блаж. Августина de doctrina christiana. Изложить подробнѣе значило повторить книгу Августина.

Что касается другихъ предметовъ школы, то чтеніе святоотеческой литературы замѣняло собою научное ихъ обоснованіе. Исторія прочитывалась по трудамъ Евсевія, Сократа и др. въ латинскихъ переводахъ, а также въ различныхъ хроникахъ, мученическихъ актахъ и т. под. Впрочемъ ясно сознавалась уже нужда въ болѣе правильной организаціи этого предмета. Одному изъ учениковъ Алкуина, уже въ санѣ епископа, пришло на мысль дать для школы краткое руководство по церковной исторіи. Это былъ Гаймонъ, еп. Гальберштадскій, написавшій „Historiae sacrae epitome“ въ десяти книгахъ [1]). Въ основу руководства положены историческіе труды Евсевія [2]). Первыя три книги посвящены исторіи церкви перваго вѣка. Сказавъ нѣсколько словъ о времени рожденія Христа Спасителя, авторъ описываетъ царствованіе Ирода и Архелая, говоритъ о появленіи Христа на служеніе и объ избраніи Имъ учениковъ (l. 1). Вторая книга начинается избраніемъ Матѳія и семи діаконовъ. По порядку разсказывается о дѣятельности Іакова, брата Господня, въ отличіе отъ другихъ апостоловъ съ тѣмъ же именемъ. По видимому, безъ всякой связи вставляется повѣствованіе о нерукотворенномъ образѣ, относительно котораго авторъ не знаетъ, что думать, исторія-ли это, или апокрифъ. Сказавъ о разсѣяніи учениковъ Господа по случаю воздвигнутаго іудеями гоненія, авторъ повѣствуетъ о призваніи ап. Павла, о наименованіи увѣровавшихъ во Христа его именемъ, о бѣдствіяхъ постигшихъ іудеевъ, о судьбѣ Пилата и о смерти Іакова. Затѣмъ, упомянувъ о Симонѣ Магѣ, авторъ описываетъ приходъ Петра въ Римъ, говоритъ о евангеліи Марка. Гоненіемъ Нерона и мученическою смертію Петра и Павла оканчивается вторая книга. Третья книга начинается описаніемъ разселенія апостоловъ по разнымъ странамъ для проповѣди Евангелія. Указавъ отношенія къ церкви императоровъ до Траяна, авторъ

---

[1]) У Migne patrolog. l. s. t 118.

[2]) Ignosce, обращается авторъ въ своемъ введеніи къ Евсевію, beate Euseбi, ignosce: neque enim hoc ad tuam molior suggilationem. Parce, quaeso, et attende, illum enim sermonem replico, amice, non facio tibi injuriam: sicut ante nos ecclesiastici viri fecerunt; de libris . eruditorum flosculos colligendo obscura dilucidaverunt, prolixa breviaverunt. Itaqne divino operi tuo meum non confero, sed te ipsum refero, te, inspiciens, te adorans, quem pene penitus e vestigio sequor, sed via breviore.

оканчиваетъ книгу описаніемъ ересей, появившихся въ церкви. Въ четвертой книгѣ авторъ описываетъ гоненіе на церковь при Траянѣ и Антонинахъ, говоритъ о мученикахъ этой эпохи, о ересяхъ Василида, Сатурнина и Карпократа и заканчиваетъ борьбою Иринея съ еретиками. Въ пятой книгѣ продолжаетъ описаніе дѣятельности Иринея и, упомянувъ о чудѣ въ христіанскомъ войскѣ, споромъ о времени празднованія Пасхи заканчиваетъ эту книгу. Шестая книга посвящена обзору дѣятельности Оригена и царствованіямъ императоровъ до Деція; седьмая—описанію ереси Павла Самосатскаго, а также обзору дѣятельности римскихъ епископовъ. Въ осьмой книгѣ описывается царствованіе Константина Великаго, въ девятой—ересь Арія и борьба съ нею. Десятая и послѣдняя книга посвящена обзору дѣятельности Аѳанасія Великаго, Василія Великаго и Григорія Богослова и заканчивается короткимъ описаніемъ событій въ царствованіе Ѳеодосія Великаго. Вотъ содержаніе руководства по церковной исторіи. Подробный Евсевій въ трудѣ Гаймона превратился въ скелетъ. Описаніе событій замѣнено краткими только указаніями на нихъ. Многое, казавшееся Гаймону менѣе интереснымъ, выпущено, какъ излишнее въ виду прямой цѣли сокращенія и передѣлки труда Евсевія для школы. Конечно, это не значило, что церковно-историческое образованіе, сообщаемое въ школѣ, приблизительно опредѣлялось узкими рамками руководства Гаймона. Изъ дневника Валафрида Страбона мы узнаемъ, что въ школѣ въ качествѣ пособій предлагались хроника Бэды, труды Евсевія, Іеронима, Проспера, Кассіодора и др.

Можно думать, что въ школахъ времени Карла Великаго сознавалась уже нужда въ выдѣленіи и обоснованіи въ качествѣ самостоятельной отрасли богословскаго знанія нравственнаго богословія. По свидѣтельству Рудольфа, ученика Рабана Мавра, послѣдній „составилъ краткій сборникъ сентенцій, въ которомъ первѣе всего на основаніи свидѣтельствъ божественныхъ книгъ доказалъ, что должно оказывать почтеніе къ родителямъ, повиновеніе власти, отъ Бога поставленной, потомъ присоединилъ сюда свидѣтельства изъ божественнаго авторитета о различныхъ видахъ добродѣтелей и пороковъ, показавъ, какому классу и какъ должно служить Богу, каковое произведеніе состоитъ изъ XI

главъ“ [1]). Краткое по формѣ, много походящее со стороны содержанія на опытъ руководства по нравственному богословію, оно, конечно, могло бы сдѣлаться таковымъ въ школѣ. Но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ болѣе положительныхъ данныхъ, которыя бы говорили что нибудь въ пользу обоснованія нравственнаго богословія, какъ науки.

Оканчивая обзоръ постановки богословія въ христіанскихъ школахъ взятой нами эпохи, мы должны сказать еще о вліяніи языческихъ древнихъ школъ на постановку богословія въ христіанскихъ школахъ, показать отношеніе восточныхъ и западныхъ школъ времени Карла Великаго къ христіанскимъ школамъ первыхъ вѣковъ и другъ къ другу и, наконецъ, подвергнуть оцѣнкѣ уровень, характеръ и направленіе богословскаго образованія востока и запада во времена Карла Великаго.

Богословіе является во всѣхъ христіанскихъ школахъ самостоятельнымъ предметомъ, въ отличіе отъ школъ языческихъ. Мы видѣли, что въ свѣтскомъ образованіи христіанская школа пробавлялась завѣщаннымъ наслѣдіемъ отъ школъ древне-классическихъ. Богословіе, выдвинутое на первый планъ, сдѣлавшееся главнѣйшимъ предметомъ христіанской школы, положило печать самобытности на христіанскія школы и тѣмъ отличило ихъ отъ школъ языческихъ со стороны содержанія, внутренней организаціи. Не то мы видимъ со стороны внѣшней формы. Традиціи языческой древней науки слишкомъ дороги были и для христіанина. Трудно было порвать съ ними всякую связь. Не цѣлесообразнѣе-ли было постараться поставить въ служебное отношеніе къ самостоятельному предмету христіанской школы всю языческую науку со всѣмъ ея содержаніемъ и формою? Въ устахъ отцовъ и учителей церкви первыхъ вѣковъ языческая наука получаетъ права гражданства въ кругу предметовъ христіанскаго образованія. Практика первыхъ христіанскихъ школъ наилучшимъ образомъ доказываетъ пользу и важность для христіанина свѣтскаго языческаго образованія. Научныя традиціи школъ первыхъ вѣковъ переходятъ въ христіанскія школы позднѣйшаго времени, и результатомъ является та школьная организація, съ которой мы познакомились выше.

---

[1]) n. 52, t. 107, 67 col.

Обращая вниманіе на постановку богословія въ христіанскихъ школахъ первыхъ вѣковъ, нельзя не замѣтить, что внѣшняя форма, въ которой проявился этотъ предметъ христіанской школы, всецѣло обусловливалась традиціями языческихъ школъ. Мы видѣли уже, что богословіе является въ Александрійской христіанской школѣ въ видѣ философіи, въ формѣ христіано-философской системы. „Строматы“ Климента представляютъ собою мораль, и Оригеново „περὶ ἀρχῶν“ есть метафизика христіанства. Оригенъ только дополнилъ Климента. Въ результатѣ явилась система христіанской философіи. Гдѣ искать причинъ такой постановки богословія въ Александрійской школѣ, какъ не въ томъ, что классическія языческія школы философовъ въ глазахъ александрійскихъ богослововъ являлись со стороны формы чѣмъ-то совершеннѣйшимъ, образцомъ достойнымъ всякаго подражанія? Если христіанскіе ученые первыхъ вѣковъ заставили все содержаніе языческой учености служить для цѣлей христіанской науки, то могли-ли они остановиться предъ формою? Можно-ли было ожидать, чтобы люди, вышедшіе изъ языческихъ школъ, какъ неудовлетворенные содержаніемъ преподаваемаго въ нихъ, заявили протестъ противъ формы науки, противъ тѣхъ способовъ и пріемовъ отысканія истины, съ которыми сроднились, которые вошли въ плоть и кровь ихъ? Языческая наука не удовлетворяла уму и сердцу, и это отнюдь не было отнесено на счетъ ея формы. Послѣдняя сама по себѣ, безотносительно къ содержанію, не стоитъ въ логически-необходимой связи съ совершенствомъ знанія. Христіанскія истины облечены провозвѣстниками ихъ въ самую простую форму, но и въ этомъ видѣ являются совершеннѣйшими истинами. Языческая форма, по Клименту, не дѣлаетъ истины болѣе совершенною, но ограждаетъ отъ нападокъ, помогаетъ усвоенію ея и пр. Языческая ученость могла казаться христіанину пустою по содержанію, но за то владѣла совершенною формою, которая могла быть примѣнена съ пользою къ христіанству. Пересадить ее на христіанскую почву было дѣломъ нетруднымъ для такихъ видныхъ представителей учености, какъ Климентъ и Оригенъ, а по обстоятельствамъ того времени чрезвычайно важнымъ и необходимымъ. Мы уже указали на тѣ мотивы, которые выдвинули главнѣйшій предметъ христіанской школы на степень науки, гносиса, научной вѣры. Александрія была пріютомъ не-

оплатонизма. Зародившись, онъ здѣсь достигъ своего разцвѣта. Въ борьбѣ съ нимъ обнаруживается, развивается христіанская философія, построенная по образцу и не безъ примѣси идей Платона. Послѣдній царитъ въ Александрійской школѣ. Но общее направленіе философіи того времени, характеристическимъ признакомъ котораго является электизмъ, на ряду съ Платономъ дозволяло занять, правда, далеко неблестящее, но уже замѣтное мѣсто философіи Аристотеля. Климентъ самъ является проводникомъ идей Стагирита. Но при всемъ томъ въ александрійскомъ богословіи до временъ извѣстнаго Іоанна Филопона преобладаетъ Платонъ. — Не то мы видимъ въ Антіохіи. Первый предполагаемый основатель мѣстной богословской школы, Θеофилъ, былъ еще платоникомъ. Но уже въ лицѣ пресвитера Мальхіона является предъ нами искусный діалектикъ, поклонникъ философіи Аристотеля. Съ этихъ поръ послѣдній занимаетъ прочное положеніе въ христіанскомъ богословіи. Ученики Лукіана—аристотелики. Крайнее уваженіе къ доктринѣ перипатетическаго философа ведетъ къ заблужденіямъ въ области догматовъ вѣры. Не смотря однако на это, стремленіе поставить въ связь богословіе съ логикою Аристотеля не умаляется. Не говоримъ о школахъ несторіанскихъ, гдѣ доктрины Аристотеля гармонировали съ направленіемъ мысли въ области догматовъ, въ православныхъ восточныхъ школахъ не думаютъ порвать связь съ логикою названнаго философа. Жаркіе христологическіе споры усилили потребность въ діалектикѣ. Первая попытка связать богословіе съ логикою Аристотеля оказывается неудачною. Іоаннъ Филопонъ впадаетъ въ тритеизмъ и въ ученіи о Христѣ въ монофизитство. Это было неизбѣжно, если примѣнить безъ всякихъ передѣлокъ къ богословію принципы логики Аристотеля. Послѣдній не полагаетъ различія между субстанціей и ѵпостасью. То и другое равно субстанціи въ разныхъ видахъ. Ѵпостась для Аристотеля является оформленною субстанціей. Это πρώτη οὐσία. Субстанція сама въ себѣ, мыслимая только, есть δευτέρα οὐσία, но таже самая субстанція. Ясно, что съ точки зрѣнія Аристотеля три лица св. Троицы суть три субстанціи, и одна ѵпостась во Христѣ предполагаетъ въ Немъ одну природу, одну субстанцію. Неудачная и столь печальная для христіанскаго богослова попытка Филопона должна была всѣмъ открыть глаза, что Аристотель непримиримъ съ хри-

стіанской догматикой. Принципы его логики нужно было подвергнуть измѣненіямъ. Это дѣлаетъ уже неизвѣстный авторъ догматической панопліи. Два первые вопроса ея посвящены обоснованію логическихъ терминовъ и выясненію ихъ значенія. Въ отвѣтѣ на вопросъ „что есть ѵпостась“. Одно-ли и тоже она съ субстанціей, или нѣтъ? (Τί ἐστιν ὑπόστασις; καὶ εἰ ταυτή ἐστι τῇ οὐσίᾳ, ἢ οὔ;), авторъ старается показать различіе между субстанціей и ѵпостасію. Указавъ различныя опредѣленія ѵпостаси, онъ останавливается на одномъ, которому отдаетъ предпочтеніе предъ другими,—ѵпостась есть субстанція, надѣленная частными признаками [1]). Такой-то сынъ такого-то, имѣетъ широкій носъ, голубые глаза и т. п. Отнесите это къ субстанціи человѣка и получите ѵпостась Петра, Павла или другаго кого. Нѣкоторые ѵпостась называютъ индивидуумомъ и лицомъ. Противъ этого авторъ не споритъ. Для него важно было только установить различіе между субстанціей и ѵпостасью. Это послѣднее полагается въ томъ, что субстанціей называется общее, а ѵпостасью — частное. Субстанція есть родовое понятіе, а ѵпостась—видовое. Субстанція, раздѣленная по видамъ, можетъ образовать множество ѵпостасей или индивидуумовъ. Изъ одного является многое. И наоборотъ, если отбросить частные признаки индивидуумовъ и свести существенные къ одному виду, въ результатѣ получится субстанція [2]). Ѵпостась, слѣдовательно, можно назвать субстанціей только въ томъ случаѣ, если не будемъ мыслить частныхъ признаковъ ея, а субстанцію саму въ себѣ нельзя назвать ѵпостасію, потому что въ ней недостаетъ этихъ послѣднихъ [3]). Оправданіе своихъ мыслей авторъ ищетъ у Василія Великаго.—Въ отвѣтѣ на второй вопросъ: „что есть субстанція? Есть-ли различіе между субстанціей и природой?

---

[1]) ἄλλοι δὲ εἶπον αὐτὴν (т. е. ѵпостась) οὐσίαν μετὰ ἰδιωμάτων, καὶ καλῶς εἰρήκασι (n. 1).

[2]) ἡ μὲν οὐσία ἦγεν τὸ κοινον, τὴν καθόλα φύσιν σημαίνει· τὸ δὲ ἰδικὸν, ἦγεν ἡ ὑπόστασις, τὴν τινὰ οὐσίαν δηλοῖ μετὰ προσόντων αὐτῇ ἰδιωμάτων, τὴν αὐτὴν οὖσαν τῷ εἴδει, τὴν Παύλα ἢ Πετρου ἢ τινὸς τῶν καθ' ἕκαστα· καὶ οὐ μόνον κατὰ τοῦτο διαφέρει τῆς οὐσίας ἡ ὑπόστασις, ἀλλὰ καὶ κατὰ τὸν τρόπον τοῦτον εἰς τὸ εἶδος τεμνομένη, τοὐτέστιν ἡ ἀνθρωπίνη φύσις, ἦγεν ἡ οὐσία, καὶ προσλαμβάνουσα τὰς ἑκάστα τῆς συνδρομῆς ἰδιότητας, ἀποτελεῖ τὸ πλῆθος· τῶν ἀτόμων, ἦγεν ὑποστάσεων· καὶ ταύτῃ τὸ ἓν πολλὰ γίνεται.... οὐκ ἄρα ταυτὸν ἡ φύσις τῇ ὑποστάσει (n. 2, 598—9 p.).

[3]) Ibid.

авторъ отказывается дать опредѣленіе субстанціи, потому что это послѣднее выше силъ человѣческихъ. Отцы опредѣляютъ ее, какъ сущность саму въ себѣ, ни въ чемъ другомъ не нуждающуюся для своего бытія. Этимъ субстанція отличается отъ акциденцій. Но такое и другія опредѣленія субстанціи приложимы только по отношенію къ созданному существу, но не въ отношеніи къ Богу, существо Котораго непостижимо. Что касается природы, то языческая ученость различала божественную природу отъ субстанціи, но мы, говоритъ авторъ, слѣдуя богоноснымъ отцамъ, не полагаемъ различія между природою и субстанціей. Только въ наукѣ для ума, ищущаго познать какое либо различіе между ними, можно указать на то, что имя природы мы одинаково прилагаемъ къ субстанціямъ и къ ѵпостасямъ, а такъ же къ анъѵпостасямъ, т. е. несуществующему, имя же субстанціи—только энъѵпостасямъ. Субстанція существуетъ только сама въ себѣ, а природою можно назвать и субстанцію и только существующее въ субстанціи.

Для выясненія христологическаго вопроса автору казалось достаточнымъ опредѣленіе этихъ основныхъ терминовъ. Не имѣя въ виду болѣе частныхъ цѣлей, онъ игнорируетъ большую часть содержанія логики. Нѣчто другое имѣлъ въ виду Дамаскинъ. Желая дать школѣ обработанное руководство, святой отецъ не могъ оставить безъ вниманія и такихъ вопросовъ логики, которые непосредственно не относятся къ богословію. Но какъ и слѣдовало ожидать, ученіе о субстанціи, ѵпостаси, формѣ и др. понятіяхъ, столь важныхъ въ области богословія, должно было занять на долгое время нашего автора Для Дамаскина, какъ и для автора догматической панопліи, было весьма важно установить терминологію, опредѣлить значеніе субстанціи, ѵпостаси, природы, вида и пр. Само собою разумѣется, что слѣдовать вполнѣ Аристотелю онъ не могъ въ этомъ случаѣ. Гдѣ же было найти точку опоры? Дамаскинъ, подобно автору панопліи, постулируетъ къ отцамъ. Не могъ онъ и здѣсь обойтись безъ затрудненій. Въ патристической литературѣ не выработалось еще опредѣленнаго представленія о значеніи логическихъ терминовъ. Отцы часто пользуются послѣдними въ томъ значеніи, какое придавалъ имъ Аристотель. Отцы, напримѣръ, перваго вселенскаго собора не различали

еще ѵпостась отъ субстанціи [1]), хотя у позднѣйшихъ это выступаетъ ясно [2]). Дамаскинъ пользуется терминологіей, установившеюся во время несторіанскихъ споровъ. Въ опредѣленіи субстанціи и ѵпостаси онъ не отступаетъ строго отъ взглядовъ автора панопліи. Но въ отношеніи другихъ терминовъ у него замѣтны еще колебанія. Дамаскинъ сбивается иногда на древнія Аристотелевскія опредѣленія [3]). Такимъ образомъ только немногое изъ логики знаменитаго философа древности подвергается измѣненію. Конечно, въ лицѣ Іоанна Дамаскина мы не видимъ еще строгаго аристотелика. Излагая свою догматику словами отцовъ, изъ которыхъ очень многіе были поклонниками доктрины Платона, Дамаскинъ volens nolens близко стоитъ и къ послѣднему [4]). Платонъ и Аристотель идутъ еще у него рука объ руку, хотя со стороны формы нашему автору болѣе нравился Аристотель. Фотій является предъ нами болѣе рѣшительнымъ діалектикомъ, мало уважающимъ Платона.

Если на постановку богословія традиціи классическихъ школъ имѣли столь большое вліяніе на востокѣ, то это далеко не составляло исключительной особенности христіанскихъ школъ только одного востока. Западъ не остался безучастнымъ къ общему движенію въ пользу научной обработки богословія въ томъ же духѣ, въ какомъ это проявилось у восточныхъ авторовъ. Алкуинъ предпринимаетъ попытку построить богословіе въ связи съ діалектикою [5]). На сколько удачно выполнена Алкуиномъ попытка, увидимъ ниже.

---

[1]) Они запретили учить, что Сынъ изъ ничего или изъ другаго существа. (ἐξ ἑτέρας ὑποστάσεως ἢ οὐσίας).

[2]) Такъ Василій Великій и Григорій Богословъ уже различали οὐσίαν отъ ѵпостаси (см. panopliae dogmaticae quaest. I, n. 3 и Langen Joah. von Damascus. 49 S.).

[3]) См. выше опредѣленіе ἐνυπόστατον и ἀνυπόστατον.

[4]) Langen. Joannes von Damascus. 104—107 S.

[5]) Въ письмѣ къ Карлу Великому, посланномъ вмѣстѣ съ книгою de fide S. Trinitatis, Алкуинъ объясняетъ мотивы, по которымъ онъ предпринялъ. трудъ составленія учебника. Въ числѣ ихъ выставляетъ, ut mei nominis, quo a quibusdam magister vocor, officium ostenderem; nec non ut convincerem eos, qui minus utile existimabant, vestram nobilissimam intentionem dialecticae disciplinae discere velle rationes, quas, pater Augustinus in libris de Sancta Trinitate apprime necessarias esse putavit, dum profundissimas de Sancta Trinitate quaestiones, non nisi categoriarum subtilitate explanari posse probavit.... Haec omnia devota mentis acie considerans, tempore celeberrimi conventus.... non

Не одно только догматическое богословіе обработывается по принципамъ Аристотелевской логики, но и руководства по другимъ отраслямъ богословской науки. Мы уже видѣли, что institula regularia Павла перса, какъ учебникъ Низибійской школы, были обработаны по тому же методу. Можно думать, что и наша эпоха не упускала его изъ виду, гдѣ только являлась возможность излагать что-либо въ системѣ. Аристотель занялъ слишкомъ прочное положеніе въ школахъ. Наша эпоха была предвѣстницею того всеобщаго увлеченія философіей Стагирита, которымъ заявила себя схоластика.

Выше намъ приходилось кратко замѣтить о поразительномъ сходствѣ программы богословскихъ предметовъ для восточныхъ и западныхъ школъ времени Карла Великаго. Послѣ знакомства съ постановкою богословія въ тѣхъ и другихъ, можно отмѣтить черты сходства не только въ общей программѣ, но и въ детальномъ выполненіи ея, при сравнительно неважномъ различіи. Если мы обратимъ вниманіе на экзегесисъ восточныхъ и западныхъ школъ времени Карла, то въ ряду чертъ сходства можемъ отмѣтить слѣдующія: въ тѣхъ и другихъ школахъ практикуются совершенно одинаковые пріемы экзегесиса. Какъ для восточныхъ комментаторовъ, такъ равно и для западныхъ отцы прежней эпохи имѣютъ рѣшающее значеніе. Ни тамъ ни здѣсь не обнаруживается попытокъ къ самостоятельности. Комментаріи отцовъ были настольными книгами учителей и учениковъ въ восточныхъ и западныхъ школахъ. Но при сходствѣ въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить различія въ направленіи экзегесиса. Въ то время какъ въ восточныхъ школахъ преобладающимъ является антіохійское направленіе, западнымъ приходится болѣе по вкусу александрійское. Это явленіе вполнѣ объяснимо изъ обстоятельствъ того времени. Франкская церковь стояла въ оппозиціи къ восточной по вопросу о догматѣ седьмаго вселенскаго собора. Эта оппозиція, коснувшаяся одного пункта, могла отразиться незамѣтно и на другихъ. Отцамъ Франкфуртскаго собора кажется, что догматъ объ иконопочитаніи есть непосредственный результатъ грубаго, буквальнаго пониманія свящ. Писанія, мѣстами котораго отцы

---

ignava (ut reor) opum pondera in ratione catholicae fidei, vestrae excellentissimae auctoritati attuli.... (Migne. t. 101, 12 col.).

Никейскаго собора подкрѣпляли свои мысли. Боясь впасть въ мнимое заблужденіе и желая предохранить себя отъ опасности погрѣшить, франкскіе отцы предпочтительно рекомендуютъ таинственное, аллегорическое толкованіе Писанія. Можетъ быть не оставались безъ вліянія въ этомъ случаѣ труды западныхъ древнихъ комментаторовъ, предпочитавшихъ названный методъ буквальному.

Обращаясь къ догматикѣ, мы встрѣчаемъ въ восточныхъ и западныхъ школахъ стремленіе обработать руководства по научному методу. Принципы, опредѣлявшіе собою внутреннее содержаніе руководствъ, для тѣхъ и другихъ школъ совершенно одинаковы. Для Дамаскина и Алкуина свящ. Писаніе и Преданіе являются краеугольнымъ камнемъ, на которомъ созидается наука. Тотъ и другой не думаютъ отступать отъ правилъ вѣры, положенныхъ отцами. Какъ для Дамаскина, такъ и для Алкуина наилучшею формою догматики является форма изложенія ея по правиламъ діалектики. Вотъ черты сходства. Различіе нужно указать въ совершенствѣ выполненія предпринятаго труда. Въ то время, какъ Дамаскинъ обнаруживаетъ громадную начитанность въ патристической литературѣ, широкое знакомство съ авторитетами богословской мысли, Алкуинъ основывается на авторитетѣ одного Августина. Далѣе, Алкуинова догматика не исчерпываетъ всего того, что затронуто у Дамаскина. Если Алкуинъ имѣлъ въ виду поставить богословіе въ связь съ діалектикой, то этого явленія нужно было ожидать въ виду неполноты его руководства по логикѣ сравнительно съ обработкою ея подъ перомъ Дамаскина. Алкуинъ упустилъ изъ виду широкую постановку христологическаго вопроса и, думается, это было слѣдствіемъ того, что его діалектика не разъясняла основныхъ терминовъ логики, непосредственно относящихся къ вопросу о лицѣ Богочеловѣка. Неполнота и несовершенство учебника по богословію Алкуина по сравненію съ системою Дамаскина будетъ показана нами подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, при оцѣнкѣ сравнительнаго совершенства богословскаго образованія на востокѣ и на западѣ во времена Карла Великаго.

Что касается постановки другихъ отраслей богословской науки, то частнѣйшее указаніе сходства дѣлается невозможнымъ въ виду отсутствія учебниковъ въ восточныхъ школахъ

и для одного изъ предметовъ въ западныхъ. Въ общихъ чертахъ можно отмѣтить слѣдующіе пункты сходства: Имѣя въ виду приготовленіе достойныхъ пастырей церкви, школы вносятъ въ свою программу преподаваніе руководящихъ правилъ при выполненіи пастырскихъ обязанностей. Какъ на востокѣ, такъ и на западѣ были заняты мыслію не только о практическомъ подготовленіи священнослужителей, но и объ обоснованіи теоретической науки пастырскаго руководства. Слѣды существованія этого стремленія на востокѣ не могутъ подлежать сомнѣнію. Для западныхъ школъ мы имѣемъ доказательства относительно этого въ трудахъ Рабана Мавра. Единство стремленій должно было-бы сопровождаться сходствомъ въ средствахъ къ достиженію цѣли. Но мы сейчасъ увидимъ и громадное различіе въ этомъ отношеніи.

Немогущее подлежать никакому сомнѣнію сходство въ постановкѣ богословія въ восточныхъ и западныхъ школахъ времени Карла Великаго можетъ быть объяснимо не иначе, какъ изъ отношенія тѣхъ и другихъ къ христіанскимъ школамъ первыхъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ, востокъ не могъ ничего заимствовать у современнаго запада для своей школьной организаціи. Также мало могъ заимствовать во времена Карла западъ отъ востока. Греція въ глазахъ франковъ потеряла научный авторитетъ. Мнимая ересь, утвержденная на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, дѣлала подозрительною и всю греческую современную Карлу науку. Сношенія съ Византіей ничего не даютъ для заключенія о пересаживаніи на западъ школьныхъ порядковъ востока. Мы уже видѣли, что школа Карла обязана своею организаціей только энергической дѣятельности Алкуина. А этотъ послѣдній имѣлъ идеаломъ школы Англіи, устроенныя по образцамъ греческихъ школъ. Итакъ, восточныя и западныя школы времени Карла Великаго имѣютъ непосредственное отношеніе къ школамъ первыхъ вѣковъ христіанства. Послѣднія для первыхъ служатъ образцомъ. Но если всегда и вездѣ школа стремится удовлетворить нуждамъ и прямымъ запросамъ своего времени и если школы времени Карла Великаго преслѣдовали также эту послѣднюю цѣль, то ясно, что онѣ не могли копировать своихъ образцовъ до мельчайшихъ подробностей. Александрійская школа съ ея философски-христіанскимъ характеромъ была немыслима во времена Карла Великаго. Не

говоримъ уже о томъ, что она была непосильна для представителей богословской учености этой эпохи. Александрійская школа не могла существовать ни на востокѣ, ни на западѣ во времена Карла въ силу своего направленія, основнаго характера. Она могла-бы показаться слишкомъ подозрительною для людей, крѣпко державшихся за положительные принципы знанія, выработанные авторитетомъ великихъ представителей богословской мысли. Развѣ возможно было во времена Карла самостоятельное изслѣдованіе вопросовъ о вѣрѣ помимо этихъ авторитетовъ, чѣмъ такъ сильно заявила о себѣ Александрійская школа? Неблаговременна была для эпохи Карла и Антіохійская школа съ ея спеціальнымъ предметомъ. Конечно, и наша эпоха преслѣдовала научное изученіе Писанія, но она низвела экзегесисъ съ того пьедестала, на который онъ былъ поставленъ въ Антіохійской школѣ. Теперь было неудобно спеціальное изученіе одного предмета въ ущербъ другимъ. Мы уже говорили, что наша эпоха преслѣдуетъ многостороннее, но не спеціальное образованіе. Отсюда расширеніе числа предметовъ школьнаго преподаванія въ ущербъ внутреннему содержанію науки. Отсюда, при несомнѣнномъ сходствѣ, неизбѣжно различіе въ организаціи школьнаго богословскаго образованія. Черты сходства касаются слѣдующихъ пунктовъ: съ внѣшней стороны школы нашей эпохи организованы по образцу христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ. Это учебныя заведенія, съ спеціальною богословскою окраскою. Въ нихъ преподаются и свѣтскіе предметы, но на столько, на сколько это нужно для высшей цѣли образованія, на сколько они помогаютъ при изученіи богословія. Вся свѣтская наука введена въ программу школьнаго преподаванія подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей организаторовъ христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ. Далѣе, въ самой организаціи преподаванія богословія школы времени Карла Великаго по возможности стараются копировать школы первыхъ вѣковъ. Богословіе, по примѣру и образцу послѣднихъ, въ школахъ времени Карла на востокѣ и западѣ ставится высшимъ предметомъ школы. Оно мыслится, какъ необходимѣйшій предметъ образованія всѣхъ, какой бы родъ дѣятельности они ни избрали. Что касается частностей, то, какъ уже сказано, школа времени Карла не могла цѣликомъ копировать съ христіанскихъ школъ первыхъ вѣковъ по-

становку богословія. Эта послѣдняя являлась неблаговременною, несообразною съ нуждами и потребностями эпохи. Отсюда разности въ организаціи школьнаго преподаванія богословія. Въ школахъ времени Карла Великаго программа богословскихъ предметовъ съ внѣшней стороны является болѣе обширною. Если въ Александріи мы видѣли преподаваніе христіанской философіи въ связи съ экзегесисомъ, и въ Антіохійской только этотъ послѣдній, какъ спеціальный предметъ школы, то въ школахъ времени Карла Великаго преподается догматическое богословіе, толкованіе свящ. Писанія, пастырское руководство въ связи съ литургикою и каноническимъ правомъ, исторія и другіе предметы. Не думаемъ, чтобы древняя христіанская школа не знала названныхъ предметовъ школьнаго преподаванія, но въ ней они еще не успѣли выдѣлиться въ группу самостоятельныхъ, были поставлены въ служебное положеніе по отношенію къ спеціальнымъ предметамъ школьнаго преподаванія. Школа времени Карла Великаго выдвигаетъ различныя отрасли богословія на степень равноправныхъ, самостоятельныхъ предметовъ. Послѣднія получаютъ права существованія въ программѣ на ряду и подлѣ другъ друга. Это видная отличительная черта послѣднихъ школъ отъ христіанскихъ учебныхъ заведеній первыхъ вѣковъ. Другая касается внутренняго содержанія предметовъ программы. Наша эпоха живетъ наслѣдіемъ предковъ, но подвергаетъ это послѣднее переработкѣ въ смыслѣ сокращеній и болѣе стройной систематизаціи. Древняя христіанская школа, при замѣтномъ стремленіи къ совершенству формы, при видныхъ попыткахъ ея выполненія, не достигла желанныхъ результатовъ. Александрія низвела систему христіанской догматики на степень философской системы. Антіохія представила опытъ системы въ трудѣ Ѳеодорита, но опытъ далеко несовершенный, неполный. Наша эпоха выдвигаетъ систематизатора въ лицѣ Іоанна Дамаскина, трудъ котораго стоитъ по выполненію неизмѣримо выше подобныхъ же трудовъ древности. Не можетъ похвалиться такимъ совершенствомъ учебникъ догматики Алкуина, но и онъ представилъ въ своемъ родѣ видную попытку системы, нисколько не уступающую трудамъ древней эпохи. Въ этомъ заслуга школъ времени Карла Великаго по сравненію съ школами эпохи первыхъ вѣковъ христіанства. Вообще въ нашу эпоху стремленіе къ внѣш-

ней обработкѣ, формѣ, преобладаетъ надъ полнотою и глубиною внутренняго содержанія мысли. Богословамъ этого времени хочется знать только то, что уже выработано, рѣшено и запечатлѣно авторитетомъ непогрѣшимости въ видѣ соборныхъ опредѣленій, или авторитетомъ глубокаго богословскаго ума „богоносныхъ“ отцовъ, какъ говорили въ нашу эпоху, но знать это въ усовершенствованной формѣ, въ системѣ. Отсюда достоинства и недостатки богословскаго образованія во времена Карла Великаго по сравненію съ эпохою первыхъ вѣковъ. Богословъ нашей эпохи предполагалъ знать и изучить многое, изучить въ системѣ, съ одинаковымъ совершенствомъ. Это стремленіе къ универсальности въ области богословія отличаетъ богослововъ нашей эпохи отъ представителей богословской мысли первыхъ вѣковъ. Въ этомъ проявляется внѣшнее достоинство богословскаго образованія временъ Карла Великаго. Но это достоинство ведетъ за собою громадный недостатокъ, какъ свое неизбѣжное слѣдствіе. Область предметовъ богословія является слишкомъ обширною, непосильною для глубокаго изученія. Стремленіе знать многое разрѣшается de facto стремленіемъ изучить поверхностно, неглубоко, невсесторонне. Отсюда, о какой-либо самостоятельной разработкѣ вопросовъ не могло быть и рѣчи. Богословы нашей эпохи довольствуются готовымъ, напередъ рѣшеннымъ. Компиляція—отличительная особенность богослововъ временъ Карла. Компилируютъ во всѣхъ отрасляхъ богословія. Экзегесисъ рѣшительно покоится на трудахъ комментаторовъ золотаго періода христіанской письменности. Въ области догматическаго богословія авторы являются робкими, боязливыми при мысли о самостоятельности. Отсюда опять всерѣшающій авторитетъ отцовъ и обширная компиляція ихъ. Тоже и въ другихъ отрасляхъ богословской науки. Но такъ какъ христіанская письменность первыхъ вѣковъ была слишкомъ обширна и многостороння, изучить всю ее было только pium desiderium богослововъ нашей эпохи, то необходимо сокращеніе, выборъ болѣе важнаго, урѣзываніе и извлеченія изъ солидныхъ трудовъ древности. Въ этомъ случаѣ происходитъ по отношенію къ христіанскому письменному наслѣдію тоже самое, что мы видѣли въ свѣтскомъ образованіи по отношенію къ наслѣдію отъ классическихъ школъ. При широкой внѣшней программѣ богословскаго образованія, съ внутренней стороны

это послѣднее является сжатымъ, урѣзаннымъ, несамостоятельнымъ, заимствованнымъ изъ готоваго матеріала, безъ всякой его передѣлки со стороны внутренняго содержанія. Это громадный недостатокъ богословскаго образованія нашей эпохи. Ученые богословы ея являются предъ нами часто начитанными ходячими библіотеками, многосторонними писателями, но вездѣ и во всемъ обнаруживается въ нихъ указанный недостатокъ— отсутствіе самостоятельности, глубины мысли, наклонность къ безцеремонной компиляціи. Конечно, это явленіе для нашей эпохи имѣло свои достаточныя основанія, но мы теперь только констатируемъ фактъ, достаточно выяснивъ его причины выше.

Если обратить вниманіе на богословское образованіе востока и запада во времена Карла Великаго, то при сходствѣ въ направленіи, внѣшней программѣ, увидимъ различіе во внутреннемъ совершенствѣ. Востокъ и западъ временъ Карла равно пробавляются дорогимъ наслѣдіемъ предковъ. Но какое громадное различіе въ этомъ отношеніи между тѣмъ и другимъ! Въ то самое время, какъ востокъ располагаетъ богатою литературою восточныхъ, а отчасти и западныхъ отцовъ, западъ не имѣетъ возможности пользоваться большею частію цѣлой половины этого наслѣдія, половины безъ сомнѣнія болѣе ученой, капитальной, съ которою не можетъ стать въ параллель западная богословская литература ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Восточный богословъ обладалъ такимъ богатымъ запасомъ матеріала, что едва успѣлъ-бы перечитать его. Западный на перечетъ указываетъ главнѣйшихъ авторитетовъ богословской мысли, которыхъ онъ выписываетъ, на которыхъ онъ ссылается. Далѣе, между восточною и западною богословскою литературою есть громадное различіе въ содержаніи. Въ то самое время, какъ востокъ разработывалъ вопросы отвлеченнаго характера, изъ области высшихъ догматовъ вѣры, западъ чувствовалъ мало сравнительно охоты къ рѣшенію подобныхъ вопросовъ. Для него дороже была церковная дисциплина, вопросы непосредственно относящіеся къ церковному строю и всѣмъ внѣшнимъ порядкамъ. Отсюда, восточный богословъ временъ Карла Великаго поставленъ въ необходимость болѣе всего имѣть дѣло съ учеными трактатами теоретическаго характера, а западный—практическаго. Эти два обстоятельства вмѣстѣ взятыя налагаютъ свою печать на характеръ и уровень

богословскаго образованія востока и запада во времена Карла Великаго. Восточный богословъ является предъ нами болѣе богословомъ догматистомъ, а западный — практикомъ. Первый имѣетъ широкую начитанность въ произведеніяхъ теоретическаго характера, второй въ этомъ отношеніи знаетъ только авторитетъ Августина, которому во всемъ и подражаетъ. Восточный богословъ если не совсѣмъ игнорируетъ, то придаетъ гораздо меньше значенія широкой постановкѣ практически-церковныхъ вопросовъ, западный предпочитаетъ эти послѣдніе, развиваетъ, разработываетъ ихъ съ большею тщательностію и полнотою, какой только можно было ожидать отъ нашей эпохи. Какъ догматистъ, западный богословъ не можетъ стать въ параллель съ восточнымъ, но по вопросамъ о церковномъ строѣ, порядкахъ и дисциплинѣ онъ превзойдетъ послѣдняго. Лучшее доказательство этого мы имѣемъ въ школьныхъ руководствахъ. „Точное изложеніе православной вѣры“ Дамаскина было настольною книгою восточнаго богослова, а догматика Алкуина — западнаго. Первое можетъ служить показателемъ запаса богословскихъ знаній въ восточномъ богословѣ, вторая—въ западномъ. Какое громадное различіе въ суммѣ знанія, въ количествѣ предметовъ изученія и преподаванія школы! Алкуиново руководство не можетъ стать въ параллель съ догматикою Дамаскина со стороны содержанія. Первое далеко не исчерпываетъ всего того, что желательно отъ догматической системы. Правда, и догматика Дамаскина не представляетъ такого совершенства, чтобы не заставляла желать ничего лучшаго со стороны полноты и выполненія, но по сравненію съ руководствомъ Алкуина стоитъ неизмѣримо выше послѣдняго. Изъ выше изложеннаго содержанія догматическихъ системъ того и другаго автора мы можемъ видѣть, что Алкуинъ только затрогиваетъ то, что у Дамаскина рѣшается на основаніи глубокомысленныхъ соображеній великихъ авторитетовъ богословской мысли. Самый полнѣйшій трактатъ въ системѣ Алкуина, ученіе о Богѣ Троичномъ въ лицахъ, почти столь же полонъ и обстоятеленъ, какъ и въ системѣ Дамаскина. Но за то другіе не могутъ выдержать никакого сравненія. Ученіе о твореніи у Алкуина излагается мимоходомъ, тогда какъ у Дамаскина посвящена этому цѣлая книга съ такими подробностями, которыя являются, пожалуй, неумѣстными въ догматической системѣ. Христологи-

ческій вопросъ у Алкуина почти обойденъ молчаніемъ, тогда какъ Дамаскинъ изслѣдовалъ его со всею полнотою. Не говоримъ уже о многихъ частныхъ пунктахъ системы. Ясно, что догматика Алкуина могла удовлетворить только самый непытливый богословскій умъ, тогда какъ система Дамаскина была удовлетворительна не только для учениковъ высшихъ школъ, но и для ученыхъ богослововъ.

Уступая на столько востоку въ разработкѣ теоретическаго богословія, западъ превосходилъ его въ области практическихъ церковныхъ наукъ. Мы не имѣемъ руководствъ по этимъ предметамъ для восточныхъ школъ. Можно даже поставить вопросъ существовали-ли они. Сравнительная нелюбовь и отсутствіе расположенія къ вопросамъ, касающимся церковной практики, могли вести если не къ рѣшительному игнорированію со стороны восточнаго богослова этой отрасли богословской науки, то къ сравнительной неразвитости ея. Западъ имѣетъ и больше трудовъ и лучшую сравнительно постановку этого отдѣла богословія. Правда, западъ нейдетъ и въ этомъ отношеніи далѣе выработаннаго въ прежнюю эпоху, но у него завѣщанное наслѣдіе въ этомъ пунктѣ богаче и полнѣе по содержанію.—Вотъ черты сходства и различія въ богословскомъ образованіи востока и запада временъ Карла Великаго. Первый и послѣдній живутъ наслѣдіемъ предковъ. Тамъ и здѣсь замѣтенъ упадокъ богословскаго образованія. Наклонность къ безцеремонной компиляціи, сокращеніе завѣщанныхъ сокровищъ христіанской учености равно характеризуетъ востокъ и западъ. Но первый, при всемъ упадкѣ образованія и науки, является предъ нами съ болѣе широкими планами и идеалами богословскаго образованія, чѣмъ послѣдній. При всѣхъ невзгодахъ и крайне неблагопріятныхъ обстоятельствахъ для процвѣтанія науки, грекъ съумѣлъ сохранить въ себѣ и возвышенные порывы національнаго идеалистическаго духа, и горячія симпатіи къ теоретическому богословскому образованію. Гальскій западъ въ эпоху до Карла не развилъ у себя самостоятельной богословской науки. При всемъ желаніи и энергическихъ усиліяхъ великаго государя начала было зараждаться эта послѣдняя, но къ сожалѣнію въ одностороннемъ западномъ направленіи, которое въ скоромъ времени привело ее къ упадку. Широкая программа предметовъ богословія въ западныхъ школахъ не выполнялась, да и не могла

быть выполнена удовлетворительно. Не только свѣтская наука, но и богословіе находилось въ зачаточномъ состояніи въ школахъ Карла. Всѣ мѣры къ возвышенію богословскаго образованія, всѣ усилія Карла разбиваются о неподвижность, несочувствіе къ образованію высшихъ классовъ франкскаго общества. Въ своихъ стремленіяхъ Карлъ является одинокимъ. Дѣятельный его сотрудникъ, Алкуинъ, сочувствуетъ болѣе тенденціямъ духовенства, пропитаннаго идеею образованія въ духѣ узкой церковности, строгаго клерикализма. Въ то самое время, какъ Карлъ выступаетъ съ своими идеями о національной наукѣ, о національномъ образованіи, Алкуинъ отстаиваетъ теорію научнаго господства іерархіи. Два принципа образованія должны были столкнуться, и одному изъ нихъ приходилось уступить свое мѣсто другому. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы напередъ сказать, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, какой изъ двухъ принциповъ получитъ преобладающее значеніе. На сторонѣ Алкуина было сочувствіе всей іерархіи, и его теорія образованія получила преобладающее значеніе. Но эта теорія была рѣшительнымъ тормазомъ всякаго развитія науки. Послѣдняя въ рукахъ Алкуина не только появляется, но и на все время остается пересадною. Во Франкской монархіи не нашлось для нея плодоносной почвы. Наукою занимаются только избранные. Какъ неудовлетворявшая нуждамъ народа, она мало интересуетъ общество и не находитъ въ немъ никакой поддержки. Только желѣзная воля Карла и энергическая дѣятельность Алкуина на время поддерживаютъ знаніе и науку. Но лишь только сходятъ со сцены эти послѣдніе, какъ начинаютъ обнаруживаться симптомы недалекаго въ будущемъ упадка образованія и богословской науки. И это явленіе вполнѣ объяснимо изъ внутренней организаціи школы, въ которой недоставало жизненныхъ элементовъ, гдѣ все образованіе созидалось по рамкѣ постороннихъ для школы идеаловъ. Школа времени Карла Великаго преслѣдовала не научные интересы, а постороннія цѣли. Отсюда, наукѣ и ея развитію положенъ былъ предѣлъ, далѣе котораго она не могла двинуться. Это рѣшительно задерживаетъ не только свѣтское, но и богословское образованіе. Послѣднее ставится по мѣркѣ идеаловъ образованія, составленныхъ горячимъ поборникомъ не науки самой въ себѣ, но постороннихъ іерархическихъ тенденцій. Отсутствіе

подобныхъ идеаловъ образованія на востокѣ производитъ то, что при всѣхъ неблагопріятныхъ для развитія науки условіяхъ, грекъ болѣе интересуется наукою, чѣмъ франкъ. Для перваго являются излишними тѣ внѣшніе стимулы, которые, побуждая послѣдняго къ научному образованію, все же не приводятъ къ желаннымъ результатамъ. Подвижная, идеалистическая натура грека не переставала чувствовать нужду въ образованіи и интересъ къ наукѣ помимо мысли объ удовлетвореніи нуждъ и запросовъ времени, а франка едва можетъ заставить заниматься наукою этотъ послѣдній разсчетъ. Понятно, что тамъ, гдѣ занимаются наукою по любви къ ней, безъ крайне узкихъ утилитарныхъ цѣлей, тамъ возможенъ прогрессъ, усовершенствованіе ея. Постороннія цѣли, на служеніе которымъ отводится наука, не даютъ жизни послѣдней. Она увядаетъ и энергическія мѣры едва въ состояніи поддержать ее. Удивительно, что въ современной Карлу Греціи преслѣдуютъ богословскую науку, но она находитъ пріютъ въ отдаленныхъ уголкахъ, въ стѣнахъ монастырей и если не процвѣтаетъ, то и не обнаруживаетъ признаковъ близкой смерти. На западѣ поощряютъ научныя занятія богословіемъ, принуждаютъ заниматься имъ и императорскіе рескрипты и пастырскія посланія, и оно однако не можетъ подняться до высоты уровня современной Карлу греческой богословской науки. Чѣмъ объяснить это? Затрудненія и тѣ преграды, которыя заключались для запада въ крайнемъ упадкѣ образованія предшествующей Карлу эпохи, едва ли можно поставить въ параллель съ тормазами науки, явившимися въ лицѣ греческихъ иконоборцевъ. Если первыя могли оказывать неблагопріятное вліяніе на развитіе науки, то послѣдніе были направлены къ подавленію ея. Нѣтъ, не слѣпой рокъ и не внѣшнія обстоятельства, а внутренняя организація школъ задерживала развитіе богословія въ западныхъ школахъ времени Карла Великаго.

